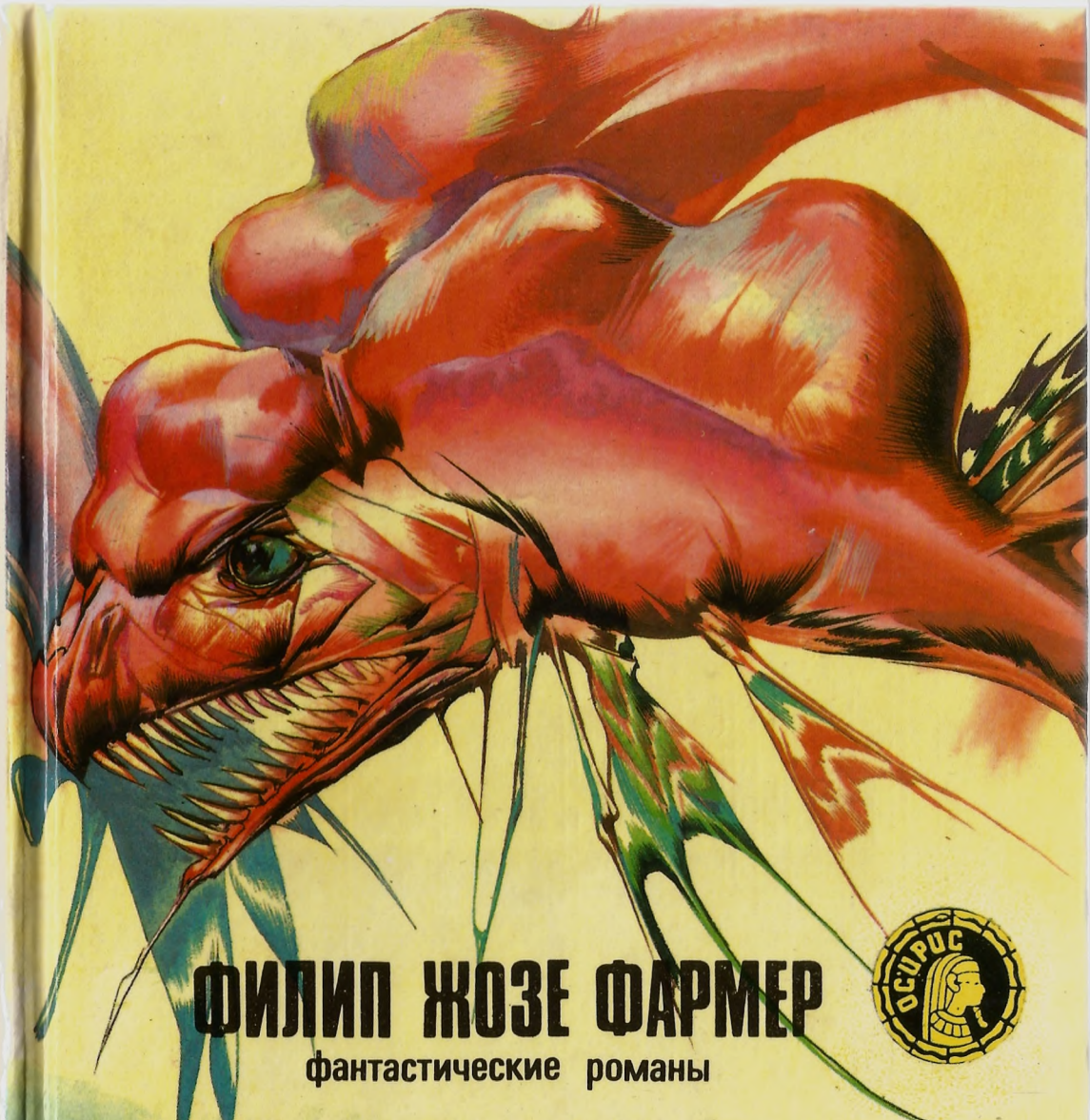

ФИЛИП ЖОЗЕ ФАРМЕР   ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИСМАЭЛЯ

19

ФИЛИП ЖОЗЕ ФАРМЕР

фантастические романы

ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИСМАЭЛЯ

ФИЛИП ЖОЗЕ ФАРМЕР

ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИСМАЗЛЯ

фантастические романы

Москва
Центрполиграф
1992

ББК 84.7 (США)

Ф24

Серия «Осирис» выпускается с 1992 года

Выпуск 19

Художник А. Б. Державин

Фармер Ф. Ж.

Ф24   Плоть. Аллея бога. Ночь света. Летающие киты Исмаэля.— Фантастические романы, рассказы.— Пер. с англ.— «Осирис».— М.: Центрполиграф, 1992.—587 с.
ISBN 5-7001-0004-5

Следует сразу предупредить читателя: Филип Жозе Фармер — писатель необычный. Многие его произведения (в том числе и представленные в этой книге) — это загадочные эротические фантазии, способные шокировать, вызвать ужас и недоумение.

Выбирая темы для своих произведений, писатель зачастую обращается к мифам и преданиям древности, к священным текстам разных религий. Американские критики называют Ф. Ж. Фармера «фантастом для фантастов». В наших условиях это скорее — фантаст для искушенных знатоков фантастики, которым успели надоесть клише и штампы этой литературы.

ISBN 5-7001-0004-5

ББК 84.4 (США)

© Состав и художественное оформление
торгово-издательское объединение
«Центрполиграф», 1992

ПЛОТЬ

роман

ПРОЛОГ

Оживленные толпы стекались к Белому Дому. Отовсюду неслись смех, рев мужчин, пронзительные выкрики женщин. Недоставало лишь звонких ребячьих голосов: дети остались дома под присмотром старших, но еще не достигших зрелости, братьев и сестер. Им не подобало видеть то, что произойдет вечером. Да и не понять детям смысла этой церемонии, одной из самых священных среди устраиваемых в честь Великой Седой Матери.

К тому же им было бы и небезопасно присутствовать здесь. Несколько столетиями ранее, а сейчас шел по старому стилю 2860 год, когда впервые проводились подобные торжества, детям разрешалось бывать на них, но было много случаев, когда толпа, безумствуя, разрывала их на части.

Сегодняшний вечер таил немало опасностей и для взрослых. Бывали нередкими случаи, когда калечили и убивали женщин. Мужчины тоже становились жертвами длинных женских ногтей и острых зубов. Одержимые с корнем отрывали то, что делало мужчин мужчинами, и, иступленно крича, носились по улицам, высоко подняв или держа в зубах свои трофеи, а после возлагали их на алтарь Великой Седой Матери в Храме Матери-Земли.

На следующей неделе, в пятницу, во время молений, одетые во все белое Глашатаи Матери, жрецы и жрицы, упрекнув оставшихся в живых в том, что они слишком далеко заходят в своем рвении. Однако суровыми словами все и ограничится. Разве можно всерьез наказывать тех, кто столь искренне одержим Богиней? Разве жрецы не ожидали этого? Разве не бывает так каждую ночь, когда рождается Герой — Солнце, Король — Олень? Глашатаи прекрасно понимали, что нужно просто успокоить народ, чтобы он мог вернуться к своим повседневным делам. Народ должен слушать, молиться и забывать. И дожидаться следующего праздника.

Да и жертвам не на что жаловаться. Их торжественно похоронят в святилище, над ними произнесут молитвы и принесут

в жертву оленя. Души убитых напьются крови и трижды прославленные будут пребывать в вечном блаженстве.

Багровое солнце скользнуло за горизонт, шелестя черными холодными крыльями, пришла ночь. Толпа немного притихла, когда вдоль Пенсильванского авеню начали выстраиваться представители великих братств. Между главами братств Лося и Изюбра разгорелся ожесточенный спор, кому возглавить процессию. Ведь оба гордо носят рога, как и сам Герой — Солнце!

Раскрасневшийся Джон — Ячменное Зерно, затянутый в традиционное зеленое облачение, попытался уладить спор. Как обычно, он так хватил за ночь, что ему было все равно, что и как говорить. Несколько бессвязных фраз еще больше распалили спорщиков. Они тоже были изрядно пьяны и дошли до того, что схватились за ножи, не заботясь о последствиях.

Одно из отделений Почетной Стражи оставило свой пост, чтобы прекратить ссору. С крыльца Белого Дома сошли несколько девушек, сверкая остроконечными шлемами в свете факелов. У них были блестящие светлые одежды и длинные, до талии, волосы. В одной руке у каждой был лук, в другой — по стреле. В отличие от других девственников города Вашингтон у них была обнажена только одна грудь, левая. Одежда скрывала другую, вернее ее отсутствие. По традиции, лучницы Белого Дома добровольно разрешали удалить одну грудь, ради удобства при стрельбе. Отсутствие одной груди ничуть не препятствовало удачному замужеству по окончании службы. Они сделают свой выбор после того, как сегодня ночью Герой — Солнце оплодотворит их божественным семенем. И мужья-избранники будут гордиться тем, что их жены — бывшие почетные Стражницы с одной грудью.

Командир девушек без обиняков осведомилась о причине спора. Выслушав спорщиков, она заметила:

— Впервые все так скверно подготовлено. Видимо, нам нужен новый Джон — Ячменное Зерно.

Острием стрелы она указала на главу братства Лося:

— Ты возглавишь процессию. Твои братья удостоены чести нести Героя — Солнце.

Старейшина братства Изюбра запротестовал — то ли из смелости, то ли по глупости:

— Я всю прошлую ночь пропьянствовал с Ячменным Зерном, и он лично обещал мне, что этой чести удостоятся Изюбри. Я требую объяснения, почему вместо нас избраны Лоси?

Командир бесстрастно взглянула на него и наложила стрелу на тетиву. Однако она была достаточно искушена в политике, чтобы стрелять в кого-либо из могучего братства Изюбра.

— В эту ночь Джона — Ячменное Зерно воодушевляло, видно,

что-то другое, а не дух Великой Богини. То, что Лоси будут сопровождать Героя — Солнце по пути в Капитолий, было решено недавно. Как зовут Героя — Солнце? Стэгг. А как с незапамятных времен называют самца лоса? Стэгг. И притом только лоса. Самца изюбря всегда звали просто быком.

— Да, все так, — согласился глава Изюбрей, побледнев при виде стрелы. — Мне не нужно было слушать Джона. Но по традиции очередь была наша. В прошлом году была очередь Львов, в позапрошлом — Баранов. Следующими должны были быть мы.

— Так бы и случилось, если бы не это.

И она указала в направлении Пенсильванской авеню.

В шести километрах от Белого Дома проспект упирался в гигантское здание бейсбольного стадиона. Но еще выше подымалась в небо сверкающая игла корабля, который Земля не видела семьсот шестьдесят лет. Всего лишь месяц назад, в конце ноября, он с грохотом и пламенем опустился с неба и приземлился в центре игрового поля.

— Ты права, — кивнул глава Изюбрей. — Никогда прежде Герой — Солнце не спускался к нам с небес, как посланник самой Великой Седой Матери. Она, разумеется, сама дала понять, какое из братств удостоится высокой чести, дав ему имя Стэгг.

Как только Изюбрь со своими людьми отошел от ступеней Белого Дома, из Капитолия донесся крик, хорошо слышимый за шесть кварталов, разделяющих два священных места. Толпа, будто парализованная, притихла, мужчины побледнели, глаза женщин загорелись нетерпеливым предвкушением. Некоторые упали на землю, корчась и издавая стоны. Вновь раздался вопль, и всем стало ясно, что это кричат молодые девушки, сбегая вниз по ступеням Конгресса.

Это были жрицы, недавние выпускницы семинарии в Васаре. На них колыхались высокие конические шляпы с узкими полями, распущенные волосы свисали к бедрам, груди были обнажены, как и у других девственниц, лишь через пять лет служения смогут они прикрыть грудь, как подобает матронам. Не им этой ночью предназначалось семя Героя — Солнце, их участие сводилось к прологу торжества. Белые переливающиеся юбки в виде колокола чуть приоткрывали множество нижних юбок. Некоторые из них опоясались живыми светящимися гремучими змеями, у остальных гремучие змеи обвивали шею и плечи. В руках они держали трехметровые плети из змеиной кожи.

Зазвучала барабанная дробь, пропели фанфары, зазвенели цимбалы, пронзительно взвизгнули флейты.

Дико крича и безумно вращая глазами, молодые жрицы по-

бежали по Пенсильванской авеню, расчищая путь кнутами. Вот они уже у решетки, окружающей двор Белого Дома. Последовала короткая притворная схватка. Почетная Стража только делала вид, что противится вторжению. Однако схватка эта была далеко не безобидной, так как и лучницы, и молодые жрицы имели заслуженную репутацию норовистых сучек. Они таскали друг друга за волосы, царапали и выкручивали обнаженные груди. Жрицы постарше, время от времени, ударами своих плеток по голым спинам остужали пыл не в меру разошедшихся. От ударов девушки с визгом отскакивали в разные стороны и продолжали схватку уже с меньшим рвением, уразумев ее символический смысл.

Многие жрицы вытаскивали из-за пояса маленькие золотые серпы и угрожающе размахивали ими, что также было частью ритуала. Внезапно, с преднамеренно обставленной торжественностью, в дверях Белого Дома показался Джон — Ячменное Зерно. В руке он держал полупустую бутылку виски. Не было сомнения куда девалось ее содержимое. Пошатываясь, Джон наощупь нашел свисток, висевший на шнурке вокруг шеи, вложил его в рот и пронзительно свистнул.

Сейчас же ему ответил вопль собравшихся на улице Лосей. Многие из них прорвали стражу и стали взбираться на крыльцо. Вся одежда Лосей — миниатюрные, торчащие в разные стороны рога, накидка, пояса, с которых свешивались оленьи хвосты, штаны в виде двух вздувшихся фаллосов — была изготовлена из оленьих шкур. Даже походка их, вприпрыжку на кончиках пальцев, напоминала бег оленей. Они угрожающе размахивали руками в сторону жриц; те, как бы испугавшись, отпрянули в сторону, открыв перед Лосями проход в Белый Дом.

Здесь, внутри огромного вестибюля, Джон — Ячменное Зерно еще раз свистнул и начал выстраивать их в соответствии с положением в братстве, а затем нетвердой походкой стал подниматься по широкой лестнице на второй этаж.

Однако он опростоволосился, потеряв равновесие и упав вниз, прямо на руки следовавшего за ним главы Лосей. Тот поймал его и отпихнул в сторону. При обычных обстоятельствах он бы не отважился так бесцеремонно обходиться со Спикером Дома, но то, что Джон совсем потерял форму, придало ему смелости.

Шатаясь, Джон — Ячменное Зерно привалился к перилам, затем перегнулся через них и упал головой вниз на мраморный пол приемной. Шея его торчала под необычным углом к туловищу, он не шевелился. К нему быстро подскочила молоденькая жрица, заглянула в остекленные глаза, прощупала пульс, а затем вытащила золотой серп.

Тотчас же по ее голым плечам и груди хлестнула плеть, оставляя за собой сочащийся кровью след.

— Что ты затеваешь? — закричала пожилая жрица.

Молодая жрица раболепно припала к земле, отвернув голову в сторону, но не смея поднять руки, чтобы защититься от плети.

— Я хотела воспользоваться своим правом, — захныкала дева. — Великий Джон — Ячменное Зерно мертв. Я — воплощение Великой Седой Матери, я хотела пожать урожай.

— Я бы тебя не остановила, — сказала старшая жрица. — Оскопить его — твое право, если бы не одно обстоятельство: он умер случайно, а не во время Ритуала Посева. Ты знаешь это.

— Да простит меня Колумбия! — пролепетала жрица. — Я не могла удержаться. Сегодняшняя ночь — наступление зрелости Сына, коронование Рогатого Короля, лишение девственности девушек...

Суровое лицо пожилой жрицы расплылось в улыбке.

— Да простит тебя Колумбия! В воздухе впрямь что-то такое, что лишает нас рассудка. Это божественное присутствие Великой Седой Матери в образе Виргинии, невесты Героя — Солнце и Великого Стэгга. Я ощущаю ее присутствие. Она с нами...

В этот момент раздался рев на втором этаже. Обе женщины взглянули вверх. Вниз по ступеням спускалась толпа Лосей, водрузив на свои плечи Героя — Солнце.

На Герое — Солнце не было никакой одежды. Он был великолепно сложен и, несомненно, очень высок. Выпуклые надбровные дуги, длинный прямой нос и массивный подбородок сделали бы честь любому чемпиону-тяжеловесу. Но в этот момент все, что можно было бы описать такими словами как "красивый" или "уродливый", исчезло с его лица. Его можно было бы определить как "одержимое". Именно такое слово употребил бы любой из жителей города Вашингтон, столицы народа Ди-Си*. Его длинные огненно-золотистые волосы спадали на широкие плечи. Из волнистой копны волос прямо надо лбом возвышалась пара рогов. И это были не искусственные рога, которые одевали себе на головы мужчины из братства Лося. Они были живыми, имплантированными в череп Героя — Солнце.

Рога возвышались на 30 см над головой, а между наружными концами их было добрых полметра. Они были покрыты бледной лоснящейся кожей, пронизанной синими жилками кровеносных сосудов. У основания каждого рога пульсировала мощная арте-

---

* Ди-Си — Д. С., почтовый индекс, составленный из инициалов названия "Д. С.". Так в современных США называется округ Колумбия, куда входит г. Вашингтон с прилегающей территорией. Он не входит ни в один из 50 штатов. (прим. перев.)

рия в такт с сердцебиением Героя — Солнце. Очевидно, их пересадили на голову человека совсем недавно. У основания рогов еще была запекшаяся кровь.

Лицо человека с рогами резко выделялось среди лиц жителей Ди-Си. И лица Лосей, и лица жриц — все они отличались друг от друга, но имели нечто общее, что говорило об их принадлежности своей эпохе и что можно было бы назвать оленьим выражением. Треугольные контуры, большие темные глаза, высокие скулы, маленький, но мясистый рот, тонкая шея — все эти отдельные черты свидетельствовали о том, что они сформированы своим своеобразным временем, на всех них прослеживался отпечаток сходства с животным — основой материального благополучия людей, живших в это время. От зоркого наблюдателя не ускользнуло бы, что человек, восседавший на плечах людей-оленей, человек с лицом, лишенным печати интеллекта, принадлежит более ранней эпохе. Как знаток портретов разных эпох мог бы отличить друг от друга лица античной эпохи, лица веков Возрождения, или мог бы сказать: "Этот человек жил в начале индустриальной эры", так этот же ученый сказал бы сейчас: "Этот человек родился, когда Земля кишела людьми. Есть что-то от насекомых в выражении его лица. Хотя имеется и небольшое отличие. Оно отражает неповторимость того времени — когда людям удавалось сохранять индивидуальность в человеческом муравейнике".

И вот толпа вынесла человека с рогами на гигантское крыльцо Белого Дома. Появление его вызвало взрыв криков в толпе на улице. Снова загрели барабаны, пронзительно взвыли флейты, будто трубы Гавриила в судный день зазвенели горны. Жрицы на крыльце размахивали своими серпами прямо перед носом мужчин, изображавших оленей, но поранить их могли разве что случайно. Лоси, стоявшие поближе, легонько подталкивали жриц, и те, качаясь, падали на спину, да так и оставались лежать, задрав ноги кверху, вопя и извиваясь.

Героя — Солнце пронесли через железные ворота на середину Пенсильванской авеню и посадили на спину большого черного лося с обезумевшими глазами. Животное пыталось сбросить седока, но толпа крепко держала его за рога, хватала за длинные космы, свисавшие с боков и не пускала броситься вскачь по улице. Чтобы удержаться на спине лося, Герой — Солнце вцепился в концы его рогов. Спина человека выгнулась дугой. Лось дико мычал, фыркал, хрипел, безумием сверкали в свете факелов белки его глаз. В последний момент, когда уже казалось, что шея его сломается под напором вздувшихся мышц человека, зверь расслабился и стал мелко дрожать. Из рта его капала слюна, в глазах появился страх. Наездник стал его повелителем.

Представители братства Лося построились позади наездника по 12 человек в ряд. За ними пристроился оркестр, все музыканты также принадлежали к этому братству. Еще дальше расположились Изюбры со своими музыкантами, за ними группа Львов в шлемах в виде черепов пантер и в плащах из шкур пантер. Длинные когти хищников волочились по мостовой. В руках Львов были веревки, прикрепленные к воздушному шару, поднявшемуся на четыре метра над их головами. Баллон был в форме сосиски с выпуклой красной оконечностью. В каждой из двух гондол сидели беременные женщины и разбрасывали цветы и зерна риса на толпы, окаймлявшие улицу. Еще дальше находились представители братства Петуха со своим тотемом, представлявшим из себя высоченную жердь с насаженной на нее огромной петушиной головой с высоким красным гребнем и длинным прямым клювом, заканчивавшимся шишковатым наростом.

Позади них расположились предводители остальных братств: Слонов, Мулов, Зайцев, Лосей, Козлов и многих других. Наконец, в самых задних рядах — представительницы великих женских сообществ: Диких Кошек, Оленьих, Пчел, Львиц, Ласточек. Вся процессия тронулась с места и начала постепенно продвигаться по Пенсильванскому авеню в направлении Капитолия.

Герой — Солнце не обращал внимания на шествующих следом. Взор его был устремлен на улицу, по обеим сторонам которой толпились жители Ди-Си. Они собрались здесь вовсе не случайно. Поближе к мостовой стояли девушки от 14 до 18 лет в блузках с высоким воротником и длинными рукавами. Широкий разрез впереди обнажал их грудь, ноги же скрывались под длинными белыми колоколообразными юбками со множеством нижних юбок. Ногти на ногах, обутых в белые сандалии, были выкрашены в красный цвет. Длинные волосы девушек не были подвязаны и спадали к талии. У каждой в руках — букет белых роз. Все они были крайне возбуждены и непрерывно кричали:

- Рогатый Король!
- Могучий Самец!
- Великий Сын и Любовник!

Матроны, стоящие за девушками, давали дочерям советы. На них были такие же блузы с высокими воротниками и длинными рукавами, как и у дочерей, но прикрывающие груди. Под верхней частью юбок топорщились турнюры, придавая им вид беременных. Из пышных причесок торчали красные розы — по одной на каждого ребенка.

Еще дальше, за матронами, стояли отцы девушек, облаченные в одежды своего братства. В одной руке каждый держал свой

тотем, в другой — бутылку, к которой частенько прикладывался, время от времени передавая своей жене.

Все шумели и кричали, напирая вперед. Казалось, толпа вот-вот запрудит улицу и закроет проход. Предупреждая давку, почетная стража и выпускницы Вассара срочно выстроились впереди наездника и стали наконечниками стрел и плетью сдерживать зрителей. Больше всех доставалось девственницам в первом ряду, но они при каждом ударе восторженно взвизгивали, как будто им нравился запах и вид собственной крови.

Внезапно наступила тишина. В дверях Белого Дома появились девушки, несшие на своих плечах трон, в котором покоилось тело Джона — Ячменное Зерно. Все они принадлежали к женскому сообществу Кукурузы и были одеты в традиционные одежды: длинные суконные платья и высокие желтые шляпы в виде кукурузного початка. Они несли единственного мужчину — члена своей общины. Мертвого... Толпа, впрочем, не догадывалась об этом, так как при виде его неподвижного тела раздался дружный хохот. В таком бессознательном состоянии ему уже не раз доводилось показываться народу, девушки же никому не сообщили о случившемся. Они заняли положенное им место сразу же за стражей и жрицами, чуть впереди Героя — Солнце.

Вновь раздалась барабанная дробь, взвыли трубы и флейты, еще громче стали крики мужчин и женщин.

Лось испуганно рванулся вперед. Человек у него на спине с трудом удержал равновесие, едва не свалившись в объятия девушек-подростков, выстроившихся вдоль прохода. Они выкрикивали такие советы, от которых мог бы покраснеть бывалый матрос. Наездник отвечал в таком же духе. Лицо его, еще на ступенях Белого Дома потерявшее интеллект, теперь стало демоническим. Он изо всех сил рвался к девушкам, и когда Лоси выталкивали его назад, на спину зверя, не церемонясь пускал в ход свои железные кулаки. Несколько Лосей рухнули, алея разбитыми лицами и были затоптаны своими же собратьями. Их место тут же заняли другие, удерживая Героя — Солнце на спине животного.

— Держись, Великий Стэгг! — кричали они. — Потерпи до Капитолия! Там мы тебя отпустим, и ты сможешь делать все, что тебе угодно! Там ждет тебя Верховная Жрица Виргиния — воплощение в образе девушки самой Великой Седой Матери! И там ждут тебя самые красивые девственницы Вашингтона, нежные, томные, преисполненные духа Колумбии и ее дочери Америки! Ждут, чтобы наполниться божественным семенем Сына!

Человек с рогами вряд ли слышал и понимал их, частично

из-за того, что его родной язык, хоть и английский, существенно отличался от их языка, но главным образом из-за того, что был одержим, не принадлежал самому себе. Он был глух ко всему, кроме кипения собственной крови.

Процессия старалась идти медленно, но по мере приближения к месту назначения, ход ее все более ускорялся, возможно из-за угроз девушек разорвать Лосей на части, если они будут медлить. Все больше крови лилось под бичами и стрелами. Несмотря на это, девушки то и дело вливались в процессию. Одна из них умудрилась выпрыгнуть прямо на плечи Лосей, державших Героя — Солнце на спине оленя. Ее страхнули на землю, содрали одежду, тело ее мгновенно покрылось кровавыми пятнами. Один из мужчин попытался даже предвосхитить Героя — Солнце, но за такое святотатство ему разбили голову, девушку же отшвырнули в задние ряды зрителей.

— Жди своей очереди, красотка, — кричали Лоси, смеясь. — Если на тебя не хватит Большого Стэгга, маленькие утешат тебя чуть позже, малышка.

Когда процессия достигла подножия лестницы Капитолия, вновь возникла короткая свалка между девушками и отталкивавшими их жрицами и лучниками. Лоси сняли Героя — Солнце со зверя и понесли вверх по ступеням.

— Еще минуту, Великий Самец, — кричали они. — Потерпи, пока не поднимемся наверх. А там мы отпустим тебя.

Герой — Солнце иступленно взревел, но позволил нести себя. Он, не отрывая глаз, смотрел на статую Великой Седой Матери, установленную на верхней площадке лестницы у входа в здание. Высеченная из мрамора, она имела 15 метров в высоту. Великая Седая Мать кормила своего Сына из огромной груди, ногою же попирала бородатого дракона.

Толпа взорвалась неистовым криком.

— Виргиния! Виргиния!

Из-за колонн на огромный балкон, опоясывавший Капитолий, вышла Верховная Жрица.

Свет факелов заливал ее обнаженные плечи и грудь. На этом светлом фоне еще более темными казались золотисто-медовые волосы, спадавшие до лодыжек, загадочная темнота окружала алый, как свежая рана, рот ее, черными углями сверкали темно-синие при дневном свете глаза.

Герой — Солнце взревел, словно самец, учуявший самку во время гона. Он закричал:

— Виргиния! Больше ты уже не оттолкнешь меня! Ничто не остановит меня сейчас.

Темный рот открылся как распустившийся бутон, в свете факелов сверкнули белоснежные зубы. Длинная стройная рука

простерлась к нему. Стэгг вырвался из цепляющихся за него рук и побежал вверх по ступеням. Он не обращал внимания ни на громовое крещендо музыки, ни на вторившие высоким нотам флейт похотливые крики девушек. Он не видел того, что бывшие его телохранители — Лоси сейчас изо всех сил боролись за свою жизнь, вырываясь из острых ногтей девственников, рвущих их на части. Он не видел как смешались в одну кучу с упавшими на пол мужчинами белые юбки и кофты, сброшенные девушками, взбирающимися вверх по ступеням.

Лишь одно заставило остановиться его на мгновение — неожиданное появление девушки в стальной клетке, установленной у подножия статуи Великой Матери. Она была также молда, но одета совсем иначе: шапка с длинным козырьком, как у игроков в бейсбол, свободная рубаша с какими-то нашивками, широкие штаны до лодыжек и толстые чулки с туфлями на толстой подошве.

Над клеткой — большая надпись на языке Ди-Си:

ДЕВА, пойманная при набеге на Кэйсиленд.

Девушка бросила на него всего один преисполненный ужаса взгляд и отвернулась.

Недоумение исчезло с его лица, и Герой — Солнце бросился к Верховной Жрице, встретившей его простертыми руками, как бы благославляя. Она изогнула спину назад и широко раскрыла бедра, давая ясно понять, что долгое ожидание закончилось — она не будет противиться.

Он закричал так, будто крик шел из самых глубин его нутра, схватил ее за одежды и потянул к себе.

Такой же безумный крик исторгся из тысяч глоток за ним и, окруженный со всех сторон плотью, он исчез из виду собравшихся у подножия лестницы отцов и матерей прорвавшихся наверх девушек.

I

Звездолет совершал вокруг Земли один виток за другим.

Капитан Питер Стэгг оторвался от смотрового экрана.

— Земля сильно изменилась за 800 лет, не правда ли? Как объяснить то, что мы видим?

Доктор Кальторп почесал длинную седую бороду и повернул маховичок на панели под экраном. Поля, реки, леса приблизились и исчезли. Теперь телескоп показывал город по обеим

сторонам реки, некогда называвшейся Потомак. Совсем небольшой, никак не более 10 квадратных миль.

Он был виден настолько отчетливо, словно корабль кружил не выше сотни метров над Землей.

— Что я думаю об этом? — переспросил Кальторп.

— Твои предположения могут быть столь же правильными, как и мои. Как старейший на Земле антрополог, я должен был бы тщательно проанализировать полученные нами данные, возможно даже объяснить, каким образом получилось многое из того, что мы видим. Но не могу. Нет необходимых данных. Я не уверен, что этот город — Вашингтон. Если даже это так, то он перестроен без всякого плана. Больше я ничего не знаю, и ты тоже. Поэтому надо сесть и все выяснить.

— Ничего другого не остается, — пожал плечами Питер Стэгг. — Топливо, считай, на нуле.

Неожиданно он хлопнул огромным кулаком по ладони.

— Ну, сядем, а что дальше? Я не вижу на Земле ни одного здания, внутри которого мог бы располагаться реактор, ни машин. Где техника? Возврат к лошадям и телегам — только вот лошадей тоже нет. Похоже, они исчезли, хотя появилась замена, эти самые безрогие олени.

— Рога-то есть, — сказал Кальторп, — да только это скорее рога молодого лося. Пожалуй, нынче американцы разводят оленей или лосей, а может быть и тех, и других, не только вместо лошадей, но и рогатого скота. Оленьих пород много. Ну и ясно: те, что побольше — для грузов и на мясо, которые поменьше — под седло. Но меня беспокоит... Даже не так отсутствие ядерного топлива, как...

— Как что?

— Прием, который ждет нас после посадки. Большая часть Земли превратилась в пустыню. Словно Господь решил побрить свое творение. Погляди: разве это наши старые добрые Штаты? Весь Запад усеян вулканами. Пламя, копоть. То же самое — в Азии, Австралии. Естественно, земной климат изменился. Полярные шапки тают, океан наступает, в Пенсильвании растут пальмы...

Доктор на мгновение умолк.

— Все-таки не верится. Сколько труда ушло, сколько адского труда — и вот Средний Запад перед нами, гигантская чаша выжженной пыли...

— Какое это имеет отношение к тому, как нас примут? — осведомился Стэгг.

— Самое прямое. Судя по всему, Атлантическое побережье понемногу приходит в себя. По крайней мере там — люди. Поэтому я рекомендую приземлиться там. Вот только уровень раз-

вития... Организация... То ли рабство, то ли община. Во всяком случае, побережье гудит похлеще улья. Сады, поля, оросительные каналы, дамбы, дороги. Почти вся деятельность, смысл которой нам удалось понять, направлена на восстановление почвы. Да и все эти церемонии, которые мы наблюдали на экране, думаю, связаны с культом плодородия. А отсутствие техники... Какая там техника, когда, судя по всему, именно науку эти люди обвиняют в катастрофе, постигшей Землю.

— Что же из этого?

— Да то, что эти люди напрочь забыли о космических кораблях. И поиск нетронутых планет для них — пустой звук. На нас они будут смотреть как на дьяволов или чудовищ. Мы для них — исчадие ада. Или еще хуже: представители той самой науки, которая в их понимании источник зла. Именно так, капитан. Изображения на стенах их храмов, статуи, некоторые пышные обряды, которые мы видели, отчетливо указывают на ненависть к прошлому.

Стэгг прошелся туда и обратно.

— Восемьсот лет, — пробормотал он. — Ради чего? Наше поколение, наши друзья, враги, жены, любовницы, дети, внуки, правнуки. Давно погребены и стали травой. И трава эта превратилась в прах. Пыль, которая носится вокруг планеты, это прах десяти миллиардов, живших вместе с нами. И это прах, один Бог знает, скольких еще десятков миллиардов. В том числе и девушек, на которых я не женился, потому что хотел принять участие в полете...

— И все-таки ты жив, — заметил Кальторп, — и по земному исчислению тебе 832 года.

— Но только тридцать два года физиологического времени, — отозвался Стэгг. — Как объяснить этим людям, что пока наш корабль полз к звездам, мы спали как рыба во льду? Известна ли им техника замораживания? Сомневаюсь. Как же им понять, что мы выходили из спячки только на время обследования планет земного типа? Что мы нашли десять планет, одна из которых открыта для массового заселения?

— Дай тебе поговорить, так мы никогда не сядем, — сказал Кальторп. — Командуй, капитан. От судьбы не уйдешь. Кто знает, возможно внизу тебя ждет женщина, похожая на ту, что осталась в прошлом.

— Женщины! — вскричал Стэгг. Апатию как рукой сняло.

Кальторп пораился внезапной перемене в поведении капитана.

— Женщины! Восемьсот лет не видел ни одной, единственной-разъединственной! Я проглотил 1095 сексоподавляющих пилюль — их бы хватило выхолостить слона! Но они уже не

действуют! Я привык к ним! Я хочу женщину. Любую! Беззубую, слепую, хроющую... собственную прабабку в конце концов!

— Поздравляю, — хмыкнул Кальторп. — Так лучше, Стэгг. Уж очень тебе не к лицу поэтическая меланхолия. Не мучайся. Скоро ты будешь по горло сыт женщинами. Из того, что мы видим на экране, можно заключить, что, скорее всего, женщины верховодят в этом обществе. Ты потерпишь женское превосходство?

Стэгг ударил себя кулаком в грудь, словно рассерженный самец гориллы.

— Не завидую женщине, которая попробует противостоять мне. — Он вдруг невесело улыбнулся, — на самом деле я боюсь этого. Я ведь так давно не разговаривал с женщиной... Кажется, даже забыл как обращаться с ними.

— Не думаю, что природа женщин изменилась. Каменный ли век, космический ли, знатная леди или Джуди О'Греди — они все те же.

Стэгг снова улыбнулся и ласково похлопал Кальторпа по спине. Отдал распоряжение на посадку. Однако во время спуска спросил:

— А может, все-таки, нам устроят славный прием?

Кальторп пожал плечами.

— Все может быть. Может, повесят. А возможно, сделают королями.

Случилось так, что через две недели после их триумфального прибытия в Вашингтон Стэгг был коронован.

II

— Питер, каждый твой дюйм выглядит по-королевски, — сказал Кальторп. — Да здравствует Питер Шестой.

Каламбур д-ра Кальторпа был не лишен оснований.

Рост Стэгга достигал двух метров, весил он около 100 кг и имел обхват груди, талии и бедер соответственно 120, 80 и 90 см. У него были длинные рыже-золотые волнистые волосы. Лицо было красиво орлиной красотой. Только сейчас он больше напоминал орла в клетке, так как ходил туда-сюда, заложив руки за спину напоподобие сложенных крыльев и наклонив голову вперед. Темно-синие глаза недобро поблескивали. Время от времени он хмуро поглядывал на Кальторпа.

Антрополог сидел, развалился в огромном золоченом кресле, поигрывая длинным, усеянным бриллиантами мундштуком. Как и Стэгг, он был полностью лишен волос: вскоре после посадки им устроили роскошную баню — с душем, массажем и бритьем. И все бы хорошо, да только вскоре они обнаружили, что

душистые кремы-умажения навсегда лишили их возможности отпускать усы и бороды по собственной воле.

Кальторп весьма скорбел по своей пышной бороде, но — уввы! — иного выхода не было. Туземцы ясно дали понять, что бороды для них отвратительны и непереносимы, как нечто, противное обонянию Великой Седой Матери. Теперь доктор уже не напоминал патриарха и чувствовал себя весьма неуютно, ощущая непривычную наготу тщедушного подбородка.

Внезапно Стэгг остановился перед зеркалом, закрывавшим всю стену огромной комнаты и злобно посмотрел на свое отражение. Голову его венчала золотая корона с 14 зубцами, каждый из которых заканчивался крупным бриллиантом. На голой груди Стэгга было нарисовано лучезарное Солнце. Шею обвивало пышное зеленое жабо из бархата. С неодобрением смотрел он на широкий пояс из шкуры ягуара, придерживающий ярко-красную юбку с нашитыми на передней части большими фаллическими символами, на сверкающие белые кожаные сапоги. Из зеркала на него глядел король Ди-Си во всем своем великолепии. Рывком он снял корону и со злостью швырнул ее через всю комнату. Золотым метеором она пролетела десятков метров, ударилась о стену, упала и откатилась обратно к ногам короля.

— Так, коронованный я властитель Ди-Си или нет?! — вскричал Стэгг. — Король дочерей Колумбии или как они там называют их на своем дегенеративном английском? Какой же я монарх? Где моя власть? Уже две недели я властитель этой бабской земли и по горло сыт всякими праздниками в мою честь. Куда бы я ни шел со своей одногрудой стражницей, мне всюду поют дифирамбы. Меня посвятили в тотемическое братство Лося. Премного благодарен! Наконец меня избрали Великим Стэггом года.

— С таким именем, как Стэгг, немудрено, что тебя засунули к Лосям, — отозвался Кальторп. — Хорошо, что ты догадался не открыть им свое второе имя Лео. А то пришлось бы девочкам ломать головы куда тебя сунуть — к Лосям или ко Львам.

Стэгг не унимался.

— Мне говорят, я — отец этой страны. Если это так, почему же не дают стать им фактически? Ко мне близко не подпускают женщин. Понимаешь, эта прелестная сучонка, Верховная Жрица, говорит, что мне нельзя оказывать расположение какой-нибудь отдельной женщине. Я — Отец, Любовник, Сын каждой женщины в Ди-Си.

Кальторп все больше и больше хмурился. Он поднялся и подошел к огромному окну на втором этаже Белого Дома. Туземцы считали, что дворец назван так в честь Великой Седой

Матери. Кальторп, правда, знал более точную причину, но у него хватило ума не спорить.

Глянув ненароком вниз, подозревал Стэгга к окну. Тот выглянул, потянул носом и сделал гримасу. Внизу несколько человек поднимали большую бочку на задок телеги.

— Когда-то этих парней называли золотарями, — сказал Кальторп. — Они приходили каждый день и собирали испражнения для удобрения полей. Этот мир таков, что все должно идти на пользу людям и для обогащения почвы.

— А ведь мы уже привыкли к этому, — сказал Стэгг. — Хотя запах, мне кажется, с каждым днем сильнее. Видно, прибавляется людей в Вашингтоне.

— Для этого города запах не нов. Хотя прежде он был не столько от человеческих испражнений, сколько от воловьих.

— Кто бы мог подумать, что Америка, страна домов с двумя ваннами, вернется к избушкам, да к тому же без дверей. И не потому, что они не знают канализации и водопровода. Водопровод есть во многих зданиях.

— Все, что приходит от Земли, должно вернуться в Землю. Они не грешат против природы, выбрасывая в океан миллионы тонн столь нужных почве фосфатов и других веществ. В этом они не похожи на нас, слепых глупцов, убивавших свою землю во имя санитарии.

Стэгг посмотрел на доктора — сверху вниз, очень выразительно.

— Для этой лекции ты пригласил меня к окну?

— Да. Я хотел объяснить корни этой культуры. Во всяком случае, попытаюсь. Видишь ли, пока ты резвился, я работал, изучая язык. Он английский по сути, но от нашего ушел дальше, чем наш от языка англосаксов. И в лингвистическом отношении выродился значительно быстрее, чем когда-то предсказывали. Вероятно, вследствие изолированности небольших групп после Опустошения. И еще потому, что большинство неграмотны. Грамотность — исключительная привилегия жрецов и "дирада".

— "Дирада"?

— Аристократов. Слово произошло от "диридрайвер", так как только привилегированным позволяется ездить верхом на оленях. Аналогично испанским кабальеро или французским шевалье. Оба слова первоначально обозначали всадников. Давай еще раз взглянем на роспись.

Они подошли к дальней стене длинной комнаты и остановились перед огромной яркой фреской.

— На этой картине, — комментировал Кальторп очень серьезно, — изображена легенда из религии Ди-Си. Как вид-

но, — он указал на фигуру Великой Седой Матери, возвышающейся над крохотными полями и горами и еще более крохотными людьми, — она очень разгневана. Сдернув голубое покрывало, которым некогда покрывала Землю от безжалостных стрел своего сына, Богиня помогала своему Сыну — Солнце сжечь земные создания.

Человек в своей слепоте, алчности и высокомерии осквернил землю, данную богиней. Его города-муравейники опорожнялись свои нечистоты в реки и моря, превратив их в сточные канавы. Он отравил воздух зловонной копотью. Кстати, эта копоть, я полагаю, была не только результатом деятельности промышленности, но имела и радиоактивное происхождение. Самы Ди-Си, конечно, ничего не знают об атомных бомбах.

Тогда Колумбия, будучи уже не в состоянии терпеть отравление земли человеком и его отказ от поклонения ей, сорвала свое защитное покрывало с Земли и позволила Солнцу в полную силу осыпаться своими стрелами все живое.

— Я вижу валяющихся по всей Земле мертвых людей и животных. На улицах, в полях, в морях, — подхватил Стэгг. — Завяли травы и высохли деревья. Люди и животные еще как-то укрывались от солнечных стрел.

— Но спастись им не удалось, — продолжил Кальторп. — Они не умерли от ожогов, но им надо было питаться. Животные выходили по ночам и поедали падаль и друг друга. Люди, покончив с запасами пищи, съели животных. А затем человек стал есть человека.

К счастью, смертоносные лучи падали сравнительно недолго. Возможно, меньше недели. Затем богиня смягчилась и вернула на место защитное покрывало.

— Так чем же на самом деле было Опустошение?

— Могу только предположить. Помнишь, незадолго до нашего взлета правительство заключило соглашение с одной из исследовательских компаний на разработку всепланетной системы передачи энергии? Предполагалось соорудить шахту такой глубины, с которой можно было бы отыскивать тепло, исходящее из ядра планеты. Эта энергия должна была преобразовываться в электричество и передаваться по всему миру, используя в качестве проводника ионосферу.

Теоретически, любая энергосистема могла бы подключиться к этому источнику. К примеру, весь Нью-Йорк извлекал бы из ионосферы энергию, необходимую для освещения и обогрева домов, питания телевизоров, а после установки электромоторов и питания всех средств передвижения.

Полагаю, этот проект был осуществлен через 25 лет после того, как мы покинули Землю. Я уверен, сбылись предупреж-

дения некоторых ученых, в частности Кардена. Он предсказал, что первая же передача энергии в таких размерах разрушит часть озонового слоя.

— Боже, — сказал Стэгг. — Ведь, если уничтожить достаточное количество озона в атмосфере...

— То наиболее короткие волны ультрафиолетовой части спектра, не поглощаемые более им, будут доходить до поверхности Земли и каждого живого существа на ней. Животные и люди умирали от ожогов; растения, пожалуй, были более устойчивы. Но все равно — эффект был опустошающим, судя по гигантским пустыням, покрывающим всю Землю. Но этого, как будто, оказалось недостаточно. Природа, или если сказать иначе, Богиня, поразила еще раз только-только поднявшегося на трясущихся ногах человека. Утечка озона, по-видимому, продолжалась очень недолго. Естественные процессы восстановили его обычное содержание. Лет через 25 остатки человечества — жалкие остатки, не более нескольких миллионов — стали образовывать небольшие изолированные сообщества-поселения. И тогда по всей Земле начали извергаться потухшие ранее вулканы. Возможно, этот второй катаклизм явился запоздалой реакцией Земли на попытки пробить земную кору. Механизм Земли действует медленно, но верно.

Утонула почти вся Япония. Исчез Кракатау. Взорвались Гавайи. Расколосась надвое Сицилия. Манхеттен опустился на несколько метров под воду, а затем снова поднялся. Тихий океан был весь окружен извержениями. Ненамного легче было в Средиземном море. Приливные волны проникали далеко вглубь континентов, останавливаясь только у подножия гор. Горы тряслись, и те, кто спасся от цунами, были погребены под снежными лавинами.

Итог: человек низведен до уровня каменного века, атмосфера наполнена пылью и углекислым газом, что вызвало удивительные закаты и субтропический климат в Нью-Йорке, таяние полярных льдов.

Стэгг зябко передернул плечами.

— Неудивительно, что практически нет преемственности между нашим обществом и теми, кто уцелел после Опустошения, — сказал он. — Вот, например, порох. Он открыт заново или нет?

— Нет.

— Почему? Ведь сделать порох очень просто.

— Очень просто, — объяснил Кальторп. — Так просто и очевидно, что человечество потратило почти полмиллиона лет на то, чтобы открыть, что из смеси древесного угля, серы и

селитры в должной пропорции можно получить взрывчатку. Только и всего.

Доктор помолчал. Пожевал губами.

— А теперь возьмем такой двойной катаклизм как Опустошение. Почти все книги погибли. Более ста лет ничтожная горстка уцелевших была настолько занята тем, чтобы выкарабкаться, что даже не обучала своих отпрысков грамоте. Результат? Бездонное невежество, почти полная потеря истории. Для этих людей мир начинается в 2100 г. н.э. или в 1 г. после Опустошения по их летоисчислению. Так говорят легенды.

И еще один пример — выращивание хлопка. Когда мы покинули Землю, его почти не сажали. Зачем такие хлопоты, если есть синтетика? Хлопок был заново открыт всего 200 лет назад, до этого люди одевались в звериные шкуры или ходили нагишом. В основном, нагишом.

Кальторп снова подвел Стэгга к открытому окну.

— Я отклонился, хотя делать все равно нечего. Взгляни, Питер. Вашингтон или Ваштин, как его теперь называют, совсем не тот город. Не наш. Дважды его равняли с землей, а нынешний город был основан на руинах 200 лет назад. Да, они пытались возродить древнюю столицу, но сами-то были другими! Вот в чем штука, Пит. Они его строили в соответствии со своими верованиями и мифами.

Кальторп ткнул пальцем в сторону Капитолия — чем-то здание напоминало знакомый им Капитолий, но теперь у него было два купола вместо одного, и на вершине каждого была красная башенка.

— Так сделано ради того, чтобы здание было похоже на грудь Великой Седой Матери, — сказал Кальторп. Затем он указал на Монумент Вашингтона, ныне расположенный левее Капитолия и взметнувшийся почти на 90 метров. Башня из стали и бетона, раскрашенная чередующимися спиралями красных, белых и голубых полос и увенчанная круглой красной надстройкой.

— Думаю, что тебе понятно, что именно он изображает. Согласно легенде, такой был у Отца всей страны. Предполагается, что сам Вашингтон похоронен под ним. Вчера вечером мне рассказывали об этом с благоговением сам Джон — Ячменное Зерно.

Стэгг вышел на балкон, опоясывавший весь второй этаж. Кальторп вытянул руку по направлению к зданию за пышным садом во дворе Белого Дома.

— Видишь огромное здание со статуей женщины над ним? Это Колумбия — Великая Седая Мать, присматривающая за своим народом и оберегающая его. Для нас — ее людей, наших потомков — живая вездесущая сила, ведущая народ к его предназначению. И ведет она безжалостно. Любой, вставший у нее

на пути, будет растоптан — раньше или позже.

— Я обратил внимание на этот храм сразу же, — заметил Стэгг. — Мы шли мимо него в Белый Дом. Помнишь, как Сарвант чуть не умер от стыда, когда увидел фрески на стенках?!

— А какое твое мнение?

Стэгг слегка покраснел.

— Я считаю себя закаленным, но эти фрески! Возмутительные, непристойные, абсолютная порнография! И украшают место, предназначенное для поклонения.

Кальторп покачал головой.

— Отнюдь нет. Мне довелось быть на двух богослужениях. Достоинство и красота — ничего более. Государственная религия — культ плодородия, и этим скульпторы иллюстрируют различные мифы. Их смысл, не предавая забвению то, что когда-то человек в своей ужасной гордыне едва не уничтожил Землю. Он и его наука, вкупе с высокомерием, нарушили равновесие Природы. Но теперь оно восстанавливается, а человек должен сохранять смирение, работать рука об руку с Природой, которая является живой Богиней, чьи дочери совокупляются с Героями. Богиня и Герои, изображенные на стенах, своими позами отображают важность поклонения Природе и Плодородию.

— Так ли? Тут есть такие позы, в которых вряд ли можно кого-то оплодотворить.

Кальторп засмеялся.

— Колумбия — также и богиня эротической любви.

— Мне все время кажется, — сказал Стэгг, — ты хочешь рассказать о чем-то важном. Но все ходишь вокруг да около. Видно, чувствуешь, что мне может и не понравиться.

В комнате, откуда они вышли мелодично звякнул гонг. Стэгг, а за ним и доктор, поспешно вернулись — и навстречу им приветственно грянул оркестр. Барабаны и трубы. И музыканты — жрецы, капелла Джорджтаунского университета. Рослые, упитанные, оскотившие себя во имя служения Богине (а равно и ради пожизненных почестей и привилегий), они сверкали пестрыми женскими одеяниями: блузами с длинными рукавами и высокими воротниками, юбками до колен.

За ними шел мужчина — Джон — Ячменное Зерно. Впрочем, это имя было лишь титулом; подлинного имени и истинного положения "Джона" в обществе Стэгг не знал. Обитал "Джон" в Белом Доме на третьем этаже и имел какое-то отношение к административному управлению страной. Функции его отдаленно напоминали работу премьер-министра в древней Англии.

Во всяком случае, насколько мог судить Стэгг, Герои — Солнце в этой стране были скорее символами лояльности и

традиции, царствовали, но не правили; подлинная власть сосредотачивалась в иных руках.

Высокий и совсем не старый Джон — Ячменное Зерно поражал своей худобой. Невероятен был синий набухший нос алкоголика. Длинные зеленые волосы и такого же цвета очки лишь усиливали впечатление. Волосы венчал зеленый же цилиндр, а шею обвивали волосы с кукурузного початка и юбка вокруг голых чресел усеяна была листьями кукурузы. В правой руке "Джон" держал эмблему своей должности — большую бутылку водки.

— Привет Человеку — Легенде! — воскликнул Джон, повернувшись к Стэггу. — Да здравствует Герой — Солнце! Да здравствует великий Лось из Лосей! Да здравствует Великий Муж, Отец своей страны, Дитя и Любовник Великой Седой Матери!

Он сделал большой глоток прямо из бутылки, облизнулся и протянул ее Стэггу.

— Мне это необходимо, — согласился капитан и сделал большой глоток. Через минуту, откашлявшись, отдышавшись и вытерев слезы, он вернул бутылку.

Ячменное Зерно повеселел.

— Великолепное зрелище, благородный Лось! В тебя, видно, вселилась сила самой Колумбии, столь сильно ударившей тебя белой молнией. Тем не менее, ты был божественен. Возьмем меня. Я — простой бедный смертный и, когда впервые вышел белую молнию, меня проняло. Должен признаться, что когда я заступил на эту должность совсем молодым парнем, то порою чувствовал присутствие Богини в бутылке и бывал сражен так же, как и ты. Но, человек, возможно, привыкает к божественности, да простит Она мое богохульство. Рассказывал ли я тебе легенду о том, как Колумбия впервые растворила удар молнии и закупила ее? И как дала бутылку с молнией первому из людей, и не кому-нибудь, а самому Вашингтону? И как он опозорился и тем самым навлек гнев Богини?

Да? Ну тогда о самом главном. Я пришел к тебе раньше, чем Главная Жрица, чтобы передать, что завтра день рождения Сына Великой Матери. Ты — сын Колумбии, родишься завтра. И тогда случится то, что должно случиться.

Он еще раз отхлебнул спиртного, сделал глубокий поклон, едва не свалившись лицом вниз, и шатаясь, шагнул к выходу.

Стэгг окликнул его.

— Одну минуту. Я хочу знать, что с моей командой?

Ячменное Зерно заморгал.

— Я же сказал, что они были в Джорджтаунском университете.

— А где мои товарищи сейчас, в этот самый момент?

— С ними обращаются очень хорошо. У них есть все, что они пожелают. Кроме свободы. Ее им предоставят послезавтра.

— Почему только тогда?

— Потому что тебя освободят. Но увидеть их ты не сможешь. Ты будешь на Великом Пути.

— Что это такое?

— Узнаешь.

Ячменное Зерно повернулся к выходу, но Стэгг задержал его.

— Скажи мне, почему ту девушку держат в клетке? Ты знаешь, в клетке с надписью "Дева, пойманная при набеге на Кэйсиленд".

— И это ты узнаешь, Герой — Солнце. Между прочим, в твоём ли положении опускаться до того, чтобы задавать вопросы? Великая Седая Мать в свое время все объяснит.

После ухода Ячменного Зерна Стэгг спросил у Кальторпа:

— Тебе не кажется, что парень темнит?

Кальторп нахмурился.

— Я бы сам хотел знать. Но мои возможности исследования социальных механизмов этой культуры весьма ограничены. Вот только...

— Что? — с беспокойством спросил Стэгг.

Кальторп выглядел очень уныло.

— Завтра зимнее солнцестояние — середина зимы — когда солнце светит меньше всего и занимает самое низкое положение. По нашему календарю — 22 декабря. Насколько мне помнится, это было важной датой в доисторические времена. С этой датой связаны разного рода церемонии, такие как... Ааа!

Это было не восклицание. Это был вопль ужаса. Кальторп вспомнил.

Стэгг еще больше встревожился. Он хотел спросить, что же такое вспомнил Кальторп, но ему помешали: грянул оркестр. Музыканты и служители обернулись к дверям и пали на колени, хором крича:

— Верховная жрица, живая плоть Виргинии — дочери Колумбии! Святая дева! Красавица! Виргиния, скоро ревущий олень — яростный, дикий, жестокий самец — лишит тебя твоей священной и нежной плевы! Благословенная и обреченная Виргиния!

В комнату вошла надменная высокая девушка лет восемнадцати. Несмотря на бледное лицо и широкую переносицу, она была очень красива. Ее полные губы были красны как кровь, голубые глаза излучали свет и не мигали, подобно кошачьим, вьющиеся волосы цвета майского меда спадали на бедра. Это была Виргиния, выпускница училища в Вассаре, жрица-прорицательница, и воплощение Дочери Колумбии.

— Приветствую смертных, — произнесла она высоким чистым голосом. И обернувшись к Стэггу, сказала: — Приветствую бессмертного!

— Здравствуй, Виргиния, — ответил он и почувствовал, как затрепетало все его естество, и волна боли сжала грудь и поясницу. Каждый раз при виде ее он испытывал мучительное, почти непреодолимое влечение. Он был уверен в том, что как только их оставят наедине, он овладеет ею, несмотря на любые последствия.

Виргиния ничем не выдала того, что сознает, как воздействует на него. Она смотрела на него равнодушным решительным взглядом львицы. Как и все девственницы она была одета в блузу с высоким воротником и юбку до лодыжек, но одежду покрывали крупные жемчужины. Треугольный вырез обнажал большую упругую грудь. Каждый сосок был напомажен и обведен белым и голубым кольцом.

— Завтра, бессмертный, ты станешь и Сыном, и Любовником Матери. Поэтому тебе необходимо подготовиться.

— А что я должен для этого сделать? — поинтересовался Стэгг. — Зачем мне готовиться?

Он взглянул на нее, и волна боли прокатилась по всему его телу.

Девушка дала знак, и сейчас же Джон — Ячменное Зерно, должно быть только и ожидавший этого за дверью, появился в комнате с двумя бутылками: с водкой и какой-то темной настойкой. Жрец-евнух протянул чашу. Джон наполнил ее темной жидкостью и вручил жрице.

— Только ты — Отец своей Страны, — имеешь право пить это, — сказала она, передавая чашу Стэггу. — Нет ничего лучше. Настояно на воде из Стикса.

Стэгг взял чашу. Не очень приятно выглядел напиток, но не хотелось быть неблагодарным.

— Не все ли равно из чего сделано. Пусть все видят, что Питер Стэгг может перепить кого угодно!

Зазвучали трубы и барабаны, служители захлопали и приветственно закричали.

И вот тогда он услышал протестующий возглас Кальторпа.

— Капитан, ты что, не понял? Она сказала на воде из Стикса. СТИКСА. Ясно?

Стэгг понял, но было уже поздно. Комната поплыла кругом, и крошечная черная мгла низринулась с высоты.

Под звуки труб и приветствий он рухнул на пол.

III

— Ну и похмелье, — простонал Стэгг.

— Страшно смотреть, что они сделали, — отозвалась мгла и он с трудом узнал голос Кальторпа.

Стэгг приподнялся и застонал от боли и потрясения. Превозмогая себя, скатился с кровати, от слабости упал на колени, с трудом поднялся и, шатаясь, побрел к трем громадным зеркалам, расположенным под углом друг к другу. Зеркала отразили ужасное зрелище. Он был гол. Мошонка выкрашена в голубой цвет, член — в красный, ягодицы — в белый. Но не это потрясло Стэгга. Он увидел два рога, торчащих под углом сорок пять градусов из лба на добрый фут, затем разветвляющихся на множество отростков.

— Рога?! Зачем они здесь? Откуда? Дай бог только добраться до этого шутника...

Стэгг схватился за основания, дернул и вскрикнул от боли. Опустив руки, он снова взглянул в зеркало. У корня одного из рогов выступило кровавое пятно.

— Рога — не совсем точное слово, — тихо сказал Кальторп. — Это не твердые, омертвевшие рога. Скорее, это — панты. Они довольно мягкие, теплые и бархатистые на ощупь. Приложи к ним палец и под поверхностью кожи почувствуешь биение артерии. Станут ли потом они твердыми мертвыми рогами зрелого самца? Не знаю.

Капитан потемнел. Гнев и бессильный ужас искали выхода.

— Да-а, Кальторп, — прорычал он. — И ты участвовал в этой затее? Если да, то я оторву у тебя все, что торчит!

— Ты не только похож на зверя, ты и поступаешь по-звериному, — отпарировал Кальторп.

Стэгг весь сжался, сдерживая желание ударить маленького антрополога за неуместную шутку. Он увидел, что Кальторп бледен, и у него трясутся руки. И понял, что за шуткой кроется неподдельный страх.

— Так что же произошло? — спросил Питер, немного успокоившись.

С дрожью в голосе Кальторп рассказал, как жрецы понесли Стэгга, потерявшего сознание, к спальне. В коридоре на них набросилась толпа жриц и захватила тело. В какой-то момент Кальторпа охватил ужас от того, что эти две стаи разорвут Стэгга на куски. Однако борьба была ложной, всего лишь частью обряда. Согласно ритуалу жрицам полагалось добыть тело в бою.

Они отнесли бесчувственного капитана в спальню. Кальторп попытался последовать за ними, но его, буквально, отшвырнули.

— Они сделали это без зла. Просто не хотели, чтобы в комнате был хотя бы один мужчина, кроме тебя. Даже хирургами были женщины. Скажу честно: когда я увидел, как они идут со скальпелями, дрелями и прочим, то чуть не рехнулся. Особенно, когда увидел, что хирурги были пьяны. Что за дикая компания? Но Джон — Ячменное Зерно вытолкал меня. Он сказал, что в этот момент женщины готовы разорвать, в полном смысле этого слова, любого подвернувшегося под руку мужчину. И намекнул, что некоторые музыканты стали жрецами поневоле — им не хватило прыти убраться с дороги этих дам в вечер зимнего солнцестояния.

Джон — Ячменное Зерно спросил, являюсь ли я Лосем. Оказывается, только братья по тотему Великого Самца находятся в это время в относительной безопасности. Я ответил, что нет, но раньше был членом Львиного клуба, хотя уже давно не платил членских взносов. Он сообщил, что я буду в безопасности на следующий год, когда Герой — Солнце будет из Львов. Сейчас же мне находиться здесь опасно. И настоял, чтобы я убрался из Белого Дома, пока сын (он имел в виду тебя) не родится. Вернулся я рано утром. Все, кроме тебя, ушли. Ну, а я остался возле кровати ждать, когда ты проснешься.

— Я кое-что припоминаю, — задумчиво произнес Стэгг. — Все как в тумане, все перепутано, но помню, как очнулся после того попойки. Я был беспомощнее ребенка. Вокруг шумно. Женщины кричали, словно рожая.

— А ребенком был ты, — подсказал Кальторп.

— Я? Откуда ты знаешь?

— Ниоткуда. Просто ситуация проясняется.

— Не оставляй меня во тьме, если видишь свет, — взмолился Стэгг. — Я едва соображал, что происходит. Я даже пробовал сопротивляться, когда меня укладывали на стол. Затем у изголовья поместили белого ягненка. У меня не было ни малейшего представления об их намерениях, пока ему не перерезали горло. Я с ног до головы был пропитан кровью.

Потом его убрали, а меня начали протаскивать через узкое треугольное отверстие. Что-то вроде металлического каркаса, обрамленного какой-то розовой губкой. Две жрицы держали меня за плечи и протаскивали через отверстие. Остальные же кричали по-кошачьи, как безумные. Уж насколько я был в дурмане, а все равно кровь стыла. Ты за всю жизнь никогда не слышал таких кошмарных криков.

— Слышал, слышал. Весь Вашингтон слышал. Все взрослое население стояло у ворот Белого Дома.

— Я застрял в отверстии, и жрицы яростно толкали меня. Мои плечи сдавило, как в тисках. Вдруг я почувствовал, как вода

брызжет мне на шею — кто-то, должно быть, направил на меня струю. Даже помню, подумал, что у них должно быть что-то вроде насоса в доме, так как ударил сильный напор.

Наконец, я проскользнул сквозь отверстие, но не упал. Две жрицы подхватили меня на руки, подняли и перевернули вверх тормашками. И шлепали меня, здорово шлепали. От удивления я закричал.

— Именно этого они и захотели от тебя.

— Затем меня уложили на другой стол, прочистили нос, рот и глаза. Смешно, но до этого момента я не замечал, что у меня во рту и ноздрах был толстый слой похожего на слизь вещества. Это должно было затруднять мне дыхание, но я не сознавал этого. Затем... затем...

— Затем?

Стэгг покраснел.

— Меня отнесли к невообразимо толстой жрице, распластавшейся на подушках на моей кровати. До этого я не видел ее.

— Наверное, она приехала из Манхэттена. Ячменное Зерно сказал мне, что тамошняя жрица очень толстая.

— Чудовищная — вот верное слово, — продолжал Стэгг. — Эта женщина была крупнее всех, кого я когда-либо видел. Могу поспорить, рост у нее не меньше моего. И весила она, наверное, не меньше полтораста килограмм. Все ее тело было покрыто пудрой, должно быть добрую бочку потратили на это. Она была огромная, круглая, похожая на пчелиную матку, рожденную только для того, чтобы откладывать миллион яиц.

Он немного помолчал.

— Они положили меня так, что голова моя покоилась на одной из ее грудей. Клянусь, это была самая большая грудь в мире. Она казалась выпуклой, как сама Земля. Жрица взяла мою голову и повернула к себе. Я пробовал сопротивляться, но был очень слаб. Я ничего не мог поделать.

И тогда я почувствовал себя маленьким ребенком, и не был более взрослым. Я — Питер Стэгг — новорожденный. Это должно быть все еще пошло действовало. Клянусь, в нем был гипнотический компонент. И я был... я был...

— Голодным? — тихо подсказал Кальторп.

Стэгг кивнул головой. Затем, очевидно желая уйти от темы, он провел ладонью по одному из рогов и сказал:

— Гм. Рога укоренились прилично.

— Да. Среди Ди-Си замечательные биологи. Возможно, местные ученые не столь сильны в физике и электронике, но они превосходные скульпторы плоти. Между прочим, эти панты гораздо большее, нежели символ или украшение. Они действуют. Тысяча против одного — они содержат железы, которые

выделяют в твою кровь гормоны всех видов.

Стэгг заморгал.

— Что заставляет тебя так думать?

— Во-первых, Ячменное Зерно сделал пару намеков, во-вторых, ты феноменально быстро оправился после такой сложной операции. Ведь необходимо было сделать два отверстия в черепе, поместить панты, соединить их кровеносные сосуды с твоими и бог знает что еще.

Питер проворчал:

— Кто-то еще заплатит за это. Здесь замешана эта Виргиния! Как только увижу ее, разорву на части. Мне надоели ее пинки.

Кальторп с беспокойством следил за ним.

— А сейчас ты чувствуешь себя хорошо?

Стэгг раздул ноздри и ударил себя в грудь.

— Нет. Но чувствую, что мог бы покорить весь мир. Единственное — я голоден, как медведь после спячки. Сколько я был без сознания?

— Почти тридцать часов. На дворе темнеет. — Кальторп приложил ладонь ко лбу своего капитана. — У тебя жар. Неудивительно. Тело бурлит, как доменная печь, создавая новые клетки, насыщая кровь гормонами. Для твоей печи нужен уголь.

Стэгг ударил кулаком по столу.

— Пить я тоже хочу! Весь пылаю!

Он стал бить кулаком в гонг, пока весь дворец не наполнился звоном. И, как бы ожидавшие этого сигнала, в дверь ринулись слуги, держа в руках подносы со множеством тарелок и бокалов.

Забыв все хорошие манеры, Стэгг вырвал поднос из рук слуги и начал нагружать быстро работающие челюсти мясом, останавливаясь только для того, чтобы запить съеденное громадными глотками пива. Пища и пиво падали на его голую грудь и ноги, но он, хотя раньше ел всегда очень аккуратно, не обращал на это никакого внимания.

Раз рыгнув так, что чуть не сшиб слугу, он прогремел:

— Могу всех перепить, перебить, пере...

Затем еще раз рыгнул с такой же силой и снова набросился на еду, как оголодавший боров на лохань.

Кальторпа тошнило не только от самого этого зрелища, но и от его подтекста. Он отвернулся. Очевидно, гормоны вымывали из психики Стэгга все ограничения и обнажали чисто животную часть человеческого естества. Что же будет дальше?

Наконец Стэгг поднялся, выпятив живот вперед, словно горилла, ударил себя кулаком в грудь и заявил:

— Ух, вот теперь мне хорошо, даже очень! Эй, Кальторп, ты обязан раздобыть себе пару рогов. Ах, да. Я забыл, у тебя уже есть пара. Именно поэтому ты и покинул Землю, не так ли? Ха! Ха!

Лицо антрополога вспыхнуло и исказилось, он вскочил и бросился на Стэгга. Тот рассмеялся, схватил его за рубашу и удержал на вытянутой руке. Кальторп ругался, беспомощно размахивая руками. Затем неожиданно почувствовал, как пол уходит из-под его ног, и ткнулся во что-то твердое сзади. Раздался громкий звон и до него дошло, что он угодил в гонг. Какая-то огромная рука обхватила его за талию, ставя на ноги. Испугавшись, что Стэгг собирается прикончить его, он сжал кулак и ударил смело, но беспомощно. Затем опустил кулак.

В глазах Питера стояли слезы.

— Великий Боже, что же со мной? Должно быть, я совсем тронулся, если позволил себе такое с тобой — моим лучшим другом! Что-то не так! Как я мог?

Он заплакал и с чувством прижал к себе Кальторпа. Тот вскрикнул от боли в ребрах. Стэгг виновато отпустил его.

— Ну хорошо, ты прощен, — сказал Кальторп, осторожно отодвигаясь от него подальше. Только сейчас он понял, что Стэгг уже не отвечает за свои действия. В чем-то он стал ребенком. Но ребенок не всегда абсолютный эгоист, он может быть добрым и мягкосердечным. И ему сейчас на самое деле было стыдно и жалко.

Кальторп подошел к окну.

— На улице полно народу и факелов, — сказал он. — Сегодня вечером у них еще один праздник.

Эти слова ему самому показались неискренними. Он знал точно, что жители Ди-Си сегодня собрались на церемонию, где почетным гостем и участником будет его капитан.

— Не задумали ли они содрать с кого-нибудь кожу? — спросил Стэгг. — Когда эти люди собираются повеселиться, они не останавливаются ни перед чем. Запреты отбрасываются, как прошлогодняя змеиная кожа. Их совсем не волнует, если кого-то покалечат.

Затем, к великому удивлению Кальторпа, он заявил:

— Надеюсь, праздник начнется вот-вот. И чем скорее, тем лучше.

— Почему, ради Бога? — вскрикнул Кальторп. — Разве твоя душа не натерпелась вдоволь всяких страхов?

— Не знаю. Но во мне сейчас есть что-то такое, чего раньше не было. Я чувствую такое влечение и такую силу, настоящую силу, какой не знал прежде. Я ощущаю себя... ощущаю себя... богом! Богом! Во мне кипит мощь всего мира! Я хочу взорваться! Не дано тебе знать, что я чувствую! Ни одному простому человеку не дано!

Снаружи донесся крик бегущих по улицам жриц.

Стэгг и Кальторп прислушивались. Они стояли, окаменев,

слушая шум мнимой схватки между жрицами и Почетной Стражей. Затем схватка переросла в битву, когда в бой против жриц пошли Лоси.

И вот шаги в коридоре, с грохотом Лоси срывают двери с петель, берут Стэгга на плечи и выносят наружу. Всего мгновение он, казалось, понимал, что происходит. Потом обернулся и закричал:

— Помоги мне, Док! Помоги!

Кальторпу оставалось только всхлипывать.

IV

Их было восемь: Черчилль, Сарвант, Ястржембский, Лин, Аль-Масини, Стейнберг, Гбве-Хан и Чандра.

Они, да еще отсутствующие Стэгг и Кальторп, составляли десятку уцелевших из тех тридцати, покинувших Землю 800 лет назад. Они собрались в большой гостиной здания, где их держали узниками шесть недель, и слушали Тома Табака.

Том Табак не было настоящим именем. Как звали его на самом деле, никто не знал. На этот вопрос он отвечал, что не имеет права называть свое имя и откликаться на него. Став "Томом Табаком", он уже не был больше человеком. На языке Ди-Си он был полубогом.

— Если бы все шло как положено, — говорил он, — с вами разговаривал бы не я, а Джон — Ячменное Зерно. Но Великой Седой Матери было угодно прервать его жизнь до Праздника Посева. Состоялись перевыборы, и я, как глава великого братства Табака, занял принадлежавшее ему место правителя Ди-Си. И буду им пока не состарюсь и не ослабею, и тогда, что суждено, того не избежать.

В то короткое время, когда экипаж звездолета был в Вашингтоне, его члены изучали произношение, грамматику и словарный состав языка Ди-Си, хотя от акцента им избавиться было практически невозможно. Английский язык изменился сильно, появились многие звуки, которых никогда не было не только в английском, но и в древнегерманском, много новых слов пришло из других языков, ударения и интонации стали играть важную роль в значении фразы. К тому же, незнание культуры Ди-Си было серьезной помехой для понимания языка. Да и сам Том Табак плохо говорил на основном диалекте. Он родился и вырос в Норфолке, в Виргинии — самом южном городе Ди-Си. Язык его соплеменников отличался от языка жителей Вашингтона так же, как испанский язык от французского, или шведский от исландского.

Том Табак, как и его предшественник Джон — Ячменное

Зерно, был высок и очень худ, но в отличие от того, вся его одежда была коричневого цвета. Такими же были его длинные волосы, из коричневых зубов торчала толстая коричневая сигара. По ходу разговора он вытаскивал из кармана юбки сигареты и вручал членам экипажа. Кроме Сарванта никто не отказывался, и все находили их превосходными. Том Табак выпустил густое облако зеленого дыма и продолжил:

— Вас отпустят на свободу после моего ухода. И случится это очень скоро, так как я человек весьма занятой. Мне еще многое нужно решить, подписать немало бумаг и отдать много распоряжений. Все мое время принадлежит Великой Седой Матери.

Черчилль был первым помощником на "Терре" и теперь, когда Стэгга не было, он стал не только формальным вожаком, но, благодаря силе своей личности, и фактическим.

Он был невысок и коренаст, с мощной шеей, толстыми руками и массивными ногами. Лицо его имело несколько детское выражение, но в то же самое время казалось волевым. Пышная курчавая шевелюра и розовое лицо в веснушках, а глаза были круглыми и прозрачно-голубыми, как у ребенка. И хотя с первого взгляда могло показаться, что он беспомощный ребенок, оказалось, что ему присущ природный дар командовать теми, кто был рядом. Голос его звучал уверенно и мощно.

— Возможно, Вы занятой человек, мистер Табак, но все-таки не настолько, чтобы уйти, не рассказав, что происходит. Нас взяли в плен. Нам не позволяют общаться ни с капитаном, ни с доктором Кальторпом. Есть все основания подозревать, что вокруг них затеяли какую-то нечистую возню. Когда же мы справляемся о них, нам спокойно отвечают: "Что суждено, того не избежать". Очень успокаивающе!

Я требую, мистер Табак, ответов на вопросы. И не думайте, что мы побоимся Ваших телохранителей за дверью. Мы хотим, чтобы Вы ответили и притом сию же минуту!

— Возьмите еще сигарету и поостыньте, — с важным видом ответил Том Табак. — Конечно, вы обеспокоены и недовольны, но о правах не говорите. Вы не граждане Ди-Си, и положение ваше очень шаткое.

Но я все же отвечу на ваши вопросы. Ради этого и пришел сюда. Первое — вас освободят. Второе — вам будет дан месяц на то, чтобы вы могли прижиться в Ди-Си. Третье — если к концу месяца вы не оправдаете надежды стать хорошими гражданами, то будете убиты. Да, не изгнаны, а убиты. Если бы мы выпроводили вас через границу в другую страну, это увеличило бы население враждебных нам государств. Мы этого делать не намерены.

— Ну что ж, теперь нам понятно наше положение, — задум-

чиво протянул Черчилль. — Хотя и весьма туманно. Мы сможем попасть на "Терру"? Ведь в этом корабле результаты десяти лет уникальных исследований.

— Нет, не сможете. Но ваше личное имущество вам возвратят.

— Спасибо. Только вот, вы знаете, что кроме нескольких мелочей у нас нет ничего личного? Откуда мы возьмем деньги, пока будем подыскивать работу? Возможно, что мы даже не сможем получить ее в вашем довольно примитивном обществе.

— Мне действительно больше нечего сказать, — ответил Том Табак. — Благодарите за то, что вас пока оставили в живых. Многие не хотели даровать даже этого.

Он приложил ко рту два пальца и свистнул. Появился слуга со шкатулкой в руках.

— Я должен сейчас уйти, господа. Дела, дела. Но для того, чтобы у вас не было причин нарушать законы нашей благословенной Родины по незнанию, и для уменьшения искушения украсть, этот человек расскажет вам о наших законах и даст займы денег, которых хватит на покупку еды в течение недели. Деньги вы вернете, когда у вас появится работа, если только она появится. Да благословит вас Колумбия!

Через час вся восьмерка беспомощно стояла на улице. Настроение было далеко не приподнятым.

Черчилль обвел товарищей взглядом и, хотя его чувства были такими же, сказал:

— Ради Бога, встряхнитесь! Что это с вами? Ведь мы бывали и не в таких переделках. Помните, на Вольфе — 69111? Плот — и ничего больше. А вокруг юрское болото. Мы же не хныкали, а, парни? А помните похожих на баллоны тварей, что обступили нас, и то, как мы уронили в воду оружие и вынуждены были голыми руками расчищать себе обратный путь на корабль? Тогда нам было похуже, не так ли? Но никто не пищал! Что произошло? Разве мы сейчас другие, чем тогда?

— Боюсь, другие, — пробормотал Стейнберг. — Пожалуй, мужество мы не потеряли. Но от Земли ожидали слишком многого. Когда мы высаживались на неизвестную планету, то были готовы к любым неожиданностям и опасностям. Даже искали их. А здесь нас провели как котят. У нас даже не осталось оружия, и попади мы сейчас в передрагу, нечем расчистить себе путь, либо укрыться на корабле. Мы лишились опоры.

— Поэтому вы собираетесь ждать сложа руки в надежде на то, что все будет хорошо? — спросил Черчилль. — Ждите! Вы, мужчины, сливки человечества, отобранные от десятков тысяч кандидатов благодаря высокому интеллекту, образованию, изобретательности, физической закалке. А теперь вы среди людей,

знаний у которых не больше, чем у вас в мизинце! Вы, мужчины, должны были бы быть богами, а вы — мышата!

— Хватит, — оборвал Лин. — Мы еще не пришли в себя. И не знаем, что делать! Именно неопределенность нас пугает...

— Я лично не собираюсь ждать тут, пока какая-нибудь добрая душа возьмет меня за руку, — решил Черчилль. — Я буду действовать, и сразу же!

— И что же ты собираешься делать? — заинтересовался Ястржембский.

— Поброжу по Вашингтону, погляжу что и как. Идемте со мной, кто хочет. Но если хотите идти своей дорогой — пожалуйста. Я могу быть предводителем, но поводырем не буду.

— Ты так и не понял кое-чего, — сказал Ястржембский, — шестеро из нас даже не с этого материка. Каждого тянет в родные места. Меня — в Сибирь, Гбве-Хан хочет вернуться в свою Дагомею, Аль-Масини — в Мекку, Чандра — в Индию, Лин — в Шанхай. Но это, пожалуй, невозможно. Стэйнберг мог бы вернуться в Бразилию, но там сейчас пустыня, джунгли и дикари. Так что...

— Значит, нужно остаться здесь и попытаться, как советовал Табак, прижиться. Именно это я и собирался сделать. Кто со мной?

Дальнейшие препирательства были бесполезны. Черчилль решительно двинулся вперед по улице, но, обогнув угол, остановился, глядя на стайку мальчишек и девчонок, играющих в мяч.

Подождав минут пять, он тяжело вздохнул. Видимо, никто так и не пошел с ним.

Но он ошибся. Тронувшись с места, он услышал голос Сарванта:

— Подождите минутку, Черчилль!

— А где остальные?

— Азиаты решили добираться до родных мест. Когда я уходил, они все еще спорили: утнать ли им корабль и пересечь Атлантику или похитить оленей и на них добраться до Берингова пролива, а оттуда морем до Сибири.

— Смелые люди, ничего не скажешь. И столь же безрассудные. Неужели они всерьез думают, что это им удастся? Или у них дома условия получше чем здесь?

— Они не понимают, что их ждет. Потеряли голову.

— Я бы хотел вернуться и пожелать им удачи. Все-таки, они храбрые парни. Я всегда знал это, даже когда назвал их мышатами. Хотелось их расшевелить, но, кажется, перестарался.

— Я благословил их, хотя все они атеисты, — сказал Сарвант. — Боюсь, что их кости на этом материке побелеют...

— А что же Вы? Будете пробираться в Аризону?

— Насколько я смог увидеть с корабля, там нет не только организованной власти, но и людей вообще. Юта выглядит ненамного лучше. Большое Соленое Озеро высохло. Возвращаться мне некуда. Ну, а здесь работы хватит на всю жизнь.

— Работы? Не собираетесь ли Вы проповедовать? — Черчилль недоверчиво посмотрел на Сарванта, словно впервые увидев его истинную сущность.

Нефи Сарвант был невысоким, смуглым, костистым человеком лет сорока с весьма характерной внешностью: вздернутый подбородок, казалось, был заострен на конце, тонкие губы, делающие рот узкой полоской, и загнутый крючком нос, направленный к подбородку. Спутники часто шутили, что в профиль он напоминает щипцы для орехов.

Его большие выразительные глаза прямо засветились сейчас изнутри. Вот так же они вспыхивали не раз во время полета, когда он превозносил достоинства своей церкви, как единственной истинной из сохранившихся на Земле. Нефи принадлежал к секте, называвшей себя Последними Хранителями ортодоксального ядра христианства. Правда, в конце концов, и члены этой секты стали отличаться от других христиан только тем, что посещали свои храмы. Религиозный пыл у них угас.

И лишь небольшая группа Хранителей, к которой принадлежал Сарвант, отказывалась смириться с пороками своих соседей. Организовав штаб-квартиру в штате Аризона, эта группа стала рассылать миссионеров в охладевший к религии мир.

Сарвант попал в экипаж "Терры" по той причине, что был крупнейшим авторитетом в своей области геологии. Ему пришлось дать обещание не заниматься обращением в свою веру членов экипажа. Он и не пытался делать это прямо, но предлагал Библию своей церкви и просил, чтобы ее прочли. После этого он пытался объяснить суть отдельных положений.

— Конечно, я намерен проповедовать! — сказал он. — Эта страна так же широко открыта для Священного Писания, как и во времена Колумба. Скажу Вам, Руд, что, когда я увидел опустошение родного Юго-Запада, меня охватило отчаяние. Мне казалось, что моя церковь исчезла с лица Земли. А если это так, то тогда моя церковь была ложной, ведь один из главных ее постулатов — ее вечность. Но я молился, и прозрение снизошло на меня. Ведь я еще существую! И, благодаря мне, наша вера вновь возродится и притом так, как никогда прежде, поскольку те языческие умы, которые убедятся в истине, станут первоапостолами. Наше учение распространится, как пламя. Мы — Последние Хранители — не имели большого влияния на остальных христиан, так как они считали, что уже давно обрели

истинную веру и не хотели иной. А значила она для них едва ли больше, чем спортивный клуб. Но ведь главное — путь.

— Я понимаю Вас, — сказал Черчилль. — Только прошу одного — не приобщайте меня к своей вере. У нас и без этого трудностей достаточно. Пошли.

— Куда?

— Куда-нибудь, где мы сможем продать эти дурацкие костюмы и достать местную одежду.

Улица, по которой они шли, была направлена с севера на юг, и поэтому Черчилль предположил, что если все время идти к югу, она приведет их к гавани. Там, если не произошло больших изменений, должна быть одна лавка, где можно сменить одежду, и, возможно, даже не без выгоды. Пока что по обеим сторонам улицы были расположены аккуратные жилые дома и большие общественные здания. Жилые дома располагались в глубине ухоженных дворов и были построены из кирпича и цемента. В основном, это были одноэтажные, вытянутые по фасаду, строения, многие из них имели пристройки, расположенные под прямым углом. Дома, покрашенные в разные тона, отличались разнообразием. Перед каждым домом стоял столб тотема. Столбы были большей частью высечены из камня, так как дерево берегли для изготовления судов, экипажей, оружия и как топливо.

Общественные здания располагались ближе к улице, были построены из кирпича и зачастую облицованы мрамором. Вокруг многих домов тянулись галереи из высоких колонн. Верхушки куполообразных крыш венчали статуи.

Сарвант и Черчилль шли по мостовой, так как тротуаров не было. Время от времени им приходилось отступать поближе к зданиям, чтобы избежать столкновения со всадниками на оленях или экипажами. Всадники были богато одеты и не обращали внимания на пешеходов; зачастую они неслись во весь опор, не сомневаясь о том, что пешеходы сами поостерегутся, чтобы их не затоптали.

Внезапно характер улицы изменился в худшую сторону. Однообразные обшарпанные дома теснились друг к другу, лишь изредка улицы прорезали узкие переулки. Скорее всего, это были некогда общественные здания, проданные частным владельцам под лавки, ночлежки, доходные дома. Перед ними прямо на улице в грязи копошились голые дети.

Черчилль отыскал нужную лавку и вместе с Сарвантом вошел в нее. Лавка представляла из себя небольшое помещение, заваленное различной одеждой. Цементный пол и стены были очень грязны, противно воняло собачьим калом. Два пса неопределенной породы бросились на вошедших.

Хозяин был невысок, лыс, с большим животом и двойным подбородком, с большими медными серьгами в ушах. Вид у него был такой же, как и у каждого лавочника из любого столетия, разве что на черты его лица время наложило некоторый отпечаток сходства с оленем.

— Мы хотим продать нашу одежду, — обратился к нему Черчилль.

— А она разве чего-нибудь стоит? — спросил лавочник.

— Как одежда — немного, — ответил Черчилль. — Как редкость — может быть и много. Мы с того корабля.

Маленькие глаза хозяина расширились.

— О, братья Героя — Солнце!

Черчилль не знал точного смысла этого восклицания. Что он знал — так это то, что Том Табак вскользь обронил, что капитан Стэгг стал Героем — Солнце.

— Я уверен, ты сможешь продать каждый предмет нашей одежды легко и недешево. Эти одежды были среди звезд в местах столь отдаленных, что идти к ним без остановки для еды и отдыха пришлось бы тысячи лет да еще целую вечность. Ткани этих костюмов хранят свет чужих солнц и запах экзотических миров, где, сотрясая землю, бродят чудища больше этого дома.

Однако на лавочника это не произвело сколь-либо благоприятного впечатления.

— А Герой — Солнце прикасался к этим одеждам?

— Много раз. Как-то он даже одел эту куртку.

— О-о!

Хозяин должно быть понял, что выдал свое нетерпение. Он потупил глаза, лицо его стало безразличным.

— Все это очень хорошо, но я бедняк. И у матросов, которые заглядывают в мою лавку, денег немного. Когда они проходят мимо таверн, они готовы продать собственную одежду.

— Возможно, что это так. Но я уверен, вы имеете дело и с теми, кто может продать эти вещи более состоятельным господам.

Хозяин вынул из кармана юбки несколько монет.

— За все я дам вам четыре колумба.

Черчилль взял Сарванта за руку и двинулся к выходу. Однако хозяин был ловок и преградил путь к выходу.

— Я мог бы предложить пять колумбов.

Черчилль показал на юбку и сандалии.

— Сколько это стоит? Или вернее, сколько Вы запрашиваете за это?

— Три рыбы.

Черчилль задумался. По золотому содержанию колумб был

примерно равен пяти долларам 21-го века. Рыба была равна четверти доллара.

— Ведь я же отлично знаю, что Вы на нас заработаете 1000 процентов. Я отдам все за двадцать колумбов.

Хозяин в отчаянии всплеснул руками.

— Идемте отсюда, Сарвант. Я бы мог пройтись по домам богачей и по одной вещи все распродать. Но у меня нет времени. Даете двадцать или нет? Спрашиваю в последний раз.

— Вы вырываете хлеб из рта моих бедных детей, но я принимаю ваше предложение.

Через несколько минут оба звездолетчика вышли из лавки одетые в юбки, сандалии и круглые шляпы с отвислыми полями. Талии стягивали широкие кожаные пояса с ножнами для длинных стальных ножей. Убранство довершали сумки с накидками от дождя, а в карманах каждого еще оставалось по восемь колумбов.

— Следующая остановка — гавань, — сказал Черчилль. — Когда-то я ходил матросом на яхтах богачей во время летних каникул, чтобы заработать на оплату колледжа.

— Я знаю, что Вы умеете ходить под парусами, — подтвердил Сарвант. — Ведь Вы командовали краденным парусником, когда мы бежали из тюрьмы на планете Вика.

— Я хочу сначала посмотреть, сможем ли мы найти работу в порту, а еще лучше на судне. Потом попробуем выяснить, что случилось со Стэггом и Кальторпом.

— Почему именно на судне? Я знаю Вас достаточно хорошо и чувствую: у Вас что-то на уме.

— Я знаю, что Вы не сплетник. Если я подыщу подходящее судно, мы свяжемся с ребятами Ястржембского и двинем в Азию через Европу.

— Рад слышать это, — сказал Сарвант. — А то я уже подумал, что Вы умыли руки, бросив парней. Но как их разыскать?

— Вы что, притворяетесь? — засмеялся Черчилль. — Мне для этого достаточно спросить, где ближайший храм.

— Храм?

— Конечно. Совершенно очевидно, что власти будут приглядывать за всеми нами. По сути, за нами хвост с того самого момента, как мы вышли из плена.

— Где же он?

— Не оглядывайтесь. Я покажу его вам позже. Пока что идите как ни в чем не бывало.

Они увидели группу людей, собравшихся в кружок и сидевших на коленях. Черчилль мог бы обойти их, но остановился и заглянул через плечи.

— Что они делают? — спросил Сарвант.

- Играют на деньги образца 29-го века.
- Наблюдать азартные игры против моих принципов. Надеюсь, Вы не имеете намерения присоединиться к ним?
- Именно это я и собираюсь сделать.
- Не надо, Руд, — попросил Сарвант, взяв Черчилля за руку. — Из этого не получится ничего хорошего.
- Отче, я не Ваш прихожанин. У них, наверное, есть правда. Это все, что мне нужно.

Черчилль вынул три колу́мба из кармана и громко спросил:

— Можно вступить в игру?

— Конечно, — ответил крупный загорелый мужчина с повязкой на глазу. — Можешь играть, пока деньги не кончатся. Только сошел с корабля?

— Недавно, — подтвердил Черчилль.

Он присел на колени и положил на землю один колу́мб.

— Моя очередь бросать, да? Ну, малютки, папе нужны деньги на водку.

Через тридцать минут Черчилль вернулся к Сарванту, ухмыляясь и тряся горстью серебряных монет.

— Плата за грех, — пояснил он.

Однако улыбка быстро сошла с его лица, когда он услышал громкие крики сзади. Обернувшись, он увидел, что игроки направляются к нему.

— Подожди минутку, дружище, у нас есть пара вопросов.

— Ну и ну, — произнес Черчилль как бы в сторону. — Приготовьтесь к бегству. Эти парни не умеют проигрывать.

— А вы не плутовали, нет? — спросил Сарвант.

— Конечно, нет! Вам следовало бы лучше знать меня. Кроме того, разве можно плутовать с такими грубиянами?

— Послушай-ка, дружище, — сказал одноглазый, — ты как-то чудно разговариваешь. Откуда ты? Из Олбани?

— Манитовек, Висконсин, — ответил Черчилль.

— Не слышал. Это что, какой-то городишко на севере?

— На Северо-Западе. А зачем вам знать?

— Нам не по нутру незнакомцы, которые даже говорить правильно не могут. У чужаков много всяких штучек, особенно когда они играют в кости. Только неделю назад нам попался один матрос из Норфолка, который заговаривал кости. Мы ему повыбивали все зубы и сбросили с причала с грузом вокруг шеи. Только его и видели.

— Если считаете, что я мошенник, нужно было сразу сказать об этом, пока мы играли.

Одноглазый моряк оставил без внимания реплику Черчилля и оскалился:

— Что-то не вижу на тебе тотема. Из какого ты братства?

— Лямбда Чи Альфа, — с вызовом ответил Черчилль и опустил руку на нож.

— Что это за тарабарщина? Ты имеешь в виду братство Льва?

Черчилль понял, что сейчас их с Сарвантом, как ягнят, принесут в жертву, если они не докажут, что находятся под опекой какого-нибудь могущественного братства. Он был бы не против солгать в такой ситуации как эта, лишь бы выпутаться из нее. Но чувство обиды, зревшее в нем все прошедшие шесть недель, вызвало неожиданную вспышку ярости.

— Я принадлежу к расе людей, чего вы не можете сказать о себе! — закричал он.

Одноглазый побагровел.

— Клянусь грудью Колумбии, я вырежу у тебя сердце! Чтобы какой-то вонючий чужеземец так со мной разговаривал!

— Давайте, вы, ворюги, — огрызнулся Черчилль и вытащил нож из чехла. Одновременно с этим он крикнул Сарванту:

— Бегите, что есть мочи!

Одноглазый также вынул нож и, выставив вперед лезвие, двинулся на Черчилля. Тот швырнул горсть монет в глаза моряка и сделал шаг вперед. Ладонью левой руки он ударил по запястью руки, державшей нож. Он выпал, и Черчилль воткнул острие своего ножа в живот моряка.

Затем выдернул его и отступил, согнувшись, чтобы встретить остальных. Но они, как и любые матросы, вовсе не собирались придерживаться каких-либо правил. Один из них схватил валявшийся в груде мусора кирпич и запустил им в голову Черчилля. Мир потускнел в его глазах, лицо залила кровь из раны на лбу. Когда он пришел в себя, нож уже забрали, и два дюжих парня скрутили ему руки.

Третий, маленький и сморщенный, вышел вперед, скалясь беззубым ртом, и направил лезвие в живот Черчилля.

V

Проснувшись, Питер Стэгг обнаружил, что лежит на спине на чем-то мягком. Над головой шелестели ветви огромного дуба. Сквозь листву пробивалось яркое безоблачное небо. Вверху в ветвях резвились птицы — воробьи, дрозды, на нижней ветке сидела огромная сойка, свесив вниз голые человеческие ноги.

Ноги были загорелыми, стройными, красивой формы. Остальные части тела были спрятаны в костюме гигантской птицы. Как только Стэгг открыл глаза, сойка сняла маску, открыв хорошенькое лицо смуглой большеглазой девушки. Она вытянула руку и подняла висевший на веревке за спиной рожок.

Прежде чем Стэгг остановил ее, она издала протяжный дрожащий зов.

И сейчас же поднялся шум.

Стэгг сел и повернулся к источнику шума, исходившего от толпы людей, стоявших по другую сторону дороги. Это было широкое бетонное шоссе, вдоль которого тянулись поля. Он сидел в нескольких метрах от обочины на толстой кипе одеял, заботливо кем-то подложенных под него.

У него не было ни малейшего представления, как и когда он сюда попал. И вообще, где он находится. Отчетливо Питер помнил все события до самой зари, после этого — полное затмение. По высоте солнца можно было судить, что время где-то около одиннадцати.

Девушка-сойка прыгнула с ветви и пропела:

— Доброе утро, благородный Стэгг. Как ты себя чувствуешь?

Стэгг тяжело вздохнул.

— Все мышцы затекли и ноют. И ужасная головная боль.

— После завтрака все будет в порядке. Должна сказать, что этой ночью ты был великолепен. Никогда не слыхала о Герое — Солнце, который мог бы сравниться с тобой. Я сейчас должна уйти. Твой друг Кальторп предупредил, что когда ты проснешься, тебе захочется некоторое время побыть наедине с ним.

— Кальторп! — произнес Стэгг и снова застонал. — Его-то я меньше всего хотел бы видеть.

Но девушка уже перебежала через дорогу и затерялась среди остальных людей.

Из-за дерева появилась седая голова Кальторпа. Он приближался с большим крытым подносом в руках и улыбался, но по всему было видно, что он отчаянно пытается скрыть беспокойство.

— Как ты себя чувствуешь? — закричал он.

Стэгг ответил, затем спросил:

— Где мы находимся?

— Я бы сказал, что мы находимся на дороге № 1 прежних США, но теперь это место называется Застава Мэри. Где-то в 15 километрах от окраины нынешнего Вашингтона, в трех километрах от небольшого крестьянского поселка под названием Фэйр Грэйс. Его обычное население — две тысячи, но сейчас в нем около пятнадцати тысяч. Здесь собрались фермеры и их дочери со всей округи. Все в Фэйр Грэйс с нетерпением ждут тебя. Но нечего сейчас к ним спешить. Ты — Герой — Солнце, поэтому можешь отдыхать сколько захочешь. Разумеется, только до захода солнца. Тогда ты должен дать такое же представление, как и прошлой ночью.

Стэгг осмотрелся и только сейчас понял, что он все еще обнаженный.

— Ты видел меня прошлой ночью? — он умоляюще посмотрел на Кальторпа.

Теперь наступила очередь Кальторпа уткнуться взглядом в землю.

— Место возле ринга, только на время. Я прокрался сквозь толпу в здание. Там и наблюдал за оргией с балкона.

— У тебя есть хоть на грамм благопристойности? — промолвил сердито Стэгг. — То, что я ничего не могу с собой сделать, плохо само по себе. Но еще хуже, что ты спокойно смотришь на мое унижительное поведение.

— Почему же унижительное? Да, я наблюдал за тобой. Я антрополог. В первый раз у меня появился шанс засвидетельствовать обряд оплодотворения с близкого расстояния. Кроме того, как твой друг, я беспокоился за тебя. Но причин для беспокойства не оказалось, ты сам о себе прекрасно заботился. И другие тоже.

Стэгг вспыхнул.

— Смеешься надо мной?

— Боже упаси, нет. Испытываю только изумление. Может быть даже зависть. Разумеется, это рога дают тебе такое влечение и способность. Мне вряд ли бы дали хотя бы малую часть тех веществ, которые вырабатывают панты.

Кальторп поставил поднос перед Стэггом и снял с него салфетку.

— Вот завтрак, какого у тебя не было.

Стэгг отвернулся.

— Забери его отсюда. Мне тошно. Тошно желудку и муторно на душе от всего, что я вытворял ночью.

— А мне казалось, что ты упивался этим.

Питер застонал с нескрываемой яростью, и Кальторп успокаивающе замахал рукой.

— Я не хотел тебя обидеть, просто видел тебя и не могу привыкнуть к этому. Давай, дружище, ешь. Смотри, что тебе приготовили! Свежеподжаренный хлеб, свежее мясо, масло и джем, мед, яйца, бекон, ветчина, форель, оленина и кувшин холодного свежего пива. И, если захочешь, будет еще добавка.

— Повторяю тебе, меня мутит! Я ничего не могу есть!

Несколько минут он сидел молча, разглядывая расположенные через дорогу ярко раскрашенные палатки и снующих возле них людей. Кальторп присел рядом и раскурил большую зеленую сигару.

Порывистым движением Стэгг схватил кувшин и сделал глоток. Затем отложил кувшин, вытер пену с губ тыльной сто-

роной кисти, икнул и схватил вилку и нож.

Он начал есть, как будто ел первый раз в жизни — или в последний.

— Я должен есть, — извинился он. — Я слаб, как новорожденный котенок. Смотри, как трясется моя рука.

— Ты должен поест за сотню людей, — заметил Кальторп. — И в конце концов, ты выполнил работу целой сотни, двух сотен.

Стэгг поднял руку и прикоснулся к рогам.

— Все еще здесь. Эге! Они не торчат прямо и упруго, как вчера. Они мягкие. А вдруг они будут уменьшаться и отсохнут?

Кальторп покачал головой.

— Нет. Когда к тебе вернется сила, и давление крови повысится, они затвердеют снова.

— Чем бы эти рога не накачивали меня, — рассуждал Стэгг, — оно должно на некоторое время выводиться из организма. Если отбросить слабость и раздражительность, то я чувствую себя вполне сносно. Если бы только избавиться от этих рогов! Док, ты не сможешь их удалить?

Кальторп печально покачал головой.

Стэгг побледнел.

— Значит, мне предстоит пройти через все это опять?

— Боюсь, что да, мой мальчик.

— Сегодня ночью в Фэйр Грэйс? И следующей ночью в еще одном городе? И так пока... Когда?

— Питер, извини, но я не знаю, сколько это будет длиться.

Стэгг сжал его кисть своей огромной рукой так, что Кальторп взвыл от боли. Ослабил хватку.

— Извини, Док. Но я опять возбужден.

— Что ж, — Кальторп потирал кисть. — Есть одно предположение. Раз все это дело началось в зимнее солнцестояние, закончится оно, может быть, в летнее. То есть где-то около двадцать второго июня. Ты символизируешь солнце. По сути, этот народ смотрит на тебя буквально как на воплощение Солнца, особенно если учесть, что ты снизошел на пылающем железном коне с небесной выси.

Стэгг обхватил голову руками, размазывая слезы по лицу. Кальторп нежно гладил его голову и сам не мог сдержать слез. Он понимал, как тяжело его капитану, если он, человек стальной воли, плачет как ребенок.

Наконец Стэгг встал и направился через поле к протекавшему поблизости ручью.

— Я должен выкупаться. Я весь грязный. Если уж быть Героем — Солнце, то хотя бы чистым.

— А вот и они, — указал Кальторп на толпу, поджидавшую

Стэгга в полусотне метров, — твой преданные почитатели и телохранители.

Питер сделал гримасу.

— Сейчас я ненавижу себя. Но прошлой ночью восхищался тем, что могу сделать. Мне было все дозволено, все внутренние запреты были сметены. Я переживал то, что является заветной и тайной мечтой каждого мужчины — получить неограниченные возможности и иметь неистощимую способность. Я был Богом!

Он остановился и снова схватил Кальторпа за руку.

— Вернись на корабль! Достань ружье и попробуй пронести его мимо охраны. Возвращайся и стреляй мне в голову, чтобы не нужно было проходить сквозь это снова.

— Извини, но, во-первых, я не знаю, где достать ружье. Том Табак сказал мне, что все оружие вынесено с корабля и заперто в укромном месте, а во-вторых, я не смогу тебя убить. Пока есть жизнь, есть надежда. Мы еще выпутаемся из этой переделки.

— Скажи мне, как?

Продолжить разговор не удалось. Толпа пересекла поле и окружила их. Прямо в уши ревели трубы и барабаны, визжали флейты и дудки. Мужчины и женщины старались перещеголять друг друга в пронзительности криков. Стайка молоденьких девушек настаивала на том, чтобы выкупать Стэгга, а затем растереть полотенцем и надушить. Напиравшая толпа оттеснила Кальторпа.

Постепенно самочувствие Стэгга улучшилось. Массаж, произведенный ловкими девичьими пальцами, развеял уныние, и, когда солнце подошло к зениту, силы стали возвращаться к нему. К двум часам жизнь в нем била через край, и он уже хотел приступить к делу.

К его неудовольствию наступило время сиесты. Толпа рассеялась в поисках тени. Несколько особенно верных почитателей остались возле Стэгга, но их сонный вид выдавал желание поваляться где-нибудь. Однако это им было запрещено, это были его стражи, надежные люди с копьями и ножами. В нескольких метрах поодаль дежурили несколько лучников. У них были странные стрелы, вместо широких острых стальных наконечников, завершающиеся длинными иглами. Без сомнения, кончики игл были смочены каким-то наркотиком, который бы на некоторое время парализовал Героя — Солнце, решишь он сбежать.

Стэгг подумал о том, что выставять стражу было глупо. Теперь, когда он чувствовал себя лучше, он уже нисколько не думал о бегстве. Наоборот, даже удивился, как это он могмышлять о таком глупом поступке. Зачем ему бежать и почти

наверняка быть убитым, если есть столько всего, ради чего стоит жить.

Он прогуливался по полю, стража следовала за ним на почтительном расстоянии. На лугу было разбито около сорока шатров, вокруг которых спало более ста пятидесяти человек. Но не они в этот момент интересовали Стэгга. Ему захотелось поговорить с девушкой в клетке.

Едва попав в Белый Дом, он сразу же заинтересовался, кто она и почему ее держат пленницей. На вопросы окружающие неизменно отвечали одно и то же, приводившее его в ярость: "Что суждено, того не избежать". Он вспомнил, что видел ее, когда неудержимо рвался к Виргинии — Верховной Жрице. Память напомнила ему о том стыде, который он испытывал в какой-то момент вчера, но это воспоминание быстро прошло.

Клетка стояла на тележке с колесами в тени платана, олень, таскавший ее, пасся рядом. Стражники, которые могли бы подслушивать, были далеко.

Девушка сидела на встроенной в одном из углов клетки параше. Рядом стоял крестьянин и спокойно курил сигарету, ожидая, когда она закончит. После того как она встанет, он заменит выдвижной ящик под парашей и отнесет его в поле, чтобы удобрить почву.

На ней была кепка с длинным узким козырьком, серая рубашка и штаны до лодыжек, какие носили все девственницы. Она наклонила голову, но Стэгг знал, что не от стыда справлять нужду на людях. Он уже был достаточно знаком с простым, естественным, как у животных (с его точки зрения), отношением этих людей к отжившим условиям. Они стыдились многого и многое запрещали, но не публичное опорожнение.

В одном из углов стояла метла, в противоположном — привинченный к полу шкафчик. Скорее всего в нем были туалетные принадлежности, так как на полке сбоку шкафчика лежали таз для мытья и полотенца.

Он вновь взглянул на надпись над клеткой, но, как и тогда, понял немного.

— Здравствуй, — сказал он.

Девушка встрепенулась, как будто он нарушил ее дремоту, и подняла голову. У нее были большие темные глаза и правильные черты лица. И без того белая кожа побелела еще больше, когда она увидела его рядом с собой. Девушка отвернулась.

— Я сказал здравствуй. Ты не умеешь говорить? Я тебе не сделаю ничего плохого.

— Не хочу разговаривать с тобой, ты — зверь, — ответила она дрожащим голосом. — Уйди прочь.

Он хотел подойти еще ближе, но сдержался.

Разумеется, девушка была свидетельницей прошлой ночи. Даже если она отвернулась и закрыла глаза, все равно должна была все слышать. Да и любопытство заставило бы ее открыть глаза, хотя бы чуть-чуть.

— В том, что произошло, моей вины нет, — продолжал он, — вот что всему причина, — он притронулся к рогам. — Они что-то творят со мной. Я сам не свой.

— Уйди прочь. Не желаю говорить с тобой. Ты языческий дьявол.

— Потому что я не одет? Так я натяну юбку.

— Уйди прочь.

Один из стражей подошел к нему.

— Великий Стэгг, ты хочешь эту девушку? Она будет твоей потом, но не сейчас. Только в конце путешествия. Тогда Великая Седая Мать отдаст ее тебе.

— Я только хотел бы поговорить с ней.

Страж улыбнулся.

— Поджарить бы слегка ее милую задницу, и она б заговорила. Увы, нам не разрешено пытаться ее, во всяком случае, пока.

Стэгг отвернулся от клетки.

— Ничего, как-нибудь заставлю ее говорить, потом. Сейчас мне захотелось холодного пива.

— Минуточку, сир.

Страж, ничуть не заботясь о том, что разбудит весь лагерь, пронзительно засвистел. Из ближайшего шатра выбежала девушка.

— Холодного пива, — крикнул страж.

Девушка юркнула в шатер и вернулась с подносом, на котором стоял запотевший медный кувшин.

Стэгг схватил кувшин, не поблагодарив девушку, приложил ко рту и уже пустой отшвырнул в сторону.

— Хорошо! — рыгнул он громко. — Но от пива раздувается живот. Водка холодная есть?

— Конечно, сир.

Она вынесла из шатра серебряный кувшин, полный кусочков льда. Вылив водку в кувшин со льдом, она протянула его Стэггу.

Он выпил полкувшина. Это обеспокоило стражников.

— Великий Олень, если будешь так продолжать, то нам придется нести тебя до Фэйр Грэйс.

— Герой — Солнце способен выпить за десятерых, — хвастливо сказала девушка, — и все равно сможет переспать с сотней девушек за одну ночь.

Стэгг зычно рассмеялся.

— Что, смертный, ты не знал этого? А зачем быть Великим

Оленем, если нельзя делать всего, что в голову взбредет?

— Прости меня, сир, — пролепетал стражник. — Просто я знаю, как людям в Фэйр Грэйс не терпится приветствовать тебя. В прошлом году когда Герой — Солнце был из Львов, он выбрал другую дорогу из Вашингтона, и в Фэйр Грэйс не смогли принять участие в празднествах. Поэтому их очень опечалит, если Герой — Солнце будет не в форме.

— Не дури, — строго заметила девушка. — Разве можно так говорить с Героем — Солнце? Он может разозлиться и убить тебя. Такое случается, чтоб ты знал.

Стражник еще раз извинился и побрел к своим товарищам, стоявшим в стороне в ожидании.

— Я снова голоден, — удивленно отметил Стэгг, — дайте еще еды. Побольше мяса.

— Да, сир.

Стэгг начал рыскать по лагерю. Подойдя к седому тучному мужчине, храпевшему в гамаке, натянутом между двумя шестами, он перевернул гамак и опрокинул толстяка на землю. Затем с хохотом начал будить спящих громко крича прямо в ухо. Когда и это ему надоело, он поймал за ногу одну из девушек и принялся щекотать ее подошву. Она тряслась от смеха, плакала и умоляла отпустить ее. Молодой человек, ее возлюбленный, стоял рядом, но не шелохнулся, чтобы освободить ее. Кулаки его были стиснуты, но вмешиваться в действия Героя — Солнце считалось святотатством.

Увидав парня, Стэгг нахмурился, отпустил девушку и вскочил на ноги. К счастью, в этот момент девушка, посланная за едой, вернулась с подносом, на котором стояли два кувшина с пивом. Стэгг взял один кувшин и вылил его на голову парня. Обе девушки расхохотались и, казалось, это стало сигналом для всего лагеря. Все стали дико смеяться.

Девушка с подносом схватила другой кувшин и вылила на толстяка, вывалившегося из гамака. Холодная жидкость живо привела его в чувство, он вскочил и побежал в палатку. Выйдя из нее с бочонком пива, он немедленно вылил на девушку все его содержимое.

По всему лагерю начали обливаться пивом. На лугу не осталось никого, с кого бы ручьями не текло пиво, вино или виски. Исключением была только девушка в клетке. Даже Герой — Солнце был весь мокрый. В голову ему пришла новая мысль. Он начал опрокидывать шесты, поддерживающие палатки, и они накрывали тех, кто был внутри. Остальные последовали за ним, и скоро весь лагерь превратился в хаос копошащихся тел, пытающихся выбраться из-под материи, накрывшей их.

Стэгг схватил девушку, которая прислуживала ему, и девушку, которую щекотал.

— Вы обе, наверное, девицы. Иначе бы не были почти голыми. Как же это я прошел мимо вас прошлой ночью?

— Для первой ночи мы были недостаточно красивы.

— Судьи, видно, ослепли, — взревел, негодуя, Стэгг. — Вы две самые красивые и желанные девушки, которых я когда-либо видел.

— Спасибо тебе. Говоря честно, наша внешность не виновата в том, что нас не избрали невестами Героя — Солнце, сир. Мне страшно даже думать о том, что может случиться, если меня подслушают жрицы. Но правда в том, что если родители богаты и имеют связи, то такую девушку выберут невестой скорее, чем даже очень красивую.

— Тогда почему же вас приставили в мое окружение?

— Мы заняли второе место на конкурсах Мисс Америка, сир. Быть в Вашем окружении тоже великая честь, хотя и не такая, как дебютировать в Вашингтоне. И мы надеемся, что сегодня ночью в Фэйр Грэйс...

Обе смотрели на него, широко открыв глаза, тяжело дыша от вожделения. Их губы и соски набухли ожиданием.

— Зачем же ждать ночи?

— Обычно не принято начинать до начала праздника, сир. К тому же большинство Героев — Солнце приходят в себя после предыдущей ночи только к вечеру...

Стэгг расхохотался.

— Я — Герой — Солнце, какого у вас еще не было. Я подлинный Стэгг.

Он сгреб обеих девушек и на руках понес в шатер.

VI

Черчилль отпрянул назад и попытался пустить в ход ноги, чтобы выбить еще пару зубов. Но удар кирпичом не прошел даром, и он едва поднял ногу.

Увидев угрожающее движение Черчилля, беззубый отскочил назад. Но поняв его беспомощность, он решительно бросился вперед, целясь ножом в солнечное сплетение.

Раздался крик, и невысокий человек оттолкнул Черчилля, рукой преградив путь лезвию. Острие прошло насквозь через ладонь.

Это был Сарвант, который прибег к столь неуклюжему, но единственному средству, чтобы спасти друга от смерти.

На мгновение все оцепенели. Затем другой моряк толкнул Сарванта так сильно, что тот упал на спину вместе с торчащим

из руки ножом. Беззубый вырвал его из ладони и обернулся к первоначальной мишени. Прямо над ухом у него прозвучал пронзительный свист. Беззубый замер. Свистевший размахнулся длинной пастушьей палкой и огрел концом ее беззубого по шее.

Свистевший был одет в светло-голубое. Такими же были его совершенно невозмутимые глаза.

— Эти люди находятся под защитой самой Колумбии, — объяснил он. — Расходитесь сейчас же, если не хотите, чтобы вас через десять минут вздернули. И не думайте даже мстить этим людям после. Поняли?

Моряки не стали дожидаться развития событий и побежали.

— Я обязан Вам жизнью, — поблагодарил Черчилль, все еще трясась.

— Вы обязаны жизнью Великой Седой Матери, — ответил человек в голубом. — А ее пути и деяния неисповедимы. Я просто ее орудие. Еще четыре недели вы будете под ее покровительством. Будем надеяться, вы докажете, что достойны ее внимания.

Он взглянул на кровоточащую руку Сарванта.

— Думаю, вы обязаны жизнью и этому человеку. И хотя он тоже простое орудие Колумбии, он хорошо послужил ей. Идемте со мной. Мы исцелим руку.

Они последовали за человеком в голубом. Черчилль поддерживал стонущего от боли Сарванта.

— Вот этот парень шел за нами, — объяснил Черчилль. — К счастью для нас. И спасибо за то, что Вы сделали, Сарвант.

Лицо Сарванта засветилось удовольствием.

— Я был счастлив сделать это для Вас, Руд. И я бы сделал еще раз, даже зная наперед, что мне будет плохо. Сознание содеянного делает меня счастливым.

Черчилль не знал, что ответить на это, поэтому промолчал.

Они молча вышли из района гавани и подошли к храму, расположенному в глубине улицы. Проводник завел их в прохладное внутреннее помещение. Он что-то сказал жрице в длинном белом платье, которая повела Сарванта дальше в храм, а Черчилля попросила подождать, пока они не вернуться назад.

Он не возражал, так как был уверен, что у них не было дурных намерений, во всяком случае сейчас.

Почти час расхаживал он взад и вперед около больших песочных часов, стоявших на столе. В комнате было тихо, прохладно и полутемно.

Когда он переворачивал часы, появился Сарвант.

— Как рука?

Сарвант протянул ее к свету. На ней не было повязки. От-

верстие было заклеено, и прозрачная пленка из какого-то вещества покрывала рану.

— Мне сказали, что я могу пользоваться ею для тяжелой работы даже сейчас, — восхищался Сарвант. — Руд, может быть эти люди и отсталые во многих отношениях, но что касается биологии, они не уступят никому. Жрица сказала, что эта тонкая пленка-псевдоплоть, которая будет расти и полностью затянет рану, будто ее и не было. Они сделали мне переливание крови, затем дали поесть, что, кажется, сразу придало мне силы. Но не даром, — закончил он, сделав гримасу, — они сказали, что пришлют мне счет.

— У меня такое впечатление, что эта культура не терпит лодырей и тунеядцев, — заметил Черчилль. — Нам нужно подыскать какую-нибудь работу и побыстрее.

Они покинули храм и на этот раз без происшествий вышли к берегу реки Потомак.

Гавань простиралась вдоль берега на добрых два километра. Некоторые суда были пришвартованы к причалам, многие стояли на якоре посреди реки.

— Перед нами панорама порта начала девятнадцатого века, — констатировал Черчилль. — Парусники любых типов и размеров.

Уверен, пароходов мы здесь не увидим, хотя неразумно полагать, что эти люди не умеют их строить.

— Запасы угля и нефти истощились задолго до того, как мы покинули Землю, — заметил Сарвант. — Они могли бы жечь дрова, но у меня сложилось впечатление, что, хотя деревья здесь нередки, их не рубят без надобности. И, очевидно, они либо забыли как производить ядерное топливо, либо сдерживают это знание.

— Сила ветра пусть и не обеспечивает большую скорость, — добавил Черчилль, — но зато всегда в избытке и доставит куда нужно вовремя. Смотрите, какой красивый корабль идет сюда!

Жестом он указал на одномачтовую яхту с белым корпусом и красными парусами. Она разворачивалась, чтобы пристать как раз к тому причалу, где они стояли.

Черчилль, таща за собой Сарванта, сбежал по длинной лестнице к берегу. Он любил поговорить с моряками, а люди на этой яхте очень напоминали тех, с кем он плавал во время летних каникул.

За рулем стоял седой плотный мужчина лет пятидесяти пяти. Двое других, по-видимому, были его сын и дочь. Сын был высоким, хорошо сложенным, статным блондином лет двадцати, дочь — невысокой, с хорошо развитой грудью и тонкой талией, длинноногая, с необычайно красивым лицом и длинными свет-

лыми волосами. Ей могло быть от шестнадцати до восемнадцати лет. На ней были свободные шаровары и короткая синяя куртка.

Она вышла на ют и, видя, что двое мужчин стоят на пирсе, обратилась к ним, сверкнув белыми зубами:

— Держи конец, моряк!

Черчилль подхватил конец и подтянул яхту к пристани. Девушка перегнулась через борт и улыбнулась:

— Спасибо, моряк!

Юноша-блондин пошарил в кармане юбки и бросил Черчиллю монету.

— За твой труд, милейший.

Черчилль перевернул монету. Колумб. Раз эти люди дают столь щедрые чаевые за такую ничтожную услугу, с ними, должно быть, стоит познакомиться.

Он легко перекинул щелчком монету в сторону юноши. Тот, хотя и удивился, ловко поймал ее одной рукой.

— Спасибо, но я не слуга, — пояснил Черчилль.

Глаза девушки стали шире, и Черчилль увидел, что они темно-синие.

— Мы не хотим Вас обидеть, — произнесла она низким голосом.

— А я и не обиделся.

— По Вашему акценту можно судить, что Вы не из Ди-Си, — сказала она. — Вас не обидит, если я спрошу откуда Вы родом?

— Я родился в Манитовеке, городе, который больше не существует. Имя мое — Рудольф Черчилль, а товарища моего — Нефи Сарвант. Он из Мезь, в Аризоне. Нам по восемьсот лет, и мы на удивление хорошо сохранились для своего возраста.

У девушки перехватило дыхание.

— О, вы братья Героя — Солнце!

— Да, сотоварищи капитана Стэгга.

Черчиллю понравилось то, что он произвел такое сильное впечатление.

Отец протянул ему руку, и по этому жесту Черчилль понял, что он и Сарвант приняты как равные, во всяком случае, в данный момент.

— Я — Рес Витроу. Это — мой сын Боб, а это — моя дочь Робин.

— У Вас красивая яхта, — похвалил Черчилль, зная, что это лучший способ завязать непринужденный разговор.

Рес Витроу сразу же стал объяснять достоинства своего судна, его дети с воодушевлением дополняли его. Как только в разговоре бывалых яхтсменов наступила короткая пауза, Робин, едва дыша, сказала:

— Вы, должно быть, многое увидели — множество удиви-

тельных вещей, если это правда, что летали к звездам? Я бы так хотела послушать об этом.

— И я, — присоединился к ней Витроу, — также полон желания. Почему бы вам обоим не зайти вечером ко мне в гости? Конечно, если сегодняшний вечер у вас не занят.

— Мы польщены, — с достоинством ответил Черчилль. — Но, боюсь, мы не одеты надлежащим образом.

— Об этом не беспокойтесь, — сердечно возразил Витроу. — Я позабочусь, чтобы вас одели, как подобает братьям Героя — Солнце.

— А Вы можете сказать, что с ним?

— Вы не знаете? Охотно допускаю это. Мы сможем поговорить об этом вечером. Очевидно, есть многое такое, чего вы не знаете о Земле, на которой не были столь невероятно долго. Это правда? Восемьсот лет! Да хранит вас Колумбия!

Робин сняла куртку и стояла обнаженная по пояс. У нее была замечательная грудь, но, казалось, она сама не осознавала этого, так же как и других своих прелестей. Вернее, она знала, что у нее есть на что посмотреть, но не позволяла этому знанию препятствовать грации движений, либо побуждать к кокетству.

Сарвант был настолько потрясен, что не позволял себе смотреть на нее долго. Черчиллю это казалось странным. Нефи, хотя и порицал одежду и манеры девушек Ди-Си, казалось, несколько не смущался при виде их, когда они шли по улицам. Пожалуй, из-за того, что на других девушек он смотрел отстраненно, безразлично, как на диких туземцев чуждой земли. Здесь же знакомство подразумевало возникновение другого отношения.

По ступеням они взобрались наверх, где уже ждал экипаж; запряженный парой крупных темно-коричневых оленей. На небольшой площадке позади возка стояли двое вооруженных парней. Спереди восседал возница.

Витроу с сыном пригласили Сарванта присесть здесь же. Робин, не задумываясь, расположилась рядом с Черчиллем, и притом очень близко к нему. Грудь ее почти лежала на его руке, и он чувствовал, как исходящее от девушки тепло поднимается к лицу. Ему даже стало немного не по себе от того, что он не в состоянии скрыть, насколько сильно она его волнует.

Олени быстро бежали по улице, возница не считал нужным обращать внимание на пешеходов, которые, по его убеждению, должны были сами вовремя убираться с дороги. Через пятнадцать минут они оказались в районе проживания знати и богачей, промчались по длинной мощеной аллее и остановились у большого светлого дома.

Черчилль спрыгнул и подал руку Робин. Она, улыбнувшись,

поблагодарила его. Внимание его привлек громадный тотемный столб во дворе. На нем скалились стилизованные головы нескольких животных, но чаще всего попадались кошачьи.

Витроу догадался, что интересует Черчилля.

— Я из Львов. Моя жена и дочери принадлежат к Речным Кошкам.

— Мне известно, что тотем является могучей частью вашего общества. Но мне чужда сама идея.

— Я заметил, что у вас нет ничего, что свидетельствовало бы о принадлежности к какому-либо из братств, — отозвался Витроу. — Я мог бы посодействовать вам присоединиться к одному из них. Это совершенно необходимо. По сути, насколько мне известно, вы — первые, кто сам по себе.

Беседу прервали пятеро ребятишек, выскочивших из главного входа и с нежностью набросившихся на своего отца. Витроу поочередно представил гостям этих голых мальчишек и девочек, а затем, когда подошли к крыльцу, познакомил со своей женой, полной женщиной средних лет, некогда, вероятно, очень красивой.

Пройдя небольшие сени, они вошли в просторную комнату, вытянувшуюся во всю длину дома, и представляющую сочетание столовой, гостиной и комнаты для отдыха.

Здесь Витроу поручил Бобу позаботиться о том, чтобы обоим гостям дали возможность вымыться. Приняв душ, они получили весьма пристойную одежду, которую, по настоянию Боба, могли оставить себе.

Вернувшись из ванной в гостиную, они встретили Робин с двумя бокалами вина.

— Я понимаю, это противоречит вашим принципам, — прошептал Черчилль, пытаясь упредить отказ Сарванта, — но если вы отвергнете угощение, то обидите хозяев. Хотя бы пригубите для вида.

— Стоит уступить в малом, потом не устоишь и в большом.

— Да не упрямьтесь, как осел, — сердито зашептал Черчилль. — Вы ведь не станете пьяным от одной рюмки.

— Я притронусь к бокалу губами, — пообещал Сарвант. — И все. На большее не рассчитывайте.

Черчилль рассердился, но не настолько, чтобы не оценить по достоинству изысканный букет вина. К тому времени, когда показалось доньшко бокала, их пригласили к столу. Витроу предложил гостям почетное место по правую от хозяина руку, Черчилля усадил рядом с собой.

Робин оказалась, к удовлетворению Черчилля, прямо напротив него. Даже просто смотреть на нее — и то доставляло ему радость.

Жена Витроу, Анжела, сидела на другом конце стола. Хозяин произнес молитву, нарезал мясо и стал передавать его гостям и домочадцам. Хозяйка говорила много, но мужа не перебивала. Дети, хотя и перешептывались и хихикали, следили за тем, чтобы не рассердить отца. Даже два десятка котов, разгуливавших по комнате, вели себя вполне пристойно.

Стол ломился от яств, в этой стране явно не ощущалась нехватка продуктов. Кроме обычных овощей и фруктов здесь были жареная оленина и баранина, цыплята и индейка, ветчина, тушеные кузнечики и муравьи. Слуги непрерывно подливали в бокалы вино и пиво.

— Мне очень хочется послушать о вашем путешествии к звездам, — громко возвестил Витроу. — Но об этом потом, за столом я лучше расскажу о себе, о своей семье, чтобы вы лучше узнали, кто мы, и чувствовали себя посвободнее.

Витроу набрал полный рот пищи, но продолжал говорить, одновременно пережевывая еду. Родился он на небольшой ферме на юге Виргинии, неподалеку от Норфолка. Отец его был человеком уважаемым, поскольку выращивал свиней, а свиноводство, как это всем известно, кроме, пожалуй, звездолетчиков, весьма почетное занятие в Ди-Си.

Однако Витроу не был в ладах со свиньями. Ему нравились корабли, поэтому, по окончании начальной школы, он бросил ферму и ушел в Норфолк. Начальная школа, по-видимому, соответствовала семилетке во времена Черчилля. Из слов Витроу можно было понять, что учение не было обязательным и влетело отцу во внушительную сумму. Большинство людей оставалось неграмотными.

Витроу нанялся юнгой на рыбацкое судно. Через несколько лет, накопив достаточно денег, он поступил в навигационное училище в Норфолке. Из историй, касавшихся пребывания Витроу в этом училище, Черчилль понял, что компас и секстант все еще употреблялись моряками.

Витроу, хотя и стал моряком, не был посвящен ни в одно из матросских братств. С самой ранней юности он строил далеко идущие планы. Ему было известно, что наиболее могущественным из всех братств в Вашингтоне были Львы. Очень нелегко было вступить в это братство сравнительно небогатому юноше, но тут ему улыбнулось счастье.

— Сама Колумбия взяла меня под свое крыло, — произнес он, и трижды ударил кулаком по столу. — Я не хвастаюсь, Колумбия, просто хочу, чтобы люди знали о твоей доброте!

Да, я был простым матросом, хотя и закончил Математический колледж в Норфолке. Чтобы получить должность младшего офицера, мне нужен был состоятельный поручитель. И я

нашел покровителя! Это случилось, когда я на купеческой бригадине шел в Майами, во Флориде. Жители Флориды незадолго до этого проиграли крупное морское сражение и вынуждены были просить мира. Мы оказались первым за десять лет кораблем с грузом из Ди-Си и поэтому рассчитывали, что рейс будет прибыльным. Жителям Флориды должны были понравиться наши товары, даже если не понравятся наши лица. В пути, однако, на нас напали карельские пираты.

Черчилль было подумал, что карелами зовут сейчас жителей Каролины, но некоторые подробности, упомянутые Витроу, наводили на мысль о том, что они родом из-за океана. Но если это так, то Америка вовсе не настолько изолирована, как он полагал.

Суда карелов протаранили бригадину, и пираты пошли на абордаж. Последовала жестокая схватка. Витроу спас одного состоятельного пассажира, которому грозило быть рассеченным надвое широким карельским мечом. С большим трудом и потерями нападение было отбито. В сражении пали все офицеры, и командование судном принял Витроу. Вместо того, чтобы вернуться, он привел судно в Майами и продал груз с большой выгодой.

С этого-то и началось его быстрое возвышение. Ему доверили судно. Как капитан, он получил большие возможности увеличивать собственное состояние. Кроме того, человек, жизнь которого он спас, хорошо разбирался в том, что происходит в деловых кругах Вашингтона и Манхэттена и направлял финансовую деятельность Витроу.

— Я часто бывал у него в гостях, — произнес Витроу, разделяясь с очередным, десятым по счету, бокалом вина. — Вот там я и познакомился с Анжелой. После того, как мы поженились, я стал компаньоном ее отца. И вот теперь, можете убедиться сами, я — владелец пятнадцати крупных торговых судов, множества ферм, и гордый отец этих крепких и красивых детей, да продлит Колумбия наше процветание!

— Выпьем за это! — воскликнул Черчилль и выпил тоже десятую по счету чарку. В начале обеда он пытался пить в меру, чтобы сохранить четкость восприятия. Однако Витроу настоял на том, чтобы гости пили, не отставая от него. Сарвант отказался. Витроу промолчал и больше уже к нему сам не обращался, только отвечал на те вопросы, которые ему задавал Сарвант непосредственно.

За столом стало очень шумно. Дети тоже пили вино и пиво, даже самый младший шестилетний сын. Теперь они уже не хихикали потихоньку, а хохотали вовсю, особенно, когда Витроу отпускал шутки, от которых пришел бы в восторг Рабле. Слути,

стоявшие за креслами хозяев, тоже хохотали до слез и держались за бока.

У этих людей, казалось, не было никаких сдерживающих начал. Они громко чавкали и разговаривали с набитыми пищевыми ртами. Когда отец громко рыгнул, дети попытались превзойти его.

Поначалу внешний вид Робин, расправлявшейся с едой как заправская хавронья, вызывал чувство отвращения у Черчилля. Ему еще более явной стала видна пропасть между ними, пропасть, гораздо большая, чем просто разница в возрасте. Но после пятой выпитой чарки он вдруг потерял отвращение к ее застольным манерам. И убедил себя, что отношение этих людей к еде более непосредственно и здорово, чем в его эпоху. Кроме того, застольные манеры сами по себе, по своей внутренней сущности, не могли характеризоваться такими категориями, как хорошие или плохие. Обычаи страны определяли, что допустимо, а что — нет.

Сарвант, казалось, был другого мнения. Он становился все более замкнутым и к концу обеда не поднимал глаз от тарелки.

Витроу же совсем разбушевался. Когда жена проходила мимо него, чтобы распорядиться по кухне, он сильно, но с любовью похлопал ее по широкому задку, рассмеялся и сказал, что вспомнил ту ночь, когда была зачата Робин, а затем пустился расписывать подробности той ночи.

Прямо посреди рассказа Сарвант поднялся и вышел из дома. После его ухода за столом воцарилась тишина.

— Ваш друг заболел? — спросил, наконец, Витроу.

— Некоторым образом, — ответил Черчилль. — Он вырос в стране, где сексуальные разговоры считаются непристойными, табу.

Витроу удивился.

— Однако... как же такое могло произойти? Что за странный обычай?

— Я полагаю, что и у вас есть свои запретные темы, и они могут показаться столь же странными ему. Извините меня, я должен пойти и выяснить, что он затевает. Я скоро вернусь.

— Передайте ему, чтобы он тоже вернулся. Мне хочется еще разок взглянуть на человека со столь извращенным мышлением.

Выйдя из дома, Черчилль увидел, что Сарвант попал в довольно своеобразное положение. Он забрался почти на половину высоты тотемного столба и тесно к нему прижался, чтобы не упасть. Увидев эту освещенную луной сцену, Черчилль стремглав бросился назад, в дом.

— Во дворе львица! Она загнала Сарванта на столб!

— Это Алиса, — пояснил Витроу. — Пума, которую мы отпускаем после захода солнца отпугивать бродяг. Я сейчас попрошу Робин унять ее. Она и ее мать умеют управляться с крупными кошками намного лучше меня. Робин, отведи Алису в клетку!

— А может ее лучше взять с собой? — спросила Робин. — Ты не возражаешь, если мистер Черчилль поведет меня на концерт? С тобой он успеет поговорить позже. Я уверена, он не откажется от предложения погостить у нас некоторое время.

Казалось, что-то промелькнуло между отцом и дочерью. Витроу понимающе улыбнулся и кивнул.

— Разумеется. Мистер Черчилль, не угодно ли вам быть моим гостем? Можете оставаться у нас столько, сколько вам заблагорассудится.

— Для меня это большая честь, — согласился Черчилль. — А Сарванта касается это приглашение?

— Если он пожелает. Только не уверен, что ему будет легко у нас.

Черчилль открыл дверь и пропустил Робин. Она вышла наружу и, не колеблясь, взяла пуму за ошейник.

— Спускайтесь, Сарвант, — позвал Черчилль. — Еще не пришло время бросать христиан ко львам на растерзание.

Сарвант неохотно спустился со столба.

— Мне, разумеется, следовало не трогаться с места. Но все произошло так неожиданно. Я меньше всего ожидал этого.

— Вас никто не осуждает за то, что вы спаслись, как могли, — приободрил его Черчилль. — Я бы поступил точно так же. Горного Льва нельзя не уважать.

— Подождите немного, — произнесла Робин. — Я должна пойти за поводком для Алисы.

Она погладила голову львицы и пощекотала за ухом. Большая кошка довольно замурлыкала, хотя издаваемые ею звуки напоминали, скорее, шум отдаленной грозы. Затем, по команде хозяйки, она последовала за нею в дом.

— Все в порядке, Сарвант, — сказал Черчилль. — Почему вы улизнули из-за стола? Неужели вам непонятно, что этим вы могли нанести смертельную обиду нашим хозяевам? К счастью, Витроу на меня не сердится. А вот из-за вас этот лучший взор Фортуны за все время нашего пребывания в Ди-Си мог от нас отвернуться.

Сарвант сердито посмотрел на Черчилля.

— Неужели вы хоть на миг допускаете, что я должен был спокойно переносить подобное скотское поведение? Эти его непристойные описания сокоупления с женой?

— Полагаю, что в данное время и в данной стране в этом нет

ничего предосудительного, — спокойно заметил Черчилль. — Эти люди, ну, как это сказать, люди вполне земные. Им по нраву хорошая возня в постели, и им нравится рассказывать об этом.

— Боже праведный, да ведь вы их защищаете!

— Сарвант, что-то я вас никак не пойму. Вы сотни раз сталкивались с обычаями гораздо более отталкивающими, совершенно омерзительными, когда мы были на Востоке. Но я никогда не замечал, чтобы вы отворачивались.

— То было совсем иное. Викиане не были людьми.

— Они были гуманоидами. Нет, Сарвант, нельзя осуждать этих людей, исходя из наших этических норм.

— Вы хотите сказать, что получили удовольствие от анекдотов о его постельных радостях?

— Мне, разумеется, было не совсем по себе, когда он рассказывал о зачатии Робин. Но, полагаю, только из-за того, что сама Робин присутствовала при этом. Однако это несколько ее не смущало — она смеялась вместе со всеми.

— Эти люди — выродки! Нет кары на их головы!

— А мне всегда казалось, что вы противник всякого насилия.

— Да? — Сарвант запнулся в недоумении. Затем произнес тихо: — Вы правы. Я поддался ненависти, хотя мне следовало бы возлюбить. Но ведь я только человек. И тем не менее, даже такой язычник, как вы, абсолютно прав, упрекая меня в том, что я заговорил о каре.

— Витроу предложил вам вернуться.

Сарвант покачал головой.

— У меня не хватит духа на это. Один бог знает, что может случиться, если я проведу там хотя бы одну ночь. Я бы не удивился даже, если бы он предложил мне свою жену.

Черчилль рассмеялся.

— Я так не думаю. Ведь Витроу не эскимос. Вы что, думаете, если эти люди развязаны в разговоре, так у них нет определенного кодекса сексуального поведения? Да он у них может быть даже более строгим, чем во времена королевы Виктории. Что вы намерены делать дальше?

— Я хочу подыскать какую-нибудь гостиницу и заночевать в ней. А вы?

— Робин, похоже, собирается взять меня в город. Ночевать буду здесь. От такой возможности не хочется отказываться. Такой человек, как Витроу, мог бы нам помочь занять приличное положение в Ди-Си. Во многих отношениях Вашингтон мало изменился — здесь во все времена неплохо иметь хорошую руку.

Сарвант поднял руку в знак прощания. Лицо его было серьезным.

— Да поможет вам Бог, — прошептал он и шагнул в темноту улицы.

Из-за угла показалась Робин, держа в одной руке поводок, а в другой — большую кожаную сумку. Было ясно, что она была занята не только подготовкой львицы. И хотя единственным источником света была луна, от Черчилля не ускользнуло, что девушка переоделась и наложила свежую косметику, а также сменила сандалии на туфли с высокими каблуками.

— А куда делся ваш друг?

— Ушел куда-то, где можно переночевать.

— Вот и хорошо! Мне он не очень понравился. И я опасалась показаться грубой, не пригласив его с нами.

— Не представляю себе, что вы можете быть грубой. Не стоит из-за него расстраиваться. По-моему, ему нравится страдать. Так куда мы идем?

— Что-то меня уже не тянет на концерт, не люблю долго сидеть на одном месте. Можно пойти в парк, там много всяких развлечений. А в ваше время как было?

— Было по-всякому. Интересно, как изменились за эти годы развлечения? Но вообще-то, мне все равно куда идти. Лишь бы с вами.

— Мне показалось, что я вам понравилась, — улыбнулась Робин.

— А какому мужчине вы бы не понравились? Но, как ни странно, мне кажется, что и я вам по душе. Ведь во мне нет ничего особенного, просто рыжий борец с лицом ребенка.

— А я люблю детей, — ответила Робин. — Почему это вы удивились? Да у вас, наверное, была добрая сотня девушек, с которыми вы спали.

Черчилль заморгал от неожиданности. Зря Сарвант посчитал, что он уже привык к открытым манерам жителей Ди-Си.

У него хватило ума обойтись без хвастовства.

— Могу поклясться, что вы — первая женщина, к которой я притронулся за восемьсот лет.

— Великая Колумбия, как же это вас не разорвало от переполнения! — весело воскликнула Робин.

Черчилль покраснел и был рад, что в темноте этого не видно.

— Есть идея, — предложила Робин. — Почему бы нам не покататься сегодня вечером на яхте? Сейчас полнолуние, и Потомак очень красив. Да и жара на реке не такая. Скоро вечерний бриз.

— Отлично, но придется долго ждать.

— Храни Вас Виргиния! Вы думаете, мы пойдем пешком? А коляска для чего?

Она вынула из кармана юбки свисток и тихо свистнула.

Тотчас же послышалось цоканье копыт и треск гравия под колесами. Черчилль помог ей взобраться в экипаж. За ними туда же прыгнула пума и легла на полу у их ног. Возница прикрикнул на оленей, и коляска покатила по залитой лунным светом улице. За возком, так же, как и днем, стояли двое вооруженных слуг. Черчилля заинтересовала причина, по которой Робин взяла с собой Алису, но он тут же понял, что ее присутствие значительно усилит охрану — в схватке она стоила пятерых.

В гавани Робин велела слугам ждать их возвращения, и вся троица, включая Алису, спустилась к воде.

— Слугам не наскучит нас ожидать? — спросил Черчилль, когда они подошли к яхте.

— Не думаю. У них есть бутылка белой молнии и кости.

Алиса первая прыгнула на палубу и улеглась в маленькой каюте, надеясь, что туда не попадет вода. Черчилль отвязал яхту, оттолкнул ее от причала и сам прыгнул на борт.

Прогулка удалась на славу. Полная луна светила им более, чем достаточно, бриз дул ровно, яхта прекрасно шла вперед против ветра. Отсюда, с речки, город казался черным чудовищем с тысячей мерцающих глаз — факелов прохожих. Держа в руке руль, Черчилль рассказывал сидевшей рядом с ним Робин о том, как выглядел Вашингтон в его время.

— Башни здесь громоздились одна на другую, к тому же они соединялись между собой множеством мостов по воздуху и туннелями — под землей. Башни возвышались на добрую милю вверх и на милю вгрызались в землю своими подземными этажами. В этом городе ночи не было, такими яркими были огни.

— А теперь это все исчезло, рассыпалось в прах и покрылось грязью, — вздохнула Робин. Она поехала, как будто ей стало холодно от мысли, что теперь уже нет всего этого великолепия бетона, стали и миллионов людей. Черчилль обнял ее и, не видя сопротивления, поцеловал.

Сейчас самое время, подумал он, свернуть паруса, бросить якорь. Ему не терпелось выяснить, не будет ли ему помехой львица, но он полагался на то, что Робин знает, как она ведет себя в подобных обстоятельствах. Наверное, им лучше бы спуститься в каюту, хотя он предпочел бы оставаться на палубе, а в каюте запереть львицу.

Но вышло все совсем иначе. Когда он без обиняков заявил Робин о том, что хочет сбросить паруса, она ответила, что этого делать не нужно. Во всяком случае, не сейчас.

Робин говорила очень нежно и все время ему улыбалась. Она даже просила у него прощения.

— Ты не представляешь, Руд, что ты для меня значишь. Мне кажется, что я в тебя влюбилась. Но я еще не вполне уверена —

люблю ли я тебя, или люблю брата Героя — Солнце. Для меня ты больше, чем простой мужчина. Во многих отношениях ты, как полубог. Ты родился восемьсот лет назад и был в таких далеких местах, что от одной мысли об этом дух захватывает. Мне кажется, что даже днем вокруг тебя сияет ореол. Но я — девушка порядочная. Я не могу себе этого позволить — хотя Колумбия знает, что хочу — даже с тобой. Пока не буду знать точно... Я понимаю твои чувства сейчас. Почему бы тебе завтра не зайти в храм Готью?

Черчилль не понимал, о чем это она говорит. Единственное, что его волновало — не обидел ли он ее чем-то так, что она больше не захочет его видеть. Его к ней тянуло не только вожделение. В этом он был совершенно уверен. Он полюбил эту красивую девушку. И желал бы только ее, будь у него даже дюжина женщин.

— Давай вернемся, — предложила Робин. — Боюсь, у тебя испортилось настроение. Я сама виновата. Не надо было с тобой целоваться. Но мне так хотелось.

— Значит, ты на меня не сердишься!

— А почему я должна сердиться?

— Что ж, я снова счастлив.

Когда они подошли к лестнице, ведущей с причала наверх, он остановил ее.

— Робин, а сколько пройдет времени, когда у тебя появится уверенность?

— Завтра я собираюсь в храм. Смогу сказать, когда вернусь.

— Ты хочешь попросить совета? Или что-то вроде этого?

— Я буду молиться. Но это не главное, ради чего я собираюсь посетить храм. Я хочу, чтобы жрица меня проверила.

— И после этой проверки ты узнаешь, хочешь или не хочешь выходить за меня замуж?

— Да нет же. Прежде, чем решиться выйти замуж, я должна гораздо лучше узнать тебя. Нет, я хочу пройти проверку, чтобы узнать — можно мне или нет ложиться с тобой в постель.

— Что же это за проверка?

— Если ты не знаешь этого, то тебе и беспокоиться незачем. А мне станет известно завтра...

— Что известно?

— А то, что можно будет перестать вести себя так, будто я еще девственница.

Лицо ее зарделось в экстазе.

— Я узнаю, ношу ли я под сердцем дитя Героя — Солнце!

Утром того дня, когда Стэгг должен был возглавить шествие в направлении Балтимора, пошел мелкий дождик. Стэгг и Кальторп отсиживались под широким навесом и для согревания прихлебывали теплую белую молнию. Стэгг был недвижим, как статуя, пока ему, как обычно по утрам, подкрашивали половые органы и ягодицы, поскольку за ночь краска стиралась. Он молчал и не обращал внимания на смешки и комплименты трех девушек, вся работа которых заключалась в ежедневном наведении лоска на Герое—Солнце. Кальторп, обычно много говоривший для поднятия духа Питера, был также угрюм.

Первым нарушил молчание Стэгг.

— Ты знаешь, Док, прошло уже десять дней, как мы покинули Фэйр Грэйс. Десять дней и десять городов. Пора нам разрабатывать планы побега. По сути, если мы все еще остаемся теми же людьми, что были прежде, то нам давно уже надо было бежать в леса, подальше отсюда. Но думать об этом я в состоянии только утром, а по утрам я настолько разбит и опустошен, что ничего стоящего не могу придумать. К полудню же ничего не стою. Я себе нравлюсь таким, какой я есть!

— А я неважный тебе помощник, не так ли? — отозвался Кальторп.

— Я напиваюсь вместе с тобой и утром настолько сдаю, что могу только разве гладить собаку, которая меня кусает.

— Ну, а что получается из-за этого? Ты понимаешь, ведь мне до сих пор ничего неизвестно о том, куда меня ведут, и что со мною будет в конце пути. Я даже не знаю по-настоящему, кто же такой Герой—Солнце!

— В основном, тут я виноват, — тяжело вздыхая, произнес Кальторп и пригубил водку. — Мне никак не удастся собраться с духом.

Стэгг посмотрел на одного из своих стражников, стоявшего у входа в ближайшую палатку.

— Хочешь, я припугну его, что сверну шею? Может быть, он тогда расскажет все, что мне необходимо знать.

— Попробуй.

Стэгг поднялся.

— Поддай мне плащ, пожалуйста. Не думаю, что они станут возражать, если я буду в плаще, пока идет дождь.

Говоря так, он имел ввиду случившийся вчера инцидент, когда он натянул юбку и намеревался поговорить с девушкой в клетке. Прислужницы были потрясены этим и позвали стражу, которая окружила Стэгга и, прежде чем он успел выяснить, что

же их так возмутило, один из стражников сорвал с него юбку и убежал с нею в лес.

В тот день он уже больше не показывался на глаза, опасаясь, по-видимому, гнева Стэгга, но урок Герою — Солнцу был преподан. Ему все это время полагалось демонстрировать своим почитателям все великолепие своей наготы.

Теперь Питер завернулся в плащ и побрел босиком по мокрой траве. Стражники вышли из своих палаток и последовали за ним, не отваживаясь подойти ближе.

Он остановился перед клеткой. Девушка подняла на него глаза, затем отвернулась.

— Можешь, не стыдясь, смотреть на меня, — горько произнес Стэгг. — Я одет.

Ответа не было. Тогда он взмолился:

— Поговори со мною, ради бога! Я такой же пленник, как и ты! И клетка у меня ничуть не лучше!

Девушка обхватила руками прутья и прижалась к ним лицом.

— Ты сказал "Ради бога?!" Что это значит? Что ты тоже из Кэйсиленда? Не может этого быть. Ты говоришь совсем не так, как мои соплеменники. Правда, ты не говоришь и на Ди-Си. Не так, во всяком случае, как остальные. Скажи мне, ты — почитатель Колумбии?

— Помолчи немного, я все тебе объясню. Главное, что ты, слава богу, заговорила со мною.

— Ты опять помянул имя божье. Значит, ты не считаешь эту гнусную суку-богиню. Но если это так, то почему ты — Рогатый Король?

— Я надеюсь ты кое-что мне разъяснишь. Если не сможешь, то хотя бы Расскажи о других вещах, интересующих меня. — Он протянул ей бутылку. — Может быть, выпьешь?

— Мне бы хотелось, но я не имею права брать из рук врага. И у меня нет уверенности, что ты не враг.

Стэгг понимал ее с большим трудом. То, что она употребляла достаточно много слов, похожих на слова языка Ди-Си, давало ему возможность ухватить основную мысль сказанного. Но произношение, особенно гласных, очень сильно отличалось, да и интонации были совсем не такие, как в языке Ди-Си.

— Ты разговариваешь на Ди-Си? — спросил он. — Мне трудно разбирать язык твоего Кэйсиленда.

— Я неплохо владею Ди-Си, — ответила девушка. — А какой твой родной язык?

— Язык американца двадцать первого века.

У нее перехватило дыхание, большие глаза сильнее округлились.

— А как это может быть?

— Я родился в двадцать первом веке, 30 января 2030 года н.э. Это должно составлять...

— Не стоит утруждаться, — ответила девушка на его родном языке. — Это будет... гм... так, Первый год — это 2100. Значит, ты родился в 70 году до Опустошения, по стилю, принятому в Ди-Си. Мы у себя в Кэйсиленде пользуемся старым стилем. Только не все ли равно по какому стилю.

Питер наконец перестал на нее пялиться и произнес:

— Ты говоришь на английском языке, очень близком к языку 21 века!

— Да. Обычно только жрецы могут, но мой отец — человек состоятельный. Он направил меня в Бостонский Университет, и я там изучала церковно-американский.

— Ты хочешь сказать, что его употребляют при богослужениях?

— Да. Латынь пропала во время Опустошения.

— Мне кажется, нам надо выпить, — предложил Стэгг. — Ты первая.

Девушка улыбнулась и ответила:

— Мне многое непонятно из того, что ты сказал, но я все равно выпью.

Он просунул бутылку между прутьями.

— До сих пор я знаю только твое имя. — Мэри из Маленького Рая Кэйси. Но это все, что мне удалось вытянуть из моих стражников.

Мэри возвратила бутылку.

— Вот замечательно! А то у меня давно уже пересохло горло. Ты сказал, стражники? Разве тебе нужна стража? Я была уверена в том, что все Герои — Солнце — добровольцы.

Стэгг пустился в длительный рассказ о себе. Однако вдаваться во все подробности у него не было времени, хотя по выражению лица Мэри можно было заключить, что она понимала не более половины из рассказанного. И время от времени ему приходилось переходить на Ди-Си, так как было очевидно, что хотя Мэри и изучала церковно-американский, владеть им свободно она не могла.

— Теперь ты видишь, — закончил он, — что я — жертва этих рогов. Я не отвечаю за то, что творю.

Мэри покраснела.

— Я не хочу говорить об этом. От этого меня тошнит до глубины души.

— Меня тоже, — произнес Стэгг. — По утрам, то есть. А вот позже...

— А ты можешь убежать?

— Могу. Но прибегу назад еще быстрее.

— Ох, эти гнусные Ди-Си! Должно быть они заколдовали тебя. Только дьявол в твоих чреслах мог бы так повелевать тобою! Если бы только мы убежали отсюда в Кэйсиленд, та-мошние жрецы могли бы изгнать дьявола.

Стэгг оглянулся вокруг.

— Лагерь начинает сворачиваться. Через минуту мы дви-немся. До Балтимора! Слушай! Я рассказал о себе все. Но я не знаю ничего о тебе. Откуда ты, как попала в плен? И есть вещи, которые ты бы могла мне объяснить. Что означает этот Герой — Солнце, и тому подобное.

— Мне непонятно, почему Каль...

Она прикрыла рот рукой.

— Каль...! Ты имеешь ввиду Кальторпа! Он-то здесь причем? Уж не хочешь ли ты сказать, что беседовала с ним об этом? Он мне говорил, что ему ничего неизвестно!

— Я ему все рассказала и считала, что он тебе передаст.

— Он ничего мне не сказал! Фактически, он убеждал меня в том, что ему известно ничуть не больше, чем мне...

Потеряв дар речи, он развернулся и побежал прочь.

И только, пробежав добрых полполя, начал выкрикивать имя антрополога.

Все, кто ему встречались, торопились убраться подальше с его пути. Они считали, что Великий Стэгг опять обезумел. Выскочивший из палатки Кальторп, едва завидев, что Король — Олень бежит к нему, с разгона махнул через шоссе. Забор не остановил его. Кальторп подтянулся на одной руке и перебросил тело. И дальше, по другую сторону забора, он бежал во всю прыть своих ног, подальше в поля за фермой.

— Если я поймаю тебя, Кальторп, — кричал ему вслед Стэгг. — Я переломая тебе все кости! Как ты посмел так по-ступить со мною?

Постояв некоторое время, задыхаясь от ярости, он повернул назад, бормоча про себя:

— Почему? Почему?

Дождь прекратился. Еще через несколько минут небо прояснилось, и засияло полуденное солнце.

Стэгг сорвал с себя плащ и швырнул его на землю.

— К черту Кальторпа! Мне он не нужен и никогда нужен не был! Предатель!

Подозвав к себе одну из прислужниц, Сильвию, он велел принести ему еду и питье. Ел он и пил, как всегда, днем. Уп-равившись, свирепым взглядом посмотрел на окружающих. Панты, которые раньше свободно болтались при каждом дви-жении головы, теперь выпрямились и затвердели.

— Сколько километров до Балтимора? — взревел он.
— Два с половиною, сир. Вызвать вам экипаж?
— К черту экипаж! Колеса будут меня лишь задерживать! Я намерен бежать до Балтимора! Я хочу взять город врасплох. Я буду там раньше, чем меня ждут! Пусть трепещут, когда Великий Стэгг из всех Стэггов шквалом пройдет по ним! Я уложу их всех до единой, как ураган! Я теперь не стану брать только то, что мне подсовывают! Не только конкурсанток мисс Америка! Сегодня — весь город!

Сильвия в ужасе отпрянула.

— Но, сир... так не годится! Испокон веков...

— Герой — Солнце я или нет? Кто здесь Рогатый Король? Я поступлю, как пожелаю!

Он схватил бутылку с подноса в руках девушки и помчался по дороге.

Поначалу он бежал прямо по бетону. Но хотя теперь пятки его стали твердыми, как железо, он решил, что мостовая все-таки слишком тверда, и поэтому побежал по мягкой траве, покрывавшей обочину дороги.

"Так лучше, — отметил он про себя. — Чем ближе к Матери — Земле, тем лучше, тем больше она мне понравится. Возможно, это всего лишь суеверная болтовня — что непосредственный контакт с землей придает человеку новые силы. Но я склонен верить этим Ди-Си. Я чувствую, что черпаю силу прямо из лона Матери — Земли, что эта сила, подобно электрическому току, заряжает и перезаряжает мое тело. И ощущаю, что сила эта вливается в меня столь мощно, ошеломляюще мощно, и мое тело уже недостаточно велико, чтобы вмещать ее всю. А избыток ее хлещет из короны на моей голове и пламенем вздымается к небесам. Я чувствую это!"

На какое-то мгновение Стэгг приостановился, чтобы откупорить бутылку и отхлебнуть глоток. При этом он заметил бегущих к нему стражников, но они отставали от него, по крайней мере, метров на двести. Им недоставало его силы и быстроты. В придачу к силам собственных мускулов у него еще была добавочная сила, сообщаемая разбухшими от крови рогами. Он был, отметил Пит про себя, по всей вероятности, самым быстрым и сильным человеческим существом за все время бытия человечества. Он отхлебнул еще. Стражники несколько приблизились, но они задыхались, и бег их замедлился. Они держали наготове луки и стрелы, но Стэгг не думал, что они будут стрелять, пока он придерживается дороги в Балтимор. У него не было намерения убежать от них, только желание бежать и бежать по выпуклой груди Земли и ощущать, как ее сила захлестывает тело и приводит в исступленный восторг мысли.

Вот он побежал быстрее, часто и высоко-подпрыгивая и издавая дикие выкрики. В них смешивались беспредельное восхищение, буйство жизни, безымянные вожеления и уверенность в их удовлетворении. Они присутствовали еще в самых первых словах, произнесенных первобытным человеком, в его ломаной хаотической речи, еще не умевшей передавать оттенки чувств, охватывавших его, еще не придумавшей наименования предметов, его окружающих. Стэгг тоже уже не пытался называть предметы. Он пытался выразить словами чувства. И столь же мало преуспевал в этом, как и его предки сто тысяч лет тому назад.

Но он, как и они, испытывал наслаждение от этих попыток. И в нем росло сознание чего-то ранее неиспытанного, чего-то нового для существ его рода и, пожалуй, для всего живого на свете.

Впереди себя он увидел мужчину, женщину и ребенка, которые шли по дороге. Они остановились, увидев его, и пали на колени, поняв кто перед ними.

Питер, не останавливаясь, пробежал мимо.

— Кому-то может показаться, что я бегу один! — прокричал он. — Но я не один! Со мною Земля, мать и ваша и моя! Она — моя невеста, и следует за мною, куда бы я ни шел. И я не могу уйти от нее. Даже в космосе, в местах столь далеких, что туда даже свету нужно добираться многие годы. Она всегда была со мной. И доказательство этому в том, что я вернулся и теперь выполняю данное ей восемьсот лет назад обещание жениться на ней!

К тому времени, когда он закончил свою тираду, люди остались далеко сзади. Его не волновало, слышали ли они его. Все, что он хотел — это говорить, говорить, говорить. Кричать, кричать, кричать. Пусть даже от этого лопнут легкие, но он должен, обязан выкричать истину.

Вдруг он остановился. В поле зрения попал крупный красавец — лось, который пасся на лугу за забором. Он был единственным самцом в стаде крестьянина, и внешность у него была поистине величественная: массивное туловище, короткие ноги, могучая шея, глупые, но похотливые глазки. Это был, по-видимому, тщательно подобранный самец, высоко ценимый производитель.

Стэгг легко перемахнул через забор, хотя ограда была больше полутора метров в высоту и сложена из грубого камня, который бы устоял перед попытками его повалить. Приземлившись, он рванулся к животному. Самец замычал громко, но с места не двинулся. Его самки сбились в кучу в углу загона и оттуда взирали на происходящее. Их громкие, похожие на собачий лай,

крики подняли такой шум, что из расположенного рядом амбара выскочил хозяин.

Король — Олень смело подбежал к могучему самцу. Зверь ждал, пока человек не приблизится на расстояние двадцати метров от него. Тогда он опустил рога, протрубил боевой клич и ринулся вперед.

Питер засмеялся радостно и подбежал еще ближе. Тщательно рассчитав шаги, он разогнался и подпрыгнул вверх как раз в тот момент, когда огромные ветвистые рога со свистом рассекли воздух там, где он был долей секунды раньше. Стэгг поджал колени к туловищу так, чтобы рога его не задели, а затем выпрямил ноги и оказался точно на холке зверя, сразу же за основанием рогов. Секундой позже самец запрокинул голову, пытаясь все-таки достать человека рогами и подбросить в воздух. Но ему удалось лишь стать подкидной доской для наездника, протолкнув его вдоль собственного хребта. Питер оказался верхом на широкой спине лося.

Затем, вместо того, чтобы спрыгнуть на землю, он резко развернулся и подался вперед, намереваясь оседлать шею зверя. Однако нога его соскользнула, и он, скатившись с лося, упал рядом с ним. Самец развернулся, протрубил еще раз, наклонил рога и бросился снова. Но его противник уже был на ногах. Он отпрыгнул в сторону, ухватился рукой за огромное ухо зверя и швырнул свое тело на спину оленя.

В течение следующих пяти минут изумленный фермер наблюдал за тем, как обнаженный человек скачет верхом на ревушем, бросающемся в разные стороны, брыкающемся, брызжащем слюной звере, и не падает с его спины, несмотря на все бешеные маневры животного. Вдруг лось замер. Глаза его были выпучены, из открытого рта текла слюна, он мучительно хватал воздух.

— Отвори ворота! — закричал Стэгг фермеру. — Я на этом звере войду в Балтимор, как подобает Рогатому Королю.

Фермер молча открыл ворота. Возражать он не смел. Он не мог препятствовать Герою — Солнце забрать его призового самца. Он не стал бы возражать даже когда Герой — Солнце возжелал бы его дом, жену, дочерей, а также его собственную жизнь.

Стэгг вывел лося на дорогу, ведущую в Балтимор. Далеко впереди он увидел экипаж, мчавшийся к городу. Даже с этого расстояния он сумел разглядеть, что это Сильвия, проехавшая вперед, чтобы предупредить жителей Балтимора о том, что Рогатый Король прибывает раньше, чем рассчитывали, и чтобы несомненно посвятить жителей в намерения Рогатого Короля изнасиловать весь город.

Он хотел было пуститься в погоню и ворваться в Балтимор

буквально у нее на пятках, но лось все еще тяжело дышал, поэтому ему пришлось пуститься ровным шагом, пока не восстановится дыхание.

В полукилометре от Балтимора Стэгг ударил голыми пятками зверю под ребра и стал кричать в уши. Тот перешел на рысь, затем, непрерывно понукаемый наездником, — в галоп. Промчавшись между двумя невысокими холмами, он неожиданно оказался на главной улице города, ведущей прямо к центральной площади, находившейся в 12 кварталах, где спешно собиралась огромная толпа. Едва Стэгг очутился в черте города, оркестр грянул **"КОЛУМБИЯ — ЖЕМЧУЖИНА ОКЕАНА"** и группа жриц вышла навстречу Герою — Солнце.

За ними плотной массой выстраивались девиственницы, кому повезло попасть в число невест Героя — Солнце. В своих белых колоколообразных юбках и белых кружевных накидках они очень хорошо смотрелись. У каждой был букет белых роз.

Стэгг позволил зверю перейти на рысь, чтобы поберечь его силы для финишного броска. Он кланялся и приветственно размахивал руками, проезжая мимо выстроившихся вдоль улицы мужчин и женщин. Девочкам-подросткам, которым не удалось занять первые места на конкурсе **"Мисс Америка"** и которые уныло стояли рядом со своими родителями, он громко обещал:

— Не плачьте! Сегодня я не пренебрегу и вами!

Грохот труб, барабанов и флейт заполнил улицу. К нему приближалась процессия жриц, одетых в светло-голубые платья. Это был любимый цвет богини Мэри, покровительницы Мэриленда. Согласно легендам, Мэри была внучкой Колумбии и дочерью Виргинии. Именно она обратила обитателей этой местности в истинную веру и взяла их под свое покровительство.

Пятьдесят жриц церемониальным маршем приближались к Стэггу. Они пели и разбрасывали вокруг себя цветы. Время от времени они издавали протяжные дрожащие вскрики.

Стэгг подождал, пока расстояние до них не составило пяти — десяти метров. Затем ударил животное по ребрам и стал барабанить кулаком по голове. Лось взревел и галопом ринулся прямо на жриц. Те прекратили пение и остановились в изумлении. Внезапно осознав, что Герой — Солнце вовсе не намерен сдерживать могучего зверя, а наоборот, разгоняет его, они закричали и ринулись в стороны. Здесь они уткнулись в толпу, сбившуюся в единую непреодолимую массу. Когда же они развернулись и начали убежать от скачущего оленя, то стали наткаться друг на друга, сбивая с ног и кувыряясь.

Только одна жрица не обратилась в бегство. Это была Главная Жрица, женщина пятидесяти лет, сохранившая свою

девственность в честь богини — своей покровительницы. Смелость словно припечатала ее к тому месту, где она находилась. Она вытянула вперед руку, как бы благословляя появление Героя — Солнце и всем своим видом показывая, словно ничего особого не произошло. Она бросила ему навстречу букет цветов и стала рисовать в воздухе священные символы своим золотым серпом.

Цветы упали под копыта лося, были им растоптаны, а затем и сама жрица была брошена наземь. Голова ее расколосась, как орех под могучим копытом зверя.

Тело жрицы вряд ли могло задержать весившего более полутонны зверя. Выставив голову вперед, он тараном пошел на плотно спрессованную толпу, состоявшую из дико кричавших и упирающихся женщин.

Пробить эту живую, но прочную, как камень изгородь, зверь не смог и остановился. А вот тело наездника продолжало движение.

Он по инерции перелетел через опущенные рога и шею лося и на мгновение как бы завис в воздухе над затянутыми во все голубое жрицами. Тела их разлетались во все стороны, катились кувыркром, увлекаемые другими телами, волочились по земле. Рога зверя уткнулись в чей-то подбородок и вырвали голову из туловища. Теперь эта голова, вращаясь, летела рядом со Стэггом.

Он пронесся над голубым месивом из гибнущих жриц и мягко опустился на поле, образованное белыми накидками, розовыми ртами, белоснежными юбками и голыми девственными грудами.

Из этой западни из кружев и плоти выбраться он уже никак не мог и исчез из виду.

VIII

Проснулся Питер Стэгг только к вечеру следующего дня. Из всей своей группы он поднялся первым, за исключением доктора Кальторпа, который уже сидел у ложа своего капитана.

— Ты давно в Балтиморе? — спросил Стэгг.

— Я следовал за тобой по пятам и видел, как ты напустил зверя на жриц — и все, что было после.

Питер сел и застонал.

— Мне кажется, что каждый мускул моего тела натянут, как струна.

— Так оно и должно быть. Ты лег спать аж в девять часов утра. Но у тебя должны болеть не только мышцы. Разве спина у тебя не болит?

— Немного, как-будто легкий ожог в районе поясницы.

— И это все? — Кальторп удивленно поднял брови. — М-да, все что я могу сказать — так это то, что твои рога насыщают кровь не только гормонами. Они также способствуют самозаживлению клеток.

— Что все это означает?

— Ну так вот. Прошлой ночью тебя пырнули ножом в спину. Но тебе это нисколько не помешало, а рана, кажется, совсем зажила. Разумеется, лезвие вошло не более, чем на дюйм. Мышцы у тебя очень твердые.

— Да, да, что-то припоминаю. Правда очень смутно. — Стэгг поморщился. — И что же произошло с этим человеком потом?

— Женщины разорвали его на куски.

— Почему он меня ранил?

— Выяснилось, что у него помутился разум. Его возмутило то, что ты сильно заинтересовался его женой, и он ударил тебя ножом. Безусловно, он совершил ужасное преступление, непростительное святотатство. Чтобы покарать его, женщины пустили в ход зубы и ногти.

— Ты тоже считаешь, что он психически неуравновешен?

— Да. По крайней мере, с точки зрения этой культуры. Никто в здравом уме не стал бы возражать против того, что его жена совокупляется с Героем — Солнце. По сути — это великая честь, так как Герои — Солнце обычно не посвящают свое время никому, кроме девственников. Вот только вчера ночью ты сделал исключение... для всего города. Во всяком случае, пытался сделать.

Стэгг тяжело вздохнул.

— Прошлая ночь была хуже всех. Не покалечил ли я больше народу, чем обычно?

— Вряд ли стоило упрекать в этом жителей Балтимора. Ты с самого начала затеял все в грандиозных масштабах, еще когда затоптал тех жриц. Что тебя побудило к этому?

— Не знаю, просто тогда это мне показалось неплохой идеей. Но, как мне кажется, именно подсознание подтолкнуло меня к тому, чтобы отомстить виновникам, организовавшим подобное.

Он притронулся к рогам, затем пристально взглянул на Кальторпа.

— Ты — Иуда! Почему ты многое от меня скрываешь?

— Кто это тебе сказал? Та девушка?

— Да. Но это не имеет значения. Давай, док, выкладывай. Как бы это ни было горько для меня, все равно, выкладывай. Я тебя пальцем не трону. Мои рога — лучший индикатор того, в здравом ли я уме или нет. Видишь, как они обвисли?

— Я начал догадываться об истинной сути событий, как только стал понимать язык, — начал Кальторп. — Однако

уверен не был до тех пор, пока тебе не пожаловали эти рога. Но я не хотел говорить об этом до тех пор, пока не придумаю какой-нибудь способ бегства. Я боялся, что ты раньше времени совершишь такую попытку и тебя пристрелят. Вскоре, однако, я понял, что даже если ты убежишь утром, то все равно вернешься вечером, если не раньше. Этот биологический механизм на твоём лбу не только обеспечивает тебя более, чем неистощимой способностью извергать свое семя — он еще и неодолимо понуждает тебя поступать так. Он овладевает тобою всецело — ты становишься невменяем. Ты представляешь из себя величайший в истории случай сатириазиса.

— Я сам знаю, как они воздействуют на мое поведение, — нетерпеливо произнес Стэгг. — Я хочу понять, какую все-таки роль я играю при всем при этом. Ради какой цели? И зачем вся эта кутерьма с Героем — Солнце и все прочее?

— Может быть выпьешь сначала?

— Нет! Я не намерен топить в вине свои печали. Мне еще нужно кое-что совершить сегодня. Лучше бы хороший глоток холодной чистой воды. И еще смертельно хочется искупаться, чтобы смыть с себя весь этот пот и другую дрянь, которой я покрыт. Но я готов терпеть. Пожалуйста, начинай. И как можно быстрее!

— У меня нет сейчас времени на то, чтобы вдаваться в мифологию и историю Ди-Си. Мы сможем это сделать завтра, — начал повествование Кальторп. — Лучше я пролью свет на то, какая сомнительная честь тебе предоставлена.

Если говорить коротко, то ты сочетаешь в себе несколько религиозных персонажей из пантеона народа Ди-Си, а именно: Героя — Солнце и Короля — Оленя. Герой — Солнце — это мужчина, которого выбирают каждый год, чтобы в символической форме разыграть прохождение солнца вокруг Земли. Да, мне известно, как известно и жрецам Ди-Си, что вокруг солнца вращается Земля. Об этом знают даже самые неграмотные. Но для всех практических целей принимается будто солнце вращается вокруг Земли. Так думает любой ученый, если только в это время не размышляет о науке.

Итак, и збирается Герой — Солнце и рождается он символически во время церемонии, имеющей место где-то около 21 декабря. Почему именно тогда? Потому что это дата зимнего солнцестояния. Когда солнце занимает самое низшее положение над горизонтом и в полдень находится в самой южной точке.

Вот почему разыгрывалась сцена твоего рождения.

И именно поэтому сейчас ты совершаешь путешествие в северном направлении. Тебе предназначено повторять путь солнца после зимнего солнцестояния, к северу. И подобно

солнцу, с каждым днем ты становишься сильнее и сильнее. Ты, наверное, уже ощутил, что с каждым днем воздействие, оказываемое на тебя рогами, становится все более могучим. Доказательство тому — сумасбродство, которое ты отколол, взнуздав лося и затоптав жрицу.

— И что же случится, когда я достигну самой северной точки своего маршрута? — спросил Питер тихо. Он хорошо владел собой, но здорово побледнел, несмотря на густой загар.

— Это случится в городе, который мы когда-то называли Олбэни в штате Нью-Йорк. Это крайний север государства Ди-Си. И именно там живет Богиня — Свинья по имени Альба. Альба — это Колумбия в ипостаси Богини Смерти. Ей посвящаются свиньи, поскольку они, подобно смерти, всеядны. Альба является также Белой Богиней Луны, еще одним символом смерти.

Кальторп замолчал, не в состоянии продолжать разговор дальше. В глазах его стояли слезы.

— Продолжай, — скомандовал Стэгг. — Я переварю это.

Кальторп тяжело вздохнул.

— Север, в соответствии с религией Ди-Си, это то место, где Лунная Богиня забирает в плен солнце. Иными словами, оно...

— Умирает, — закончил за него Питер.

— Да. Намечается, что Герой — Солнце завершит свой Великий Путь во время летнего солнцестояния — двадцать второго июня.

— А как насчет другой его ипостаси — Великого Стэгга, Рогатого Короля?

— Ди-Си не были бы сами собой, если бы и тут не сэкономили. Они сочетают роль Героя — Солнце с ролью Короля — Оленя. Король — Олень символизирует человека. Рождается слабым и беспомощным ребенком, вырастает в страстного зрелого мужа, любовника и отца. Но и он заканчивает Великий Путь и должен, хочешь не хочешь, встретить Смерть. К тому времени он уже слепой, лысый, слабый, бесполой. И... он борется до последнего вздоха, но... Альба безжалостно лишает его жизни.

— А если излагать простым языком, а не языком символов, док? — спросил Стэгг. — Изложи мне голые факты, на чистом английском языке.

— В Олбэни состоится грандиозная церемония, апофеоз. Там ты овладеешь не юными нежными девственницами, а седовласыми, вислогурыми жрицами Богини Свиньи. Твое естественное отвращение к старухам будет подавлено тем, что тебя будут держать в клетке до тех пор, пока похоть не дойдет до такой степени, что ты рад будешь любой женщине, даже столетней прапрабабке.

— А потом?

— Потом тебя ослепят, оскальпируют, оскоят и, наконец, повесят. Будет объявлен всеобщий траур на целую неделю, а затем похоронят в позе зародыша под дольменом, под сводом из огромных глыб. В твою честь будут вознесены молитвы, а перед местом погребения будет принесен в жертву самец лося.

— Слабое утешение, — произнес Стэгг. — Скажи мне, док, почему именно меня избрали для этой роли? Разве не верно, что Героями — Солнце обычно бывали добровольцы?

— Мужчины жаждут славы, так же, как девушки мечтают стать невестами Рогатого Короля. Мужчина, которого подбирают на эту роль — самый сильный, самый красивый, самый жизнотворный юноша страны. Но твоё несчастье заключается в том, что ты не только соответствуешь всем этим требованиям, но и возглавляешь людей, поднявшихся в небо на огненной колеснице, а затем возвратившихся на Землю. У них есть легенда, согласно которой именно таким был настоящий Герой — Солнце. Как я полагаю, правительство Ди-Си решило избавиться от тебя и тем самым дезорганизовать весь остальной экипаж. Более того, уменьшится опасность, что благодаря нам может возродиться старая и столь теперь ненавистная наука. Питер, погляди-ка. Мэри Кэйси машет тебе рукой. Мне кажется, она хочет поговорить с тобой.

IX

— Почему ты все время отводишь глаза в сторону, когда говоришь со мной? — спросил Питер Стэгг.

— Потому что мне трудно отделить Вас одного от другого, — ответила Мэри Кэйси.

— Как это одного от другого?

— Питера, которого я знаю утром, и Питера, кого я знаю ночью. К сожалению, я бессильна что-либо поделать. Ночью я закрываю глаза и пробую думать о чем-нибудь другом, но не могу заткнуть уши. И хотя понимаю, что ты тоже бессилен что-либо сделать, я все равно тебя ненавижу. Извини, но иначе я не могу.

— Тогда зачем же ты подозвала меня к себе?

— Потому что понимаю, что делаю это вовсе не без задней мысли. Потому что знаю, что ты хотел бы вырваться из своей клетки, прутья которой из плоти, так же, как и я из своей железной. Потому что еще не потеряла надежды на то, что можно придумать какой-нибудь способ бегства.

— Мы с Кальторпом обсудили несколько вариантов побега, но так и не знаем, каким образом предотвратить мое возвра-

щение. Как только рога начинают свое воздействие на меня, я тотчас же бегу назад, к женщинам.

— Неужели у тебя такая слабая сила воли?

— Даже святой не смог бы противиться рогам.

— Тогда надежды никакой нет, — грустно произнесла Мэри.

— Не совсем так. Я не собираюсь пройти весь путь до Олбэни. Лучше погибнуть в борьбе, чем идти как вол на бойню.

Давай лучше сменим тему. Расскажи мне о себе и о своем народе. Мое невежество очень мешает мне. У меня недостает многих необходимых данных, чтобы выработать план побега.

— Буду рада тебе помочь, — сказала Мэри Кэйси. — Мне все равно нужно поговорить с кем-то, даже если это... Извини.

Весь следующий час Стэгг простоял возле ее клетки, слушая ее рассказ о себе и о Кэйсиленде. Все это время она не подымала глаз от пола. Несколько раз он перебивал ее вопросами, ибо она пропускала многое, считая это общеизвестными фактами.

...Кэйсиленд располагался на территории, некогда называвшейся Новой Англией. Он не был ни столь же густо населен, как Ди-Си, ни столь же богат. Все его население было занято восстановлением плодородия почвы, а основными источниками пищи были разведение свиней и оленей и промысел рыбы. Даже воюя с Ди-Си на юго-западе, карелами на севере и ирокезами на северо-западе, жители Кэйсиленда, сокращенно кэйси, продолжали торговать со своими противниками. Существовало особое установление, известное как Договорная Война. По всеобщему соглашению количество воинов, участвовавших в набегах на территорию противника в течение года, строго ограничивалось, так же регламентировался и порядок ведения боевых действий. Ди-Си и ирокезы эти правила соблюдали неукоснительно, зато карелы то и дело их нарушали.

— Каким же образом любая из воюющих сторон собирается одержать победу над противником? — недоумевая, поинтересовался Питер.

— Аникто и не собирается. Как я полагаю, Договорная Война была придумана нашими предками для того, чтобы давать выход излишней энергии наиболее агрессивной части населения, позволяя большинству продолжать заниматься восстановлением почвы. Думаю, когда население какой-либо из стран станет слишком большим, война пойдет без всяких правил. Но пока что ни одно государство не имеет достаточно сил, чтобы воевать по-настоящему. Карелы же нарушают договоренности просто потому, что почти полностью живут за счет военной добычи.

Затем она приступила к краткому изложению истории своего народа. Существует несколько легенд происхождения нынеш-

него названия — Кэйсиленд. Согласно одной из них, после Опустошения организации под названием "Рыцари Колумба" удалось основать город — государство неподалеку от Бостона. Оно, подобно некогда крохотному Риму, стало постепенно расширяться за счет поглощения своих соседей. Назывался этот город-государство Колумб-Сити. Со временем сокращенное (по первым буквам) его название трансформировалось в имя мифического предка, символизирующего этот народ — Кэйси.

Согласно другой легенде, на самом деле существовала семья по фамилии Кэйси, которая и дала название основанному этой семьей городу. Родоначальник города основал также существующую и поныне родовую систему, по которой все жители страны имеют одну и ту же фамилию — Кэйси и различаются средним именем.

Есть еще и третья версия, но очень распространенная, и состоящая в том, что истина заключается в сочетании обоих мифов. Человек по имени Кэйси был предводителем "Рыцарей Колумба".

— Скорее всего, все эти легенды — вымысел, — подытожил Питер.

Такое предположение, похоже, не вызывало особого энтузиазма у Мэри, но будучи беспристрастной, она просто сказала, что и это возможно.

— И как это согласуется с притязаниями Ди-Си на то, что вы позаимствовали имя своего бога у богини Колумбии? — спросил он. — Ди-Си утверждают, что Вы поклоняетесь богу-отцу по имени Колумб, сделав мужским как само божество, так и его имя.

Это правда, что у Вашего бога два имени: Йегова и Колумб?

— Ничего подобного! — возмутилась Мэри. — Ди-Си путают имя нашего бога с именем Святого Колумба. Верно, мы часто молимся Св. Колумбу с просьбами заступиться за нас перед Йеговой. Но мы не поклоняемся ему.

— А кто это святой Колумб?

— Всем известно, что он приплыл с востока, из-за океана и высадился в Кэйсиленде. Именно он обратил жителей города — родоначальника нашего государства в истинную веру и основал орден Рыцарей Колумба. Если бы не Св. Колумб, мы все были бы язычниками.

Питеру все труднее было поддерживать разговор, но прежде, чем уйти, он нашел в себе силы задать еще один вопрос.

— Скажи, почему и вы, и жители Ди-Си так почитают девственниц?

— Считается, что девственница — что-то вроде талисмана, приносящего удачу, — гордо ответила она, впервые глядя прямо на него. — Ты, наверное, видел, как Ди-Си при любой возмож-

ности стараются дотронуться до волос достигшей зрелости девушки. Потому что именно таким путем к притрагивающемуся иногда может снизойти удача. И, разумеется, каждый отряд воинов, собираясь совершить набег на территорию противника, обязательно берет с собой девушку в качестве талисмана. Я как раз участвовала в экспедиции на Пьюкипси*, когда меня взяли в плен. Надпись лжет, утверждая, что я была поймана при набеге Ди-Си на Кэйсиленд. Совсем наоборот. Но разве можно ждать правды от людей, поклоняющихся Ложному Богу.

Питер окончательно понял, что жители Кэйсиленда столь же невежественны и суеверны, как и жители Ди-Си. С ними бесполезно спорить или пытаться отделить мифы от истории.

Пульсация в крупных артериях у основания рогов усилилась, сами рога стали затвердевать.

— Сейчас мне пора уходить, — успел сказать Стэгг. — До завтра. — Он повернулся и быстро пошел прочь. Только усилием воли он сдерживался, чтобы не побежать.

Так прошло еще несколько дней и ночей. Утром — слабость и разработка планов побега. Днем — еда, пьянство и дикие необузданные выходки, иногда заканчивающиеся яростными скачками. Ночью — крошечное марево иступленно кричащей белой плоти, слияние в единый огромный организм, пульс которого, казалось, бился в такт с глубоко упрятанным сердцем самой земли, превращение каждого отдельного человека в силу природы. Безумное иступление тела, послушного воле Первейшего закона жизни. Он становился орудием природы, у которого не оставалось иного выхода, как только повиноваться тому, что всецело им владело.

Великий Путь из Вашингтона сначала пролегал по Коламбия-Пайк, некогда бывшей Трассой № 1 США. В Балтиморе он сворачивал на некогда Трассу № 40 США, теперь называвшуюся Дорогой Мэрио. В Вимлине (Уайлмингтон, штат Дэлавер) он переходил на бывшую Магистраль Нью-Джерси. Этой дороге было присвоено имя еще одной дочери Колумбии, Ньюджи.

Целую неделю Стэгг находился в Кепте (Кэмдене) и обратил внимание на большое количество воинов, находившихся в городе. Ему объяснили, что скопление войск связано с тем, что по другую сторону реки Двэй (Дэлавер) расположена Филадельфия, столица враждебного государства Пантс-Эльф (Восточная Пенсильвания).

Воины сопровождали Стэгга по выходе его из Кэмдена, по бывшей Трассе № 30 США до тех пор, пока он не оказался на

---

* — Город, расположенный несколько севернее Нью-Йорка (прим. перев.).

достаточном удалении от границы. Здесь они повернули назад, а он со своей свитой продолжал свою миссию в городишке Берлин.

После пышной церемонии и последовавшей за ней оргии Великий Путь продолжался все по той же Трассе № 30 до Таланта (Атлантик-Сити).

В Атлантик-Сити Король — Олень задержался на две недели. Население этого города, а составляло оно обычно тридцать тысяч, увеличилось пятикратно за счет сельских жителей, устремившихся в него, чтобы принять участие в ритуале. Отсюда процессия проследовала по некогда Бульвару Гарден-Стэйт, пока не перешла на федеральное шоссе № 72. Пройдя еще по шоссе № 70 и Трассе № 206, они прибыли в Тринт (Трентон), где снова их встречала многочисленная охрана.

Выйдя из Трентона, Герой — Солнце снова очутился на Коламбия-Пайк, некогда бывшей Трассой № 1 США. Сделав положенные остановки в сравнительно крупных городах Элизабет, Ньюарк и Джерси — Сити, он на пароме переправился на остров Манхэттен. Здесь его пребывание было наиболее длительным, так как в Манхэттене было пятьдесят тысяч жителей и множество жителей окружающих его городов, составляющих Великий Нью-Йорк.

Кроме того, именно здесь начинались игры Большой Серии.

Стэгг должен был не только открыть первый матч сезона, но и посещать каждую игру. Он сразу же обнаружил, что за восемьсот лет игра изменилась очень сильно.

Насколько он помнил, в Америке прошлого бейсбольные матчи проводились на ровном поле, на середине которого разбивалась квадратная площадка с длиной сторон по 90 футов (27,3 метра). Площадка располагалась "ромбом", т.е. так, чтобы ее углы были направлены к сторонам поля. В углах квадрата устраивались базы, одна из которых называлась "домом". Принадлежностями для игры являлись бита, набитый волосом кожаный мяч и перчатки-ловушки. В игре участвовали две команды по девять человек каждая, причем каждый игрок имел свои обязанности. Игроки "атакующей" команды по очереди, стоя у "дома", должны отбивать битой бросаемый им мяч и во время его полета перебегать от одной базы к другой. Полный пробег по квадрату давал выигрыш очка. Игроки "защитающей" команды старались поймать мяч и "запятнать" им перебегających противников. Если это удавалось три раза подряд, команды менялись ролями. Выигрывала та команда, у которой оказывалось больше очков после девяти таких смен. Бейсбол прошлого требовал от игроков большой ловкости, быстроты, силы и согласованности действий всех игроков.

Теперь же игра велась так, что считался необычным матч, в котором бы не было серьезных увечий и нескольких смертельных исходов в каждой из команд.

Первая часть Большой Серии состояла из игр между чемпионами различных областей Ди-Си. В финале встретились Великаны Манхэттена и Вашингтонские Странники. Победили Великаны, но при этом потеряли столько игроков, что вынуждены были пригласить полкоманды Странников в качестве резерва для предстоящих международных встреч.

Международная часть Большой Серии состояла из игр между чемпионами Ди-Си, Пантс-Эльфа, Кэйсиленда, Ирокезской Лиги, карельских пиратов, Флориды и Буффало. Последнее государство занимало территорию, прилегающую к городу Буффало и часть побережья озер Эри и Онтарио.

Финальная игра Большой серии вылилась в кровавую бойню между командами Ди-Си и Кэйсиленда. Одной из отличительных черт формы игроков Кэйсиленда были ярко-красные гетры, но к концу игры игроки команды были красными с головы до ног от крови. Уныние царило не только среди игроков, но и среди их болельщиков. На стадионе за Кэйси был забронирован отдельный сектор, отгороженный от других секторов высоким забором из колючей проволоки. Кроме того, полиция Манхэттена выделила специальный наряд для их защиты на тот случай, если страсти зайдут слишком далеко.

К несчастью, рефери-карол, который, как предполагали, должен был быть нейтральным, поскольку ненавидел обе стороны в равной степени, принял решение, приведшее к очень печальным последствиям.

Шла девятая подача, и счет был 7:7. Отбивали мяч Великаны. Один игрок из их команды был уже в третьей базе, и хотя на шее у него была глубокая рана, сохранял достаточно сил, чтобы перебежать в "дом", представься такая возможность. Два игрока были вне игры — в самом буквальном смысле. Один, прикрытый простыней, лежал там, где его сразили, между второй и третьей базами. Другой сидел в траншее для запасных и тихо стонал, пока лекарь скреплял разрывы кожи у него на голове.

Игрок с битой в руке был сильнейшим отбивающим, бэтменом команды Ди-Си. Ему противостоял в центре ромба сильнейший подающий из команды Кэйсиленда. Форма бэтмена мало чем отличалась от формы, принятой еще в девятнадцатом столетии, щека его оттопыривалась от большого кома жевательного табака. Он энергично размахивал битой. Отблески солнца сверкали на ее металлических боковицах, так как верхняя часть биты была покрыта тонкими продольными полосками меди. Отбивающий ждал, когда судья объявит "Мяч в игру".

Услыхав эту фразу он не сразу шагнул к своей площадке, а повернулся навстречу выбежавшей к нему из траншеи девушке.

Это была хорошенькая миниатюрная брюнетка в бейсбольной форме, единственным отступлением от правил в которой был треугольный вырез в майке, обнажавший небольшую, но упругую грудь.

Бэтмен по прозвищу Билл — Большая Яблоня потер суставы пальцев о черные волосы девушки, поцеловал ее в лоб, и, когда она повернулась бежать назад, в траншею, игриво шлепнул ее по ягодицам. После этого вошел в очерченную мелом площадку, квадрат со стороной около метра, и принял традиционную, древнюю позу отбивающего, готового принять подачу.

Лэнки — Джон — Через — Речку — Через — Лес — Могучий — Кэйси выплюнул табак и замахнулся. В руке у него был мяч стандартного размера, из которого торчали четыре симметрично расположенных стальных шипа. Поэтому ему приходилось держать мяч осторожно, чтобы не порезать пальцы при броске. С точки зрения древнего подающего — это весьма затрудняло хорошее выполнение подачи, но зато теперь он стоял на шесть метров ближе к бэтмену, что с лихвой компенсировало неудобства, возникающие при метании мяча.

Лэнки также подождал, пока девственница из команды Кэйсиленда не подошла к нему и не дала потереться о свою голову. Затем он развернулся и метнул мяч.

Снабженный шипами мяч просвистел в дюйме от лица Билла — Большая Яблоня. Яблоня зажмурился, но не уклонился.

Толпа дружным ревом приветствовала такую демонстрацию мужества.

— Первый мяч, — прокричал рефери.

Болеельщики из Кэйсиленда взвыли от негодования. С того места, где они сидели, казалось, что мяч пролетел точно по прямой линии, совпадающей с границей очерченного мелом квадрата, и поэтому должен быть засчитан как мяч, пропущенный отбивающим.

Яблоня попытался отбить следующую подачу, но промахнулся.

— Первый промах!

На третьей подаче Яблоня замахнулся битой и попал по мячу. Однако мяч взмыл высоко влево, за пределы поля. Разумеется, и он был пропущенным.

— Второй промах!

На следующей подаче мяч со свистом летел прямо в живот Яблони. Он втянул его и отпрянул назад, но так, чтобы не зацепить мяч и при этом не выйти из квадрата. Иначе был бы засчитан промах.

При очередной подаче Яблоня взмахнул битой, но не попал по мячу. А вот тот угодил в цель. Игрок рухнул на землю, один из шипов мяча впился в его бок.

Толпа вскрикнула и сразу же притихла, так как рефери открыл счет.

У Яблони было всего десять секунд на то, чтобы подняться и отбить мяч, иначе будет засчитано решающее очко.

Вторая девушка — талисман команды Ди-Си, высокая красивая блондинка с потрясающе длинными ногами и роскошными волосами, спадавшими на круглые и твердые, как яблоки, ягодицы, бегом направилась к нему, высоко поднимая колени, как и подобало бегать девиственницам в подобных случаях. Подбежав к лежащему, она опустилась на колени и пригнула голову так, что роскошная рыжая копна ее волос упала ему на лицо, и он мог их гладить. Считалось, что при этом к нему перейдет сила девушки, посвятившей себя Великой Седой Матери. Но этого, по-видимому, оказалось недостаточно. Он что-то шепнул ей, и она поднялась, расстегнула клапан в его форме, располагавшийся ниже пояса, и снова склонилась над ним. Толпа взвыла от досады, ибо это означало, что их игрок настолько сильно ранен, что ему нужна двойная порция духовной и физической энергии. При счете восемь Яблоня, радостно приветствуемый толпой, встал на ноги. Даже болельщики из Кэйсиленда устроили ему овацию — человека с такой силой духа чувствовали все.

Яблоня вытащил из бока шип, взял у девушки пластырь и наложил его на рану. Пластырь пристал к телу без липучки, так как псевдо-плоть сразу же выпускала большое число загнутых, как крючки, усиков, которые удерживали ее.

После этого он кивнул рефери в знак того, что готов.

— Мяч в Игру!

Так как мяч остался у Ди-Си, им разрешалась одна попытка на то, чтобы поразить подающего. Попад в него, он мог спокойно перейти в первую базу.

Яблоня размахнулся и метнул мяч. Джон Кэйси стоял внутри используемого в таких случаях крошечного квадрата. Выйдя из него, уклоняясь от мяча, он бы покрыл себя несмываемым позором — его бы забросали камнями, — а его оппонент мог бы столь же беспрепятственно перейти во вторую базу.

Он крепко стоял на ногах и только покачивал туловищем, слегка подогнув колени.

Бросок оказался техническим промахом, хотя кончик одного из шипов при вращении мяча слегка резанул правое бедро Кэйсилендера.

Джон Кэйси подхватил мяч и замахнулся.

Болельщики из Ди-Си молились молча, скрестив пальцы или перебирая волосы ближайших девственниц. Кэйсилендеры хрипло орали. Жители Пантс—Эльфа, Ирокеза, Флориды и Буффало выкрикивали оскорбления в адрес той команды, которую ненавидели сильнее.

Игрок из Ди-Си, находившийся в третьей базе, подался вперед, готовый бежать к "дому", если представится шанс. Кэйси это заметил, но угрожающего движения не сделал. Не желая рисковать, так как своим четвертым промахом он бы позволил противнику занять первую базу, Кэйси спокойно и точно подбросил мяч высоко над площадкой, внутри которой стоял отбивающий. Яблоня попал по мячу точно, но, как часто случается, задел один из шипов. Мяч взвился высоко над линией перехода из "дома" в первую базу, а затем стал падать как раз посередине между первой базой и "домом".

Бросив биты в подающего, на что он имел право, Яблоня рванулся к первой базе. Ровно на полпути к ней на его голову обрушился отбитый им же самим мяч. Его противник, карауливший первую базу, бросился на перехват мяча, но тоже врезался прямо в него. Яблоня сильно ударился о землю, несколько раз отскочил от нее как резиновый мяч, пробежал еще несколько шагов и юзом на животе скользнул к первой базе.

Однако первый базовый защитник из команды Кэйси все-таки поймал мяч и, не выпуская его из рук, сделал выпад в сторону ползущего игрока Ди-Си, который был рядом. Сразу же после этого, решив, что запятнал Яблоню, он высоко подпрыгнул и бросил мяч другому защитнику из своей команды, который прикрывал "дом". Мяч звонко шлепнулся в огромную и толстую перчатку-ловушку защитника ровно за мгновение до того, как игрок команды Ди-Си из третьей базы должен был проскочить в "дом".

Рефери справедливо определил у игрока Ди-Си положение "вне игры" и пригласил вернуться в третью базу. С этим никто не спорил. Но первый базовый из команды Кэйсиленда подошел к судье и громко заявил о том, что он запятнал Яблоню, когда тот рвался к первой базе. Поэтому тот тоже должен быть объявлен в положении "вне игры".

Яблоня категорически это отрицал. Тогда защитник у первой базы заявил, что имеет доказательство. Он зацепил кончиком шипа правое колено Яблони сбоку. Рефери велел Яблоне снять защитный чулок.

— Свежая, еще кровоточащая рана, — объявил судья. — Вы тоже "вне игры".

— Почему это? — взревел Яблоня, выплюнув жеванный табак прямо в лицо судье. — Это кровь из двух порезов на бедре,

и это было еще на предыдущей смене! Этот почитатель бога-отца — лжец!

— А почему же он был уверен в том, что мне надо осмотреть правое колено? Только потому, что он именно это колено зацепил мячом, — гаркнул в ответ рефери. — Здесь судья — я, и я говорю — аут!

Затем он еще громче повторил по буквам: — А—У—Т!

Решение это пришлось не по вкусу болельщикам Ди-Си. Они засвистели и стали громко выкрикивать традиционное "УБИТЬ СУДЬЮ".

Карел побледнел, но решения своего не отменил. К несчастью, его смелость и твердость не принесли ему ничего хорошего, ибо толпа выплеснулась на игровое поле и повесила беднягу на балке в проходе. После этого началось массовое избивание игроков из команды Кэйсиленда. Они, наверное, все погибли бы под ударами кулаков, если бы вовремя не вмешалась полиция Манхэттена, окружив взбесившихся болельщиков и оттеснив их тыльной стороной своих мечей. Карела также удалось спасти, так как кто-то успел перерезать веревку до того, как петля свершила свое дело.

Болельщики из Кэйсиленда тоже сделали попытку прийти на помощь своей команде, но не сумев пробиться к полю, сцепились с болельщиками из Ди-Си.

Стэгг некоторое время внимательно следил за свалкой. Сначала ему захотелось броситься в самую гущу отчаянно дерущихся тел и раздавать удары направо и налево своими могучими кулаками.

Он ощутил нарастающую жажду крови и даже приподнялся, чтобы броситься в бушующую под ним толпу. Но в это же самое время огромная толпа женщин, тоже возбужденная зрелищем драки, но в совсем другом смысле, захлестнула его целиком.

Х

Черчилль плохо спал в эту ночь. Он никак не мог избавиться от воспоминания, каким восторженным было лицо Робин, когда она с гордостью призналась, как надеется на то, что забеременела от Героя — Солнце.

Сначала он ругал себя за то, о чем мог бы и сам догадаться: она должна была быть среди ста девственниц, избранных дебютировать на открытии праздника. Ведь она очень красива, а отец — достаточно богат, чтобы ее отвергли.

Затем он стал искать оправдание себе в том, что до сих пор очень плохо знает культуру Ди-Си и относится ко многим ее

проявлениям с предубеждениями, свойственными морали его времени. Никак нельзя относиться к ней, как к девушке из начала двадцать первого века.

Наконец, он корил себя, что влюбился в Робин. Его отношение к ней напоминало больше реакцию пылкого двадцатилетнего юноши, а не мужчины тридцати двух лет — нет, восьмиста тридцати двух лет; мужчины, который пропутешествовал миллиарды километров и покорение космоса сделал основным своим занятием, а теперь влюбившегося в восемнадцатилетнюю девчонку, которой знакома была крохотная часть Земли на крохотном отрезке времени!

Однако Черчилль был человеком практичным. Факт есть факт. А фактом было то, что он действительно хотел, чтобы Робин Витроу стала его женой, или, по крайней мере, хотел до того самого момента прошлого вечера, когда она ошарашила его своим признанием.

Какое-то время он ненавидел Питера Стэгга. У него и раньше часто возникала некоторая обида на своего капитана: слишком уж тот был красив и высок, да и занимал должность, которую, по мнению Черчилля, он мог бы занимать сам. Он любил и уважал шефа, но будучи честен перед самим собою, признавался в том, что ревнует.

Было почти невыносимо думать о том, что тот, как всегда, обошел его. Стэгг всегда был первым.

Почти непереносимо.

А ночь все не кончалась. Черчилль поднялся с постели, закурил сигару и стал шагать по комнате, заставляя себя не кривить душой.

Во всем происшедшем нет вины ни Питера, ни Робин. И, конечно же, Робин ничуть не любит Стэгга, который, вот бедный дьявол, обречен на короткую, но полную чувственных наслаждений, жизнь.

Самое главное, что лишало его покоя — это то, что он хочет жениться на женщине, которая намерена родить от другого. Несомненно, в этом нельзя упрекать ни ее, ни отца ребенка. Важнее было другое: хочет ли он сам жениться на Робин и растить ее дитя, как свое собственное?

Наконец, лежа спокойно на постели и прибегнув к технике йогов, он все-таки смог заснуть.

Проснулся он примерно через час после восхода солнца. Слуга сообщил ему о том, что Витроу уехал по делам и что Робин с матерью отправились в храм и должны вернуться через два часа, а может быть и раньше.

Черчилль осведомился о Сарванте, но тот еще не появлялся. Позавтракал он вместе с детьми. Они просили рассказать что-

нибудь из его путешествия к звездам, и он описал происшествие на планете звезды Вольфа, где команда была атакована летающими осьминогами. Случилось это во время бегства от преследовавших их местных жителей, когда пришлось пересекать болото на плоту.

Это были гигантские твари, летавшие с помощью наполненного легким газом мешка и добывавшие пищу при помощи длинных свисающих щупалец. Щупальца могли наносить электрические удары, вызывая паралич у жертвы или убивая ее, после чего осьминог разрывал добычу острыми когтями, которыми заканчивались его восемь мускулистых конечностей.

Дети сидели молча, широко раскрыв рты, пока он рассказывал, а к концу повествования смотрели на него, как на полубога. К концу завтрака настроение поднялось, особенно когда Черчилль припомнил, что именно Питер Стэгг спас ему жизнь, отрубив схватившее его щупальце.

Когда он поднялся из-за стола, дети умоляли рассказать еще. Только дав обещание продолжить, когда вернется, ему удалось от них освободиться.

Черчилль велел слугам передать Сарванту, чтобы подождал его, а Робин, что он пошел искать товарищей по команде. Слуги настояли, чтобы он воспользовался каретой и взял охрану. Ему не хотелось быть в еще большем долгу перед Витроу, однако отказ мог, вероятно, оскорбить хозяина. Карета мигом примчала его к стадиону, где стояла "Терра".

Ему пришлось столкнуться с немалыми трудностями в поисках нужных чиновников. Однако в некоторых отношениях Вашингтон почти не изменился. Маленькие взятки то здесь, то там помогли ему раздобыть нужные сведения, и вот он уже в кабинете чиновника, ведающего звездолетом.

— Я бы хотел узнать, где сейчас находится экипаж? — спросил Черчилль.

Чиновник, извинившись, вышел минут на пятнадцать. Он, должно быть, выяснил местонахождение бывшего персонала "Терры". Вернувшись, он сказал, что все, кроме одного, находятся в Доме Заблудших Душ. Это, объяснил он, дом, где можно поесть и переночевать иностранцам и путешественникам, которые не могут найти гостиницу, принадлежащую их братству.

Если вы не посвящены в какое-либо из братств, пояснил чиновник, вам придется искать прибежище в общественных или жилых домах, если только удастся. Это весьма нелегко сделать.

Черчилль поблагодарил и вышел из кабинета. Следуя наставлениям чиновника, он отправился в Дом Заблудших Душ.

Здесь оказались все, с кем он расстался вчера. Они были в

одеждах туземцев. Не один Руд догадался продать свою.

Обменявшись последними новостями, Черчилль справился о Сарванте.

— Не слышали о нем ни слова, — сказал Гбве-Хан и добавил. — А мы до сих пор не пришли к какому-либо решению.

— Если наберетесь немного терпения, — обнадежил Черчилль, — то, возможно, еще отплывете домой.

Он поведал им все, что удалось разузнать о мореплавании в Ди-Си и о шансах заполучить корабль, заключив:

— Если я добуду корабль, то уж позабочусь, чтобы каждому из вас на нем досталось по койке. Прежде всего, вам нужно быть готовыми заменить моряков. Это означает, что придется присоединиться к какому-либо из морских братств, а затем походить в море для тренировки. Осуществление этого плана требует времени. Если же вас это не устраивает, то всегда можете попробовать добраться по суше.

После двухчасового бурного обсуждения все члены экипажа решили следовать за Черчиллем.

— Вот и прекрасно, — заключил он, поднимаясь из-за стола. — Пока не последует дальнейших указаний, оставайтесь здесь, как в нашей штаб-квартире. Вы знаете, как связаться со мной. До скорого! Удачи вам!

Черчилль не стал гнать оленей, позволив им идти тем шагом, который им по душе. Он все еще опасался того, что выяснится, когда он вернется в дом Витроу, а ведь он до сих пор еще не решил, как ему поступить.

Наконец, карета остановилась перед домом. Слуги выпрягли оленей. Черчилль заставил себя войти в дом. Робин и ее мать сидели за столом и стрекотали как пара счастливых сорок.

Робин соскочила со стула и подбежала к нему. Глаза ее сияли, она восторженно улыбалась.

— О, Руд, это случилось! Я ношу ребенка Героя — Солнце, а жрица сказала, что это будет мальчик!

Он попытался изобразить улыбку, но это ему не удалось. Даже, когда Робин обняла его и расцеловала, а затем стала весело танцевать, ему все еще не удалось справиться с собой.

— Хотите холодного пива? — предложила мать Робин. — У вас такой вид, будто вы получили плохие вести. Надеюсь, это не так. Сегодняшний день должен быть днем веселого праздника. Я сама дочь Героя — Солнце и дочь моя — дитя Героя — Солнце. А вот теперь и внук мой будет сыном Героя — Солнце. Трижды благословение Колумбии простерлось над этим домом! Мы должны отблагодарить ее весельем и смехом.

Черчилль сел и выпил кружку пива. Вытер пену с губ и произнес:

— Вы должны простить меня. Я выслушивал жалобы моих товарищей. К вам это не имеет никакого отношения. Меня сейчас больше всего интересует дальнейшая судьба Робин.

Анжела Витроу понимающе посмотрела на него, как бы ощущая, что сейчас происходит в его душе.

— Что ж, она возьмет себе в мужья какого-нибудь удачливого молодого человека. Похоже на то, что ей самой будет весьма трудно сделать выбор, так как не менее десятка мужчин питают серьезные намерения по отношению к ней.

— Предпочитает ли она кого-нибудь в большей мере? — как ему самому показалось, не очень-то тактично спросил Черчилль.

— Она ничего не говорила мне об этом, — ответила мать Робин. — Но будь я на вашем месте Черчилль, я бы спросила у нее об этом прямо здесь и сейчас — пока не объявились другие соискатели.

Он смутился, но ничем не выдал волнение.

— Вы прямо читаете мои мысли.

— Вы ведь мужчина, не так ли? И я знаю, что вы нравитесь Робин. Я уверена в том, что вы будете ей наилучшим из мужей.

— Благодарю вас, — пробормотал Черчилль.

Некоторое время он сидел молча, барабанив пальцами по столу. Затем встал и подошел к Робин, которая ласкала одну из своих кошек. Обхватив Робин за плечи, он спросил:

— Пойдешь за меня, Робин?

— Да, да! — закричала она и упала в его объятия.

Вот и все, пожалуй.

Как только Черчилль принял решение, его уже несколько не беспокоило, что Робин не девушка и что она зачала ребенка от капитана Стэгга. Ведь могло, в конце концов, быть так, что она была замужем за ним и родила сына, а затем Стэгг умер, и поэтому у Черчилля не может быть ни малейших оснований в чем-либо обвинять ни его, ни Робин. Эта ситуация ничуть не отличалась от той, которую он так мучительно исследовал, где Робин всего одну ночь была замужем за его бывшим командиром, а Питер Стэгг, хотя еще и жив пока, все равно обречен.

Он понял окончательно, что его душевное равновесие нарушилось только тем, что он рассматривал происходящее, исходя из системы оценок в данном случае неприемлемых. Ему хотелось, чтобы его невеста была девушкой, но она ею уже не была, и с этим ничего не поделаешь.

И все же, где-то в самой глубине души у него то и дело возникало ощущение, что в чем-то его обманули.

Но предаваться подобным мыслям все время было просто невозможно — жизнь продолжалась. Витроу вызвали домой из его конторы. Он разрыдался и обнял дочь и своего будущего

зятя, а затем напился вдрызг. Тем временем служанки увели Черчилля, чтобы помыть его и постричь, сделать массаж и надушить. После того, как его туалет был завершен, он увидел, выйдя из ванной, что Анжела Витроу с несколькими подругами занята приготовлениями к праздничному гулянию, которое должно было состояться сегодня же вечером.

Гости стали собираться сразу после ужина. К этому времени успели изрядно набраться и оба старшие Витроу и суженый младшей из них, но гостей это вовсе не смущало. Казалось, другого они и не ожидали и всюю стремились их догнать.

В доме Витроу воцарилась атмосфера буйного веселья, шумных разговоров, открытого хвастовства. Общее настроение не испортил даже прискорбный инцидент, когда один из парней, ранее ухаживавших за Робин, непристойно прошелся по адресу чужеземного акцента Черчилля и затем вызвал его на поединок, дуэль на ножах, причем оба должны быть привязаны за талию к тотемному столбу. Робин доставалась победителю.

Освоившись с простыми нравами Ди-Си, Черчилль, не долго думая, заехал парню в челюсть. Друзья его, смеясь и громко икая, отнесли неподвижное тело своего незадачливого приятеля в одну из своих колясок, а сами вернулись продолжать веселье.

Около полуночи Робин оставила друзей и взяла Черчилля за руку.

— Идем в постель, — шепнула она.

— К-куда? С-сейчас?

— Ко мне в комнату, глупенький. И, разумеется, сейчас.

— Но, Робин, мы ведь еще не поженились? Или я такой пьяный, что даже не заметил?

— Ну и что? Свадьба будет в Храме в конце следующей недели. Только какое отношение это имеет к нашему желанию завалиться в постель?

— Никакого, — признался он, пожимая плечами. — Другие времена — другие нравы. Веди, Макдуф.

Робин хихикнула и спросила:

— Что это ты там бормочешь?

Воздержавшись от объяснений, кто был Шекспир и когда он жил, он задал встречный вопрос:

— Слушай, а что ты будешь делать, если я дам задний ход до того, как мы поженимся?

— Ты шутишь, разумеется?

— Верно. Просто ты должна понять, Робин, дорогая, что я плохо знаком с обычаями Ди-Си и к тому же очень любопытен.

— Я-то сама ничего не буду делать. Но это будет смертельным оскорблением моему отцу и брату. Им придется тебя убить.

Следующая неделя была до предела заполнена различными

делами, в дополнение к обычным приготовлениям к свадебной церемонии Черчилль должен был решить, к какому из братств он намерен примкнуть. Было бы немыслимым, чтобы Робин вышла замуж за мужчину без тотема.

— Я бы предложил свой собственный тотем Льва, — посоветовал Витроу. — Но тебе лучше было бы примкнуть к братству, непосредственно связанному с твоим занятием и именно такому, которое было благословлено духом-хранителем в образе животного, с которым ты будешь иметь дело.

— Вы имеете в виду одно из рыбацких братств, Рыбы или Дельфина?

— Нет, ничего подобного. Я имею ввиду тотем Кабана. Неразумно разводить свиней и в то же самое время иметь в качестве своего тотема Льва — зверя, который на них охотится.

— Но, — запротестовал Черчилль, — какое мне дело до свиней?

Наступила очередь Витроу удивляться.

— Разве ты еще не обсуждал это с Робин? Ну, впрочем, это неудивительно. У нее так мало было времени для болтовни. Правда, вы оставались одни каждую ночь от полуночи до утра. Но в это время, я не сомневаюсь, вы больше занимались соответствующими постельными упражнениями. Вот бы снова стать молодым! Так вот, мой мальчик, положение таково. Я унаследовал несколько ферм от отца, который тоже был не промах, когда дело касалось денег. Мне нужно, чтобы ты заведовал этими фермами по нескольким причинам.

Во-первых, я не доверяю нынешнему управляющему. Думаю, он меня обманывает. Докажи мне это, и я его вздерну.

Во-вторых, на мои фермы совершают регулярные набеги карелы, воруя лучший скот и женщин с хорошей внешностью. Дома и хлевы они не сжигают и не оставляют батраков голодными, так как они умные люди и не хотят убивать гусыню, несущую золотые яйца. Ты должен прекратить набеги.

В-третьих, я понимаю, что ты — человек образованный и немного смыслишь в селекции. Ты сможешь улучшить свой скот.

В-четвертых, когда я вернусь в лоно Великой Седой Матери, ты унаследуешь несколько ферм. Торговый флот достанется моим сыновьям.

Черчилль встал.

— Я должен поговорить с Робин.

— Поговори, сынок. Но ты увидишь, что она согласна со мной.

Витроу оказался прав. Робин не хотела, чтобы ее муж был капитаном судна. Она бы не смогла выдержать частых разлук.

Черчилль опроверг этот довод, сказав, что она могла бы уходить в плавание вместе с ним.

Робин возразила, что это невозможно. Жены моряков не могут сопровождать своих мужей. Они бы мешали на судне, увеличивали расходы, и что хуже всего, навлекали бы на корабль беду. Даже, когда на судно берут за плату пассажирскую женщину, требуется, чтобы жрец особо благословил корабль, дабы не навлечь на него несчастье.

Черчилль уколол ее, сказав, что если она любит своего мужа, то смирится с его продолжительными отлучками.

Робин и здесь не осталась в долгу. Если он по-настоящему ее любит, то не захочет оставлять ее одну даже ненадолго. Кроме того, а как же дети? Всем известно, что дети, выросшие в семьях, где отец более или менее часто отсутствует, обычно вырастают с извращенной психикой. Детям нужен сильный отец, который всегда рядом для ласки и для поддержания дисциплины.

Черчилль призадумался на минуту.

Возьми он назад обещание жениться, неизбежен поединок с Витроу и его сыном. Кто-то будет убит, и Черчилль не сомневался в том, что, скорее всего, это будет он. Но даже если он не уступит двум мужчинам Витроу и сразит их, то ему придется тогда сражаться с ближайшими их родственниками, а таковых у Витроу было множество. Конечно, он мог бы вынудить Робин, чтобы она сама его отвергла. Но он не хотел ее терять.

В конце концов он сдался.

— Ладно, дорогая. Буду свиноводом. Только хочу попросить об одном. Мне хочется прежде, чем осесть, совершить одно последнее морское путешествие. Мы можем отправиться в Норфолк на судне, а затем добраться к фермам сушей.

Робин вытерла слезы, улыбнулась и поцеловала его. Затем сказала, что была бы бессердечной дрянью, если бы отказала ему в этом.

Черчилль ушел, чтобы предупредить своих товарищей о том, что им придется оплатить билеты на то судно, на котором он будет с Робин. Он позаботился о том, чтобы им хватило на это денег, и договорился с ними о том, что как только корабль выйдет в открытое море, они его захватят и попытаются пересечь Атлантику. Очень плохо, что у них не было возможности приобрести навыки кораблеводства и учиться придется на ходу.

— А твоя жена не рассердится? — поинтересовался Ястржембский.

— Еще как! Но если она любит меня, то пойдет за мной. Если же не любит, то мы высадим на берег ее и команду перед отплытием в океан.

Но экипажу "Терры" так и не представился случай захватить корабль. На второй день плавания на них напали пираты — карелы.

XI

У входа в Вассарское училище Стэгг услышал те же гимны или вариации песнопений, которые слышал всегда, когда ему вручали ключи от городов. В данном конкретном случае ему вручили диплом почетного профессора. Здесь, однако, приветственные гимны исполнялись не огромными толпами, а хором из новеньких послушниц. Женщины постарше, жрицы и преподавательницы, разодетые в голубое и алое, полумесяцем располагались за одетым во все белое хором. Пока послушницы пели, остальные кивали от великой радости лицезрения Рогатого Короля.

Боевой отряд Пантс—Эльфов застал Вассарское училище совершенно врасплох. Участники набега неизвестно откуда получили сведения о том, что Герой—Солнце должен посетить неофициальную церемонию во дворе семинарии в полночь. Они узнали также, что жителей близлежащего городка Пюкипси предупредили: не мешать проведению церемонии. Единственным мужчиной на территории семинарии был Стэгг, жриц было около сотни.

Воины прямо из окружавшей семинарию темноты ворвались в освещенный факелами двор. Женщины настолько увлеклись пением и созерцанием Короля—Оленя, что не заметили врагов. Жрицы опомнились только тогда, когда Пантс—Эльфы издали боевой клич и начали рубить головы тем, кто был в первых рядах.

Питер ничего не помнил из того, что было после. Когда он поднял голову, услышав шум, то только и успел увидеть прыгнувшего на него мужчину, который и оглушил его, ударив плоской стороной меча.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что висит, как забитый олень, на жерди, которую несли на плечах двое мужчин. Руки и ноги его онемели из-за нарушения кровообращения, так как за них он был привязан к жерди ремнями из сыромятной кожи. Ему казалось, что голова вот-вот расколется; она болела не только от удара, но и от прилива крови, вызванного положением его тела.

Высоко в небе стояла полная луна. В ее ярком свете он мог видеть только голые ноги и грудь человека, шедшего сади. Повернув голову, Питер различил отсвет луны на сильно загоревших спинах мужчин и белой одежде жриц.

Внезапно его грубо опустили на твердую землю.

— Старый Рогач пришел в себя, — услышал он низкий мужской голос.

— Давайте развяжем этого ублюдка, пусть идет сам, — слышалось в ответ. — Я устал тащить этого никчемного зверя. Жердь на дюйм впилась мне в плечо.

— Хорошо, — послышался третий голос, принадлежавший, по-видимому, вожаку. — Развяжите его. Но спутайте руки за спиной и накиньте петлю на шею. Если попытается бежать, мы его придушим. Эй, поосторожней с ним. На вид он силен, как лось.

— Ох, какой сильный! А как хорошо сложен! — воскликнул четвертый. Голос был намного выше, чем у остальных. — Мальчик просто прелесть!

— Ты что, добиваешься, чтоб я приревновал? — грозно произнес один из мужчин. — Если так, голубь мой, то это у тебя получается. Только не переборщи, не то я вырежу из тебя печенку и скормлю ее твоей мамаше.

— Не смей ничего говорить о моей матери, ты волосатый! — отпаривал высокий голос. — Ты, что-то перестаешь мне нравиться!

— Во имя Колумбии, Матери нашей Благословенной! Прекратите эту ссору влюбленных! Мне уже тошно от них! Мы в военном походе, а не на гулянке в тотемном зале. Давай, освободи его. Но смотри в оба.

— Я при всем желании не смог бы охранять его, — вновь раздался высокий голос.

— Ты хочешь пересадить его рога на мой лоб? — спросил мужчина, только что угрожавший печенке. — Только попробуй, и я так разукрашу твою морду, что ни один мужчина больше на тебя не глянет.

— Последний раз говорю, заткнись! — резко прикрикнул вожак. — Еще раз, и я перережу глотку тому, кто первый начнет препираться, поняли? Вот и прекрасно! Тогда пошли. Нам еще чертовски долго идти по вражеской территории, и, наверное, совсем скоро по нашим следам пустят гончих.

Стэгг весьма свободно разбирал то, о чем говорили похитители. Язык их был близок к языку Ди-Си, примерно, как датский к немецкому. Ему доводилось слышать такой и раньше, в Кэмдене, когда в его честь были перерезаны глотки у группы пленных пантс-эльфов на грандиозном празднестве. Многие из пленников были храбрецами: они выкрикивали непристойности в адрес Героя—Солнце, даже захлебываясь собственной кровью.

Ныне он был не против того, чтобы глотки перерезали всем мужчинам Пантс—Эльфа. Ноги и руки онемели и ныли все

больше. Ему захотелось закричать от боли, но понимая, что пантс-эльфы вышибут из него дух, он сдержался. Да и не хотелось доставлять им удовольствие, выдавая, насколько ему плохо.

Налетчики связали ему руки за спиной, затянули петлю на шее и пригрозили проткнуть ножом спину при первом же подозрительном движении. Затем Питера толкнули вперед.

Поначалу ему показалось, что он не в состоянии идти. Каждый раз, споткнувшись, он чувствовал, как петля стягивает шею и перехватывает дыхание. Но через некоторое время, по мере того, как восстанавливалось кровообращение и утихала боль, он мог идти быстрее. Это ему показалось добрым знаком.

Сейчас отряд спускался с пологого холма по редколесью; человек сорок, построенных по два, и у каждого широкие мечи, короткие копья, дубины, луки и стрелы. На них не было никаких доспехов, по-видимому, чтобы не ограничивать подвижность. Воины Пантс-Эльфа не отращивали длинные волосы, как жители Ди-Си, а подрезали их очень коротко. Широкие темные усы делали их лица весьма необычными в этом мире — пантс-эльфы оказались первым народом, из виденных им, оставляющим растительность на лице.

Когда отряд вышел из леса и стал спускаться к берегу реки Гудзон, Питеру удалось лучше рассмотреть пантс-эльфов и он обнаружил, что усы вытатуированы или нарисованы.

Более того, на голой груди каждого большими буквами было выведено слово "МАТЕРЬ".

Пленников оказалось семеро: он сам, пять жриц и — сердце его слегка дрогнуло — Мэри Кэйси. Их руки также были связаны за спинами. Питер попытался нагнуться к Мэри, чтобы шепнуть что-то, но веревка вокруг шеи оттянула его назад.

Отряд остановился. Несколько воинов раздвинули кусты, стали разгребать груды веток, и вскоре показались несколько крупных каноэ, укрытых в небольшом углублении в земле. Их перенесли к самой воде.

Пленников посадили в каноэ по одному в каждое, и флотилия направилась к противоположному берегу.

После переправы каноэ столкнули вниз по течению, и отряд быстрым шагом двинулся через лес. Время от времени кто-либо из пленников, споткнувшись, падал на колени или навзничь. Пантс-эльфы пинали их и угрожали перерезать горло тут же, если они не перестанут плестись, как неуклюжие коровы.

Один раз упала и Мэри Кэйси. Кто-то пнул ее под ребра, и девушка скорчилась от боли. Стэгг взревел от ярости и громко сказал:

— Стоит только мне высвободиться, пантс-эльф, я оборву твои руки и ими же тебя придушу!

Пантс-эльф рассмеялся и ответил:

— Давай, дорогуша. Одно удовольствие побывать в объятиях такого мужика, как ты.

— Матери ради, помолчи-ка! — вскричал вожак. — Это война или гулянка?

Остаток ночи прошел спокойно. Некоторое время шли быстро, затем продвижение замедлилось. К утру было пройдено немало миль, хотя и меньше, чем если бы шли напрямик. Приходилось все время петлять среди крутых склонов.

Едва только стала светлеть восточная кромка горизонта, вожак объявил привал.

— Надо укрыться где-нибудь и поспать до обеда. Затем, если вокруг будет достаточно безлюдно, двинемся вперед. Днем можно уйти гораздо дальше, пусть даже будет больше шансов на то, что нас засекут.

Они подыскивали удобную выемку под нависшим карнизом обрыва, расстелили одеяла прямо на земле и улеглись. Через несколько минут все спали, кроме четырех часовых, оставленных для присмотра за пленниками и на тот случай, чтобы объявить тревогу в случае появления Ди-Си.

Стэгг тоже был исключением.

— Эй! — обратился он к одному из часовых. — Я не в состоянии уснуть! Я голоден!

— Поешь вместе с остальными, — буркнул часовой. — То есть, если что останется.

— Тебе этого не понять. У меня ненормальная потребность в еде. Если я не буду есть каждые четыре часа и притом вдвое больше, чем обычный человек, то мое тело начнет пожирать само себя. Тому виной рога. Они так воздействуют на меня, что для выживания я должен есть, как самец лося.

— Сейчас я принесу тебе охапку сена, — тихо заржал часовой.

Кто-то другой тихо шепнул Стэггу сзади:

— Не беспокойся, красавчик мой. Я что-нибудь тебе раздобуду. Не могу себе позволить, чтобы такой чертовски красивый мужик помер с голоду. Это было бы такой утратой!

Послышался шорох завязок запячного мешка. Часовые с любопытством посмотрели на доброхота, затем осклабились.

— Похоже, ты совсем свел с ума Абнера, — хмыкнул один из них, обращаясь к Стэггу. — Вот только это вряд ли понравится его дружку, Люку, когда он проснется.

Другой добавил:

— Хорошо еще, что голоден не Абнер. А то он мог бы тебя съест с потрохами. Ха, ха, ха!

Шептавший, наконец, возник перед Питером. Это был невысокий юноша, тот самый, что не стеснясь, восхищался им прошедшей ночью. В руках у него были полбуханки хлеба, два больших ломтя ветчины и фляга.

— Сиди тихонько, малыш. Мама покормит большого Рогатика.

Часовые тихо засмеялись. Стэгг покраснел, но был слишком голоден, чтобы отказаться от пищи. Ему чудилось, что внутри него пылает огонь, плоть пожирает плоть.

Тонкоголосому на вид было не более двадцати лет. Красавчик с очень стройными бедрами, длинными в отличие от остальных пантс-эльфов вьющимися кудрями цвета спелой пшеницы. Женщины, пожалуй, сочли бы его миловидным, если б не нарисованные усы, портившие нежное лицо, придавая владельцу несколько шутовской вид. Зато большие карие глаза, окаймленные длинными пушистыми ресницами, очень красили юношу, зубы были настолько белы, что казались вставными, а язык был неестественно красен, по-видимому, из-за злоупотребления какой-то жвачкой.

Стэгга передернуло от омерзения. Невыносимо оказаться в должниках у подобной мрази. Но рот его, вопреки мыслям, открывался, казалось, сам собой, заглатывая пищу.

— Вот и славно, — проворковал Абнер, ласково поглаживая панты Стэгга. Затем провел длинными нежными пальцами по волосам.

— Рогатику сейчас лучше? Как там насчет хорошего поцелуя, в знак благодарности Рогатика?

— Рогатик вышибет из тебя дух, только сунься поближе, — отрезал Питер.

Абнер удивленно выпучил глаза, отступив назад, его нижняя губа искривилась в негодовании.

— Разве так обращаются с дружкой, который спас тебя от голодной смерти? — спросил он обиженно.

— Разумеется, не так, — ответил Стэгг. — Я просто хотел, чтобы ты понял, если попытаешься затеять свои штучки, я прибью тебя.

Абнер засмеялся, ресницы его встрепенулись.

— О, ты должен стать выше этого глупого предрассудка, малыш. Кроме того, я слышал о том, что вы, рогатые люди, сверхчувственны и когда возбуждены, вас уже ничто не может остановить. Что же ты намерен предпринять, если вокруг не окажется женщин?

Его губы насмешливо искривились, когда он упомянул жен-

щин. "Женщины" были весьма вольным переводом слова, которое он употребил, слово, которое во времена Стэгга применялось в самом унижительном физиологическом смысле. Позже Питер узнал, что мужчины Пантс—Эльфа всегда прибегают к этому словечку в разговорах между собой, хотя в присутствии женщин они обращаются к ним, употребляя слово "ангел".

— Будущее покажет, — пробормотал он, закрыл глаза и уснул.

Ему показалось, что проспал он не более минуты, но солнце уже стояло в зените. Пит присел и стал искать взглядом Мэри Кэйси. Девушка ела, руки ее были развязаны, но рядом стоял часовой с мечом наготове.

Вожака банды звали Раф. Это был крупный, широкоплечий мужчина с узкой талией и потрясающе красивым, но холодным лицом и светлыми волосами. Таким же холодом веяли и его бледно-голубые глаза.

— Мэри Кэйси говорит, что ты не Ди-Си, — сказал он. — Она утверждает, что ты сошел с неба на огненном железном корабле и покинул Землю восемьсот лет назад ради исследований звезд. Она лжет?

Питер вкратце рассказал свою историю, внимательно наблюдая за Рафом. Он надеялся, что Раф решит обращаться с ним не так, как обычно обращаются пантс-эльфы с Ди-Си, оказавшимися в их власти.

— Да, тебе можно позавидовать, — произнес Раф с энтузиазмом, хотя его бледно-голубые глаза оставались такими же бесстрастными, как и всегда. — А эти бешеные рога! Они придают тебе вид настоящего мужика! Я слышал, что когда вы, Рогатые Короли, в силе, то можете заменить полсотни застоявшихся кобелей.

— Это общеизвестно, — подтвердил Стэгг спокойно. — Я хотел бы узнать другое: что нас ждет дальше?

— Это мы решим, когда покинем территорию Ди-Си и переправимся через Дэлавер. У нас впереди еще два дня усиленного хода, мы будем в безопасности, как только перевалим через Шаванганские Горы. За Шаванганками простираются земли кочевников, где повстречаться можно только с небольшими вооруженными отрядами как своими, так и противника.

— Почему бы меня не развязать? — спросил Стэгг. — Теперь я уже не могу вернуться в Ди-Си, и моя судьба отныне крепко повязана с вашей.

— Ты что, смеешься? Я бы скорее выпустил на волю взбесившегося лося! Я — человек чертовски добрый, крошка, но не хотел бы оказаться с тобой наедине. Нет, с тобой лучше не связываться. Так и оставайся связанный. Вернее будет.

Отряд двинулся в путь быстрым шагом. Двое разведчиков бежали впереди, чтобы предупредить о засаде. Преодолевав Шаванганские Горы, воины очень осторожно вышли на перевал, подолгу прячась в ожидании сигналов дозорных. В полночь отряд, наконец, сделал привал по другую сторону высокого каменистого кряжа.

Стэгг несколько раз пытался заговорить с Мэри Кэйси, успокоить ее. Девушка выглядела совсем измотанной. Всякий раз, когда она начинала отставать, ее ругали и били. Особенно суров с нею был Абнер — казалось, он ненавидел ее.

Вечером третьего дня они пересекли вброд Дэлавер, заночевали на другом берегу, поднялись на заре и к восьми часам утра триумфально вступили в небольшое пограничное селение Хай Квин.

В Хай Квин жило человек пятьдесят. Дома каменные, уродливой прямоугольной формы, с заборами из камня и бетона, возвышались на добрые восемь метров. Стены строений были незаконными, войти можно было только через двери, упрятанные в глубоких нишах. Окна домов выходили во двор.

Ни дворов, ни лужаек, стены шли заподлицо с улицей. Однако между домами располагались поросшие бурьяном пустыри, на которых паслись козы, копошились куры и возились грязные голые дети.

Толпа, приветствовавшая отряд, состояла в основном из мужчин. Несколько случайно оказавшихся женщин быстро ушли, подчинившись грубому приказу. Их лица скрывала вуаль, длинная одежда укрывала тела с головы до самой земли. Очевидно, здесь женщины были существами низшего сорта, несмотря на то, что единственным идиолом в городе была гранитная статуя Великой Седой Матери.

Позже Питер узнал, что пантс-эльфы тоже поклоняются Колумбии, но Ди-Си считали их еретиками. В религиозных канонах пантс-эльфов каждая женщина была живым воплощением Колумбии и, следовательно, священным сосудом материнства. Но мужская половина Пантс — Эльфа также понимала, что плоть слаба. Поэтому мужчины делали все, чтобы лишить женщин малейшей возможности осквернить чистоту этого сосуда.

Им полагалось быть хорошими служанками и добрыми матерями, но не более. Их внешность должна была быть как можно сильнее скрыта, показываться на людях они должны были как можно реже, чтобы не вводить мужчин в искушение. Мужчины вступали в половой контакт со своими женами только ради продолжения рода. Другие контакты, как в личной, так и в общественной жизни, сводились в минимум. Процветало многоженство, полезность которого подкреплялась доводом, со-

гласно которому полигамия — отличное средство для быстрого заселения пустующих земель.

Женщины, отгороженные от мужчин и предоставленные обществу себе подобных, зачастую становились лесбиянками. Такое поведение даже поощрялось мужчинами, но тем не менее женщинам предписывалось ложиться в постель с мужчиной по меньшей мере три раза в неделю. Это возлагалось на мужа и жену как святая обязанность, сколь бы неприятна она ни была для обоих. Результатом была почти непрекращающаяся беременность.

Это и было то состояние женщины, которого жаждал мужчина. Согласно их еретическому учению беременная была ритуально нечистой, прикасаться к ней могли только жрицы и другие нечистые.

Пленников заперли в одном из самых больших каменных домов. Прислужницы принесли им пищу, но перед этим Стэгга заставили одеть юбку, чтобы не смущать женщин. Участники набега и жители поселка отпраздновали возвращение повальной пьянкой.

Около десяти часов вечера хмельная толпа вломилась в камеру и выволокла Питера, Мэри и жриц на главную площадь поселка, к статуе Колумбии. Изваяние окружали большие груды дров, а в центре каждой торчал столб.

К каждому столбу привязали по жрице. Стэгга и Мэри не тронули, но заставили стоять и смотреть.

— Этих злых ведьм необходимо очистить огнем — пояснил Раф. — Поэтому мы не поленились привести сюда этих девушек. Нам жаль тех, кто пал от меча. Их души навсегда потеряны и обречены вечно блуждать неприкаянными. Но этим повезло. Очищенные огнем, они отойдут в блаженные края.

— Конечно, плохо, — добавил он, — что в Хай Квин нет священных медведей; всем известно — лучше бы скормить нечистотам медведям. Медведи, понимаете, такое же орудие, как и огонь.

За себя, Олень, и за девку пока не беспокойся. Жаль пускать тебя в расход в таком вшивом селении. Мы отведем вас в Филу, пусть правительство решает, как с вами поступить.

— Фила? Филадельфия, город братской любви?

В последний раз за этот вечер Питер попытался поддержать себя шуткой.

Костры были подожжены, и начался ритуал очищения.

Стэгг какое-то мгновение смотрел, затем закрыл глаза. На его счастье криков слышно не было, так как несчастным перед казнью заткнули рты. Жрицы, сгорая, имели обыкновение низвергать потоки проклятий на пантс-эльфов. Кляпы уберегали суеверных зрителей от этого.

Увы, запах горелой плоти заткнуть было невозможно, им с Мэри стало дурно. К тому же приходилось еще и переносить веселый смех мучителей.

Когда костры догорели, обоих пленников увели назад, в тюремную камеру. Несколько стражников схватили Мэри за руки, а двое других раздели ее догола, одели на бедра железный пояс целомудрия и сверху натянули юбку.

Стэгг попытался воспротивиться, но на него посмотрели с удивлением.

— Что? — возмутился Раф. — Оставить ее незащищенной перед искушением? Позволить, чтобы этот чистый сосуд Колумбии был загрязнен? Ты, должно быть, сошел с ума. Если оставить ее наедине с тобой, Рогатый Король, то результат очевиден. А учитывая твою неистощимость, он для нее будет роковым. Вы должны благодарить нас за это. Ведь ты прекрасно знаешь, что сотворил бы с нею!

— Если вы меня и дальше будете так кормить, — отрезал он, — то я ни на что не буду годен. Я умираю от истощения.

По правде говоря, в некотором отношении ему совсем не хотелось есть. Скудная диета заметно ослабила воздействие рога на его организм. Но он продолжал страдать от неудовлетворенного желания, что стало постыдно заметно и оказалось мишенью многочисленных насмешек и восхищенных замечаний тюремщиков. Однако вождение, испытываемое сейчас, не шло ни в какое сравнение с сатириазисом, который овладевал им в Ди-Си.

Сейчас Питер опасался того, что, поев, он набросится на Мэри Кэйси независимо от того, в поясе целомудрия ли она или без него. Но не менее его пугало и то, что если он не подкрепит, то к утру будет мертв.

Наверное, подумалось ему, не помешает все-таки подкрепить немного свое тело и рога, но не в такой мере, чтобы влечение стало неуправляемым.

— Почему бы не поместить нас в разных помещениях, если вы так уверены, что я на нее наброшусь? — предложил он.

Раф сделал вид, будто удивился такому предложению. Но Стэгг догадался, что он исподволь подталкивал пленника к тому, чтобы тот сам высказал такое пожелание.

— Разумеется! Просто я так устал, что плохо соображаю! — горячо откликнулся Раф. — Мы запрем тебя в другой комнате.

Эта комната была в том же доме, но по другую сторону внутреннего двора. Из окна ему было видно окно комнаты Мэри. Освещения там не было, но луна хорошо освещала двор. В ее свете Питер отчетливо видел бледное лицо Мэри, плотно прижавшееся к стальным прутьям.

Ожидание длилось минут двадцать. Затем раздался долгожданный звук ключа, вставляемого в замок обитой железом двери.

Скрипнули несмазанные петли, и дверь отворилась. Вошел Абнер с большим подносом в руках. Он поставил чашу на стол и крикнул часовому, что позовет его в случае надобности. Часовой попробовал возразить, но осекся, увидев свирепый взгляд Абнера. Он был из местных и имел причины бояться этих филадельфийских головорезов.

— Смотри, Рогатик, — промурлыкал Абнер, — какую чудесную еду я принес! Ты догадываешься о том, что за это будешь у меня в небольшом долгу?

— Разумеется, буду, — ответил Питер. Он был уже готов на все, что угодно ради еды. — Ты принес более, чем достаточно. Но если позже я захочу еще, ты мог бы легко достать?

— На спор. Кухня чуть дальше по коридору. Кухарка ушла домой, но я ради тебя охотно выподню женскую работу. Как насчет поцелуя в знак благодарности?

— Только после еды, — сказал Стэгг, принуждая себя улыбнуться Абнеру. — Там посмотрим.

— Не скромничай, Рогатик. И, пожалуйста, скорее ешь. У нас не так уж много времени. Я уверен, эта сука Раф намеревается заглянуть сюда ночью. Да и Люк, мой приятель... Не дай Колумбия, если он узнает, что я здесь, с тобой наедине...!

— Я не могу есть с руками, завязанными за спиной.

— Не знаю, не знаю..., — нерешительно протянул Абнер. — Ты такой большой, такой сильный. У тебя такие огромные руки — ты бы мог меня разорвать на куски голыми руками.

— Это было бы очень глупо с моей стороны. Кто бы тогда таскал мне еду? Я бы умер с голоду.

— Верно. Значит, ты не причинишь вреда своему маленькому дружку? Я такой слабый и незащитный. И похоже, тебе чуточку нравлюсь, не правда ли? Ты ведь не думаешь на самом деле сделать со мною то, о чем говорил во время перехода?

— Разумеется, это я просто так, — промычал Стэгг, пережевывая ветчину, хлеб с маслом и соленья. — Я сказал лишь для того, чтобы твой дружок Люк ни о чем не догадался.

— Так ты не только сногшибательно красив, ты еще и умница к тому же, — восхищенно сказал Абнер. Лицо его слегка вспотело. — Ты уже чувствуешь себя достаточно сильным?

Питер хотел было сказать, что должен съесть все до конца, прежде чем к нему вернется сила, но вспомнил о необходимости воздержания. Его выручил шум снаружи. Питер приложил ухо к железу двери.

— Это твой дружок, Люк. Ему известно, что ты у меня и он

требуется, чтобы его пропустили.

Абнер побледнел.

— О, Матерь! Он убьет меня, и тебя тоже! Такая ревнивая сука!

— Позови его. Я беру это на себя. Я не стану его убивать, просто задам небольшую взбучку. Пусть знает, как обстоят дела у нас с тобой.

Абнер взвизгнул от восторга.

— Это будет божественно!

Ох схватил руку Питера и в умилении закатил глаза.

— Матерь! Что за бицепс! Такой большой и такой твердый!

Стэгг постучал кулаком по двери и сказал часовому:

— Абнер просит пропустить!

— Да, да, — пролепетал Абнер, прячась за спину Стэгга. — Именно так. Пусть Люк пройдет.

Он поцеловал Питера в затылок.

— Воображаю, какая у него будет рожа, когда ты ему скажешь о нас. Я чертовски устал от его ревнивых выходов.

Дверь скрипнула, и в комнату с мечом в руке ворвался Люк. Часовой захлопнул за ним дверь, и все трое оказались взаперти.

Стэгг не стал терять время зря. Он рубанул ладонью по шее Люка. Тот свалился, меч его зазвенел, ударившись о пол.

Абнер слегка вскрикнул от восторга. Затем увидел лицо повернувшегося к нему пленника и открыл рот, чтобы закричать. Но прежде, чем легкие наполнились воздухом, тоже рухнул на пол. Голова оказалась под каким-то непривычным углом к туловищу. Удар кулака был столь силен, что сломал шейные позвонки.

Стэгг отволок тела вглубь комнаты, чтобы их не было видно с порога, взял меч Люка и резким ударом отсек ему голову.

Затем легонько постучал по двери и позвал, подражая голосу Абнера:

— Часовой! Иди сюда и заставь Люка прекратить издеваться над пленником!

Ключ повернулся, и часовой с мечом в руках вошел внутрь. И тотчас же напоролся на меч. Голова часового на полметра отлетела от тела, из разрушенной шеи брызнул поток крови.

Стэгг засунул за пояс кинжал часового и вышел в коридор, тускло освещенный факелом в дальнем конце. Рассудив, что именно там находится кухня, он не мешкая направился туда. Дверь вела в большую комнату, полную всякой еды. Питер нашел вещевой мешок и, наполнив его пищей и несколькими бутылками вина, снова вышел в коридор.

Как раз в это время в коридоре появился Раф.

Шел он, крадучись, и, вероятно, из-за охватившего его волнения не заметил отсутствия часового. При нем не было никакого

оружия, кроме ножа в чехле у пояса.

Стэгг стремглав ринулся к нему. Раф поднял голову и увидел бегущего прямо на него рогатого человека с поднятым над головой окровавленным мечом в одной руке и большим мешком в другой.

Он повернулся и побежал к выходу. Поздно! Лезвие прошло насквозь через его шею.

Стэгг переступил через труп, из которого все еще хлестала кровь, и вышел во двор. Здесь он наткнулся на двух охранников, спавших прямо на каменной дорожке. Как и большинство обитателей Хай Квин они были пьяны до потери сознания. Ему не хотелось оставлять ни малейшего шанса на то, чтобы его преследовали и двумя быстрыми ударами по шее, он устранил эту возможность. К тому же, у него возникло желание убивать всех пантс-эльфов, сколько их ни попадется под руку.

Питер быстро пересек двор и вошел в другой коридор, точно такой же, как и тот, откуда он вышел. Возле двери в комнату, где была заперта Мэри, сидел часовой, приложив к губам бутылку.

Он заметил Стэгга только тогда, когда тот уже был рядом. Какое-то мгновение он был парализован от изумления и не мог даже пошевелиться. Этого мгновения вполне хватило, чтобы метнуть в него меч острием вперед.

Острие ударило стражника прямо в букву "А" вытатуированного на его голой груди слова "Матерь". Часовой от удара отшатнулся назад, рука его вцепилась в поразившее грудь лезвие. К удивлению Питера, другая его рука продолжала крепко держать бутылку.

Острие вошло в тело неглубоко, но Стэгг сбросил с плеча мешок, прыгнул к мечу, схватил его за рукоятку и с силой толкнул эфес. Лезвие проткнуло насквозь внутренности до самого позвоночника.

Мэри Кэйси едва не потеряла сознание, когда открылась дверь, и в комнату вошел окровавленный рогатый человек. Затем она все поняла.

— Питер Стэгг! Как это...?

— Потом, — бросил он. — Нет времени на разговоры!

Вместе они перебегали из тени одного дома в тень другого, пока не достигли стены и высоких ворот, через которые попали в поселок. У ворот стояли двое часовых и еще двое — в небольших будках над ними.

К счастью все четверо отсыпались после попойки. Стэггу не составило особого труда перерезать кинжалом горло обоим часовым внизу. Затем он неслышно поднялся по ступеням, которые вели к смотровым будкам, и покончил еще с двумя. Без

всякого труда он вытащил огромный дубовый болт, удерживавший две половины ворот вместе.

Они вышли на ту же тропу, по которой их вели сюда. Сотню шагов пробежали, сотню прошли быстрым шагом, опять пробежали сотню, снова перешли на ходьбу.

Подойдя к реке Дэлавер, они перешли ее вброд в том же месте, что и утром. Мэри запросила отдых, но он возразил — останавливаться нельзя.

— Когда в поселке проснутся и обнаружат все эти обезглавленные трупы, то бросятся в погоню. Они не остановятся, пока нас не перехватят, если только мы не доберемся до Ди-Си раньше, чем они. Но от Ди-Си тоже не приходится ждать добра. Нам нужно пробираться в Кэйсиленд.

Пришло время, когда им все-таки пришлось перейти на медленную ходьбу — Мэри уже не могла идти так быстро, как он.

В девять часов утра она села.

— Не могу больше сделать ни шага. Я должна хоть немного передохнуть.

Они нашли ложбинку в сотне метров от тропы. Здесь Мэри сейчас же уснула. Питер сначала поел и выпил, затем тоже прилег. Ему хотелось остаться на страже, но он понимал, что все равно через несколько часов отдых понадобится ему тоже. Следовало восстановить силы, потому что не исключено, что придется нести Мэри.

Он проснулся раньше Мэри и снова перекусил.

Когда она открыла глаза несколькими минутами позже, то увидела склонившегося над ней Стэгга.

— Что ты делаешь?

— Молчи. Пробую снять твой пояс целомудрия.

XII

Контуры лица в профиль у Нефи Сарванта полностью отражали его характер. Они напоминали щипцы для раскалывания орехов. И Нефи был верен своему лицу: вцепившись во что-то, уже не отпускал.

Покинув дом Витроу, Сарвант поклялся больше не переступать порог дома, столь погрязшего в пороках. Он также поклялся посвятить свою жизнь, а если будет надо, то и отдать ее, делу несения Истины этим заблудшим язычникам.

Он прошел пять километров к Дому Заблудших Душ, провел там бессонную ночь и сразу же после восхода ушел. Несмотря на раннее время, на улицах было полно фургонов с грузами, моряков, купцов, детей, торговков. Сарвант заглянул в несколько

харчевен, счел их слишком грязными и решил позавтракать фруктами прямо на улице. Он разговорился с хозяином фруктовой лавки относительно возможностей подыскать работу. Тот рассказал, что есть место уборщика в храме богини Готью. Хозяин знал это наверняка, так как только вчера с этой работы прогнали его зятя.

— Там платят немного, но зато предоставляют стол и жилье. Есть и другие преимущества, особенно, если у вас много детей, — сказал хозяин и подмигнул Сарванту. — Моего зятя уволили как раз за то, что он пренебрегал уборкой ради этих преимуществ.

Сарвант не стал уточнять, что это за преимущества, узнал, как пройти к храму, и распрощался с хозяином.

Эта работа, если только удастся ее заполучить, может стать отличным местом для изучения религии Ди-Си. А также и первоклассным полем боя за обращение в свою веру. О, это может оказаться опасным занятием, но какой миссионер, достойный своей веры, отступал перед опасностями?

Оказалось, что к храму пройти не просто, Сарвант сбился с пути и забрел довольно далеко в район обитания знати и богачей, где не у кого было справиться о дороге, кроме пассажиров карет или всадников на оленях. Однако на это рассчитывать не приходилось, вряд ли кто остановился бы перед пешеходом, ибо это само по себе указывало на низкое происхождение.

Он решил вернуться в район гавани и начать сначала. Но не прошел и квартала, как увидел женщину, вышедшую из большого дома. Она была как-то странно одета — в длинный, до самой земли, балахон с капюшоном, натянутым на голову. Сначала Нефи подумал, что это кто-нибудь из прислуги, сознавая, что аристократка никогда не опустится так низко, чтобы идти пешком, когда можно ехать в экипаже. Приблизившись к ней, он увидел, что балахон шит из слишком дорогой для низших классов ткани.

Нефи проследовал за ней несколько кварталов, не рискуя вступить с ней в разговор из опасения, что это может оскорбить аристократку. Наконец, все-таки решился.

— Госпожа, можно вам задать скромный вопрос?

Женщина, обернувшись, высокомерно посмотрела на него. Она была высока, лет двадцати двух, лицо ее можно было бы, пожалуй, назвать красивым, не будь черты его слишком заостренными. У нее были большие темно-синие глаза, из-под капюшона выбивались желто-золотистые локоны.

Сарвант повторил вопрос, и незнакомка утвердительно кивнула. Тогда он спросил, как пройти к храму Готью.

Женщина вспыхнула и сердито бросила:

— Вы что, смеетесь надо мной?

— Нет, нет, — опешил Нефи. — Что вы! Мне непонятно, почему вы так решили.

— Поверю вам, — сказала женщина. — Вы говорите, как чужеземец. Скорее всего, у вас нет причин преднамеренно меня оскорблять. Не то мои люди убили бы вас — даже если бы я и заслуживала упрека.

— Клянусь, у меня не было дурных намерений. Если же я и обидел вас чем-то, то я приношу свои извинения.

Она улыбнулась и сказала:

— Я вам извиняю. Только откройте, почему вы хотите посетить храм Готью? Ваша жена столь же несчастна и отвергнута Богиней, как и я?

— Она давно умерла, — признался Сарвант. — И я не понимаю, что вы имеете ввиду, предполагая, что она несчастна и отвергнута? Нет, я хочу наняться уборщиком в храме. Видите ли, я один из тех, кто вернулся на Землю...

И он, хотя и очень коротко, поведал свою историю.

— Думаю, вы можете разговаривать со мною, как равный, хотя и трудно представить себе, чтобы знатный человек подметал полы. Настоящий аристократ, “дирада”, скорее бы умер с голода. И я вижу, что у вас нет символа вашего тотема. Если бы вы принадлежали к одному из высоких братств, то могли бы подыскать более достойную работу. Может быть, у вас нет покровителя?

— Тотемизм — проявление суеверного идолопоклонства. Я никогда не нацеплю на себя такой знак.

Она подняла брови.

— Вы какой-то чудной. Не знаю даже, как оценить ваше положение. Как брат Героя-Солнце, вы — “дирада”. Но ваш внешний вид и поведение совершенно не соответствует вашему высокому происхождению. Я бы посоветовала вам вести себя так, как и подобает “дирада”. В этом случае мы могли бы что-нибудь придумать, чтобы помочь вам.

— Благодарю вас. Но я должен оставаться тем, кто я есть. И все же, будьте любезны, подскажите мне, как пройти к этому храму.

— Просто следуйте за мной.

Сбитый с толку, он плелся в нескольких шагах позади нее. Ему очень хотелось, чтобы она пояснила свои слова, но что-то в ее отношении к нему отбивало охоту задавать вопросы.

Храм Готью располагался на границе между районом гавани и районом, где обитала знать. Это было внушительное здание из бетона в форме гигантской полуоткрытой устричной рако-

вины, покрытое чередующимися красными и белыми полосами. Широкие ступени из гранитных плит вели к нижней половине раковины. Внутри было полутемно и прохладно. Верхняя часть раковины поддерживалась несколькими стройными каменными колоннами, представляющими собой подобие Богини Готью, хорошо сложенной женщины с печальным вытянутым лицом и открытым углублением в том месте, где должен был быть ее живот. В этих нишах помещались большие каменные скульптуры куриц, окруженных яйцами.

У основания каждой кариатиды-богини сидели женщины. Все они были одеты примерно так же, как и дама, за которой он следовал. Только у одних одежда была поношенная, у других — новая и дорогая. Богатые и бедные сидели рядом.

Женщина, не колеблясь, подошла к группе, сидящей на цементном полу далеко в тени. Вокруг кариатиды уже было двенадцать женщин и они, должно быть, поджидали эту высокую блондинку, поскольку заранее заняли ей место.

Сарвант нашел жреца с очень бледным лицом, стоящего за рядом больших каменных киосков, и справился у него насчет работы. К его удивлению, оказалось, что он говорит с управляющим храмом — он ожидал, что придется иметь дело со жрицами.

Настоятель Энди заинтересовался странным произношением Сарванта и задал ему уже ставший привычным вопрос. Тот подробно ответил, ничего не скрывая, и вздохнул с облегчением, когда у него так и не спросили, является ли он почитателем Колумбии. Настоятель отослал Сарванта к младшему жрецу, который объяснил ему, что входит в его обязанности, сколько он будет получать, где будет питаться и когда спать. В заключение он спросил:

— Вы отец многих детей?

— Семерых, — ответил Нефи, не упомянув, однако, что все они умерли восемьсот лет тому назад. Не исключено было, что и сам жрец является одним из его потомков. Было даже возможно, что все, находящиеся под этой крышей, могли считать его своим дедом в тридцатом с лишним колене.

— Семерых? Отлично, — сказал жрец. — В таком случае у вас будут привилегии, как и у любого другого мужчины, доказавшего свою плодовитость. Однако, проверку придется пройти, так как в столь ответственном случае мы не можем верить на слово. Но хочу вас предупредить. Не злоупотребляйте привилегиями. Ваш предшественник был уволен за то, что пренебрегал своей метлой.

Подметать Сарвант начал с тыльной части храма. Дойдя до колонны, под которой сидела блондинка, он обратил внимание

на мужчину, разговаривавшего с ее соседкой. Он не слышал, о чем они говорили, но вскоре женщина встала и распахнула свой балахон. Под ним у нее ничего не было.

Мужчине, по-видимому, пришлось по вкусу то, что там увидел, так как он одобрительно кивнул. Женщина взяла его под руку и повела к одному из киосков. Они вошли в него, и женщина задернула занавеску над входом.

Сарвант потерял дар речи. Прошло несколько минут, прежде чем он снова смог взяться за метлу. За это время он успел убедиться, что подобные действия совершаются всюду вокруг храма.

Первым его побуждением было швырнуть метлу, бежать из храма и больше никогда сюда не возвращаться. Но он напомнил себе, что, куда ни пойдешь в Ди-Си, всюду найдешь Зло. С таким же успехом можно остаться здесь и посмотреть, можно ли что-нибудь совершить во имя Истинной Веры.

Затем ему довелось увидеть нечто такое, от чего его едва не вырвало. К блондинке подошел верзила-матрос и заговорил с нею. Она поднялась и распахнула балахон. И тут же оба ушли в киоск.

Сарвант затрясся от ярости. С него было уже более, чем достаточно того, что другие занимались этим, но то, что она, она...!

Усилием воли он заставил себя стоять спокойно и думать.

Почему ее поступок потряс его больше, чем подобные же действия других? Потому что — Нефи вынужден был признаться в этом — он ощущал к ней влечение. Очень сильное влечение. У него возникли такие чувства, каких не было в отношении любой другой женщины с того дня, когда он познакомился со своей женой.

Он поднял метлу, прошел в помещение, где сидел жрец, и потребовал, чтобы ему рассказали, что здесь происходит.

Жрец искренне удивился.

— Вы настолько плохо знакомы с нашей религией, что на самом деле не знаете о том, что Готью является покровительницей бесплодных женщин?

— Нет, не знаю, — ответил с дрожью в голосе Сарвант. — А какое касательство это имеет к... — тут он запнулся, так как, насколько это было ему известно, в языке Ди-Си не было слов, обозначающих проституцию или блуд, затем продолжал. — Почему эти женщины предлагают себя незнакомцам, какое отношение к этому имеет почитание Готью?

— Самое прямое, разумеется! Это несчастные женщины, заклёпанные бесплодием. Они приходят к нам после года бесплодных попыток зачать от своих мужей, и мы их тщательно обследуем. У некоторых женщин имеются такие дефекты, ко-

торые мы в состоянии определить и устранить. Но не все. Во многих случаях, а это относится именно к этим женщинам, мы бессильны что-либо сделать.

Поэтому, когда не помогает знание, нужно полагаться на веру. Эти несчастные приходят сюда каждый день — кроме святых дней, когда надо посещать церемонии в честь Богини, — и молятся... Молятся о том, чтобы Готью послала им мужчину, семя которого оплодотворило бы их мертвое чрево. Если в течение года на них не снизойдет благословение в виде зачатого дитя, они уходят в особый монашеский орден, где могут посвятить свою жизнь служению богине и народу.

— А что же Арва Линкон? — Сарвант упомянул имя блондинки. — Немыслимо, чтобы женщина ее внешности и аристократического происхождения ложилась в постель с каждым встречным, который ее поманит.

— Но, но, мой дорогой друг! Не с каждым встречным. Вы, наверное, не обратили внимания на то, что те мужчины, которые прошли сюда, сначала должны были посетить боковой притвор. Там мои братья проверяют их, удостоверяясь в том, что они переполнены здоровым семенем. Там же отвергается любой человек, который болен или по каким-то причинам не подходит к роли отца. Что же касается уродства или красоты, то на это мы не обращаем никакого внимания. Семья и чрево — вот, что главное. Личность и предпочтения здесь не принимаются во внимание. Кстати, почему бы вам самим не провериться тоже? Зачем эгоистично ограничивать себя потомством только от одной женщины? Вы в таком же долгу перед Готью, как и перед любым другим воплощением Великой Седой Матери.

— Пора возвращаться к уборке, — пробормотал Сарвант и поспешно вышел.

Немалых усилий ему стоило закончить уборку первого этажа. Он не мог удержаться, чтобы время от времени не поглядывать в сторону Арвы Линкон. Она ушла в обеденное время и больше уже не появлялась.

Ночью Нефи почти не спал. Ему все виделась Арва, то, как она заходит со всеми этими мужчинами в киоск. Их оказалось десять — он сосчитал. И хотя умом Сарвант понимал, что должен возлюбить грешников и возненавидеть грех, он люто ненавидел всех десятирех.

Когда наступило утро, он поклялся, что не будет ненавидеть мужчин, с которыми Арва сегодня пойдет. Но даже произнося клятву, понимал, что не в силах следовать ей.

В этот день он насчитал семерых. Когда уходил последний, ему пришлось убежать в свою каморку, чтобы не погнаться и не вцепиться ему в горло.

В третью ночь он молил небо, чтобы хватило мужества принять хоть какое-нибудь решение.

Следует ли покинуть этот храм и подыскивать другую работу? Оставшись, он косвенно одобрит и непосредственно поддержит это непотребство. Более того, еще, возможно, отяготит свою совесть ужасным грехом убийства, обагрит руки человеческой кровью. Он не хотел этого! Но страстно жаждет этого! Он не должен желать такого! Но он обязан...

А если он уйдет, то так ничего и не совершит для искоренения зла, сбежит, как трус. Более того, уже никогда не сумеет заставить Арву осознать, что она фактически плюет в лицо божье, осуществляя такую омерзительную пародию на святой обряд. Ничего сейчас не желал он более, чем вытянуть ее из этого храма — даже более, чем тогда, когда на борту отправлявшейся “Терры” мечтал нести слово божье невежественным язычникам, обитавшим на других планетах.

За все восемьсот лет Сарвант так никого и не обратил в свою веру. Но старался, как мог. Лез из кожи вон. И нет его вины в том, что уши их остались глухи к Слову, глаза — слепы к свету Истины.

На следующий день Нефи подождал, пока Арва не собралась уходить из храма, приткнул метлу к стенке храма и последовал за нею по залитой солнцем и бурлящей жизнью улице столицы Ди-Си.

— Госпожа Арва, — позвал он. — Я должен переговорить с вами.

Она остановилась. Лица почти не было видно в глубине капюшона, но ему казалось, что в глазах ее выражение глубокого стыда и страдания. Может быть, выражение лица было совсем иным, но Сарвант страстно желал, чтобы было именно таким, какое ему показалось.

— Можно вас проводить домой? — спросил он.

— Зачем? — удивилась Арва.

— Потому, что я сойду с ума, если не пойду рядом с вами.

— Не знаю. Правда, вы — брат Героя-Солнце, поэтому я не уроню своего достоинства, позволив вам идти рядом. С другой стороны, у вас нет тотема, и вы выполняете работу, приличествующую только самым низким слугам.

— А кто вы сами, чтобы от имени всех говорить мне, что я пал столь низко! — резко отчитал ее Сарвант. — Вы, которая уводит с собой всех первых встречных!

Ее глаза расширились.

— Что я совершила дурного? Как вы смеете так говорить с одной из Линконов?

— Вы... вы... продажная девка! Блудница! — выкрикнул

Нефи английское слово, значение которого, как он сам понимал, она не знает.

— О чем это вы?

— Проститутка! Женщина, которая продадет себя за деньги!

— Я никогда не слышала о чем-либо подобном, — сказала она. — Интересно, из какой это такой страны вы родом, где позволяют так бесчестить святой сосуд Великой Матери?

Сарвант попробовал взять себя в руки. Он заговорил тихим, но дрожащим голосом.

— Арва Линкон, я просто хочу переговорить с вами. Я должен сказать вам нечто такое, что станет самым важным из всего слышанного за всю вашу жизнь. В самом деле, это крайне важно.

— Не знаю, что и сказать. Мне кажется, что вы немного не в своем уме.

— Клянусь, что даже в помыслах у меня нет желания причинять вам зло!

— Поклянитесь святым именем Колумбии!

— Нет, этого я не могу сделать. Но клянусь именем своего Бога, что даже не притронусь к вам рукой.

— Бога? Какого это бога? Вы почитаете бога Кэйсилендеров?

— Нет, нет! Не их бога! Своего! Истинного бога!

— Теперь мне уже совершенно ясно, что вы безумны! Иначе не поминали бы этого бога в нашей стране и, тем более, в разговоре со мною. Я не намерена слушать эти мерзкие богохульства, извергаемые из порочных уст.

Она ушла. Сарвант сделал один шаг за нею. Затем, осознав, что сейчас не время продолжать разговор, и то, что он ведет себя совсем не так, как следовало бы, повернул назад, сжав кулаки и сцепив зубы. Он брел как слепой, натываясь на прохожих. Его осыпали бранью, но Нефи не обращал внимания. Вернувшись в храм, он подобрал свою метлу.

Наступила очередная бессонная ночь. Сотни раз он мысленно представлял себе, как спокойно и разумно поговорит с Арвой. Он раскроет ошибочность ее веры, сделает это настолько логично, что она не сможет его опровергнуть. И станет первой обращенной им в новую веру.

Бок о бок они дружно примутся за работу, которая сделает всю страну чистой от греха, как очистили Рим первые христиане.

Однако, на следующий день Арва не появилась в храме. Сарвант был в отчаянии. А вдруг она больше никогда сюда не вернется?

И тут вдруг до него дошло, что именно этого он и добивался, хотел, чтобы она это сделала. Наверное, подумал Нефи, ему сопутствует больший успех, чем он предполагал.

Но как все же встретиться с нею снова?

Утром следующего дня Арва, одетая, как обычно, в балахон бесплодной женщины, пришла в храм. Когда Нефи поздоровался с нею, она ничего не ответила и отвела глаза в сторону. Помолившись на обычном месте под колонной, она прошла вглубь храма и оживленно заговорила с настоятелем.

Страх обуял Сарванта. Он опасался разоблачения. Да разве разумно ожидать от такой женщины, что она будет хранить молчание? Ведь в ее глазах он совершает святотатство одним фактом присутствия в столь священном для нее месте.

Через некоторое время, когда Арва вернулась на свое привычное место, настоятель вызвал Сарванта к себе.

Нефи отложил метлу и пошел к нему. Неуверенность сковала ноги. Неужели вся его миссия закончится здесь и сейчас, до того, как он успеет бросить в благодатную почву хоть одно семя веры, пусть даже прорастет оно тогда, когда его уже не станет. Если он потерпит неудачу сейчас, то Слово будет потеряно навеки, так как он последний представитель своей церкви.

— Сын мой, — произнес настоятель храма. — До сих пор только высшее жречество знало, что ты не являешься последователем нашей веры. Ты должен был помнить о том, что такая великая привилегия была тебе дарована лишь потому, что ты брат Героя-Солнце. Будь ты кем-нибудь другим, тебя бы уже давным-давно повесили. Но вам был дан месяц, чтобы отрешиться от пороков прежней жизни и засвидетельствовать постижение истины. Твой месяц еще не истек, но я должен предупредить тебя о том, чтобы ты держал язык за зубами, когда дело касается твоей прежней фальшивой веры. Иначе срок сократится. Я очень расстроен, так как искренне надеялся, что твоя просьба поработать здесь означает намерение в скором времени известить о своем желании посвятить себя всецело служению Матери Всех Нас.

— Значит, Арва рассказала вам?

— Да снизойдет благословение на эту поистине благочестивую женщину! Обещаешь, что ничего подобного тому, что ты совершил позавчера, больше не повторится?

— Обещаю, — произнес Сарвант.

Он легко дал это обещание, ведь настоятель не просил прекратить попытки обращения в новую веру. Он только просил не повторять то, что произошло позавчера. А позавчера он не делал попытки. С этого момента придется быть хитрым, как лис, и коварным как змея.

Но уже через пять минут он начисто позабыл о своем решении.

Он увидел, как высокий красавец, судя по манерам и дорогой

одежде, аристократ, приблизился к Арве. Она улыбнулась ему, встала и повела к киоску.

Все решила ее улыбка.

Никогда раньше она не улыбалась мужчинам, делавшим ей предложение. Обычно лицо ее было бесстрастным, будто высеченным из мрамора. Сейчас же, увидев ее улыбку, Сарвант почувствовал как что-то в нем пробудилось. Это возникло в чреслах, поднялось в груди, прокатилось по горлу, перехватив дыхание. Оно наполнило его мозг и там взорвалось. Вокруг стусилась тьма, он перестал что-либо слышать.

Он не знал, как долго находился в трансе, но когда чувства частично к нему вернулись, обнаружил, что стоит перед жрецом-медиком.

— Нагнитесь, чтобы я мог сделать массаж предстательной железы и взять пробу, — попросил жрец.

Нефи повиновался как автомат. Пока жрец рассматривал пробу в микроскоп, он стоял окаменев, словно глыба льда. Внутри него пылал настоящий пожар. Он был переполнен такой неистойвой радостью, какой никогда не знал прежде, и, зная, что собирается сделать, не противился этому. В это мгновение он был готов бросить вызов любому существу или божеству, которое пыталось бы его остановить.

Выбежав через несколько минут от медика, он решительно подошел к Арве, которая только что вышла из киоска и собиралась сесть.

— Я хочу, чтобы ты пошла со мною! — произнес он громко и отчетливо.

— Куда? — спросила она, но все поняла, увидев выражение его лица.

— А что ты говорил обо мне в тот день? — спросила она с презрением.

— Тогда было не сегодня.

Он взял ее за руку и потянул к киоску. Она не сопротивлялась, но когда они очутились внутри киоска и он задернул занавеску, заявила:

— Теперь я знаю! Ты решил принести себя в жертву Богине!

Она отшвырнула балахон и восторженно улыбнулась, глядя при этом не на него, а куда-то выше.

— Великая Богиня, благодарю тебя за то, что ты позволила именно мне стать орудием, которое обратит этого человека в истинную веру!

— Нет! — прохрипел Сарвант. — Не говори этого! Я не верю в твоих идолов. Я только... Помоги мне, Боже... Я только хочу тебя! Я не в состоянии спокойно стоять, когда ты заходишь с любимой женщиной, стоит ему только попросить. Арва, я люблю тебя!

Какое-то мгновение она с ужасом смотрела на него, затем нагнулась, подняла свой балахон и выставила его, как щит, перед собой.

— Ты думаешь, что я позволю осквернить себя твоим прикосновением? Язычник! И это под святой-то крышей!

Она поднялась, чтобы выйти. Сарвант набросился на нее и развернул лицом к себе. Арва открыла рот, чтобы закричать, но он заткнул ей рот краем балахона. Оставшуюся часть балахона Нефи обмотал вокруг ее головы и толкнул ее назад на кровать, а сам навалился на нее.

Она корчилась и извивалась, пытаясь высвободиться из мертвой хватки, но Сарвант держал ее так крепко, что пальцы глубоко впились в ее тело. Она пыталась сжать колени вместе, но он как гигантская рыба обрушился на нее, дико работая бедрами. Это взломало замок ее ног.

Тогда Арва стала отползать на спине назад, извиваясь по-змеиному, но голова ее уперлась в стенку. Внезапно она прекратила сопротивление.

Сарвант застонал и обхватил руками ее спину, пытаясь прижаться лицом к балахону, прикрывшему ее лицо. Он искал ее губы, но там, где был заткнут рот, материя одежды была двойной толщины, и он ничего не ощущал.

Мелькнула в его мозгу искра благоразумия, мысль о том, что он так всегда ненавидел жестокость и особенно насилие, а вот теперь сотворил такое над женщиной, которую любил. И что было хуже, гораздо хуже — это то, что она добровольно отдалась по меньшей мере доброй сотне мужчин за последние десять дней, мужчин, которым была абсолютно безразлична, и которые просто желали выплеснуть на нее свою похоть, а вот ему сопротивляется, как дева-мученица в Древнем Риме, брошенная на милость императора-язычника! Это было бессмысленно, совершенно непостижимо!

Он вскрикнул от неожиданного высвобождения того, что копилось в нем восемьсот лет.

Он не сознавал того, что кричит. Он вообще уже совершенно не воспринимал окружающее. Он не был в состоянии постигнуть происходящее и тогда, когда в киоск ворвались настоятель и жрец, и Арва, всхлипывая, рассказала о насилии. Только тогда понял Нефи, что происходит, когда храм запрудила толпа разъяренных мужчин, и кто-то притащил веревку.

Но уже было слишком поздно.

Слишком поздно пробовать объяснить им свои побуждения. Слишком поздно, даже если бы они были в состоянии понять, о чем он говорит. Слишком поздно, даже если бы его не повалили и не били ногами до тех пор, пока не выбили все зубы, а губы

распухли так, что он вообще уже не мог ничего сказать больше.

Настоятель попытался было вмешаться, но толпа отпихнула его в сторону и вытащила Сарванта на улицу. Здесь его волокли за ноги, голова больно билась о цемент, и так было до самой площади, где стояла виселица. Виселица в форме отвратительной богини-старухи Альбы, погубительницы Духа Человеческого. Ее стальные руки, окрашенные смертельно-белой краской, простирались так, будто она хотела схватить и задушить каждого, кто проходит мимо.

Веревку перебросили через одну из рук и конец завязали вокруг запястья. Из какого-то дома поблизости притащили стол и поставили под свисающей с руки веревкой. Миссионера-насильника подняли на стол и завязали руки за спиной. Двое мужчин крепко держали его, пока третий набрасывал на шею петлю.

Когда крики разъяренных людей прекратились, и они перестали дубасить его и рвать богохульную плоть, на какое-то время наступила тишина.

Сарвант попытался осмотреться. Что-либо увидеть отчетливо он уже не мог — глаза заливала кровь из глубоких ран на голове. Он что-то прошамкал.

— Что он сказал? — спросил кто-то из державших.

Повторить Нефи уже не мог. Он думал о том, что ему всегда хотелось стать мучеником. Ужасным грехом было его желание. Грехом гордыни. Но он продолжал жаждать мученичества. И всегда рисовал в воображении свой будущий конец в ореоле достоинства и мужества, которые придаст ему знание, что ученики будут продолжать его дело, пока оно окончательно не восторжествует.

Сейчас же все было совсем не так. Его вешали как преступника самого низкого пошиба. Не за проповедь Слова, а за изнасилование.

Так никого и не обратил он в свою веру. И умрет не оплаканным, безвестным, безымянным. Тело его швырнут свиньям. Но не судьба тела его волновала. Мучила мысль о том, что имя его и деяния умрут вместе с ним — и вот это как раз и заставляло его взывать к небесам в отчаянии. Кто-нибудь, пусть хоть одна живая душа, но несет Слово дальше.

Никакая новая религия, мелькнуло у него в голове, не добьется успеха, пока сперва не ослабеет окончательно старая. А эти люди верят без тени какого-либо сомнения, которое могло бы ослабить слепоту заблуждений. Они верят так истово, как уже давно не верили люди — его современники.

Он что-то прошамкал снова. Теперь он уже стоял на столе один, покачиваясь из стороны в сторону, но преисполненный решимости не выказывать страха.

— Слишком рано, — произнес Сарвант на языке, который был непонятен его слушателям, даже если бы он говорил разборчиво, — слишком рано я вернулся на Землю. Следовало бы подождать еще восемьсот лет, когда люди, возможно, начали бы терять веру и тайно глумиться над нею. Слишком рано!

Затем стол вышибли из-под него.

XIII

Две шхуны с высокими мачтами, вынырнувшие из утреннего тумана, оказались рядом с бригантиной раньше, чем впередсмотрящий успел выкрикнуть предупреждение. Однако у матросов на борту “Священного Дельфина” не было сомнений в отношении того, кто на них напал. Со всех концов бригантины раздался одновременно крик “Карелы!”, и все смешалось.

Один из пиратских кораблей подошел вплотную к “Дельфину”. Ободранные крючья с карельского судна притянули борта друг к другу. Короткое мгновение, и пираты уже на палубе.

Это были высокие полунагие люди, одетые лишь в ярко раскрашенные короткие штаны, стянутые широким кожаным поясом, обвешанные оружием. Тела их с головы до ног покрывала татуировка, они размахивали саблями и увесистыми дубинами с острыми шипами. Пираты свирепо вопили на своем родном финском наречии и орудовали саблями и дубинами, как берсеркеры, то и дело обрушивая их в слепой ярости на своих же воинов.

Ди-Си были захвачены врасплох, но сражались мужественно. Они и не думали сдаваться — плен означал рабство и непосильный труд до самой смерти.

Экипаж “Терры” сражался в рядах защищающихся. Хотя у звездолетчиков отсутствовали навыки боевого фехтования, они рубили и кололи нападающих, как могли. Даже Робин схватила меч и дралась бок о бок с Черчиллем.

Вторая шхуна прижалась к “Дельфину” с другого борта. Карелы, как муравьи, ринулись с нее в битву и напали на Ди-Си раньше, чем те успели повернуться к ним лицом. Гбве-Хан, дагомеец, пал первым среди звездолетчиков. Удачным ударом он сразил одного пирата, ранил еще одного, но подкраившийся сзади карел ударил дагомейца по руке, державшей меч, а затем срубил голову. Следующим пал Ястржембский, истекая кровью из раны на лбу.

В пылу сражения Робин и Черчилль не заметили, как их сверху накрыли сеткой, сброшенной с реи, после чего они были избиты до беспамятства.

Очнувшись, Черчилль обнаружил, что руки его связаны сза-

ди. Робин валялась на палубе рядом с ним, тоже связанная. Звон мечей прекратился, не слышно было и криков умирающих. Тяжело раненных Ди-Си карелы повыбрасывали за борт, а тяжело раненные карелы сдерживали стон.

Перед пленниками стоял капитан пиратов, Кирсти Айнундила, высокий загорелый моряк с повязкой на одном глазу и шрамом через всю левую щеку. На Ди-Си он говорил с сильным акцентом.

— Я ознакомился с судовым журналом, — сказал он, — и знаю, кто вы. Отпираться бессмысленно. Так вот, вы двое, — он показал на Черчилля и Робин, — стойте большого выкупа. Я уверен, что Витроу раскошелится, чтобы заполучить невредимыми дочь и зятя. Что касается остальных — за них тоже дадут приличную цену на базаре в Айно.

Айно, Черчилль знал это, был удерживаемый карелами город на побережье в районе прежней Северной Каролины.

Кирсти велел отвести всех пленников в трюм и приковать цепями к переборкам. Среди них оказался и Ястржембский, так как карелы вовремя заметили, что он оправился от раны.

После того как, посадив на цепь, пираты оставили их одних, первым заговорил Лин.

— Теперь я понимаю, что было глупо рассчитывать на то, что нам удастся добраться до родных мест. И не из-за пленения, а потому, что у нас уже больше нет родных мест. Там нам было бы ничуть не лучше, чем здесь. Мы обнаружили бы, что наши потомки столь же чужды нам и враждебны, сколь здесь потомки Черчилля. Я сейчас долго думал о том, что мы позабыли из-за нашего страстного желания возвратиться на Землю. Что случилось с землянами, которые нахсдились в колониях на Марсе?

— Не знаю, — ответил Черчилль, — но мне кажется, что уцелей они так или иначе, давным-давно бы послали на Землю свои корабли. Ведь они жили на самообеспечении и владели собственным космофлотом.

— Видимо, что-то им помешало, — вступил в беседу Чандра. — Но я понял, куда клонит Лин. На Марсе есть радиоактивные минералы. Есть средства для добычи руды, пусть даже людей там больше нет.

— Насколько я понял — произнес Черчилль, — вы предлагаете, направить туда “Терру”? У нас действительно хватит топлива, чтобы добраться до Марса, но слишком мало, чтобы потом вернуться. Значит, вы предлагаете использовать оборудование, оставшееся в марсианских куполах, для того, чтобы изготовать недостающее количество топлива? А затем еще раз улететь в дальний космос?

— Мы обнаружили планету, где аборигены слишком отстали,

чтобы угрожать нам, — сказал Лин. — Я говорю о второй планете Веги. Там четыре крупных материка, каждый почти с Австралию, разделенные океанами. Один из них заселен гуманоидами: развитие примерно на уровне древних греков. Два заселены людьми с камнями и палками. Четвертый необитаем. Если нам удастся добраться до Веги, мы сможем осесть на четвертом материке.

Все притихли.

Черчилль понимал, что в предложении Лина есть резон. Дело за малым: как его осуществить? Во-первых, нужно освободиться. Во-вторых, завладеть “Террой”, — а она столь надежно охраняется, что им пришлось отвергнуть эту мысль, обсудив ее после того, как их освободили из заточения в Вашингтоне.

— Даже если нам удастся захватить корабль, — рассуждал он, — а это — маловероятно, мы должны лететь на Марс. Вот в чем главный риск этой задумки. Что, если условия там таковы, что не удастся пополнить запасы топлива?

— Тогда придется застрять на Марсе надолго и начать производство необходимого оборудования, — предложил Аль-Масини.

— Ладно, предположим, на Марсе мы раздобудем все, в чем нуждаемся, и долетим до Веги, но нам понадобятся женщины. Иначе раса вымрет. А это означает, что волей-неволей, но я должен взять Робин. А также и то, что нам придется похитить женщин Ди-Си.

— Когда они очнутся на Веге после глубокого замораживания, им останется только смириться, — улыбнулся Стейнберг.

— Насилие, похищение, изнасилование — какой великолепный старт прекрасного нового мира, — воскликнул Черчилль.

— А существует другой выход? — спросил Лин.

— Вспомним сабинянок, — ответил Стейнберг.

Черчилль не стал отвечать на это предложение, а привел еще один довод:

— Нас так мало, что через совсем небольшое время начнется кровосмешение среди наших потомков. Мы ведь не собираемся стать основоположниками расы кретинов.

— Мы похитим вместе с женщинами и детей и возьмем их с собою в морозильнике.

Черчилль нахмурился. Казалось, нет никаких способов избежать насилия. Но так ведь всегда и было на всем протяжении человеческой истории.

— Предположим, мы заберем с собою младенцев, еще не умеющих говорить и забывших Землю, но нам придется набрать еще и достаточное количество женщин, чтобы их вырастить. И

тут еще одна проблема: полигамия. Не стану ручаться за других женщин, но уверен, что Робин будет крепко возражать.

— Объяснить ей, что это временная мера, — сказал Ястржембский. — В любом случае, для тебя можно сделать исключение. Оставайся с одной женой, если тебе так хочется, и нам оставь удовольствие. Я предлагаю напасть на одну из деревень в Пантс-Эльфе. Мне рассказывали, что тамошние женщины привычны к полигамии и, судя по тому, что я слышал, будут очень довольны, заимев мужей, обращающих на них внимание. Им чертовски не по душе так называемые мужики, которые достались им сейчас.

— Порядок, — произнес Черчилль. — Согласен. Осталось одно, что меня беспокоит.

— Что же именно?

— Как освободиться из плена?

Наступила угрюмая тишина.

— Как ты считаешь, — спросил Ястржембский, — Витроу выложит деньги, чтобы выкупить нас всех?

— Вряд ли. Его кошелек серьезно отощает, когда он раскошелится, чтобы вырвать меня и Робин из рук этих головорезов с огромными кулаками.

— Ну что же, хотя бы вы окажетесь на свободе, — сказал Стейнберг. — А что же будет с нами?

Черчилль поднялся и громко звякнул наручниками, требуя капитана.

— Что ты затеял? — спросила Робин, до этого не участвовавшая в разговоре, так как могла разобрать не больше двух-трех слов на английском языке 21-го века.

— Я намерен попытаться подбить капитана на что-то вроде сделки, — ответил он на Ди-Си. — Кажется, я нашел выход. Но все зависит от того, насколько буду красноречивым я и насколько понятлив он.

В люк трюма просунул голову один из матросов-карелов и спросил, с чего это поднят такой чертов шум.

— Передай своему капитану, что я знаю способ, с помощью которого он мог бы заработать в тысячу раз больше денег, чем рассчитывает, — заявил Черчилль. — И такую славу, которая сделает его героем.

Голова исчезла. Через пять минут в трюм спустились два матроса и освободили Черчилля.

Он даже представить себе не мог, насколько верными окажутся его слова, произнесенные почти что в шутку.

Прошел день, и он не вернулся. Робин была близка к истерике. Ей представилось, что капитан разгневался на ее мужа и убил его. Другие пытались ее успокоить разумными доводами,

рассуждая, что такой делец, как капитан пиратов, не станет губить столь крупное помещение денег. Тем не менее, несмотря на все доводы, остальных пленников тоже понемногу охватило беспокойство. Черчилль мог совершенно непреднамеренно оскорбить чем-то капитана, и тому не осталось ничего другого, как убить его, чтобы смыть позор. А может быть, его просто прирежали при попытке к бегству.

Некоторые из узников задремали. Робин продолжала бодрствовать, безостановочно молясь Колумбии.

Наконец, почти на заре, люк открылся. По лестнице, сопровождаемый двумя матросами, сошел Черчилль. Пошатнулся, еле удержался на ногах и стал громко икать. После того, как его приковали, все наконец-то поняли в чем дело. От него несло перегаром, и он едва ворочал языком, глотая слова и обороты.

— Напился, как верблюд перед уходом каравана, — пролепетал Черчилль. — Весь день, всю ночь. Переговорить мне его удалось, но перепить — вряд ли. Многие разузнал об этих финнах. Они меньше других пострадали во время Опустошения, а затем заполнили всю Европу, подобно древним викингам. Смешались с остатками скандинавов, поляков и прибалтов. Сейчас они удерживают северо-запад России, восток Англии, почти весь север Франции, побережье Испании и Северной Африки, Сицилию, Южную Африку, Исландию, Гренландию, Лабрадор и Северную Каролину. Бог знает, что еще, так как они выслали несколько экспедиций в Индию и Китай...

— Все это очень интересно, но расскажешь как-нибудь позже, — перебил его Стейнберг. — Лучше выкладывай, о чем договорился с капитаном. Заключили сделку?

— Он очень хитрый парень и ужасно подозрительный. Убедить его было чертовски трудно.

— Что с тобою? — спросила Робин.

Черчилль попросил ее на Ди-Си не беспокоиться, скоро они все будут на свободе. Затем снова переключился на родной язык.

— Вы пробовали объяснить действие антигравитационных генераторов и двигателей человеку, который даже не ведает о том, что есть такие штучки, как молекулы или электроны? Между прочим, мне пришлось прочесть целую лекцию по основам теории атома и...

Его голос ослабел, голова упала на грудь. Он спал.

В отчаянии женщина трясла его, пока он не переборол дурман.

— А, это ты, Робин, — пробормотал он. — Робин, тебе ужасно не понравится моя затея. Ты возненавидишь меня. — Он снова заснул. Все попытки разбудить его на этот раз оказались тщетными.

— Жаль, что у меня нет возможности самой снять этот пояс, — пожаловалась Мэри Кэйси. — Он так мне натер кожу, что я едва хожу. И он очень негигиеничен. В нем есть два небольших отверстия, но мне приходится наливать туда воду, чтобы смыть грязь.

— Сочувствую, — нетерпеливо произнес Питер, — но не это меня сейчас беспокоит.

Мэри взглянула на него.

— О нет, только не это!

Рога его перестали свободно болтаться и стояли ровно и упруго.

— Питер, — сказала она, пытаюсь сохранить спокойствие. — Пожалуйста, не надо. Ты не имеешь права. Ты погубишь меня.

— Нет, не погублю, — ответил он, едва сдерживая рыдания — то ли от владевшего им желания, то ли от мук, которые ему приносила невозможность владеть самим собой. Точную причину Мэри определить не смогла.

— Я буду нежен, насколько это возможно. Обещаю, что для тебя это будет совсем немного.

— Даже один раз — слишком много! — возразила она. — Нас не повенчал жрец. Это грех.

— Какой же грех, если ты сделаешь это не по своей воле, — прохрипел он. — У тебя нет выбора. Поверь мне, нет выбора!

— Я не хочу этого! Не хочу! Не хочу!

Она продолжала протестовать, но Стэгг не обращал внимания. Он был слишком занят, сосредоточившись на открытии пояса. Это оказалось проблемой, разрешить которую мог только ключ или напильник. Поскольку ни того, ни другого под рукой не было, казалось, все его старания окажутся тщетными. Но напор гормонов был столь велик, что он уже не мог рассуждать трезво.

Пояс состоял из трех частей. Две, облежавшие талию, были из листовой стали. На спине они соединялись петлями. Одеть эти створки можно было открытыми, а затем защелкнуть замок впереди. Третья часть пояса состояла из множества небольших звеньев, как у кольчуги, и пристегивалась к поясу вторым замком. Благодаря такому устройству третья часть предоставляла телу определенную степень свободы. Как и бандаж вокруг талии, она была изнутри подбита толстой тканью, чтобы предотвратить натирание кожи и порезы. Однако, в целом, приспособление неизбежно было весьма тесным, иначе носящая его, могла бы выскользнуть, либо стащить его силой, всего лишь немного поцарапав поверхность кожи.

Пояс был очень тесен, и Мэри жаловалась на затрудненность дыхания.

Стэггу удалось просунуть руку под переднюю часть пояса.

На ее протесты и стоны он не отвечал и пытался, двигая туда и сюда две части пояса, перегнуть их до такой степени, чтобы оторвать замок.

— О боже! — рыдала Мэри. — Не надо! Не надо! Ты раздавишь мне внутренности! Ты убьешь меня. Не надо, не надо!

Неожиданно он отпустил ее. Казалось, на мгновение ему удалось овладеть собой. Он тяжело дышал.

— Мэри прости меня, прости. Я не ведаю, что творю. Наверное, мне нужно бежать, куда глаза глядят, пока эта штука во мне не повернет меня и не заставит снова тебя искать.

— Но тогда мы, может быть, уже больше никогда не найдем друг друга, — она старалась говорить как можно спокойнее. — Мне будет недоставать тебя, Питер. Ты мне очень нравишься, пока не испытываешь действия рогов. Только не нужно кривить душой. Даже если ты одолеешь себя сегодня, завтра все начнется сначала.

— Лучше я уйду сейчас, пока владею собой. Вот положение! Оставить тебя здесь умирать в одиночестве или остаться, но тогда ты все равно погибнешь.

— У тебя нет другого выхода, — сказала Мэри.

— Ну, видишь ли, есть еще... — начал он медленно и нерешительно. — Этот пояс совершенно не мешает мне получить то, что я хочу. Существуют другие способы...

Она побледнела и закричала:

— Нет! Нет!

Он повернулся и со всех ног побежал по тропе.

Но через некоторое время в голове его мелькнула мысль о том, что она может пойти этой же дорогой, и они снова встретятся. Питер сошел с тропинки и углубился в лес. Лес здесь не был густым, скорее это была пустошь, медленно возрождающаяся после катастрофы. Почву никто не засеивал и не орошал, как это делали на территории Ди-Си. Деревьев было сравнительно немного. Растительность, в основном, состояла из кустарников и сорняков, да и тех было не густо. Тем не менее, там, где, влага была доступна круглый год, лес рос погуще. Стэгг убежал не очень далеко, когда дорогу преградил небольшой ручеек. Он лег прямо в него, надеясь, что струи холодной воды остудят огонь, пылавший в нижней части его туловища, но вода в ручье оказалась теплой.

Он поднялся, пересек ручей и побежал снова. Внезапно, обогнув одно из деревьев, Питер оказался лицом к лицу с медведем.

С ночи побега из Хай Квин он все время остерегался встречи с таким зверем.

Ему было известно, что в этой местности медведи сравнительно многочисленны, так как жители Пантс-Эльфа имели обыкновение оставлять связанных пленников и взбунтовавшихся женщин на съедение священным медведям.

Медведь оказался крупным темным самцом. Неизвестно, были ли он голоден. Возможно, неожиданное появление человека, напугало его не меньше. Будь у зверя возможность, он наверняка бы отступил, но Стэгг возник настолько внезапно, что тот, должно быть, принял это за нападение. А раз уж на тебя напали, то лучше всего атаковать самому.

По привычке, выработанной своим опытом с беспомощными человеческими жертвами, зверь поднялся на задние лапы и занес необъятную переднюю лапу над головой Питера. Попади он по черепу, тот раскололся бы, как сброшенная на пол мозаика.

Но удар не достиг цели, хотя лапа и прошла настолько близко к голове, что когти слегка скользнули по коже. Стэгг повалился наземь — частично от удара, частично от инерции, нарушившей равновесие тела.

Медведь опустил на все четыре лапы и двинулся на человека. Питер вскочил, выхватил меч и с криком бросился на медведя. Зверь, не обращая внимания на крик, снова поднялся на дыбы. Стэгг взмахнул мечом, и край его лезвия полоснул по протянутой лапе.

Медведь взревел от боли, но перестал теснить своего противника. Стэгг замахнулся вновь, но на этот раз лапа с такой силой обрушилась на лезвие, что меч выскользнул из рук и полетел в траву.

Питер прыгнул вслед, нагнулся, чтобы поднять клинок и оказался погребенным под огромной тушей. Голова его была прижата к земле и, казалось, все тело расплющено гигантским утюгом.

Наступило короткое мгновение, когда даже медведь оказался в некотором замешательстве и слегка приподнялся, чтобы перевести дух. Стэгг оказался прижатым только задней четвертью туши. Он воспользовался этим и, приподнявшись, выскользнул из-под зверя, но не успел сделать и двух шагов, как медведь снова встал на задние лапы и облапил его передними.

Питеру вспомнилось: когда-то он читал, что медведи не душат своей жертвы до смерти. В данный момент он подумал, что ему повстречалось животное, ничего не ведавшее о том, что пишут о нем естествоиспытатели. Зверь продолжал удерживать его и одновременно пытался разодрать ему грудь.

Но это не удалось, так как Стэгг вырвался из объятий. Имей

он время оценить гераклов подвиг, позволивший ему раздвинуть могучие объятия, то понял бы, что эту сверхъестественную силу ему придали все те же рога.

Питер отпрыгнул в сторону и снова повернулся лицом к своему противнику. Он понимал, что как бы быстро он не бежал прочь, зверь слишком близко от него. На отрезке в пятьдесят метров он сможет обогнать даже олимпийского чемпиона в спринте.

Медведь снова бросился на него. Стэгг сделал единственное, до чего был в состоянии додуматься: изо всей силы ударил животное кулаком по черному носу.

Человеческая челюсть сломалась бы от этого удара. Медведь с шумом выдохнул воздух и оторопел. Кровь бежала из его ноздрей, глаза налились яростью.

Стэгг не стал восхищаться своей работой. Он метнулся к клинку и попытался его поднять, но правая рука не повиновалась и висела безжизненно, парализованная ударом косматой лапы. Тогда он перехватил его левой рукой и обернулся. На счастье, вовремя. Медведь пришел в себя настолько, что сделал еще один бросок в сторону человека, хотя скорость его уже была не та, что в начале схватки.

Стэгг хладнокровно поднял меч и в тот момент, когда зверь оказался рядом, нанес сокрушительный удар по короткой могучей шее.

Последнее, что он видел, было лезвие, глубоко вошедшее в черный мех, и алая струя, ударившая из раны.

Когда Питер пришел в себя, то обнаружил, что все его тело мучительно болит, рядом с ним лежит мертвый медведь, а над ним плачет Мэри.

Затем боль стала невыносимой, и он потерял сознание.

Когда он снова пришел в чувство, голова его покоилась на ее коленях и в открытый рот текла вода из фляги. Голова все еще мерзко болела и, пытаясь выяснить причину такой боли, он обнаружил на голове повязку.

Вся правая ветвь его рогов отсутствовала начисто.

— Должно быть, это медведь сорвал, — объяснила Мэри. — Я издала услышала шум схватки. Слышала, как ревел медведь и как кричал ты. Я старалась бежать как можно быстрее, хотя и была напугана.

— Если бы не ты, — прошептал Питер, — я бы умер.

— Наверное, — промолвила она, как нечто само собой разумеющееся. — Ты жутко истекал кровью из раны на голове, у основания сорванного рога. Я оторвала часть своей юбки и остановила кровотечение.

Горячие слезы упали на лицо Стэгга.

— Теперь, когда все позади, — сказал он, — можешь плакать, сколько захочешь. Но я рад, что ты так смела. Я бы не посмел тебя упрекнуть, даже если бы ты убежала отсюда.

— Я бы не смогла убежать, — продолжала всхлипывать Мэри, — Я... Я, кажется, люблю тебя. Разумеется, и любого другого не бросила бы умирать в одиночку. Кроме того, я испугалась, что останусь одна.

— Я не ослышался? — спросил Питер. — Не понимаю, как такая девушка может любить подобное чудовище. Но если от этого тебе лучше, а не хуже, то, признаюсь, я тебя люблю тоже — даже если раньше это проявлялось несколько иначе.

Он притронулся к поврежденной части основания рогов и поморщился.

— Может быть... от этого мое влечение наполовину уменьшится?

— Не знаю. Хорошо было бы. Только... мне кажется, если у тебя совсем удалить рога, ты умрешь от потрясения.

— Мне тоже так кажется. А может быть, жрица солгала. Возможно, смерть наступит при полном удалении рогов. Ведь пока что у меня еще остались костное основание и один рог, который действует.

— Лучше бы ты перестал думать об этом, — посоветовала она. — Как ты считаешь, тебе можно есть? Я приготовила немного медвежатины.

— Слушай, это от меня такой запах? — спросил он, потянув воздух ноздрями. Затем увидел мертвую тушу медведя. — Сколько времени я был без сознания?

— Весь день, всю ночь и часть утра. А о дыме можешь не беспокоиться. Я знаю, как надо разводить небольшой костер без дыма.

— Кажется, я поправлюсь быстро. У рогов очень сильная заживляющая способность. Я даже не удивлюсь, если отрастет оторванный рог.

— Буду молиться, чтобы этого не произошло, — сказала она и сняла с деревянного вертела два куса медвежатины. В одно мгновение он проглотил и их, и полбуханки хлеба.

— Мне, похоже, становится лучше, — признался Питер. — Я вдруг стал таким голодным, что мог бы проглотить всего медведя.

Эти слова, сейчас произнесенные со смехом, он вспомнил через два дня, ибо к тому времени он на самом деле съел медведя. От медвежьей туши ничего не осталось, кроме шкуры, костей и внутренностей. Даже мозги были поджарены и съедены.

Он был готов двинуться в путь. Мэри сняла повязку с раны, обнажив чистый заживший шрам точно над костным основанием рогов.

— По крайней мере, рог не собирается отрастать, — заметил Стэгг, и глядя в сторону девушки, добавил. — Мы там же, где и раньше, когда я решил от тебя убежать. Я снова начинаю ощущать то же самое влечение.

— Это означает, что нам снова придется расстаться? — по тону ее голоса трудно было разобрать, хочет ли она, чтобы он ушел, или нет.

— Я о многом передумал, пока выздоравливал, — сказал Питер. — Первое, о чем я думал, это то, что когда пантс-эльфы вели нас в Хай Квин, я чувствовал ощутимое уменьшение влечения. Причиной тому, кажется, было недоедание. Предлагаю не разлучаться, а перейти на жесткую диету. Я буду есть ровно столько, сколько нужно для того, чтобы идти дальше, но недостаточно, чтобы возбуждать это... это желание. Будет трудно, но у меня хватит сил терпеть.

— Просто замечательно, — воскликнула Мэри, затем покраснела и нерешительно произнесла. — Мы должны еще кое-что сделать. Я должна избавиться от этого пояса... Нет, нет, вовсе не для того, о чем ты, может быть, думаешь. Он меня сводит с ума. Все время так натирает кожу и впивается в тело, что я едва дышу.

— Как только мы доберемся до территории Ди-Си и найдем какую-нибудь ферму, — сказал он, — я украду напильник. Тогда мы и освободимся от этой дьявольской выдумки.

— Ладно, только не вздумай превратно истолковать мои побуждения, — предупредила Мэри.

Он поднял мешок, и они пустились в путь. Пояс существенно мешал их попытке увеличить скорость. К тому же нужно было проявлять осторожность, приходилось прислушиваться к каждому необычному звуку. В равной степени они могли нарваться как на неизбежную погоню из Хай Квин, так и на разведчиков из ненавистной им Ди-Си.

Перейдя Шаванганские Горы, они увидели на одной из лесных прогалин тех, кто вышел вслед за ними из Хай Квин отомстить за смерть своих друзей. Пантс-Эльфы, видимо, настолько увлеклись погоней, что были захвачены врасплох засадой Ди-Си. Теперь некоторые из них еще висели, привязанные к стволам деревьев до того, как им перерезали горло, кости же других валялись внизу, у корней. То, что не успели съесть медведи, довершили лисицы, а что проглядели они, теперь растаскивали вороны.

— Следует быть поосторожнее, — сказал Питер. — Вряд ли Ди-Си прекратили поиски.

В его голосе уже не было прежней силы. Рог безвольно болтался при каждом движении головы, он изрядно похудел, под

глазами появились черные круги. Когда они садились перекусить, он быстро расправлялся со своей скудной долей, а затем жадно взирал на порцию Мэри. Иногда даже оставлял ее одну во время еды, а сам где-нибудь прятался, чтобы не видеть, как она ест.

Хуже всего было то, что он никак не мог позабыть о еде, даже во сне. Ему снились столы, гнущиеся под тяжестью изысканных яств и множества кувшинов, наполненных холодным темным пивом. А если его не мучали видения пищи, то снова снились девушки, снился Великий Путь. И хотя влечение значительно уменьшилось вследствие скудного питания, оно все еще было сильнее, чем у большинства мужчин. Бывали времена, когда после того, как засыпала Мэри, ему приходилось бежать в лес и там сбрасывать избыток вожделения. После этого ему было до глубины души стыдно, но это было лучше, чем овладеть девушкой силой.

Он до сих пор не осмеливался поцеловать Мэри. Она, казалось, понимала его состояние, поскольку тоже не делала попыток. И больше не повторяла, что любит. Наверное, думал он, она меня и раньше не любила, просто сильно расчувствовалась, когда увидела, что остался жив. Слова ее, скорее всего, выражали радость облегчения.

После встречи с останками пантс-эльфов они сошли с тропы и двигались прямо через перелески. Продвижение замедлилось, но они себя чувствовали в большей безопасности.

Так вышли к берегам Гудзона. В этот вечер Питер взломал сарай и нашел напильник. Ему пришлось придумать сторожевого пса прежде, чем тот гавкнул более двух раз. После этого они вернулись в лес, где Стэгг более четырех часов возился с поясом. Сталь была твердая, напильник — не очень подходящим орудием для такой работы, и к тому же ему приходилось быть очень осторожным, чтобы не поранить Мэри. Освободив ее от пояса, он дал ей мазь, найденную в том же сарае, и она ушла за кусты, чтобы смазать раны и потертости. Он только пожал плечами, глядя на такую неуместную скромность. Ведь они уже много раз видели друг друга без одежды. Правда, тогда, разумеется, это от нее не зависело.

Когда девушка вернулась, они двинулись вдоль берега, пока не наткнулись на привязанную к деревянному настилу лодку. Отвязали ее и на веслах переправились на другую сторону реки, после чего пустили лодку вниз по течению, и возобновили свой путь на восток. Они шли две ночи, прячась и отсыпаясь днем. На одной из ферм неподалеку от Пьюкипси Питер украл немного еды и, вернувшись в лес к Мэри, за один присест съел в три раза больше того, что мог себе позволить. Девушка встревожилась, но он попытался успокоить ее, сказав, что должен был

плотно поесть, так как почувствовал, что клетки его тела начали пожирать друг друга.

Съев половину принесенного и выпив целую бутылку вина, он на некоторое время успокоился. Затем обратился к Мэри:

— Прости меня, но я не в силах терпеть более. Я вынужден вернуться на ферму.

— Зачем? — спросила она встревожившись.

— Потому, что мужчин там нет, ушли, наверное, в город, и остались три женщины, причем две из них — привлекательные девушки. Мэри, ты можешь меня понять?

XV

— Нет! — сказала Мэри. — Не могу. Но даже если б могла, все равно была бы против, потому что ты не понимаешь, какой опасности подвергаешь нас, возвращаясь на ферму. Когда вернутся мужчины, эти несчастные обо всем им расскажут, и жрицы в Вассаре будут уведомлены, что ты где-то здесь неподалеку. Можешь не сомневаться — нас выследят и поймают.

— Да, ты права, я понимаю. Но больше я уже не в силах терпеть. Слишком много съел. Или эти две женщины, или ты.

Мэри вскочила. У нее был такой вид, будто она собирается сделать что-то, что очень ей не нравится, но сделать это было необходимо.

— Если ты отвернешься на мгновение, — произнесла она с дрожью в голосе, — мне кажется, я смогу облегчить твоё положение.

— Мэри, в самом деле? — восторженно вскрикнул Стэгг. — Ты сама не представляешь, что это для меня значит!

Он отвернулся и, несмотря на почти непереносимое страстное нетерпение, вынужден был улыбнуться. Насколько это в ее духе, проявлять подобную благопристойность, раздеваясь самой перед тем, как лечь с ним!

— Я могу повернуться? — спросил он, услышав какое-то движение у себя за спиной.

— Еще нет. Я еще не готова.

Он услышал, как она к нему приближается.

— Ну? Все в порядке? Уже можно? — в нем нарастало нетерпение.

— Еще нет, — ответила она и встала позади него.

— Я больше уже не в состоянии ждать, как ты...

Что-то тяжелое обрушилось на его затылок, и он лишился чувств.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на боку со связанными за спиной руками и перетянутыми возле лодыжек но-

гами. Для этого ей пришлось перерезать надвое тонкую веревку, которую он бросил в мешок перед бегством из Хай Квин. Рядом лежал крупный обломок, сваливший его.

Увидев, что он открыл глаза, она сказала:

— Прости меня, Питер, но я вынуждена была так поступить. Если бы ты навел Ди-Си на наш след, мы бы уже не могли скрыться.

— У меня в мешке две бутылки виски, — сказал Стэгг. — Обопри меня о ствол дерева и приложи бутылку к губам. Я хочу выпить весь литр. Первое, мне нужно хоть как-то убить боль в голове. Второе, если я не напьюсь до бесчувствия, то сойду с ума от безысходности. Третье, я постараюсь забыть, какой бессердечной сукой ты оказалась!

Она молча повиновалась.

— Прости меня, Питер.

— Убирайся к чертям! Зачем только я связался с такой, как ты? Неужели я не мог убежать с настоящей женщиной? Спаивай меня, спаивай!

Два часа длилась эта странная попойка. К концу он совсем притих, устремив перед собой неподвижный взор. Затем застонал и уснул.

Утром сразу же почувствовал, что развязан. На похмелье не жаловался и вообще ни о чем не говорил с Мэри. Молча смотрел, как она поставила перед ним его порцию. После завтрака, в течение которого он выпил очень много воды, они молча отправились на восток.

Был уже почти полдень, когда Мэри заговорила.

— Лес становится все реже, появились скалы. За последние два часа не видно ни одной фермы. Мы в пустоши между Ди-Си и Кэйсилендом. Здесь надо быть осторожнее вдвойне, так как легко нарваться на вооруженный отряд с любой стороны.

— А что плохого, если мы повстречаемся с твоими соплеменниками? — спросил Питер. — Именно они нам и нужны, не так ли?

— Они сначала нас пристрелят, а только после этого начнут разбираться, кто мы, — объяснила Мэри, явно нервничая.

— Ну и что? — резко бросил он. — Мы ведь можем покричать им с безопасного расстояния. Скажи мне, Мэри, ты уверена, что со мной не будут обращаться, как с пленником из Ди-Си? Эти рога могут им не понравиться.

— Я расскажу им, как ты спасал мне жизнь. И что ты не по своей воле стал Героем-Солнце. Разумеется...

— Что разумеется?

— Тебе придется вытерпеть операцию. Не знаю, есть ли в моей стране достаточно искусные медики, чтобы удалить твой

рог, не убив тебя при этом, но придется рискнуть. А не то тебя запрут. И ты сойдешь с ума. Разгуливать на свободе с этой штуковиной на голове тебе никто не позволит. И, естественно, я и не подумаю выйти за тебя замуж, пока у тебя будет этот рог. Кроме того, тебе следует сначала креститься. Я ни за что не выйду замуж за язычника. Не смогу, даже если бы захотела. Язычников мы убиваем.

Стэгг не знал, то ли рычать от ярости, то ли плакать от досады, то ли заливаться хохотом. Опыт подсказал ему, что лучше всего вообще не показывать свои чувства. Поэтому он спокойно произнес:

— Я что-то не припоминаю, чтобы просил тебя выходить за меня замуж...

— О, а тебе и не нужно просить, — ответила она. — Достаточно того, что мы провели хотя бы одну ночь вместе без свидетелей. В моей стране это означает, что мужчина и женщина обязаны пожениться. Зачастую это единственный способ объявить о своей помолвке.

— Но ты же не совершила ничего такого, что оправдывало бы вынужденный брак. Ты все еще девственница. Во всяком случае, насколько мне известно.

— Ну, а как же! Только это не имеет никакого значения. Считается само собой разумеющимся, что мужчина и женщина, проведя ночь вместе, обязательно уступят зову плоти, сколь бы ни была у них сильная воля. Если только они не святые. Но святые никогда не допустят, чтобы возникло такое положение.

— С какой же это стати-разстати ты изо всех сил старалась мне показать, какая ты пайныка? — громко сказал он. — Раз уж попалась, так чего же мешкать?

— Потому что я воспитана так, а не иначе. Потому что, — добавила она самодовольно, — не имеет никакого значения, что люди думают. Главное, что видит Мать. Вот что засчитывается.

— Временами ты такая ханжа, что я с удовольствием свернул бы твою прелестную шейку! Я здесь исхожу от изнеможения, такого, что тебе век не знать, а ты все это время могла бы облегчить мои страдания, нисколько не запятнав свою репутацию — да заодно и провести время так, как мало кому из женщин удавалось!

— Не надо сердиться, — попросила Мэри. — Все гораздо сложнее. Если бы такое случилось у меня на родине, нас бы убили еще до свадьбы. Для меня это было бы большим грехом. Кроме того, разве ты сейчас нормален? У тебя этот рог. А это уже особый случай. Я уверена, что понадобится очень умудренный жрец, чтобы разобраться во всех этих сложностях.

Стэгг затрясся от гнева.

— Мы ведь еще не в Кэйсиленде, — только и сказал он.

День клонился к вечеру. Стэгг съел гораздо больше, чем мог себе позволить. Мэри ничего не сказала об этом, только стала внимательно следить за ним. Она отступала каждый раз, когда он подходил к ней близко. Они упаковались и тронулись в путь. Воздействие еды на самочувствие Питера стало очевидным. Верхняя, мясистая часть рога стала набухать и распрямляться. Глаза блестели, он шел вприпрыжку, кряхтя от едва сдерживаемого самодовольства.

Мэри стала потихоньку отставать. Его настолько захватила волна нарастающего желания, что он этого не замечал. Отстав метров на двадцать девушка юркнула в кусты. Он прошел еще метров двадцать и только тогда, обернувшись, увидел, что она исчезла. Стэгг взревел и бросился в заросли, потеряв всякую осторожность и громко выкрикивая ее имя.

Он отыскал ее след по примятой траве, прошел по нему к руслу небольшого, почти высохшего ручья, и вошел в дубовый подлесок. Подлесок быстро кончился. Питер очутился на обширной поляне.

Прямо в лицо ему целилась более, чем дюжина, широких мечей, за поднятыми вверх остриями которых он увидел хмурые лица кэйсилендеров.

Из-за их сомкнутых спин выглядывала девушка лет двадцати.

Девушка-талисман была одета точно так же, как Мэри, когда он впервые увидел ее в клетке. Мужчины были в форме чемпионов Кэйсиленда по бейсболу. Неуместным предметом их одежды были лишь треугольные адмиральские шляпы с плюмажами вместо кепи с длинными заостренными козырьками.

Чуть поодаль стояли олени: девятнадцать для основных и запасных игроков, один для девушки-талисмана и четыре, груженные едой и снаряжением.

Капитан команды Майти, носивший титул “Могучий”, как и все остальные капитаны команд Кэйси, был высок и мускулист, с узким длинным лицом, одна щека его вздувалась от комка табака. Увидев Стэгга, он издал дикий смех.

— Привет, Рогатый! Ты надеялся найти мягкую юную плоть? Вместо этого тебя ждет закаленное острое лезвие! Ты разочарован, зверь? Не стоит. Мы позволим тебе побыть в объятиях женщины, только вот руки ее будут худыми и костлявыми, грудь сморщенной и отвислой, а дыхание будет пахнуть свежей могилой.

— К чему такая торжественность, Майти? — хрипло закричал один из мужчин. — Повесим его, и ладно. Нас ждет игра в Пьюкипси.

Теперь Питер понял, что они здесь делают. Это был не военный отряд, а бейсбольный клуб, приглашенный на соревнования в Ди-Си. Только в таком случае им гарантирована безопасность при переходе на территорию Ди-Си от засад, которые могут им повстречаться.

С другой стороны, такая гарантия означала, что ими дано обещание не причинять вреда кому-либо из Ди-Си, кого они повстречают в этих малонаселенных местах.

— Нечего говорить о веревке, — сказал Стэгг, обращаясь к Майти. — По правилам вы не имеете права причинить вред Ди-Си, если он только сам на вас не напал.

— Что верно, то верно, — согласился глава Кэйси. — Но тебе не повезло. Мы слышали от своих шпионов, что ты не уроженец Ди-Си и, следовательно, наше обещание тебя не касается.

— Зачем же тогда меня вешать, — спросил Питер, — если я не Ди-Си? Я же вам не враг? Скажите, вы не видели женщину, бежавшую впереди меня? Ее зовут Мэри Кэйси. Она скажет, что вы должны обращаться со мной, как с другом.

— Рассказывай, — вмешался тот, кто предлагал повесить пленника. — Ты один из этих одержимых дьяволом рогатых! Нам этого вполне достаточно.

— Помолчи, Лонзо, — сказал Майти. — Здесь я командую. Он обратился к Стэггу.

— Жаль, что я не перерезал тебе глотку до того, как ты смог открыть рот. Тогда у меня не было бы сомнений. Но мне хочется услышать от тебя больше об этой Мэри Кэйси. — Неожиданно он спросил. — А какое у нее полное имя?

— Мэри из Маленького Рая Кэйси! — выпалил Питер.

— Да, так зовут мою двоюродную сестру. Только мне кажется, что это само по себе еще ничего не доказывает. Ее таскали вместе с тобой по всему Великому Пути. У нас хорошая сеть осведомителей, и нам известно, что вы исчезли после налета этих мужеложцев на Вассар. Но тамошние ведьмы подобрали другого Рогатого Короля, а затем разослали вооруженные дозоры искать вас.

— Мэри где-то поблизости, в этом лесу, — сказал Стэгг. — Разыщите ее, и она подтвердит, что я помогал ей вернуться на родину.

— А что же вы это делали порознь? — подозрительно спросил Майти. — Почему это ты так бежал?

Он молчал.

— Я вот, что скажу, — произнес брат Мэри. — Одного взгляда на тебя достаточно, чтоб любой мог сказать, почему это ты ее преследовал. Вот что я скажу тебе, Рогатый Король. — Я наме-

рен проявить к тебе снисхождение. Если бы мы не спешили, то я бы сначала поджарил тебя на медленном огне, потом вырвал бы глаза и заткнул ими твою же глотку. Но у нас впереди игра, мы не можем тратить время, поэтому смерть твоя будет быстрой. Свяжите ему руки, ребята, и вздерните.

Через ветку дуба перебросили веревку и накинули петлю пленнику на шею. Двое игроков схватили его за руки, третий приготовился вязать. Стэгг не сопротивлялся, хотя мог бы легко всех расшвырять.

— Погодите! Я вызываю вас на игру по правилам "Один против пяти" и призываю бога быть в том свидетелем!

— Что? — не веря своим ушам произнес Майти. — Ради Колумба, мы и так опаздываем. С чего бы это нам принимать вызов? Нам неизвестно, ровня ли ты нам. Мы все "дирада", видишь ли, и вызов человека низкого происхождения для нас неприемлем. По сути, ты что, не понимаешь этого? Просто немыслимо!

— Вы зря меня унижаете. Вы разве не слышали, что Героев-Солнце выбирают только из аристократов?

— Верно, — согласился Майти и почесал затылок. — Что ж, ничего не поделаешь. Отпустите его, ребята. Думаю, игра не затянется.

У него в голове не могла даже мимолетно проскочить мысль о том, чтобы не обратить внимание на вызов и повесить Питера, ибо у него имелся свой кодекс чести и нарушать его было немыслимо. Тем более, когда Стэгг призвал в свидетели его божество.

Начинавшая игру первая пятерка игроков Кэйси сняла свои адмиральские шляпы и одела кепи с продолговатыми козырьками. Распаковав снаряжение из мешков, что висели по бокам оленей, они стали размечать ромб на ближнем лугу. Для этого они сыпали какой-то тяжелый белый порошок из кожаной сумки, обозначив им трассы от базы к базе и от каждой базы к площадке подающего. Они нарисовали маленький квадрат возле каждой базы, согласно правилам "Один против пяти". Стэггу разрешалось в процессе игры отбивать, находясь в любой из баз. Несколько больших квадратов они начертили для подающего.

— Не возражаешь, если судьей будет наша девушка? — спросил Майти. — Она поклянется перед Отцом, Матерью и Сыном, что не будет нам подсуживать. Если же сплутует, пусть поразит ее молния. Хуже того, пусть останется бесплодной.

— У меня нет другого выбора, — согласился Питер, применяясь к обитой медью бите, которую ему дали. — Я готов.

Сейчас у него прошло влечение к женщинам, его заменило страстное желание пролить кровь этих людей.

Девушка, в хорошо защищенной форме и в маске из стальной сетки на голове, вразвалку направилась к своему месту позади защищающего первую базу.

— Мяч в игру!

Стэгг приготовился к приему подачи. Майти находился всего лишь в тридцати девяти метрах от него, держа в руке тяжелый кожаный мяч с четырьмя острыми стальными шипами. Он посмотрел в сторону противника, затем размахнулся и бросил.

Мяч, как ядро, летел прямо в голову Питера. Приближался столь быстро и точно, что вряд ли человек с нормальными рефлексами мог бы уклониться от него. Стэгг, однако, успел присесть. Мяч просвистел на дюйм выше его головы.

— Первый мяч! — высоким чистым голосом объявила девушка.

Защитник даже не пытался его поймать. В этом варианте игры его главной обязанностью было бегать за мячом и возвращать его подающему. Разумеется, он также охранял "дом" и попытался бы поймать мяч в свою огромную ловушку, если бы их соперник предпринял попытку в него проскочить.

Майти Кэйси размахнулся снова и пустил мяч, целясь на этот раз чуть ниже груди.

Питер взмахнул битой, но вместо ожидаемого резкого звука попадания биты по мячу услышал глухой стук. Мяч отскочил влево и выкатился за пределы ромба, оказавшись за штрафной линией, откуда им уже нельзя было играть.

— Первый промах!

Защитник вернул мяч подающему. На сей раз Майти Кэйси сделал ложный выпад, а затем метнул его одним неуловимым движением.

Эта подача застала Питера почти врасплох. Отклониться он уже не успевал, у него лишь хватило времени прикрыться битой. Мяч угодил в ее плоскую сторону и на мгновение как бы прилип к ней, смыв медь обшивки своих шипов.

Стэгг рванулся к первой базе, прижав к себе биту, так как правила разрешали это, если мяч прилипал к ней. Майти Кэйси побежал вслед за ним, надеясь, что по дороге мяч свалится с биты. В противном случае, если бы Стэгг добежал до первой базы, продолжая им владеть, то становился подающим, а Майти — отбивающим.

Мяч свалился с биты на полпути к первой базе. Вот он швырнул свое тело головой вперед и по траве юзом проскользнул в первую базу. Бита, которую он держал перед собой на вытянутой руке, ударила первого базового защитника в голень, повалив его с ног.

Что-то сильно ударило Стэгга в плечо. Он взвыл от боли,

ощутив, как шип вонзился ему в тело, но подпрыгнул, развернулся в воздухе и схватил мяч, не обращая внимания на теплую струю, полившуюся из раны, откуда он вытащил шип.

Теперь, по правилам, выдержав удар мяча и сохранив достаточно сил, он мог бросить его либо в подающего, либо в первого базового.

Первый базовый сделал попытку бежать, но его нога была слишком сильно повреждена битой. Поэтому он вынул собственную биту из футляра, висевшего за спиной, и изготовился отбить мяч, если Стэгг бросит в него.

Первый базовый с искаженным от боли в ноге лицом встретил бросок.

Раздался глухой звук. Защитник покачнулся несколько раз, затем рухнул на землю. Шип вонзился ему в горло.

Теперь у Питера появилось две возможности: либо остаться в безопасности в первой базе, или попытаться прорваться ко второй. Он решил бежать. Так же, как и при перебежке в первую, он сделал перед самой базой бросок вперед, пытаясь проскользнуть в нее. Второй базовый защитник, в отличие от первого, посторонился. Перед падением Питер разогнался настолько сильно, что по инерции проехал юзом базу, но сразу же перевернулся и вкатился в нее.

В это время раздался хлопок — это второй базовый поймал мяч в ловушку.

Теоретически Стэгг был в безопасности, находясь во второй базе. Но он не расслабился, видя ярость на лице второго базового, вскочил на ноги и изготовился ударить защитника по голове, если тот настолько забудет правила, что посмеет попытаться "запятнать" своего соперника прямо в базе.

Второй базовый, увидев занесенную для удара биту, выронил мяч на землю. Кровь капала с его пальцев в тех местах, где их рассклели шипы при поспешной выемке мяча из ловушки.

Был объявлен перерыв. Над телом первого базового защитника произнесли слова прощания, после чего тело накрыли одеялом.

Питер попросил еду и воду, чувствуя, что начинает слабеть от голода. Он имел на это право, так как тайм-аут брал противник.

Как только он закончил есть, раздался выкрик девушки:

— Мяч в игру!

Теперь Стэгг, находясь в крохотном квадрате возле второй базы, снова стал отбивающим. Майти размахнулся и метнул мяч. Питер отбил его влево от себя, но мяч остался внутри ромба, не долетев до штрафной линии. Он рванул к третьей базе, но на этот раз игрок, заменивший погибшего первого базового,

бросился за мячом тотчас же, стоило тому коснуться земли. Стэгг на миг остановился, не зная, то ли бежать к третьей базе, то ли вернуться во вторую.

Первый базовый неуловимым движением перебросил мяч Майти, который теперь, выгнув спину дугой, поджидал противника почти на линии между второй и третьей базами, находясь практически у него на пути. Продолжи Питер перебежку, его спина была бы не защищена. Он развернулся на ходу, босые ноги скользнули по траве, и он упал на спину.

Вот и конец, пронеслось в объятom ужасом сознании. Майти стоял совсем рядом и уже распрямился, чтобы бросить мяч в распростертое тело.

Но Стэгг не выпустил биты из рук. В отчаянии он поднял ее перед собой. Мяч звонко ударился о биту, выбил ее из рук и, подпрыгивая, остановился в метре от него.

Питер торжествующе взревел, вскочил на ноги, поднял биту и, не сходя с места, стал угрожающе ею размахивать. Поскольку он ни разу не был "запятнан" во время перебежки, то не имел права подобрать мяч и бросить его в кого-либо из противников. Не мог он и сойти с белой полосы-трассы, чтобы помешать кому-либо из противников подобрать мяч. Но, поскольку тот лежал на земле совсем близко, он мог, не сходя с места, бить битой игроков, пытающихся завладеть мячом.

Над поляной раздался звонкий девичий голос, начавший отсчет до десяти. У игроков Кэйси было десять секунд, чтобы принять решение — либо попытаться овладеть мячом, либо пропустить его без помех в третью базу.

— Десять! — объявила девушка, и Майти повернул назад, решив не связываться с битой, которой размахивал чужак.

Он снова подал мяч. Питер замахнулся, но не попал. Майти улыбнулся и метнул мяч, целясь в голову отбивающегося. Тот занес биту, но снова промахнулся. Однако мяч не коснулся Стэгга.

Капитан Кэйси по-волчьи оскалил зубы. Теперь, по правилам, раз уж Стэгг замахнулся битой, но не попал по мячу, то должен был отшвырнуть биту в сторону и стоять неподвижно, пока Майти не сделает попытку "запятнать" его пусть даже ударом мяча между глаз.

С другой стороны, если сейчас пронесет, у него появилась бы возможность попасть в "дом" и, тем самым, самому стать подающим. Правда, он все равно будет в невыгодном положении. Будучи сам себе командой, он не имел помощников, но зато огромная сила и быстрота реакции делали его совсем неплохим "коллективом".

В наступившей тишине было слышно только, как молятся

игроки из команды Кэйси. Затем Майти с силой метнул мяч.

Мяч летел точно в живот Стэгга, и оставалось либо отбить его голыми руками, либо отклонить туловище, не выходя при этом за пределы крохотного квадрата. Сделай он шаг в сторону или упали за переделы квадрата, ему было бы засчитано очко.

Питер предпочел слегка отклонить туловище. Мяч соскользнул по телу, вращающийся шип прочертил кровавую полосу на животе.

— Первый мяч!

Майти снова прицелился в живот. Питеру почудилось даже, что он чудовищно разбух, неся в своем чреве собственную судьбу, словно гигантская падающая планета.

Он широко замахнулся, молниеносно описав битой дугу и держа все время параллельно земле. Кончик ее соприкоснулся с мячом, сила удара отклонила биту вниз, она раскололась на две части, а мяч отлетел назад к Майти.

Подающий опешил. Он не мог поверить в то, что тяжелый мяч может так далеко отлететь. Затем, когда Стэгг во всю прыть мчался к "дому", он стремглав бросился вперед, навстречу мячу, и поймал его в свою ловушку. Одновременно другие игроки, также оправившись от сковавшего их изумления, бросились наперехват.

Между бегущим человеком-командой и "домом" оказались два игрока, по одному с каждой стороны белых линий, обрамлявших трассу между базой и "домом". Оба умоляли Майти перебросить им мяч. Но он оставил себе честь перехватить соперника.

В отчаянии Питер отбил мяч обрубком биты. Он воткнулся в землю прямо у его ног.

Один из игроков Кэйси нырнул к нему.

Стэгг обрушил чудовищный удар на шлем и череп под шлемом. Остальные игроки оцепенели.

Девушка закрыла лицо руками, чтобы не видеть второго сраженного. На мгновение она опустила руки и умоляюще взглянула на своего капитана. Майти колебался, не дать ли сигнал всем броситься на убийцу и порешить его, отбросив ко всем чертям правила.

Затем сделал глубокий вдох и громко крикнул:

— Ладно. Кэйси, начинай отсчет. Мы все-таки "дирада". Не к лицу нам мошенничать.

— Раз! — пронзительно вскричала девушка.

Остальные игроки смотрели на Майти. Он осклабился и командовал:

— О'кей. Выстраивайтесь за мной. Попробую первым. Я не имею права просить вас, ребята, делать то, что является моей обязанностью.

Один из игроков предложил:

— Может быть, пропустить его в "дом"?

— Что? — вскричал Майти. — Чтобы потом всякий подбашмачник, всякий юбочник, всякий идолопоклонник из Ди-Си смеялся над нами? Нет! Если мы и должны умереть, умрем как подобает мужчинам!

— Пять, — объявила девушка. Казалось, сердце ее вот-вот разорвется.

— У нас нет ни единого шанса! — простонал кто-то. — Он вдвое быстрее каждого из нас. Мы для него, что ягнята на алтаре.

— Я — не ягненок, — взревел Майти. — Я — Кэйси. Мне не страшно умереть! Я-то попаду на небо, а этот парень будет жариться в аду!

— Семь!

— Ну, давайте! Давайте! — кричал Стэгг, размахивая обруком биты. — Подходите, господа, испытайте свою удачу!

— Восемь!

Майти изготовился к прыжку, губы его беззвучно шевелились в молитве.

— Девять!

— **ОСТАНОВИТЕСЬ!**

XVI

Из-за деревьев выбежала Мэри Кэйси, протестуяще размахивая руками. Она обняла Майти и стала его целовать, слезы хлынули из ее глаз.

— О, брат, брат, я уже думала, что никогда тебя не увижу!

— Возблагодари Мать за свое спасение, — сказал он. — Значит, все, о чем говорил этот рогатый, правда? — Он немного отстранил ее от себя и внимательно осмотрел. — Он тебя не обижал?

— Нет, нет! Он не прикасался ко мне. Он все время был истинным "дирада". И он не поклоняется Колумбии. Он клянется богом и сыном. Я это слышала множество раз! А ты ведь знаешь, ни один Ди-Си так бы не поступил.

— Жаль, что я этого не знал, — сказал Майти. — Мы бы не потеряли зазря двух хороших парней.

Он повернулся к Питеру.

— Если то, о чем она говорит, правда, то нет смысла, дружище, продолжать игру. Разумеется, если ты настаиваешь, то мы продолжим.

Стэгг швырнул наземь обрубок биты.

— Я с самого начала хотел пробраться в Кэйсиленд и провести там остаток своей жизни.

— У нас нет времени на болтовню! — сказала Мэри. — Нужно убираться отсюда! И побыстрее! Я вскарабкалась на дерево, чтобы осмотреться и увидела свору гончих, а за ними — скопище мужчин и женщин на оленях. И черных кабанов смерти!

Кэйсилендеры побледили.

— Кабаны смерти! — произнес Майти. — Это едет Альба. Только что она здесь делает?

Мэри указала на Стэгга.

— Они, должно быть, узнали, что он находится поблизости и выследили его. Нельзя мешкать, они приближаются слишком быстро.

— Ну и дела, — пробурчал Майти. — Нас-то она вряд ли тронет. У нас есть пропуск. Хотя от Альбы можно ожидать чего угодно... Она выше таких мелочей, как договор.

— Верно, — согласилась Мэри. — Но даже если вам она и не причинит вреда, то что будет со Стэггом и со мной? На меня ведь ваш пропуск не распространяется.

— Я мог бы отдать вам пару лишних оленей. Вы могли бы бежать в направлении реки Хаусатоник. На другом ее берегу вы будете в полной безопасности. Там у нас укрепление. Но Альба может поймать вас по дороге.

На лице его застыла маска крайней сосредоточенности. Затем он произнес:

— Нет, это все не то. Надо поступать благородно. Мы не имеем права допустить, чтобы двое правоверных попали в грязные лапы Альбы. Особенно, если среди них моя сестра!

— Так, вот, мужики! Что скажете? Плюнем на пропуск и будем драться за этих двоих? Или спрячемся в зарослях, как цыплята, завидев ястреба?

— Мы живем, как Кэйси, и умрем, как Кэйси! — Дружно вскричала вся команда.

— Значит, деремся, — сказал Майти. — Но сперва попробуем убежать как можно дальше. Пусть они попотеют, если уж так жаждут нашей крови.

Как раз в это мгновение послышался лай гончих.

— По седлам! В путь!

Мэри и Стэгг отвязали тюки с оленей, которых им дали, взобрались на их голые спины и взялись за поводья.

— Женщины пусть идут первыми, — сказал Питер. — Мы немного сзади.

Мэри огорченно взглянула на Стэгга.

— Если ты останешься сзади, я буду рядом с тобой.

— Не время спорить, — сказал Майти. — Будем держаться все вместе.

Они поскакали по неровной и извилистой тропе. Лай позади

усилился — это гончие почуяли запах. Едва беглецы покинули прогалину, как из зарослей выскочили первые гончие. Питер, обернувшись, увидел огромного пса, сложением напоминавшего помесь гончей и волка. Шерсть его была белоснежной, а уши — рыжеватые, словно у волка. За ним вылетела свора — двадцать таких же псов.

Затем внимание его обратилось на управление оленем на усеянной камнями тропе, и он уже больше не рисковал оборачиваться, тем более, что испуганное животное никак не хотело бежать с наибольшей скоростью.

Только через полкилометра бешеной скачки Стэгг обернулся еще раз. Теперь он увидел около двадцати всадников на оленях. Впереди на белом лосе с окрашенными в ярко-алый цвет рогами восседала нагая старуха, только черная коническая шляпа и живая змея вокруг шеи составляли ее наряд, длинные седые волосы развевались по ветру, а обвислые плоские груди подпрыгивали при каждом движении животного.

Вид ее испугал был кого-угодно. Рядом со всадниками, не отставая от оленей, бежало стадо свиней — высокие, длинноногие мускулистые твари, привыкшие к бегу. Все они были черного цвета, их длинные клыки жутко багровели, они омерзительно визжали на бегу.

В то самое мгновенье, когда он повернул голову, раздался оглушительный треск, и олень, бежавший впереди него, закричал от боли.

Питер глянул вперед. Двое оленей бились на земле, рядом лежали их всадники. Случилось самое худшее. Олень с девушкой-талисманом оступился и упал. Мэри ехала сразу же за ним и не успела увернуться.

Стэгг остановил своего оленя и спрыгнул на землю.

— У вас все в порядке? — крикнул он.

— Немножко трянуло, — ответила Мэри. — А вот олень Кэйси, похоже сломал ногу. И мой удрал в заросли.

— Залезай на спину моего, — велел он. — Кто-нибудь другой пусть подберет Кэйси.

Мэри поднялась с места, где лежала Кэйси, и подошла к нему.

— Она не в состоянии двигаться. Кажется, у нее сломан позвоночник.

Кэйси, должно быть, понимала, о чем идет речь.

— Убейте меня, — взмолилась она. — Сама я не могу совершить этот грех! Но если меня убьете вы, я знаю, бог простит это. Разве Матери хочется, чтобы я попала в руки Альбы?

— Никто тебя не собирается убивать, Кэйси, — сказал Майти. — Пока в живых будет хотя бы один из нас, мы будем защищать тебя.

Он отдал отрывистые распоряжения, и остальные Кэйси спешили.

— Располагаемся в две линии. Сначала на нас нападут собаки — отбивайтесь мечами. Затем хватайтесь за копыя. Сами знаете, следующими ударят кабаны или всадники.

Кэйси едва успели построиться в две шеренги, заслонив девушек, как на них бросились псы. Это были не охотничьи собаки, обученные повисать на боку у загнанной дичи. Это были злобные твари, натасканные на то, чтобы убивать. С грозным рычанием они взвились в воздух, стараясь вцепиться в глотки защищавшихся.

На мгновение все смешалось, так как псы посбивали многих с ног. Но через две минуты, несмотря на отчаянный лай, визг, хрип, рычание, с ними было покончено. Четыре тяжело раненных пса ползли подышать в заросли. Остальные валялись мертвыми с наполовину отсеченными головами или отрубленными лапами.

Один из Кэйси лежал на спине с обращенным к небу взором. У него было разорвано горло. Еще пятеро были сильно искусаны, но могли держать в руках меч.

— А вот и остальные! — вскричал Майти. — Плотнее ряды и приготовьтесь метать копыя!

Ди-Си натянули вожжи. Седоволосая карга выехала чуть вперед остальных и закричала пронзительно:

— Люди Кэйсиленда! Вы нам не нужны. Отдайте нам нашего Рогатого Короля, и все вы, даже девушка, которая была пленницей, сможете невредимыми вернуться на родину. Если же не отдадите, я напущу на вас моих вепрей — и вы все погибнете!

— Сама подыхай, — проревел в ответ Майти. — Я уверен в том, что ты здесь единственная подходящая для этого, ты, воющая, высохшая коза!

Альба затряслась в бешенстве. Она повернулась к своим жрецам и жрицам и сделала знак рукой.

Те отстегнули с привязи огромных клыкастых зверей.

— Пользуйтесь копыями, будто вы на охоте на свиней, — закричал Майти. — Мы охотимся на диких свиней с детства, едва научившись держать в руках копыя! Не поддавайтесь панике!

Стэггу же сказал:

— Бери меч. Я видел, как ты дрался с псами. Ты быстрее и сильнее любого из нас настолько, что можешь и мечом биться с кабанами... Ребята, готовы? Вот и они!

Майти вколотил свое копыя в шею огромного борова. Тот припал к земле. Сразу же из-за него на Майти набросилась громадная свинья. Стэгг перепрыгнул через тушу мертвого ка-

бана и с такой силой обрушил на нее меч, что перерубил хребет сразу же за шеей.

Затем таким же ударом сразил еще одну свинью, сбившую с ног одного из Кэйси и зубами рвавшую его ноги.

Раздался крик Мэри, и он увидел, что она с трудом удерживает копые, вонзившееся в бок вепря. Рана оказалась незначительной, только еще больше разъярила кабана, и он пытался добраться клыками до девушки. Она же, вцепившись в концы копья, кружилась вокруг мечущегося в центре зверя.

Питер издал воинственный крик и одним прыжком оказался на спине вепря. От удара ноги кабана подкосились, и он скатился наземь. Животное, поднявшись на ноги, с быстротой молнии рванулось к нему. Стэгг прикрылся острием меча. Оно вошло в открытую пасть зверя до самой глотки.

Затем он вскочил и бросил взгляд в сторону Мэри, чтобы удостовериться, что она хотя и напугана, но не ранена. Тут же он заметил свинью, набросившуюся на Кэйси. Защищавший ее соплеменник тоже валялся на земле, корчась от боли. Ноги и туловище его были сплошь искромсаны, из порванной плоти торчали ребра.

Питер запоздал с помощью. К тому времени, когда он отрубил одну из задних ног свиньи и рассек шейную артерию, девушка уже скончалась.

На мгновение он остановился, оценивая положение. Оно было скверным. Из шестнадцати кэйси, уцелевших после собачьей резни, кабаны оставили в живых только десять, да и то на ногах держались лишь пятеро.

Стэгг помог расправиться еще с четырьмя кабанами. Оставшиеся израненные, четверо из двух десятков, с диким визгом умчались в лес.

— Теперь очередь Альбы, — тяжело дыша, произнес Майти, — и с нами будет покончено. Только знай, Стэгг, что еще долго будут воспевать эту битву по всему Кэйсиленду!

— Мэри они не получают! — взревел Питер. Глаза его пылали безумием, на лице не осталось ничего человеческого. Он снова был одержим — но не женщин он теперь жаждал, а крови.

Он повернулся лицом к окружению Альбы. Ее дружинники шли рядами по пять, сверкая на солнце наконечниками длинных копий.

— Альба! — зарычал Стэгг и побежал к ней.

Поначалу она не заметила его, но, услышав предупреждение своих приверженцев, направила своего белого оленя навстречу.

— Я убью тебя, гнусная старая сука! — кричал Питер. Он, как берсеркер, описал широкие круги мечом у себя над головой. — Я убью всех вас до единого!

А затем произошло нечто странное.

С детства жрецов и жриц приучали относиться к Герою-Солнце, как к полубогу. Теперь все они оказались в необычном, не укладывавшемся в их сознание положении. Их вела непобедимая Богиня-Смерть. Вела против человека, о котором все догматы говорили, что он также непобедим. Все легенды, связанные с Героем-Солнце, подчеркивали его неизбежное торжество над противниками. Одна из легенд повествовала даже о его победе над самой смертью.

Более того, они стали свидетелями расправы над гончими и кабанами, животными, посвященными Альбе, и видели сверхчеловеческую быстроту и наводящие ужас удары меча. Поэтому, когда воплощение Богини-Смерти приказало им изготовить копьё и напасть на Рогатого Короля, они замешкались.

Смятение длилось всего лишь несколько секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы Питер встал лицом к лицу с Альбой.

Он коротким замахом перерубил деревянное древко копьё, стальной наконечник упал на землю. В то же самое время олень, на котором сидела Альба, встал на дыбы.

Старуха упала с его спины, как кошка, приземлившись на ноги. Какое-то мгновение казалось, что, пользуясь оленем, как прикрытием от Стэгга, она еще сумеет скрыться среди своих приспешников.

Стэгг хлестнул мечом по оленю, и животное отпрянуло.

Какую-то секунду он смотрел прямо в ее блекло-голубые глаза. Перед ним была высокая женщина со скрюченной спиной, старая, очень-очень старая. На вид ей было не менее двухсот лет, таким изборожденным морщинками и ссохшимся было ее лицо. Длинные поредевшие седые волосы свешивались с подбородка, такие же белые волосы образовали подобную молочную пленку над ее верхней губой. Глаза ее, казалось, видели множество давно умерших поколений, и их спокойствие как бы утверждало, что увидят еще больше. Она была сама Смерть!

Мурашки пробежали по телу Стэгга, будто он стоял лицом к лицу с неизбежной Погубительницей всего сущего.

Гремучая змея, шипя и извиваясь вокруг ее шеи, еще более подчеркивала зловеющий облик рока.

Затем он страхнул с себя оцепенение, напомнив себе, что она, в общем-то, всего лишь человек, и бросился на нее.

Но ему так и не удалось ее поразить.

Лицо старухи перекосилось от боли, она схватилась за грудь и упала замертво.

Среди ее прислужников началась паника, паника, которую не преминул воспользоваться Стэгг. Бросившись прямо в толпу, он разил направо и налево. Сейчас он был берсеркером, нечув-

ствительным к ранам, наносимым копьями и саблями жрецов.

Он одинаково рубил и пеших, и всадников. Олени вздымались на дыбы и сбрасывали мужчин и женщин, а Стэгт поражал их прежде, чем они успевали стать на ноги.

Казалось, он в состоянии уничтожить весь отряд. Он убил или ранил, по меньшей мере, шестерых верховых и, опрокинув еще четверых, добил их на земле. И тогда одна из всадниц, хранившая до того невозмутимое спокойствие, погнала своего оленя вперед. Она правила прямо на него. Он поднял взгляд как раз вовремя — она уже склонилась над ним.

Он увидел прелестное лицо Виргинии, прежней главной девственницы Вашингтона, женщины с волосами цвета меди и точеным носом, губами алыми, как кровь, и высокой выпуклой грудью. Сейчас ее грудь и живот были прикрыты одеждой, так как она несла в своем чреве его ребенка. Ей оставалось всего лишь четыре месяца до родов — и тем не менее она сидела верхом на олене.

Стэгт поднял меч, чтобы поразить и ее.

Затем, узнав ее — и поняв, что с нею его дитя, остолбенел.

Этого мгновения ей оказалось достаточно. Не меняя невозмутимого и бесстрастного выражения лица, она взметнула остро отточенную саблю. Лезвие просвистело и распорол его рог. И это стало концом Питера Стэгга.

XVII

Осуществление плана потребовало несколько месяцев тщательной подготовки.

Прежде всего, шпионы, замаскированные под Ди-Си из различных сословий, просочились в Вашингтон. Они прибегали к любым средствам, чтобы узнать о судьбе оборудования, оставшегося на "Герре". Они также делали все возможное, чтобы выяснить, что же случилось с Героем-Солнце. Данные разведки показывали, что доктора Кальторпа вернули в Вашингтон.

Сразу же с ним связались и через несколько дней переправили на лодке по реке Потомак в Чесапикский залив и далее в открытое море, где его подобрал карельский двухмачтовик и доставил в порт Айно.

Он был счастлив воссоединиться с Черчиллем и остальными членами экипажа "Терры", хотя и глубоко опечалился известием о смерти Сарванта и Гбве-Хана и неизвестностью судьбы капитана Стэгга. Черчилль изложил ему суть сделки, заключенной с карелами. Кальторпу план понравился. Почему бы и нет, сказал он, задумано неплохо. А если и нет, то мы во всяком случае не сидели сложа руки. Доктор стал надежнейшим ис-

точником сведений о состоянии дел на борту "Терры". Он-то наверняка знал, что осталось на корабле, а что еще нужно разыскать.

Наконец, все было готово.

Они вышли из Айно на быстроходной бригаantine с капитаном Кирсти Айнундила во главе, имея по три карела на каждого из членов команды "Терры". При первом же подозрительном шаге звездолетчиков карелы пустили бы в ход кинжалы, с которыми никогда не расставались.

Вслед за ними должна была выйти флотилия судов, принадлежавших карельским поселениям по всему побережью Атлантики южнее территории Ди-Си и из колоний к северу вплоть до мест, некогда называвшихся Новой Шотландией и Лабрадором.

Бригаantine смело вошла в Чесапикский залив и на небольшой парусной лодке высадила передовой отряд в устье Потомака. Замаскировавшись под рыбацкую лодку из Ди-Си, они вечером причалили к одной из пристаней в Вашингтоне.

В полночь десант двинулся к зданию, где хранилось оружие с "Терры".

Были без лишнего шума перерезаны несколько глоток, взломано помещение для оружия. Скорострельные автоматы звездолетчики взяли себе, остальное раздали карелам. Те никогда прежде не держали в руках такое оружие, но тренировались в Айно, используя макеты, изготовленные по указаниям Черчилля.

Черчилль вооружил звездолетчиков также реактивными гранатами. Без задержек отряд подошел к огромному бейсбольному стадиону, превращенному нынче в святилище Героя-Солнце. На его поле "Терра" все еще вздымала заостренный нос к звездам, которые она покинула.

Часовые окликнули отряд. Последовала короткая схватка, вернее, бойня. Тридцать лучников были убиты из автоматов, и еще сорок — тяжело ранены. Налетчики, не заработав и царапины, взорвали настежь ворота стадиона.

Звездолет был сконструирован так, что управлять им мог даже один человек. Черчилль занял место пилота, Кирсти и два карела с кинжалами в руках стояли рядом.

— Вы сейчас убидитесь, на что способен этот корабль, — гордо сообщил первый помощник. — Он может уничтожить весь Вашингтон, просто проутюжив здания своим корпусом. После этого ваша флотилия может без всяких помех разграбить город. А затем мы можем полететь в Кэمدен, Балтимор, Нью-Йорк и повторить то же самое. Если бы его сразу же не захватили вероломные Ди-Си, мы не попали бы ни за что к ним в плен. Но

мы позволили им убаюкать себя сладкими речами, и они выманили нас из корабля, провозгласив капитана Стэгга своим королем.

Рудольф проверил работу органов управления, изучил показания приборов. Все функционировало вполне нормально. Он закрыл главный вход, а затем глянул на часы на приборной панели.

— Пора переходить к делу, — громко сказал он.

По этому условному сигналу все звездолетчики задержали дыхание.

Черчилль нажал какую-то кнопку. Не прошло и шестидесяти секунд, как все карелы были без сознания. Черчилль нажал другую кнопку и провентилировал рубку.

Это был трюк, к которому они уже один раз прибегали, когда попали в подобное положение, спасаясь от авиатропов на планете Вика.

— Поместить их в камеру глубокого холода? — спросил Стэйнборг.

— Временно, — ответил Черчилль. — Позже мы их высадим. Если этих ребят взять с собой на Вегу-2, они могут поубивать нас.

Он отвел один из рычагов, и "Терра" плавно оторвалась от земли. Ее антигравитаторы легко подняли корпус весом в пятьдесят тысяч тонн.

— Из-за сопротивления атмосферного воздуха, — сказал Черчилль, — мы будем в Айно через пятнадцать минут. Заберем там ваших жен, и мою тоже и айда в Пьюкипси!

Под женами он подразумевал женщин-карелок, завезенных Ястржембским и Аль-Масини во время их пребывания в Айно.

— Они не ожидают этого. Неизвестно, как они себя поведут на борту.

— Дайте им газ — и в камеру глубокого холода, — посоветовал Черчилль. — Это, разумеется, грязный трюк, но у нас нет сейчас времени на разговоры.

— Страшно подумать, что они скажут, когда оттают на Веге.

— Им придется смириться, — сказал Черчилль и тут же нахмурился, вспомнив острый язычок Робин.

Однако все обошлось без особых неприятностей. Робин и две женщины вошли на борт, и корабль покинул Айно. Женщины-карелки слишком поздно поняли, что их похитили, но брань уже никому не могла принести вреда, так как их просто никто не слушал. На всякий случай, снова прибегли к газу и поместили женщин в камеры охлаждения.

По пути в Пьюкипси Черчилль обратился к Кальторпу:

— Исходя из того, о чем сообщили шпионы, Стэгга видели

несколько дней тому назад в деревушке на восточном берегу Гудзона. Это означает, что он сбежал из Пантс-Эльфа. Не знаю, где он находится сейчас.

— Наверное, пробирается в Кэйсиленд, — сказал Кальторп. — Но он попадет из огня да в полымя. Чего я не пойму, так это откуда у него взялись силы не возвращаться на Великий Путь. Этот человек одержим тем, чему не смог бы сказать "нет" ни один мужчина.

— Мы совершим посадку неподалеку от Пьюкипси, — сказал Черчилль. — Вблизи Вассар. Там есть большой детский приют, в котором заправляют жрицы. Сирот там держат до тех пор, пока не найдется семья, согласная усыновить ребенка. Мы заберем ребятшек и заморозим их. И разузнаем, где все-таки может быть Стэгг.

Этой же ночью они зависли над приютом. Дул легкий ветерок, поэтому корабль продвинулся немного против ветра, прежде чем был пущен усыпляющий газ.

Размещение спящих шестидесяти младенцев заняло почти час. После этого была приведена в чувство старая жрица приюта, женщина примерно пятидесяти лет.

Звездолетчики не стали утруждать себя, заставляя ее говорить добровольно. Ей сделали инъекцию и через несколько минут узнали, что Альба со своей охотничьей свитой покинула Пьюкипси прошлой ночью и напала на след Героя-Солнце.

Затем ее отнесли назад в дом и уложили в кровать.

— Когда рассветет, — сказал Черчилль, — мы прочедем окрестности. Инфракрасные приборы вряд ли сейчас помогут, так как с их помощью трудно обнаружить тех, кто находится под прикрытием листвы.

На заре корабль покинул укромную долину, в которой скрывался, и поспешил на восток на высоте тридцати метров. Как только показалась река Хаусатоник, Черчилль повернул корабль назад на запад. По его расчетам, Стэгг не мог еще достигнуть этой реки и должен был находиться где-то на ничейной территории.

Вернувшись, они несколько раз задерживались, чтобы разобраться, что за люди замечены в лесу. Раз они увидели мужчину и женщину, которые исчезли в пещере, и звездолетчики высадились, чтобы допросить их. Оказалось не так-то просто выудить их из извилистых туннелей, остатков заброшенной шахты. Пока было выяснено, что этим двоим ничего неизвестно о местонахождении Стэгга, они потеряли несколько часов.

Опять достигнув Гудзона, корабль повернул на несколько миль к северу, а затем возобновил поиски в восточном направлении.

— Если Стэгг увидит "Терру", он выйдет из укрытия, — предположил Кальторп.

— Мы сейчас поднимемся повыше и включим полное увеличение, — ответил Черчилль. — Мы обязаны разыскать его!

Корабль плыл километрах в пяти от реки Хаусатоник, когда увидели беспорядочно скачущих по тропе всадников на оленях. Спустившись пониже и увидев одинокую фигуру, шагавшую рядом с оленем в километре позади всадников, они решили допросить отставшего.

Это была Виргиния, бывшая главная жрица-девственница Вашингтона. Обремененная плодом, она утомилась от езды и спешила. Попытка укрыться в зарослях не удалась: с корабля пустили облако газа, и она повалилась на землю. Когда ее привели в чувство, сделав укол противоядия, жрица не стала молчать.

— Да, я знаю, где находится так называемый Герой-Солнце, — сказала она злобно. — Он лежит на тропе в двух с половиной километрах отсюда. Но вам уже не нужно спешить. Он подождет. Он мертв.

— Мертв?! — Черчилль задохнулся от боли. Так близко к успеху. На полчаса раньше, и мы бы могли спасти его — промелькнуло у него в голове.

— Да, мертв! — произнесла Виргиния и плюнула. — Я убила его. Я срезала оставшийся рог, и он умер от потери крови. И я рада этому! Он не был настоящим Героем-Солнце. Он был предателем и святотатцем, и погубил Альбу.

Она умоляюще посмотрела на Черчилля и жалобно попросила:

— Дайте мне нож, чтобы я могла себя убить. Когда-то я очень гордилась тем, что ношу под сердцем ребенка Рогатого Короля. Но мне не нужно отродье ложного бога! И я не хочу умереть от стыда, вынашивая его.

— Вы хотите сказать, что если мы вас отпустим, вы убьете и себя, и неродившееся дитя?

— Клянусь священным именем Колумбии, что именно так я и сделаю!

Черчилль кивнул Кальторпу, и тот ввел иглу шприца ей в руку. Нажав на кнопку, он впрыснул в кровь крупную дозу анестезирующего вещества, жрица обмякла, и двое мужчин отнесли ее в камеру глубокого холода.

— Мы ни в коем случае не должны позволять ей убить ребенка Питера, — сказал Кальторп. — Если он мертв, пусть хоть живет его сын.

— На вашем месте я бы не беспокоился о том, будут ли у него потомки, — сказал Черчилль. Он не стал развивать свою мысль,

но подумал о Робин, замороженной в резервуаре с жидким азотом. Примерно через пятьдесят лет она родит ребенка от Стэгга.

Бессильный изменить что-либо, он просто перестал об этом думать. Сейчас следовало думать о своем капитане и решать его судьбу.

Черчилль поднял корабль и направил его точно на восток. Внизу узкой коричневой лентой, окаймленной зеленью, вилась проселочная дорога. Она огибала небольшую гору, холм, затем еще один холм... и вот уже показалась сцена разыгравшейся здесь битвы.

Мертвые тела собак, оленей и кабанов. Несколько человеческих трупов. А где же остальные, которых, судя по словам Виргинии, должно быть немало?

Корабль коснулся земли, сев точно на тропу и повалив множество деревьев. Из главного выхода вышли звездолетчики, вооруженные автоматами, и стали осматривать поле боя. Стейнберг остался в кресле пилота.

— Мне кажется, — сказал Черчилль, — мертвых кэйси убрали с проселка в лес. Возможно, их похоронили. Обратите внимание на то, что все трупы в одежде Ди-Си.

— Может быть, похоронили и Питера? — спросил Кальторп.

— Надеюсь, нет, — печально ответил Черчилль.

Ему стало вдруг очень жаль погибшего капитана, который успешно провел "Терру" через столько опасностей. Однако он понимал, что есть одна причина, по которой он не смог бы заставить себя оплакивать Стэгга слишком долго. Будь тот жив, какие только трудности не возникнут по достижении Веги? Вряд ли он поддержал бы только умеренный интерес к ребенку Робин. Всякий раз, когда Черчилль поощрял бы или наказывал ребенка, у его настоящего отца могло возникать желание вмешаться в действия. А он, Черчилль, все хотел бы знать, считает ли еще Робин Стэгга более, чем простым человеком.

Что если она захочет остаться верна своей вере?

Звездолетчики разделились в поисках похоронной команды. Скорее прозвучал свисток, который кэйси не могли бы услышать, так как частота звука была слишком высокой для восприятия человеческим ухом. У звездолетчиков же в одном ухе был прибор, понижающий частоту, но при этом не мешающий восприятию обычных звуков.

Они бесшумно, украдкой собрались вокруг подающего сигнал Аль-Масини. Здесь, внутри круга, образованного деревьями они увидели наихудшее: девушку и четырех мужчин, выравнивавших холм, ставший, по-видимому, братской могилой.

Черчилль вышел из-за деревьев и произнес:

— Не пугайтесь. Мы друзья Питера.

Кэйси всполошились, но услышав еще раз заверение Черчилля, несколько успокоились, впрочем, не выпуская оружия из рук.

Черчилль приблизился на несколько шагов, остановился и объявил, кто он и почему сюда пришел.

У девушки были красные глаза, по лицу размазаны слезы. Услышав, что Черчилль интересуется судьбой Стэгга, она вновь разрыдалась.

— Он мертв, — всхлипывала она. — Если бы вы только пришли немного раньше!

— Давно он умер?

Один из кэйси взглянул на солнце.

— Около получаса тому назад. Он еще долго истекал кровью и не сдавался без борьбы.

— Прекрасно! Стэйнборг, — произнес Черчилль в микрофон переносной рации. — Гони корабль сюда и спускай несколько механических лопат. Нам нужно как можно быстрее откопать тело Стэгга. Кальторп, как ты считаешь, шансы есть?

— Воскресить его? Очень неплохие. А вот на то, что мозг его останется без повреждений — практически никаких. Но можно восстановить поврежденные клетки и ткани, а там посмотрим, что получится.

Они не открыли кэйсилендерам истинных причин необходимости извлечь из могилы тело Стэгга. Теперь им уже стали известны чувства, которые питала к нему Мэри, и они не хотели возбуждать ложных надежд. Ей сказали лишь, что хотят забрать капитана назад, к звездам, где он желал быть захороненным.

Остальные трупы остались в могиле. Они были очень сильно повреждены, да и жизнь покинула их гораздо раньше.

Уже находясь внутри корабля, Кальторп, управляя сверхнежным робохирургом, вырезал костное основание рогов и поднял черепную крышку Стэгга.

Была вскрыта грудная клетка, в сердце и мозг имплантированы электроды. К системе кровообращения подключили насос. Затем специальное устройство подняло тело и поместило в ванну для оживления.

В ванне пульсировал биогель, идеальная питательная среда для помещенных в нее клеток. Клеток было два вида. Один выедал из трупа поврежденные или распавшиеся клетки. Другой вид состоял из множества воспроизведенных собственных клеток тела Питера Стэгга. Здесь, в ванне, эти клетки, соприкасаясь с различными органами, замещали клетки, отторгнутые от тела первым видом клеток.

Повинуясь электростимулятору, начало биться сердце. Под-

нялась температура тела. Постепенно сероватый цвет кожи сменялся здоровым, розовым.

Почти пять часов делал свое дело биогель. Кальторп снова и снова проверял показания приборов и форму кривых на экранах осциллографа. Наконец он произнес:

— Можно больше не держать его здесь.

Он повернул переключатель на приборной панели робохирурга, и тело Стэгга было осторожно извлечено из ванны и перенесено на операционный стол. Здесь с него были смыты остатки биогеля, извлечены электроды из сердца и головного мозга, зашита грудь, установлена на свое место черепная коробка, натянута кожа на кости черепа и наложены швы.

Теперь руки товарищей отнесли его в постель. Спал он как новорожденный.

Черчилль вышел из корабля к кэйси, которые наотрез отказались пройти внутрь корабля, будучи преисполнены суеверного ужаса.

Мужчины тихо переговаривались между собой. Мэри Кэйси сидела, прислонившись к стволу дерева, лицо ее походило на маску из древнегреческой трагедии.

Услышав шаги Черчилля, она подняла голову и произнесла безжизненно:

— Мы можем теперь уходить? Я бы хотела остаться со своими.

— Мэри, — сказал Черчилль. — Вы можете идти, куда пожелаете. Но сначала я должен рассказать, почему просил подождать эти несколько часов.

Мэри слушала его рассказ о намерении слетать на Марс для пополнения запасов топлива, а затем направиться на планету звезды Вега, где они собираются обосноваться. Поначалу казалось, что выражение ее лица стало не таким печальным, как раньше, но через некоторое время к ней снова вернулось безразличие.

— Я рада, что у вас есть цель, к которой стоит стремиться, — сказала она, — хотя все это и отдает слегка богохульством. Однако, меня это, в сущности, не касается. Для чего вы рассказываете об этом?

— Мэри, когда мы покидали Землю, в 2050 году было широко распространено возвращение умерших к жизни. Это не колдовство и не черная магия, это приложение знаний, которые...

Она вскочила и схватила его за руку.

— Неужели вы хотите сказать, что возвратили Питеру жизнь?

— Да, — ответил Черчилль. — Он сейчас спит. Вот только...

— Только что?

— Когда человек бывает мертв столь долго, как он, неизбежно повреждается какая-то часть мозга. Обычно ее удается восстановить. Но бывают случаи, когда человек остается слабоумным.

Улыбка сошла с ее лица.

— Значит, до утра ничего не будет известно? Почему же вы сразу же не сказали о том, чтобы подождать до утра?

— Потому что вы могли бы отправиться домой, если бы я не предупредил об этом. Есть еще кое-что с этим связанное. Каждый из членов экипажа “Терры” знает, что может случиться, если он умрет и будет воскрешен после. Все из нас, кроме Сарванта, договорились о том, что если выйдут из ванны для оживления идиотом, то его снова убьют. Кому хочется жить слабоумным?

— Его убийство будет чудовищным грехом! — воскликнула Мэри. — Это будет крайне жестоко!

— Не буду тратить время на спор с вами, — пожал плечами Черчилль. — Я только хочу, чтобы вы знали, что может произойти. Тем не менее, если это хоть немного вас утешит, я могу рассказать, как на планете Викса погиб Аль-Масини. Ядовитое растение, стреляющее крохотными отравленными иглами при помощи сжатого воздуха, дважды попало в него. Он умер на месте, а растение затем раскрылось и из него выскочило около двадцати похожих на сороконожек насекомых, более полуметра длиной и вооруженных огромными клешнями. По-видимому, они намеревались затащить тело Аль-Масини внутрь, где все — в том числе и растение — поделили бы его плоть между собой.

Мы находились вне пределов досягаемости игл и уничтожили насекомых ружейным огнем, а растение — гранатой. Затем переправили тело Аль-Масини на корабль и, изгнав яды из его системы кровообращения, воскресили его. Он совершенно не пострадал — ни физически, ни умственно. Но случай со Стэггом намного сложнее.

— Я смогу повидаться с ним утром?

— Обязательно, каков бы ни был исход.

Ночь тянулась медленно. Никто из команды не спал. Не спала и Мэри, хотя остальные кэиси залегли в кусты и сладко храпели. Кто-то спросил у Черчилля, почему они торчат на месте, ожидая пока проснется Стэгг. За это время они могли усыпить еще одну или две деревни, заложить в камеры глубокого холода еще больше женщин и детей и отправиться на Марс.

— Из-за этой девушки, — объяснил Черчилль. — Питер, возможно, захочет забрать ее с нами.

— Тогда почему бы просто не отправить ее тоже в азот? — заметил Ястржембский. — Что за мелкое чистоплюйство? Такая

трогательная забота о ее чувствах на фоне похищения нескольких дюжин женщин и младенцев!

— Мы их не знаем. И делаем одолжение детям и пантс-эльфским женщинам, вытаскивая их из этого дикого мира. Но ее-то мы знаем. И знаем, что они собирались пожениться. Подождем и поглядим, что Стэгг скажет об этом.

Наконец наступило утро. Команда позавтракала и занялась различными подготовительными работами, пока всех не созвал Кальторп.

— Время! — произнес он, зарядил шприц и воткнул иглу в огромный бицепс Стэгга, после чего приложил тампон и предусмотрительно отошел в сторону.

Черчилль вышел к Мэри и сообщил ей, что Питер вот-вот проснется. Мерой ее любви к Стэггу стало то, что она набралась смелости пойти внутрь корабля. Она старалась не глядеть по сторонам, пока ее вели по коридорам, заполненным тем, что ей казалось колдовскими и зловещими устройствами. Девушка смотрела прямо перед собой на широкую спину Черчилля.

Увидев Питера, она разрыдалась.

Он что-то невнятно пробормотал, веки его слегка дрогнули и замерли. К нему возвращалось дыхание.

— Проснись, Питер! — громко сказал Кальторп и похлопал капитана по щеке.

Глаза Стэгга открылись. Он обвел взглядом всех собравшихся вокруг него — Кальторпа, Черчилля, Стэйнборга, Аль-Масини, Лина, Ястржембского, — и на лице его показалось недоумение. Когда же он увидел Мэри Кейси, то совсем опешил.

— Что за дьявольщина? — попытался он рывкнуть на своих подчиненных, но звуки эти скорее напоминали кудахтанье. — Я, что, потерял сознание? Мы на Земле? А где же еще? Иначе, откуда на борту женщина. Если только вы, Дон-Жуаны, не прятали ее, как зайца, все это время.

Черчилль первым ухватил, что произошло со Стэггом.

— Капитан, — спокойно произнес он. — Что ты помнишь последнее?

— Последнее? Странный вопрос. Вы, что, не знаете, какое я дал распоряжение перед тем, как потерял сознание? Садиться на Землю!

С Мэри Кэйси случилась истерика. Черчилль и Кальторп вывели ее, и доктор дал ей успокоительное. Через две минуты она уже спала. Затем Кальторп с первым помощником ушли в навигационную.

— Пока еще рано что-то утверждать, — сказал док, но не думаю, что у него пострадал интеллект. Он явно не идиот. Вот только часть мозга, которая хранила воспоминания последних

пяти с половиною месяцев, претерпела некоторые изменения. Физически она восстановилась, будет функционировать не хуже, чем прежде. А вот содержание памяти в ней пропало. Для него мы только-только возвратились с Виксы и готовимся к посадке на Землю.

— И я так полагаю, — произнес Черчилль. — Только как нам теперь поступить с Мэри Кэйси?

— Объясним ей положение и пусть сама решает. Может быть, она захочет попытаться заставить его влюбиться в нее еще раз.

— Мы должны рассказать ей о Виргинии. И о Робин. Может быть, это повлияет на ее решение.

— Сейчас не время, — сказал Кальторп. — Я сделаю укол, чтобы она проснулась, и все расскажу ей. Она должна сделать выбор сейчас, не мешкая. У нас нет времени на всякие трали-вали.

Он вышел из навигационной.

Черчилль сел в кресло пилота и задумался. Что же, все-таки их ждет в будущем? Что-что, но скучать им не придется. У него будет по горло собственных неприятностей, но он ни за что не хотел бы очутиться в шкуре Стэгга. На самом деле, стать отцом многих сотен детей, участвуя в самых разнузданных и длительных оргиях, о которых только мог бы мечтать любой мужчина, и в то же самое время оставаться в душе невинным, ничего не ведая об этом! Отправиться на Вегу-2 и там получить в подарок двух младенцев от разных женщин, а возможно — и трех, если Мэри его не покинет. Слушать о том, что происходило — и быть абсолютно неспособным представить себе это визуально, и, скорее всего, неспособным даже поверить этому, несмотря на клятвенные заверения доброй дюжины свидетелей. Разбираться в конфликтах, о которых он не имеет ни малейшего представления, но отзвуки которых будут возникать во время неизбежных впоследствии семейных ссор.

Нет, решил про себя Черчилль, не хотел бы он быть на месте Стэгга. Он доволен тем, что он — Черчилль, хотя и ему будет несладко, когда проснется Робин.

Он поднял глаза. Вернулся Кальторп.

— Ну и каков вердикт? — спросил Черчилль.

— Не знаю, смеяться или плакать, — ответил Кальторп. — Она остается с нами.

ЭПИЛОГ

Молния, гром, ливень.

Небольшая таверна на ничейной земле на границе Ди-Си и Кэйсиленда. За столом в отдельной комнате с тыльной стороны таверны сидят три женщины. Их тяжелые одеяния с капюшонами висят на деревянных колышках, забитых в стену. На всех троих высокие черные конические шляпы.

Первая, Виргиния, младшая сестра девы, оставшейся на борту "Терры". Сейчас она, как и ее старшая сестра во время появления Стэгга в Вашингтоне, главная жрица священного города. Высокая, красивая, волосы цвета меда, темно-синие глаза, точеный, чуть хищный нос, губы, как разверстая рана, открытая грудь, полная и упругая.

Другая, настоятельница женской общины Кэйсиленда. Возраст — тридцать пять лет, седеющие волосы, тяжелая, отвислая грудь, выпирающий живот, а под длинным платьем — набухшие вены на ногах, признак многих деторождений, хотя она и давала обет безбрачия. На людях она молится Колумбу-Отцу, Сыну и Матери. Оставшись одна, славит Богиню Колумбию, Великую Седую Мать.

Третья, Альба, вся седая, беззубая, высохшая старуха, преемница Альбы, сраженной Королем-Оленем.

Из высоких бокалов они медленно потягивают вино. А может быть, и не вино?

Виргиния, девственница, спрашивает, не потерпели ли они поражение. Ведь звездные люди убежали от них, забрав с собою Героя-Солнце и ее любимую сестру, понесшую от него.

Седоволосая матрона отвечает ей: они никогда не терпят поражений. Неужели она думает, что ее сестра позволит зачахнуть мысли о Богине в душе своего ребенка? Никогда!

Но ведь Стэгг, протестует дева, забрал с собою также и благочестивую девушку из Кэйсиленда, почитающую Отца.

Альба, старая ведьма, кудахчет — так она смеется — и говорит, что даже если он и приобщится к вере Кэйси, молодой и красивой, но невежественной девушки, они, сидящие с нею, должны знать, что Богиня уже победила в Кэйсиленде. Люди оказывают весьма слабое почтение Отцу и Сыну в своих субботних рождениях, но именно Матери молятся истово и ежечасно. Ее статуи заполняют их землю. Ею полнятся их помыслы. Разве имеет какое-либо значение, зовут ли Богиню Колумбийей или иначе. Если она не может войти через парадный вход, она пройдет в заднюю дверь.

— Но Стэгг ускользнул от нас, — не унимается дева.

— Нет, — отвечает матрона, — он не ушел ни от нас, ни от

Великого Пути. Родился он на юге и держал путь на север. Встретил Альбу и был умерщвлен. Не имеет никакого значения, что он сразил человеческое существо, называемое Альбой, поскольку она осталась среди нас в старой телесной оболочке и сидит сейчас с нами. И был он убит, и погребен, и вновь восстал, как о том и гласят легенды. А сейчас он, как новорожденный ребенок, ибо слышала я, что не осталось у него памяти о днях жизни, проведенных на Великом Пути.

Обрати, дитя, внимание на то, что говорит Альба о Богине, которая всегда в выигрыше, даже тогда, когда она терпит поражение! И не имеет никакого значения, отвергнет ли он Виргинию или предпочтет ее Мэри. Он наш. Мать Земля шествует с ним к звездам.

Они говорят и о других вещах, строят планы на будущее. Затем, несмотря на неистовство грома и молний, несмотря на продолжающийся ливень, покидают таверну. Теперь их лица в тени капюшонов, и никто не сумеет распознать, кто они. Они останавливаются на мгновение, прежде чем разойтись:

одной — на юг, другой — на север, третьей — оставаться на полпути между ними.

Дева спрашивает: когда мы все трое встретимся снова?

Зрелая женщина отвечает: когда человек родится и умрет, и снова родится.

Старуха отвечает: когда битва и проиграна, и выиграна.

АЛЛЕЯ БОГА

“ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕРЕУЛКА”

(Аллея человека)

— Этот тип с фабрики игрушек был здесь сегодня утром, — сказала Гамми. — Пока ты уходила ловить рыбу.

Она уронила кусок металлической сетки от насекомых, которую пыталась шнурком подвязать над отверстием, образовавшимся в окне. Чертыхаясь, хрюкая, как свинья в грязной луже, она наклонилась и подняла его. Выпрямившись, она хлопнула со злостью по своему голому плечу.

— Проклятые мошки! Их там, наверное, миллионы, и все стремятся подальше убраться от этого горящего мусора.

— С фабрики игрушек? — спросила Дина. Она отвернулась от обшарпанной керосиновой плиты, на которой жарила картошку вместе с окуньками и бычками, выловленными в реке Иллинойс, в километре отсюда.

— Да! — прорычала Гамми. — Ты слышала, что сказал Старик. Сумасшедший дом. Так вот... этого котяру с фабрики игрушек зовут Джон Элкинс. Он устроил Старикну всю эту проверку, когда его держали взаперти в прошлом году. Он такой тощий и невзрачный! Да еще с усами. Никогда не смотрит прямо в глаза и ухмыляется, как кот, слизавший сметану. Этот котяра забрал у Старика шляпу и не хотел ее отдавать, пока Старик не пообещал, что будет хорошим. Теперь вспомнила?

Дина, высокая, худая, одетая только в белый купальный махровый халат, выглядела так, будто ее удлинённая голова была отрезана и насажена на пик. Большие лиловые родинки на щеке и шее выглядели отвратительно на ее бледной коже.

— Они его снова собираются упрятать в больницу? — спросила Дина.

Гамми, глядя на себя в потрескавшееся высокое зеркало, прибитое к стенке, рассмеялась, показав два зуба. У нее были короткие подстриженные светло-коричневые выющиеся волосы. Голубые глаза глубоко западали в глазницах, нос был очень длинным, чрезмерно большим, его выпуклый кончик был густо испещрен вздутыми венами. У нее почти отсутствовал подбородок.

родок, и поэтому создавалось впечатление, что ее голова все время падает вниз. На ней была когда-то белая, а теперь грязная нижняя юбка, которая даже не прикрывала опухшие колени. Когда она смеялась, ее огромные груди, покоившиеся на вздутом животе, начинали колыхаться, как чашки с жидкими сливками. Судя по выражению ее лица, было очевидно, что она не испытывает какой-либо неудовлетворенности от того, что видит в разбитом зеркале.

— Не, теперь они пришли не затем, чтобы забрать его, — рассмеялась она, — Элкинс просто хотел познакомить с ним одну промокашку, которая приехала к нему. Смазливенькую брюнеточку с большими карими глазами позади настоящих толстых очков. У нее такой вид, будто она студентка, впрочем так оно и оказалось. У этой промокашки ученая степень или что-то вроде этого по сексологии.

— Психологии? А может быть, по социологии?

— Гм. Возможно. Так или иначе, эта четырехглазая должна что-то сделать для попечительского совета. Она хочет побродить со Стариком, посмотреть, как он собирает свой утиль, по каким переулкам он проезжает, какие у него привычки, и узнать, что же, собственно, довело его до того, что он стал...

— Старик ни за что не согласится! — взорвалась Дина. — Ты же знаешь, что он ни за что не потерпит, чтобы за ним следил кто-то из Неправильных!

— Гм. Может быть. Так или иначе, но я сказала им, что Старик не намерен обшаривать трущобы вместе с ними, а они быстро ответили, что утиль им не нужен и что они это делают ради науки. И они заплатят ему за неудобства. Они получили деньги от совета. Тогда я объяснила, что, может быть, Старик и согласится, и они вышли из дома.

— Ты пустила их в дом? А клетку ты спрятала?

— А зачем ее прятать? В ней не было его шляпы.

Дина повернулась назад, к сковороде, и бросила через плечо:

— Не думаю, что Старик согласится. Это довольно унижительно.

— Ты что, смеешься? Кто еще ниже Старика? Змея, ползающая на брюхе. Уверена, что он согласится. Он положит глаз на эту очкастую, будь уверена.

— Не глупи, — фыркнула Дина. — Ведь он грязный, вонючий мужик, не первой молодости, самый уродливый на свете.

— Что да, то да. Уродливее его не найти. И воняет от него, как от козла, вываливавшегося в нужнике. Но запах-то и привлекает таких. Он привлек меня, он привлек тебя, привлек многих других, в том числе и ту великосветскую даму, которую он заставлял таскать хлам из...

— Заткнись! — рывкнула Дина. — Та девушка в высшей степени чистая и интеллигентная. Она смотрела на Старика почти как на обезьяну.

— А разве это не так? — усмехнулась Гамми и подошла к древнему холодильнику. Вытащив из него литровую банку пива, она ловко открыла крышку и опрокинула содержимое в рот.

Она приказывала уже шестую по счету банку, а Старик все еще не возвращался домой. Рыба остыла и покрылась жиром. В небе взошла полная июльская луна. Дина, подобно тощей нервной кошке на дворовом заборе, как часовой охраняла утлую хибару. Гамми сидела на скамейке, сколоченной из деревянных ящиков, и, ссутулившись, тянула пиво. Наконец она вскочила и включила обшарпанный телевизор. Однако, заслышав лязг и тарактенье мотора на холостом ходу где-то там вдали, она поспешно выключила его.

Резкие выхлопы и урчание превратились в подлинный рев. Раздалось неожиданное могучее хрипение, подобное кашлю старого проржавевшего робота, страдающего двусторонним воспалением своих стальных легких. Затем наступила тишина.

Но ненадолго. Обе женщины застыли как парализованные, со страхом прислушиваясь к голосу, напоминавшему раскаты далекого грома.

— Не обращай внимания, малышка.

Послышался другой голос, мягкий, вялый, нерешительный.

— Где... мы...

Громоподобный голос произнес:

— Дома. В нашем чудном домике, где мы отдыхаем от трудов.

Неистовый кашель заглушил последние слова.

— Это все дым от горящего мусора, малышка. От него любого может стошнить, не так ли? Присмотрись-ка! Дым поднимается к луне как призраки людей, настолько гнусных, что даже их духи несут инфекцию, сидевшую в них. Эй, цыпленочек, ты не представляешь себе, что Старика известны такие ученые слова, как инфекция, а? Вот каким становишься в глазах других, когда живешь на городской свалке. Я слышал это слово много раз от всяких важных шишек, которые снисходили до того, что исследовали эту вонь здесь, чтобы потом разводить вонь в мэрии. Я не такой уж малограмотный. У меня есть телевизор.

Наступила пауза, и обе женщины поняли, что он стал на колени и, отклонив туловище назад, стал смотреть на небо.

— О, моя прелестная, любимая Луна, невеста Старого Приятеля в Небе! Настанет день, настанет день, я клянусь, Старая Подруга и Старый Приятель в Небе, и вы поможете мне найти давно потерянный шлем короля Пэли, который я и мои предки ищут уже пятьдесят тысяч лет. Помогите мне, а Старик Пэли

окропит для вас землю свежепролитой кровью девственницы Неправильных, чтобы вы могли лечь на нее, как на красный ковер, или укутаться в новые красные одеяния. И тогда вам не придется морщить свои прекрасные сияющие носы при одном моем виде и сплевывать на меня свое серебристое выделение. Старик обещает это, и это так же верно, как и то, что его здоровая рука сейчас гладит дочь одного из Неправильных, как мне кажется, девственницу. И он привел ее к себе в дом, чтобы мы смогли увидеть, что никакой он не униженный...

— Он совсем рехнулся, — прошептала Гамми.

— Боже мой, он ведет сюда девушку! — сказала Дина. — Девушку!

— Наверное, ту студентку?

— Неужели этот идиот хочет, чтобы его линчевали?

Мужчина снаружи взревел:

— Эй, вы, бабы! Поднимите свои жирные задницы и откройте дверь, пока я ее не вышиб! Дом Старика набит долларами и пивом! Как и подобает дому завоевателя, который хочет, чтобы с ним соответственно обращались!

Неожиданно встрепенувшись, Дина открыла дверь.

Из темноты возникло нечто столь приземистое и несуразное, что казалось скорее ожившим пнем, чем человеком. Оно остановилось, и из-под низко надвинутой уродливой шляпы, черной, фетровой, сверкнул стеклянный взгляд. Даже огромная шляпа не смогла скрыть вытянутую и в то же время приплюснутую форму его черепа. Лоб был ненормально низким, над глазами нависали толстые надбровья. Нос был очень длинным и очень широким, он заканчивался выпуклыми ноздрями. Губы у него были тонкими, но выпяченными наружу из-за торчащих вперед челюстей. Подбородка не было вовсе, а голова постепенно переходила в плечи без какого-либо намека на шею. Так, во всяком случае, казалось. Из открытого ворота рубахи рвались наружу целые заросли курчавых ржаво-красных волос.

На плече его, поддерживаемом широкой и узловатой, как ветка кораллов, рукой, восседала стройная фигурка молодой женщины.

Он проковылял в комнату странной походкой на полусогнутых косолапых ногах. Неожиданно он остановился, глубоко втянул в себя воздух и улыбнулся, показав широкие и желтые зубы, предназначенные для того, чтобы кусать.

— Ух, какой хороший запах. Он даже забивает застаревшую вонь от мусора. Гамми! Ты обрызгала себя теми духами, которые я нашел в грудe золы на обрыве?

Гамми хихикнула, изображая самую скромность.

— Не будь дурой, Гамми! — резко сказала Дина. — Он

пытается подмазаться к тебе, чтобы ты забыла, что он привел домой эту девушку.

Старик Пэли хрипло рассмеялся и опустил посапывающую девушку на армейскую койку. Она неуклюже вытянулась на ней, и ее юбка задралась выше колен. Гамми хихикнула, однако Дина поспешила одернуть юбку и снять толстые очки в роговой оправе.

— Боже! — прошептала она. — Как это случилось? Что ты ей сделал?

Он взял литр пива из холодильника и вцепился в пробку своими широкими, как древние надмогильные камни, зубами и проскрежетал:

— Ничего я ей не делал.

Сорвав пробку, он откинулся назад, поднял высоко бутылку, и в его глотку, булькая и клопоча, полилась янтарная жидкость. Он рыгнул и прорычал:

— Вот я, Старик Пэли, занимаюсь своими делами, пакую связку газет и журналов, которые нашел, и тут подъезжает голубой “форд-седан”, модель пятьдесят первого года, а в нем Элкинс, тронутый доктор с игрушечной фабрики. И эта четырехглазая цыпочка, Дороти Сингер. И...

— Да, — подтвердила Дина. — Мы знаем, кто они, но мы не знали, что они поехали за тобой.

— Кто тебя спрашивает? Здесь говорю только я. Они сказали мне, что им нужно, и я уже собирался ответить “нет”, но эта бабеночка объяснила, что если я подпишу бумаги и дам согласие на то, чтобы она ездила со мною и даже могла остаться в нашем доме на пару вечеров, а мы будем жить, не обращая на нее никакого внимания, то она заплатит мне пятьдесят долларов. Я сказал “да”! Дружище Старый в Небесах! Это сто пятьдесят литров пива! У меня есть принципы, но их смыло пенящимся потоком пива!

Я сказал “да”, и эта милашка сунула мне бумагу на подпись, затем дала авансом десять долларов и объяснила, что остальные я получу через семь дней. Десять долларов у меня в кармане! Она залезла на сиденье моего грузовика. Но тут этот несуразный Элкинс припарковал свой “форд” и стал утверждать, что ему нужно ехать с нами и проверить, чтобы все было о’кей.

Но Старика не проведешь. Он волочит за малюткой-четырёхглазкой. Каждый раз, как он на нее посмотрит, из его глаз бежит любовный сок. Так вот, я собираю утиль еще парочку часов, говорю без передыху. Сначала она меня побаивается, я на вид такой странной и страшный. Но чуть погода она начинает уже посмеиваться. Тогда я загоняю грузовик в переулок возле таверны Джека на Амес-стрит. Она спрашивает, что я

собираюсь делать? Я отвечаю, что остановился, чтобы пропустить несколько глотков пива, что я делаю так каждый день. Она говорит, что тоже не против одной кружечки. И вот...

— И ты на самом деле вошел с ней в таверну? — изумилась Дина.

— Не. Я попытался уже было, но меня начало трясти. Пришлось сказать, что я не могу этого сделать. Она у меня спрашивает, почему. Я отвечаю, что не знаю. Не могу с тех пор, как был еще совсем молодым. Она назвала это... э... неврозом, но я называю это просто табу. Тогда Элкинс и эта малышка идут к Джеку и берут шесть бутылок холодного пива, несут сюда, и мы уезжаем.

— Что дальше?

— Вот так мы и ездили с одного места в другое, хотя и оставались всегда в переулках или тупиках. Она сказала мне тогда, что это очень смешно, набраться на задних дворах пивных баров. Тогда я осмелел и направился пропустить двойное в Серкл-бар. Они за мной. Там мы ввязались в драку с одним деревенским парнем с бакенбардами, одетым в кожаную куртку. Он пытался подцепить четырехглазку и забрать ее с собой.

Обе женщины раскрыли рот от удивления.

— Приехала полиция?

— Если и приехала, что было уже поздно. Я схватил этого чурбана за кожаную куртку своей рукой — самой сильной рукой во всем мире — и швырнул его через всю комнату. А когда ко мне подступились его дружки, я стал колотить себя по груди, как разъяренная горилла и делать страшное лицо. Тогда они плюнули на все это и стали слушать свою деревенскую музыку. А я подхватил цыпочку — она так смеялась, что чуть не поперхнулась, — и был таков. Бледный, как простыня после прачечной, Элкинс бежал за мной, и вот мы здесь!

— Да, дурак старый, вот вы и здесь! — закричала Дина. — Приводишь сюда девчонку в таком состоянии! Когда она проснется и увидит тебя, то подыметесь такой крик, что у тебя голова отвалится!

— Смотри, чтоб у тебя не отвалилась, — прохрипел Пэли. — Сначала она меня побаивалась и старалась держаться подальше. Но потом я ей понравился. Можно так сказать. Да и запах мой перестал ей быть противен. Я знал, что он ей обязательно понравится. А кому, скажите, он не нравился? Женщины этих Неправильных не в силах сказать “нет”, стоит им только хоть чуть-чуть к нему принюхаться. У нас, у Пэли, этот дар в крови!

Дина рассмеялась:

— Ну когда ты перестанешь хвастать, как бык на ярмарке? Совсем обезумел!

Пэли нахмурился.

— Я, кажется, уже говорил тебе, чтобы ты никогда не называла меня чокнутым. Говорил? — и он хлестнул ее по щеке.

Она отпрянула назад и ударилась о стенку, держась за лицо и крича:

— Ты, старая, вонючая обезьяна, ты ударил меня, дочь людей, ботинки которых ты недостоин лизать! Ты посмел меня ударить!

— Да, и ты разве не рада, что я это сделал? — умиротворенным тоном промышчал Пэли и положил руку на спящую девушку.

— Ух, какая плотная. И ничего не отвисает.

— Зверюга! — вскричала Дина. — Пользуешься беззащитностью девчонки.

Она как кошка прыгнула на него, выставив вперед когти.

Хрипло засмеявшись, он схватил ее руки за запястья и так скрутил, что она упала на колени и вынуждена была сцепить зубы, чтобы не закричать от боли. Гамми хихикнула и протянула Старiku бутылку. Чтобы взять ее, ему пришлось отпустить Дину. Она поднялась, и все трое, как будто ничего не случилось, усадились за столом и начали пить.

Где-то на заре гортанный звериный рев разбудил девушку. Она открыла глаза, но смогла различить только какие-то три фигуры, так как все плыло у нее перед глазами. Она протянула руку за очками, но не нашла их.

Старик, чей рев разбудил ее, взревел снова.

— Говорю тебе, Дина, еще раз говорю, не смейся над Стариком, не смейся над Стариком. Скажу тебе еще раз — не смейся над Стариком!

Его невероятный бас просто завывал от ярости.

— Твои мозги набиты соломой, что ли? Я привожу тебе одно за другим доказательства, а ты все сидишь на своих яйцах, как глупая квочка, и согласна скорее разбить их, чем понять, что ты их уже высидела. Я, Пэли — Старик Пэли, — могу доказать то, что я сказал, а я сказал, что я — Настоящий!

Он неожиданно, рывком вытянул свою руку через стол по направлению Дины.

— Пощупай кости моей руки! Вот эти две кости не прямые и тонкие, как у вас, Ненастоящих! У меня они толстые, как флагштоки, и они изогнуты, как спины двух котов, готовых подраться за рыбью голову на куче. Они устроены так, что служат по-настоящему крепкими опорами моим мускулам, которые толще, чем у Ненастоящих. Ну-ка, давай, попробуй. И посмотри на мои надбровья. Они такие же, как и у очков, которые носит эта девушка.

И пощупай форму моего черепа. Это не мяч, как у вас, а буханка хлеба.

— Ископаемого хлеба! — подразнила его Дина. — Твёрдого, как камень, куда ни ткни.

Старик совсем взъерепенился.

— Пощупай кости у меня на затылке, если у тебя достаточно силы для того, чтобы подавить мои мышцы. Они наклонены вперед, а не...

— О, я и без этого знаю, что ты — обезьяна. Ты не можешь запрокинуть голову, чтобы посмотреть, что падает тебе на башку — птичий помет или просто капля дождя, не сломав себе при этом спину.

— Что? Обезьяна? Черт побери! Я, я — настоящий человек! Взгляни на мою ногу! Она совсем не такая, как у Ненастоящих!

— Вот поэтому ты, Гамми и все ваше отродье ковыляете, как шимпанзе.

— Смейся, смейся.

— А я и смеюсь! Только потому что ты — ошибка природы, чудище, кости которого еще в материнском чреве стали расти совсем не туда, куда положено. Ты же выдумал для себя фантастический миф, будто бы ты происходишь от неандертальцев!

— Неандертальцев... — прошептала Дороти Сингер. Стены закружились перед ее глазами.

— И все эти бредни о потерянной шляпе Старого Короля, — продолжала Дина, — и о том, что, если тебе удастся ее найти, ты сумеешь снять проклятие, из-за которого вы, так называемые неандертальцы, обречены прозябать на черных дворах, среди отбросов...

— Нарываешься! — заорал Пэли во всю мощь своих легких. — Нарываешься, паршивка, чтобы я опять отколотил тебя.

— Она этого только и хочет, — пробормотала Гамми. — Давай. Отлупи-ка ее хорошенько. Хватит ей насмехаться. И эту милашку пора уже будить.

— У этой красавицы будет такое пробуждение, какого еще никогда не было. Вот только Старик положит на нее свои ручки... — пробурчал Пэли. — Приятель в Небе, скажи, ведь она не просто так встретила со мной и очутилась в этом доме? Клянусь своим запахом, она не сможет от меня отцепиться. Гамми, послушай, может быть, она родит мне ребенка? У нас здесь нет детей уже лет десять. Мне как-то недостает моих ребят. Ты подарила мне шестерых, которые были Настоящими, хотя я не совсем уверен в Джимми. Он был так сильно похож на О'Брайена. А теперь ты высохла, стала такой же бесплодной, какой всегда была Дина, но ты еще в состоянии растить детей. Хотела бы ты воспитать ребеночка от этой студенточки?

Гамми хмыкнула и глотнула пива из щербатого кофейника. Отрыгнув, она пробормотала:

— Не знаю. Ты сошел с ума больше, чем я всегда думала. Неужели ты думаешь, что эта четырехглазая крошка захочет что-нибудь иметь от тебя? И даже если она спятит с ума и пойдет на это, что за жизнь ждет ее отродье? Расти в канаве? Иметь старых, уродливых папочку и мамочку? Вырасти таким безобразным, что никто никогда не захочет иметь с ним дело? Он будет таким вонючим, что все кобели будут кусать его!

Она неожиданно разрыдалась.

— И не только неандертальцам приходится жить на свалках. Многим калекам, больным, дурным или убогим приходится жить здесь. И они становятся такими же неандертальцами, как и мы, Настоящие. Никакой разницы. Никакой разницы! Мы все — уроды, потерявшие надежду, заживо гнием здесь. Мы все неандер...

Старик ударил кулаком по столу.

— Не произноси при мне этого слова. Я, Пэли, Я — Настоящий, а все Ненастоящие называются Г'Яга. И чтоб я больше никогда не слышал этого ненавистного слова! Оно обозначает не человека, а что-то вроде высокоразвитой гориллы!

— Да взгляни на себя в зеркало! — взвизгнула Дина.

Беседа и дальше продолжалась в таком же причудливом и жутком духе, но Дороти закрыла глаза и снова уснула.

Проснулась Дороти довольно поздно. Она села, нашла очки на маленьком столике, надела их и стала осматриваться.

Она находилась в лачуге, сооруженной из всякой всячины и обрезков досок. В ней были две комнаты, каждая около десяти квадратных метров. В углу одной из комнат стояла большая керосиновая плита. В небольшой кастрюльке с длинной ручкой варился бекон. От жара, исходившего из плиты, лоб ее и стекла очков запотели.

Вытерев их платком, она осмотрела мебель. В основном все было таким, как она и ожидала, но три предмета удивили ее. Этажерка, фотография на стене и птичья клетка.

Этажерка была высокая и узкая, из какого-то темного дерева и вся исцарапанная. Она была заполнена комиксами, научно-популярными журналами и брошюрами, некоторым из которых было по меньшей мере лет двадцать. Было здесь и несколько книг, оторванные обложки и грязные корешки которых свидетельствовали, что они были подобраны в урнах для мусора. Были здесь "Копи царя Соломона" Хаггарда, первый том "Очерков истории" Уэллса, берроузовские "Тарзан среди обезьян" и "Внутри Земли", а также "До Адама" Джека Лондона.

Фотография в рамке на стене изображала женщину, очень похожую на Дину. Снимок был сделан примерно в 1890 году, судя по коричневому оттенку бумаги и характерной структуре. Со снимка смотрела красивая женщина аристократической внешности примерно лет тридцати пяти в бархатном платье со стоячим воротничком и высоким бюстом.

Волосы ее были гладко зачесаны назад и собраны в тугий узел на самой макушке. Грудь украшало бриллиантовое ожерелье.

Но самым странным предметом была клетка для попугая, стоявшая на высокой подставке, прибитой гвоздями к полу. Клетка была пустой, однако на дверце ее висел длинный узкий велосипедный замок.

Размышления Дороти были прерваны окликами женщин, колдовавших у плиты.

— Доброе утро, мисс Сингер, — сказала Дина. — Как вы себя чувствуете?

— Будто какой-то индеец оглушил меня топором, — усмехнулась Дороти. — У меня во рту все горит. У вас найдется глоток воды?

Дина вынула из холодильника кувшин и наполнила жестяную кружку.

— Водопровода у нас нет. Нам приходится таскать воду с бензоколонки в ведрах.

Дороти подозрительно посмотрела на воду, однако, закрыв глаза, выпила.

— Меня мутит, — произнесла она. — Извините меня.

— Я проведу вас в уборную, — предложила Дина и, обхватив девушку за плечи, с удивительной силой приподняла.

— Я уверена, что на воздухе, — еле слышно произнесла Дороти, — мне будет лучше.

— О, я понимаю, — кивнула Дина. — Это от запаха рыбы, дешевых духов Гамми, пота Старика, пива. Я уже забыла, как это когда-то действовало и на меня. Но на дворе, должна тебе сказать, ничуть не лучше.

Дороти ничего не ответила, но выйдя за дверь, слегка застонала:

— О... о... о!

— Да, я понимаю, — согласилась Дина. — Это ужасно, но от этого не умирают.

Через десять минут Дина и бледная, шатающаяся Дороти вышли из полуразвалившейся уборной. Они вернулись в лачугу, но по дороге Дороти заметила, что Элкинс валяется лицом вверх на сиденье в кабине грузовика. Голова его свешивалась с сиденья, и мухи жужжали вокруг его открытого рта.

— Это ужасно, — передернула плечами Дина. — Он очень

рассердится, когда проснется и увидит, где находится. Он такой представительный мужчина.

— Пусть отсыпается, — кивнула Дороти. Она вошла в лачугу, и еще через несколько секунд в комнату ввалился Пэли, предвараемый волной запахов, смеси прокисшего пива и очень специфического пота.

— Как себя чувствуешь, малышка? — промышчал он низким голосом. Голос казался настолько низким, что у Дороти зашевелились волосы на затылке.

— Плохо. Я хочу домой.

— Конечно. Только похмелись на дорогу.

Он протянул ей наполовину пустую бутылку виски. Дороти с отвращением сделала большой глоток и тут же запила холодной водой. Почти сразу же ей стало лучше, и она уже с большей готовностью сделала еще один глоток. Затем вымыла лицо водой из чашки и в третий раз глотнула виски.

— Кажется, теперь я могу пойти с вами, — сказала она. — Вот только завтракать не хочется.

— Я уже поел, — объяснил Пэли. — Так что можем идти. Часы на бензоколонке показывают десять тридцать. Мою территорию уже, наверное, обчистили. Всегда есть охотники попасться на ней, считая, что я остался дома. Но могу поспорить, что они наложат в штаны, как только увидят мою тень, потому что боятся Старика. Они знают, что он может поймать их и выпустить из них кишки, да еще переломать все ребра одной своей здоровенной рукой!

Хрипло рассмеявшись, словно трель в глубокой подземной пещере, он открыл холодильник и вытащил еще одну бутылку пива.

— Мне нужна еще одна для начала, не считая того, что еще надо дать этой чертовой упрямой старухе Фордиане.

Выйдя во двор, они увидели, как Элкинс, спотыкаясь, бредет к уборной и как он растянулся во весь рост, едва открыв дверь этого заведения. Он неподвижно замер на полу уборной, наружу торчали только ноги. Дороти забеспокоилась и хотела было пойти к нему, но Старик покачал головой:

— Он парень сильный. Он сам о себе позаботится. Нам же нужно завести Фордиану и трогаться в путь.

Фордиана оказалась обшарпанным, наполовину проржавевшим грузовиком-“пикапом”. Она стояла прямо перед окном спальни Пэли, чтобы он ночью в любую секунду мог удостовериться, что никто не угнал машину и не разговаривает с нее детали.

Старик выпил три четверти бутылки в четыре могучих глотка, затем отвинтил крышку радиатора и остаток пива вылил в горловину.

— Она знает, что, кроме меня, ее никто не будет угощать пивом. Поэтому стоит кому-то из вечно шатающихся здесь бродяг попытаться украсть ее, как она начинает хрипеть, кашлять, и все это происходит до тех пор, пока я не просыпаюсь и не задаю отличной трепки хулиганам. Она женщина. С ней надо обходиться тонко.

Он опорожнил бутылку до последней капли и закричал:

— Вот так! Теперь только попробуй не заведись. Я не пожалел для тебя пива, которое мог бы сам выпить. Только попробуй, и я выбью из тебя дурь кувалдой!

Дороти молча залезла на сиденье рядом с Пэли. Завыл стартер, затрещал двигатель.

— Кто не работает, тому не положено пиво! — взревел Старик.

Раздались хлопки, грохот, серия громких выхлопов, с лязгом переключились скорости. Пэли с торжеством обнажил чудовищные зубы, и “пикап” запрыгал по булыжникам.

— Старик знает, как обращаться с этими девками, будь они из мяса или же из жести, двуногие, четырехногие или колесные. Пиво, любовь и хороший шлепок по выхлопной трубе — этого им вполне достаточно. Я такой уродливый, что сначала у них желудок выворачивается наизнанку. Но стоит им только унюхать запах, столь непривычный в этом мире, и они готовенькие, они уже мои и на все готовы. Так было испокон веков между нами, мужчинами Пэли и бабами Г’ Яга. Вот почему их мужики боятся нас, и вот почему мы накликали на свою голову столько бед.

Дороти молчала, и Пэли тоже притих, как только грузовик выехал со свалки и свернул на федеральную дорогу номер двадцать четыре. Пэли, казалось, весь съежился, стараясь ехать так, чтобы не вызвать малейших подозрений. В течение трех минут он покрыл расстояние от лачуги до городских окраин, однако все это время ему приходилось утирать свою потную ладонь о синюю спецовку.

Тем не менее теперь он не пытался ругаться, чтобы снять напряжение. Совсем наоборот. Он напевал себе под нос какую-то неразличимую мелодию.

Расслабился он только тогда, когда углубился на добрых километра полтора в городок Онабак и свернул с основной дороги в переулок.

— Ну и попытка. Я ее терплю много лет, с тех пор как мне исполнилось восемнадцать. Сегодня, похоже, даже хуже, чем обычно. Наверное, потому что вы с меняю. Мужчины Г’ Яга очень не нравятся, когда они видят меня в обществе одной из их женщин, особенно с такой милашкой.

Он неожиданно улыбнулся и разразился песней о фиалках

и розах. Он пел и другие песни, причем от некоторых Дороти краснела, хотя в то же время похихикивала. Когда они выезжали из очередного переулка, прямо посредине фразы он на минуту умолкал и возобновлял пение, только когда пересекал улицу и въезжал в следующий переулок.

Выехав на крутой речной берег, Старик сбавил скорость. Теперь “пикап” едва полз, а маленькие глазки Пэли просматривали кучи мусора и урны для отходов на задних дворах домов. Вскоре он остановил машину и вылез, чтобы осмотреть находку.

— Дружище в Небе! Вот это начало! Смотри-ка! Целая груда бутылок из-под пива и кока-колы, ведь их можно сдать. И к тому же несколько старых колосников от угольной топки. Выходите, Дороти, если хотите понять, как мы, старьевщики, добываем себе на пропитание. Поройтесь и попотейте, тогда узнаете. И если вам попадется любая шляпа или шапка, обязательно скажите мне.

Дороти улыбнулась. Однако, как только вылезла из кабины, на ее личике появилась гримаса отвращения.

— В чем дело, крошка?

— Голова болит.

— Это от солнца. Вот так мы и трудимся. Кузов разделен на пять секций. Вот эта — для железа и дерева. Вот эта — для бумаги. Эта — для картона. За картон платят лучше всего. Эта — для тряпья. Эта — для бутылок, которые можно сдать. Если найдете какую-нибудь интересную книжку или журнал — бросьте на сиденье. Взгляну, стоит ли сохранить ее или бросить в секцию для старой бумаги.

Немного поработав на этом месте, они поехали дальше. Кварталом ниже они остановились около еще одной кучи мусора, рядом с которой стояла тонкая, как осенний лист, женщина, вся высохшая и сморщенная. Она начала объяснять, что она вдова, что муж ее уже пятнадцать лет как умер, но только сегодня она наконец решилась избавиться от его коллекции юридических книг и черновиков. Все это аккуратно сложено в картонные ящики, чтобы было удобнее выносить. Это легко даже для бедного однорукого мужчины и его юной дочери.

Старик снял шляпу и поклонился.

— Конечно, мэм, моя дочь и я сам бесконечно рады помочь вам убрать дом.

— Ваша дочь? — проскрипела старуха.

— Она не очень на меня похожа, мэм, — кивнул Пэли. — И неудивительно. Это моя приемная дочь, бедняжка, она сирота, когда еще писала в пеленки. Ее отцом был мой лучший друг. Он умер, спасая мою жизнь, и когда умирал, лежа у меня на груди, он молил меня позаботиться о крошке так, будто это

моя собственная дочь. И я сдержал слово, данное умирающему другу, мэм. Это был очень хороший человек, да упокоится его душа в мире. И пусть я всего лишь бедный старьевщик, мэм, но я стараюсь, как могу, чтобы воспитать ее скромной, богобоязненной и послушной девушкой.

Дороти пришлось забежать за другую сторону грузовика, где она прикрыла рот ладонью и буквально корчилась от приступа смеха. Когда она овладела собой, старая леди говорила Пэли, что она покажет, где лежат книги. Затем она прошла вперед и стала карабкаться на крыльцо.

Однако Старик, вместо того чтобы последовать за ней через двор, остановился у забора, отделявшего двор от переулочка. Он повернулся, и Дороти прочла отчаяние в его глазах.

— В чем дело? — спросила она. — Почему вы остановились и вспотели? И трясетесь? И так побледнели?

— Если я скажу, вы будете смеяться. А я не хочу, чтобы надо мной кто-нибудь смеялся.

— Скажите. Я не буду смеяться.

Он закрыл глаза и стал бормотать:

— Я не обращаю внимания, я не обращаю внимания. Все будет хорошо.

Открыв глаза, он встряхнулся, как собака, выйдя из воды.

— Я могу. У меня хватит духу. Я лишусь множества пива и денег, если не решусь и не заберу эти книги. Приятель в Небе, дай мне стойкость козла и нервы палача. Ты ведь знаешь, что я не трус. Это проклятье, которое наложили на меня Ненастоящие. Ну, давай. Вперед! Смело!

Сделав глубокий вдох, он шагнул через калитку. Опустив голову, не отрывая глаз от травы под ногами, он проковылял к двери в подвал, где его уже дожидалась старая женщина.

В четырех шагах от входа в подвал Пэли снова остановился: из-за угла дома к нему бросился маленький черный спаниель и прыгнул на него лаять.

Старик неожиданно свесил голову набок, скосил глаза и умышленно зихнул.

Спаниель, заливаясь лаем, отскочил за угол, и Пэли начал спускаться по лестнице в прохладный полумрак подвала, бормоча себе под нос: “Эти проклятые собаки не любят косоногого взгляда”.

Когда он погрузил все книги в кузов, он приподнял шляпу и отвесил поклон.

— Мэм, моя дочь и я благодарим вас от всей глубины наших бедных, но чистых сердец за то сокровище, которым вы нас одарили. И если у вас появится еще что-нибудь, от чего вы захотите избавиться, то, пожалуйста, помните, что мы бываем

каждую пятницу в этом переулке во второй половине дня. При условии, что не будет дождя, когда Старый Дружище в Небе оплакивает нас, простых смертных, за нашу глупость.

Затем он нахлобучил шляпу и вместе с Дороти залез в кабину.

Они остановились еще возле нескольких многообещающих куч утиля, прежде чем Пэли объявил, что машина загружена достаточно. Вид у него при этом был праздничный. Вероятно, им стоило бы остановиться позади таверны Майка и пропустить литр-другой пива. Дороти ответила, что пиво ее не привлекает, а вот глоток виски не помешает.

— Немного денег у меня есть, — проворчал Старик, медленно расстегивая своими неуклюжими пальцами нагрудный карман рубахи и вытаскивая наружу пачку мятых банкнот. — Вы принесли мне удачу, мисс, поэтому сегодня Старик платит за вас, ха-ха!

Он остановил Фордиану позади ближайшей закусочной. Дороти без спроса взяла два доллара и вошла в здание. Вернувшись она с открывашкой, двумя бутылками пива и четвертушкой виски.

— Я добавила свои. Не выношу дешевого виски.

Они уселись на заднем борту “пикапа” и стали пить. Старик болтал не умолкая. Вскоре он уже рассказывал ей о тех временах, когда Настоящие Люди, из рода Пэли, жили в Европе и Азии бок о бок с мамонтами и пещерными львами.

— Мы поклонялись Старому Приятелю в Небе, который своими устами производит гром и живет на востоке, на высочайшей в мире вершине. Мы поворачивали черепа своих мертвецов к востоку, чтобы они видели Старого Приятеля, когда он придет, чтобы забрать их к себе. И мы прекрасно жили очень-очень долго. Затем с востока пришли поклонявшиеся матери Ненастоящие Люди, на прямых длинных ногах, с длинными прямыми шеями, плоскими лицами, круглыми головами, а главное, с луками и стрелами. Они объявили себя сыновьями богини матери-Земли, которая была девственницей. Некоторое время мы били их, потому что были сильнее. Даже одна-единственная наша женщина могла разорвать на части их самого сильного мужчину. Однако у них были луки и стрелы, и они оттесняли нас. Мы медленно отступали, пока в один прекрасный день за нашими спинами не заблестел океан. Тогда одному из наших вождей пришла в голову прекрасная мысль.

“А почему бы нам самим не делать луки и стрелы?” — сказал он.

И мы стали их делать, но пальцы у нас были очень неуклюжими. Оружие у нас получалось грубое, и стрелы плохо ле-

тели. Да и стреляли мы плохо. Руки у нас были очень большие и неловкие, хотя и могли тащить более тяжелые луки, чем у Ненастоящих. И мы и дальше продолжали терять свои охотничьи угодья. И все же было у нас одно преимущество. Своим запахом мы приводили в замешательство женщин Ненастоящих. Не то чтоб этот запах был для них приятен. От нас воняло, как от свиньи, снюхавшейся с козлом в навозной куче. Но каким-то образом женщин Ненастоящих возбуждал этот запах, и стоило им только его учуять, как они уже не могли сидеть спокойно. Если бы мы могли остаться с ними наедине, то наша кровь так смешалась бы с их кровью, что через некоторое время нельзя было бы уже отличить где Настоящие, а где Ненастоящие Люди. А кровь Пэли была настолько сильной, что дети в основном были похожи на отцов.

Но в этом случае наступила бы вечная вражда между нами. Особенно после того, как наш вождь Старый Король Пэли закрутил любовь с дочерью короля Ненастоящих, короля Роу-Боя. И украл ее.

Что тогда было! Дочь Роу-Боя взяла под каблук Старого Короля Пэли. Это она подбросила мысль собрать всех крепких телом Пэли и организовать одно большое войско. Каждый мужчина, достаточно сильный, чтобы держать в руках дубину, вливался в одну большую толпу для участия в операции "Резня Ненастоящих". И мы начали нападать на каждый городишко этих матерепоклонников, который попадался на нашем пути. Ух, сколько же этих Ненастоящих мы тогда поубивали. Мы жарили сердца мужчин и поедали их еще горячими. А на закуску то и дело брали их женщин и девушек.

А затем, неожиданно, вышли на большую равнину. А там уже было войско Ненастоящих, собранное старым королем Роу-Боем. Оно превосходило нас количеством, но мы чувствовали, что могли бы завоевать весь мир. Особенно потому, что волшебная сила Ненастоящих заключалась в их женщинах, ведь они поклонялись женскому божеству, поклонялись Старой Женщине. А главная их жрица, дочь Роу-Боя, была с нами.

Все наше собственное могущество заключалось в шапке Старого Короля Пэли — в его волшебном шлеме. Все мы, Пэли, верили в то, что мужская сила и душа заключены в головном уборе.

Перед главной битвой мы легли рано вечером, чтобы хорошенько выспаться. На заре раздался крик, который разбудил бы даже мертвых. От этого крика леденеет кровь Пэли даже через пятьдесят тысяч лет. Это был отчаянный вопль нашего короля. Мы спросили, почему он так кричал? Он ответил, что эта грязная потаскуха, дочь Роу-Боя, украла его шлем и убежала в лагерь своего отца.

У нас подкосились колени. Все наше мужское естество оказалось в руках наших врагов. Но мы вышли на битву. Впереди шли шаманы, дули в свои боевые рога и молились. И тут появились шаманы Г'Яга, которые делали то же самое, но они воздействовали на сердца своих воинов гораздо сильнее, потому что на кончике копыя их главный шаман нес шлем нашего бедного Старого Короля.

И здесь эти проклятые Ненастоящие впервые использовали в бою собак. Эти твари всегда нас недолюбливали, и мы платили им тем же.

И вот мы сошлись. И они поубивали очень многих из нас, а мы не могли ответить им. И были побеждены на вечные времена. Потому что у них был шлем Старого Короля. И с ним все наше могущество, потому что мы вложили всю нашу душу, душу Пэли, в эту шапку.

Наши дух и сила были такими же пленниками, как и тот шлем. И жизнь стала слишком тяжела для нас, Пэли. Те из нас, кого не зарезали и не съели, были рады обосноваться на задворках, среди мусора Ненастоящих, и питаться тем, что бросают свиньям и курам.

Но мы знаем, что шлем Старого Короля где-то спрятан. Мы организовали тайное общество и поклялись сохранить в сердцах его имя и отыскать его шлем, пусть для того понадобится хоть целая вечность. И так оно и получилось, потому что шлем мы все еще ищем.

И хотя мы были обречены на то, чтобы жить в лачугах и держаться подальше от улиц, рыскать среди отбросов в тупиках и переулках, мы никогда не оставляли надежду. Шло время, и некоторые неудачники Г'Яга приходили жить к нам, и у нас рождались дети от них. Вскоре большинство из нас растворилось в крови самых низких классов Г'Яга. Но были всегда семьи Пэли, которые старались сохранить свою кровь чистой. Но через голову не прыгнешь, не так ли?

Он посмотрел на Дороти.

— Что вы обо всем этом думаете?

— Я ничего подобного раньше не слышала.

— Боже Всемогуций! — фыркнул Старик. — Я рассказал вам историю, которой более чем пятьдесят тысяч лет, я раскрыл вам тайну давно исчезнувшей расы. А все, что вы смогли сказать, так то, что ничего подобного раньше не слышали.

Он подался к ней и сжал огромной рукой ее бедро.

— Не вырывайтесь! — свирепо произнес он. — И не воротите от меня свой носик. Да, я воняю и своей вонью оскорбляю ваши холеные привередливые ноздри и смущаю ваш нежный животик. Но что стоит секундное дуновение моего запаха по срав-

нению с моей долгой жизнью, когда приходится терпеть вонь всех отбросов вселенной, а рот мой наполнен тем, что ваш ротик не может выговорить? Что вы на это скажете?

— Пожалуйста, уберите руку, — спокойно проговорила Дороти.

— Пожалуйста. Я ничего не собираюсь вам делать. Просто меня немного занесло; и я позабыл о своем месте в обществе.

— Послушайте, — искренне произнесла Дороти, — здесь дело вовсе не в вашем так называемом социальном положении. Просто я никому не позволяю вольностей. Может, это нелепое викторианство, но обычная чувственность меня не устраивает. Мне нужна любовь и...

— О'кей, я все понял.

Дороти встала.

— Я всего лишь в квартале от своего дома. Я пойду домой. У меня голова болит от спиртного.

— Да? Вы уверены, что от спиртного, а не меня?

Она твердо взглянула ему в глаза:

— Я уйду, но мы встретимся завтра утром. По-моему, это ответ на ваш вопрос.

— О'кей, — хмыкнул Старик. — Увидимся. Может быть...

Девушка быстро зашагала прочь.

На следующее утро, едва рассвело, заспанная Дороти остановила свой автомобиль перед лачугой Пэли. Дома была только Дина. Гамми пошла на речку наловить рыбы. Старик засел в уборной. Дороти воспользовалась этой возможностью, чтобы побеседовать с Диной, и обнаружила, как и подозревала, что она женщина весьма образованная. Однако она вежливо умалчивала о своем происхождении. Дороти, чтобы поддержать разговор, упомянула о своем звонке бывшему преподавателю антропологии. Она спросила у профессора, возможно ли, что Старик является подлинным неандертальцем. Вот тогда-то Дина отбросила свою сдержанность и спросила с интересом, что же думает по этому поводу профессор.

— Он просто рассмеялся, — ответила Дороти. — Он сказал мне, что абсолютно невозможно, чтобы небольшая группа, пусть даже не допускающая кровосмешения, могла сохранять свою культурную и генетическую неповторимость в течение пятидесяти тысяч лет. Я начала спорить с ним, сказала, что Старик настаивает на том, что он и его родичи обитали в деревушке Пэли в Пиренеях, пока их не нашли солдаты Наполеона и не попытались забрать в рекруты.

Тогда они бежали в Америку, ненадолго остановившись в Англии. Их группа раскололась во время Гражданской войны.

Он, насколько ему известно, последний чистокровный. Гамми же полукровка или даже квартеронка. Профессор стал меня уверять в том, что и Гамми и Старик являются результатом неправильного функционирования желез внутренней секреции, что они являются жертвами так называемой акромегалии, что такие люди поразительно похожи на неандертальцев, но опытный антрополог сможет заметить разницу с первого же взгляда. Когда же я слегка рассердилась и поинтересовалась, не является ли его отношение к этому вопросу ненаучным, основанным на предрассудках, то это вызвало у него только раздражение. Закончили мы беседу весьма холодно. Но я пошла вчера вечером в университетскую библиотеку и прочла много интересного. И теперь знаю, чем отличается неандертальский человек от хомо сапиенс.

— Послушаешь вас, то вы прямо-таки поверили, что выдумки Старика соответствуют истине, — заметила Дина.

— Профессор научил меня верить только фактам и не отвергать походя то, что с первого взгляда кажется невозможным, — ответила Дороти. — Если он сам позабыл то, чему учил меня, то я не забыла.

— Что ж, Старик умеет заговаривать зубы, — усмехнулась Дина. — Он мог бы даже дьяволу всучить ангельскую арфу и нимб.

В лачугу ввалился одетый только в голубые джинсы Старик. Дороти впервые увидела его обнаженную грудь, огромную, покрытую столь густыми красно-золотистыми волосами, что они напоминали шерсть, почти такую же, как у орангутанга. Однако не столько грудь, сколько его босые ноги привлекли особое внимание Дороти. Действительно, большие пальцы на босых ногах Старика торчали как бы отдельно от остальных пальцев, и он явно ступал на внешнюю сторону ступни. Руки его казались ненормально короткими по сравнению с телом.

Старик хмуро поздоровался и некоторое время не разговаривал. Однако после того как, потев и ругаясь, он благополучно добрался до одного из переулков на западном откосе, он ослабил. Этому помогло, возможно, и то, что он отыскал огромную кучу бумаги и тряпья.

— Вот здесь есть над чем попотеть! — самодовольно прыгал он.

Когда весь хлам был погружен, Пэли проскрипел:

— Ну, как вам нравится наша спокойная жизнь? Хороша, не так ли? Кстати, а как вам нравятся наши переулки?

Дороти ничего не ответила, а только кивнула.

Старик обиженно отвернулся, и девушке пришлось вступить в разговор.

— Когда я была маленькой, мне тихие переулки нравились

гораздо больше, чем улицы. Они до сих пор для меня сохраняют свое очарование. Там так хорошо играть! Было такое ощущение, что ты вместе с этими переулками владеешь какими-то тайнами. Все они непохожи друг на друга, а улицы, они все одинаковы. Только и гляди, чтоб тебя не задавила машина. Окна домов, выходящих на улицы, словно глаза и лица, которые так и норовят сунуть свой нос в чужие дела.

Старик радостно вскрикнул и так сильно хлопнул себя по бедру, что, будь это бедро Дороти, оно мгновенно бы сломалось.

— Ты, должно быть, из Пэли. Мы чувствуем точно так же. Мы не позволяем себе болтаться по улицам. Переулки — вот наша маленькая территория. Скажи мне, ты потеешь, когда пересекаешь улицу, чтобы попасть из одного переулка в другой?

Он положил ей руку на колено. Она посмотрела на нее, но ничего не сказала.

— Нет, этого я не чувствую.

— Да? Так ведь ты ребенком не была такой уродиной, что тебе приходилось держаться подальше от улиц. Но и переулки мне не всегда доставляют радость из-за этих чертовых псов. Испокон веков они лают на нас и кусаются. Поэтому мне приходится отгонять их палкой, с которой я долго не расставался. А потом я заметил, что стоит мне посмотреть на них особым взглядом, и они с визгом убегают, ну как тот старый толстый спаниель вчера. Почему? Наверное, потому, что они знают, что у меня дурной глаз. Вот тогда и я начал понимать, что я не человек. Хотя мой старик твердил мне об этом с тех пор, как я начал разговаривать.

Подростком я с каждым днем все сильнее ощущал силу заклятия Г'Яга. На улицах на меня смотрели все более грозными и злыми глазами. И когда я стал промышлять по глухим закоулкам, то только тут я ощутил себя хозяином. В конце концов настал день, когда я не мог перейти улицу без того, чтобы у меня не вспотели ладони, участилось дыхание и замерзли ноги. Это потому, что я становился взрослым Пэли и проклятие Г'Яга все больше набирало силу.

— Проклятие? — удивилась Дороти. — Некоторые называют это просто неврозом.

— Нет, это проклятие!

Дороти ничего не ответила. Она еще раз взглянула на свое колено, и на этот раз Старик убрал руку. Ему, однако, все равно пришлось бы это сделать, так как к этому времени они выехали из тихого переулка на мощенную булыжниками улицу.

По пути к конторе по приемке утиля он продолжал развивать ту же тему. Когда они добрались до лачуги, Дороти была посвящена во все подробности.

В течение тысяч лет Пэли жили среди отбросов и мусора Г'Яга и находились под пристальным наблюдением. Так, в былые дни среди жрецов и воинов Ненастоящих был обычай делать налеты на обитателей свалок каждый раз, когда появлялся сильный и непокорный Пэли. Ему выкалывали глаза, отрубали руку, ногу, или калечили каким-нибудь другим способом, чтобы он не забывал, кем он является и где его место.

— Вот почему я потерял руку, — прорычал Старик, размахивая обрубком. — Страх Г'Яга перед Пэли явился причиной всего этого.

Дина едва не захлебнулась от смеха и проговорила:

— Дороти, на самом деле в один прекрасный вечер он напился так, что улегся прямо на рельсах, и товарняк отрезал ему руку.

— Да, да, так и было. Но я убежден, что этого бы не случилось, если бы не злая черная магия Ненастоящих. В наши дни они боятся калечить Настоящих в открытую и поэтому прибегают к чарам. У Г'Яга теперь не хватает духу делать это собственноручно.

Дина презрительно рассмеялась:

— Он нахвтался всех этих сумасбродных мыслей, читая комиксы и журналы, да еще эта телевизионная серия "Алле Ор и динозавр". Я могу вспомнить любой рассказ, откуда он украл свои идеи.

— Врешь! — взревел Старик и ударил Дину по плечу. Она отпрянула назад, но затем набросилась на него. Он еще раз ударил ее, на этот раз по розовому пятну на шее. Глаза Дины засверкали, она громко выругала его. Он ударил ее еще раз достаточно больно, но так, чтобы не причинить вреда.

Дороти открыла было рот, чтобы выразить протест, но Гамми положила ей на плечо свою толстую руку. Девушка подняла взгляд и увидела, что женщина приложила палец к своим губам.

От одного особо сильного удара Дина упала на пол. Теперь она уже не пыталась встать. Вместо этого она поднялась на четвереньки и поползла кубежищу за большой железной плитой.

Дороти не выдержала и, вскочив, постаралась преградить путь Старiku, который замахивался ногой на отступающую Дину, однако и тут Гамми помешала ей.

— Все в порядке, крошка, оставь их в покое.

— Смотри! Повезло этой чертовой бабе! — рычал Старик. — Ты знаешь, почему мне приходится выбивать из нее дурь, когда все, что мне нужно, — это мир и спокойствие. Потому что я похож на тех чертовых пещерных людей, а им полагается избивать своих глупых сожительниц. Потому-то она и прицепилась ко мне.

— Ты сумасшедший лгун, — спокойно сказала из-за плиты Дина, смакуя свою боль, как ласку любовника. — Я стала жить с тобой только потому, что пала так низко, и ты оказался единственным мужчиной, который согласился меня подобрать.

— Она была когда-то великосветской наркоманкой, Дороти, — объяснил Пэли. — Она всегда ходила в платье с длинными рукавами, потому что руки ее были исколоты. Это я вылечил ее от пагубной страсти с помощью мудрости и волшебства Настоящих. И с тех пор она живет со мной. И я никак не могу от нее избавиться. А теперь посмотри на эту беззубую. Да я ее и пальцем не тронул. Это доказывает, что я вовсе никакой не мучитель женщин. Я бью Дину только потому, что ей это нравится, она хочет этого, но я никогда не бью Гамми... Эй, Гамми, тебе нужно такое лекарство?

И он засмеялся невероятно хриплым голосом.

— Чертов брехун! А кто выбил у меня почти все зубы?

— Я выбил несколько гнилых пней, которые уже ни на что не годились. Ты заработала это за то, что волочилась за тем О'Брайеном в зеленой рубашке.

Гамми хихикнула.

— Только не думай, что я могла перестать с ним путаться только из-за того, что ты меня отколошматил. Просто я его бросила, потому что как мужчина ты оказался лучше, хотя у него и была зеленая рубашка.

Гамми снова хихикнула и поковыляла к полке, где стояли ее дешевые духи. Ее огромные медные серьги ритмично покачивались в такт со столь же громадными бедрами.

— Гляди-ка, — изумился Старик, — как два мешка с кашей в бую!

Однако во взоре его сквозило нескрываемое восхищение. После того как она вылила на свою подушкообразную грудь добрую четверть флакона, он крепко обнял ее и погрузил свой огромный нос в ложбинку между грудей и с восторгом потянул воздух.

— Чувствую себя, как собака, нашедшая старую кость, которую она закопала, а потом забыла где. Ох, ох, ох!

Дина презрительно засмеялась и сказала, что ей нужно глотнуть свежего воздуха, не то она потеряет аппетит и не сможет ужинать. Она обняла Дороти и упростила, чтобы они вышли погулять вместе. Дороти, которую также стало тошнить, сразу же согласилась.

На следующий вечер, когда все четверо потягивали пиво, сидя за кухонным столиком, Старик неожиданно вытянул руку и нежно прикоснулся к Дороти. Гамми засмеялась, а Дина свирепо сверкнула глазами. Однако она ничего не сказала девушке.

и вместо этого начала обвинять Пэли в том, что он слишком давно не принимал ванну. Старик обозвал ее тупоголовой плоскодонкой и объявил, что она все врет, так как он принимает ванну каждый день. На что Дина ответила, что это так, но только это началось с того времени, как на сцене появилась Дороти. Разгорался спор. В конце концов Старик встал и перевернул фотографию матери Дины лицом к стене.

Дина с визгом попыталась повесить фотографию как следовало. Но Старик оттолкнул ее, правда бить не стал, несмотря на все ее оскорбления, — даже тогда, когда она бросила ему в лицо, что он не достоин лизать башмаки ее матери, а тем более прикасаться к ее портрету.

Устав спорить, Пэли покинул свой пост у фотографии и проковылял к холодильнику.

— Если ты осмелишься без моего разрешения перевернуть ее, я выброшу фото в ручей. И ты больше ее никогда не увидишь.

Дина пронзительно завизжала и заползла под свое одеяло за плитой. Она залегла там, плача и тихо проклиная Старика.

— На этот раз Дина зашла слишком далеко, — заметила, сияя, Гамми.

— Ух уж эта чертова мамочка, — хрипло проговорил Старик. — Эй, Дороти, ты знаешь, как Дина смеется надо мной, потому что я убежден, что у Фордианы есть душа? И над тем, что псы боятся моего дурного глаза? И над тем, что я считаю, что спасение для нас, Пэли, наступит тогда, когда мы разыщем давно пропавшую шапку Старого Короля? А ведь она, эта бывшая наркоманка, бахвалящаяся своей образованностью, ничуть не лучше. Она очень суеверна. Она боготворит свою мать. Она ей молится, просит у нее прощения и выпытывает, что произойдет в будущем. И когда ей кажется, что вокруг никого нет, она разговаривает с ней. Вот она поклоняется своей матери, как Старухе-Земле, которая всегда была врагом Старому Приятелю. И она знает, что можно досадить ему. Вот почему, наверное, он не позволяет мне найти шлем Старого Короля, хотя и знает, что я просматриваю каждую кучу мусора по всем закоулкам, надеясь, что какой-нибудь дурак из Ненастоящих выбросит ее, не ведая, что это такое.

А ну заткнись, Дина. Я хочу смотреть телевизор. Сегодня показывают Олли Опа.

Немного погодя Дороти уехала домой. Из дому она позвонила своему знакомому профессору социологии. Тот объяснил, что одна из причин, по которой он сомневается в правдоподобности рассказа Старика о войне между неандертальцами и хомо сапиенс, заключается в том, что существуют доказа-

тельства проживания хомо сапиенс в Европе еще до появления там неандертальцев, — и весьма возможно, что именно неандертальцы были пришельцами.

— Но не агрессорами в современном смысле, — добавил профессор. — Проникновение новых рас и племен в Европу на протяжении всего палеолита было спорадическим перемещением небольших групп, которое осуществлялось на протяжении многих тысяч лет.

И представляется наиболее вероятным, что неандертальцы и хомо сапиенс жили бок о бок многие тысячи лет, мирно уживаясь друг с другом, потому что обе ветви были слишком заняты борьбой с враждебной природой за собственное существование. Трудно сказать, по какой причине — вероятнее всего, вследствие своей малочисленности — неандертальцы были поглощены окружавшими их племенами хомо. По мнению некоторых антропологов, неандертальцы были светловолосыми и передали светлую окраску волос жителям Северной Европы.

Несмотря на все догадки и предположения, — сказал в заключении профессор, — совершенно исключается, что какое-либо меньшинство могло бы сохранить свои специфические внешние и культурные отличия на протяжении пятидесяти тысяч лет. Пэли придумал все это, чтобы объяснить самому себе и другим причины чрезмерного уродства, крайне низкого общественного положения и чувства брезгливости, которое испытывают к нему люди. Элементы выдуманного им мифа он, скорее всего, почерпнул из комиксов и телепередач. Тем не менее, учитывая его энтузиазм и наивность, я согласен пересмотреть свое заключение, если вы, Дороти, представите мне явные свидетельства его происхождения от неандертальцев. Вот если бы вы могли доказать мне, что у него есть бычий зуб. Вот тогда я был бы повержен, если не сказать больше.

— Но, профессор, — взмолилась Дороти, — почему вы сами не хотите осмотреть его? Один взгляд на ноги Старика мог бы убедить вас, я уверена!

— Дорогая, я не склонен гоняться за призраками. Мое время очень драгоценно.

Вот и все. На следующий день она спросила у Старика, все ли зубы у него целы и делал ли он когда-нибудь рентгеновский снимок хотя бы одного зуба.

— Нет, — покачал головой Старик. — Здоровых зубов у меня больше, чем мозгов. И я не собираюсь терять их. Пока голова моя варит исправно, я буду сам беречь свои зубы, свое пищеварение и собственную мужскую силу. Более того, я не собираюсь терять здравый смысл. Эти коновалы в больнице задали мне немало хлопот, однако я не позволил им взять мою кровь на анализ,

потому что знал, что они хотели смешать ее с водой. Это у Г'Яга такая магия. Для того чтобы превратить мою кровь в воду. Но почему-то Элкинса вдруг заинтересовало, с чего это я не снимаю свою шляпу. Наверное, потому, что я не снял ее даже тогда, когда разделся для осмотра. И он сорвал шляпу с моей головы. Вот тут-то я и смирился. Это все равно что украсть у меня душу. Все Пэли хранят свои души в шапках. Мне нужно было вернуть ее во что бы то ни стало. Поэтому я смирился. Я позволил им тыкать и шарить по всему моему телу, а напоследок взяли кровь на анализ.

Наступила пауза. Это была передышка для Пэли, но вскоре он снова принялся болтать без умолку. Дороти, пораженная пришедшей ей в голову мыслью, спросила:

— Если уж мы заговорили о шапках, то на что была похожа та шапка, которую дочь Роу-Боя украла у Старого Короля? Вы бы узнали ее, если бы увидели?

Старик усталился на нее, а затем его прорвало:

— Узнал бы я ее? Собака, рассевшаяся на рельсах, узнала бы свой хвост после того, как локомотив отрезал бы его? Ты бы узнала свою кровь, если бы тебе в живот всадили нож и с каждым ударом сердца из раны хлестала бы красная жидкость? Конечно, я узнал бы шапку Старого Короля Пэли. Каждый Пэли еще на коленях у матери получает подробное ее описание. Ты хочешь послушать про эту шапку? Ну так прочитай уши, и я опишу ее до мельчайших подробностей.

Дороти неоднократно напоминала себе, что ей не следовало бы этого делать. Если она и заслужила доверие Старика, то сама она, в некотором смысле, не являлась его настоящим другом. Но, убеждала она себя, она же хотела ему помочь. Если бы он нашел эту шапку, то, возможно, сразу же освободился от всех своих табу, которые удерживали его на свалке, в глухих закоулках. Может, тогда он перестал бы бояться собак, перестал бы считать себя человеком угнетенным, человеком низшего сорта? Более того, уверяла себя Дороти, это также помогло бы и ее научным исследованиям, так как позволило бы ей описать его реакцию.

Таксидермист, которого Дороти наняла, весьма удивился, услышав, какие материалы необходимы и какого фасона должна быть шапка. Однако она объяснила ему, что эта шапка предназначена для антропологической выставки в Чикаго и что это — головной убор члена индейского тайного общества, посвященного в священные таинства. Таксидермист сдавленно хихикнул и ответил, что он много-отдал бы за то, чтобы поглядеть на религиозные церемонии членов этого братства.

Свои намерения Дороти оказалось выполнить довольно легко, так как Старик твердо уверовал, что Дороти, разъезжая

с ним, приносит ему удачу. Ликуя при каждой удачной находке, он клялся, что впереди его ждет нечто совершенно из ряда вон выходящее. Он непогрешимо верил в свою удачу.

— Это будет, — говорил он, обнажая огромные желтые зубы, — как удар молнии.

Двумя днями позже Дороти поднялась гораздо раньше обычного и поехала на пустырь, расположенный за домом известного врача. Она прочла в колонке городской хроники, что он вместе с семьей проводит отпуск на Аляске. Поэтому она знала, что никто в этом доме не удивится, если не увидит полные мусорные ящики и большую картонную коробку с выброшенной едой. Дороти привезла все это из собственной квартиры, чтобы создать видимость того, что в доме живут. Почти всю старую одежду она приобрела в лавке Армии Спасения.

В то утро, около девяти часов, точно по графику, Старик вместе с ней въехал в переулок.

Пэли первым вылез из кабины. Дороти задержалась, чтобы он сам сделал свое открытие.

Старик стал вынимать одежду из коробок.

— Это бархатное платье вполне может носить Дина. Она жалуется, что у нее давно уже не было нового платья. Эта кофта вполне могла бы подойти слону. Это то, что надо для Гамми. А эта...

Он поднял высокую островерхую шапку с широкими полями и двумя войлочными шариками размером с конские яблоки, привязанными к ленте. Это был очень странный головной убор из лошадиной шкуры, на которой виднелись отпечатки ребер. Он был единственным в своем роде во всем мире и выглядел совершенно неуместным в этом переулке малоизвестного городка штата Иллинойс.

Глаза Старика полезли на лоб, земля покачнулась у него под ногами. Шапку, однако, он из рук не выпустил.

Дороти была потрясена. Она ожидала чего угодно, но только не этого. “Если сейчас с ним случится сердечный приступ, — подумала она, — то придется винить только самое себя”.

Старик как убитый повалился на землю.

К счастью, это был всего лишь обморок. Однако, когда к нему вернулось сознание, он не пришел в тот исступленный восторг, который Дороти ожидала. Вместо этого он стал смотреть на нее.

— Не может этого быть! Это, должно быть, ловушка! Ловушка, которую мне подстроила Старуха в Земле, чтобы еще раз, напоследок, потешиться вволю. Каким образом здесь могла оказаться шляпа Старого Короля Пэли? Неужели Г’Яга, которые хранили ее, хранили все эти годы в своей семье и не знали, что это такое?

— Скорее всего, нет, — ответила Дороти. — Ведь, в конце концов, Г'Яга, как вы их называете, больше не верят в волшебство. Или, может, нынешний владелец даже понятия не имел, что это такое.

— Может быть. Скорее всего, однако ее выбросили случайно во время уборки дома. Ты знаешь, какие глупые их женщины. В любом случае берем ее и скорее отсюда. Возможно, Старый Приятель в Небе подстроил все это, и если это так, то лучше не задавать вопросов.

Поехали!

Старик редко надевал шапку. Будучи дома, он клал ее в клетку для попугая и закрывал дверцу велосипедным замком. По ночам клетка стояла на подставке. Днем она покоилась на сиденье “пикапа”. Старик хотел, чтобы она всегда была у него под рукой.

Находка вызвала у него чрезвычайный оптимизм, веру в то, что он способен совершить что угодно. Он пел и смеялся больше, чем когда-либо прежде. Он даже настолько осмелел, что мог гулять по улицам в течение нескольких часов и только потом начинал потеть и трястись.

Гамми, увидев шляпу, просто хмыкнула и отпустила непристойное замечание по поводу ее формы. Дина уныло улыбнулась и сказала:

— Почему эта лошадиная кожа давным-давно не сгнила?

— От бабы Г'Яга только такой вопрос и можно было ожидать, — проворчал Старик. — Как может эта шапка сгнить, если в ней помещаются миллионы душ Пэли? Ведь там не осталось ни одной бактерии. Кроме того, здесь спрессованы могущество и слава всех Пэли, которые умерли до нашей битвы с Роу-Боем, и все души, которые умерли с тех пор. Она бурлит от душевной энергии всех этих людей, которую до сих пор сдерживала магия этих Г'Яга.

— Остерегался бы лучше, чтобы она не взорвалась, и мы вместе с ней, — ухмыльнулась Гамми.

— Теперь, когда шапка у тебя, что ты намерен делать с ней? — спросила вдруг Дина.

— Не знаю. Нужно посидеть за пивом и хорошенько все обдумать.

Дина истерически расхохоталась.

— Боже мой! Пятьдесят тысяч лет вы только и думали об этой шапке, а теперь, когда она оказалась у Пэли, вы не знаете, что с ней делать! Так вот, может быть, я скажу вам, что с ней делать? Ты будешь считать себя очень важным, да? Завоюешь весь мир, истребишь всех Ненастоящих! Дурак! Даже если весь твой рас-

сказ не бредни лунатика, все равно ты уже опоздал. Один против двух миллиардов! Не беспокойся, мир! Этот старьевщик Рамзес, Александр Македонский из переулка, этот Юлий Цезарь городских свалок, не сумеет тебя похоронить! Как же, он наденет эту свою шляпу и двинется в поход! Но куда? Он станет борцом, и его покажут по телевидению!!! Вот куда он пойдет! Вот предел его полусознанному тщеславию — получить ярлык Однорукого Неандертальца. Ужасного обезьяно-человека. Вот кульминация пятидесяти тысяч лет, ха-ха-ха!

Все остальные со страхом смотрели на Старика, ожидая, что он ударит Дину. Он же вынул шапку из клетки, надел ее и уселся за стол с литровой бутылкой пива в руке.

— Перестань кудахтать, старая жвачка, — спокойно сказал он. — Мне нужно подумать.

На следующий день Пэли, несмотря на похмелье, был в прекрасном настроении. Он болтал не умолкая до самого западного склона и один раз даже остановился, чтобы продефилировать по улице и показать Дороти, что он ничего здесь не боится.

Затем, хвастая, что он мог бы победить весь мир, Старик загнал машину в один из переулков и оставил на заднем дворе какого-то большого, но запущенного особняка. Дороти с удивлением гладела на него. Он указал на густые заросли кустарника, который рос в одном из углов двора.

— Гляди, сюда даже кролик не смог бы прошмыгнуть. Но Старик знает такое, чего кролики не знают. Иди за мной.

Неся в руке клетку со шляпой, он подошел к кустам, опустил ее на карачки и стал протискиваться сквозь очень узкий проход. Дороти подозрительно смотрела на заросли, пока из их глубины не раздался хриплый зов.

— Ты что испугалась? Или у тебя задница слишком широкая, чтобы пролезть сюда?

— Сейчас! — весело крикнула в ответ Дороти, проползла несколько секунд на животе и очутилась неожиданно на небольшом, свободном от кустов месте. Старик стоял во весь рост, клетка была у его ног. И он рассматривал красную розу, которую держал в руке.

У Дороти аж дух захватило.

— Розы! Пионы! Фиалки!

— Вот так, крошка! — сказал Пэли, выпятив грудь. — Это райские куши Старика, его тайная оранжерея. Я отыскал это местечко несколько лет тому назад, когда подыскивал место, где мог бы прятаться от полиции или побыть в полном одиночестве, отдохнуть от всех, даже от самого себя.

Я посадил здесь розы и другие цветы. Я частенько прихожу

сюда и наблюдаю за ними, поливаю, опрыскиваю, обрезаю. Я никогда не забираю ничего отсюда домой, хотя мне очень хотелось бы сделать подарок Дине. Но Дина совсем не дура, она понимает, что их нельзя найти в куче мусора. А я не хочу говорить ей об этом месте. Так же как и никому другому.

Он внимательно посмотрел на Дороти, пытаюсь определить, что творится в ее душе, как бы сильно она ни скрывала это.

— Ты — единственная, кто, кроме меня самого, знает теперь об этом месте.

Он протянул ей розу.

— Вот. Это тебе.

— Спасибо. Мне очень приятно, что вы показали мне это место.

— На самом деле? Мне очень приятно слышать это. Очень.

— Удивительно. Какое красивое место. И... И...

— Давай я закончу за тебя эту фразу. Ты никогда не думала, что самый безобразный человек на свете, мусорщик, человек, который в общем-то и человеком не является, будучи — я ненавижу это слово — неандертальцем, может наслаждаться красотой розы. Так? Что ж, я растил их, потому что я очень люблю их. Смотри, Дороти. Погляди на эту розу. Она круглая, но не как шар, она как плоская окружность.

— Она овальная.

— Да, да. И посмотри на эти лепестки, как они сложены один за другим, как они расположены. И посмотри на эти ярко-зеленые листья. Красиво, да? Старый Приятель знал свое дело, когда создавал такую красоту. У него была тогда душа художника. Но он, должно быть, мучился с похмелья, когда создавал меня. У него в тот день, наверное, очень тряслись руки. И потому он через какое-то время бросил свою работу. А потом уже не удосужился меня закончить.

Неожиданно глаза Дороти наполнились слезами.

— Тебе не надо воспринимать себя таким, у тебя красивые, искренние чувства под...

— Под чем? — спросил он, показывая свое лицо. — Забудь об этом. Лучше смотри на зеленые бутоны на свежих побегах. Красиво, не так ли? Их свежесть обещает будущую красоту. У них форма груди юной девицы.

Он сделал шаг к ней и обвил рукой ее плечи.

— Дороти.

Она положила обе руки на его грудь и попыталась тихонько оттолкнуться.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Пожалуйста, не надо. После того, как вы доказали мне, каким красивым вы можете быть на самом деле.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Старик, не отпуская ее. — Разве то, что я хочу для тебя сделать, так же хорошо и прекрасно, как эта роза? И если у тебя на самом деле такие чувства ко мне, то тебе захочется, чтобы твоя плоть испытала то же, что и твой мозг. Подобно цветам, когда они распускаются навстречу солнцу.

Она покачала головой:

— Нет. Нельзя. Пожалуйста. Я чувствую себя очень плохо, потому что не могу ответить “да”. Но я не в состоянии. Я — ты. Слишком большая разница...

— Да, мы различны. Ходим каждый своей дорогой, но вдруг — раз, — огибая угол, сталкиваемся и обхватываем друг друга руками, чтобы не упасть.

Он притянул ее к себе так, что лицо ее оказалось прижатым к его груди.

— Вот так! — воскликнул он. — Сделай глубокий вдох. Не отворачивай головы. Потяни носом, сильнее. Прижмись ко мне, ничто уже не сможет оторвать нас друг от друга. Дыши глубже. Я не сделаю тебе больно. Я даю тебе жизнь, я защищаю тебя. Да? Дыши глубже.

— Пожалуйста... — захныкала Дороти. — Не мучай меня. Нежно...

— Конечно, нежно, малышка... Я не буду тебя мучить. Не очень сильно мучить. Вот так, а то ты была как камень. Правильно, будь податливой, как масло. И я не заставляю тебя, Дороти, запомни это. Ты хочешь этого, не так ли?

— Не мучай меня, — прошептала Дороти. — Ты такой сильный, боже мой, такой сильный...

Дороти не появлялась в лачуге Пэли в течение двух дней. На третье утро она выпила две двойные порции виски перед завтраком. Появившись на свалке, она объяснила обоим женщинам, что чувствовала себя неважно и вернулась для того, чтобы закончить исследования, так как начальство приказало наконец представить отчет.

Пэли, увидев ее, не улыбнулся и ничего не сказал, однако посматривал на нее краем глаза, когда ему казалось, что она следит за ним. И хотя шляпа вместе с клеткой была при нем, пересекая улицы, он потел и дрожал, как прежде. Дороти сидела, глядя вперед, не отвечая на те некоторые замечания, которые он отпускал, пока они ездили. В конце концов, ругаясь про себя, он бросил попытки работать как обычно и повел машину к потайному саду.

— Ну вот, — сказал он, — Адам и Ева возвращаются в рай. Он посмотрел на небо.

— Нам лучше поторопиться. Похоже, что сегодня Старый Дружище в Небе встал не с той ноги. Собирается буря.

— Я не пойду туда с тобой, — объявила Дороти. — Ни сейчас, ни после.

— Даже после того, что произошло, после того, что ты сказала, что любишь меня? Тебя все еще немного подташнивает от меня? Три дня назад вовсе не казалось, что тебе было дурно от общения со мной.

— Я две ночи не могла заснуть, — сказала она бесстрастно. — Тысячу раз я спрашивала себя, почему я так поступила. И каждый раз могла ответить себе только то, что не знаю этого. Казалось, на меня что-то нашло и овладело мной. Я стала безвольной.

— Ты тогда не была парализованной, — сказал Старик, положив ей на колено руку. — А если ты и была безвольной, то только потому, что хотела быть такой.

— Сейчас говорить бесполезно, — сказала она. — Другой такой возможности у тебя больше не будет никогда. И убери руку с колена. У меня от этого мурашки бегут по коже.

Он убрал руку.

— Хорошо. Вернемся к обычному занятию. Назад, к мусору, который выбрасывают Ненастоящие. Уходим отсюда. Забудь все, что я говорил. Забудь тайну, которую я тебе рассказал. Никому не говори об этом. Надо мной будут смеяться. Представь себе, однорукий Старик Пэли, осколок каменного века, выращивает розы и пионы! Это же очень смешно, не так ли?

Дороти промолчала. Старик отпустил сцепление, и когда они выехали в переулок, то увидели, что солнце больше уже не просвечивает сквозь тучи. Оно уже больше не показывалось до самого конца этого дня. Старик и Дороти уже больше не разговаривали друг с другом.

На дороге номер двадцать четыре их остановил патруль — обнаружилось, что у Пэли нет водительских прав — и велел ему следовать в центр города, в суд. Там Старiku пришлось уплатить штраф в двадцать пять долларов. Ко всеобщему удивлению, он расплатился тут же, вытащив деньги из кармана.

И как будто этого было недостаточно, ему пришлось вынести насмешки полицейских и завсегдатаев суда. Очевидно, ему уже и раньше приходилось появляться в полицейском участке. Здесь его называли Кинг-Конгом, Олле Опом или просто Шимпом. Старик дрожал, то ли от подавляемой ярости, то ли от волнения, в этом Дороти не смогла разобраться. Однако позже, когда она везла его домой, он стал кричать, что его лишили всех сбережений, и что все это заговор Г'Яга с целью уморить его голодом.

И тут как раз заглох мотор грузовика. Чертыхаясь, Старик

рванул капот столь сильно, что сломалась проржавевшая петля. Еще более разъяренный, он сорвал капот полностью и швырнул его в кювет. Не сумев найти неисправность, он схватил молоток и стал бить им по бортам грузовика.

— Я заставлю ее завестись! — вопил он. — А не то будет еще хуже. Заводись, дрянь, жри бензин, пусть он урчит в твоём чертовом брюхе, но только заводись, заводись! Не то твой бывший любовник, Старик, продаст тебя на слом. Клянусь тебе!

Однако Фордиана не испугалась угроз и не собиралась заводится. Волей-неволей Пэли и Дороти пришлось бросить машину у кювета и зашагать домой пешком. Когда они пересекали оживленную автостраду, чтобы добраться до свалки, Старикун пришлось даже отпрыгнуть в сторону, чтобы не попасть под машину.

Он помахал кулаком вслед удаляющемуся автомобилю.

— Я знаю, что вы добираетесь до меня! — завопил он. — Но у вас ничего не выйдет! Вы пытаетесь это сделать уже пятьдесят тысяч лет, но пока все впустую. Мы еще побремся!

В этот момент прорвало тяжелое, наполненное водой чрево туч над их головой, и они не успели сделать и четырех шагов, как промокли насквозь. Прогремел гром, молния ударила в землю где-то в дальнем конце свалки.

Старик взревел от страха, но поняв, что с ним ничего не случилось, простер руки к небу.

— Ладно, ладно, значит, и ты тоже против меня. Я это заслужил. Ладно, ладно.

Истекая водой, они добрались до лачуги, где Старик тотчас же открыл пиво и принялся жадно пить. Дина отвела Дороти за занавеску и дала ей полотенце, чтобы вытереться, и один из своих махровых халатов. Когда Дороти появилась из-за занавесок, она увидела, что Старик начал третий литр. Он ругал Дину за то, что она плохо пожарила рыбу, и когда та огрызнулась, стал обвинять ее во всех своих неудачах, больших и малых, реальных и вымышленных, какие только он смог припомнить.

Затем он перевернул портрет ее матери лицом к стене, а она залегла за плиту и нежно потирала места, по которым он прошелся своей ладонью. Гамми попробовала было возражать, но он тут же выгнал ее под дождь.

Дороти тотчас же надела на себя свою мокрую одежду и объявила, что уходит. Ей нужно было пройти километра полтора, а затем подождать автобус.

— Уходи! — прорычал Старик. — Ты слишком злая. Мы не твоего поля ягоды.

— Не уходи! — взмолилась Дина. — Если ты уйдешь, то его

уже ничто не сможет сдержать. Ты не представляешь, каким опасным он может быть.

— Очень жаль, — покачала головой Дороти. — Мне следовало уйти домой еще сегодня утром.

— Конечно, следовало! — взревел Старик. А затем он расплакался, и его выпяченные губы хлопали, как крылья птицы, а искаженное лицо в своем безобразии могло посоперничать с Медузой Горгоной.

— Уходи, пока я еще владею собой и не вышвырнул тебя прочь!

Дороти осторожно прикрыла за собой дверь. На лице ее была написана жалость.

На следующий день было воскресенье. Утром ей позвонила мать и сказала, что приедет навестить ее из Уокечана. Может ли она взять отгул на понедельник?

Дороти ответила утвердительно, а затем, вздохнув, позвонила своему руководителю. Она объяснила, что уже собрала все необходимые данные для составления отчета о Пэли и что она с понедельника начинает его печатать.

Усадив в понедельник вечером свою мать на поезд, она решила нанести Пэли прощальный визит. Дороти не могла вынести еще одной бессонной ночи, когда она бы непрерывно боролась с желанием встать с кровати и терять, тереть себя мочалкой. Столь же мучительной ей представлялась необходимость встретиться следующим утром с Пэли и обеими женщинами. У нее было предчувствие, что если она распрощается с ними сегодня, сейчас, то она распрощается и со своими ощущениями тоже, или, по крайней мере, ей удастся избавиться от них значительно скорее.

Небо было чистым и звездным, когда девушка покинула железнодорожную станцию. Однако к тому времени, когда она добралась до свалки, тучи заволокли всю западную часть неба, и ослепительная гроза разбушевалась над городом. Переходя через мост, она увидела при свете фонарей, что ручей Кикапикрик за два дня обильных дождей превратился в небольшую речку. Он шумно огибал свалку и несся дальше, к реке Иллинойс, в километре отсюда, в которую и впадал.

Уровень ручья поднялся настолько, что вода хлестала по порогам лачуг, ютившихся по краям свалки. Грузовики и старые автомобили, стоявшие рядом с лачугами, были уже наполнены домашним скарбом, и их владельцы готовились тронуться в путь в любую минуту.

Дороти поставила свою машину чуть поодаль от дороги, так как не хотела застрять в грязи. Когда она подходила к лачуге

Пэли, вонючая жижа доходила ей уже до лодыжек. Опускалась темная ночь.

В луче света, струящегося из окна, была видна Фордиана, которую Старик, по-видимому, все же завел. Однако, в отличие от других машин, ее пока не загрузили.

Дороти постучала в дверь. Открыла ей Дина. Пэли сидел в обшарпанном кресле. На нем были только вылинявшие залатанные джинсы. Под одним глазом красовался огромный черный синяк. На голову была нахлобучена шапка Старого Короля. В руке он сжимал горлышко литровой пивной бутылки. Вид у него был такой, будто он намерен удушить бутылку.

Дороти удивленно взглянула на него, но от комментариев удержалась. Вместо этого она спросила, почему он не упаковывается на случай наводнения.

Старик покачал головой:

— Это все проделки Старого Приятеля в Небе. Я молил этого старого идиота, чтобы он прекратил дождь, но полило еще пуще прежнего. Как я понимаю, этот ливень вызвала Старуха в Земле. Старина в Небе слишком ослаб, чтобы ей помешать. Ему нужна сила. Поэтому... я подумал о том, что неплохо бы дать ему напиться крови девственницы, чтобы его мускулы снова налились силой. Но я тут же отбросил эту мысль, потому что вокруг нету такой, во всяком случае в ста милях вокруг. Поэтому... я думаю о том, что не худо было бы пойти во двор и вылить литр-другой пива на землю.

— Не смей поить его этим дрянным пойлом, — подала голос Гамми. — С нас хватит и этого дождя. Нам только недоставало, чтоб он все вокруг оплевал.

Старик рыкнул и запустил в нее бутылкой. Она, разумеется, была пустой, потому что он еще не настолько спятил с ума, чтобы зря переводить хотя бы четверть бутылки пива. Однако бутылка разбилась о стенку, и поскольку стоила она пять центов, Старик стал обвинять Гамми в злонамеренной растрате.

— Если бы ты держал себя в руках, она не разбилась бы, — огрызнулась Гамми.

Дина не обращала внимания на разыгравшуюся сцену.

— Мне приятно видеть вас, дитя, — обратилась она к Дороти. — Но в такой вечер вам лучше всего было бы остаться дома. — Она показала рукой на портрет матери, все еще перевернутый лицом к стене. — Никак не проходит у него дурное настроение.

— Ты бы рассказал, — прошамкала Гамми, — как тебя огрел пистолетом по башке этот молодой Хромой Дулан, который живет в доме из упаковок. Он попробовал для потехи сорвать с головы Старика шляпу Старого Короля.

— Да, да, только попробовал, — оскалился Пэли. — Но я

довольно сильно шлепнул его по руке. Тогда он вытащил пистолет и ударил меня сильно рукояткой прямо в глаз. Но это меня не остановило. Я бросился было к нему, но он крикнул, что застрелит меня, если я сделаю еще шаг. Мой старик не растил глупых сыновей, поэтому я сдержался. Но когда-нибудь, рано или поздно, я доберусь-таки до него, и он будет хромать на обе ноги, а может быть, вообще перестанет ходить. Не знаю, но как только я отыскал эту шапку, неудачи одна за другой преследуют меня. Но ведь должно было быть совсем наоборот! Шапка должна была принести такую удачу, какой еще никогда не было у всех Пэли.

Он посмотрел на Дороти и проговорил:

— Знаешь что? Мне во всем сопутствовала удача, пока я не показал тебе то место, то, понимаешь — с цветами? А после этого, ты знаешь, после чего, все пошло шыворот-навыворот. Как будто тем, что ты сделала, ты забрала у меня всю мою силу. Может, это Старуха в Земле подслала тебя ко мне, чтобы ты лишила меня удачи, если я найду шапку, которую Старый Дружище подбросил мне на моем пути?

Он рывком вскочил на ноги, выхватил из холодильника две бутылки пива и, прижав их крепко к груди, заковылял к двери.

— Не могу выносить этот запах. Вы говорите о моем запахе. Да я же пахну фиалками по сравнению с запахом от кое-кого из вас. Скорей на воздух. Поговорю со Старикой в Небе, послушаю, что он там говорит мне, громыхая. Он меня понимает. Для него я никакой не безобразный старик-полуобезьяна.

Дина быстро бросилась ему наперерез, выставив ногти, как разъяренная кошка.

— Вот оно что! Ты имеешь наглость оскорблять эту молодую девушку! Тварь ты злобная!

Старик остановился, покачиваясь, аккуратно поставил бутылки на пол. Затем подошел к портрету матери Дины и сорвал его со стены.

— Что ты собираешься делать? — взвизгнула Дина.

— То, что хотел сделать уже давно! — громыхнул Пэли. — Но я жалел тебя. А теперь нет! Я собираюсь выбросить эту тварь в ручей! И знаешь почему? Потому что понял, что она соглядатай Старухи в Земле, враг Старого Приятеля в Небе. Ее послали сюда следить за мной и сообщать Старухе обо всем, что я делаю. А принесла ее в этот дом ты!

— Ты сделаешь это только через мой труп! — выкрикнула Дина.

— Как угодно! — прорычал Старик. Рванувшись вперед, он отбросил ее в сторону.

Дина вцепилась в рамку портрета, который Старик держал

в руках, однако Пэли ударил ее по пальцам. Потом, стараясь его не выронить, нагнулся, поднял обе бутылки своей громадной рукой и вышел прямо на дождь.

Дина какое-то время глядела на озаряемую молниями темноту, затем бросилась вслед за Пэли.

Ошеломленная Дороти не шевелясь смотрела на все это. И только когда Гамми пробормотала: "Они поубивают друг друга", к девушке вернулась способность двигаться.

— Что это в него вселилось? — закричала она. — Он такой жестокий, но ведь я отлично знаю, что сердце у него очень доброе. Почему он стал таким?

— Это все ты, — кивнула удрученно Гамми. — Он думал, что не имеет значения, как он выглядит, что делает. Ведь он Пэли! Он считал, что его запах привлечет тебя точно так же, как и всех остальных красавиц, независимо от того, какими бы спесивыми они ни были. А вот с тобой у него все пошло вкривь и вкось. И к тому же о тебе он думал гораздо больше, чем о других. Ведь как он нашел тебя, жизнь для нас стала совсем невыносимой. Я понимаю, мужик есть мужик, он всегда посматривает на молоденьких, не так ли? Дина же этого не понимает. Она ненавидит Старика. Но она не может обойтись без него.

— Я должна остановить их, — сказала Дороти и нырнула в черно-белый мир за дверью.

И сразу же в нерешительности остановилась. Сзади светилась лачуга, на севере виднелось тусклое зарево над городом. Зато со всех остальных сторон ее окружала крошечная тьма, время от времени прорезаемая на доли секунды вспышками молний.

Она обежала лачугу в направлении к "пикапу", который находился в пятидесяти метрах отсюда. Она почему-то была уверена, что они где-то на берегу ручья. На полпути к ручью очередная вспышка молнии высветила на берегу бледную фигуру.

Это была Дина в махровом халате. Она сидела прямо в грязи, наклонившись вперед и сотрясаясь от рыданий.

— Я упала на колени, — стонала она, — упала перед ним. Я умоляла его отдать мне портрет. Но он сказал, что позже я буду ему благодарна за освобождение от поклонения фальшивой богине. Он сказал, что я буду целовать ему руки.

Голос женщины поднялся до визга.

— И тогда он сделал ЭТО! Он на клочки изорвал мою любимую мать! И швырнул ее в ручей! Я убью его! Я убью его!

Дороти погладила Дину по плечу:

— Успокойтесь, дорогая. Лучше возвращайтесь в дом и обсушитесь. Он поступил нехорошо, но он сейчас не в своем уме. Куда он делся?

— Он ушел к тем кустам, туда, где ручей впадает в реку.
— Возвращайтесь, — приказала Дороти. — Я управлюсь с ним. Я смогу сделать это.

Дина схватила ее за руку:

— Держитесь от него подальше. Он сейчас спрячется в кустах. Он опасен, опасен, как раненый кабан. Или как один из его предков, когда на них охотились наши предки.

— Наши? — удивилась Дороти. — Неужели вы верите его рассказам?

— Не всему. Только частично. Все, что он говорит о вторжении в Европу и о шапке Короля Пэли, ерунда. Или, во всяком случае, искажено за один бог знает сколько тысячелетий. Но это правда, что он неандерталец. Послушайте! Я пала очень низко, я живу со старьевщиком. И даже не это сейчас главное. Старик прикасается ко мне теперь только для того, чтобы ударить. И это не его вина. Я сама напрашиваюсь. Я хочу этого.

Но я не слабоумная. Я брала в библиотеке книги, я читала, что в них написано о неандертальцах. Я тщательно изучила Старика, и я знаю, что он именно тот, за кого себя выдает, Гамми — тоже — в ней, по крайней мере, четверть такой крови.

Дороти высвободила свою руку.

— Мне нужно идти. Мне нужно переговорить со Стариком. Сказать, что больше я с ним не увижусь.

— Держитесь от него подальше, — взмолилась Дина, снова хватая Дороти за руку. — Вы пойдете с ним поговорить, да так и останетесь, как осталась я. Как оставалась добрая дюжина других. Мы позволяем ему обладать нами, потому что он не человек. А уже потом обнаруживаем, что он такой же человек, как любой мужчина. Некоторые из нас оставались после того, как проходила страсть, потому что возникала любовь.

Дороти снова осторожно высвободила свою руку из пальцев Дины и медленно вышла из лачуги.

Вскоре она подошла к зарослям кустарника на берегу, где встречались река и ручей. Дороти остановилась.

— Старик! — громко позвала она, улучив момент между раскатами грома. — Старик! Это я, Дороти!

Ей ответил рев потревоженного в своей берлоге медведя, и из кустов появилась похожая на ствол дерева фигура.

— Зачем ты пришла? — спросил он, приближаясь настолько близко к ней, что его огромный нос едва не коснулся ее лица. Ты желаешь меня таким, каков я есть, я, Старик Пэли, потомок Настоящих Пэли, который любит тебя? Или ты пришла, чтобы дать успокоение сумасшедшему старому утильщику, а затем взять его за руку как ягненка и отвести на бойню, на фабрику игрушек, где его лишат того, что делает его настоящим мужчиной.

— Я пришла...

— Да?

— Ради этого! — крикнула Дороти и сорвала со Старика шапку. Старик ошелбенел, а Дороти пустилась бежать прочь от реки.

За спиной у нее раздался столь мучительный стон, что его не могли заглушить даже раскаты грома.

Послышался плеск воды — он, Пэли, устремился в погоню.

Неожиданно Дороти поскользнулась и упала лицом в грязь. В этот же самый момент с ее лица упали очки. Теперь наступила ее очередь испытать отчаяние, потому что теперь она не в состоянии была ничего увидеть, кроме вспышек молнии. Она обязана найти их! Но если она потеряет время на их поиски, то непременно потеряет то преимущество, которое имела.

Она вскрикнула от радости, так как ее пальцы наконец ухватились за то, что искали. Однако тут же она задохнулась и снова уронила очки и упала в грязь лицом под тяжестью огромного веса, навалившегося на нее. Она поняла, что шапку у нее отобрали. Мгновением позже, уже полностью придя в себя, она почувствовала, что ее подняли в воздух. Старик держал ее в своей руке, поддерживая своим вздувшимся животом.

— Мои очки! Пожалуйста, мои очки! Мне они очень нужны!

— Некоторое время они тебе не понадобятся. Но не беспокойся, я спрятал их в карман штанов. Помни, что Старик хочет о тебе позаботиться.

Рука так сжала ее, что она закричала.

— Тебя подослали Г'Яга, — хрипло сказал он, — чтобы забрать эту шапку, не так ли? Что ж, у тебя ничего не вышло, потому что Старик в Небе сегодня знает свое дело и защищает своего верного слугу.

Дороти прикусила губу, чтобы сдержаться и не рассказать ему, что хотела уничтожить шапку, потому что надеялась, что этим искупит свою вину, ведь это она сделала эту шапку. Но она не смогла объяснить ему это. Если он узнает, что она сделала поддельную шапку, он в ярости убьет ее.

— Нет. Я не хочу! — крикнула она. — Пожалуйста. Не надо. Я буду кричать. За тобой потом придут и посадят в тюрьму. Но скорее всего, заберут в больницу и запрут там на всю оставшуюся жизнь. Клянусь, что я отомщу тебе.

— Ты будешь кричать?! Ха-ха! А кто тебя услышит? Только Старый Приятель в Небе, но ему на тебя наплевать, потому что ты Ненастоящая и хотела с помощью своего гнусного волшебства забрать мою шапку. Но я возвратил себе то, что — мое и Его, и возвратил тоже таким же способом, как ты забрала ее у меня. Двери открываются в обе стороны.

Он остановился и опустил ее на кучу мокрых листьев.

— Вот здесь. В таком же лесу, как в добрые старые дни. Не беспокойся. Старик защитит тебя от пещерного льва и от лесного зубра. Но кто защитит тебя от Старика, а? — Молния ударила так близко, что на целую секунду они ослепли и онемели. А затем Пэли закричал:

— Буянит сегодня Старик всюю, как любил делать это раньше. Он вопит о крови, об убийстве, о злости!

Он стукнул своим огромным кулаком по широкой груди.

— Пусть себе Старый Приятель и Старуха в Земле дерутся. Им не остановить нас никогда, Дороти. Если только этот волосатый старый бог в тучах не изжарит меня своей молнией от ревности и зависти, что у меня есть то, чего нет у него!

Молнии плясали вокруг, ливень пошел пуще прежнего. Одна из молний разорвала окрестность совсем неподалеку от них, оглушив и ошеломя их.

И Дороти, глядя через плечо Старика, подумала, что вот-вот умрет от страха, потому что прямо над ними возник призрак. Он был высоким и белым, его одежды развевались во ветру, а руки были воздеты к небу. Призрак возносил проклятия богу.

Однако в руке призрака был вполне реальный нож.

Затем огненный крест, возникший позади фигуры призрака, исчез, и на них снова обрушилась тьма.

Дороти закричала. Старик издал хриплый звук, будто из него выпустили воздух.

Он поднялся на колени, задышав, произнес что-то нечленораздельное, затем медленно встал на ноги и повернулся спиной к Дороти, чтобы увидеть фигуру в белом. Снова вспыхнула молния. Дороти еще раз взглянула и от ужаса вскрикнула: из спины Старика торчала рукоятка ножа.

Затем белая фигура рванулась к Пэли. Но вместо того чтобы напасть на него, она пала на колени и пыталась поцеловать его руку, вымаливая прощение.

Нет, это было не привидение. И не мужчина. Это была Дина в своем белом махровом халате.

— Я сделала это, потому что люблю тебя! — закричала Дина.

Старик, покачиваясь из стороны в сторону, молчал.

— Я вернулась в дом за ножом и пришла сюда, потому что знала, что ты намереваешься сделать, и не хотела, чтобы из-за тебя была испорчена жизнь такой чудной девушки, как Дороти. Я ненавидела тебя и хотела тебя убить. Но на самом деле во мне нет к тебе ни капли ненависти.

Пэли медленно запустил руку за спину и обхватил рукоять ножа. Молния озарила своим белым сиянием все вокруг, и в ее

кратком свете обе женщины увидели, что он вырвал лезвие из своего тела.

— Это ужасно, о господи, как это ужасно, — простонала Дороти. — Это я виновата, только я.

Она стала ощупывать грязь, пока пальцы ее не наткнулись на джинсы Старика, затем, слегка приподнявшись, она нащупала и задний карман его брюк, в котором находились очки. Она надела их и обнаружила, что из-за крошечной тьмы ничего вокруг не видит. Тогда, и только тогда, она занялась поисками своей собственной одежды. Ползая, она обшаривала мокрые листья и траву. Она уже почти оделась и собиралась вернуться к Старiku, как вспышка молнии осветила груду одежды слева от нее. Издав радостный крик, она поползла к ней.

Однако следующая молния высветила еще кое-что. Она закричала и попыталась встать, но поскользнулась и упала лицом вниз.

Старик с ножом в руке медленно направлялся к ней.

— И не пробуй убежать! — ревел он. — Тебе это ни за что не удастся! Старый Приятель дает мне свет, чтобы ты не смогла спрятаться во тьме! Кроме того, твоя белая кожа светится ночью, как гнилушка. Тебе крышка. Ты схватила мою шапку, чтобы бросить меня, беззащитного, и чтоб Дина могла спокойно воткнуть нож мне в спину. Вы обе колдуньи Ненасущих, уж это я теперь знаю точно.

— Ты соображаешь, что делаешь? — спросила Дороти. Она еще раз попыталась отползти и встать, но не смогла. Грязь будто пальцами впиалась ей в подошвы и колени.

— Старый Дружиче жаждет крови Г'Яга! Он получит ее столько, сколько захочет! Ведь это справедливо. Дина пырнула меня ножом, и Старуха получила немного моей крови, чтоб напиться. Теперь твоя очередь поделиться своим Старым Приятелем.

— Не смей! — закричала Дина. — Не смей, говорю! Дороти здесь совершенно ни при чем! И меня тоже не имеешь права упрекать после всего того, что ты сделал с ней!

— Это она сделала со мной! Я намерен принести последнюю жертву Старому Другу. Потом пусть со мной делают все, что угодно. Мне все равно. У меня будет хоть одно мгновение, когда я действительно стану Настоящим!

Обе женщины пронзительно закричали. В следующее мгновение молния расколола тьму вокруг них. Дороти увидела, что Дина бросилась Старiku на спину и тянет его вниз. Затем снова наступила крошечная темнота.

— О, господи! — взывала Дина. — Когда я толкнула его, он, должно быть, упал на нож. Я слыхала, как хрустнули кости в его груди. Теперь он умирает.

— Да, ты совершила это, — простонал Пэли. — Ты сполна расплатилась со мной, не так ли? Расплатилась за все: за то, что я вылечил тебя от наркомании и поддерживал все эти годы.

— О, Старик, — разрыдалась Дина. — Я совсем не хотела этого. Я только пыталась спасти эту девушку и уберечь тебя от самого себя. Хочешь, я что-нибудь сейчас для тебя сделаю?

— Конечно, хочу! Залепи две большие дырки у меня на груди и на спине. Моя кровь, моя душа вытекает через них. Старина в Небе, ну что это за смерть? Умереть от руки безумной бабы?!

— Замолчите, ради бога! — воскликнула Дороти. — Берегите свои силы. Дина, бегите за врачом на бензоколонке. Она должна быть еще открыта. Вызовите врача!

— Не ходи, Дина, — прошептал Пэли. — Слишком поздно. Моя душа висит на волоске. Через минуту я отойду, и тогда она упадет вниз, как орел на кролика.

Старик замолчал, но через минуту заговорил снова.

— Дороти, Дороти, неужели подлость Старика привела тебя к этому? Ведь я что-то для тебя значил... там, под цветами... я ощущал себя тогда богом... не тем, кто я на самом деле... старый безумный мусорщик... человек из переулка... Только послушай... За мной пятьдесят тысяч лет... намного старше Адама и Евы... и вот здесь...

Дина продолжала всхлипывать. Старик поднял руку, и она схватила ее.

— Отпусти, — слабо произнес он. — Я хотел вышибить из тебя... ты поступила, как дрянь... убила меня... а теперь плачешь... ты никогда не ценила меня... как Дороти.

— У него коченеет рука, — прошептала Дина.

— Дина, похорони эту проклятую шапку вместе со мной... чтобы твоим родичам она не... Эй, Дина, а что ты теперь будешь делать, когда тебе снова захочется уколотся? Кто...

Он неожиданно приподнялся. В то же самое время сверкнула совсем близко молния. Глаза Старика были устремлены мимо женщин куда-то в ночь.

Он заговорил, и голос его был более сильным, чем минуту назад. Как будто жизнь снова наполнила его тело сквозь отверстия в плоти.

— Старина в Небе устроил мне пышные проводы. С громом и молниями. Это в его духе. Он всегда терпеть не мог дешежки. А почему бы и нет? Ведь он знает, что заканчивается вместе со мной. Последний из ему поклоняющихся... последний из Пэли!

Он захлебнулся в собственной крови, откинулся на спину и навеки смолк.

“КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА”

Он поднес горячий кофе к губам, празднично разглядывая нависшую над кратерами Землю.

Зазвонил телефон. Он нажал кнопку.

— Говорит доктор Галерс.

— Марк, это Гарри. Я на борту “Короля Эльфов”, грузового звездолета капитана Эверлейка. Док двенадцать. Тут для тебя есть одно дело. Лучше будет, если заодно прихватишь с собой специалиста. Я отдал распоряжение водителю вездехода доставить тебя. Он будет у тебя минут через тридцать.

Он сделал паузу.

— Вместе с тобой прибудет лейтенант Рэсполд.

— Кто-то кого-то убил? — спросил Галерс.

— Не знаю. Но один из членов экипажа исчез сразу же после выхода “Короля Эльфов” из подпространства. Капитан сообщил об этом всего лишь минуту назад. Сказал, что он настолько был обеспокоен болезнью дочери, что не подумал об этом раньше.

— О’кей. Я позвоню Раде. Пока.

Марк Галерс включил настенный экран. На нем появилась невысокая стройная девушка в зеленом пиджаке и такого же цвета широких брюках, которая что-то читала, положив ноги на стол. Галерс увеличил изображение, чтобы разобрать слова.

— Снова Генри Миллер, Рада? Неужели ты читаешь только классику?

Рада Ту отодвинула книгу и поправила короткие черные волосы. Ее темные раскосые глаза весело заблестели.

— За неимением ничего другого приходится нечто волнующее искать в книгах. Ведь вы продолжаете придерживаться старого клинического отношения ко мне.

Он приподнял рыжеватые брови.

— Но ведь я не единственный мужчина на Луне, Рада. — Затем спокойно добавил: — Берите-ка свои приборы. Пахнет жареным.

Она легко вскочила на ноги.

— Сию минуту, доктор.

Экран потух. Марк Галерс проверил содержимое своего саквояжа и надел зеленый пиджак. Мгновением позже в комнату зашла Рада. Она толкала тележку, на которой был установлен большой черный металлический ящик со многими гнездами и шкалами.

— А кто пациент?

— Насколько я понял, дочь капитана.

— Опять неудача! А я так надеялась, что это будет мужчина. Вы понимаете, какой-нибудь крупный, зрелый, прихворнув-

ший самец, который, придя в себя, первое, что увидит, — это меня и влюбится с первого взгляда.

— И от этого снова захочет лишиться чувств, если только не побоится, что с ним ничего не случится.

Они прошли через качавшуюся дверь. Рада тащила за собой автодиагноста. Зеленый огонек свидетельствовал о том, что можно не опасаясь войти в шлюз. Там уже их ждал вездеход. Рада подняла прибор и тележку над головой и передала их водителю. Тот одной рукой поднял груз и поставил внутрь. Девушка подпрыгнула на три метра и начала размещаться в кабине. За ней последовал Галерс. Как только они уселись, за ними последовал еще один мужчина и сел напротив них. Дверь закрылась, шлюз открылся, и вездеход выехал наружу. Никто из пассажиров не смотрел на удаленные горные края. Все их внимание было сосредоточено на прикуривании сигарет.

Выпуская клубы дыма, Марк спросил:

— Ну и как там ваш сыск, Рэсполд?

Рэсполд был высокий мужчина с блестящими черными волосами, темными сверлящими глазами и носом ищейки.

— Честно говоря, заедает сплошная скука. Преступление на Луне — штука довольно редкая, — голос его звучал спокойно и ровно, скрашивая недостатки его внешности. — Почти все свое время я провожу, рисуя лунные пейзажи или голых красавиц.

— Я не буду больше позировать вам, — пожалла плечами Рада. — На ваших картинах я выгляжу слишком толстой.

Рэсполд улыбнулся, обнажив длинные белые зубы.

— Да, я знаю. Но ничего с этим поделать нельзя. Мое подсознание тоскует по женщинам с формами красавиц Рубенса. Теперь уже таких, правда, не найти. Во всяком случае, на Луне.

— Вы подавали заявление о переводе? — спросил Галерс.

— Да, но ответа не получил. Я просил, чтобы меня послали на Вилденвулли. Эта планета только начинает осваиваться, там через каждые десять шагов попадаетесь или индивидуалист, или неврастеник. С нее прибыл запрос на детектива, который не чурается тяжелой и грязной работы. — Рэсполд просиял: — Когда вы вылетаете?

— Как только найду приличествующую мне команду. У меня есть тридцать дней, чтобы сделать выбор. Тут надо быть очень осторожным. Если попадется капитан или команда, с которыми трудно ужиться, то пребывание на таком корабле может оказаться адом.

— Вы намерены выбрать планету?

— И застрять там на десять лет, пока не выплачу все, что потратила компания на мое медицинское образование? Нет, премного благодарен. Если же стать корабельным врачом, то

нужно провести шесть лет, ишача на “Саксвелл”, то и дело проводя отпуск на Земле.

— Но много времени придется проводить, между прочим, также и в кишках зверей.

— Я понимаю это. Но думаю, что это можно стерпеть. А потом, у меня впереди будет перспектива спокойно работать на Земле. Это меня вполне устраивает.

— А вот меня — нет. Там слишком много сыщиков и недостаточное преступников. Там мне ни за что не получить повышение. Вилденвулли меня устраивает больше.

— Мне кажется, — заметила Рада, — что именно туда следует мне отправиться, чтобы заполучить мужа. Я слышала, что там одна девушка на пятерых мужчин. Разве это не здорово?

Мужчины угрюмо посмотрели на нее и до самого двенадцатого дока молчали.

Галерс подхватил свой саквояж и спрыгнул с вездехода. Он прошел через шлюз и очутился на левом борту “Короля Эльфов”. Его встретил таможенный инспектор Гарри Харази.

— Сюда, Марк. Она в своей каюте. Такой хорошенькой девушки ты еще не видел. При условии, что она выздоровеет. Сейчас же она бледноватая и осунувшаяся. И язык у нее весь изжеванный.

— Кто был поблизости, когда она почувствовала себя плохо?

— Ее отец. Насколько это правда, не знаю. Он сейчас в ее каюте вместе с ней. Не хочет оставлять ее, пока не придет врач. То есть ты, Марк.

— Спасибо за информацию.

Они прошли по коридору, поднялись по лестнице на другую палубу, пересекли помещение, где члены экипажа проходили таможенный и медицинский осмотр, и подошли к каюте, поднявшись по узкой винтовой лестнице. Харази постучал.

— Войдите, — раздался низкий голос.

Они вошли в достаточно просторную каюту, в которой размещалась двойная койка, туалетный столик с большим зеркалом, откидной от стенки стул, шагающая кукла ростом до пояса взрослого человека. В углу находилась застекленная полка с книгами и микрофильмами. На еще одной полке были расположены морские раковины с двух десятков планет и стояла фотография женщины. Дверь, расположенная между койкой и туалетным столиком, судя по всему, вела в ванную. Во второй комнате через полуотворенную дверь виднелась одежда, развешенная на рейке. Она была вся белая.

Белой была также форма капитана Асафа Эверлейка. Галерс был удивлен, так как компания “Саксвелл Стеллар” требовала, чтобы ее люди носили форму зеленого цвета. Он взглянул на

капитана и сразу же понял, что этот человек вполне может на-стоять на удовлетворении своих требований даже перед лицом такого гиганта, как "Саксвелл".

По сравнению с лицом Эверлейка суровое лицо его приятеля Рэсполда казалось нежным и кротким.

На девушке, лежащей на койке, была белая блузка и белые широкие брюки. Ее лицо казалось таким же белым, как и ее одежда. Глаза ее были закрыты, рот чуть-чуть приоткрыт. Губы были искушены. Язык тоже сильно покусан и распух. Из рта ее текла тонкая струйка крови. Пульс учащенно бился.

— Попросите, пожалуйста, Раду, — обратился Марк к Ха-рази, — чтобы она включила автодиагност в коридоре, здесь для него нет места.

Он надавил на глазные яблоки девушки. И отметил про себя, что они не были мягкими.

— Капитан, — обратился он к мужчине, — у нее были по-добные приступы раньше?

— Ни разу.

— Когда произошел этот?

— Час назад по корабельному времени.

— Где?

— Здесь.

— Вы присутствовали, когда это случилось?

— С самого начала.

Галерс взглянул еще раз на капитана. Казалось, тот делал ударение на каждом слове, будто выравнивая слова молотом на наковальне.

Глаза этого человека соответствовали голосу. Они были бледно-голубые и твердые, как броня. Брови над ними были цвета высохшей крови. Длинные волосинки бровей торчали, как ощерившаяся копытами фаланга. По сути, подумал Галерс, капитан Эверлейк весь как острое копьё. Даже тогда, когда ка-питан был неподвижен и молчал, он производил впечатление вооруженной несокрушимости.

В двери показалась голова Рады.

— Мне необходимы пять анализов крови, — объяснил Га-лерс. — На содержание сахара, на определение уровня инсулина и адреналина, клеточный состав и общий анализ. Особое вни-мание надо уделить чужеродным телам. И включи, пожалуйста, электроэнцефалограф.

Голова девушки исчезла.

— Подождите, Рада. Понюхайте для меня, пожалуйста, ее дыхание.

Она кивнула и склонилась над больной.

— Я не ощущаю запаха ацетона, доктор. Единственный

запах, который я почувствовала, это... запах рыбы.

Галерс повернулся к капитану:

— Она недавно ела рыбу?

— Возможно. Сегодня пятница по корабельному времени. Вы можете справиться у кока. Я сегодня еще ничего не ел.

Галерс взял датчик, небольшой металлический кожух которого был подсоединен длинным гибким проводом к установке автодиагноста, и стал медленно водить им над головой девушки, то и дело щелкая тумблером. Рада взяла анализы крови и вышла из каюты. Когда она снова вошла, Галерс попросил отца девушки описать приступ.

Время от времени он кивал, слушая, как капитан рассказывал о схватках, характерных для эпилепсии, адреналинового или инсулинового шока. Он не считал, что это приступ диабета, но точно что-либо можно было сказать только после определения содержания в крови сахара.

Была также еще одна возможность, которой так опасались таможенники. Она заключалась в том, что в теле девушки могла затаиться внемозная инфекция или какой-нибудь паразит. Однако Галерс так не считал. Скорее всего, ее поразила какая-нибудь из земных болезней.

И все же уверенности пока что не было ни в чем. А вдруг она заразилась каким-то новым ужасным микробом, который распространится подобно черной смерти, если его не оставить внутри этого корабля?

В это мгновение девушка открыла глаза.

Прежде чем он успел сказать ей что-нибудь ободряющее, она отпрянула от него. Глаза ее расширились, она попыталась как бы вдавить свое тело в койку, подальше от него. Отец тотчас же оказался рядом с ней, вынудив врача посторониться.

— Все хорошо, Дебби. Твой папа здесь. Тебе нечего бояться. Успокойся. Ты слышишь меня? Успокойся, и все будет хорошо.

Она ничего не ответила. Глаза ее были устремлены мимо него на Галерса. Они были такими же светло-голубыми, как и у отца, но не такими суровыми. Теперь, когда голова ее поднялась, врач отметил про себя, что ее светлые волосы очень длинные. Уже это одно делало ее примечательной в мире коротких стрижек.

— Кто это? — спросила она сдавленным голосом. Затем голова ее снова опустилась на подушку. Галерс вышел из каюты, забрав с собой датчик автодиагноста.

Рада Ту колдовала над своими приборами.

— Общий анализ еще не готов. Но остальные у меня уже есть.

Она протянула ему полоску бумаги, на которой машиной был отпечатан код.

— Это мог быть адреналиновый шок, — сказал Марк Галерс.
— Внезапного ничего нет? — спросил Харази. — Что же, неплохо. А что такое, между прочим, адреналиновый шок?

Врач решил, что у него есть немного времени для беседы.

— Когда содержание сахара в крови становится очень низким, спинная адреналиновая железа выделяет гормон эпинефрин. С его помощью животный крахмал превращается в печени снова в животный сахар, и тем самым повышается содержание сахара в крови. Но со стороны организма адреналин является крайним средством. Увеличение содержания адреналина приводит к тахикардии, приступам и конвульсиям. Симптомы точно такие же, как и во время приступа диабета, только в том случае это так называемый инсулиновый шок. Здесь же что-то вроде эпилепсии. Но полной уверенности в этом диагнозе нет, пока не будет готов полный анализ крови. Может существовать еще какой-нибудь фактор, обуславливающий наличие эпинефрина в крови. Тем не менее анализ показывает низкое содержание сахара. Но не настолько, чтобы вызвать адреналиновый шок. К тому же она сейчас оправляется от приступа.

— Что же обусловило понижение содержания сахара в крови?

— Если бы я знал это, то уже сейчас принял бы меры.

К ним подошел Рэсполд.

— Пока что ребята из таможни и карантинной службы говорят, что корабль чист, — сказал он. И потянул воздух своим носом ищейки. — Кто тут прячет дохлую рыбу?

— Вы знаете, — недоуменно пожал плечами Галерс, — я не ощущаю никакого запаха.

— В этом вам повезло. В этом мире гораздо больше плохих запахов, чем хороших. — Детектив повернулся к таможеннику.

— Не следует ли вам, сэр, поискать причину этой ужасной вони?

— У меня нет такого собачьего обоняния, как у вас, Рэсполд, — засмеялся Харази. — Я мог различить слабый запах рыбы, когда стоял у входа в каюту, но здесь, снаружи, я не в состоянии этого сделать.

— Мне туда можно, док? Я мог бы переговорить с ними? Никто из команды, кажется, ничего толком не знает о том, что произошло с этим исчезнувшим.

— Вы можете переговорить с капитаном здесь, в коридоре. Не думаю, что мисс Эверлейк готова к разговору.

— Будьте добры, попросите его выйти.

— Я попрошу его, но это вовсе не значит, что он выйдет. Таким, как этот капитан, вряд ли можно приказывать.

Капитан Асаф сидел на краешке койки, поглядывая на дочь. Она протянула ему руку, но он так и не взял ее. Лицо его было таким же жестким, как мокрое полотенце на морозе.

Когда ему передали просьбу Рэсполда, он кивнул в знак согласия. Выходя из каюты, он еще раз взглянул на неподвижную фигуру своей дочери. Затем его глаза встретились с глазами Галерса. Молодой врач выдержал этот взгляд, но при этом ощутил всю суровость капитана, и это ощущение ему совсем не понравилось. Во взгляде капитана были предупреждение и угроза.

Галерс пожал плечами и решил, что он становится слишком впечатлительным. Сами по себе глаза не несли в себе никакой определенной информации. Тем не менее в них отразились печаль и твердость характера. И от этого нельзя было отмахнуться.

Доктор повернулся к девушке. Глаза ее теперь снова были открыты, пальцы чуть-чуть согнуты. Как будто она хотела взять что-то, а затем, получив отказ, попыталась выразить свой гнев, но не смогла.

Но это его не касалось. Во всяком случае, сейчас. Он здесь был на случай крайней необходимости, и у него еще было достаточно работы.

— Пожалуйста, сожмите и разожмите пальцы в кулак несколько раз, — обратился он к девушке. — Я хочу сделать укол глюкозы.

Она непонимающе посмотрела на него. Галерс повторил. Она мельком взглянула на свою руку и снова ничего не сделала.

— Разумеется, особой необходимости в этом нет, — объяснил Галерс. — Но это поможет мне отыскать вашу вену, чтобы лучше сделать укол.

Она опустила веки. По ее телу и лицу пробежала дрожь. Она как будто боролась сама с собой. Мгновением позже она произнесла, не открывая глаз:

— Хорошо, доктор.

Он без особого труда отыскал вену.

— Вы за последнее время сильно похудели?

— Больше чем на четыре килограмма, с тех пор как покинули Мелвилл.

— Мэлвилл?

Она открыла глаза и пристально посмотрела на него.

— Это вторая планета Беты Скорпиона. Арабы называли эту звезду "Северным Когтем". Это единственная зеленая звезда, которую можно видеть с Земли невооруженным глазом.

Он вытянул иглу.

— Надо будет когда-нибудь посмотреть. Это единственное, что есть хорошего на Луне. Прекрасно видно небеса. И больше ничего. — Он надеялся втянуть ее в разговор.

— Чем вы занимались на Мелвилле?

— Мы были там, чтобы выгрузить кое-какие медикаменты.

Нам очень повезло, потому что как раз в это время там проводился фестиваль.

Увидев его приподнятые брови, она пояснила:

— В этот день мы отмечаем рождение Ремо.

Теперь он понял, что означает белая одежда и длинные волосы обоих Эверлейков. Если бы он не был так сильно занят, то сразу же отметил бы этот факт. Ремо был основателем неопуританской секты, которая возникла на земле около пятидесяти лет тому назад. Затем ее лидеры, обнаружив, что пропадает первоначальный пыл и что молодежь от них ускользает, переселились на планету, название которой доктор позабыл. Они распродали свою собственность и всеми способами добывали деньги, доведя себя при этом до степени крайней нищеты. Космическое путешествие штука дорогая. И сама каюта, и груз стоят очень дорого. Крохотная колония Ремонтов высадилась на Мелвилле с абсолютно пустыми карманами и минимумом инструментов в своем багаже.

— Каким же образом ваш отец стал астронавигатором? — удивился Галерс. — Мне всегда казалось, что вы почти потеряли всякий контакт с Землей?

— “Саксвелл” и другие компании содержат там свои филиалы. Они не только торгуют с нами, но и принимают на работу многих наших людей. Тех, кто отправляется в космос, чтобы заработать и чтобы подыскать себе жен. У нас противоположная ситуация, не как на Земле. На каждую девочку рождается в среднем два мальчика.

— Должно быть, им это очень легко сделать. Достаточно побывать на Земле и сделать выбор.

— Так бы и было, но большинство женщин не хотят следовать на Ремо. Это означает слишком большую перемену в их образе жизни. Они привыкли к более простому взгляду на вещи. К тому же, ни один мужчина-ремонит не женится на неверующей девушке.

Галерс не смог удержаться, чтобы не взглянуть на женский портрет, висящий на стене.

Она перехватила его взгляд и объяснила:

— Моя мать была родом с Земли. Она родила меня на прежнем корабле, которым командовал папа, на “Синей Птице”. Затем мы осели на Мелвилле. Однако, когда мать умерла, отец снова вернулся в космос. “Саксвелл” был рад его возвращению. Отец не очень-то весел, но зато отличный капитан. Он неподкупен, а это очень высоко ценится. Вы знаете, сколько хлопот им доставляют те служащие, которые подвергаются непрерывному искушению на осваиваемых планетах? У них масса возможностей для быстрого обогащения.

Доктор кивнул. Глюкоза подействовала быстро. Щеки девушки приобрели нормальный цвет, глаза стали ярче, движения более раскованными. Более того, она, которую отец наверняка просил помалкивать, оказалась очень разговорчивой. Галерс это объяснил тем, что девушка, должно быть, очень одинока. Ведь здесь нет ни других девушек, ни парней. Только невозможная молчаливость капитана.

Вошла Рада и передала ему небольшой рулон бумаги.

Это была энцефалограмма. Сразу же в глаза бросилась нерегулярность ритмов мозга. На этой стадии диагностики подобное, правда, не имело особого значения, ибо нерегулярность могла быть просто вызвана недавним приступом или была просто характерной особенностью организма девушки.

Он попросил Раду сделать еще одну энцефалограмму, после того как он возьмет анализ крови, чтобы посмотреть, возрастает ли содержание сахара в крови. Когда Рада вышла, он сел рядом с девушкой и взял ее за руку. Она не убрала ее, но вся немного напряглась. Доктор тотчас же отпустил руку, так как сейчас его интересовали только двигательные рефлексy девушки.

— Как вы чувствуете себя сейчас?

— Слабой и слегка взволнованной, — ответила она. Затем, поколебавшись, продолжила: — И у меня все время такое ощущение, что я собираюсь взорваться.

— Взорваться?

Она положила руку себе на живот. Он был уверен, что сделала она это бессознательно.

— Да, я чувствую, что я вот-вот взорвусь или меня разорвет на клочки.

— А когда у вас впервые появилось такое ощущение?

— Около двух месяцев тому назад по корабельному времени.

— Что вы еще ощущали кроме этого?

— Ничего. Нет, подождите, кое-что было. У меня как раз в то время появился огромный аппетит. Но вес не прибавлялся. Только немного увеличился живот. Поэтому я всеми силами старалась есть поменьше. Но чтобы выдерживать диету, у меня не хватало сил.

— Чем же вы в основном питались? Жирами, сахаром или протеинами?

— О, всем, что попадалось под руку. Разумеется, много жиров я не потребляла. Но никогда не пренебрегала шоколадом. Он, по моему, вовсе не вредит моей коже.

Галерс вынужден был согласиться с этим. Такой красивой кремовой кожи он никогда раньше не видел. Теперь, когда к девушке возвращался обычный цвет лица и оживлялись глаза, она с каждой минутой становилась все красивее и красивее.

Конечно, у нее еще немного выдавались скулы и ей не мешало бы немного пополнеть, однако фигура у нее была превосходной.

Он улыбнулся своему клиническому осмотру женской красоты и поспешно вернулся к делу.

— Это ощущение взрыва не покидает вас все время?

— Да, даже тогда, когда я просыпаюсь посреди ночи, мне кажется, что я вот-вот разорвусь на части.

— Что вы делали тогда, когда впервые заметили подобное?

— Тогда... я смотрела видеокассету "Пелей и Мелисанда". Дебюсси.

Он улыбнулся.

— Родственная душа! Вы любите оперу? Мы обязательно поговорим на эту тему, когда вы будете чувствовать себя немного лучше. В наше время так редко встречаются любители... Ну, вы понимаете. Помните то место в начале первого акта? — Он начал тихонько напевать. — "Не бойтесь, у вас нет причин меня бояться. Скажите мне, что заставило вас плакать, здесь в одиночестве?"

Однако она не ответила так, как он того хотел. Ее нижняя губа задрожала, голубые глаза наполнились слезами. Неожиданно она расплакалась.

— Я сказал что-то не то? — смутился он.

Она прикрыла лицо руками.

— Извините, если я вас чем-нибудь обидел. Я всего лишь пытался немного развлечь вас.

Она перестала плакать и произнесла:

— Нет, дело вовсе не в этом! Просто я так рада, что есть с кем поговорить, что есть кто-то со мною рядом.

Она протянула ему руку, но тут же на полпути отдернула ее.

— Вы... вы не находите... ничего неприятного во мне, правда же?

— Нет, не нахожу. А почему это я должен находить? Я считаю, что вы очень красивая девушка. И ведете себя очень скромно.

— Я не то имею в виду. Не обращайтесь внимания. Если вы не... Только теперь... За последние три месяца никто со мной не разговаривал, кроме Клакстона и папы. Затем отец запретил мне...

— Запретил — что?

Быстро, как бы боясь, что кто-нибудь войдет и помешает ей, она выпалила:

— Разговаривать с Питом. Отец запретил мне это два месяца тому назад. С тех пор...

— Да?

— С тех пор сам папа говорит очень мало, и мне удалось только один раз поговорить с Питом наедине. Это было как раз

перед тем, как я потеряла сознание. По сути...

Она некоторое время колебалась, но затем сказала, сжав свои полные губы:

— Я потеряла сознание, когда беседовала с ним.

Галерс взял ее руку и погладил. У девушки был нерешительный вид, но руку она не убрала. Марк удивился своей реакции на ее гладкую кожу. Ему пришлось, затаив дыхание, скрывать свои ощущения то ли восторга, то ли страдания. В эти мгновения его профессиональные ощущения, пусть хотя бы частично, но отошли на задний план перед личными.

— Кто этот Пит Клакстон? — спросил он. И тут же снова удивился. Он ощутил какое-то беспокойство из-за имени этого парня и того, что он может для нее что-то значить.

— Это первый помощник, наш навигатор. Он старше меня, но очень хороший, очень...

Марк подождал немного, пока не понял, что это единственная информация, которую ему удалось получить. Дебора Эверлейк, казалось, раскаивалась в том, что разговаривала с ним столь непринужденно. Она закусила губу и пустым взглядом смотрела через его плечо.

И как часто это случается с людьми с очень голубыми глазами, этот отрешенный взгляд был более похож на взгляд животного или восковой фигуры, а не живого человека. Марку это очень не понравилось, так как лишило ее присущей ей красоты. Это показалось ему не единственным недостатком, возможно, из-за этого он отдавал предпочтение темноглазым женщинам.

Испытывая неловкость, Марк поднялся и произнес:

— Я сейчас вернусь.

Открыв дверь, он едва не столкнулся с капитаном. Галерс остановился, чтобы пропустить его. Тот вошел в дверь, будто она открылась автоматически по сигналу фотоэлемента.

Марк взглянул на суровое лицо капитана. Одного его взгляда было достаточно, чтобы девушке вновь стало нехорошо.

— Рада, — позвал он, когда за его спиной закрылась дверь. — Вы...

Доктор замер. Дверь в каюту была закрыта, однако это не могло приглушить дикий крик, раздающийся там.

Сильная жилистая рука Рэсполда остановила Марка Галерса, пытавшегося броситься назад, в каюту.

— Думаю, что он рассказал ей о случившемся, — объяснил детектив.

— О чем именно? — поинтересовался Галерс, хотя уже начал догадываться, какой последует ответ.

— Его дочь не знала, что исчез именно Пит Клакстон.

Галерс чертыхнулся.

— Вот идиот! Он что, не мог как-то более осторожно сообщить ей это?

— Мне показалось, что он торопился, — пожал плечами Рэсполд. — Я спросил у него, рассказал ли он ей об этом, и он ответил, что нет. Я тогда предложил, что сам сообщу ей эту новость, но прежде чем я успел растолковать, почему лучше мне сделать это, он поспешил сюда. Я последовал за ним, потому что подозревал, что он намерен предпринять.

— Что же теперь вы намерены делать?

— Не знаю. Понимаете, он признался, что последним видел Клакстона живым. Это было за час до его исчезновения. Но сейчас я не могу сделать какое-либо заключение.

“Интересно, — подумал Галерс, — знает ли лейтенант, что Клакстон был в каюте у девушки, когда у нее начался приступ?”

— Как бы опережая эту мысль, Рэсполд продолжил:

— Эверлейк утверждает, что они втроем беседовали в ее каюте, когда у нее начался приступ конвульсий. Он послал Клакстона за помощью. Больше он его уже не видел.

— А где бортовой врач “Короля Эльфов”? — задал вопрос Галерс.

Рэсполд криво усмехнулся.

— Он утонул во время фестиваля в Мелвилле.

Галерс повернулся к Раде:

— Каково содержание сахара сейчас?

— Около ста двадцати миллиграммов, док.

— Растет быстро. Нужно пристально наблюдать за ней. Жаль, что здесь у нас нет приборов, которые могли бы давать ежеминутные показания. Гарри, вы позволите увезти ее с корабля?

— Пока вы не докажете, что эта болезнь не связана с каким-нибудь внеземным вирусом, она останется здесь. Так же как и все остальные члены экипажа.

— Включая и вас?

— Включая и меня, — кивнул Харази. — Такая уж у нас работа, Марк.

— Мое собственное расследование тоже далеко не завершено, — заметил Рэсполд. — Мне бы хотелось получить разрешение от властей на применение “сыворотки правды”. Однако пока что, должен признать, у меня нет повода, чтобы добиваться ордера на принудительное расследование.

— Вы могли бы попросить подозреваемых добровольно согласиться на подобное расследование.

— Полегче, док, — фыркнул Рэсполд. — Я пока что даже не осмеливаюсь употреблять слово “подозреваемый”! Меня за это могут привлечь к суду. И вы зря думаете, что капитан согласится

хоть что-нибудь еще добавить к тому, что известно нам. Я обследовал часть корабля, где размещалась недостающая теперь спасательная лодка, и обнаружил кое-какие улики. Там есть отпечатки пальцев всех лиц, находящихся на борту корабля, и даже тех, кого уже здесь нет!

Марк вопросительно уставился на детектива.

— В личных делах в сейфе капитана хранятся отпечатки всего экипажа и пассажиров. Проверка особого времени не требует.

Галерс вернулся в каюту. Он чувствовал, что девушка достаточно выплакалась и самое время несколько рассеять ее печаль. И хотя считалось, что пациенту следует хорошенько выплакаться, ибо при этом сохраняется его психика, у него было ощущение, что ничего радостного ожидать от долгого общения Дебби с отцом нельзя.

Более того, ему самому хотелось побыть с нею, и причины этому были не только профессиональные. Несмотря на короткое время, что он с нею виделся, он ощущал, что она все больше и больше завладевает его вниманием.

Капитан сидел на краю койки и очень тихо беседовал с дочерью. Дебора лежала на кровати, свернувшись калачиком, спиной к нему, закрыв лицо руками. Плечи ее содрогались от всхлипываний.

Эверлейк поднял голову.

— Эта новость, — твердо произнес Галерс, — возможно, потрясла ее. Особенно если учесть ее теперешнее состояние. Было бы гораздо лучше, если бы это было сделано более осторожно.

Капитан поднялся во весь рост:

— Вы превышаете свои полномочия как врач, Галерс.

— Отнюдь нет. В мои обязанности входит в равной мере как сохранение здоровья моих пациентов, так и лечение их. Вы сами прекрасно знаете, что профилактика — самое лучшее лекарство.

Он сел на то место, где сидел капитан, и подтянул девушку к себе. Она быстро повернулась и, не сопротивляясь, позволила ему себя обнять. Однако девушка не переставала плакать. Марк ненавязчиво проверил ее пульс и обнаружил, что он поднялся до ста двадцати ударов в минуту. Дебора снова побледнела.

Галерс осторожно положил девушку опять на кровать и обратился к капитану, который молча стоял у него за спиной, не сводя глаз с дочери:

— Если бы я знал, что произойдет, я бы не пустил вас сюда. Ее состояние ухудшилось. А теперь, если вы не возражаете, я попросил бы вас выйти. Мне нужно работать.

Эверлейк продолжал неподвижно стоять, шевелились только губы на каменном лице:

— Я капитан “Короля Эльфов”. На его борту никто не смеет указывать мне, что я могу и что не могу делать.

— Корабль не в космосе, — спокойно возразил Галерс. — Он поставлен в док. Согласно тридцатому параграфу, насколько я помню, а я уверен, что память меня не подводит, врач в подобных случаях располагает полномочиями, превышающими полномочия капитана. И даже в полете полномочия врача, если дело касается медицины, при условии, что его решения не грозят безопасности других лиц на борту, выше полномочий капитана.

Белая фигура капитана непоколебимо продолжала оставаться на том же месте, будто никакие силы были не в состоянии ее сдвинуть. Затем неожиданно жесткие ее контуры сломались, и капитан Асаф вышел.

Марк Галерс облегченно вздохнул, так как он не был уверен, что его апелляция к закону поможет, хотя в глубине души он надеялся на это, ибо такие люди, как Эверлейк, уважали законность. Они привыкли к этому, и отказ повиноваться для них означал глубокий конфликт с собственными убеждениями.

Галерс погладил Дебби по плечу и подошел к двери, в которой стояла Рада, подняв вверх большой палец. Это означало, что общий анализ крови не показал наличия инородных тел. Марк вышел в коридор и объявил об этом Харази, который сразу же повеселел от этой новости.

— Моя жена сказала, что если я буду задерживаться на работе и опаздывать к обеду, то мне придется бросить эту работу, — усмехнулся инспектор. — А мне на Луне нравится. Я здесь себя чувствую гораздо лучше, чем на Земле.

— А я хотел бы убраться отсюда как можно скорее. — Врач бросил взгляд вдоль коридора: — Куда пошел капитан?

— Его утащил Рэсполд. А для чего — не знаю. Доктор, что вы скажете, если я уговорю шефа, О’Брайена, завизировать ваш отчет? Тогда и медслужба будет удовлетворена, и я смогу снять карантин и отпустить всех по домам. К тому же и “Саксвелл” очень не любит, когда корабли подолгу простаивают в доках. Вы ведь знаете, что компания при желании может сделать жизнь таможенника совершенно невыносимой. — Он воздел руки к небу. — Боже всемогущий, скольким людям я должен угождать! Капитану, команде, медикам, “Саксвеллу” и, наконец, и это далеко не последнее, своей жене! Нет, надо поскорее все бросать и умываться отсюда подальше!

— Если хотите знать мое мнение, то карантин можно снимать. Но есть еще одно лицо, от которого зависит принятие этого

решения. Это. Располд. Он еще не закончил предварительное расследование.

Гарри ушел, а Галерс и Ту вернулись в каюту. Рада подтянула свою тележку прямо к койке, увеличила температуру в помещении ручкой термостата и стала раздевать девушку.

Дебби смотрела на них покрасневшими, распухшими от слез глазами.

— Не бойтесь, — успокоил ее Марк. — Сейчас мы попробуем вас немного подлечить. Может, вам будет чуть-чуть больно, но это только для вашей же пользы. Это нужно, чтобы освободить вас от того, что смогло бы годами таиться в вас, а затем прорваться в самый неподходящий момент и уложить вас в больницу.

Он сознательно пропустил при этом слово “психиатрическую”, так как это пугало пациентов даже в эту, как казалось, просвещенную эпоху.

Рада еще раз взяла кровь, а Галерс прикрепил чувствительную головку энцефалографа, чтоб Дебора не могла ее нечаянно сорвать.

— Пожалуйста, не пускайте сюда моего отца, чтобы он не увидел меня раздетой.

Галерс кивнул. Одновременно он решил позже проверить характерные особенности религии, которую она исповедовала. Такую скромность можно было теперь встретить только среди психопатов. Девушка на вид таковой не была, и причиной этому могло быть только ненормальное воспитание, которое она получила на Мелвилле.

Рада активировала электромагнитный дверной замок, а Галерс тем временем прикрепил к телу девушки два небольших плоских диска, один выше сердца и один на животе. От них к тележке шли провода.

— Этот диск регистрирует сердцебиение, а этот — мышечную деятельность.

— А что вы собираетесь сделать? — слегка обеспокоенно спросила Дебби, перестав плакать.

Он взял из рук Рады шприц и объяснил:

— Здесь десять кубиков озефина и десять глюкозы. Я намерен ввести это лекарство внутримышечно. Оно должно благотворно подействовать на вашу нервную систему. Подействовать на психосоматическом уровне. Лекарство освободит, или, вернее, должно освободить вашу психику от побочных эффектов, возникших после недавних событий. И это освобождение, сколь бы мучительным оно ни было для вас, принесет вам огромную пользу. После того как взрыв вашей активности утаснет сам по себе, вам станет неизмеримо лучше. И в будущем вам не нужно

будет опасаться подавленных в подсознании горестей.

— А если я не хочу принимать это лечение? — дрожащим голосом спросила девушка.

— Мисс Эверлейк, я вовсе не собираюсь ограничивать вашу свободную волю. И не ввожу вас в заблуждение, когда говорю, что вам станет лучше. Это правда, что озефин — довольно новое средство. Но он прошел лабораторную проверку в течение пяти лет и уже три года применяется при лечении. Я сам прибегал к нему несколько раз, леча своих пациентов. Действие его абсолютно предсказуемо.

— Хорошо, доктор, я верю вам...

Он сделал укол и предупредил:

— Теперь крепитесь. Не сдерживайте себя. Если вам захочется говорить — говорите. Возможно, вы обнаружите, что говорите такое, чего бы вы не хотели, чтоб кто-нибудь услышал — даже вы сами. Но пусть вас не смущает наше присутствие. По ту сторону этих стен не просочится ни слова из того, что вы здесь расскажете. И наше отношение к вам нисколько не изменится от этого.

Она сделала огромные глаза:

— Почему вы сразу не сказали об этом?

— Потому что почти никто не соглашался бы, если бы знал, что произойдет. Люди боятся показать себя. Они, возможно, считают себя дурными, плохими и не хотят, чтобы кто-нибудь другой обнаружил это. Это нелепо. Никто не является сущим ангелом или сущим дьяволом. В каждом из нас есть частица всего, что присуще Земле. И нет ничего плохого в том, когда мы честно в этом признаемся. В противном случае, когда мы отказываемся в чем-либо признаваться, оно само прорывается и может сокрушить нас физически и умственно.

Он взял второй шприц.

— Смотрите! Здесь противоядие. Если я сделаю укол, то действие озефина будет приостановлено. Только скажите, и я сделаю это. Все будет зависеть только от вас. Может быть, вы и дальше согласны жить с бомбой замедленного действия, притаившейся в вашей психике, надеясь, что она никогда не взорвется. Либо вы все-таки подумаете о своем умственном здоровье и согласитесь на лечение. Решать вам самой.

Увидев, что она в нерешительности прикусила губу, он добавил:

— Поверьте мне, Дебби, вы не скажете ни единого слова, которое мне уже не приходилось слышать от своих пациентов. Зато вы очиститесь от всех токсичных для вашей психики элементов, которые накопились в ней за последнее время. Более того, вы будете все время сознавать, что говорите, и по первому

требованию я впрысну вам противоядие.

Видя, что она ни на что не может решиться, беспомощно мотая головой из стороны в сторону, Марк подошел к ней и приготовился впрыснуть лекарство.

Дебора мгновенно предупредила его движение:

— Нет! Я согласна. Не надо укола.

— Спасибо, Дебби, — доктор повернулся, чтобы положить на место шприц. В то же время он углядел упрек в глазах Рады и пожал плечами. Да, он поступал не вполне этично. Если бы он действовал по инструкции, он должен был поставить ее в известность обо всем, что ее ожидает, еще до укола озефина. Он же рассказал ей только, что инъекция каким-то образом неожиданно раскрепостит ее, но уже после укола. Опыт подсказывал ему, что не следует говорить больше тем, кто нуждается в таком лекарстве. Этой девушке озефин был просто необходим. И он, Марк Галерс, несмотря ни на что, обязан был сделать укол. И если ему необходимо было слегка подстраховаться, он сделал и это.

Выйдя в коридор, он ознакомился с личной карточкой девушки, которую по ходу дела добыла ему Рада в корабельном архиве. В ней не было записей о каких-либо прежних болезнях, и самое главное, указывалось, что сердце девушки вполне здоровое. Оно было в состоянии выдержать недавний загадочный приступ, должно было выдержать и сильную, но кратковременную перегрузку, которую вызовет озефин.

Теперь он стоял рядом с автодиагностом, одним глазом глядя на стрелки прибора. Другой он не отрывал от пациентки. Действие озефина началось ровно через три минуты.

Дрожь пробежала по обнаженному телу девушки. Затем она успокоилась и с тревогой посмотрела на врача. Марк улыбнулся.

Она сделала слабую попытку улыбнуться в ответ, но в этот момент вторая волна дрожи охватила ее и стерла созревавшую на ее лице улыбку, как волна размывает песчаный замок. Затем наступила вторая пауза, более короткая.

— Расслабьтесь, — приказал Марк. — Старайтесь не сопротивляться. Относитесь к этому так, будто катаетесь на доске в полосе прибоя и ваше тело именно в этот момент находится на гребне волны.

И он прошептал про себя: “И не позволяйте, чтобы волна сбросила вас с этой доски, иначе бездна поглотит вас... Тогда наступит полнейший покой, и вы тихо будете дрейфовать по течению, не испытывая никаких превратностей в жизни”.

В этом-то и заключалась опасность. Девушка могла не выдержать того, что ей подсказывал ее мозг. Она могла забиться в дальний угол своего сознания, в такие темные его глубины,

откуда ее уже никто, даже она сама, не мог бы извлечь.

Вот почему он так внимательно следил за показаниями прибора. Если они приблизятся к критическому порогу, ему придется дать ей противоядие. И притом быстро. В противном случае она могла бы замкнуться в себе и так и остаться в этом состоянии, глухой к голосам и внешним раздражающим факторам.

В этом случае ее перевели бы в какой-нибудь земной санаторий, где подвергли бы длительному лечению. Возможно, она и пришла бы в конце концов в себя, и была бы даже похожа на ту, прежнюю Дебору, чем была прежде, и, может быть, даже выздоровела. Но не исключалась возможность того, что она так и осталась бы в похожем на смерть трансе, неспособная пошевелиться.

Такова была опасность, связанная с применением озефина. И все же он рискнул, потому что был уверен в себе, потому что у него была возможность своевременно вмешаться в происходящее в ее организме. И самое главное — он обязан был это сделать из-за ее отца. Он опасался, что если “Король Эльфов” улетит прежде, чем она пройдет эффективное лечение, то все пойдет насмарку. Она пропадет, оставшись на всю жизнь больной. И он вынужден был признаться самому себе, что в этом случае она пропадет и для него.

Поэтому более чем профессиональным взглядом следил он за каждым движением ее мускулов. Сейчас это была просто пульсация, начавшаяся в области живота и распространявшаяся по всему ее телу, как круги от брошенного в воду камня.

Через несколько мгновений девушку охватила серия схваток, и стрелка на приборе как ракета взметнулась к критическому порогу. Начали раскачиваться, продолжая дрожать, ее бедра. Лицо исказилось, будто она испытывала мучительную боль, голова ее качалась из стороны в сторону. Все это доказывало ему, какая страшная борьба происходит у нее внутри, как тяжело преодолеть ей чувство страха и чувство стыда своего обнаженного тела.

Поняв это, он дал знак Раде, чтобы та набросила одеяло на тело девушки. Ему не хотелось, более чем это было нужно, смущать ее.

— Вы не должны бороться с этим, Дебби, — попросил он. — Пока вы сопротивляетесь, вы просто изнашиваете себя, сжигаете озефин и не даете ему возможности выполнить свое предназначение. Уступайте.

— А как вы думаете, что я делаю, — всхлипнула она.

— Вам кажется, что вы уступаете, однако на самом деле противитесь ему. Расслабьтесь и помогайте действию препа-

рата. Не обращайтесь на нас внимания. Мы вам не судьи.

— Я... постараюсь...

Однако стрелка оставалась в опасной зоне довольно долго.

— Дебби, я повернусь к вам спиной и буду только наблюдать за приборами. Вас это устроит?

Она кивнула. Через секунду, после того как он отвернулся, она слегка вскрикнула, затем еще и еще. Стрелки приборов медленно поползли назад, подальше от опасной черты. Он улыбнулся. Первая фаза заканчивалась. Вскоре стрелка снова поползет к предельной черте, и наступит новая стадия борьбы. И если она снова победит, то стрелка опять вернется к середине шкалы.

Так оно и случилось. Некоторое время девушка лежала неподвижно, тяжело дыша и постанывая. Затем она начала плакать. Марк молча слушал, время от времени вставляя слово, чтобы напомнить ей о человеке, который исчез. И каждый раз он был вознагражден новым взрывом рыданий, и это вызывало у него небольшую улыбку. Он наверняка выкачает из нее этот печальный эпизод. И тем не менее он ощущал ревность к этому человеку, который послужил причиной такой сильной травмы.

Немного усталый, он проинструктировал Раду, что делать дальше, и стал осматривать Дебби, желая определить, нет ли у нее повреждений. Она покорно повиновалась, но глаза ее были закрыты, будто она не хотела встречаться с ним взглядом. Он похлопал ее по плечу, а затем спросил, нужно ли дать ей что-нибудь успокаивающее, чтобы она смогла уснуть.

— Самое смешное, — слабым голосом ответила девушка, — что можно было бы подумать, что после того, что произошло сегодня, я совсем потеряю голову. Но я чувствую себя почти отдохнувшей, будто этот, как вы его там называете... озефин, принес мне пользу. Мне кажется, что я и так смогу уснуть. У меня больше не будет кошмаров.

— Медицина здесь ни при чем, — объяснил Марк. Вы совершили это все сами. Укол просто помог выйти наружу тому, что необходимо было вывести из вашего организма.

Он поправил одеяло возле ее подбородка.

— Я пришлю сестру, чтобы она последила за вами, пока вы не проспите. Вы не против?

Она сонно улыбнулась:

— И никто не будет меня будить?

— Никто.

“Даже ее отец, капитан”, — дал он себе клятву.

— Спокойной ночи.

Он тихо прикрыл дверь каюты, а затем, засунув руки глубоко в карманы, побрел к радиорубке. По дороге ему попался Рэсполд.

Глаза детектива сверкали.

— Эй, Марк! Знаете новость? Радар с пятого спутника только что сообщил, что заметил предмет размером со спасательную шлюпку “Короля Эльфов”, вошедший в земную атмосферу. Случилось это два часа тому назад, как раз тогда, когда, по нашим предположениям, должен был исчезнуть Клакстон.

Галерс сделал серьезный вид.

— И что?

— Этот неизвестный предмет воткнулся в атмосферу с такой скоростью, что вспыхнул, как болид. То, что не сгорело, упало в Тихий океан.

Доктор Марк Галерс стоял на отправной платформе концерна “Саксвелл Стеллар”. Рядом с ним находилось два больших чемодана. Это было все, что ему было разрешено взять с собой на борт “Короля Эльфов”. Рада Ту, в некотором удалении от Марка, прощалась с друзьями. Марк празднично наблюдал за ними, прислушиваясь к обрывкам разговора, который казался ему весьма забавным. Одна из подруг Рады рассказывала ей, каким образом после высадки на Вилденвулли подцепить мужчину. Совет сам по себе был неплохим, хотя эта подруга до сих пор не смогла заманить в свои сети ни одного мужчину.

— Разумеется, дорогая, что касается меня самой, то я лучше останусь здесь, в цивилизованном мире, и попробую что-нибудь сделать тут. Здесь всегда есть возможность приобрести лицензию на бигамию. Хотя многие девушки и отказываются играть первую скрипку, это не так уж и плохо, потому что бугай всегда может сделать тебя первым номером и...

Подошел Рэсполд и не дал Марку дослушать разговор двух девиц.

— Послушайте, Марк, — сразу же начал он без какого-либо вступления. — Мое заявление на перевод отвергли. Я не могу отправиться на “Короле Эльфов”. Потому я прошу вас в качестве любезности не только для меня, но и человечества в целом — наблюдайте!

— Что наблюдать? — изумился Галерс.

— Вы понимаете, Марк, каюта Дебби Эверлейк не единственное, пропавшее рыбьей место на этом корабле. Весь он требует тщательного обследования, однако мое начальство не дало на это разрешения. Оно говорит, что я не могу представить достойной улики, которая позволила бы применить наркотики, выявляющие истину. Клакстон, по мнению начальства, совершил самоубийство в момент умопомрачения. Оно предлагает мне позабыть как можно скорее об этом случае. Но я не могу этого сделать! Вот поэтому-то я и прошу вас краем глаза присматривать за Эверлейками.

— Это будет совсем несложно, — кивнул Галерс.

— Вы думаете только о Дебби, старина. Конечно, она очень красивая, или была бы ей, если бы на ее костях было чуть побольше мяса. Но откуда ему взяться, если отец сжигает ее каждым своим взглядом?

Громкий голос объявил, что вездеход, отправляющийся на “Короля Эльфов”, подан в шестой шлюз.

Галерс пожал руку Располду и прояснил:

— Я полностью согласен с вами, что в этом инциденте с Клакстоном далеко не все так ясно. Это одна из причин, почему я подаю заявление принять меня на корабль Эверлейка.

Располд нахмурился.

— Я знаю, что у вас не только профессиональный интерес к Дебби. Скажите мне честно, старина, что вы думаете относительно ее приступа?

— У нее все в порядке, если такое можно сказать о человеке, у которого сахар в крови падает гораздо ниже нормального уровня, притом без всякой видимой причины. Я советовался с несколькими специалистами, но не получил путного ответа. Что-то в ее организме заставляет падать содержание сахара в крови. Но тем не менее все проверенные нами органы функционируют нормально.

— И это все?

— Не только. Мы определили, как я и подозревал, что схватки и судороги мышц не могли быть вызваны адреналиновым шоком. Хотя в ее крови и было определенное количество адреналинового гормона, все же его было совершенно недостаточно, чтобы вызвать такое состояние. Более того, она пришла в себя и ожила гораздо быстрее, чем я предполагал сначала. Очевидно, у нее припадок эпилепсии...

— И это согласуется с низким содержанием сахара в ее крови?

— Что ж, конвульсии и остоленение часто являются результатом избытка инсулина. Однако в этом случае ничего подобного не было. Железы Дебби вырабатывают обычное количество инсулина. — Понимаете, — продолжал Галерс, — работа желез внутренней секреции зависит от очень многих факторов. Например, от общего состояния...

— Идемте, док, — сказала Рада, спеша мимо него. — А то можем опоздать.

Марк распрощался с детективом, и через пятнадцать минут Галерс и Рада были уже на борту “Короля Эльфов”. Рада, теперь уже не техник Галерса, следовала в пассажирскую каюту. Он же отнес свои вещи в каюту, которую занимал первый помощник. Затем, повинувшись команде из селектора, он поднялся и прошел в стартовый салон, где его привязали к креслу. Десятью мину-

тами позже он уже оказался в крохотной каморке, которая отныне становилась его кабинетом.

Корабль находился сейчас в сорока световых годах от Солнца и в сорока пяти — от места их назначения, планеты Вилденвулли в системе Дельты Волопаса. Где-то в течение следующего получаса они должны будут совершить следующий переход, после которого окажутся в половине светового года от этой звезды. Еще одно преобразование координат в подпространстве выведет “Короля Эльфов” на расстояние в пять триллионов миль от их цели. Корабль перестанет прыгать, словно кенгуру, его полет будет походить на блошинные скачки. Затем, по мере продвижения к планете, амплитуда скачков будет все время уменьшаться. Остаток пути корабль совершит в обычном пространстве, в котором и будет оставаться до отбытия из системы Дельта Волопаса.

Поскольку на планету Вилденвулли не нужно было доставлять груз, вся команда осталась на борту. Галерс поцеловал Раду и сказал, что он надеется, что она отыщет себе хорошего мужа.

Всхлипывая, девушка попыталась усмехнуться:

— А почему бы вы не могли стать им? Мне тогда не пришлось бы забираться в это позабытое богом место.

— Мне очень жаль, — печально объявил Марк. — Действительно жаль, Рада. Ты будешь для кого-то отличной женой. Я уверен в этом, поверь мне. Просто я никак не мог заставить себя влюбиться.

Впервые за все то время, что он был с нею знаком, она проявила свой темперамент:

— Любовь?! Ты большой романтический простофиля! Если бы ты только предоставил мне возможность, я бы заставила тебя влопаться в меня по самые уши!

Она ушла. А он стоял и недоуменно моргал, думая о том, что, может, она и права и он в очередной раз упустил неплохую женщину. Когда сверкнули гневом ее большие черные глаза и изогнулись во гневе красные губы, он почувствовал, что в ней был тот огонь, который обязательно понравился бы ему. Почему же она так долго ждала, что оказалось слишком поздно? Если бы это произошло на Луне (до того как он повстречался с Дебби, поспешно поправил себя Марк), то, вполне возможно, он попросил бы ее выйти за него замуж.

Макгроузи, новый первый помощник, протягивая ему сигарету, заметил:

— Почему вы так бледны, приятель?

— Я вот только сейчас заметил, что как только по-настоящему узнаешь человека, то сразу же его теряешь. Он или уезжает, или умирает, или еще что-нибудь.

— Скорее всего, это еще что-нибудь, — засмеялся Макгоузи. — Эта Рада чертовски соблазнительная девочка. Скажите честно, у вас с ней было “что-нибудь”?

— Нет. Я мог бы добиться ее благосклонности, но у меня к подобным вещам такое отношение, какое не разделяют большинство людей в наши дни. Во-первых, соотношение, когда на трех женщин приходится один мужчина, очень облегчает задачу последнего. Благодаря этому невозможно возбудить судебное дело о разводе на основании супружеской неверности, если только не являешься зарегистрированным членом секты, которая официально запрещает это. Более того, по своему психическому складу я таков, что не могу чувствовать влечения к женщине, если она меня не обожает. Это звучит, может быть, довольно глупо, но я таков есть, и с этим ничего нельзя сделать. К тому же, благодаря этому, возникает нежность во взаимоотношениях, чего не бывает при случайных встречах.

Макгоузи выпустил клуб дыма и проговорил:

— Рада, если я правильно понял ситуацию, любила вас?

— Да, но она была моей помощницей. Если бы мы позволили войти в нашу жизнь чему-то личному, то были бы не в состоянии работать без трений. И она начала бы требовать такое, что я не склонен был бы выполнять. Короче говоря, она стала бы поступать так, как будто мы были бы женаты.

— Очень жаль, что я не встретил ее немного раньше... — мечтательно протянул Макгоузи. — Я был бы рад поволочиться за нею. Моя жизненная энергия не уменьшается из-за того, что вокруг так много симпатичных женщин. Надо вам сказать, приятель, что жизнь астронавта одинока и сурова. Между прочим, не считите меня слишком любопытным, но что вы собираетесь делать с дочерью капитана?

— Я хочу найти причину ее заболевания.

— Вы меня не поняли, док. Когда я спросил у вас о том, что вы собираетесь делать с этой девушкой, я имел в виду очевидный, далеко не профессиональный интерес. Вы знаете, что в этом мире повышения статуса можно добиться, только женившись, не так ли? Только женатым предоставляется право продвижения по службе. Так вот, вы не можете на ней жениться, не присоединившись к культу Ремо.

Вы видели у нее на среднем пальце левой руки толстое золотое кольцо? На нем изображен треугольный щит, отражающий брошенное копьё. Это кольцо девственницы, девушка носит его до тех пор, пока не выйдет замуж. Тогда она снимает его и надевает на палец мужчине. С этих пор она всецело принадлежит ему, и только ему. Большие празднества, которые проводятся позже, являются просто объявлением и публичным

подтверждением этого факта. Разумеется, Старики поднимают большой гвалт, если с ними заблаговременно не посоветоваться и не испросить разрешения, однако пара решительная вполне может обойтись и без них.

— Я прочел все, что мог найти о ремоитах в библиотеке на Луне, — кивнул Галерс. — Однако кое-что для меня загадка. Может быть, вы мне поможете...

Макгоузи любил поговорить, но капитан не представлял ему особых возможностей для излияний. Теперь, когда рядом был благодарный слушатель, первый помощник начал наверсты-вать упущенное.

Многое из того, что услышал Марк, было ему известно. Макгоузи рассказал о происхождении секты, о ее зарождении в маленьком городке Оптим, основанном на территории бывшей пустыни Гоби. Ремо и его последователи выступали против либеральной морали тогдашнего общества и организовали вокруг себя тесную группу религиозных фанатиков. Обнаружив, однако, что они теряют очень много своих молодых людей из-за бесчисленных искушений, которые легко можно было найти за пределами их общины, они эмигрировали на Мелвилл. Там они оказались в состоянии привить собственную мораль своим детям. Подкреплялась такая вера догматами индуизма о том, что неукоснительное соблюдение моральных норм в этой жизни избавляет человека от последующего возрождения в более низких формах жизни.

— Вы уже видели, что они носят только белую одежду и не стригут волос, — объяснил Макгоузи. — Но это не единственная особенность. Дело в том, что они никогда не лгут.

— Никогда?

— Ну, почти никогда, — ответил улыбающийся астронавигатор. — У них практикуется абсолютная моногамия. Только смерть может расторгнуть брак. Даже супружеская неверность не рвет брачные узы. Тот, кто виновен в этом, вынужден одеваться во все черное в течение года в знак раскаявания в своем "проступке". Они, понимаете, не употребляют старомодное слово "грех". Но и это не все. Допустивший супружескую неверность не имеет права жить со своей половиной в течение года. К концу этого срока, если поведение раскаявшегося будет хорошим, он снова получает право одеваться во все белое и теоретически становится таким же безгрешным, как и прежде... Разумеется, это утяжеляет жизнь ни в чем не повинного партнера, который вынужден воздерживаться, как и виновная сторона.

— Возможно, это не такая уж и плохая система, — проговорил Галерс. — Они должны хорошенько следить друг за другом,

чтобы не навлечь неприятности на обоих. Эта система двойной проверки.

— Как-то не задумывался над этим. Однако, это одно из проявлений их методов контроля. Они используют экономические, социальные и религиозные меры для принуждения и наказания. Они никогда не ударят ребенка, создавая вместо этого “атмосферу укора”. Они не богохульствуют. У них есть такие личные вещи, как одежда и книги, однако большую часть своего дохода они вносят в казну общины. Между прочим, это одна из причин, почему так много ремоитов-мужчин отправляются в космос. Там они могут зарабатывать для общины больше, чем оставаясь дома. Кроме того, у ремоитов нет промышленной базы для производства омолаживающей сыворотки. Чтобы иметь достаточное количество денег для ее импорта, молодым ремоитам приходится подписывать контракты с космическими компаниями. Вы можете им только посочувствовать, док. Вам приходится отдавать часть своей жизни в пользу “Саксвелла”, не так ли?

— Да, мне остается еще пять лет одиннадцать месяцев и десять дней, прежде чем я верну себе свободу.

— Доктор Джинас тоже был законтрактован. Ему оставалось всего месяц до того, как мог он называть свою душу своей собственной. А он взял и утонул. Какой печальный конец. Он был отличным парнем. Я видел, как он тонул, но ничего не мог поделать...

— А что случилось?

— Я был на берегу, наблюдая за ремоитами, стоявшими в воде по пояс. В озере они проходили обряд очищения. Док Джинас был так близко к ним, что, вытянув руку, вполне мог коснуться их кожи, но он не обращал на собравшихся никакого внимания. Он набирал воду в маленькие бутылочки, а затем запечатывал их. Для чего он это делал, я не знаю. И никто так и не выяснил для чего.

— А они не проверяли эти пробы?

— Их невозможно было найти. Скорее всего, бутылочки утонули вместе с ним, когда лодка опрокинулась.

Галерс нахмурился:

— А почему она перевернулась? И если он был так близко к толпе, а люди стояли всего лишь по пояс в воде, то почему он не мог просто выбраться на берег?

— В этом-то и вся нелепость, док. Мы все смотрели на коронацию Девы Озера — это была, между прочим, Дебби, — когда услышали крик. Мы обернулись и увидели, что лодка накренилась и Джинас падает в воду... Он, очевидно, сразу же захлебнулся, потому что больше не появился на поверхности. Мы

бросились обшаривать дно озера и вскоре нашли его тело в самой глубокой части...

— Каково же было заключение расследования?

— Утонул, чтобы покончить с собой. По их мнению, он должен был плыть под водой как можно дальше от толпы и как можно глубже.

— А кто принимал участие в расследовании?

— Старейшины ремоитов, естественно, и агент “Саксвелла”.

— Вы проходили свидетелем?

— Конечно, но я не мог показать многого, так как почти ничего не видел. Большая часть происходящего была не видна из-за толпы. Спасать Джинаса поплыло очень много людей.

— И на таком мелководье не были найдены бутылочки?

— Нет. Было выдвинуто предположение, что во время спасания их оттолкнули ногами на более глубокое место.

Макгоузи замолчал на некоторое время. У него был такой вид, будто он еще мог кое-что добавить, но не решался, с чего начать.

— Послушайте, док, — наконец произнес он. — Вы, похоже, довольно приличный парень. Я понял это еще на Луне. И я заметил несколько вещей, которые, как кажется, вы постарались скрыть от других. Во-первых, вы по уши влюбились в Дебору Эверлейк, по-моему, это всем ясно. И в первую очередь капитану. Его отношение, правда, к вам при этом не изменилось, так как невозможно стать еще более суровым и недружелюбным, чем он есть. И кроме того, он не позволит никому узнать, что им могут владеть какие-то новые чувства. И все же он теперь, хотя и тайком, но глаз с вас не спускает.

Но я не это собирался вам сказать. Так вот, док, эта Дебора чертовски хорошенькая девка, не так ли? О’кей. А у вас не вызывает удивления, почему это команда избегает такую милашку?

Марк открыл рот от недоумения.

— Я здесь не так давно, чтобы успеть это заметить — если это на самом деле так. Но почему они должны за ней волочиться? Ведь она дочь капитана!

Первый помощник ухмыльнулся и произнес:

— Вам еще предстоит многое узнать об астронавтах, док. Можно ли себе представить одну красивую девушку на корабле в компании с двадцатью мужчинами, которые по несколько месяцев не видят других женщин и тем не менее не обращают на нее внимания? Более того, эти мужчины даже не разговаривают с ней. Или если и разговаривают, то держатся от нее на некотором расстоянии.

Марк покраснел и сжал кулаки.

— И...

— Не торопитесь, приятель, — оборвал его Макгоузи. — Я не собираюсь обижать вас, я просто-напросто излагаю факты. Если вы не хотите кое-что узнать, то я лучше помолчу.

— Давайте-ка дальше, — Галерс подался вперед.

— Ну ладно, если честно, то от этой красотки воняет... О, о, какой темперамент!!! А вы помните тот вечер, когда впервые увидели ее? Вы попросили свою помощницу понюхать ее дыхание, не пахнет ли от нее ацетоном? И что она вам сказала? Она ответила, что все, что она обнаружила, это запах рыбы. А если бы вы спросили у остальных членов экипажа, то мы бы сказали, что из каюты Дебби всегда разносится резкий, неприятный запах рыбы и что от нее разит треской.

Макгоузи немного помолчал.

— Конечно, — продолжал он, — я понимаю, что от этого можно запросто сойти с ума. Но я говорю вам это для вашего же собственного блага.

Врач разжал кулаки и проронил:

— Я знаю это, но от этого легче не становится.

— А почему вас это должно так ранить? Если бы она сломала ногу и я бы сказал всем об этом, вы бы на меня сердились? А ведь с ней сейчас происходит что-то неладное, и от этого от нее непрестанно разит рыбой. Разве она виновата в этом? Боже всемогущий! Неужели мне, док, читать вам лекцию об этом?

— Вся разница в том, что это касается меня лично!

— Да, понимаю. Именно поэтому я вам все это и рассказываю. Так вот, послушайте, Дебби не единственная в своем роде. Если бы у вас была возможность принюхаться, вы бы узнали, что и от капитана точно так же пахнет.

— Что?

— Если верить тем, кто знает его давно, он пахнет так уже много лет.

Глаза Галерса засверкали.

— А сколько времени страдает этим Дебби?

— Я впервые заметил это... э, где-то около двух с половиной месяцев тому назад.

— Даже так?

Теперь пришел черед удивиться Макгоузи.

— Что такое, доктор?

— Нет, ничего. Пока что я еще ничего не могу определить. Я хотел бы у вас еще вот что спросить, Мак. Какой была Дебби перед тем, как у нее появилась... эта неприятность?

— Был бы ни за что не узнали, док. Она была такая яркая, красивая, полная задора и смеха. Это правда, что она не допускала никаких вольностей со стороны мужчин. Но она с удовольствием брала на себя роль младшей сестры. И, что по-

разительно, большинство членов экипажа именно так к ней и относилось. Конечно, иногда какого-нибудь негодника прорывало, но тут уж мы сами заботились, чтобы он держал себя в руках.

— А как она вела себя при капитане?

— Счастливой не казалась. Он мог бы, вы знаете, погасить даже солнце. Но, по крайней мере, он хотя бы разговаривал с ней. Он общается с дочерью только по интеркому, и никогда его не застанешь в ее обществе. Даже ест он отдельно.

В голове Галерса мелькнула какая-то мысль.

— Погодите-ка минутку! А как же Пит Клакстон? Похоже, что это его не очень беспокоило. Согласно показаниям, которые давали девушка и ее отец, он попросил разрешения у Эверлейка жениться на его дочери как раз тогда, когда начался припадок. Разве его не беспокоило то, о чем вы мне только что рассказали? Или он был, как и я, человеком с очень плохим обонянием?

Макгоузи улыбнулся, будто собирался отпустить какую-то шутку, но тут же поджал губы.

— Нет, запахи он чуял, словно собака, но в данном случае он был слеп. А как же могло быть иначе? От него исходил такой же ужасный рыбный дух.

Раздался сигнал интеркома. Макгоузи поднялся.

— Вызов. Пока, док.

Галерс хмуро бродил по коридорам корабля, глядя себе под ноги. Остановившись, он поднял голову. Его поразило то, куда бессознательно завели его ноги. Казалось, что он вот-вот пойдет дальше, однако он тут же взял себя в руки и постучал в дверь каюты. Не услышав ответа, он постучал снова, на этот раз громче.

— Дебби? — окликнул он.

Дверь чуть-чуть приоткрылась. Внутри было темно, однако он различил белый контур ее белого платья и темный овал лица.

Голос девушки был тихим и печальным:

— Что вы хотите?

— Можно с вами поговорить?

Ему послышалось, как она неожиданно затаила дыхание.

— Зачем?

— Не надо изображать удивление. Вы же знаете, что я вот уже несколько раз пытаюсь переговорить с вами наедине. Вы совсем не та дружелюбно настроенная девушка, какой были, когда только вступили на борт корабля. Что-то случилось с вами, и мне это не нравится. Поэтому мне и хочется поговорить с вами.

— Нет. Нам нечего сказать друг другу.

Дверь начала закрываться.

— Обождите! Вы должны мне, во всяком случае, объяснить вот что. Почему вы замкнулись в себе? Что я вам сделал такого, отчего вы не разговариваете со мной?

Дверь продолжала закрываться.

Он просунул руку между дверью и косяком и произнес:

— Помните, Дебби, “Пеллея и Мелисанду”? Помните, что Голад сказал Мелисанде: “Где то кольцо, которое я надел тебе на палец? Да, в знак нашей женитьбы! Где же оно?”

Прежде чем она что-то ответила, он шире раскрыл дверь и просунул свою руку дальше в каюту, нашел там Дебору и подтащил поближе к двери, чтобы на ее руку упал свет из коридора.

— Где то кольцо, кольцо девственницы, Дебби? Почему его нет на вашем пальце? Что с ним случилось? Кому вы его отдали?

Белая фигура в полумраке вскрикнула и попыталась отдернуть руку. Но он удержал ее и спросил:

— Теперь вы меня впустите?

— Отцу это не понравится.

— Он ничего не узнает. Он же никогда не приходит навестить вас. И вы можете положиться на мое слово, Дебби. Вам меня не надо опасаться. Я не притронуся к вам.

— Так же, как и никто другой, — последовал резкий, неожиданный ответ. Затем она отрешенно произнесла:

— Хорошо. Проходите.

Он проскользнул внутрь и закрыл за собой дверь. Одновременно с этим он ощупью нашел выключатель и включил свет. Затем он положил руки на плечи девушки и заметил, что она как бы сжалась от его прикосновения и отвернулась.

— Не бойтесь вызвать во мне неприязнь, — заметил он.

Дебби продолжала держать свою голову как можно дальше от него.

— Я знаю, что не причиню вам беспокойства, — прошептала она. — Но я так привыкла, что меня избегают, что это стало для меня второй натурой — чувствовать себя неловко в чьем-либо присутствии. И я знаю, почему вы поступаете так, а не как остальные. Если бы у вас не было этого недостатка, вы ничем бы не отличались от остальных мужчин. Вам бы ни за что не хотелось бы быть рядом со мной, и вы отпускали бы шутки в мой адрес у меня за спиной.

— Я не обращаю внимания на все эти замечания, — объяснил Марк, взяв ее за подбородок и приподняв голову. — Я хочу поговорить об этом.

С этими словами он поднял ее левую руку.

— Дебби, могу поспорить, что если бы тело Пита не сгорело и лодку нашли бы где-нибудь в Тихом океане, то на его пальце обнаружили бы толстое золотое кольцо. А на кольце должен был

быть треугольный щит, отражающий копье. Правильно?

— Я не отрицаю этого. Но раз вам это известно, почему вы ничего не сказали во время дознания?

— Я не догадывался об этом до тех пор, пока несколько минут тому назад Макгоузи не рассказал мне об этом обряде. А я знал, что ни разу не видел вас с этим кольцом. Исходя из обстоятельств, казалось, что, вероятнее всего, вы надели его на палец Клакстона. А поскольку об обручении объявлено не было, оно, должно быть, произошло как раз перед самым исчезновением Клакстона. Это так, не правда ли?

Лицо ее стало печальным. Она проговорила через плотно сжатые губы:

— Да, мы любили друг друга. Мы не могли... дожидаться, пока вернемся на Мелвилл. Мы были у меня в каюте и просматривали кассету с "Пелеем и Мелисандой", когда Пит сделал предложение. Как раз сразу же после этого в каюту вбежал мой отец. Он шумно негодовал и сказал, что Пит не увидит меня до тех пор, пока мы не вернемся на территорию Ремо. И он настаивал на том, чтобы я взяла назад свое кольцо и хранила у себя, пока мы не получим разрешения у Старейшин.

Галерсу было трудно себе представить сурового, невозмутимого Эверлейка в образе взволнованного и негодующего родителя.

— Почему это не выявилось на дознании, и почему вы сейчас рассказываете мне об этом?

— Просто у меня об этом не спрашивали. Если бы спросили, то я рассказала бы всю правду. Мы, ремоиты, никогда не лжем. Но отец объяснил, что будет гораздо лучше, если мы просто сообщим, что мы втроем обсуждали будущую женитьбу, и никому не расскажем о ссоре. Он сказал, что у этого детектива могут быть всякие необоснованные подозрения. И он может доставить нам немало неприятностей, если мы сознаемся, что ссорились. С вами же совсем по-другому. Вы задали мне прямой вопрос. Я могла бы отказаться ответить на него или сказала бы правду. Я предпочла второе.

Он отпустил ее руку.

— Почему?

Она отвернулась и проронила сквозь зубы:

— Потому что, наверное, я так одинока. Потому что мне хочется с кем-нибудь поговорить. И главное, потому что у меня все время такое ощущение, будто я вот-вот взорвусь. Если я не буду что-то делать, чтобы снимать это постоянное напряжение, — говорить, танцевать, петь, кричать, в общем, все, что угодно, — я сойду с ума. И это самое ужасное. Каждый раз, когда мне хочется что-то делать, я не могу повиноваться первому по-

буждению. Я нахожусь под постоянным контролем. Я не могу высвободиться. А очень, очень хочу.

Она положила руку на живот.

— Оно где-то здесь. Это ощущение, что я могу взорваться и... я боюсь... боюсь этого...

Марк внимательно посмотрел на нее. Она вся была напряжена. Никогда девушка не была так похожа на своего отца, как сейчас.

Он подошел к ней и положил руку на плечо. Дебби слегка вздрогнула, но не шевельнулась, чтобы отодвинуться от него. Он чуть-чуть надавил пальцами на ее нежную кожу.

— Вы многое скрываете от меня, — ласково проговорил он. — Что-то такое произошло, что заставило Клакстона залезть в спасательную шлюпку и сломя голову броситься вон из корабля. И это что-то должно было произойти именно в этой каюте. Что это было? Не может быть, чтобы на него так повлияла простая отсрочка вашего брака.

— Не знаю. И откуда мне знать! У меня начался приступ. Когда я пришла в себя, Питера уже не было. Отец отослал его за помощью, и после этого его больше никто не видел.

— Но ведь вы, Дебби, знали, что у Питера было что-то с психикой в течение долгого времени. Он должен был пройти на Луне глубокую психосоматическую проверку. Он проявлял подозрительные странности.

— Разумеется, — согласилась Дебора. — Поэтому-то все и думаю, что он совершил самоубийство. Но почему он в большей степени должен был хотеть убить себя, чем я? Он страдал от того же — что бы это ни было, — что и я. И он был ничуть не хуже, чем любой из нас. Он должен был пройти психосоматическую проверку, потому что только-только принял нашу веру, а агенту "Саксвелла" на Мелвилле захотелось узнать, не явилось ли это следствием нарушения душевного равновесия. Считается невероятным, чтобы какого-нибудь молодого человека в здравом уме, не принадлежащего к ремоитам, вдруг озарило и он захотел присоединиться к чужим людям, чтобы найти новое счастье.

— Глядя на вас и вашего отца, я не думаю, что ремоиты очень счастливые люди, — печально покачал головой Галерс. — Правда, таких сейчас нет нигде. Значит, так, Клакстон был среди тех, кто находился в воде во время Праздника? Он был крещен вместе с другими?

Она кивнула. Все в голове Марка перепуталось. Картина начала вырисовываться, но он не имел ни малейшего представления, что она означает.

— Мы как будто сделаем посадку на Мелвилл через месяц? И простоям там неделю, не так ли?

— Да. В это время там состоится Праздник Жертвоприношения. Все ремойты стремятся присутствовать на нем, даже астронавты.

— Послушайте, Дебби. Вы можете подумать, что я сую свой нос в ваши дела из праздного любопытства, но это не так. Частично я делаю это из-за того, что я врач. Но в большей степени я делаю это по другой причине. И вы, наверное, догадываетесь по какой, не так ли?

Он повернул ее к себе лицом и выжидающе посмотрел на нее. Она не подымала глаз, губы ее были плотно стиснуты.

— Черт побери, потому что я люблю вас!

— Разве это возможно? Ведь я порченная.

— Какая чепуха!

Он притянул ее к себе и поцеловал. На мгновение ее стиснутые губы открылись и стали податливыми. Она с таким же пылом искала его губы, а руки ее притянули его голову. Затем неожиданно она отпрянула и, отвернувшись от него, вытерла рот тыльной стороной ладони. Выражение ее лица снова стало замкнутым и угрюмым.

— Уходите! — прошептала она. — И больше близко не подходите ко мне. Я ненавижу вас, ненавижу всех мужчин. Я даже ненавижу Пита Клакстона. Но сильнее всего я ненавижу вас!

Протянув вперед руки, Марк сделал к ней шаг. Затем, увидев гримасу полнейшего отвращения на ее лице, он опустил руки, повернулся и вышел из каюты. У него было такое чувство, что какая-то часть его “я” осталась за громко хлопнувшей дверью этой каюты.

Прошел месяц. “Король Эльфов” посетил двадцать планет, разгружая и принимая грузы, пассажиров и почту. Врач Марк Галерс был загружен работой по горло. Во всех пунктах посадки в представительствах компании “Саксвелл” его ждали пациенты, которых надо было лечить. Он был также обязан как молодой врач изучать культуры заболеваний неземного происхождения.

Когда корабль находился в полете, он наблюдал за капитаном и его дочерью. Постепенно он и сам понял, что все, что рассказал ему Макгоузи, было правдой. Эверлейк и Дебби никогда не бывали вместе. Общались они между собой только по интеркому. И отец (Марк стал это замечать) не был таким уж жестоким и лишенным эмоций человеком, как он показался сначала. У него была одна страсть в жизни — “Король Эльфов”. Ничто не могло согнуть его спину, но когда он отдавал распоряжения, нечто вроде улыбки играло на его губах, а глаза излучали тепло. Он непрестанно бродил по кораблю, тщательно все проверял, следя за тем, чтобы все находилось не только в

прекрасном состоянии, но и чтобы в помещении не было ни единой пылинки. Он полностью руководил навигацией и пилотированием корабля, а когда "Король Эльфов" находился на поверхности планет или их спутников, ему, как казалось Марку, не терпелось снова отправиться в глубины космоса. Если это было так, то он, вероятно, часто раздражался, ибо корабль гораздо больше времени проводил в доках, чем в полете. Использование подпространства сделало расстояния между звездами очень близкими.

На Мелвилл "Король Эльфов" прибыл строго по расписанию. Он произвел посадку среди невысоких холмов и множества озер, поросших похожими на сосны деревьями. Каритополис, столица Ремо, представлял собой город с населением в тридцать тысяч человек, большинство которых жило в домах, похожих на деревянные коробки с окрашенными белой краской стенами и красными черепичными крышами. Город стоял на берегу морской бухты. Позади него было большое озеро с пресной водой, берега которого окаймляли леса. Глядя на этот город из выходного люка "Корабля Эльфов", Галерс почувствовал удовлетворение. Природа была здесь просто потрясающей. Разглядывая озеро в бинокль, он понял, что именно здесь, скорее всего, утонул доктор Джинас, и здесь Дебби была увенчана званием Девы Озера. Галерс был сейчас свободен от дежурства и намеревался посетить город. Прежде чем сойти с корабля, он прошел в жилой отсек экипажа, где нашел того человека, который был ему нужен, — корабельного повара. Галерс вынул записную книжку и напустил на себя сугубо профессиональный вид.

— Прежде чем я отправлюсь в город, — произнес он, — я хотел бы уточнить некоторые особенности диеты членов экипажа. Вы не могли бы мне рассказать, у кого, кроме мисс Эверлейк, особый рацион из плиток шоколада и любой другой сладкой пищи?

Кок всем своим видом показывал, что торопится покинуть корабль.

— Да, да. Я понял вас, сэр. Еще у капитана. Послушайте, док, а вы не могли бы отложить это дело на другой раз?

Галерс рассмеялся:

— Конечно. Желая хорошо провести время.

Он сунул записную книжку в карман и вышел из камбуза.

Через некоторое время он уже бродил по широким мощеным улицам Каритополиса. Казалось, сюда на Праздник Жертвоприношения собрались все жители Земли Ремо. Дома были переполнены приезжими, на холмах, окружавших столицу, как грибы выросли палатки. Галерс в своей униформе небесно-голубого цвета резко выделялся среди обтекавшей его толпы,

одетой во все белое. Он был недоволен собой, так как не обладался заранее одеждой такого же цвета. Но теперь уже было поздно что-либо предпринимать.

Галерс шел прямо к дому доктора Флаккоу, которого встретил при выходе из корабля. Он задал ему несколько вопросов, все они касались случая с Дебби. Врач покачал головой и объяснил, что он торопится. Он будет рад обсудить эти вопросы как-нибудь в другой раз, но только не сейчас, его религиозные обязанности заставляют его страшно торопиться.

— Даже если вы никогда не слышали о том, что у ваших соотечественников, как правило, низкое содержание сахара в крови, а вы об этом непременно должны были знать, то что вы можете сказать о запахе, исходящем от них, и рыбном духе из рта? — не унимался Марк. — Неужели вы такого не замечали?

Доктор Флаккоу был таким же высоким, худым и хорошо владеющим собой мужчиной, как и капитан. Он весь подобрался и произнес:

— Никогда!

Галерс поблагодарил его и ушел, поняв, что доктор все равно ему ничего не рассказал бы, даже если бы и знал. Эти ремоиты были людьми замкнутыми. Они ощущали себя избранным народом. Им одним был доступен свет истины. Их возмущали расспросы и любопытство посторонних.

Галерс посетил Ясона Крама, представителя “Саксвелла”, и задал ему те же вопросы, что и Флаккоу. Крам сморщил загорелый лоб и сказал, что он ничего подобного не слышал. Но это еще ничего не значит, продолжал он далее, так как его контакты с ремоитами в основном были чисто деловыми. Он обещал теперь внимательно следить. Его интересовало, что все это, между прочим, значит? Галерс уныло ответил, что очень хотел бы узнать это сам.

На обратном пути к кораблю Марк несколько задержался, пробираясь сквозь толпы. Праздник Жертвоприношения был в самом разгаре. Это было пышное зрелище, в котором принимали участие огромные толпы верующих, изображавшие гонение и мученичество Виктора Ремо. Марка несколько поражал вид мужчин и женщин, столь отдававшихся во власть эмоций, что они падали в обморок или в припадке валились на землю и корчились. Это была его первая встреча с проявлением глубоких религиозных чувств, и этот опыт показался ему крайне неприятным. Эффект был даже намного сильнее и неожиданнее, чем предполагал Марк, так как считалось, что ремоиты — сдержанные, серьезные, осмотрительные и официальные.

Добравшись до “Короля Эльфов”, доктор сразу же проверил местонахождение капитана и его дочери. Согласно отметкам

робота-сторожа, они не покидали корабль. Это удивило его, ибо посещение Жертвоприношения было обязательным для каждого взрослого ремойта, который находился в это время на планете. Что же заставило их отказаться от участия в Празднике?

Пожав плечами, он решил, что это еще одна сторона загадки. Затем он прошел в лабораторию, подготовил бутылочки и стал ожидать полуночи. Перед тем как покинуть корабль, он постучал в дверь Дебби. За дверью еле слышно раздавалась одна из мелодий "Пеллея и Мелисанды". Это была одна из последних арий оперы.

Он постучал еще раз. Дверь оставалась запертой. Тогда он, немного поколебавшись, пошел к выходу, где встретился с капитаном, у которого был унылый и изможденный вид, хотя он и был удивлен неожиданной встречей. Галерс все-таки успел поздороваться с капитаном. Однако в то же время ему не удалось скрыть звона бутылок в сумке под мышкой. Эверлейк ответил на его приветствие кивком головы и хлестнул взглядом по сумке. Опускаясь по трапу, Галерс ощущал на себе этот сверлящий взгляд и полностью пришел в себя только после того, как пересек весь город и вышел к берегу озера.

Здесь он взял, не спрашивая согласия у отсутствующего владельца, одну из легких маленьких лодок, располагавшихся на песке, и стал грести к широкому пляжу. Всего полчаса назад там происходила грандиозная церемония очищения в воде. Он видел ее конец и обратил внимание на то, что все покидают берег озера, чтобы продолжить Праздник где-то в городе. Так как было уже темно, врач решил, что никто уже не наблюдает за ним, за тем, что он делает. Огни города слегка освещали озеро, но луна еще не всходила. Даже если бы кто и увидел его сейчас, он, насколько это было известно Марку, не делал ничего незаконного.

Когда он оказался на мелководье, где совсем недавно толпились люди, участвовавшие в обряде, он перестал грести и, открыв бутылочки, стал опускать их в воду. Делая это, он озирался по сторонам. Он ничего не увидел, кроме мелкой ряби от какой-то рыбы, игравшей у поверхности. Тем не менее он прекратил свое занятие, нагнулся и заглянул в темную воду. Не увидев ничего больше, он облегченно вздохнул и снова принялся за работу.

В это мгновение что-то с силой стукнулось о борт лодки. Суденышко начало крениться. Галерс привстал, не зная, в какую сторону прыгать. В первую секунду, замешкавшись, он не мог понять, что лодку куда-то тянут, однако затем он увидел два темных, похожих на руки, предмета, обхвативших узкий борт лодки. За ними последовал большой шар из какого-то непонят-

ного вещества. Не ожидая, что еще покажется на поверхности, Галерс, продолжая сжимать в руке закупоренную бутылочку, метнулся спиной в воду. В этот же момент шар полоснул по нему узким лучом света. Если бы это был меч, он срезал бы Марку ноги. Однако эффект получился почти такой же, ибо Галерс как подкошенный исчез в воде. Ударившись о воду спиной, он сразу же перевернулся и нырнул под прямым углом к лодке. Отплыв под водой как можно дальше, он высунул голову, набрал в легкие воздуха и снова поплыл под водой в сторону, противоположную берегу. Инстинкт побуждал его плыть ближе к берегу, но у него хватило ума сообразить, что нападавший, кем бы он ни был, возможно, именно этого от него и ждет. И хотя он был напуган, но не паниковал. К тому же он был почти уверен в том, что в этой таинственной воде, если только он не будет сильно шуметь, отыскать его довольно просто. Но тем не менее у него было такое чувство, что в любой момент что-то может схватить его за ноги и потянуть на дно, где борьба будет очень короткой.

Поднявшись снова на мгновение на поверхность, он быстро огляделся. Ничего нельзя было различить, кроме силуэта перевернутой лодки на фоне огней города. Он снова нырнул и повторил тот же маневр несколько раз, пока, тяжело дыша и отплевываясь, не выбрался на берег где-то в полукилометре от места, где он бросился в воду. Долгое время он сидел на берегу под деревьями, постепенно приходя в себя. Затем, когда дыхание восстановилось и сердцебиение стало нормальным, он поплелся к "Королю Эльфов", до которого было более двух километров. Когда он подошел к кораблю, нежный весенний ветерок полностью высушил его одежду. Не задерживаясь, чтобы переодеться, он сразу же пошел в лабораторию, где начал скупрулезно исследовать содержимое прихваченной во время бегства бутылочки.

Это была — подумал он — бессмысленная процедура, ибо он даже не знал толком, что искать. И даже если бы он знал, было очень мало шансов, что он зачерпнул "это" в первую же бутылочку. И все же он должен был исследовать содержимое бутылочки, чтобы хоть за что-нибудь уцепиться. К счастью, у него было необходимое оборудование. Микроскоп Совачи в совокупности с автодиагностом и еще несколькими приборами нарисует ему полную картину и еще рассортирует определенные, необходимые для него данные. Поместив пробу в термостат, он включил приборы и стал размышлять над тем, что произошло. Прежде всего его ум занимало то существо, которое хотело заттащить его в воду и, по-видимому, там прикончить. Именно это и случилось с доктором Джинасом, да еще в разгар дня.

Марк внезапно остановился, щелкнул пальцами и произнес

вслух:

— Почему я сразу не проверил это?

Он выскочил из лаборатории и помчался к шлюзам. Поскольку они всегда были открыты для кого угодно, он не задержался у дверей и сразу же занялся проверкой эластичных скафандров, висевших там. Проверка первых двенадцати его разочаровала. Удача нашла его, когда он исследовал тринадцатый скафандр. Сначала он показался ему таким же сухим, как и все остальные, однако кончиками пальцев он все же ощутил влагу на одном из башмаков. Еще несколько минут, и она тоже высохла бы.

Кто-то аккуратно соскреб и вытер грязь с ботинок!!!

Именно этого он и ожидал. По крайней мере, половина фактов стала стыковаться друг с другом. Однако для полной картины было еще далеко.

Его размышления прервал толчок какого-то твердого предмета в спину, он сразу же напрягся и замер. Раздался знакомый низкий суровый голос:

— Вы слишком умны, Галерс, это ваш недостаток.

— Будь я умен, я догадался бы, что вы все еще где-то поблизости и наблюдаете за шлюзом, капитан Эверлейк.

— Правильно. И вам следовало бы что-нибудь предпринять для собственной безопасности, Галерс.

Голос Эверлейка был таким же твердым, как и дуло пистолета, приставленное к спине Галерса. Однако этот голос не выражал высокомерия, он был просто монотонным.

— Идите в лабораторию. Руки держите перед собой. Не вздумайте звать на помощь. Я буду вынужден стрелять. И к тому же вас никто не услышит. Вся команда в городе.

”А где Дебби?” — подумал Галерс.

Мурашки пробежали по его коже, защемило в животе. А вдруг она знает, что делает ее отец? Может, она даже помогает ему?

Мысль эта была для него невыносимой. Он тут же отбросил ее, однако его продолжало интересовать, где же она?

Капитан, будто читая его мысли, объяснил:

— Не думайте, что моя дочь сможет услышать вас. Она сейчас опять прослушивает свою любимую оперу. К тому же ее каюта довольно далеко отсюда.

Галерс почувствовал себя так, будто с него свалился тяжелый груз. Теперь ему оставалось беспокоиться только о том, выйдет ли он отсюда живым или нет. Ну и отлично!

Они вошли в лабораторию. Эверлейк прикрыл за собой дверь. Врач продолжал идти, пока на его пути не оказался стоявший в центре комнаты стол. Затем он без разрешения, медленно

повернулся лицом к капитану. Эверлейк не возразил.

— Разве ношение оружия не противоречит принципам вашего вероучения? — спросил Марк, указывая на дуло пистолета.

Эверлейк скривился, как от зубной боли:

— Из двух зол я выбрал меньшее. Если мне придется убить вас, чтобы предотвратить совершение большего греха, я убью.

Голос Галерса стал на удивление тверд:

— Я не знал, что есть больший грех, чем убийство!

— Есть. Пусть лучше меня покарают в моей следующей жизни за то, что я убью вас, чем я позволю себя запятнать в этой.

— Значит, это вы убили Клакстона? И Джинаса тоже?

Капитан кивнул:

— Да, так же как вынужден буду теперь убить и вас. — Впервые в его голосе появился какой-то намек на эмоции: — Великий боже, у меня же нет выбора!

— Но почему же нет? Теперь больше уже никого не сажают на электрический стул. Вас поместят в больницу и выпустят из нее, когда вы излечитесь.

— То, что у меня, — неизлечимо! И я клянусь вам, что все, что я совершил, я сделал только ради нее — Дебби тоже нельзя вылечить.

Галерс почувствовал, что кровь отхлынула от головы. Он встрахнулся, чтобы не закачаться, уперся руками о стол.

— Что вы хотите этим сказать?

Голос капитана снова стал бесстрастным.

— Я не думаю, что скажу вам что-нибудь еще, Галерс. Если вы, благодаря какой-то непостижимой случайности, спасетесь, то вы принесете огромный вред. То, что сообщил вам я, может здорово повредить мне. Хотя я всегда смогу отрицать, что что-то рассказывал вам. А вот остальное — отрицать не удастся.

Галерс уставился на автодиагност, в котором до сих пор находилась проба воды из озера.

— Я полагаю, что анализ пробы покажет то, что искал Джинас?

На мгновение улыбка появилась на лице капитана.

— Я привел вас сюда, чтобы вы сами могли вынуть бутылочки и тем самым избавить меня от необходимости оставлять мои отпечатки пальцев. Возьмите ее и вылейте содержимое в слив, а затем сотрите напечатанный анализ.

Галерс медленно и неохотно начал повиноваться.

— А что же показал бы анализ? — спросил он через плечо.

— Скорее всего, ничего. Или, может... Делайте, как я велел!

Галерс подумал было о том, чтобы быстро развернуться и швырнуть бутылочку в лицо капитана. Однако следующая мысль спасла его. Этим он только ускорит неизбежное, а ему

этого определенно не хотелось.

После того как он разделался с бутылочкой, взмахом пистолета ему было указано на дверь. Очевидно, он должен был идти впереди Эверлейка. Куда — он мог только догадываться.

— Послушайте, капитан, — промолвил Марк. — Бросайте это дело. Ну вам удастся убрать еще нескольких. Но ведь вам ваша вера запрещает...

— Моя вера запрещает мне многое, — с некоторым рычанием в голосе ответил капитан Эверлейк. — Но наступает время, когда уже не приходится полагаться только на свою совесть. Нужно выбирать меньший из двух грехов. Я сделал свой выбор, и ничто ни на Небе, ни в Аду не свернет меня с моего пути, раз уж я начал!

И это означало конец. Что в устах другого человека могло быть бахвальством, в устах капитана было скучной констатацией факта.

Пожав плечами, Галерс двинулся, чтобы пройти мимо Эверлейка. И вот в этот самый момент дверь в лабораторию распахнулась, и на пороге появилась Дебби.

— Отец, я слышала голоса...

Она остановилась как вкопанная, увидев их обоих.

— Меня удивило, что мы не пошли в город... — голос ее постепенно затих.

— Возвращайся в свою каюту, — резко приказал Эверлейк. — И забудь то, что видела!

Галерс сделал шаг в сторону, чтобы она более отчетливо увидела пистолет. Не обращая внимания на Марка, она пошла к отцу.

— Вернись, Дебби! Ты не понимаешь, что делаешь! — повысил голос Эверлейк. Затем, взмахнув пистолетом, произнес:

— Не пытайтесь бежать, Галерс. Я буду стрелять, предупреждаю вас!

Дебби не обращала на это никакого внимания. Она, как лунатик, шла на капитана, не сводя глаз с него. Он стал отступать, пока не наткнулся на стол. На мгновение его глаза в отчаянии забегали, как будто он искал пути для бегства. Но Дебби в тот же миг уже оказалась рядом с ним и произнесла:

— Отец, ведь ты не смог бы убить, не смог?

— Прекрати, Дебби! — вскричал он. — Ты не понимаешь, что ты делаешь со мной!

Вдруг Эверлейк вскинул руку, как будто отражая удар. Дебби остановилась, не понимая, что означает этот жест. Она только успела вскрикнуть, а затем тоже вздрогнула, как от удара. Оба они стояли, глядя друг на друга и тяжело дыша. С их лиц сошло печальное выражение, черты стали смягчаться. Губы Дебби

покраснели от прилива крови, грудь поднялась.

Эверлейк застонал и дико закричал:

— Нет, Дебби, нет!!!

Он выронил пистолет и уже не пытался его поднять. Вместо этого он вдруг обнял ее.

У Галерса хватило присутствия духа метнуться вперед и подхватить пистолет. Затем он уткнул оружие в ребро капитана и прокричал:

— Эверлейк, я не понимаю, что происходит. Но лучше прекратите это прямо сейчас.

Отец и дочь не обращали на него внимания. Он повторил свое распоряжение. Никакой реакции. Схватив пистолет за дуло, он с размаху ударил капитана по голове. Эверлейк, даже не вскрикнув, грузно опустился на пол. Дебби, прижавшаяся к нему, тоже была почти что на полу.

Галерс с усилием оттащил девушку от отца. Испытывая отвращение, он толчком отпихнул девушку к стене. Затем Марк склонился над капитаном, чтобы проверить кровоточащую рану на голове, но тут же был вынужден снова выпрямиться, чтобы еще раз оттолкнуть Дебби. Обнаружив, что она не остановилась, что ее будто гонит какое-то другое "я", он посадил ее на пол и стал пытаться связать ей руки и ноги мотками провода. Дважды она с яростью вонзала свои ногти ему в лицо, один раз даже укусила за руку. Он ударил ее по подбородку коленом, а ладонью по затылку. Она упала на четвереньки, и прежде чем снова успела подняться на ноги, Марк перевернул ее и туго связал, причем так сильно, что она не могла даже пошевелиться. Затем то же самое он проделал и с ее отцом, который только начал приходить в себя.

Казалось, что какая-то внутренняя сила пытается вырваться наружу и прорвать плоть капитана, словно это чрезмерно надутый воздушный шар. Глаза его вылезли из орбит, рот широко раскрылся, спина и шея изогнулись дугой так, что он касался пола только пятками и головой.

— Ради всего святого, Галерс, — хватая воздух ртом, взмолился капитан, — выпустите меня! Я не перенесу этого! Какой... стыд!

Марк сделал шаг к нему. Капитан, должно быть, неверно понял его движение, так как тут же вскричал:

— Нет, нет, я не это имел в виду! Не надо меня выпускать! Я не хочу делать это!

Стальной панцирь внезапно раскололся на тысячи частиц. Лицо его сморщилось. А затем, словно это была всего лишь уverture перед громом оркестра, конвульсии охватили все его тело.

Ошеломленный, Галерс понял, что у Эверлейка начался

припадок эпилепсии. Он подошел к нему, но тут же резко повернулся, услышав грохот за спиной. Дебби тоже очнулась и корчилась, пена выступила у нее изо рта. Он без всяких колебаний понял, кем надо заняться раньше. Чтобы девушка не могла искушать себе губы и язык, он быстро запихнул ей между зубами уголок платка. Как только первый приступ закончился, а длился он примерно секунд тридцать, он вынул платок, приподнял ее и приготовил два шприца с глюкозой и озефином. Хотя он и не гарантировал оживление трупа, изготовители его утверждали, что он способен совершить все что угодно, кроме этого. Единственным противопоказанием было слабое сердце. Зная, что это не грозит обоим его пациентам, Марк без колебаний сделал по уколу каждому.

После этого он приготовил два шприца с инсулином на тот случай, если содержание сахара в их крови будет расти очень быстро. Сколько чего им давать, он не знал, однако интуиция и небольшой опыт обращения с Дебби подсказывали ему, что делать, — не страшно, если даже он немного и перегнет палку.

Отец и дочь Эверлейки вскоре стали приходить в себя. Галерс внимательно наблюдал за ними, ибо, по его мнению, действие озефина еще не было в достаточной степени изучено. Более того, вещество это быстро сгорало в организме, и поэтому нужно было вовремя увидеть признаки окончания его действия, чтобы немедленно сделать второй укол. Третьи инъекции рекомендовались только в особых случаях, при крайней необходимости.

Как только щеки и глаза капитана приняли нормальный вид, Галерс подтащил и прислонил его к стенке. Он развязал Дебби и заметил, что веревки глубоко впились в ее тело во время судорог. Он испытывал некоторое раскаяние за причиненные ей ненужные мучения и в то же время отлично понимал, что другого выхода у него не было.

Дебби подняла на него свои большие светло-голубые глаза.

— Как вы себя чувствуете? — улыбнувшись, спросил Марк. Он заметил, что ни у нее, ни у капитана не возникло смущения за то, что произошло с ними. Кроме того, бросилось в глаза, что его пациенты не чувствовали себя истощенными физически.

— Небольшая слабость, — прошептала девушка.

— Вы понимаете, что произошло?

Она отрицательно покачала головой.

— Я верю вам, — сказал он и повернулся к капитану: — Я хотел бы точно знать, что произошло. По моим предположениям, не только вы и Дебби, но и вся община ремоитов чем-то поражена, и поражена очень глубоко. Я прав?

Эверлейк не отвечал, жесткая линия его челюстей показы-

вала, что отвечать он не собирается.

— Это не имеет особого значения, так как во время следствия вы под воздействием препаратов расколаетесь, как миленький. Но это произойдет на Земле, и для этого нам всем придется вернуться туда, чтобы провести расследование. Мне не хотелось бы этого. Я хочу знать сейчас, что неладно, чтобы помочь Дебби. Но если мы улетим отсюда, мы, возможно, никогда уже не вернемся на Мелвилл. Дебби, скорее всего, поместят в больницу и, может, не выпустят до тех пор, пока ее случай не будет досконально изучен. Если бы у меня были необходимые данные сейчас, я смог бы оказать ей определенную помощь, которая вылечила бы ее теперь же. В противном случае...

В надежде он вглядывался в лицо капитана, не замечая, однако, каких-либо признаков расслабления окаменевших мускулов. В конце концов, отчаявшись, Марк проговорил:

— Ну что же, что я собираюсь сейчас сделать, будет выглядеть жестоко и по отношению к Дебби тоже, но, по крайней мере, это заставит вас заговорить.

Он наклонился и прошептал:

— Прости, дорогая.

Затем он взял ее на руки и, прежде чем она успела возразить, пошел вместе с ней к отцу. Эверлейк, поняв намерения Галерса, закричал:

— Не делайте этого! Оставьте ее там! Держите ее подальше от меня! Я расскажу все, что вы хотите!

Галерс отпустил Дебби. Она с упреком посмотрела на него и, шатаясь, побрела к стулу, плюхнулась на него, уронив руки и голову на стол.

Эверлейк с болью поглядел на нее и произнес:

— Вы — сущий дьявол, Галерс. Вы нашли единственный способ заставить меня заговорить. Вы знали, что я не перенесу этого!

Дрожащей рукой Галерс зажег сигарету.

— Верно. Поэтому давайте побеседуем.

Капитан говорил целый час. Дважды он прерывался. Один раз, когда врач сделал ему и Дебби еще по одному уколу глюкозы и озефина, и другой раз — чтобы напиться воды. Закончив, он откинулся к стене и разрыдался.

— Значит, эта штука называется "оперс". По имени врача Гидеона Оперса, первого человека, в котором она поселилась, — резюмировал Галерс. — И эти оперсы, насколько я понимаю, являются эндопаразитами, которые простирают свои тонкие щупальца в виде нитяной сетки во все мягкие ткани человеческого тела "хозяина". Они образуют такого же рода плоть, как и клетки человеческого мозга. И подобно нашему

мозгу, оперсы питаются исключительно сахаром из крови.

Эверлейк кивнул. Галерс взглянул на Дебби и тотчас же вернулся, так как не мог выдержать ужаса, появившегося в ее округлившихся глазах — оттого что она поняла, что ее тело стало своего рода каркасом, на котором плетет собственную паутину совершенно другое создание. Вампир, которого нельзя выгнать никакими средствами и который может заставить ее делать то, что она не захотела бы сделать ни при каких обстоятельствах. Марку самому стало плохо. Через мгновение он задумался над тем, могла ли ее психика выдержать то напряжение, которое испытывал капитан... нет, не выдержала бы. Он бы убил ее, но пока сам капитан пребывал в здравом уме, он не сделал бы этого.

Марк снова заговорил, заговорил быстро, надеясь отвлечь ее внимание и страстно надеясь, что вдруг найдется какое-нибудь решение.

— Неудивительно, что рентген ничего не показывал, — резюмировал он. — Нити слишком тонкие, чтобы их можно было обнаружить. Кроме непредсказуемого падения содержания сахара в крови, у нас больше не на что опереться. Теперь, насколько я понял из вашего рассказа об исследованиях Оперса на самом себе и других, которые он успел осуществить, прежде чем сошел с ума, паразит разветвляется по всему телу "хозяина" из крохотной, лишенной мозга головки, располагающейся где-то в животе "хозяина". К головке прикреплен мешочек для размножения. Один раз укоренившись, оперс распространяет одну из своих немногих специализированных структур. Если он находится в теле мужчины, то отращивает трубку с волосок толщиной, направленную к мужским семенным пузырькам. Если оперс укореняется в женщине, он, разумеется, протягивает трубочку к женским половым органам. И все это делает, разумеется, только инстинктивно.

Он также выделяет рыбный запах. Этот запах исходит как от дыхания "хозяина", так и от кожи. Как только один из "хозяев" приближается к другому достаточно близко и можно различить запах, органы обоняния оперса также обнаруживают его. Немедленно, посредством своих контактов с нейронами "хозяина", он посылает импульсы, которые возбуждают парасимпатическую нервную систему и железы, с нею связанные. Это вызывает непреодолимое влечение "хозяина" и "хозяйки". Никакие моральные запреты здесь уже не имеют никакого значения. Оперсы способны разрушить их до самого основания.

Насколько я понял, — вел разговор далее Галерс, — доктор Оперс был на этой планете одним из первопоселенцев. Это был убежденный проповедник, добропорядочный человек, чье поведение всегда казалось безупречным. До того дня, когда его

застукали с молодой девушкой. Расследование показало, что от него забеременело большое количество женщин. И все они, как выяснилось позже, были заражены паразитом. От Оперса или независимо от него — это неизвестно.

Тем временем Оперс, во время своего "покаяния", сопоставил появление рыбного запаха с аморальным поведением и обнаружил, что же, собственно, поселилось в нем и в других. Он рассек тела нескольких известных ему "хозяев" и отделил соматическую структуру паразита. Однако еще в течение года, когда он одевался во все черное, он снова стал добычей паразита. Поэтому его отослали в лесную глушь и поместили в охраняемый лагерь вместе с другими людьми, пораженными этой же болезнью.

Эверлейк кивнул и добавил:

— Туда уходят все, захваченные оперсами. Их изгоняют, и они уже больше никогда не смогут вернуться назад.

— И самое ужасное заключается в том, что им запрещены какие-либо телесные контакты с другими себе подобными.

— Да, — капитан кивнул. — Они вынуждены всю свою оставшуюся жизнь испытывать это ужасное чувство близкого взрыва. Они вынуждены постоянно жить в страхе, что взорвутся на самом деле. Это не жизнь, а суровая пытка, которая усугубляется еще и тем, что их постоянно уверяют в том, что они страдают за грехи в этой и предыдущих своих жизнях.

— И вы этому верите?

— Разумеется. Неужели вы думаете, что в противном случае я бы продолжал одеваться в белый наряд ремонта?

Галерс не знал, что на это ответить. Как мог он убедить в чем-либо человека с таким образом мышления? Бессмысленно доказывать ему, что люди, пораженные оперсами, страдали главным образом из-за завесы невежества и секретности, обманным образом наброшенной Старейшинами на общину и внешний мир. Эти религиозные фанатики понимали, что сами оперсы были ни чем иным, как созданиями из плоти и крови, которые жили, повинаясь определенным физиологическим побуждениям, называемым инстинктом. И тем не менее, прекрасно сознавая это, они могли настаивать на том, что человек, приютивший оперса в своем теле, поступает так из-за какой-либо обиды или преступления, нанесенного другим людям им самим или его предками.

— Послушайте, капитан, — сказал в конце концов Галерс. — Вы же умный человек. Иначе бы вам не доверили командование "Королем Эльфов". Почему же, черт побери, вы не обратились к земным врачам и не попросили их расследовать ваш случай? Насколько вам известно, должны существовать сред-

ства, с помощью которых вы могли бы избавиться от этого паразита. А так, из-за страха и невежества, вы лишили себя возможности вылечиться. А Дебби? Неужели вы собираетесь превратить ее жизнь в блуждание внутри “Короля Эльфов” с одной планеты на другую, не узнав любви и счастья, не познав ничего, кроме одиночества?..

Теперь Марк понял, почему отец не разрешил ей покинуть корабль во время церемонии Празднества. Ее могли тайно похитить и увести в один из концлагерей ремоитов, находящихся в далеких лесах. И Эверлейк, верноподданный своего народа, не протестовал бы. И что еще хуже, он и сам не осмеливался пойти на близкие контакты с кем-либо из своих соплеменников, потому что и ему тоже пришлось бы отправиться в лагерь. Какую одинокую жизнь он вел!

В первый раз Галерс смог понять, почему Эверлейк все это делает. Но это нужно было прекратить. Так дальше не могло продолжаться. Сама природа оперсов и способы, с помощью которых она маскировалась, делали неизбежным широкое их распространение не только на Мелвилле, но и по всей Галактике. Эта штука представляла угрозу, для борьбы с которой нужно было привлечь все планеты. Доктору стало не по себе при одной мысли о том, что, возможно, уже сейчас сотни или тысячи мужчин и женщин, разбросанные по многим планетам, передают другим своих оперсов посредством близкого контакта.

— Послушайте, капитан, — повторил Марк, — расскажите-ка мне все, что вам известно, чтобы я смог как можно быстрее приступить к работе. Мое правительство, разумеется, будет незамедлительно поставлено в известность, чтобы можно было объявить всегалактическую тревогу. Я понимаю, что ваши соотечественники не хотели бы разоблачения по вполне понятным причинам. Во-первых, оперсы могут стать таким же клеймом, как когда-то была проказа или сифилис. Однако эти две болезни давным-давно исчезли, и так же можно уничтожить и оперсов. Во-вторых, вы не могли признаться в своей болезни, так как понимали, что на Мелвилл будет наложен карантин. А это сократит доходы вашей общины, поступающие от ушедших в космос мужчин, и тем самым лишит вас возможности покупать вакцину для омоложения. Но вам в голову приходила когда-нибудь мысль о том, что вы в большем долгу перед всем человечеством, нежели перед своей собственной небольшой группой?

— Достаточно я наслушался поучений в своей жизни! — рявкнул Эверлейк. — И я не хотел бы выслушивать их от вас, посторонний!

— Хорошо, — произнес после небольшой паузы Галерс. —

Но я хотел бы еще узнать, почему вам пришлось убить Джинаса?

— Он стал не в меру подозрителен, — усмехнулся Эверлейк. — Он пришел ко мне, чтобы расспросить, но я постарался отделаться от него. Тем не менее, когда мы останавливались здесь в последний раз — это было во время Праздника Коронации, — он исчез и не показывался целых три дня. В тот день, когда была коронация Девы Озера, он появился и объявил мне, что был в каком-то захолустье, разговаривал с женщиной, мужа которой забрали внутрь страны. Сделано это было, разумеется, по приказу Старейшин, так как им овладел оперс... Но каким образом он выудил все это у женщины, я не знаю. Возможно, он соблазнил ее и заставил дуру разговариваться. Эти женщины — вероломные дурехи!

Последние несколько слов он буквально выплюнул.

— Он сказал мне, — продолжал дальше капитан, — что обнаружил достаточно, чтобы разоблачить всех нас. Он сообщил, что знает, что во мне также сидит оперс, но если я думаю, что виной тому мои прегрешения, то я заблуждаюсь. Он спросил у меня, действительно ли моя жена была тоже поражена этим паразитом и сослана в лес. Я ответил, что это правда и что она вовсе не умерла, как обычно я говорил Дебби.

Девушка застонала, но отец даже не взглянул на нее.

— Когда это случилось, я старался позабыть ее, потому что считал, что она была мне неверна. Однако через год и во мне самом поселился оперс. Я не мог понять этого, потому что был воздержан все это время. Вы можете себе только представить те муки, которые я испытывал, вспоминая о том, что я говорил своей жене. Вот он я, давший внутри себя приют грязному паразиту, и тем не менее я невиновен!

После этого моя нога почти не ступала на землю Мелвилла. И я пытался изолировать Дебби от этой планеты. К несчастью, кто-то из Старейшин пронюхал о ее красоте, и ее выбрали Девой Озера на тот год. И вот, в это самое время ко мне пришел Джинас и объяснил, как можно подхватить оперса без телесных контактов.

Он рассказал, что каждый оперс таит в своем мешочке для размножения как мужские, так и женские половые клетки, но соединиться, чтобы возник зародыш, они не могут. Оплодотворение происходит во время сексуальных контактов между мужчиной и женщиной, “хозяевами” оперсов, когда паразит, находящийся внутри мужчины, избавляется от своих половых клеток одновременно с “хозяином”. После этого они объединяются с половыми клетками оперса, живущего в женщине, образуя тем самым зародыш, который некоторое время живет в организме “хозяйки”, пока не наступает возможность и самому найти себе нового носителя.

Вы поняли? Джинас сказал, что это довольно усложненный способ размножения и он не гарантирует, что большое количество оперсов выживет. Наверное, это так, поэтому паразит распространяется не очень быстро. По оценке Джинаса, оперсы поселились в телах не более чем пяти процентов ремоитов и что, скорее всего, не более чем пятнадцать процентов населения вообще знает о существовании этого паразита. Старейшины, как только могут, скрывают это. И их успех может быть объяснен тем, что ремоиты почти не имеют контактов с жителями других планет, ограничиваясь только агентами космофлота и представителями Земного Правительства.

Джинас также считал, что если эмбрионы или половые клетки не вступают в контакт с человеческим телом через определенное — на его взгляд, крайне небольшое — время, то они погибают. Однако, согласно его гипотезе, во время церемонии очищения, в которой принимает участие вся община, те из зараженных, которых еще не выявили, выделяют как женские, так и мужские половые клетки. Некоторые явления, сопровождающие религиозный экстаз, в чем-то родственны половому возбуждению, и вполне вероятно, что эти микроскопические твари могут некоторое время оставаться живыми в теплой воде. Джинас объяснил также, что оперса можно сравнить с недоразвитым рачком. Более того, аналогичное животное имеется и на Земле.

Галерс удивленно поднял брови.

— Да, — кивнул Эверлейк, — Джинас сказал, что земное ракообразное, называемое Саккулина, родственное морской утке, прикрепляется к телу краба Барцинуса. Саккулина проникает сквозь его хитиновый покров и пронизывает тело краба. Этот рачок образует сеть из тончайших нитей по всему телу “хозяина”. Устроившись таким образом, паразит питается тем, что ест краб. У него также есть мешочек для размножения, который торчит, однако, из отверстия в брюшке краба. Основное различие между земной Саккулиной и мелвиллским оперсом заключается в том, что жертвой последнего является человек и оперс имеет более сложное строение и большую специализацию органов.

Джинас говорил также, что он убежден, что оперсы распространяются еще и во время культовых омовений. Он собирался уведомить земные власти. Я бы убил его еще тогда, но когда услышал, что он собирается брать пробы воды, мне в голову пришла лучшая мысль.

— Вы вошли в озеро с поросшего лесом берега, — перебил его Марк. — И на вас был скафандр. Вы перевернули лодку и затащили врача на глубину. В общем, вы сделали с ним то, что

собирались сделать со мной.

— Я не собираюсь защищаться, — пожал плечами Эверлейк. — Я сделал это ради Ремо.

Впервые за все время в разговор вмешалась Дебби:

— Отец, Пит и я, должно быть, заразились во время церемонии. А через неделю я почувствовала, что слабею, и стала налегать на шоколад. И как раз тогда ты стал так сурово обращаться со мной и избегать наших встреч. И тогда же ты велел мне избегать Пита.

— Да, дитя мое, — сознался капитан, впервые обращаясь к ней ласково за все то время, что его знал Галерс. — Я не мог рассказать тебе, в чем заключается болезнь. Я думал, что смогу сохранить тебя в безопасном неведении. Но я сам не мог оставаться возле тебя. Ты видела сейчас, к чему это приводит, не так ли?

— Да, но зачем тебе нужно было убивать бедного Пита?

— Дебби, девочка моя, один из членов экипажа поведал мне, что он вошел в твою каюту. Зная, что случится неизбежное, я поспешил к тебе и велел Клакстону выйти. При этом я увидел кольцо на его пальце. Тогда... нет, я не буду распространяться, что могло бы произойти. Но я так испугался! Тогда у тебя и у него начался припадок...

— Почему? — невольно вырвалось у Галерса.

— Потому что оперс, если воздержание длится слишком долго, вызывает возбуждение всей нервной системы. Оперс теряет контроль над половыми железами, вызывает полное расстройство нервной системы, что и выражается в припадке “хозяина”.

— Значит, я был не прав со своей теорией, связанной с эпилепсией, — кивнул Галерс. — Это теперь объясняет падение содержания сахара в крови и присутствие адреналина.

— Во время полового возбуждения “хозяина”, — нетерпеливо перебил Марка капитан, — оперс пожирает необычайно большое количество глюкозы. Она потребна ему на создание необходимой нервной энергии, чтобы возбудить “хозяина”. Кроме того, она нужна, чтобы выделить из мешочка половые клетки. Все это понижает содержание сахара в крови. Обычно особого вреда это не приносит, так как возбуждение обычно заканчивается через несколько минут. Однако если “хозяева” сдерживаются в присутствии друг друга, что и произошло в каюте моей дочери, потребление сахара резко возрастает. Резкое падение этого элемента в крови вызывает выделение адреналина сначала из головного, а затем и из спинного мозга человека “хозяина”. Но его мало попадает в кровь, чтобы вызвать адреналиновый шок. Когда “хозяин” теряет сознание, то же происходит и с паразитом. И он прекращает пожирание глюкозы, пока

“хозяин” не придет в себя. Но к тому времени оперс возобновляет свое обычное функционирование.

Когда у Дебби и Клакстона начался приступ, я понял, что я совершил. Поскольку я не сказал им, что их ожидает, я был виноват. Однако расслабиться было нельзя. Я не доверял Питеру. Он совсем недавно перешел в нашу веру. У него еще был чуждый образ мышления и иное чувство долга. Были все основания полагать, что он может обо всем проболтаться властям. И... я не доверял ему, и не хотел, чтобы он был с моей дочерью.

Галерс внимательно посмотрел на капитана. За монотонным потоком слов он разглядел свирепый, едва сдерживаемый гнев на погибшего.

— Понимая, что он обязательно попытается снова встретиться с Дебби, я решил, что... еще одна... смерть не сделает мои преступления более ужасными. Поэтому я связал его, поместил в спасательную шлюпку и выбросил вон из корабля. Затем я известил Лунную Станцию, что на борту находится моя больная дочь. Мне пришлось, разумеется, притворяться несведущим о ее действительном состоянии.

Галерс взглянул на Дебби и прочел у нее на лице тот же вопрос, который уже давно вертелся у него на языке. Он посмотрел прямо в бледно-голубые глаза капитана и спросил:

— Почему же на вас не действовал ее оперс, когда вы были в каюте Дебби до припадка и после него?

Эверлейк закрыл глаза и ответил низким сдавленным голосом, готовым, однако, внезапно перейти в рычание:

— Настоящий мужчина способен на многое, мальчик. Я не могу сказать тебе ничего больше. Ты можешь только догадываться, почему я не был подвластен оперсу в тот или иной промежуток времени и почему был подвластен ему всего лишь несколько минут назад. Если бы я знал, что Дебби навестит нас, я бы обязательно подготовился. Но... нет, Галерс, давай не будем говорить об этом. По-моему, я уже сказал... и натворил... достаточно.

Марк согласился с ним. Он посмотрел на Дебби, которая все еще сидела у стола, и погладил ее по плечу.

— Я вернусь, дорогая. Очень жаль, что мне придется выдать твоего отца, но иначе никак нельзя. Ты понимаешь это?

Она кивнула и, как бы преодолевая что-то внутри себя, пошевелила рукой и едва коснулась Марка.

Из радиорубки, где он связывался с агентом “Саксвелла” и излагал ему ситуацию, Марк вернулся через двадцать минут. Увидев пару кусачек, лежащих на груди перерезанных проводов, он несколько не удивился.

— Он объяснил, куда идет? — спросил Марк у девушки.
Она подняла красные заплаканные глаза:
— К озеру. Сейчас он уже выплывает на середину.
— Значит, бесполезно посылать кого-нибудь за ним?
— Они не успеют, — разрыдалась Дебби. — И я, о боже, как я не хочу, чтобы они успели! Это ведь самое лучшее, что может быть, не так ли? Он любил “Короля Эльфов” еще больше, чем меня. Он не смог бы вынести жизни взаперти в сумасшедшем доме.
— Да, это так, — согласился Галерс. — Но я удивился, что он не попытался уговорить тебя последовать за собой.
— Нет, он согласился, что у меня есть еще кое-что, ради чего стоит жить. Но он не мог перенести мысль о том, что все, что он сделал, было напрасно.
Дебби протянула ему левую руку:
— Перед тем, как уйти, он вернул мне это. Все это время, о господи, я считала, что оно у Пита.
Марк взглянул и увидел, что на руке девушки матово блестит толстое кольцо со щитом, отражающим брошенное копье.

ЭПИЛОГ

Честность часто влечет за собой развязку.

Как только был объявлен карантин, выявлены и проверены все ремоиты, служившие в космосе, Галерс принялся за работу. Он пришел к выводу, что оперс, будучи животным внеземного происхождения, притом узкоспециализированным, не смог бы просто так приспособиться к анатомии человека, если бы предварительно не обитал в подобных же существах. Отсюда следовало, что нужно было где-то отыскать такие существа.

Ответ был простой. Стоило только обследовать гуманоидов, которые жили на других материках Мелвилла. Правда, они почти не соприкасались с землянами вследствие политики невмешательства, проводимой Земным Правительством.

Эта политика требовала, чтобы космические компании не имели дела с аборигенами, пока они не будут тщательно изучены антропологическими экспедициями. Но за последние пятьдесят лет в этом не было особой необходимости. Самим же ремоитам было разрешено селиться на планете только потому, что их материк был открыт и освоен туземцами, уровень развития которых соответствовал земному средневековью.

Тем не менее Галерс был убежден, что ремоиты даже и не пытались обследовать аборигенов, чтобы выявить их способы борьбы с оперсами. Ведь вполне вероятно, что у этих, хотя и

недостаточно технически развитых существ могли иметься свои способы решения проблемы.

И он оказался прав. Если бы ремониты не пытались скрыть свои “грехи” под покровом тайны, они, возможно, не страдали бы от этого паразита лишних полстолетия. Потому что обитатели других материков уже тысячи лет умели бороться с оперсами. Методы их были жестокими, и, вследствие недостаточного развития медицины, пациент обычно умирал. Но у этого лечения было и преимущество — с точки зрения аборигенов, ведь при этом умирал и паразит.

Аборигены возбуждали у “хозяина” искусственную лихорадку. Не в силах вынести жар, оперс постепенно втягивал свои нити в брюшную полость и здесь сворачивался комком. Он образовывал вокруг себя восковую оболочку, чтобы предохраниться от повышения температуры. Когда же лихорадка прекращалась, находившийся в спячке оперс сбрасывал воск и снова разветвлялся по телу.

Но лекари опережали его, разрезая живот пациента и вытаскивая паразита.

Галерс, взяв на вооружение достижения современной науки, прооперировал большое количество туземцев. Все операции завершились успешно — гибли только оперсы. Затем наступил день, когда он сделал операцию и Дебби. Двадцатью часами позже он вошел в палату, в которой лежала девушка.

Он был поражен переменной в ее облике. Но все же задал традиционный риторический вопрос:

— Вы чувствуете себя лучше?

— Мне кажется, что я вот-вот взорвусь.

На лице Марка возникло тревожное выражение. Неужели оперс оставил шрамы в ее психике?

— Глупец! — рассмеялась Дебби. — Ты не так понял меня. Я хотела сказать, что взорвусь, если ты не обнимешь и не поцелуешь меня!

И ей не пришлось взрываться.

БИЗНЕС БОГА

Впервые за всю историю морская пехота США была обращена в бегство всего лишь водяными пистолетами.

Экран вздрогнул. Появился новый сюжет. Однако то, что я увидел, не выходило у меня из головы.

Полк морских пехотинцев, в касках, в полном боевом облачении, с карабинами и автоматами, спотыкаясь, отступал перед беспорядочной толпой обнаженных мужчин и женщин. Нудис-

ты, смеясь и дурачась, стреляли в них из игрушечных ковбойских шестизарядных кольтов и водяных пистолетов, таких же, как и в сериале "Повелитель Орбиты". Они разбрызгивали из узких дул струйки жидкости, которые по крутой дуге перелетали через поднятые в отчаянии автоматы и растекались по лицам пехотинцев.

Затем закаленные ветераны побросали свое оружие и пустились наутек. Некоторые, правда, остались стоять с глупым видом, недоуменно моргая и облизывая мокрые губы. А победители брали под руки свои жертвы и уводили по ту сторону нестройных рядов голых людей.

А огнемёты, минометы, безотказные орудия? Толку от них было не больше, чем от дубинок.

Экран погас. Зажегся свет. Майор Алиса Льюис отложила пульт дистанционного управления.

— Так что, господа, есть вопросы? Нет? Мистер Темпер, вам, наверное, не терпится рассказать нам, почему вы уверены, что добьетесь успеха там, где провалились многие другие. Мистер Темпер, господа, изложит нам "голые факты". Он хорошо разбирается во всем, что голо. Здесь он большой специалист.

Я встал. Лицо мое покраснелось, ладони вспотели. Мне нужно было бы рассмеяться над неуместной шуткой майора по поводу отсутствия волос у меня на голове, но четверть века не убили во мне неловкости, которую я испытывал от своей яйцеобразной головы. Когда мне было двадцать лет, я подцепил лихорадку, которую доктора так и не смогли распознать. А ведь я от нее чуть не умер. Когда я поднялся с постели, я был как остриженный барашек, да так и остался ободраным. Более того у меня оказалась аллергия к парикам. Поэтому меня немного смутила необходимость встать перед аудиторией, после того, как прекрасная майор Льюис продемонстрировала свое остроумие на счет моей сверкающей башки.

Я приблизился к столу, где она стояла, бойкая и, черт побери, хорошенькая. Но, подойдя еще ближе, я увидел, как дрожит ее рука, держащая указку, и поэтому решил пропустить мимо ушей ее дерзкое замечание. Ведь в конце-то концов нам вдвоем придется выполнять одну работу, и с этим ни она, ни я ничего не можем поделать. К тому же у нее была причина нервничать. Пришла пора испытания для всех, и тем более для военных.

Я оглядел заполнивших помещение офицеров, высокое начальство и высшие чины. Через окно виднелась часть покрытого снегом городка Гэйлебург, находящегося в штате Иллинойс. Заходящее солнце светило как обычно. Люди сновали по улицам как ни в чем не бывало, будто они привыкли, что в долине реки Иллинойс сосредоточены пятьдесят тысяч солдат, а необычные

создания бродят среди фантастически роскошной растительности уже долгое время.

— Л-леди и д-джентльмены, — заикаясь, начал я, — вчера на б-берегу я видел Сюзи.

Вы понимаете, что произошло дальше. Даже если б таким же тоном я поведал о вспышке чумы в Нью-Орлеане, мои слушатели не могли бы сдержать улыбку и не рассмеяться втихомолку. Я же чувствовал себя полным идиотом.

Мне не следовало столь долго приводить в порядок свои нервы, ибо майор заговорила снова, скрывив свои прекрасные в любых обстоятельствах губки.

— Мистер Темпер уверен, что владеет ключом к решению нашей проблемы. Возможно, так оно и есть... Должна, однако, предупредить вас, что его рассказ сочетает такие, казалось бы, не имеющие друг к другу отношения события, как бегство быка из скотопригонного двора, пьяные похождения профессора университета, известного своей непреклонной трезвостью, не говоря уже об исчезновении вышеупомянутого профессора классической литературы и двоих его студентов в ту же самую ночь.

Я подождал, когда стихнет смех. Когда я заговорил, то даже не обмолвился о двух других невероятных фактах, связанных между собой. Я не упомянул о бутылке, приобретенной мною в одной ирландской забегаловке и посланной профессору два года назад. Не сообщил я и о том, что, по моему мнению, изображено на снимке, сделанном одной из камер, установленной на армейском воздушном шаре над городом Онабак. На этой фотографии явно просматривалась огромная статуя быка, выполненная из красного кирпича. Бык стоял посреди футбольного поля Фрайбеллского университета.

— Господа! — произнес я. — Прежде чем я расскажу о себе, я должен остановиться на причинах, побудивших Управление по делам пицци и наркотиков послать агента-одиночку в местность, где до сих пор объединенная мощь всей армии, ее военно-воздушных сил и морской пехоты не смогла ничего сделать.

Лица присутствующих вспыхнули багрянцем, словно цветы осени.

— УДПН по необходимости принимает участие в этом "Деле Онабака". Как вы знаете, в реке Иллинойс, от Чилликута до Паваны, вместо воды теперь течет пиво.

Никто не засмеялся. Это давно уже перестало забавлять всех. Что же касается меня, то я терпеть не могу любые спиртные напитки или наркотики. И для этого у меня есть веские причины.

— Мне следует внести некоторые уточнения. В реке Илли-

нойс — хмельная вода, однако те из наших добровольцев, которые пили из реки это не то пиво, не то воду, реагировали на алкоголь не так, как должны были реагировать на обычное спиртное. Они сообщили, что после выпитого они впали в эйфорию, а потом ощутили абсолютное отсутствие внутренних запретов. И это состояние длилось даже после того, как весь алкоголь был выведен из системы кровообращения. Напиток действует как возбуждающее, а не как успокоительное. После него нет похмелья. И больше всего нас удивляет, что ученые не могут найти в воде, взятой на анализ, никаких неизвестных веществ.

Тем не менее почти все это вам уже известно, так же как и известно, почему привлечено УДПН. Главные причины, по которым именно меня сюда прислали, заключаются в том, что я родился и вырос в Онабаке, и мое начальство, включая и президента Соединенных Штатов, находится под глубоким впечатлением от моей гипотезы об отождествлении лица, ответственного за это безобразие. Кроме того, — добавил я не без ехидного взгляда в сторону майора Льюис, — все убеждены, что поскольку я первый выдвинул тезис о необходимости психологической подготовки против соблазна, который представляет собой вода реки, то и первым таким агентом должен быть я.

После того как ситуация привлекла внимание УДПН, мне поручили заняться этим делом. Поскольку так много федеральных агентов исчезли в окрестностях Онабака, я пошел в библиотеку Конгресса и начал читать выходившие в Онабаке газеты “Морнинг стар” и “Ивнинг джорнел”, начиная с того дня, когда библиотека перестала получать экземпляры этих газет. Таким образом, я как бы постепенно возвращался к событиям двухгодичной давности. И только здесь, в номерах от тринадцатого января, я наткнулся на нечто существенное. Я подчеркиваю: тринадцатое января два года назад.

Я замолчал. Теперь, когда я должен был изложить свои доводы перед этими тупоголовыми воротилами, мне захотелось выяснить их реакцию на мои слова. Ровно никакой! Тем не менее я осмелев и решил козырнуть.

— Господа! В номерах от тринадцатого января среди всего прочего сообщалось об исчезновении в предыдущую ночь доктора Босуэлла Дархэма из Трабеллского университета вместе с двумя слушателями его обзорного курса античной литературы. Сообщения были противоречивыми, однако все сходились в следующем. Первое: днем тринадцатого студент Эндрю Поливайносел отпустил весьма пренебрежительное замечание об античной литературе. Доктор Дархэм, известный своей кротостью и снисходительностью, обозвал Поливайносела ослом.

Поливайносел, дюжий футболист, встал и сказал, что он вышвырнет профессора из здания университета, схватив его за задницу. Однако, если верить свидетелям, робкий худосочный мужчина, каковым и является Дархэм, сграбастал рослого Поливайносела одной рукой и вышвырнул его через дверь в коридор.

После этого Пегги Рурке, чрезвычайно привлекательная сокурсница и “возлюбленная” Поливайносела, уговорила его не бросаться на профессора. Однако спортсмена, казалось, вовсе не надо было уговаривать. Ошеломленный, он без всяких возражений позволил мисс Рурке увести себя.

Студенты решили, что теперь у Дархэма появилась отличная возможность добиться исключения Поливайносела из университета, несмотря на то что он входил в юношескую сборную страны. Профессор, однако, ничего не сообщил декану о происшедшем. Слышали, как он ворчал, что Поливайносел — осел и что это видно всем. Один из студентов поведал, что ему показалось, будто от профессора пахнет спиртным. Но затем он решил, что, должно быть, ошибся, ибо то, что профессор не прикладывался к бутылке, стало уже притчей во языцех по всему университету. Немалую роль в этом, казалось, играла его жена. Она была ревностной сторонницей воздержания от спиртных напитков, современной последовательницей теории Уилларда.

Возможно, господа, это покажется вам совершенно не относящимся к делу. Но я заверяю вас, что вы не правы. Рассмотрим показания еще двух студентов. Оба клянутся, что видели горлышко бутылки, торчащей из кармана пальто профессора, висевшего у него в кабинете. Пробки в ней не было. И хотя на дворе морозило, у профессора, известного своей нелюбовью к холоду, оба окна были открыты. Вероятно, для того, чтобы выветрился запах из бутылки.

После этой стычки доктор Дархэм пригласил Пегги Рурке в свой кабинет. Мисс Рурке вышла оттуда через час, вся в слезах, с покрасневшим лицом. Она сказала, что профессор вел себя как безумный, что он признался ей, что влюбился в нее с того самого дня, когда она впервые переступила порог его аудитории, но он понимает, что он слишком старый и некрасивый, чтобы даже подумать о том, чтобы сбежать с ней. Но теперь, когда многое изменилось, он хочет увести ее. Рурке объяснила, что профессор всегда ей нравился, но она даже на секунду не представляла себе, что может в него влюбиться. Тогда он обещал ей, что к вечеру он будет совсем другим человеком и что он ей покажется неотразимым.

Несмотря на это, все казалось тихим и спокойным в тот вечер, когда Поливайносел привел Пегги Рурке на вечер второкурсников. Ответственный за вечер Дархэм поздоровался с ни-

ми, будто ничего не произошло. Жена его тоже, казалось, как будто не ощущала чего-либо неладного. Это само по себе странно, ибо миссис Дархэм была одной из тех жен преподавателей, мимо ушей которой не могла пройти ни одна университетская сплетня. Более того, женщина в высшей степени нервная, она не была из тех, кто умеет скрывать свои чувства. Над профессором посмеивались у него за спиной, потому что он был явно под башмаком у жены. Миссис Дархэм частенько делала из него посмешище и водила его как быка с продернутым в носу кольцом. Однако в тот вечер...

Майор Льюис прочистила горло:

— Мистер Темпер, вы бы не могли пропустить такие подробности? Эти джентльмены очень заняты, и им нужны только голые факты. Голые факты, повторяю.

— А голые факты таковы, — улыбнулся я. — Позднее, когда танцы закончились, миссис Дархэм в истерике позвонила в полицию и сообщила, что ее муж сошел с ума. О том, что он, может быть, выпил, даже говорить не приходилось. Такое для нее было абсолютно немыслимым, он бы не осмелился...

Майор Льюис еще раз прочистила горло. Я с досадой посмотрел на нее. По-видимому, она никак не могла уразуметь, что все эти подробности необходимы.

— Один из полицейских, который ответил на ее звонок, потом рассказал, что профессор, шатаясь, бродил по снегу в одних только брюках, из кармана которых торчала бутылка, и обрызгивал красной краской прохожих. Показания другого полицейского были несколько иными. Он уточнил, что профессор брызгал краской из ведра, орудия кистью.

Чем бы он ни пользовался, он покрасил свой собственный дом и дома некоторых соседей от крыши до фундамента. Когда прибыла полиция, он вымазал краской машину и залепил глаза полицейским. Пока они прочищали их, он смотался. Еще через полчаса он исполосовал краской женское общежитие и напугал до смерти немало его обитательниц. Затем он проник внутрь, проскользнул мимо возмущенной дежурной, пробежался по всем коридорам, обрызгивая краской, казалось, из бездонной банки всех, кто высовывался из комнат, а затем, не найдя Пегги Рурке, исчез.

Я мог бы добавить, что все это время он хохотал как безумный и кричал, что перекрасит в этот вечер весь город в красный цвет. Мисс Рурке ушла вместе в Поливайноселом, несколькими своими земляками и их друзьями в ресторан. Позже Рурке и Поливайносел распростились со своими друзьями возле их домов, а затем предположительно направились в женское общежитие. Однако туда они не добрались. Ни их, ни профессора больше не

видели. Не видели в течение двух лет, которые прошли между инцидентом и тем временем, когда перестали выходить газеты в Онабаке. Наиболее популярной была гипотеза о том, что безумно влюбленный профессор убил и похоронил студентов, а затем исчез неизвестно куда. Но я предпочитаю, и не без веских оснований, верить совсем иному.

Поспешно, ибо я уже видел, что моя аудитория утомилась, я рассказал о появившемся в нижней части Мэйн-Стрит будто бы ниоткуда быке. Позже со всех скотных дворов пришли сообщения, что не пропал ни один бык. Тем не менее слишком многие видели быка, чтоб отмахнуться от этого факта. К тому же все свидетельствовали, что видели быка, плывущего через реку Иллинойс с голой женщиной на спине. Женщина эта размахивала бутылкой. Затем бык и, естественно, женщина, устремились к лесу, где и исчезли.

Здесь поднялся целый тарарам. Командующий береговой охраной высказался первым:

— Неужели вы пытаетесь, мистер Темпер, доказать мне, что воплотился миф о Зевсе и Европе?

Продолжать дальше было бы бесполезно. Эти люди ничему не поверят, пока не увидят воочию. Я решил, что самое время дать им это увидеть.

Я взмахнул рукой. Мои ассистенты притащили большую клетку на колесах. Внутри ее, припав к полу, сидела очень большая, похожая на человекообразную, обезьяна в маленькой соломенной шляпке, в розовых нейлоновых штанишках. Мордочка ее выражала грусть. В дырке, вырезанной в штанишках, виднелся длинный хвост. Строго говоря, как я полагаю, ее нельзя было классифицировать как человекообразную. У человекообразных обезьян нет хвоста.

Антрополог с первого взгляда увидел бы, что это вообще не обезьяна. У нее действительно была морда с далеко выступающими челюстями, длинные волосы, покрывавшие все тело, длинные руки и хвост. Но ни у одной обезьяны не могло быть ровных, высоких бровей или такого большого крючковатого носа... или ног, столь длинных по сравнению с туловищем.

Когда клетку установили рядом с трибуной, я проговорил:

— Господа, если все, что я сказал, покажется вам не относящимся к делу, то я уверен, что через несколько минут мне удастся убедить вас, что я вовсе не напрасно лаю на луну.

Я повернулся к клетке, поймав себя на том, что едва не поклонился, и произнес:

— Миссис Дархэм, будьте любезны, расскажите этим господам, что с вами случилось.

И я стал ждать, предвкушая тот позор, который испытают

эти важные господа, уяснив, что одному маленькому агенту УДПН удалось больше, чем всем этим солдафонам. Я ждал этой минуты со вчерашнего вечера, когда мои ребята изловили ее в окрестностях города.

Я ждал...

Ждал...

Миссис Дархэм отказалась вымолвить хотя бы одно слово. Ни единого слова, как я ни уговаривал ее. Мне оставалось еще только встать перед ней на колени и умолять. Я пытался объяснить ей, какие гигантские силы приведены в действие и что в своей розовой безволосой ладони она держит судьбу всего мира. Но она не желала открывать рот. Кто-то оскорбил ее достоинство, и единственное, до чего она снизошла, — это дуться на нас, повернувшись к нам спиной и помахивая хвостом над розовыми панталонами.

Более злющей женщины мне не доводилось видеть. Неудивительно, что муж сделал из нее обезьяну.

Вместо триумфа полное фиаско. Важных шишек вовсе не убеждала записанная на магнитофонную ленту моя с нею беседа. Они все решили, что мозгов у меня еще меньше, чем волос, и не стеснялись демонстрировать это, когда молчали в ответ на мои настойчивые требования задавать вопросы. Майор Льюис презрительно улыбалась.

Что ж, все это не имело особого значения для выполнения моей миссии. Приказ, который был отдан мне, они не могли отменить.

В половине восьмого того же вечера я был уже в окрестностях города с группой офицеров и своим боссом. Хотя луна только всходила, света ее казалось достаточно, чтобы читать. Всего в десяти метрах от нас заканчивались снег и холод и начинались зелень и тепло.

Генерал Льюис, отец майора Льюис, объявил:

— Мы даем вам два дня, мистер Темпер, чтобы наладить контакт с Дархэмом. В четырнадцать часов в среду мы начинаем наступление. Морские пехотинцы, вооруженные луками и стрелами и пневматическими ружьями, в кислородных масках будут посажены в планеры с герметическими кабинами. Планеры отцепятся от самолетов-буксировщиков на большой высоте и сделают посадку на федеральном шоссе номер двадцать четыре к югу от окраины города. Там, где два огромных луга. Пешим строем морские пехотинцы двинутся по Адамс-стрит, пока не войдут в центр города. К тому времени, я надеюсь, вы обнаружите и ликвидируете источник этой заразы.

“Ликвидируете”, насколько я понял, означало “убьете”. Чувствовалось, что генерал полагал, что я не смогу этого сде-

лать. Я не понравился генералу Льюису не только потому, что был штатским, облаченным полномочиями самим президентом, но еще и потому, что мне с его дочерью вскоре предстояло оказаться в ситуации, далекой от общепринятых стандартов. Алиса Льюис была не только майором и женщиной — для ее звания она была в высшей степени привлекательной и молодой.

И вот она стояла, дрожа, в одном бюстгальтере и трусиках, пока я сам раздевался до трусов. Как только мы окажемся в лесу, то снимем с себя и остальное. В чужой монастырь со своим уставом...

А в помощь нам скоро придут морские пехотинцы с луками и стрелами. Неудивительно, что войки выглядели такими жалкими. Однако на территории, контролируемой профессором и его Варевом, огнестрельное оружие переставало действовать. А вот Варев действовало в полную силу. И у всех, кто его пробовал, сейчас же вырабатывалось к нему пагубное пристрастие.

У всех, кроме меня.

Я был единственным, кто считал, что не подвержен его воздействию.

Доктор Дуэрф задал мне несколько вопросов, пока кто-то пристегивал десятилитровый баллон с дистиллированной водой к моей спине. Доктор был психиатром из Колумбийского университета. Он, как считалось, подготовил меня к тому, чтобы я сумел устоять перед этим чертовым Варевом.

Неожиданно, прямо посреди какой-то фразы, он обхватил мою голову. В другой руке у него неизвестно откуда появился стакан. Он попытался силой протолкнуть его содержимое между моими сжатыми губами. Я всего лишь один раз понюхал и тотчас же вышиб стакан из его руки, а потом врезал ему по голове кулаком.

Он отпрыгнул назад, держась за скулу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Я-то отлично, — усмехнулся я. — Но на какое-то мгновение почудилось, что я вот-вот задохнусь: мне хотелось убить вас за то, что вы пытались сделать.

— Я просто хотел провести окончательную проверку. Вы ее прошли на "отлично" с плюсом. У вас выработан условный рефлекс против Варева.

Отец и дочь Льюисы молчали. Их раздражало то, что я, гражданский, придумал этот способ борьбы с Варевом. Тысячу морских пехотинцев, которые по графику должны последовать за мной через два дня, придется одеть в кислородные маски, чтобы избежать от искушения. Что касается моей спутницы, то она прошла спешную подготовку под гипнозом, проведенную

тем же Дуэрфом, но он не знал, насколько успешную. К счастью, ее миссия будет длиться не так долго, как моя. В задачу Алисы Льюис входило добраться до источника Варева и принести назад пробу. Если, однако, мне понадобится помощь, то я мог бы взять ее с собой. С другой стороны, хотя об этом открыто не говорилось, я должен был удержать ее от искушения вкушать Варева.

Мы пожали всем собравшимся проводить нас руки и пошли прочь. Теплый воздух как завеса окутал нас. Еще мгновение назад мы дрожали от холода, теперь мы вспотели. И это было плохо. Это означало, что мы быстро выпьем свой запас воды.

Я посмотрел вокруг. Было полнолуние. Два года изменили обычный ландшафт Иллинойса. Деревьев стало гораздо больше, причем таких, какие раньше было трудно встретить так далеко на севере. Кто бы ни был виноват в переменах, он должен был завезти сюда множество семян и саженцев, готовясь к потеплению климата. Я это знал, ибо еще в Чикаго проверил все почтовые заказы и обнаружил, что некто Смит через две недели после исчезновения Дархэма начал оформлять доставку из тропических стран различных саженцев. Посылки шли в один из домов в Онабаке, а затем исчезали в почве окружающей местности. Дархэм, очевидно, понял, что речная долина не сможет прокормить проживавших здесь триста тысяч человек, как только железная дорога и грузовики перестанут возить сюда консервы, свежее молоко и другие продукты питания. Вся округа будет до корней объедена голодными ордами.

Но когда вы увидите, что вокруг полно фруктовых деревьев: банановых, вишневых, яблонь, слив и других, и все они плодоносят в совсем неподходящее время года, когда вы найдете чернику, бруснику, голубику, дыни, помидоры и картофель и все это таких размеров, что могло бы получить призы на ярмарках, то вы, несомненно, поймете, что здесь не ощущается нехватки пищи. Все, что остается, — это подобрать и съесть.

— Мне это напоминает, — шепнула Алиса, — райский сад.

— Прекратите предательские речи, Алиса! — сердито отрезал я.

Она холодно посмотрела на меня:

— Не будьте глупым. И не называйте меня Алисой. Я — майор морской пехоты!

— Пардон! — извинился я. — Но нам лучше отбросить звания. Туземцы могут удивиться, но что еще важнее — пора уже сбросить эти одежды, пока не наткнулись на кого-нибудь.

Она попробовала возражать, но приказ есть приказ. Несмотря на то что нам придется провести вместе не менее тридцати шести часов и все это время мы должны быть в чем мать родила,

она настояла на том, чтобы раздеваться мы ушли в кусты. Я не стал спорить.

Зайдя за дерево, я сбросил трусы. И в это самое время почуял запах сигары. Я сбросил ремень, державший на спине баллон с водой, и пошел по узкой тропе. То, что я увидел, потрясло меня.

Опершись о ствол дерева сидело какое-то чудище, закинув одну коротенькую ногу на другую. Из его хищного рта торчала гаванская сигара, а большие пальцы своих, так сказать, рук оно держало так, словно они были засунуты в воображаемый жилет.

И я не столько испугался, сколько удивился. Это существо прямо-таки сошло со страниц знаменитых комиксов. Ростом оно было более двух метров, у него была ярко-зеленая шкура и желто-коричневые пластины на груди и животе. Ноги казались очень короткими, зато туловище очень длинным. Лицо его чем-то напоминало человеческое, а чем-то — морду аллигатора. На голове у него были две огромные шишки и большие, величиной с тарелку, глаза. Выражение его лица свидетельствовало одновременно о доброте, глупости и наивности. Оно было само совершенство, хотя у него вместо пяти пальцев было всего четыре.

Мой шок был вызван не только неожиданным его появлением. Я сразу понял разницу между забавным рисунком и плотью. На картинках эта тварь казалась привлекательной, забавной и даже милой. Воплотившись, она стала чудовищем!

— Не пугайтесь, — сказала чудовище. — Скоро я поправлюсь вам гораздо больше.

— Кто вы? — удивился я.

В этот момент из-за кустов вышла Алиса. Она разинула рот и схватила меня за руку.

Существо помахало сигарой:

— Я — Аллегория, эмблема на банках штата Иллинойс. Добро пожаловать, незнакомцы, во владения Великого Махруда.

Я не понял, что означали последние несколько слов. И целая минута ушла на то, чтобы осознать, что его имя было игрой слов, происшедшей от фамилии известного карикатуриста и миссис Маланпрон, героини Шеридана.

— Альберт Аллегория — мое полное имя, — объяснил он. — То есть в данном воплощении. В других случайных формах — соответственно и другие имена. Понятно? А вы двое, я полагаю, новенькие, которые хотят жить на берегах Иллинойса, пить Вареву и поклоняться Быку.

Он вытянул ладонь. Два его средних пальца оказались прижатыми к ладони, а большой и мизинец были оттопырены (жест, хорошо знакомый любителям выпить).

— Это жест, который каждый подлинно верующий делает,

встречаясь с другим, — произнес он. — Запомните его, и вы избавитесь от многих лишних хлопот.

— Откуда вы знаете, что я извне? — поинтересовался я. Сейчас не имело смысла врать. Было непохожѐ, что он может причинить какой-нибудь вред.

Он рассмеялся, его огромный рот гремел, как мегафон. Алиса, уже больше не офицер морской пехоты, крепко вцепилась в мою руку.

— Я нечто вроде полубога, — объяснило существо. — Когда Махруд, бык, стал богом, он написал мне письмо — воспользовавшись, разумеется, почтой США. И пригласил меня сюда, чтобы я был полубогом при нем. Мне всегда было наплевать на весь остальной мир, поэтому я проскользнул через армейские оцепления и принял на себя обязанности, которые Махруд, бык, возложил на меня.

Я также получил письмо от моего бывшего профессора. Оно пришло еще до того, как началась вся эта заваруха, и я ничего не понял из его приглашения жить вместе с ним и быть его полубогом. Тогда мне показалось, что у него в голове внезапно стало не хватать каких-то очень нужных роликов.

Не зная, что еще спросить, я поинтересовался:

— А каковы ваши обязанности?

Он снова помахал сигарой.

— Работа моя, которая, кстати, совсем необременительна, заключается в том, чтобы встречать новичков и предупреждать их, чтобы они пошире раскрывали свои глаза. Им необходимо понять, что не все является таким, как кажется, и что они должны смотреть в корень, дабы под поверхностью каждого деяния видеть символ.

Он сделал затыжку, выдохнул дым и продолжал:

— У меня есть к вам вопрос, я не хочу, чтобы вы отвечали на него сейчас же, я предлагаю, чтобы вы подумали и дали мне ответ позже. Вопрос мой таков — куда вы хотите сейчас пойти?

И он прекратил дальнейшие объяснения.

— До скорого, — произнес он только и зашагал прочь по тропинке. Со стороны казалось, что его короткие ножки движутся совершенно независимо от длинного туловища. Я посмотрел ему вслед и вернулся к дереву, за которым я оставил баллон с водой. Забросив его себе за спину, мы двинулись в путь.

Шли мы довольно быстро. Алиса была настолько ошеломлена увиденным, что, казалось, не сознавала своей наготы. Через некоторое время она сказала:

— Это страшно пугает меня. Разве может человек принять такой вид?

— Но ведь мы обнаружили его, — ответил я с наигранным

оптимизмом. — Думаю, что будет лучше, если мы подготовимся к чему угодно.

— Вероятно, история, которую поведала вам миссис Дархэм там, на базе, соответствует истине.

Я кивнул. Жёна профессора рассказала мне, что незадолго до того, как была оцеплена эта местность, она пошла к утесу через реку, где, как уже она убедилась, находится ее муж. И хотя тогда он объявил себя богом, она не боялась его.

Миссис Дархэм на всякий случай взяла с собой двух адвокатов. Толком она не могла рассказать, что с ней произошло на другом берегу. Но какая-то неведомая сила, по-видимому управляемая доктором Дархэмом, превратила ее в огромную хвостатую обезьяну и заставила бежать. Оба адвоката, превращенные в сунсов, также куда-то разбежались.

Размышляя над этими странными событиями, Алиса произнесла:

— Чего я не могу понять, так это то, каким образом Дархэм сумел все это проделать. Откуда у него такое могущество? Какого рода машиной он располагает?

Хотя было очень жарко, по телу моему пробежали мурашки. Вряд ли я был в состоянии рассказать ей, что, по всей видимости, во всей создавшейся ситуации почти на все сто процентов виноват я. Я и без слов достаточно ощущал свою вину. Более того, если бы я рассказал ей то, что было правдой — я, во всяком случае, уверен в этом, — то она просто решила бы, что я сошел с ума. Но тем не менее так оно и было, и именно поэтому я добровольно взялся выполнить это поручение. Я заварил эту кашу. И я должен был расхлебывать.

— Я хочу пить, — внезапно призналась Алиса. — Как насчет того, чтобы выпить, папаша? Может, нам не скоро представится еще такая возможность?

— Черт побери, — сказал я, снимая баллон. — Не называйте меня папашей. Меня зовут Даниэль Темпер, и я не настолько стар, чтобы мог быть...

Я замолчал. Я все же достаточно стар, чтобы быть ее отцом. В южных штатах, во всяком случае.

Понимая, о чем я думаю, она улыбнулась и протянула небольшую кружку, которую отстегнула от баллона.

— Мужчина стар настолько, насколько он себя чувствует, а я чувствую, что мне не больше тридцати.

В это мгновение я поймал глазом какую-то тень на тропе.

— Нырйте! — успел я крикнуть Алисе.

Она как раз вовремя скрылась в траве, что же касается меня, то у меня на пути стоял баллон, и я решил оставаться на месте в надежде как-нибудь выкрутиться.

Когда я увидел, что двигалось по тропе, то пожалел, что поленился убраться с нее. Неужели в этой забытой богом местности совершенно нет человеческих существ? Сначала Аллегория, теперь вот Осел.

— Хэлло, братец! — приветствовал он меня, и прежде чем я придумал какой-нибудь предлог для отступления, он откинул назад свою причудливую голову и чудовищно расхохотался, смех его состоял из звуков “ха-ха” и “и-а”.

Но мне это смешным не показалось, я был слишком напряжен, чтобы притворяться, что мне весело. Кроме того, от него несло Варевом. Меня едва не стошнило, прежде чем мне удалось сделать пару шагов назад.

Осел был высок и покрыт, в отличие от большинства ослов, короткими светлыми волосами. Он стоял на двух почти человеческих ногах, заканчивающихся широкими копытами. У него были длинные волосатые уши, но во всем остальном он походил на человека. А звали его, если он не врал, Поливайносел.

— Зачем вы тащите этот баллон? — спросил он.

— Я занимаюсь контрабандой Варева на ту сторону.

Он улыбнулся, обнажив длинные лошадиные зубы.

— Незаконная торговля, да? А что они вам за это платят? Деньги ни к чему почитателю Сверх-Быка!

Он поднял правую руку, показав мне знакомый характерный жест. Я не ответил ему сразу, и взгляд его стал суровым. Когда же я воспроизвел этот знак, то он сразу подобрел.

— Я таскаю контрабандой Вареву из любви к искусству, — замялся я. — А также чтобы распространять Истину.

Откуда взялась последняя фраза, я не имел никакого представления. Возможно, интуитивно я ответил на слово “почитателю”, осознав, что в изображаемый им знак Осел вкладывал почти религиозный фетишизм.

Он протянул большую волосатую руку и повернул кран на моем баллоне. Прежде чем я успел пошевелиться, он уже наполнил ладонь жидкостью, затем поднял руку к губам и громко сплюнул.

— Тьфу! Да это же вода!

— Конечно! — сказал я. — После того как освобождаюсь от Варева, я наполняю емкость простой водой. Если меня поймают патрули, то я говорю, что таскаю тайком в наши места чистую воду.

Снова раздался громоподобный хохот.

— Но это еще не все, — продолжал я. — Я даже договорился кое с кем из начальства, чтобы оно дало команду пропускать меня, если я буду носить им Вареву.

— Коррупция, братец, не так ли? Все ржавеет, даже медь

пуговиц и погон. Уверяю, пройдет совсем немного времени, и Варевое распространится повсюду. Пройдусь-ка я с вами километра два. Мои почитатели местного культа Осла сегодня отмечают Праздник Плодородия. Присоединитесь к нам?

Я вздрогнул.

— Нет, спасибо, — быстро ответил я.

Я уже наблюдал одну из этих оргий через полевой бинокль в один из вечеров. Вот как это происходило. Огораживалась территория диаметром в двести метров, и в центре ее разводился огромный костер. На фоне этого адского пламени виднелись белые, по-дурацки скачущие тела мужчин и женщин, отбросивших абсолютно все сдерживающие начала. Еще очень долго эта сцена не выходила из моей головы. Она мне снилась по ночам.

Когда я отклонил предложение, Поливайносел снова издал свой специфический крик и хлопнул меня по спине, вернее, по баллону, который я успел уже надеть. Я плюхнулся на четвереньки в высокую траву, я был вне себя. Я понял, что не только оскорбил его. Я еще боялся, что он погнул тонкостенную емкость и она станет протекать.

Но не потому я поднялся не сразу. Я не мог пошевелиться, так как на меня в упор глядели большие голубые глаза Алисы.

Поливайносел издал громкий крик, подпрыгнул и опустился рядом со мной. Став на четвереньки, он уткнулся своим безобразным лицом с ослиными ушами прямо в Алису и заревел:

— Вот это белая коровка! Отменная закуска перед обедом!

Он схватил Алису за талию и высоко поднял ее, одновременно поднимаясь сам. Некоторое время он вертел ее, рассматривая в лунном свете, будто это был какой-то необычный жук, которого он поймал в траве.

Извиваясь, она кричала:

— Черт вас побери, бугай здоровый! Уберите свои грязные лапы!

— Я — Поливайносел, местный бог Плодородия! — с ослиными нотками в голосе закричал он. — Это моя обязанность — и привилегия — проверять, на что ты способна. Скажи мне, дочь моя, молилась ли ты о ниспослании тебе сына или дочери? И каков твой урожай? И твои курочки несут достаточно яиц?

Вместо того чтобы испугаться, Алиса рассердилась:

— Все у меня в порядке, Ваша Ослиность. Извольте отпустить меня на землю! И не смотрите на меня своими большими будливymi глазами! Если вы желаете того, о чем я догадываюсь, — желайте, но поспешите на собственную оргию. Ваши почитатели ждут не дождутся именно вас!

Он развел руками, и она упала на землю. К счастью, она была ловкой и упала на ноги. Затем она попыталась убежать, но он

протянул руку и снова сгреб ее за талию.

— Не в ту сторону идешь, моя хорошенькая дурочка! Нечестивцы охраняют границу всего лишь в нескольких сотнях метров отсюда, ты же не хочешь, чтобы тебя поймали. Ты тогда не сможешь больше пить божественное Вареву. Ведь ты же не хочешь этого, да?

— Спасибо, я сама о себе позабочусь! — резко ответила Алиса. — Только оставьте меня в покое. Это ж надо, девушка уже не может вздремнуть в траве без того, чтобы какой-то мелкий божок не захотел с ней покувыркаться!

Алиса быстро усваивала местный жаргон.

— Что ж, дочка, за это ты нас, богов, не упрекай. Особенно, когда сама сложена, как богиня.

Он издал громогласный ослиный крик, от которого мы едва не попадали, затем подхватил нас и поволок по тропинке.

— Пойдемте же, мои дорогие, я познакомлю вас со всеми. У нас будет роскошный вечер на Пиршестве Осла. — Снова он испустил оскорбительный ослиный крик. Теперь я понял, почему Дархэм придал этому парню именно этот облик.

Я стал размышлять дальше. Весь вопрос заключался в том, каким образом он это проделывал? Я не верил, разумеется, в сверхъестественные силы. Если бы они и существовали, то не человеку владеть ими. А если что и происходило в этой материальной Вселенной, то оно должно было повиноваться законам физики.

Возьмем хотя бы уши и копыта Поливайноседа. У меня была прекрасная возможность хорошенько рассмотреть их, пока он тащил нас вперед. Уши его были изменены и стали походить на ослиные. Но у того, кто это сделал, не было перед глазами эталона. В основном это были человеческие уши, только удлинненные и покрытые тонкими волосками.

Что же касается ног, то они тоже были человеческими, а не ослиными. Ступни, правда, отсутствовали, но его светлые блестящие копыта, по форме похожие на лошадиные, были, очевидно, из того же материала, что и ногти на пальцах. И кроме того, можно было различить контуры пяти пальцев.

Было очевидно, что какому-то биоскульптору пришлось переделывать уже готовый человеческий материал по другому шаблону.

Я взглянул на Алису. Она была великолепна в своем гневе. Хоть Поливайносел весьма неуклюже похвалил ее, фигура у нее действительно была превосходной. Она была как раз из тех девушек, которые всегда председательствуют в женских клубах своего колледжа, избираются королевами балов и выходят замуж за сынков сенаторов. Именно такие девушки не обращали

на меня внимания, когда я пыхтел в Трабеллском университете.

Поливайносел вдруг остановился и проревел:

— Послушай-ка, ты, а как тебя зовут?

— Даниэль Темпер, — ответил я.

— Даниэль Темпер? ДТ? О-хо-хо! И-а! Послушай, старина ДТ, выбрось к чертям эту жестянку, тебе тяжело ее нести, и вид у тебя, как у осла, ну, с этой штукой на спине. И я не хочу, чтобы здесь кто-то еще был похож на меня, понимаешь? Ха-ха, и-а! Усек?

Он ткнул меня под ребра твердым, как камень, большим пальцем. Я, как мог, пытался сдержаться, чтобы не броситься на него. Ни одного человека — или божества — я не ненавидел столь яростно. Дархэм, видимо, ошибся, думая, что наказал его. Поливайносел, казалось, гордился своим превращением и, если я понял его правильно, извлекал для себя огромную пользу из того, что был объектом поклонения. Разумеется, не он первый сделал религией свои недостатки.

— А как же я потащу Вареву назад, если повсюду буду с вами? — спросил я.

— А кому какое дело? — нахально заявил он. — Твои пустячные хлопоты мало помогут распространению божественного Поила. Оставь это рекам и Махруду, быку.

Он снова сделал характерный знак.

Я не стал с ним спорить. Чтобы он не сорвал с моей спины баллон, я осторожно стал снимать его сам. Но он все же помог мне, схватив баллон и швырнув его в темноту леса.

Мне сразу же так сильно захотелось пить, что я едва держался.

— Ты же не хочешь пить эти грязные помои! — ревел послиному Поливайносел. — Идем со мной в Поселок Осла! Там у меня чудесный маленький храм — не особенно роскошный, не как Цветочный Дворец Махруда, быка, — но тоже довольно милый. И мы прекрасно проведем там время.

И все это время он бесстыдно строил глазки Алисе и совершенно не скрывал своих намерений. Как и у всех вырожденцев в этой местности, абсолютно ничто не сдерживало его. Будь у меня пистолет, я тут же пристрелил бы его на месте. То есть, если бы порох мог в этой местности воспламениться.

— Послушайте, — резко оборвал я его, отбросив всякую осторожность. — Мы идем туда, куда сами желаем. — Я схватил девушку за руку. — Пошли, Алиса, оставим здесь этого прославленного осла.

Поливайносел как скала встал у меня на пути.

— Даже и не мечтайте, — проикал он, — что вы доведете меня до того, что я причиню вам вред и вы сможете пойти к своему

духовнику и пожаловаться на меня Махруду! Вам не удастся ввести меня во гнев! Это же смертный грех, смертный!

Крича о том, что мне не потревожить его олимпийского спокойствия, он обвил одной рукой меня за шею, а другую запустил мне в рот и выдернул верхнюю вставную челюсть.

— Надоел ты мне со своим шелканьем! — вскричал он. Он ослабил свою хватку вокруг моей шеи и швырнул челюсть куда-то во тьму. Я бросился к кустам, в которых, как мне показалось, приземлились мои зубы. Я упал на карачки и стал лихорадочно ощупывать землю, но найти мне их не удавалось.

Поднял меня на ноги крик Алисы. Быстро выпрямившись, я больно стукнулся головой о ветку. Не обращая внимания на боль, я повернулся, чтобы посмотреть, в чем дело, и бросился сквозь кусты. Теперь я больно зацепился ногами обо что-то и упал лицом вниз так сильно, что чуть не потерял сознание.

Когда я поднялся, я понял, что споткнулся о собственный баллон. Не останавливаясь, чтобы отблагодарить каких угодно богов за столь удачную находку, я схватил баллон и, подбежав к Поливайноселу и Алисе, с размаху треснул осла по затылку. Он беззвучно свалился наземь. Я отбросил жестянку в сторону и подошел к Алисе.

— У вас все в порядке?

— Д-да, — произнесла она, всхлипывая и опуская голову на мое плечо.

Я понял, что она не столько пострадала, сколько испугалась. Я погладил ее по плечу — у нее была роскошная гладкая кожа — и погладил длинные черные волосы. Но она не переставала хныкать.

— Какая грязная скотина! Сначала он губит мою сестру, а теперь пытается проделать то же со мной.

— Что?

Она подняла голову, чтобы взглянуть на меня. Вернее, опустила — ибо была почти на пять сантиметров выше.

— Пегги — моя сводная сестра, дочь отца от первого брака. Ее мать вышла замуж за полковника Рурке. Но мы всегда были близки.

Мне хотелось послушать ее, но создавшееся положение потребовало немедленно переключить внимание.

Я перевернул Поливайносела. Сердце его билось, но из раны на затылке текла кровь, которая вряд ли бы появилась, если бы он на самом деле был богом.

— Нулевой группы, — сказала Алиса. — Такая же, как и раньше. И не беспокойтесь о нем. Он заслуживает смерти. Он просто здоровенный кусок мяса, который причинил столько зла моей сестре...

Она замолчала, в ужасе открыв рот. Я проследил за ее взглядом и увидел, что вся вода из баллона вылилась. Теперь я снова ощутил внезапный приступ жажды. Разумеется, жажда была чисто воображаемая, но от этого легче не стало.

Она приложила руку к горлу и сипло произнесла:

— Мне вдруг ужасно захотелось пить.

— С этим мы ничего не можем поделать, пока не найдем источник незараженной воды, — объяснил я. — И чем дольше мы станем говорить, тем больше нас будет мучить жажда.

Жестянка была пуста. Наклонившись, чтобы окончательно убедиться в этом печальном факте, я увидел что-то светлое, мелькнувшее под кустом. Там я нашел свою верхнюю челюсть. Повернувшись к Алисе спиной, я водрузил ее на место и, чувствуя себя теперь несколько увереннее, сказал ей, что нам лучше всего побыстрее уходить отсюда.

Однако проблема воды не давала ей покоя.

— Конечно же здесь должны быть колодцы и ручьи, которые не загрязнены. Только река наполнена Варевом, не так ли?

— Если бы я был в этом уверен, то не брал бы с собой эту жестянку, — со злостью подчеркнул я.

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут мы услышали голоса на тропе и увидели свет приближающихся факелов.

Мы быстро спрятались в кустах.

Группа людей шла, распевая что-то по-латыни на мелодию "Боевого гимна республики". Сомневаюсь, чтобы они понимали, что пеи.

Они обогнули поворот и остановились перед своим богом, лежавшим на земле без сознания и истекавшим кровью.

— Давайте уйдем отсюда, — шепнула Алиса. — Если толпа поймает нас, они разорвут нас на куски.

Мне хотелось понаблюдать за толпой, чтобы определить по их поведению, как нам следует вести себя среди туземцев. Я предложил Алисе остаться, и она согласилась. Несмотря ни на что, что я должен был признать, что она умна и храбра. Если же она и нервничала, то уж для этого были веские основания.

Эти люди вели себя совсем не так, как я думал. Вместо того чтобы плакать и стенать, они собрались кучей поодаль от него, не зная, что предпринять. Сначала я не понимал, чем вызвано такое поведение. Затем я понял по их выражению лиц и шепоту, что они боялись вмешиваться в дела полубога, даже такого ущербного, как Поливайносел.

Их нерешительность объяснялась также и их молодостью. Там не было ни одного мужчины или женщины, которым на вид было бы больше двадцати пяти, и все они превосходно выглядели.

На тропе позади нас раздался громкий треск. Алиса и я от неожиданности даже подпрыгнули, так же как и толпа перед нами. Вид у всех был, как у перепуганных кроликов. Мне и самому захотелось к ним присоединиться. Но я устоял, хотя и взмолился, чтобы это не было еще одним жутким чудовищем.

Но это был простой туземец, высокий и худой, с длинным, тонким носом. Вид у него был такой, будто он собирался преподавать в каком-то колледже. Этот вывод подкреплялся тем, что шел он, уткнувшись носом в книгу. Как я уже говорил, луна светила так ярко, что можно было читать, но я никак не ожидал, что кто-нибудь этим воспользуется.

Его ученая внешность совсем не вязалась с дохлой белкой, здоровенной, как овчарка, наброшенной вокруг его шеи и свисавшей на плечи. Я думаю, что он недавно охотился, хотя я никогда не слышал об охоте на белок в темноте. К тому же у него не было оружия.

Все это, за исключением размеров белки, меня удивило. Мне уже приходилось видеть фотоснимки огромных животных, сделанные в этих местах.

Я внимательно наблюдал за ним, так как мне было интересно узнать, что он станет делать, увидев Поливайноседа. Но он меня разочаровал. Когда он подошел к распростертому телу, то, не колеблясь, не выказывая удивления, что увидел распростертого бога, просто переступил через вытянутые ноги Поливайноседа и пошел дальше, не поднимая носа от книги.

Я взял Алису за руку.

— Идемте. Мы последуем за ним.

Мы шли за любителем чтения примерно километр. Когда я решил, что можно не опасаясь остановить его, я окликнул незнакомца. Он остановился, положил свою белку на землю и стал нас поджидать.

Я спросил у него, заметил ли он лежавшего на тропинке Поливайноседа.

Он в изумлении покачал головой.

— Но я видел, как вы переступили через него, — настаивал я.

— Ни через что я не переступал, — упорствовал Длинный Нос. — Тропинка была совершенно чистой. — Он пристально посмотрел на меня. — Вы, я полагаю, новичок. Возможно, вы только что впервые попробовали Вареву. Иногда оно вначале создает странные ощущения. И видения. Нужно немного времени, понимаете, чтобы привыкнуть к нему.

Я ничего не сказал по этому поводу, однако еще раз упомянул Поливайноседа и его хвостовство. Он улыбнулся, глядя как бы свысока на меня.

— О, дорогой мой, понимаете, вы не должны верить всему, что слышите. Только из-за того, что большинство, которое всегда бывает невежественным и простодушным, предпочитает объяснять новые явления, основываясь на древних суевериях, у разумного человека, такого, как вы, нет никаких оснований брать что-либо на веру. Я предлагаю, чтобы вы отбросили все, что слышали, за исключением, разумеется, того, что говорю я, и воспользовались теми способностями к рациональному мышлению, с которыми вам повезло родиться и развить которые вам удалось в каком-нибудь университете, при условии, что он не был просто тренировочной площадкой для различных...

— Но я видел Поливайносеа собственными глазами! — раздраженно оборвал его я. — И если бы вы не подняли свою ногу, вы бы, несомненно, споткнулись о его тело!

Он снова свысока посмотрел на меня.

— Тихо, тихо! Самогипноз, массовая галлюцинация или что-то в этом роде. Возможно, вы жертва внушения. Поверьте мне, в этой долине еще многое не упорядочено. Вы не должны позволять, чтобы первый встречный шарлатан мог обманывать вас, предлагая легкое, если не фантастическое, объяснение всего происходящего.

— А каково ваше объяснение? — вызывающе спросил я.

— Доктор Дархэм изобрел что-то вроде машины, производящей неизвестное химическое вещество, которым он наводняет реку Иллинойс. И со временем, мы надеемся, насытит им воды всей планеты. Одно из свойств этого вещества — разрушение многих социальных и психологических условных рефлексов, которые кое-кто называет внутренними запретами, нравственностью или же неврозами. И это очень хорошее свойство. Доктор Дархэм научился получать это вещество, которое сочетает свойства антибиотиков и тонизирующих средств. И кое-что еще, правда не все эти вещества я одобряю.

Тем не менее должен признать, Дархэм покончил с такими социальными и политико-экономическими структурами, как заводы, магазины, врачи, больницы, школы. А ведь вся их деятельность была направлена на превращение нас в полубразованных идиотов. Бюрократия, автомобили, церкви, кино, реклама, спиртные напитки, мыльные оперы, армия, проституция и многое другое — во всем этом нет здесь необходимости.

К несчастью, в человеке очень трудно подавить как инстинкт рационального мышления, так и инстинкт обладания властью. Поэтому развелось множество пророков, шарлатанов, учреждающих новые религии. Они привлекают людей идиотской упрощенностью объяснений всего неизвестного.

Мне хотелось этому верить, но я знал, что у профессора не

было знаний и денег, чтобы соорудить такую машину.

— Какже простой люд объясняет Вареву? — поинтересовался я.

— Да никак, за исключением того, что оно из Бутылки! — произнес Рациональный. — Они клянутся, что Дархэм черпает свою силу из этой Бутылки, которая, судя по описаниям, всего-навсего обычная бутылка из-под пива. Некоторые заявляют, что на ней изображен бык.

— А кто такой Махруд? — спросил я.

— Да это просто имя профессора, если прочесть с конца, правда, несколько искаженное. Разве вам не известно, что в каждой из религий можно проследить тенденцию упоминать Истинное Имя? Вот и этим простофилям кажется, что так его имя звучит с некоторым восточным оттенком, а следовательно, для толпы и более загадочно.

Я получил так много новых данных, что все в моей голове перемешалось еще больше, чем раньше.

— А вы когда-нибудь видели Махруда?

— Нет, и никогда не увижу. Эти так называемые боги просто не существуют, так же как Аллегория или Осел. Никто с рациональным складом ума не поверит в них. К несчастью, Вареву, несмотря на многие достойные восхищения качества, способствуют становлению нелогичной, нерациональной и подверженной внушению личности, причем действует в этом направлении оно очень сильно.

Он похлопал по своему высокому лбу и улыбнулся:

— Но я воспринимаю только все хорошее и отвергаю остальное. И поэтому я вполне счастлив.

Вскоре после этого разговора мы вышли на сельскую дорогу, которую я узнал.

— Мы вскоре придем к моему дому, — сказал Человек Рациональный. — Вы не хотели бы остановиться у меня? На обед у нас будет эта белка и сколько хочешь Варева из колодца за домом. Ко мне заходят друзья, и, перед тем как начать оргию, мы наслаждаемся интеллектуальными беседами. Вам они будут очень близки по духу — все они атеисты либо агностики.

У меня вспотел лоб. Значит, это все-таки мой подарок! А я то думал, что сыграл маленькую безвредную шутку со своим любимым, хотя и сумасбродным старым профессором античной литературы!

— История эта, возможно, коренится в его имени, — поспешно сказал я. — Ведь студенты часто называли его “быком”. И не потому что его фамилия Дархэм*, а потому, что жена водила него, как быка за кольцо, продетое сквозь ноздри и...

— В таком случае он одурачил своих студентов, — усмехнулся Человек Рациональный. — Ибо под кроткой и мягкотелой

---

*Дархэм — знаменитая порода скота.

— В таком случае он одурачил своих студентов, — усмехнулся Человек Рациональный. — Ибо под кроткой и мягкотелой внешностью таился призовой бык, настоящий жеребец, похотливый старый козел. Не знаю, известно ли вам, сколько нимф содержится в его так называемом Цветочном Дворце, не говоря уже о красавице Пегги Рурке, ныне известной как...

— Значит, она жива! — воскликнула Алиса. — И с Дархэмом?!

Он поднял брови:

— Все зависит от того, прислушиваться или нет к этим шарлатанам. Как утверждают одни, она перевоплотилась каким-то туманным магнетическим способом — они это называют “размножилась” — и является каждой и любой и всеми сразу нимфами в гареме Махруда, хотя другие утверждают, что она не является ни одной из них и существует лишь как образ. — Он покачал головой: — Ох уж эти умники, они-то и изобретают, должно быть, догмы и богов!

Я содрогнулся от одной мысли, что меня попросят выпить ненавистное Вареву.

— Простите! — произнес я. — Нам необходимо идти дальше. Но скажите мне просто для удовлетворения моего любопытства, как вы поймали эту белку? Ведь у вас нет никакого оружия.

— Понимаете, Вареву необычно способствует росту некоторых животных. Более того, я уверен, что оно воздействует и на их головной мозг. Они кажутся более разумными, чем раньше, вероятно, это следствие увеличения размеров мозга и усложнения нервной системы. Особенно разительные перемены произошли с грызунами. И это тоже очень неплохо. Они стали, понимаете, прекрасными источниками мяса.

Я обнаружил, что не нужно ни ружей, которые в этой местности теперь больше не стреляют, ни лука со стрелами. Все, что необходимо, это найти местечко, изобилующее белками, сесть там и читать вслух. Пока таким образом ублажаешь себя, белка, привлеченная монотонным голосом, поспешно опускается с дерева и устраивается поблизости. Не обращая на нее никакого внимания, читаешь дальше. Зверюшка садится поближе, медленно помахивая своим пушистым хвостом, не сводя черных глаз с книги. Тогда встаешь, закрываешь книгу и забираешь белку, которая полностью загнипнотизирована и так и не приходит больше в себя, даже когда приносишь ее домой и перерезаешь горло.

Из опыта я определил, что наилучших результатов я добиваюсь, читая “Критику Чистой Логики” Канта. Абсолютный транс! Кроликов, однако, легче соблазнить, читая “Тропик Козерога” Генри Миллера. Во французском переводе, разумеется.

Один из моих друзей утверждает, что лучшей книгой для птиц являются "Воспоминания о будущем" Дэникена. Каждый, естественно, расхваливает свое литературное оружие. Я всегда ловлю гусей и фазанов с помощью "Трех дополнений к теории Секса".

Мы приблизились к его дому и распрощались с ним. Ускорив шаг, мы прошли еще несколько километров по грейдерной дороге мимо ферм. Некоторые из них сгорели, но их обитатели просто переехали в сарай. А если пламя сожрало и их, то они устроили себе легкие навесы.

— Фотографии, сделанные с воздушных шаров, показывают, что в городе сгорело довольно много домов, — объяснил я. — И это еще не все. Улицы буквально заросли травой. Я удивлялся, где же теперь живут погорельцы, но теперь понятно, как они устроились. Они живут, как дикари.

— А почему бы и нет? — спросила Алиса. — Похоже, что им теперь не приходится усердно трудиться, чтобы жить в достатке. Я обратила внимание, что нас совсем не кусают комары. Это значит, что, должно быть, вредные насекомые уничтожены. Санитарное состояние тоже не должно их беспокоить — Вареву убивает все болезни, если верить этому чтецу и любителю белок. Этим людям не нужно выбрасывать консервные банки, бумагу и тому подобный мусор. Все они кажутся счастливыми и гостеприимными. Нам все время только и приходится отказываться от предложений перекусить и попить Варева. И даже, — добавила она, — поучаствовать в оргиях. — Это было сказано с довольно ехидной ухмылкой.

— Теперь это как будто вполне respectable слово, — продолжала Алиса. — Я заметила, что там, на последней ферме, одна красивая блондинка пыталась стащить вас с дороги. Вам придется признаться, что такого не могло бы случиться за границей этой местности.

— Может, я и лысый, — огрызнулся я, — но не такой уж противный, чтобы в меня не могла влюбиться ни одна внешне привлекательная девушка. Жаль, что у меня нет с собой фотографии Бернадотты, чтобы показать вам. Ей всего лишь тридцать лет, и она...

— У нее все зубы?

— Да, все, — снова огрызнулся я. — Ее не ударило по лицу осколком мины, и она не потеряла после этого остальные зубы из-за инфекции, потому что не доставили антибиотики, так как огонь противника удерживал ее в траншее в течение пяти дней.

Я настолько был зол, что прямо трясся.

Алиса тихо произнесла:

— Дэн, извините меня за то, что я сказала. Я не знала.

— И не только это, — распетушился я, не слыша ее извинений. — Что вам не нравится во мне, кроме моих зубов и волос? И того, что я додумался до этого условного рефлекса, и того, что мое начальство — включая президента — сочло мои способности достаточными, чтобы послать меня сюда без поддержки десяти тысяч морских пехотинцев, прокладывающих мне дорогу? А вот почему со мной послали вас? Скорее всего, потому, что у вас отец генерал и ему захотелось прихватить немного славы для вас и для него, славы, добытой благодаря мне! Если это не военный паразитизм, так что это? И еще...

Я буйствовал, и каждый раз, когда она пыталась открыть рот, я оглушал ее своим ревом. Я не понимал, насколько громко я кричу, пока не увидел, что впереди на дороге стоят мужчина и женщина и пристально смотрят на меня. Я тотчас же заткнулся, но поправлять положение было уже поздно.

Как только мы с ними поравнялись, мужчина спросил:

— Незнакомец, вы, должно быть, ужасно рассердились? — С этими словами он протянул мне бутылку. — Вот, выпейте. И все ваши неприятности позабудутся. Здесь, на земле Махруда, мы не произносим ни одного бранного слова.

— Нет, спасибо, — покачал я головой и попытался пройти мимо, но женщина, брюнетка, похожая на Сильвану Пампанини и Джину Лолобриджиду одновременно, обхватила меня за шею и закричала:

— О, пойдем с нами, кожаная твоя голова! Ты такой милый. Выпей и пошли. Мы двигаем на Праздник Плодородия на ферме Джоунем. Сам Поливайносел будет там. Он соизволил побаловаться с нами, смертными, сегодня ночью. И ты можешь со мной побаловаться, чтобы урожай был хорошим. Пойми, я одна из любимых нимф Поли.

— Извините, — произнес я, — но мне нужно идти.

Я почувствовал, что что-то мокрое и теплое потекло по моей голове. Какую-то долю секунды я не мог догадаться, что это. Но когда я унюхал хмельной запах Варева, то понял все! И отреагировал со всей яростью и свирепостью, которые возбуждало во мне это пошло. Прежде чем мужчина успел вылить еще хоть немного жидкости мне на голову, я вырвался из цепких объятий женщины и толкнул ее прямо на ее спутника. Они оба упали.

Пока они поднимались, я схватил Алису за руку и побежал с ней по дороге, подальше от греха.

После того как мы пробежали добрых полкилометра, я вынужден был перейти на ходьбу. Сердце мое стучало так, будто хотело выскочить из груди, а голова, казалось, разбухла до космических размеров. Даже мои занятия гимнастикой не предусматривали таких перегрузок.

И все же я чувствовал себя не так уж плохо, потому что увидел, что Алиса, хотя и была более молодой и прекрасно подготовленной, дышала так же тяжело, как и я.

— Они не гонятся за нами, — объяснил я. — Вы знаете, мы настолько легко проникли в глубь этой территории, что даже интересно, как далеко может зайти колонна морской пехоты, если выйдет ночью. Может, именно и нужно попытаться атаковать.

— Мы уже пытались четыре раза, — отметила Алиса. — Два раза днем и два раза ночью. После первых трех попыток никто не вернулся, а что произошло с четвертой попыткой, вы сами знаете прекрасно.

Некоторое время мы шли молча. Затем я предложил:

— Послушайте, Алиса, несколько раз мы уже могли нарваться на неприятности. Поэтому я предлагаю не обращать внимания на прежние обиды. Давайте начнем все сначала, как добрые приятели.

— Ни за что! Я буду воздерживаться от пререканий, но о панибратстве не может быть и речи. Может, если мы напьемся этого Варева, то, как знать, вы и понравитесь мне. Впрочем, я сомневаюсь, чтобы это произошло даже в этом случае.

Я ничего не сказал, решив не открывать рта, как будто меня лишили языка.

Ободренная — или разъяренная — моим молчанием, она уточнила:

— Пожалуй, мы могли бы покончить со всем этим, напившись Варева. Вода наша пропала, и если вас мучит жажда, так же как и меня, то вы словно в огне. Мы будем без воды по меньшей мере еще часов четырнадцать, может, даже двадцать. И все это время нам придется шагать. Что случится, если нам придется все-таки попить Варева, так как пить больше неоткуда, как только из этой реки? Ведь не отравлена же она? По сути, мы знаем, что от этого мы, вероятнее всего, будем только счастливы. И это самое наихудшее. Это вещество ИКС, или Варев, или как вы там хотите его называть, является самым коварным из всех когда-либо применяемых наркотиков. Приверженцы его кажутся не только постоянно счастливыми, они получают от него много другой пользы.

Молчать дальше я уже был не в силах.

— Это опасные речи!

— Вовсе нет, мистер Темпер. Просто факты.

— Мне это не нравится.

— К чему такая страстность?

— Что? — Мой голос стал суров. — У меня нет причин для стыда. Да. Мои родители были наркоманами. Отец умер в го-

сударственной больнице. Мать излечили, но она сгорела во время пожара в ресторане, где работала поварихой. Когда я был помоложе, я по ночам навещал их могилы и был на луну за то, что несправедливый бог позволил им умереть такой позорной и низкой смертью. Я...

Голос ее стал тише, но был тверд и спокоен, когда она произнесла:

— Извините, Дэн, мне очень жаль, что с вами это случилось. Но вы становитесь несколько мелодраматичным, не кажется ли вам?

Я сразу же притих.

— Вы правы. Это только из-за того, что мне показалось, что вы решили подколоть меня, чтобы я захотел...

— Обнажить передо мной свою душу? Нет, спасибо. С меня достаточно и того, что нам пришлось обнажить наши тела. Я не хочу причинить вам боль, но старые наркотики и это Вареву нельзя сравнивать.

— А разве не становятся дегенератами те, кто пьет Вареву? Посмотрите на их тела! Откуда вы знаете, что этого не происходит? Разве все это длится достаточно долго, чтобы можно было определенно что-нибудь сказать? И если все такие здоровые, невинные и счастливые, то почему Поливайносел пытался вас изнасиловать?

— Я разумеется, ничуть не пытаюсь защищать этого болвана, — ответила Алиса. — Однако разве вы не уловили здесь совсем другую нравственную атмосферу? Здесь как будто не существует барьеров между мужчинами и женщинами, и они делают друг с другом все, что только им заблагорассудится. И не ревнуют друг к другу. Разве вы не заключили из слов этой брюнетки из неореалистических фильмов, что Поливайносел берет себе любую, какую только захочет, и никто не возражает против этого? Он, вероятно, считал само собой разумеющимся, что я захочу летать с ним в траве.

— Хорошо, хорошо, — замахал я руками. — Но ведь это омерзительно, и я никак не могу понять, почему Дархэм сделал его богом Плодородия, когда он, кажется, сам должен был его ненавидеть?

— А что известно вам о Дархэме? — парировала она.

Я сказал ей, что Дархэм был невысоким, лысым и пузатым человечком с лицом, как у ирландского гнома, что жена держала его под каблуком, что у него была душа поэта, что он имел склонность цитировать древних греков и римлян, что он восторженно любил словесные каламбуры и что он не мог подавить в себе желание когда-нибудь издать книгу своих эссе под названием "Золотой век".

— Но вы не сказали, что у него был мстительный характер, — констатировала она.

— Насколько я знаю, у него был мягкий и терпеливый характер.

— Так вот, моя сводная сестра Пегги написала, что ее возлюбленный Поливайносел терпеть не может Дархэма, потому что сдавал ему курс несколько раз, чтобы получить зачет по гуманитарным наукам. И не только это. Было очевидно, что Дархэм прямо-таки сохнет по Пегги. Поэтому Поливайносел досаждал профессору при каждом удобном случае. Она упомянула об этом в своем последнем письме ко мне как раз перед тем, как исчезла. И когда я прочла в газетах, что Дархэм подозревается в их убийстве, я подумала: а не таил ли он в себе ненависть к ним уже давно?

— Нет, профессор не таков, — возразил я. — Он мог потерять голову, но ненадолго.

— Но вот все и сходится, — торжественно сказала Алиса. — Он превратил Поливайносела в осла, а затем ему стало его жаль, и он его простил. А почему бы и нет? Ведь теперь у него была Пегги.

— Тогда почему же Поливайносел снова не превратился в человека?

— Судя по тому, что мне известно, он специализировался по сельскому хозяйству, и если верить письмам Пегги, то у него была натура Казановы.

— Неудивительно, что вы так саркастически относитесь к моей информации, — отметил я. — Вы знали об этих двоих гораздо больше, чем я. Но это вовсе не извиняет вас, а эти ваши колкости в адрес моей лысины и вставных зубов...

Она отвернулась.

— Не знаю, почему я это говорила. Все, в чем я уверена, так это то, что ненавидела вас, потому что вы были в штатской одежде и вам были даны такие широкие полномочия.

Мне хотелось спросить у нее, не изменила ли она свое мнение. Кроме того, я был уверен, что она сообщила еще далеко не все, что знала обо всем этом, но мне не хотелось давить на нее. Поэтому я продолжал рассказывать Алисе то, что знал о Дархэме. Правда, я утаивал наиболее важное. Я должен был прощупать ее, прежде чем упомянуть об этом.

— Значит, вы считаете, — произнесла она, — что все здесь происшедшее, соответствует представлениям этого доктора Босуэлла Дархэма о гипотетическом Золотом Быке?

— Да, — кивнул я. — Он часто жаловался нам на лекциях, какую возможность упустили древние греки. Он говорил, что если бы они удосужились взглянуть на своих смертных подо-

печных, то увидели бы, как покончить с болезнями; нищетой, несчастьями и войнами. Он утверждал, что древние боги были реальными людьми, которые каким-то тем или иным способом приобрели сверхчеловеческие способности и которые не знали, как воспользоваться ими, так как были несведущи в философии, этике и науке. Дархэм частенько поговаривал, что он смог бы управиться получше, и затем прочел нам лекцию "Как быть богом и полюбить ЭТО". Его мысли всегда вызывали у нас смех, так как трудно было представить себе что-либо менее божественное, чем Дархэм.

— Мне известно об этом, — призналась Алиса. — Пегги писала мне об этом. Она говорила, что именно это-то и раздражало Поливайносела. Он не понимал, что профессор просто проецирует придуманный им мир на аудиторию. Вероятно, он мечтал о нем как о месте, куда бы он смог сбежать от придирок своей жены. Бедняга.

— Хорош бедняга! — фыркнул я. — Он сделал как раз то, что предполагал сделать, не так ли? Многие ли другие могут похвастаться тем же самым в таком масштабе?

— Никто, — признала она. — Но скажите мне, каков был главный тезис Дархэма в его "Золотом веке"?

— Он утверждал, что история доказывает, что так называемый обычный человек, мистер Человек Вообще, — это хороший малый, который хочет, чтобы его оставили в покое, и что он вполне удовлетворен только в том случае, если его земная жизнь течет тихо и гладко. Его идеалом является жизнь без болезней, без беспокойства об уплате счетов, при изобилии еды, развлечениях, секса и привязанностей, чтобы труда было немного, чтобы кто-нибудь думал вместо него. Большинство взрослых хотят, чтобы какого-либо рода бог все для них сделал, пока они будут заниматься только тем, что им приятно.

— Дархэм ничем не лучше Маркса и коммунистов! — воскликнула Алиса.

— Тут дело совсем другое... — возразил я. — Он сумел создать рай прямо здесь, стоит нам только посмотреть вокруг себя. И он не проповедовал какую-то особую идеологию. Он...

Я замолчал, рот мой остался раскрытым. Я защищал профессора.

Алиса хихикнула.

— Вы изменили свое мнение?

— Нет, — покачал я головой. — Отнюдь нет. Потому что у профессора, должно быть, изменился склад ума. Он стал диктатором. Он применяет силу. Поглядите на Поливайносела.

— Это не пример. Он всегда был ослом, таким и остался.

Ответить я не успел. Горизонт на востоке осветился огромной вспышкой света. Секундой-другой позже звук взрыва дошел до нас.

Мы были ошеломлены. Ведь мы пришли к выводу, что подобные химические реакции никак не могут иметь место в этой долине.

Алиса схватила меня за руку и резко сказала:

— Может, это досрочно началось наступление? Или атака, о которой нам ничего не сообщили?

— Не думаю. Почему именно в это место должна быть направлена атака? Давайте пойдем и посмотрим, что произошло.

— Понимаете, я сперва подумала, что это молния. Только... это была вроде бы молния наоборот.

— Отрицательная молния, вы это имели в виду? — спросил я.

Она кивнула.

— Да. Ствол ее был черным.

— Я видел разрывы молний, которые разветвлялись, как деревья, — начал я. — Но это первое дерево из всех... — я замолчал и пробормотал: — Нет, это безумие. Нужно подождать, пока мы не попадем туда. Только тогда можно будет сказать что-либо определенное.

Мы сошли с проселочной дороги и повернули направо, на асфальтированное шоссе. Я знал, что эта дорога вела из аэропорта в Мелтонвил, находившийся в двух с половиной километрах отсюда. Еще один взрыв озарил восточную часть неба, но на этот раз мы увидели, что он гораздо ближе к нам, чем мы посчитали в первый раз.

Мы поспешили вперед, готовые сразу же броситься в заросли, если нам будет что-нибудь угрожать. Мы прошли меньше километра, когда я остановился так неожиданно, что Алиса стукнулась в меня.

— Что это? — прошептала она.

— Я что-то не припомню, чтобы здесь когда-то пролегало русло ручья, — медленно ответил я. — Фактически, я абсолютно уверен, что его здесь не было. Я тут очень много бродил, когда был бойскаутом.

Но теперь русло было здесь. Оно шло с востока, со стороны Онабака, и сворачивало на юго-запад, в сторону от реки. Русло пересекало шоссе, оставив на нем полосу в десять метров. Кто-то притащил два длинных дерева и уложил их поперек расщелины, а затем покрыл их поперечными планками. Получилось что-то вроде грубого моста.

Мы пересекли ручей и двинулись по шоссе дальше, но еще один взрыв слева от нас подсказывал нам, что мы пошли не в

том направлении. Этот последний взрыв произошел очень близко, на краю большого дуга, который, насколько я помнил, был когда-то стоянкой грузовиков.

Алиса потянула воздух носом и спросила:

— Вы чувствуете запах горящих растений?

— Да, — я указал ей на противоположную сторону ручья, где луна освещала берег. — Послушайте-ка.

Там повсюду валялись разбросанные метров на пятнадцать обгоревшие стволы и ветки деревьев, скорее всего, это были сосны. Некоторые лежали на берегу, некоторые попадали в ручей.

Что это все значило? Единственный способ узнать — хорошенько изучить местность. Когда мы подошли поближе, то там уже собралось около сотни людей, и нам пришлось проталкиваться локтями, чтобы посмотреть на то, что нас интересовало.

Нам это так и не удалось сделать, потому что внезапно раздался пронзительный женский вопль:

— Он положил внутрь слишком много Варева!

Тут же взревел какой-то мужчина:

— Спасайся кто может!

Ночь огласилась криками и шумом, всюду мелькали тела. Все бежали и толкали друг друга. Однако, несмотря на все это беспорядок и спешку, все смеялись, будто все это было очень удачной шуткой. Это была странная смесь паники и пренебрежения паникой.

Я схватил Алису за руку и побежал вместе с остальными. С нами поравнялся какой-то мужчина, и я крикнул:

— В чем опасность?

На голове мужчины была красная феска с кисточкой, а торс его перепоясывал широкий зеленый кушак, обмотанный вокруг талии. С кушака свисал ятаган.

Услышав мой крик, он дико посмотрел на меня и что-то крикнул:

— А?

Он завопил опять что-то прямо мне в ухо и побежал прочь.

— Что он сказал? — спросил я у Алисы.

— Я также ничего не разобрала.

В этот момент мы поняли, почему толпа бежала сломя голову. За нашей спиной раздался рев, какой мог издать лев, будь он величиной с гору. Взрывная волна опрокинула нас на землю. Вслед за ударом последовала волна горячего воздуха. Град камней и комков земли обрушился на нас.

Я завопил от боли, потому что камень задел мою ногу. Какое-то мгновение мне даже казалось, что у меня перелом.

Алиса закричала и обхватила меня за шею.

— Спасите меня!

Я бы с удовольствием сделал это, но кто собирался спасать меня?

Вдруг град камней прекратился, и сразу же утихли вопли. Затем раздался смех и восторженные возгласы. В лунном свете замелькали белые тела людей, поднявшихся, как привидения, из травы. Смех у этих необузданных созданий проходил довольно быстро. Теперь они уже подтрунивали друг над другом, вспоминая при этом подробности бегства.

Я остановил одну из женщин, красивую полногрудую деваху лет двадцати пяти — все женщины, пристрастившиеся к Вареву, как я позднее выяснил, были красивы, хорошо сложены и молодо выглядели, — и спросил:

— Что произошло?

— О, этот дурак Грабальщик налил слишком много Варева в дырку, — ответила она, улыбаясь. — Да каждому ясно, что должно было произойти. Но этот дурак нас не послушался, а его дружки такие же оболтусы, как и он, хвала Махруду.

Произнося это, она сделала соответствующий жест. Эти люди, независимо от того, насколько легкомысленно и непринужденно вели себя, всегда выказывали уважение к своему богу Махруду.

Я смутился:

— Кто? Кто?

— Да, разумеется, Грабальщики, лысенький мой дурачок. — Быстро окинув меня одним острым взглядом с ног до самой макушки, она добавила: — Если бы не это, я бы подумала, что ты еще не пробовал Варева.

Я не знал, что она имела в виду, произнося слово “это”. И посмотрел вверх, так как она указала рукой в этом направлении. Но я ничего не увидел, кроме ясного неба и огромной искаженной луны.

Я не хотел продолжать свои расспросы, чтобы не вызывать подозрений, будто я новичок. Я оставил женщину и вместе с Алисой последовал за толпой. Она направлялась к истоку ручья, где находилась яма, образовавшаяся после этого взрыва. Это мне сразу же объяснило, каким образом неожиданно возникло сухое русло. Кто-то высек его серией ужасных взрывов, которые мы уже имели удовольствие видеть.

Меня слегка толкнул какой-то мужчина. Он энергично работал ногами, все его тело было наклонено вперед, а левую руку он забросил за спину. Своей правой рукой он держался за спутанные волосы на своей груди. На голове у него набекрень была надета огромная шапка с плюмажем, которую изредка можно

увидеть на голове какого-нибудь высокого чина, да и то только на параде. К поясу вокруг голой талии была привешена шпага в ножнах. Одевание его дополняли ковбойские туфли на высоких каблуках. Он сильно хмурился и нес в руке за спиной свернутую карту.

— Э... адмирал! — окликнул я его.

Он, не обращая на меня внимания, пробирался сквозь толпу.

— Генерал!

Он не поворачивал головы.

— Босс. Шеф. Эй, вы!

Он посмотрел на меня и сказал что-то непонятное.

— Закройте рот, чтобы у вас не выпала челюсть, и пошли дальше! — предложила Алиса.

Мы подошли к краю выемки. Она оказалась диаметром почти в десять метров, и края ее круто спускались к центру. Глубина ямы была не менее семи метров. Точно посреди нее возвышалось какое-то огромное, почерневшее, обгоревшее растение. Это была кукуруза, а высота ее превышала пятнадцать метров. Она опасно наклонилась, и стоило ее толкнуть пальцем, как она непременно упала бы своим еще тлеющим стеблем на землю. И прямо на нас... Вся выемка очень напоминала кратер, возникший после падения метеорита. Так мне показалось сначала. Затем, судя по тому, как вокруг была разбросана грязь, этот метеорит, должно быть, вылетел снизу, из-под земли.

Размышлять над этим времени не оказалось, так как огромный стебель все-таки начал свое запоздалое падение. Я был занят тем же, что и все остальные, — мчался со всех ног прочь. После того как стебель с грохотом рухнул вниз и толпа причудливо одетых мужчин подцепила его к упряжке из десяти лошадей и они оттащили его в сторону, мы с Алисой вернулись к яме. На этот раз я спустился в кратер... Почва под моими ногами была сухой и твердой. Что-то высосало отсюда всю воду и сделало это очень быстро, потому что грязь на лугу возле кратера была совсем еще мокрой.

Несмотря на то что в яме было очень жарко, Грабальщики, как муравьи, бросились вниз и начали всю работу лопатами и кирками у западной стенки. Их вожак, мужчина в адмиральской шляпе, стоял посреди них и, держа обеими руками карту, исподлобья рассматривал ее. Время от времени он подзывал кого-либо из подчиненных повелительным жестом, показывал что-то на карте, а затем обозначал место, где ему нужно было орудовать лопатой.

Однако в процессе раскопок им ничего не удавалось найти. Люди, стоявшие на гребне кратера, подобно обычной толпе, собирающейся в центре большого города, когда копают ка-

кую-нибудь яму, покрикивали, стонали и давали советы Грабальщикам, которые не принимали их во внимание. В толпе передавали друг другу бутылки с Варевом и неплохо проводили время.

Неожиданно полу-Наполеон взревел от ярости и так взметнул вверх руки, что карта затрепетала на ветру. Между ним и его людьми началась словесная перепалка, хотя ничего нельзя было разобрать из того, что они кричали.

В результате все, кроме одного человека, перестали копать. На работающем был цилиндр и две дюжины наручников. Он опустил какое-то семя внутрь полутораметрового отверстия, выкопанного почти перпендикулярно к стенке ямы, заполнил отверстия грязью, уплотнил ее и протянул тонкий шланг сквозь почву. Другой мужчина в маске арлекина и продолговатой прусской каске времен первой мировой войны вытащил шланг и стал лить Варев из огромной вазы. Жадная почва тут же начала впитывать жидкость.

Наступила тишина. И Грабальщики и зрители внимательно наблюдали за переменной. Вдруг одна из женщин на краю выемки закричала:

— Он снова льет слишком много! Остановите дурака!

Наполеон свирепо посмотрел вверх, и по его губам можно было прочесть непристойные ругательства.

Тотчас же после этого почва загремела, затряслась, вздыбилась. Что-то оглушительно треснуло.

— Скорее за холмы! На этот раз ему все-таки удалось!

Я не знал, что ему удалось на этот раз, но сейчас было совсем неподходящее время задавать вопросы.

Мы вскарабкались наверх и побежали через луг. Когда мы оказались на полпути к дороге, я поборол в себе панику и рискнул глянуть через плечо. Я увидел это!

Я увидел, как со скоростью взрыва проросло семечко подсолнуха и стало стремительно расти под воздействием сверхдозы этого непонятного стимулятора — Варева. За долю секунды подсолнух достиг размеров секвойи, его стебель и головка спешили к небу. Он взметнулся высоко-высоко и загорелся, вследствие гигантского количества энергии, выделившейся при его росте.

А затем почва не смогла удержать нижнюю часть стебля, и он стал опрокидываться, похожий на объятую пламенем башню.

Алисе и мне удалось увернуться, но сделали это мы в самую последнюю минуту, и какое-то мгновение мне даже казалось, что эта гигантская, объятая пламенем мачта раздавит нас, как букашек.

Раздался грохот, затем треск, мы все попадали, ошеломлен-

ные, не в силах даже шевельнуться. Однако уже в следующее мгновение мы повскакали, придя в себя от этого временного паралича, и в лунном свете засверкали наши голые задние части.

— О, боже, Дэн! Как мне больно! — причитала Алиса.

Я ее понимал, так как у меня было обожжено то же самое место. Я уже даже подумал о том, что здесь-то и пришел конец нашей экспедиции, так как мы нуждались в немедленной медицинской помощи и нам необходимо было как можно быстрее возвращаться назад, в штаб-квартиру, чтобы получить ее.

Эти первобытные люди, очевидно, забыли все достижения современной медицины. Привлеченные нашим жалким состоянием, двое мужчин, прежде чем я успел что-то возразить, вылили нам на спину содержимое двух ведер.

Я завопил от ужаса, но бежать было некуда, кроме костра. Но даже Вареве все-таки лучше, чем пламя. К тому же в рот и вообще на лицо не попало ни капли.

Тем не менее я собирался сердито протестовать против этих глупых шуток, когда нам было не до них из-за мучительной боли. Но, подумав, я тут же обнаружил, что никакой мучительной боли больше не испытываю.

Я не мог собственными глазами увидеть то, что происходило со мною, но прекрасно видел, как реагировала на это Алиса. Она лежала ко мне спиной и тоже перестала хныкать.

Под влажной пленкой Варева волдыри на спине опадали, и сквозь них уже виднелась молодая розовая кожа.

Алиса была настолько возбуждена, что даже забыла о нашей вражде и, положив мне голову на грудь, плакала от радости:

— О, Дэн, Дэн, разве это не замечательно?

Мне не очень хотелось расхваливать действие этого средства. Как и всякий наркотик, его эффективность заключалась в правильном выборе дозы, но при злоупотреблении им он мог стать ужасным врагом.

— Идемте, нам нужно вернуться, — сказала я и, взяв ее за руку, повел к новому кратеру. Я чувствовал, что обязан разрешить загадку этих Грабальщиков. И подумал о той похвале, которую я мог бы заслужить, предложив новый метод ведения боевых действий — бросать с воздушных шаров ящики, наполненные семенами и Варевом. А пушки, снаряды которых будут лететь под действием реактивной силы, вызываемой с помощью Варева? Только как потом очищать пушку от растений после каждого выстрела? Придется содержать целый взвод садоводов.

Запутавшись в рассуждениях, я отбросил эту идею. Высшее армейское начальство все равно мне не поверит.

Грабальщики работали быстро и производительно, со всей

энергией, которую придавало им Вареву. Всего за пятнадцать минут они погасили огонь и убрали с дороги обуглившийся ствол. После этого они сразу же начали копать в склонах и на дне выемки.

Я молча наблюдал за ними. Они, казалось, повиновались распоряжениям мужчины в адмиральской шляпе и непрерывно совещались то с ним, то между собой. Но никто из них не мог понять ничего из того, что говорил другой. По сути, они общались между собой только с помощью жестов. Однако никто из них не признавался в этом перед другими. И все продолжали говорить.

“Что ж, — подумал я, — особо нового в этом ничего нет, хотя мне никогда прежде не доводилось видеть, чтобы неумение работать проявлялось столь ярко. Но что или кто был в ответе за это?”

Еще раз, теперь уже устало, я спросил у одного из зрителей, что происходит. Эти люди, казалось, не были способны говорить о чем-нибудь серьезно. Но я надеялся, что мне повезет, и оказался прав.

— Я расскажу тебе, незнакомец. Эти люди — живые свидетели того, что не следует искажать религию ради своих собственных целей.

Он отпил из фляги, болтавшейся на цепочке вокруг его шеи, и предложил мне глоток. Когда я отказался, он удивленно посмотрел на меня, но не обиделся.

— Все они раньше были шишками в округе, как раз перед тем, как Махруд доказал, что он Настоящий Бык. Вы понимаете, кто это — проповедники, большие и мелкие бизнесмены, редакторы газет, игроки на бирже, адвокаты, банкиры, профсоюзные боссы, врачи, комментаторы, профессора университета. Люди, которые, как они полагали, знали, как лечить наши социальные, экономические и прочие болезни, даже если разбудить их посреди ночи. Они знали Верное Слово, понимаете? Слово, которое все ставит на свои места.

Единственной неприятностью было то, что, после того как Вареву начало свободно течь, все, кто пил из Священной Бутылки, перестали обращать хоть какое-нибудь внимание на эти столпы общества. Они долго боролись за свое верховенство. Затем, понимая, что поток Варева все равно захлестнет их, они решили, что лучше все-таки не стоять против течения. Ведь если все это делают, то, должно быть, это правильно, и так надлежит поступать.

Поэтому, напившись Варева в достаточном количестве, чтобы набраться духу, но все-таки не так много, чтобы стать веселыми, но махрудобоязненными гражданами, они объявили

себя Пророками новой религии. И с этих пор, согласно их широко разрекламированным заявлениям, никто, кроме них, не годится для того, чтобы осуществлять поклонение Большому Быку. Разумеется, Шмид — Пророк Погоды, Поливайносел и Аллегория не обратили на это никакого внимания, и поэтому они их осудили и признали ложными божествами.

Вам смешно, да? Но все происходило именно так. И так шло до тех пор, пока Махруд — да благоденствует его народ — не пришел в ярость. Он объявил через Пророка Погоды, что эти бывшие столпы общества являются ложными пророками, поддельными. И он придумал им наказание. Точнее, он уже раньше наказал так Дюжину Красавчиков в Пеленках.

Вот что он им сказал: “Вы говорили народу, что вы, и только вы, можете поклоняться Настоящему Быку и знаете Истинное Слово. Что ж, пусть будет так. Только это будет такое Слово, что его станет понимать только кто-нибудь один, и никто другой. Для любого другого человека это слово будет звучать будто на незнакомом языке. А теперь — проваливайте!”

Но после того как он увидел, как эти несчастные пытаются разговаривать друг с другом и с другими людьми и все больше теряют рассудок, Махруд ощутил к ним жалость. Поэтому он сказал: “Послушайте, я дам вам один шанс. Я спрячу ключ от всех ваших затруднений в этой долине. Ищите его, если найдете, то исцелитесь. И тогда все вас поймут”.

Поэтому он дал им карту — всем им, запомнили? Но этот полуодетый Наполеон схватил и держит ее у себя на том основании, что он говорит наиболее непонятно из всей этой банды. С тех пор он руководит поисками ключа, который снимет с них заклятие.

— Вот почему они все взрывают и копают? — спросил я, испытывая головокружение.

— Да, они следуют карте, — сказал он, смеясь.

Я поблагодарил его и подошел сзади к человеку в адмиральской шляпе. И взглянул через его плечо. Карта была покрыта длинными извилистыми линиями, которые перерезали многочисленные короткие отверстия. Этим линиям и следовал полу-Наполеон, копая траншеи на поверхности земли. Одну из траншей я и принял за высохшее русло ручья.

— Это карта-схема нервной системы человека, — объяснил я Алисе. — А он следует по одному из ответвлений блуждающего нерва.

— Блуждающего? — пробормотала Алиса. — Что же это может означать?

Когда мы начали выкарабкиваться из ямы, я сказал:

— Похоже, что мы присутствуем при рождении новой ми-

фологии. Одним из полубогов признан известный персонаж комиксов. Другим — его упрямая и похотливая натура. И мы видим, что главное божество основывает свою власть на прозвище, данном ему, когда он был простым смертным. Все это заставляет меня задуматься, на чем же были построены прежние пантеоны и мифы? Неужели они тоже основывались на таких случайностях?

— Даниэль Темпер! — рассердилась Алиса. — Вы говорите так, будто верите в существование древних языческих богов и в то, что этот Махруд на самом деле является богом!

— Перед тем как попасть сюда, я бы вдоволь посмеялся над любой из таких гипотез, — усмехнулся я. — Но как вы объясните то, что здесь увидели?

Дальше мы поднимались из ямы не разговаривая. На краю ее я еще раз взглянул на Грабальщиков, на этот предметный урок, преподанный Махрудом. Они ковырялись столь же усердно, что и всегда, игнорируя непристойности, отпускаемые в их адрес зеваками. Самое смешное, подумал я, заключается в том, что эти запутавшиеся люди, смеющиеся над Грабальщиками, еще не усвоили того простого факта, что Грабальщики не более чем секта чокнутых. Но они символизируют то, что может случиться и со зрителями, если им вздумается выйти за пределы их нынешнего беззаботного и счастливого, однако застойного состояния.

Ужасное положение этих ковыряющих сынов Вавилона предупреждало каждого: чтобы найти ключ к решению проблем, смотри внутри самого себя.

Этот совет, наверное, был еще сформулирован первым философом пещерных людей.

Среди грязи вокруг ямы сверкнуло что-то металлическое. Я подошел и поднял. Это была серебряная отвертка с длинной рукояткой.

Если бы я не знал очень хорошо своего старого преподавателя, то, думаю, ни за что бы не понял, почему здесь появилась эта отвертка. Но за годы учебы я привык к его необычным методам сопоставления фактов и поэтому понял, что в моей руке еще одна из его серьезных шуток — вещь, предназначенная для того, чтобы занять достойное место среди мифов, возникающих в этой Олимпийской Долине.

Есть легенда о ящике Пандоры, о кувшине Филемона и Завкиды, о лике Медузы, об отданном в залог Глазе Одина. Почему бы не быть еще легенде о Серебряной Отвертке?

— Помните, — стал я объяснять Алисе, — сказку о мальчике, который родился с золотым винтиком в своем пупке? Как всю жизнь он удивлялся, для чего ему этот винт? Как он стыдился

того, что он отличается от всех остальных и должен прятать свой пупок? Помните, как он в конце концов нашел врача, который велел ему идти домой и увидеть во сне волшебницу? И как королева Титания соскользнула по лунному лучу и дала ему серебряную отвертку? И как он ощущал себя счастливым после того, как отвинтил золотой винт, став нормальным и способным жениться? Ведь он уже не боялся того, что над ним станет смеяться невеста. Помните, он забыл обо всех своих тщетных размышлениях о назначении золотого винта? И как он, очень счастливый, встал со стула, чтобы поднять сигарету? И как вывалились его внутренности, оставшиеся незакрепленными?

— Неужели вы хотите отдать ее Грабальщикам? — поинтересовалась Алиса. — Хотя это избавило бы их от всех взрывов и раскопок. И они смогли бы успокоиться и стали бы нормально разговаривать.

— Я уверен, что они сотни раз натыкались на нее и отшвыривали в сторону, отказываясь понять ее подлинное назначение.

— Может, это и так, но что же это означает?

— Это еще одно подтверждение, — раздраженно объяснил я, — того факта, что им следует искать ответ внутри себя, что им нужно поразмыслить над природой их наказания и извлечь для себя урок.

Мы пошли прочь. Весь этот инцидент опечалил нас. Я, казалось, погружался все глубже и глубже в потемки, устроенные существом, которое смеялось надо мною из какого-то туманного прошлого. Неужели это просто совпадение, что нас повстречал Аллегория и показал нам несколько зловещий знак?

Времени на то, чтобы все хорошо обдумать, у меня почти не осталось, потому что мы как раз в этот момент вышли на объездную дорогу, которая вела к государственной больнице. Я глянул вдоль нее и увидел белые камни кладбища за высоким забором из проволоки. Наверное, я стоял так довольно долго, потому что Алиса спросила:

— В чем дело?

— Кладбище государственной больницы как раз за этим забором. Мелтонвилское кладбище находится совсем в другой стороне. Отец мой покоится в государственной земле. Мать лежит на сельском кладбище. Они и в смерти разлучены, так же как были разлучены в жизни.

— Дэн, — спокойно сказала Алиса, — нам нужно поспать несколько часов, прежде чем мы двинемся дальше. Мы проделали большой путь. Почему бы нам не провести могилы ваших родителей, а затем поспать где-нибудь? Как вы к этому относитесь?

— Весьма положительно, спасибо за такую мысль, Алиса, —

слова подбирались с трудом. — Вы — прекрасный, замечательный человек.

— Ну что вы! Это просто удобно сделать именно сейчас.

Надо было ей этими словами все испортить, когда я начал испытывать к ней расположение!

Мы побрели по дороге. Навстречу нам попался большой рыжий детина. Он во все глаза рассматривал Алису, так жадно, что я уже начал ждать от него тех же неприятностей, что и от Поливайноседа. Но как только он взглянул на меня, то тут же остановился и громко, раскатисто рассмеялся. Когда мы проходили мимо, я ощутил знакомый запах. От него ужасно воняло Варевом.

— Что это такое с ним?

— Не знаю, — проронила Алиса, глядя на меня. — Подождите-ка. Конечно же! Поливайносед и все остальные, должно быть, знали с самого начала, что вы новенький.

— Почему?

— Потому что вы лысый! Вы видели здесь хоть одного лысого? Нет! Вот почему все эти парни смеются!

— Если это так, то я меченый! И Поливайносед может сообщить своим приятелям, как можно найти меня.

— О, все не так плохо, — улыбнулась Алиса. — Вы не должны забывать, что новенькие появляются все время, да еще большее количество бывших солдат только начали трансформироваться. Вы могли бы легко сойти за одного из них. — Она взяла меня за руку: — Ну что же, идемте, давайте поспим немного. А после еще раз все обсудим.

Мы пошли на кладбище. Среди кустов мирно паслись похожие в лунном свете на серебристые статуи овцы и козы. Поэтому могилы не заросли травой, и я легко мог ориентироваться.

Однако неожиданно я закричал и побежал назад.

Могила моей матери зияла как огромный коричневый рот. На дне ее стояла черная вода, гроб был наклонен в одну сторону. Очевидно, он был поднят, а затем небрежно опущен назад. Крышка его была открыта. Он был пуст.

Стоящая позади Алиса прошептала:

— Спокойно, Дэн... Нет причин для такого волнения.

— Так вот они какие, твои великолепные люди, Алиса. Эти боги и нимфы Нового Золотого Века. Грабители могил! Вурдалаки!

— Я так не думаю! Им не нужны деньги или драгоценные камни. Давай поглядим вокруг. Должно же быть какое-то всему этому объяснение.

Мы внимательно огляделись и увидели Мокрого Козла.

Он сидел, опершись спиной о надгробье. Он был таким

большим, таким темным и неподвижным, что, казалось, был вылит из бронзы и походил на "Мыслителя" Родена, только в котелке и набедренной повязке. Но что-то все-таки оживляло его фигуру, и когда он поднял голову, то мы увидели блеснувшие в лунном свете слезы.

— Вы бы не могли сказать, — взволнованно начал я, — почему раскопаны все эти могилы?

— Конечно же, мальчик мой, — он говорил с провинциальным акцентом. — Кто-то из ваших родных погребен здесь?

— Матушка, — кивнул я.

Слезы еще быстрее полились по его лицу, он потянул носом.

— Веруй, м-мальчик, это самое главное. Я тебе сообщу славленную новость. Моя дорогая жена, понимаешь, тоже была похоронена здесь.

Я не узрел ничего такого, что меня могло бы осчастливить, однако ничего не сказал, а только приготовился слушать дальше.

— Да, м-мой мальчик, прости меня за то, что я так к тебе обращаюсь. Я ведь ветеран Испано-Американской войны и на пару годков постарше тебя. По сути, если б не благословенное пиршество Махруда — не приведи господь, чтобы он споткнулся, — я теперь бы помер от старости и кости мои покоились бы на барже вместе с косточками моей женушки...

— Какой барже? — перебил я его.

— Какой барже? — переспросил он. — Где же вы были? О, да, да, ты ведь новенький. — Он указал пальцем на мою голову, чтобы, как мне показалось, подчеркнуть, что я лысый.

— Веруй, м-мальчик, ты должен поспешить в Онабак и утром увидеть, как отплывает баржа с костями. Это будет Великий День, не сомневайся в этом. Будет много Варева и жареного мяса, а любви столько, что и за неделю не отойдешь.

Переспрашивая по нескольку раз, я узнал, что Махруд велел выкопать останки всех мертвецов на кладбищах, расположенных на его территории, и перевезти их в Онабак. На следующий день баржа с костями должна была пересечь Иллинойс и разгрузиться на восточном берегу. Все были уверены в том, что Махруд намерен воскресить всех покойников. И все спешили в город, чтобы стать свидетелями такого события.

От этой новости я почувствовал себя лучше. Если на дорогах и в самом деле будет много народу, то проще затеряться в толпе.

— Это правда, так же как и то, что зовут меня Мокрый Козел, — продолжал старик в котелке. — Сверх-Бык слишком далеко зашел. Он пытается воскресить мертвых, но наверняка не сможет этого сделать! И что же тогда произойдет с верой народа в него? И где буду я? — Он заплакал. — Я снова окажусь без

работы, снова потеряю свое место, я, который верой и правдой служил Старому Богу, пока не увидел, что почва уходит у него из-под ног и что Махруд стал восходящим божеством. Настоящим богом, как в былые прекрасные времена, когда боги были богами, а люди — гигантами! А теперь Махруд, бык, этот негодник Махруд, может спокойно опростоволоситься и больше уже никогда не сможет восстановить свою репутацию. И я стану самым жалким на свете из всех несчастных, пророком без доброго имени. И еще хуже то, что меня должны были вот-вот возвести в статус четверть бога! Я продвигался очень быстро, будучи преданным, усердным и молчаливым, когда надо. А Быку захотелось поразвлечь народ головоломным фокусом. Его ему не хватает? По мне, то он уже достаточно всего понаделал.

Наконец я выудил у Мокрого Козла, что он не столько боялся, что Махруд потерпит неудачу, сколько опасался, что его затея увенчается успехом.

— Если Махруд на самом деле облечет старые кости в новую плоть, то моя вечнлюбимая жена станет меня разыскивать и жизнь моя не будет стоить даже ломаного пятака. Она ни за что не забудет и не простит мне того, что я спустил ее с лестницы десять лет назад, отчего она и сломала себе шею. И для нее не будет особой разницы в том, что, воскреснув, она станет лучше, чем когда-либо, что у нее будет прекрасная новая фигура и милостивое лицо вместо той грубо высеченной хари. Сердце-то у нее останется таким же черным и каменным! О, боже!

Безусловно, жизнь моя была несчастна с того самого дня, когда я открыл свои невинные голубые глаза — абсолютно незапятнанные, если не считать первородного греха. Но Махруд сказал, что такого нет в его догматах. Несчастлив я был, несчастливый я буду жить и дальше. Мне даже не суждено вкусить сладких мук смерти — ибо известно, что солнце встает на востоке, что Дархэм стал Быком и переплыл Иллинойс с прекрасной Пегги на спине и сделал ее своей невестой, — столь же хорошо известно, что я не смогу даже умереть, потому что моя вечнлюбимая жена разыщет мои бранные останки и потащит их Махруду, а сама станет ждать, когда я воскресну.

Я уже устал слушать этот поток преувеличений, столь же неиссякаемый, как и воды Иллинойса.

— Спасибо вам, мистер Мокрый Козел, — проговорил я. — И спокойной вам ночи. Впереди у нас еще долгая дорога.

— Не за что, мой м-мальчик. Только вот имя у меня совсем другое. А это только прозвище, которое дали мне ребята из ратуши, потому что...

Этого я уже не стал слушать. Я прошел к могиле матери и прилег рядом. Но заснуть мне не удалось, так как Алиса и этот

чудной старикан все время разговаривали. Затем, только-только я задремал, как меня растормошила Алиса и настояла на том, чтобы она пересказала мне все то, что только что поведал ей Мокрый Козел.

Обратил ли я внимание на его белую набедренную повязку? Хорошо, так вот, если бы Мокрый Козел встал, то я увидел бы, что она сложена треугольником. И тогда я бы понял, что это удивительно похоже на то, как пеленают новорожденных. Это сходство не было случайным, ибо Мокрый Козел был одним из Дюжины Красавчиков в Пеленках.

Более того, если бы он встал, то я бы заметил желтое свечение, исходившее от него сзади, словно у светлячка.

Оказалось, что вскоре после того, как в полную силу стал проявляться эффект Варева и жители Онабака отвернулись от внешнего мира, многочисленные самозванные пророки попытались воспользоваться благами новой религии. Каждый представил свою собственную теорию пока еще незапятнанного и недопонятого символа веры. Среди них были двенадцать государственных деятелей, которые уже много лет опустошали городскую казну. Так как это было в то время, когда содержимое Бутылки воздействовало на природу вещей еще не очень заметно, то они сначала неясно поняли, что происходит.

Резко снизила свои обороты промышленность. Сквозь асфальт стали пробиваться трава и деревья. Люди постепенно теряли интерес к житейским заботам. Сдерживающие факторы постепенно исчезли. Вражда, неприятности и болезни уходили куда-то прочь. Страхи, бремя забот и скука жизни рассеивались, будто по взмаху волшебной палочки, как утренний туман под лучами восходящего солнца.

Наступило время, когда люди перестали ездить в Чикаго по делам или для веселого времяпрепровождения. Перестали ходить в библиотеки за книгами. Издатели и репортеры ежедневных газет не могли набрать достаточно материала для подготовки номера. Крупнейший в мире завод дизелей и ликеро-водочный комбинат прошумели последним гудком. Люди повсеместно поняли, как плохо жили они раньше и что теперь их ждет лучшее и более счастливое общество.

Примерно к этому времени прекратила свою работу и почта. Безумные телеграммы и письма шли в Вашингтон и в столицу штата — правда из других городов, так как местные телеграфисты побросали работу. Именно тогда Управление по делам Питания и Наркотиков, Бюро Налогообложения и Федеральное Бюро Расследований выслали в Онабак своих агентов на разведку. Но эти агенты не вернулись. Были посланы другие, но и они не смогли устоять перед Варевом. Пойло еще не обрело

вершины своего могущества, когда Дархэм открыл свои способности. Удалось ему это выяснить с помощью некоего Шинда. Тогда в городе существовала некоторая оппозиция, причем наиболее сильный отпор Дархэм получал от двенадцати государственных деятелей. Они организовали митинг в сквере перед зданием суда и подстрекали собравшихся последовать за ними и напасть на Дархэма-Махруда. Сначала они хотели направиться к Трабелскому университету, где в метеодомике жил Шинд.

— Затем один из двенадцати, потрясая кулаком в сторону струйки Варева, бывшей из Бутылки на ближайшем холме, — продолжала Алиса, — предложил линчевать этого спятившего профессора, назвавшегося Махрудом, этого одуревшего от чтения поэзии и философии университетского придурка. “Друзья, граждане, американцы, если этот Махруд на самом деле Бог, как заявляет Шинд, еще один безумный ученый, то пусть он поразит меня молнией! Меня и моих друзей тоже!” — призвал один из двенадцати. Все двенадцать стояли на трибуне в скверике перед зданием суда. Они смотрели на главную улицу и дальше на холм, за рекой. Они глядели на восток. В это время над городом не гремел гром, не сверкали молнии. Но в следующее мгновение вся дюжина была вынуждена позорно бежать и больше никогда не показывать открытого неповиновения Сверх-Быку.

Алиса начала хихикать.

— Они были поражены несчастьем, которое не столь разрушительно, как молния, и не столь впечатляющее, но гораздо более деморализующее. Махруд наслал на них немочь, которая вынудила их постоянно носить пеленки, причем по той же причине, по которой они требуются грудным детям. Разумеется, это наконец убедило Дюжину Красавчиков в Пеленках. Но эта бесстыжая свора бывших отцов города тут же полностью перестроилась и стала заявлять, что они все время знали, что Махруд является Настоящим Быком. Якобы они устроили митинг для того, чтобы прилюдно сообщить о своем переходе в новую веру. Теперь же Махруд предоставил именно им монополию на божественные откровения. Если кто-нибудь хочет войти с ним в контакт, пусть подходит к ним и платит только за то, что его поставят на очередь.

Они все еще не могли осознать того, что деньги уже ничего не значат!

Они были настолько близоруки и нахальны, что стали просить Махруда, чтобы он каким-нибудь особым образом подтвердил законность их пророчеств. И Сверх-Бык ниспослал им знак святости. Он дал им постоянное желтое свечение, своего рода ореол.

Алиса залилась хохотом, дергая коленками и подпрыгивая. — Разумеется, Дюжина должна была испытать большущее счастье. Но этого не случилось. Ибо Махруд лукаво окружил этим ореолом такое место, что, для того чтобы они могли продемонстрировать свой знак святости, необходимо было встать. И хотите верьте, хотите нет, эти тупоголовые двенадцать апостолов отказываются признать, что Махруд надул их. Наоборот, они постоянно бахвалятся месторасположением своего ореола и пытаются заставить всех остальных носить пеленки. Они говорят, что тряпка вокруг поясицы такой же знак истинной веры в Махруда, как тюрбан или феска — у верующего в Аллаха.

Естественно, подлинная причина заключается в том, что они не хотят привлекать внимание. Не то чтобы они не хотели быть выдающимися людьми, просто они не желают, чтобы их одежда напоминала людям об их немочи или об изначальном грехе.

Слезы капали из глаз Алисы, хохот душил ее.

Я же не заметил в этом ничего забавного и так и сказал ей об этом.

— Вы так ничего и не поняли, Темпер, — заявила она. — Это состояние вполне поправимо. Все, что Красавчики должны сделать, это молить Махруда, чтобы он избавил их от немочи. Они мгновенно станут такими же, как и все остальные. Однако гордыня не позволяет им пойти на это. Они настаивают на том, что это — благодеяние и знак особого расположения к ним Быка. Они страдают, да, но им, похоже, нравится страдать, так же как Мокрому Козлу нравится сидеть у надгробного камня своей жены, будто этим он может не пускать ее из-под земли, и хныкать о своих несчастьях. Он и ему подобные ни за что на свете не откажутся от своего наказания!

Алиса снова принялась громко смеяться. Я присел, схватил ее за плечи и притянул к себе поближе, чтобы проверить запах у нее изо рта. Но никаких намеков на Вареву не оказалось, значит, она не пила из бутылки Мокрого Козла. Просто ее охватил истерический хохот.

Обычно в таких случаях самое лучшее средство — это звонко отшлепать женщину по щекам. Однако сейчас все произошло наоборот, поскольку она первая отвесила мне пощечину — и притом очень звонкую. Эффект был тот же самый. Она перестала смеяться и посмотрела на меня.

Я держался за пылающую щеку.

— А это за что?

— За то, что вы захотели воспользоваться моим положением, — заявила она.

Я был настолько возмущен и застигнут врасплох, что мог

только, заикаясь, пробормотать:

— Я только... я только...

— Держите свои руки при себе, — отрезала она. — Не принимайте мое сочувствие за любовь. И не думайте, что из-за того, что эти бездельники и бездельницы, нахлебавшись Варева, творят черт-те что и валяются с кем попало, я последую их примеру.

Я повернулся к ней спиной и закрыл глаза. Но чем дольше я так лежал и чем больше думал о ее неверном толковании моего поступка, тем больше я загорался гневом. Наконец, весь внутри кипя, я снова сел и повелительно позвал:

— Алиса!

Она, должно быть, тоже не спала, так как сразу же поднялась и уставилась на меня своими большими глазами.

— Что?... Что такое?

— Я забыл вернуть вам вот это.

Затем, не дожидаясь ее реакции на пощечину, которую я ей отвесил, я лег и снова повернулся к ней спиной. Не скрою, добрую минуту кожа на моей спине была холодной и напряженной. Я все время ждал, когда она разъяренно вонзит в нее свои ногти.

Но ничего подобного не произошло. Сначала тишину нарушало только нервное дыхание. Затем вместо нападения последовали всхлипывания, постепенно перешедшие в шмыганье носом и вытирание слез.

Я держался, сколько мог. Затем снова привстал и проговорил:

— Порядок, может, мне и не стоило бить вас. Но вы имели право считать, что я пристаю к вам. Послушайте, я понимаю, что я вам отвратителен, но это не помешало бы мне добиваться вашей благосклонности, если бы я захотел, просто у меня еще есть гордость. И вы должны понять, что я совсем не собираюсь терять голову от страсти. Почему это вы о себе думаете, что вы Елена Троянская или Клеопатра?

Я разошелся вовсю. Обычно я стараюсь сгладить любые трения, но на этот раз я был суров и резок. Алиса вышла из себя, она вскочила и стала уходить. Я поймал ее уже у ворот кладбища.

— Куда это вы собираетесь?

— К началу главной улицы в Онабаке, штат Иллинойс, чтобы наполнить там бутылку Варевом для анализа. А затем сообщу обо всем отцу как можно скорее.

— Дурочка. Ты не сможешь этого сделать! Был же приказ не отлучаться от меня!

Она отбросила назад свои длинные черные волосы.

— Меня никто так не инструктировал! Если, по моему мнению, ваше присутствие станет угрожать выполнению нашей

миссии, я могу покинуть вас. И я полагаю, что сейчас вы представляете определенную опасность, если не для нашей миссии, то, по крайней мере, для меня.

Я схватил ее за руку и развернул:

— Вы поступаете, как девчонка, а не как майор морской пехоты США! Что это на вас нашло?

Она попыталась высвободить руку. Это еще больше разъярило меня. Но когда она ударила меня кулаком, я совсем обезумел. Хотя ярость и не настолько ошеломила меня, чтобы промахнуться ладонью по ее щекам. Тогда она применила захват, которым могла сломать мне руку, если бы я не знал контрприема. После этого я уложил ее на бок, заломив обе руки за спину.

— Ну так что же? — проскрежетал я. — Порядок?

Она не отвечала, продолжая неистово извиваться, хотя и понимала, что уже не в состоянии вырваться. Затем, поняв свое бессилие, принялась стонать.

— Так что, кажется, я не так уж и плох?

Она прекратила борьбу и очень тихо сказала:

— Да, не так уж.

Я освободил ее руки. Она перекатилась на спину, но не попыталась подняться.

— Вы имеете в виду, — прошептал я, еще не в состоянии поверить, — что вы влюблены в меня так же, как и я в вас?

Она снова кивнула. Я поцеловал ее с тем же совершенно несдерживаемым пылом, с каким секунду назад боролся с нею.

— До сих пор не могу в это поверить, — продолжал я. — Для меня, конечно, совершенно естественно влюбиться в вас, даже если вы каждым своим поступком показываете, что ненавидите меня до мозга костей. Но почему вы влюбились в меня? Или — почему же тогда вы изводили меня?

— Вам не понравится ответ, — заметила Алиса. — Я могла бы сказать вам то же самое, что сказал бы каждый психолог. Мы оба выпускники университета, имеем профессию, интересуемся искусством и так далее. Разумеется, большой разницы не было бы. Но какое это все имеет значение? Поверьте, что я не хотела этого. Я боролась с этим чувством. И я все делала наоборот, а не так, как советует нам старый Джеймс: если хотите быть кем-нибудь, будьте им. Я пыталась во всем поступать так, будто я вас ненавижу.

— Но почему? — потребовал я. — Почему? Она повернула голову в сторону, но я взял ее за подбородок и заставил смотреть мне в глаза. — Говорите честно!

— Вы знаете, что я терпеть не могу лысых. Так вот, на самом деле это не так. Наоборот — ваша лысина мне даже нравилась.

И в этом вся заковырка. Я проанализировала все, что со мной происходит, и решила, что я полюбила вас, так как у меня комплекс Электры. Я...

— Вы имеете в виду, — перебил ее я, повышая голос, — что из-за того, что я был таким же лысым, как ваш отец, и несколько старше вас, у вас появилось ко мне нежное чувство?

— Нет! Не совсем так. Просто я убеждала себя в этом. Это помогало мне притворяться, что я вас люто ненавижу, чтобы потом мне уже не нужно было бы обращать внимание на вашу лысину.

Если сказать, что я был поражен всем этим, то это значило бы ничего не сказать. Если бы я не лежал на земле, то точно упал бы. Алиса Льюис была одним из тех продуктов современности, которые настолько привыкли копаться в собственной психике, что могли рассматривать нескрываемую любовь к родителям как проявление какого-то комплекса и как знак того, что всем им нужно лечиться у ближайшего психоаналитика!

— Я в затруднительном положении, — заявила она, — я не знаю, или вы просто замещаете в моей психике образ отца, или я на самом деле люблю вас, я полагаю, что все-таки я...

Она положила руку на мой лысый череп, чтобы погладить его. Сознывая, что я делаю, я попытался отвести голову в сторону, чтобы показать свою обиду. Однако она хлопнула меня по голове и воскликнула:

— Дэн, у вас на голове пушок!

— Что? — спросил я и провел по голове ладонью. Она была права. Очень слабая поросль покрывала мою голову.

— Значит, — сказал я, одновременно и восхищенный и пораженный, — именно это имела в виду нимфа, когда показывала на мою голову и объясняла, что если бы не это, она бы подумала, что я еще не пробовал Варева! Варев, которое тот самый малый вылил мне на голову. Вот почему это произошло! — я подпрыгнул и закричал:

— Ура! Ура!

И едва затихло эхо от моего крика, как раздался ответный клич, от которого кровь застыла в моих жилах. Это был громкий ослиный смех, знаменитое “и-а”.

— Поливайносел! — воскликнул я, схватив Алису, и мы побежали по дороге. Мы не останавливались до тех пор, пока, спустившись с холма, не очутились на шоссе номер двадцать четыре. Там, отдуваясь от километровой пробежки и испытывая дьявольскую жажду, еще большую, чем прежде, мы зашагали к городу Онабак, который теперь находился менее чем в километре от нас.

Время от времени я оглядывался назад, но каких-нибудь

признаков Осла видно не было. Однако не было и уверенности в том, что он не идет по нашему следу. Он мог бы просто затеряться в огромных толпах людей, которые шли по этому же шоссе. Они несли корзины, бутылки и бидоны, и, как я выяснил из разговора с одним мужчиной, все это были запоздалые зрители, которые спешили, чтобы не пропустить отплытие баржи с костями.

— Прошел слух, что Махруд, Бык, воскресит мертвых у подножия холма, где расположены Источник и Бутылка, из которой хлещет Вареву. Так оно или нет, но поглядеть все равно всем нам очень интересно. Пикничок будет что надо — мяса, Варева и друзей у нас вдоволь.

Я не стал с ним спорить. Оргии определенно стали основным развлечением местных жителей.

Продвигаясь по Адамс-стрит, я многое узнал об обстановке в долине. Спутник мой был очень разговорчив. Впрочем, как и все любители Варева. Он объяснил мне, что отправление обрядов, символизирующих новую веру, начинается на самом низком уровне. Такие как он, Джон Доу, это простые люди, верящие в нового бога. Затем, рангом выше, идут могильщики. Они получают прошения от населения, сортируют их и передают те из них, которые заслуживают внимания, пророкам вроде Предсказателя Шинда, который снова проверяет их. Затем прошения пересылаются полубогам, таким, как Поливайносел, Аллегория, и дюжине других, о которых я никогда не слышал раньше. Они же общаются непосредственно с Махрудом или Пегги.

Махруд относится к божественной деятельности как к большому бизнесу. Он передал различные полномочия своим вице-председателям, таким, как Осел, который ведает Плодородием, или Шинд, который, наверное, сейчас самый счастливый из всех когда-либо живших предсказателей, хотя он и был некогда профессором физики в Трабеле и городским метеорологом. Шинд теперь является единственным синоптиком, чьи прогнозы на все сто процентов. Этому есть свои причины. Он делает погоду сам.

Все было очень интересно, но мозг мой не был в состоянии переварить эту информацию в той степени, в какой она этого заслуживала. С одной стороны, я непрерывно озирался, чтобы удостовериться, что нас не преследует Поливайносел, с другой — меня беспокоило отношение Алисы ко мне. Теперь, когда у меня появились волосы, неужели она перестанет любить меня? А что меня привлекало в ней? Ее отношение ко мне или ее настоящее чувство?

Если бы положение мое не было столь волнующим, я смеялся бы над собой. Кто бы мог подумать, что когда-нибудь я стану

прыгать от радости оттого, что на моей голове опять полно волос, и оттого, что в меня влюбилась красивая девушка?

В следующее мгновение я все-таки подпрыгнул. Но не от радости. Кто-то у меня за спиной издал ослиный крик. В этом "и-а" ошибиться было невозможно. Я обернулся и увидел отливающую золотом фигуру Поливайносела, галопом мчащегося к нам. Нас еще разделяло немало людей, но они с воплями разбегались в разные стороны, открывая ему дорогу. Цокот его копыт по асфальту перекрывал их крики. Когда он нас догнал, то взревел:

— А что теперь, дружок? Что теперь?

Как только он поравнялся со мной, я упал ничком. Он бежал так быстро, что не смог остановиться вовремя. Как он ни упирался копытами, чтобы сохранить равновесие, это ему не удалось. Да тут еще его подтолкнула Алиса. Он опрокинулся, повалив вместе с собой бутылки, корзины с фруктами и кукурузой и клеточки с цыплятами, которые вывалились из рук окружающих нас людей. Визжали женщины, катились корзины, билось стекло, пищали цыплята. Поливайносел затерялся где-то в общей свалке.

Алиса и я продрались сквозь толпу, завернули за угол и помчались по Вашингтон-стрит, которая шла параллельно Адамс-стрит. Здесь народу было гораздо меньше, но все-таки это было лучше, чем ничего. Пройдя квартал, мы снова услышали вопль Осла, кричавшего:

— Дружок, и что теперь? Что же теперь, дружок?

Я мог бы поклясться, что он скачет к нам. Однако вскоре голос его стал утихать, а затем не стало слышно и цокота его копыт.

Изрядно попотев, мы вышли к началу Вашингтон-стрит. Здесь мы увидели, что три моста через Иллинойс разрушены. Один местный житель объяснил нам, что Махруд их разрушил молнией в одну ненастную ночь.

— Он не хотел, чтобы его беспокоили, переправляясь на другую сторону, — сказал он, сделав характерный жест. — Все, что когда-то было Восточным Онабаком, теперь принадлежит владельцу Бутылки.

Его слова подтвердили то, что я уже заметил раньше. Эти люди, хотя и лишены каких-либо сдерживающих начал, во всем остальном сохранили в себе достаточно страха, чтобы предоставить высшим божествам большие возможности для уединения. Что бы ни передавали его жрецы, этого было достаточно, чтобы люди оставались счастливыми.

Когда мы вышли к началу Главной Улицы, которая упиралась прямо в Иллинойс, мы стали подыскивать место для отдыха. Мы оба чертовски устали. Вот-вот наступит рассвет. Нам

нужно было немного поспать, если мы хотели полностью восстановить силы для очередного дня.

Правда, сначала нам пришлось понаблюдать за Источником. Это была тонкая линия Варева, которая подымалась из Бутылки, установленной где-то за вершинами утесов на другой от Онабака стороне реки. Оканчивалась она посреди речных вод. Опускающаяся луна высвечивала на ней все цвета радуги. Как получался этот фокус, я не знаю, но это было одним из самых красивейших зрелищ, которые мне доводилось видеть.

Размышляя над тем, как удастся стабилизировать положение этой линии Варева, я сообразил, что благодаря этому стабильному положению очень легко отыскать Бутылку. Нужно следовать за струей к Источнику. Он находился в полутора милях отсюда. Затем следует уничтожить Бутылку, устранив, таким образом, Источник могущества Быка. После этого просто сесть и ждать, когда морские пехотинцы с планеров не начнут покорения Онабака.

Все было так просто.

Мы поискали еще немного и наконец нашли отличное место в парке на берегу, где можно было бы хорошо отдохнуть. Алиса, примостившись уютно у меня на коленях, проговорила:

— Дэн, мне ужасно хочется пить, а тебе?

Я признался, что меня тоже мучит жажда, но что нам надо терпеть. Затем, через минуту, я спросил:

— Алиса, после того как ты возьмешь пробу, ты намерена тотчас же отправиться назад, в штаб?

— Нет, — ответила она, целуя мне грудь. — Я останусь с тобой. Мне так хочется посмотреть, какие волосы у тебя отрастут, прямые или курчавые. И больше не говори мне об этом.

— Не буду. Но пока мы выполним свои поручения, мы еще как следует страдаем от жажды.

В глубине души я был удовлетворен. Раз она захотела остаться со мной, значит, мои отрастающие волосы вовсе не были препятствием на пути нашей любви. Может, это было настоящее чувство, а не результат травмы или какого-то потаенного комплекса. Может быть...

И вот я в таверне в маленьком городишке Кронкруаксин в Ирландии. Только что я выполнил предсмертное желание моей матушки навестить ее мать, а мою бабу, которая еще была жива, когда я ступил на борт самолета, отправляющегося в Ирландию, и умерла в тот день, когда моя нога коснулась зеленого ковра родины моих предков.

После похорон я остановился у Билла О'Брайена, чтобы перекусить, и Билл, с рогами, как у техасского молодого бычка,

достал бутылку с полки, на которой хранил различные диковины, и промычал:

— Дэни Темпер, взгляни-ка на быка на этом куске стекла! Знаешь, что он обозначает? Это бутылка, которую сделал сам Гобни, кузнец богов. "Пусть течет вечно отсюда волшебное пойло для того, кто знает Слово, для того, кто хранит бога у себя в сердце".

— А что случилось с хозяином? — спросил я, и он ответил:

— Не забегай вперед. Всем прежним богам — ирландским, греческим, германским, русским, китайским, индийским — тесно стало на Земле, поэтому они договорились и покинули нашу планету. Только Пан оставался здесь еще несколько столетий, но и он бежал, когда объявились Новые Боги. Но он не умер, как болтают многие.

А затем, в восемнадцатом веке, Новые Боги, которые теперь уже стали старыми, подумали, что и им лучше было бы покинуть Землю, так так им стало здесь тесно и они начали друг у друга отнимать кусок хлеба. Ведь они так расплодились! Но бутылка Гобни все это время лежала здесь, собирая пыль и легенды, и вот, приятель, всего десять долларов. И что ты собираешься делать с нею?

И тогда я сказал:

— Я запакую ее и перешлю своему старому профессору, чтобы просто пошутить. Его очень развеселит, когда я расскажу, что это подлинная и настоящая, никогда не иссякающая бутылка Гобни.

И Билл О'Брайен подмигнул мне:

— А профессор, видать, трезвенник. Что же на это скажет его старая жена-ведьма?

Я усмехнулся:

— Вот будет смех, если старый профессор и впрямь подумает, что это настоящая бутылка Гобни.

А Билл, который теперь стал Человеком Рациональным, глянул на меня и обратился к свисающей с его плеч белке:

— О, Собираательница Орехов, этот простак совершенно ничего не знает! Ей-богу, у него не хватает ума, чтобы понять, что с самого начала, с того момента, когда ее сделали, эта бутылка предназначалась именно Босуэллу Дархэму. Он подходит и по фамилии и потому, что родился под знаком Тельца, и потому, что он бык по натуре, хотя всегда тщательно скрывал это.

И тогда бармен, который теперь стал лысой Алисой — абсолютно лысой, протянул мне Бутылку.

— Вот, пейте за счет заведения.

И тогда я стал скользить вниз, все ближе и ближе к краю...

— Пей, пей, пей! — кричала Алиса. — Иначе пропадеешь!

Но я не сделал этого и со стоном проснулся. В глаза мне

ударил солнце, а Алиса трясла меня и спрашивала, в чем дело.

Я рассказал ей, что мне приснилось и как в моем сне перемешались фантазия и подлинные события. Я поведал ей, как купил бутылку у О'Брайена и переслал ее профессору. Это была просто мистификация, шутка.

Однако Алиса задумалась над этим сном, так как у нее, так же как и у меня, каждая клеточка тела и мозга была охвачена только одним — жаждой.

Она облизала сухие потрескавшиеся губы, а затем, с тоской посмотрев на реку, где плескались и вскрикивали от радости купающиеся, сказала:

— Не думаю, что мне повредит, если я посижу в реке, а?

— Будь осторожнее, — предостерег я ее.

Мне страшно хотелось присоединиться к ней, но я не мог даже близко подойти к воде. С меня было достаточно того, что я с трудом подавил в себе ужас, когда утренний бриз принес со стороны реки запах Варева.

Пока она стояла в воде по бедра и, черпая воду ладонями, обливала себе грудь, я осмотрел окрестность при дневном свете. Слева от меня был какой-то склад и пристань. У пристани стояла длинная баржа для перевозки угля, покрашенная в ярко-зеленый цвет. Большое количество мужчин и женщин, не обращая внимания на приготовления к празднеству, были заняты тем, что перетаскивали из склада на баржу мешки и продолговатые, похожие на мумии, свертки. Это были останки тех, кого совсем недавно выкопали из всех кладбищ Счастливой Долины. Если полученная мной информация верна, то после официальной церемонии они будут перевезены на противоположный берег.

И это отлично. Я намеревался отправиться туда вместе с ними. Как только Алиса выйдет из воды, я изложу ей свой план, и если она посчитает, что сможет присоединиться ко мне, то мы...

Большая ухмыляющаяся рожа высунулась из воды как раз позади Алисы. Она принадлежала одному из тех шутников, которые ошиваются на каждом пляже и, схватив за ноги, затаскивают в воду зазевавшихся пляжников. Я открыл рот, чтобы издать вопль предупреждения, но было уже слишком поздно. К тому же не думаю, что меня можно было бы услышать сквозь шум толпы.

После того как Алиса отфыркалась и отплевалась, на ее лице появилось выражение крайнего восторга. Через минуту она уже пила воду большими глотками. С меня этого оказалось достаточно. Я обмер, потому что теперь она была в стане противника. Мне пришлось уходить. Сзади слышались ее крики:

— Иди сюда, Дэн, пиво отличное!

Я пробирался сквозь толпу, переживая горечь утраты, пока не вышел к дальнему концу склада, где Алиса не могла увидеть, что я вхожу внутрь здания. Тут я обнаружил корзину для завтрака на куче пустых мешков. Я подхватил один из них, развязал и сунул внутрь корзины. Потом поднял мешок на плечо. Затем незаметно присоединился к очереди рабочих, шедших на баржу, как будто я был одним из них. И вот я проворно избежал со своей ношей по трапу.

Но вместо того чтобы поставить свой мешок туда, куда ставили остальные, я быстро спрятался. Расположившись так, чтобы меня не было видно и с реки тоже, я вынул корзину, а кости вытряхнул из мешка через борт в реку. Выглянув из своего укрытия, я внимательно осмотрел берег. Но Алисы нигде не заметил.

Удовлетворенный тем, что она не сможет меня отыскать, и радуясь, что я не раскрыл ей свои планы прошлой ночью, я взял корзину и, пятясь, заполз в мешок.

Оказавшись там, я отдался во власть трех чувств, разрывавших меня на части, — скорби, голода и жажды. Слезы текли из моих глаз всякий раз, когда я вспоминал об Алисе. В то же самое время я с жадностью проглотил апельсин, куриную ножку и грудинку, полбуханки свежего хлеба и две огромные сливы.

Фрукты в какой-то мере утолили жажду, но полностью облегчить ужасные мучения, испытываемые мною, могла только одна вещь — вода! К тому же мешок был тесный и в нем стало очень жарко. Солнце горело беспощадно, и хотя я старался держать свое лицо поближе к воздуху, мои страдания от этого не уменьшались. Но пока я время от времени мог глотнуть свежего воздуха, я знал, что выдержу. Я не собирался сдаваться, раз уж зашел так далеко.

Я скорчился внутри толстого кожаного мешка, как зародыш в материнской утробе. Эта мысль не давала мне покоя. Я так сильно потел, что мне казалось, будто я плаваю в околплодных водах. Внешние шумы проникали ко мне приглушенно. Всего лишь один раз за все время я услышал громкий крик.

Когда рабочие закончили погрузку, я высунул голову, чтобы глотнуть свежего воздуха и посмотреть на солнце. Похоже, что уже давно перевалило за десять часов, хотя солнце, так же как и луна, было здесь настолько необычно, что я не ощущал полной уверенности. Наши ученые заявили, что особо теплый климат долины и удлинение по форме солнца и луны объясняется особым “волнофокусирующим силовым полем”, висевшим над долиной чуть ниже стратосферы. Такое объяснение казалось ничуть не лучше, чем признание эффективности заклинаний

волшебника, но оно удовлетворило широкие слои общественности и военных.

Церемония началась около полудня. Я съел уже все припасы, лежащие в корзине, но не рискнул открыть бутылку, хранящуюся на самом дне. Хотя, судя по всему, в ней было обычное вино, но не исключено, что в него подмешали Варева.

Время от времени сквозь музыку оркестра пробивались обрывки псалмов. Затем, внезапно, оркестр смолк и раздалось могучее: "Махруд — бык. Бык из Быков, и Шинд — пророк его!!!"

Оркестр снова заиграл. Сейчас это была уже увертюра к "Аиде". Когда она почти закончилась, баржа затрепетала и начала двигаться. Я не ощутил никакого рывка, характерного для буксировки. Тут я вспомнил, что не видел поблизости ни одного буксира, и понял, что присутствую при свершении еще одного чуда. Баржа двигалась сама по себе.

Увертюра закончилась струнным аккордом, кто-то воскликнул: "Троекратное гип-гип-ура в честь Альберта Аллегории!", и толпа трижды проревела здравицу.

Шум утих. Слышалось, как бьются волны о корпус посудыны. В течение нескольких минут это были единственные звуки, которые проникали ко мне в мешок. Затем почти рядом раздались тяжелые шаги, я втянул голову в плечи и замер. Шаги еще больше приблизились, затем все стихло.

Раздался скрипучий нечеловеческий голос Аллегии:

— Похоже, кто-то забыл завязать этот мешок.

Ему ответил другой голос:

— Брось, Эл. Не все ли равно?

Я бы облагодетельствовал человека, которому принадлежал этот голос, если бы не одно обстоятельство. Он был очень похож на голос Алисы.

Затем в отверстии мешка появилась большая зеленая четырехпалая рука и схватила тесемки, намереваясь затянуть их и связать. Одновременно в поле моего зрения попала этикетка, которая была прикреплена к тесьме, и я успел прочесть:

"Миссис Дэниель Темпер".

Я вышвырнул в реку кости матушки!!!

Почему-то это на меня подействовало гораздо больше, чем тот факт, что я теперь нахожусь в завязанном тесном мешке и у меня нет ножа, чтобы выбраться наружу.

Голос Аллегии продолжал бубнить:

— Так что, Пегги, ваша сестра была счастлива, когда вы уходили от нее?

— Алиса обретет счастье, как только найдет этого Дэниеля Темпера, — произнес голос, который принадлежал, как я теперь понял, Пегги Рурке. — После того как мы расцеловались, как

и подobaет сестрам, которые три года не видели друг друга, и я ей объяснила все, что со мной произошло, она начала рассказывать мне о своих приключениях, но я объяснила, что уже знаю о большинстве из них. Она никак не могла поверить в то, что мы внимательно следили за нею и ее возлюбленным, как только они переступили границу.

— Очень плохо, что мы потеряли след Темпера после того, как Поливайносел нагнал их на Адамс-стрит, — сказал Аллегория. — Будь мы на одну минуту раньше, мы бы поймали и его тоже. Ну что ж, пока что мы знаем, что он попытается уничтожить Бутылку. Или выкрасть ее. Так мы его и найдем.

— Если он действительно подберется к Бутылке, — проговорила Пегги, — он станет первым человеком, которому это удастся. Тот агент ФБР, помните, добрался только до подножия холма.

— Если кто-нибудь и может это сделать, — проскрипел Аллегория, — то это будет именно он, Темпер. Так сказал Махруд, который его очень хорошо знает.

— Интересно, удивится ли Темпер, когда узнает, что каждый его шаг, после того как он ступил на Землю Махруда, был не просто реальностью, но и символом реальности? И что мы вели его буквально за нос сквозь аллегорический лабиринт?

Аллегория расхохотался во всю мощь своей глотки.

— Меня интересует, не требует ли Махруд от него слишком много. Надо ли, чтобы он понял смысл своих приключений? Например, в состоянии ли был он осознать, что вступил в эту долину, как новорожденный вступает в мир — лысый и беззубый? Или то, почему он встретил и одолел Осла, который есть в каждом из нас? И то, что для этого ему пришлось потерять ложный источник своей силы и явное бремя — баллон с водой? И что действовать, полагаясь только на свои собственные силы, глупо, надо рассчитывать и на помощь других? И усвоил ли он, что в образе Грабальщиков он встретился с примером наказания человеческого самомнения?

— Он помрет, — сказала Пегги, — когда узнает, что настоящий Поливайносел далеко на юге и что это вы сыграли его роль.

— Что ж, — пробарабанил Аллегория, — я надеюсь, что Темпер сумеет понять, что Махруд сохранил Поливайносела в его ослином виде, чтобы преподать каждому предметный урок, заключающийся в том, что если уж Поливайносел смог стать богом, то и каждый может этого достигнуть. Если же не сумеет, то он просто недостаточно ловкий для этого.

Я отметил про себя, что, как это ни странно, про Осла я так и подумал. А затем пробка в бутылке, лежавшей в корзине,

решила выскочить сама по себе, и содержимое ее, это оказалось Варевом, полилось мне на бок.

Я замер, испугавшись, что эти двое услышат журчание. Но они продолжали беседу, ничего не заметив. Да это было и неудивительно: голос Аллегии громыхал, как приличная гроза.

— В образе Алисы Льюис он встретил Любовь, Молодость и Красоту, которых нигде нет в изобилии, кроме как в этой долине. А Алису завоевать было очень нелегко. Потребовались заметные перемены в ее поклоннике. Она отвергала, манила, подкалывала его, почти лишала рассудка. И ему пришлось одолеть некоторые из своих недостатков, прежде чем он сумел завоевать ее. И вот тогда-то он обнаружил, что придуманные им недостатки в глазах девушки являлись достоинствами! Ну, например, его лысина.

— Как вы полагаете, выяснит он ответ на вопрос, который вы ему задали при первой встрече? — спросила Пегги.

— Не знаю, но хотел бы сперва принять образ сфинкса и задать ему еще несколько вопросов, чтобы у него появился хоть какой-то ключ к тому, что его ожидает. Он бы понял, разумеется, что следует ответить сфинксу. Человек сам является мерилем всех ценностей. Затем он, может быть, понял бы, куда я клоню, когда спросил у него — куда идет Современный Человек?

— И когда он найдет ответ на это, он станет богом?

— Если бы! — загремел Аллегория. — Если бы! Махруд говорит, что Дэн Темпер лишь чуть-чуть отличается от среднего обывателя. Он — реформатор, идеалист, который будет несчастлив до тех пор, пока не бросится с копьем на какую-нибудь ветряную мельницу. И ему придется не только победить ветряные мельницы внутри себя самого — свои беспочвенные страхи и душевные травмы, — ему еще придется опуститься в самые глубины своего сознания и извлечь за волосы бога, утонувшего в бездне собственного эгоизма. Если он не сделает этого, с ним будет покончено.

— О, нет, только не это! Я не знала, что Махруд собирается сделать это!

— Да! — голос Аллегии стал еще громче. — Именно это Махруд хочет сделать! Он говорит, что Темпер должен найти сам себя или умереть! Темпер сам захочет, чтобы это было именно так! Он не удовлетворится тем, что станет одним из беззаботных, полагающих, что бог думает за него. Его не удовлетворит судьба презренного бездельника под этим необузданным солнцем. Он будет или первым в этом новом Риме или предпочтет умереть!

Разговор был интересным, если не сказать больше, но я потерял его нить, ибо из бутылки продолжало литься Варевое. И тут

я неожиданно понял, что оно может просочиться из мешка и выдать мое присутствие.

Я поспешно заткнул горлышко пальцем. Поток жидкости почти прекратился.

— Поэтому, — продолжал Аллегория, — он побежал на кладбище, где встретился с Мокрым Козлом. Козлом, который вечно оплакивает покойников, однако станет негодовать, когда их воскресят. Козлом, который отказывается поднять окоченевшую и занемевшую задницу с надгробной плиты своей так называемой любимой. Мокрый Козел — живой символ самого Дэниела Темпера, который, постоянно печалась, способствовал собственному облысению в раннем возрасте, хотя обвинял в этом свою загадочную болезнь и лихорадку. И если копнуть поглубже, то Темпер не хотел, чтобы воскресла его мать, потому что она всегда была источником неприятностей... для него.

Давление внутри бутылки неожиданно возросло и вытолкнуло мой палец. Вареву стало хлестать так, что мешок быстро наполнился жидкостью. Было непонятно, откуда берется столько Варева. Меня подстерегали две опасности — быть обнаруженным или захлебнуться.

И как будто этих неприятностей было для меня мало! Чья-то тяжелая нога опустилась на мешок, потом ее убрали. И тут же раздался голос. Я узнал его даже после всех прошедших лет. Этот голос принадлежал Босуэллу Дархэму, богу, ныне известному под именем Махруда. Но вот такой сочности и таких басовых нот, как сейчас, в этом голосе не было в те добожественные дни:

— Ладно, Дэн Темпер, маскарад окончен!

Окаменев от ужаса, я молчал и не шевелился.

— Я сбросил вид Аллегии и принял свой собственный, — продолжал Дархэм, — на самом деле это я все время говорил. Я был Аллегорией, которую ты отказался узнать. Я — твой старый учитель! Но, как и тогда, ты всегда наотрез отказывался понимать какие-либо аллегии.

Ну а как тебе понравилась эта, Дэни? Послушай! Ты пробрался на борт ладьи Дархэма-Харона, этой угольной баржи, и залез в мешок, в котором хранились кости твоей родной матушки. И ты выбрасываешь ее кости за борт! Ты отказал ей в воскресении. Разве ты не видел ее имени на этикетке? И почему ты это сделал? Подсознательно или с умыслом? Так вот, Дэни, мальчик мой, ты снова там, откуда начал, — в чреве своей матери, где, как мне кажется, ты снова хотел бы оставаться. Откуда я все это знаю? Крепись, ибо тебя ждет настоящее открытие. Я был доктором, тем самым психологом, который тебя готовил для заброски на эту территорию.

Мне было трудно всему этому поверить. Профессор всегда

был добрым, кротким и забавным, любителем всяких каламбуров и шуток. Однако мне сейчас было не до его юмора. Я чувствовал, что вот-вот утону в Вареве. Пожалуй, в этой шутке он зашел слишком далеко.

Я, как мог, сказал ему об этом своим глухим голосом. На что Дархэм заявил:

— Жизнь — вот единственно настоящее! Жизнь — вот единственно важное! Это ты сам всегда говорил, Дэн. Посмотри же сейчас, какой смысл ты вкладывал в эти слова? Ладно, слушай, сейчас ты ребенок, который должен родиться. Или ты намерен оставаться в этом мешке и умереть, или вырвешься все же из этих околонульных вод в жизнь? Теперь посмотрим на это несколько иначе, Дэн. Я — акушерка, но руки мои связаны. Я не могу непосредственно способствовать твоему появлению на свет. Мне приходится делать это как бы символически. В определенной степени я могу помочь, но тебе, еще не родившемуся ребенку, вероятно, придется только догадываться о значении некоторых моих слов.

Мне захотелось крикнуть, чтобы он перестал паясничать и выпустил меня. Но все же я этого не сделал. У меня есть своя гордость. Я только сипло спросил его:

— Чего вы хотите от меня?

— Ответ на вопросы, которые я в облике Аллегории и Осла задал тебе. Тогда ты сможешь освободить себя. И будь уверен, что я за тебя развязывать этот мешок не буду.

Что это он тогда сказал? Я неистово обшаривал закоулки своей памяти, но Вареву, разлившееся по всему мешку, затрудняло мое мышление. Мне хотелось закричать и порвать мешок голыми руками. Но если я сделаю это, то это будет моим падением, после чего мне уже не воспрянуть.

Я сжал кулаки, сосредоточился и стал прокручивать в своем мозгу события той вчерашней безумной ночи, пытаясь вспомнить, что же говорили Аллегория и Поливайносел.

Что это было? Что?

Аллегория сказал: “Куда вы хотите пойти сейчас?”

А Поливайносел, гоняясь за мной по Адамс-стрит, окликал меня: “Дружочек, а что теперь?”

Ответ на вопрос сфинкса одно слово — человек!

Аллегория и Осел изложили свои вопросы подлинно научным способом, так, чтобы в них содержался ответ.

И ответом этим было то, что человек на самом деле более чем человек. Он способен на многое.

И в следующую секунду, будто понимание этого включило какой-то мощный двигатель во мне, я отторг от себя условный рефлекс и глотнул добрых пол-литра Варева, будто для того,

чтобы утолить жажду, и еще и потому, что захотел отбросить от себя остатки тормозящих условных рефлексов. Я велел бутылке, чтобы она перестала хлестать фонтаном. И, разорвав мешок так, что куски его разлетелись далеко, я поднялся на ноги.

Рядом стоял, улыбаясь, Махруд: я узнал в нем своего старого профессора, хотя теперь он вырос почти до двух метров, на голове у него была копна длинных черных волос, и он несколько подправил черты своего лица, чтобы выглядеть привлекательнее. Рядом с ним стояла Пегги. Она походила на свою сестру Алису, только волосы у нее казались рыжее. Это была очень красивая девушка, но я всегда предпочитал брюнеток, Алису в частности.

— Ты все теперь понял? — спросил он.

— Да, — кивнул я, — но не нужно было столько символизма и чисто внешних эффектов, чтобы поразить воображение. Ведь меня все равно бы воскресили.

— Да, но тогда ты уже никогда бы не стал богом. И не nasledовал бы мне.

— Что вы хотите этим сказать?

— Пегги и я умышленно вели тебя и Алису к этой развязке, чтобы у нас был кто-нибудь, кто мог бы продолжить здесь нашу работу. Нам слегка уже надоело то, что мы здесь делаем, но мы понимаем, что нельзя просто так все бросить. Поэтому я и избрал тебя в качестве своего преемника. Ты — совестливый, ты — идеалист, и ты открыл в себе сокрытые ранее возможности. У тебя будет даже получаться, пожалуй, лучше, чем у меня. Ты создашь мир более прекрасный, чем сумели мы. Ведь ты человек серьезный, а меня всегда тянуло к шуткам и каламбурам.

Пегги и я, — продолжал Дархэм, — хотим отправиться в своего рода Большое Турне, чтобы навестить прежних земных богов, которые рассеяны по всей Галактике. Все они, ты понимаешь, молодые боги по сравнению со Вселенной. Можно сказать, что они только закончили школу и теперь посещают центры подлинной культуры, чтобы отшлифовать свое мастерство.

— А что же будет со мной?

— Ты теперь Бог, Дэнни. Ты теперь сам принимаешь решения. А у нас с Пегги есть много мест, куда мы хотели бы отправиться.

И они исчезли. Я еще долго стоял, глядя на реку, на холмы, на небо и на город, где собрались толпы зрителей. Теперь это все было моим. **МОИМ!**

Включая и одну черноволосую фигуру — и какую фигуру! — которая стояла на пристани и махала мне рукой.

На следующий день я сидел на вершине холма, осматривая всю долину. Как только появились планеры с морской пехотой, я схватил их с помощью — как это у вас там называется? — психогенеза и одного за другим окунул в реку. А когда морские пехотинцы, размахивая руками, стали плыть к берегу, я посрыгивал с них кислородные маски и забыл бы о них, если бы вовремя не вспомнил, что многие из них вовсе не умеют плавать. Этих я повыбрасывал на берег, настолько добр я был в этот в общем-то весьма неприятный для меня день.

Настроение у меня было препоганое. Даже несмотря на целебное Вареву, ноги мои все еще ныли, а нервная система по инерции испытывала жажду.

Но не это было главной причиной моего дурного настроения. Обе мои челюсти адски ныли, ибо у меня прорезались зубы.

БРАТ МОЕЙ СЕСТРЫ

От автора

Из всех моих коротких повестей этой (после “Оседлавших пурпурных”) я отдаю предпочтение. Странная повесть, она имеет любопытную историю. Вначале она была послана Джону Кэмпбелу, бывшему тогда редактором “Эстоудинга” (сейчас “Аналог”). Он отклонил ее — с сообщением, что она вызвала у него тошноту — не потому, что это плохая история, а в связи с яркими биологическими деталями и предположениями. Он полагал, что читатели “Эстоудинга” будут реагировать так же, как и он. Я не был удивлен: это был не первый мой рассказ, вызвавший у Джона тошноту.

Опечаленный, так как мне нравились редакторы “Эстоудинга”, я разослал повесть, заранее оплатив ответ, по всем возможным пунктам сбыта. Я миновал Горация Голда, редактора “Гэлакси” и очень хорошего покупателя, так как знал, что издательский живот Горация был не крепче, чем у Джона. Это было мне известно из опыта. Джон считался ярым реакционером, а Гораций — ярим либералом. Конечно, оба были индивидуальностями, увливающими от хватки любого, кто старался удержать их, пока к ним прищипливают ярлык. В этом случае общей причиной отказа был страх перед реакцией их читателей.

Боб Миллс, редактор “Журнала фантазии и научной фантастики”, тоже отбросил повесть. Она ему понравилась, но была слишком крепкой для его читателей. В это время Лео Маргулис планировал издание нового научно-фантастического журнала “Сателлит” и, услышав о “Брате моей сестры” — тогдашнее

заглавие было “Открой мне, сестра”, — сказал Бобу, что должен прочесть ее. Он купил ее, и повесть, переименованная в “Странное рождение”, была уже в гранках и проиллюстрирована для первого выпуска. Но планы Лео провалились: “Сателлит” был аннулирован.

Боб Миллс, пока все это происходило, изменил свои намерения. Он вынужден был сделать это. Выплатив разницу между ценой, уплаченной Лео и им самим, он опубликовал повесть под первоначальным названием. Большинство читателей было шокировано меньше, чем предполагали редакторы. Это было в тысяча девятьсот шестидесятом году, когда многие запреты были сняты. Склад ума основной читательской массы изменился, появилось больше гибко мыслящих людей.

Не хочу сказать, что реакция редакторов, отвергших эту повесть, была просто реакцией на две главные проблемы в ней: странное общество планеты Марс и еще более странный посетитель Марса — Марсиа. Эта повесть имеет твердую научно-фантастическую основу, но повествует она об инертности землян, внеземных экосистемах, сексобиологических системах, структурах и религии.

Итак, когда эта история была написана, Гавайи не были еще пятидесятым штатом, но это казалось вероятным.

Итак, воспроизводящая фаллическая система людей Марсии — это оригинальная концепция, так же как и оригинальна Джанетта Растигнак в “Любовниках”.

В то время, когда я писал две эти повести, я был в своей сексобиологической фазе. И она может наступить вновь — без шуток.

Подумайте только, фаза эта снизошла на меня на короткое время в шестидесятых, когда я писал романы “Образ зверя” и “Дувший”.

Шестая ночь на Марсе. Лейн плакал.

Он громко всхлипывал, а слезы бежали по его щекам. Кулаком правой руки он трахнул по ладони левой, так что обожгло плоть. И завыл от одиночества, изрыгая самые непристойные и богохульные ругательства, какие только знал.

После этого он перестал рыдать, вытер глаза, сделал глоток шотландского виски и почувствовал себя много лучше.

Он не стыдился того, что рыдал, словно женщина. После того, что произошло здесь, мужчина мог не стыдиться плача. Он должен был растворить в слезах царапающие душу камни; ему следовало быть тростинкой на ветру, тростинкой, а не дубом, который буря ломает или выворачивает с корнем.

Сейчас боль и тяжесть в груди ушли. Чувствуя себя почти

утешенным, он отправил с помощью передатчика рапорт на судно, вращающееся по круговой орбите вокруг Марса на расстоянии пятисот восьми миль. И решил, что люди должны занять свое место во Вселенной. После всего этого он лег на койку и открыл единственную личную книгу, которую ему было позволено взять с собой, — Антологию шедевров мировой поэзии. Он читал то тут, то там, выхватывая то строчку, то две и закончил словами, которые шептал тысячекратно. Эти избранные места он читал, словно смаковал волшебный нектар:

Это голос моего возлюбленного,
Стуча, говорит он:
“Открой мне, моя сестра, моя любовь,
моя голубка, моя невинная...
Сестра есть у нас,
которая еще мала,
И грудей нет у нее;
что нам делать с сестрой,
Когда будут свататься за нее!
Да, подумал я, проходя долиной
теней смерти,
Не убоюсь я дьявола — лишь бы
ты была со мной...
Пойдешь со мной и будешь
моей любовью,
И испытаем мы все наслаждение...
Это не в наших силах любить
или ненавидеть.
Желаниями в нас управляет рок.
С тобой беседуя, забыл я о времени,
О временах года и смене их —
все они нравились мне
равно...

Он читал о любви, о мужчине и женщине, пока почти не забыл о своих проблемах. Его веки опустились, книга выпала из рук. Но он заставил себя подняться, опустился на колени, выбравшись из кровати, и молился о том, чтобы его богохульство и отчаяние были поняты. И о том, чтобы четверо его пропавших товарищей нашли защиту и обрели безопасность.

На рассвете он с неохотой проснулся от звонка будильника. Тем не менее он не погрузился обратно в сон, а поднялся, повернулся к передатчику, наполнил чашку водой и опустил в нее нагревающуюся таблетку. Он только закончил пить кофе, когда услышал из передатчика голос капитана Строянски. Строянски

говорил с едва заметным славянским акцентом:

— Кардиган Лейн? Вы проснулись?

— Более или менее. Как дела у вас?

— Если бы не беспокойство обо всех вас, все было бы прекрасно.

— Я знаю. Какие будут распоряжения?

— Необходимо сделать только одну вещь, Лейн. Вы должны отправиться на поиски других. Иначе вы не сможете вернуться к нам. Необходимо не менее двух человек, чтобы пилотировать ракету.

— Теоретически и один человек может управлять, — заметил Лейн. — Но это ненадежно. Как бы то ни было, я отправлюсь на поиски остальных. И сделаю это, даже если вы прикажете мне что-то иное.

Строянски хмыкнул. Затем заревел, словно тюлень:

— Успех экспедиции более важен, чем судьба четырех человек. Теоретически, конечно. Но если бы я был в вашем положении — а я рад, что это не так, — то поступил бы так же. Что ж, счастья, Лейн.

— Спасибо, — ответил Лейн. — Мне нужно нечто большее, чем счастье. Мне нужна помощь Бога. Я надеюсь, Он здесь, даже если местность эта выглядит покинутой Богом.

Лейн посмотрел сквозь прозрачные двойные стены дома.

— Ветер достигает примерно двадцати пяти миль в час. Пыль заносит следы вездеходов. Я должен двинуться до того, как они будут скрыты полностью. Мои запасы упакованы: воды, пищи и воздуха хватит на шесть дней. Это внушительный багаж: баллоны с воздухом и спальный тент выглядят громоздко. На Земле это весило бы сотни фунтов, здесь же — всего около сорока. При мне веревка, нож, кирка, ракетница, полдюжины ракет. И уоки-токи*. Пройти тридцать миль — на это потребуется около двух дней; но именно там в последний раз видели следы. Два дня на осмотр окрестностей. Два дня — на возвращение.

— Вы должны вернуться через пять дней! — выпалил Строянски. — Это приказ. Он дает вам не более одного дня на разведку окрестностей. И никакого своеволия. Пять дней!

И затем добавил смягчившимся голосом:

— Счастливо, и если здесь есть Бог, да поможет он вам!

Лейн попытался придумать ответ что-то вроде: "Доктор Лингстон осмелится..." Но все, что он сумел сказать, было: "Пока".

Двадцатью минутами позже он закрыл за собой дверь шлюзового отсека дома, влез в лямки солидного тюка и двинулся. Но

---

*Уоки-токи ("Ходилка-говорилка") — карманный передатчик.

когда он был примерно в пятидесяти ярдах от базы, то почувствовал непреодолимое желание повернуться и бросить взгляд на то, что он мог больше никогда не увидеть. Там, на желто-красной равнине, стоял приплюснутый пузырь, который должен был служить домом для пяти человек в течение года. Поблизости укоренился глайдер, что доставил их вниз. Его гигантские крылья широко распластались, тормозные башмаки были покрыты принесенной издалека пылью.

Прямо перед Лейном была ракета. Она стояла на своих амортизаторах, устремив нос в темно-голубое небо, и в ее блеске чувствовалась сила, возможность бегства с Марса, возвращение к орбитальному кораблю. Ракета была опущена на поверхность Марса на горбу глайдера. Скорость при посадке достигала ста двадцати миль в час. После приземления два вездехода на гусеничном ходу весом в шесть тонн каждый позаботились о ней — стащили с глайдера и установили вертикально, используя лебедки, которыми были оснащены. Сейчас ракета ждала его и других четверых людей.

— Я вернусь, — прошептал он ей. — И если сделаю это, то подниму тебя сам.

Он двинулся в путь, следуя по широкой двойной колее, оставленной вездеходом. Колеи были неглубокими — двухдневной давности, и нанесенная ветром кремневая пыль почти засыпала их. Колеи, оставленные первым вездеходом три дня назад, уже полностью исчезли.

След вел на северо-запад. Он пересекал равнину шириной в три мили между двух холмов и скрывался в коридоре шириной в четверть мили между двух рядов растительности. Ряды бежали прямо от горизонта к горизонту.

Лейн, приблизившись к одному из рядов, увидел, что же это за растительность. Основанием служила труба высотой в три фута, основная масса которой, как у айсберга, была погружена в грунт. Изгибающиеся стенки ее были покрыты зелено-голубым подобием лишайников, которые облепляли каждый выступ трубы. Из этих выступов в трубе, которые следовали через равные интервалы, росли стволы растений. Стволы эти были блестящими, гладкими, зелено-голубыми колоннами двух футов толщиной и шести в высоту. С их вершин расходились во все стороны, словно пальцы летучих мышей, многочисленные ветви с карандаш толщиной. Между ветвями была натянута зелено-голубая мембрана — единственный гигантский лист дерева-умбrelлы.

Когда Лейн впервые увидел все это из глайдера, то подумал, что они походят на армию гигантских рук, поднятых, чтобы схватить солнце. Они были очень длинными — каждая поддер-

живающая прожилка простиралась на пятьдесят футов. И они действительно были руками, протянутыми в мольбе, дабы схватить золото крошечного солнца. В продолжение дня прожилки на стороне, ближайшей к движущемуся солнцу, опускались прямо к поверхности планеты, а на дальней — поднимались вверх. Естественно, что эти ежедневные маневры происходили из стремления подставить всю поверхность мембраны под свет, не оставив ни дюйма в тени.

Считалось, что здесь будут найдены новые формы растительной жизни, но обнаружение структур, построенных животными формами, не предполагалось. Особенно когда они так велики и покрывают восьмую часть планеты.

Этими структурами были трубы, из которых поднимались стволы зонтичных. Лейн пытался просверлить похожую на скалу поверхность. Она была настолько твердой, что он сломал одно сверло и привел в негодность второе, прежде чем отколол маленький кусочек. На время удовлетворенный этим, он захватил его в дом, чтобы исследовать под микроскопом. Бросив взгляд на образец, он изумленно присвистнул. В цементоподобную массу были запрессованы частицы растений. Некоторые были разрушены, некоторые — целы.

Дальнейшие исследования показали, что эта штука представляет собой смесь целлюлозы, различных нуклеиновых кислот и незнакомых материалов.

Он доложил о своем открытии и предположениях на орбитальный корабль. Когда-то некие формы животной жизни пережевывали и частично переваривали древесину, а затем использовали эту массу как связующий элемент — цемент. Из этой разновидности цемента и были сделаны трубы.

На следующий день Лейн хотел вернуться к трубе и проделать в ней дырку. Но двое отправились на полевые исследования. Лейн, бывший радиооператором в этот день, остался в лагере. Он поддерживал контакт с этими двумя, которые выходили на связь каждые пятнадцать минут.

Вездеход двигался около двух часов и должен был пройти примерно тридцать миль, когда связь прервалась. Двумя часами позже второй вездеход еще с двумя людьми проследовал по следам первой машины. Они прошли около тридцати миль от базы и поддерживали с Лейном непрерывный радиокontakt.

— Впереди небольшое препятствие, — сказал Гринберг. — Эта труба идет направо под прямым углом к той, параллельно которой мы двигаемся. Из дальней трубы не растут деревья. Чуть приподняться, потом опуститься с другой стороны. Мы с легкостью сделаем это...

Затем он закричал — страшно, пронзительно.

И все.

Сейчас, днем позже, Лейн пешком следовал по заносимому пылью следу. Позади остался базовый лагерь, расположенный поблизости от пересечения двух каналов, известных как Авернус и Тартарус. Лейн находился между двумя рядами растительности, которые формировали Тартарус, и направился на северо-запад, в сторону так называемого Моря Сирен. Море, как он предполагал, должно было представлять собой совокупность труб, порождающих деревья.

Он шел ровным шагом, а солнце поднималось все выше, и воздух стал теплее. Лейн давно отключил подогрев своего костюма. Было лето, и он находился вблизи от экватора. В полдень температура здесь должна была достичь семидесяти градусов по Фаренгейту.

В сумерках, когда температура сухого воздуха упала до нуля, Лейн уже был в своем спальном мешке. Этот кокон имел форму колбасы и был немногим длиннее, чем тело Лейна. Мешок был надут воздухом, так что в нем можно было снять шлем, что Лейн и сделал. Он отогревался у нагревателя на батареях, ел и пил. Мешок был также очень гибким — кокон согнулся под углом, пока Лейн сидел на складном стуле, к которому крепился пластиковый мешок, и делал то, что должен делать каждый человек.

За целый день он не успел использовать спальный мешок для этого. Его костюм был сконструирован так, что он мог отстегнуть нижнюю секцию и выставить наружу необходимую часть, не выпуская воздуха и не изменяя давления в оставшейся части костюма. Но о том, чтобы поступать так ночью, не могло быть и речи. Конечно, и мысли не было, что тем самым он спровоцирует чье-то нападение, но нельзя было вводить в искушение марсианскую ночь. Шестидесяти секунд в полночь было достаточно, чтобы жестоко обморозить то место, на котором он сидел. Оставались только сумерки.

Лейн спал еще с полчаса после рассвета, потом поел, спустил мешок, сложил и упаковал его, батареи, нагреватель, контейнер с пищей, засунул в свой тюк стул, выбросил пластиковый пакет, взвалил тюк на плечи и возобновил движение.

К полудню следы пропали полностью. Но это уже не имело значения, так как здесь был один только путь, по которому мог двигаться вездеход. Коридор между трубами и деревьями.

Наконец Лейн увидел то, о чем сообщали оба вездехода. Деревья с правой стороны выглядели мертвыми. Стволы и листья были коричневыми, прожилки поникли.

Он пошел быстрее, и сердце его сильно забилося. Прошел час,

а линия мертвых деревьев все уходила вдаль, насколько он мог видеть.

— Это, должно быть, здесь, — сказал он себе громко.

Затем он остановился. Впереди было препятствие.

Это была труба, о которой говорил Гринберг. Она шла под прямым углом к двум другим и соединяла их.

Лейн посмотрел на нее и подумал, что может вновь услышать отчаянный крик Гринберга.

Эта мысль, казалось, открыла в нем сдерживающий клапан. И бесконечное давление одиночества, которое он сдерживал до того момента, наконец прорвалось. На темно-голубое небо сошла тьма и безграничность самого космоса, а он был крошкой плоти в этой безграничности, крошкой, которая знала об окружающем его мире не больше, чем о нем знает новорожденный.

Крошечный и беспомощный, словно дитя.

Нет, шепнул он себе, не дитя. Крошечный — да. Беспомощный — нет. Не дитя. Я человек. Человек, землянин...

Землянин Кардиган Лейн. Гражданин США. Родился на Гавайях, в пятидесятом штате. Смешение предков: немцы, датчане, китайцы, японцы, негры, индейцы-чироки, полинезийцы, португальцы, русские, евреи, ирландцы, шотландцы, норвежцы, финны, чехи, англичане и уэльсцы. Возраст тридцать один год. Пять футов шесть дюймов. Сто шестьдесят фунтов. Шатен. Голубоглазый. Ястребиные черты лица. Доктор медицины и доктор философии. Женат. Детей нет. Методист. Общителен. Плохой радиоспециалист. Воспитывает собаку. Охотник на оленей. Любитель поэзии. Все это сконцентрировано в его коже, да еще любовь окружающих и жизнь, наполненная пытливым любопытством. И храбрость. И сейчас он очень боялся потерять что-либо, исключая одиночество.

Некоторое время он стоял неподвижно, словно статуя, перед стенкой трубы трехфутовой высоты. Наконец он покачал головой, отряхивая свой ужас, как собака воду. Легко, несмотря на огромный мешок на спине, он вспрыгнул на трубу и посмотрел на другую сторону, но там не было ничего, что бы он не видел до этого прыжка.

Открывшаяся перед ним картина отличалась от того, что осталось позади, только одним количеством маленьких растений, покрывавших грунт. До этого, подумал Лейн, посмотрев еще, он никогда не видел растений таких размеров. Они были высотой в целый фут и походили на высокие умбреллы. Но они не были разбросаны случайным образом, как можно было бы ожидать, если бы они проросли из семян, разнесенных ветром. Нет, они росли ровными рядами: верхушки растений одного ряда отстояли от другого примерно на два фута.

Сердце Лейна забилося быстрее. Такое расположение означало, что они были высажены разумной формой жизни. И все же разумная жизнь здесь казалась слишком невероятной, учитывая особенности марсианской среды. Возможно, какие-то природные условия могли вызвать кажущуюся искусственность этого сада. Он обязан понаблюдать.

Но делать это надо осторожно. От него сейчас зависит так много: жизни четверых людей, успех экспедиции. Если она провалится, то может оказаться последней. Многие люди на Земле громко стонали по поводу издержек на космические исследования, но это не помешает им разразиться воплями восторга, если добытые результаты станут означать деньги и могущество.

Поле, или сад, простиралось примерно на три сотни ярдов. На его дальнем конце находилась другая труба, идущая под прямым углом к двум другим. И там гигантские зонтики обретали свой живой, сверкающий зелено-голубой цвет.

Внимательный осмотр рассказал Лейну о многом. Прямоугольник из высоких труб задерживал ветер и основную массу пыли. Стены удерживали тепло внутри прямоугольника.

Лейн осмотрел поверхность трубы в поисках голых мест, то есть тех, где металлические траки гусеничных вездеходов ободрали марсианский эквивалент лишайника. Он не нашел ничего, но не удивился. Эти растения росли феноменально быстро под летним солнцем.

Он глянул вниз, на поверхность сада, в сторону от трубы — скорее всего, вездеходы спускались именно здесь. Но тут не было и признаков прохода вездеходов; маленькие зонтики росли всего в двух футах от основания трубы, и они оказались неповрежденными. Проверив еще раз, он так и не обнаружил никаких следов.

Он остановился поразмыслить над следующим шагом и с удивлением обнаружил, что дышит очень тяжело. Быстрая проверка давления показала, что причина этого вовсе не кроется в иссякшем баллоне. Нет, это просто опасение, чувство сверхъестественного, чего-то неправильного, что заставляло его сердце биться так быстро, что ему требовалось больше кислорода.

Куда могли деться два вездехода? Что могло послужить причиной их исчезновения?

Может, их остановила какая-либо форма разумной жизни? Если это случилось, неизвестные создания унесли шеститонные вездеходы или увели их прочь, или заставили людей вести их.

Куда? Как? Кто?

Он почувствовал, как встают дыбом волосы у него на затылке.

— Это, должно быть, случилось здесь, — прошептал он. — Первый вездеход доложил, что видит эту трубу, преграждающую путь, и что следующее сообщение от него будет через десять минут. Но больше связи не было. Второй отключился, когда переваливал через трубу. Итак, что же случилось?

На поверхности Марса нет городов и не обнаружено никаких признаков подземной цивилизации. Орбитальный корабль нашел бы такие места с помощью телескопа.

Лейн завопил так громко, что был почти оглушен собственным голосом, отразившимся от внутренней поверхности его шлема.

Затем он замолчал, наблюдая за вереницей голубых шаров размером с баскетбольный мяч, поднимавшихся из почвы в дальнем конце сада.

Он задрал голову вверх, насколько позволил шлем, и наблюдал за взлетающими шарами, которые, оторвавшись от поверхности, разбухали, казалось, до сотен футов.

Внезапно, словно мыльный пузырь, исчез самый верхний шар.

Второй шар, когда достиг размеров первого, также исчез. Другие тоже постепенно исчезали.

Он насчитал сорок девять шаров, когда те перестали появляться.

Лейн подождал пятнадцать минут. Уже стало казаться, что больше ничего не случится, и он решил, что должен исследовать то место, где шары, казалось, вылуплялись из почвы. Сделав глубокий вдох, он согнул колени и прыгнул в сад, легко приземлившись в двенадцати футах от края трубы между двух рядов растений.

Секунду он не мог понять, что случилось, хотя и отметил, что происходит нечто странное. Затем он повернулся. Вернее, попробовал это проделать. Одна нога немного поднялась, но другая погрузилась глубже.

Он сделал шаг вперед: передняя нога тоже исчезла в топком веществе под красно-желтой пылью. Другая нога погрузилась слишком глубоко, чтобы можно было вытащить ее.

Затем он погрузился по бедра и ухватился за стволы растений по обе стороны от себя. Они легко, с корнем, вылезли из почвы — в каждой руке у него оказалось зажатое растение.

Он отбросил их и рванулся вперед в надежде освободить ноги, лег, вытянувшись на желеподобное вещество. Возможно, так он сможет избежать погружения. Тогда он сумеет продолжить попытки проложить путь к трубе. Там, рядом с трубой, он надеялся, поверхность станет тверже.

Его усилия увенчались частичным успехом. Ноги вынырну-

ли из липкой топи. Лейн лежал на спине, распластавшись, словно орел, и смотрел в небо сквозь прозрачный свод шлема. Солнце было слева от него; повернув голову, он смог увидеть его. Солнце опускалось из зенита с меньшей скоростью, чем на земле, так как марсианский день был длиннее земного. Лейн надеялся, что если не сможет выбраться на твердый грунт, то будет пребывать во взвешенном состоянии до наступления вечера. Вечером эта трясина замерзнет достаточно, чтобы он смог подняться и выбраться из нее. При условии, что встанет он до того, как сам замерзнет намертво.

А пока он должен испытать испытанный метод самостоятельного спасения пойманного зыбучими песками. Он должен быстро перевернуться один раз и затем распластаться вновь. Повторяя этот маневр, он сможет постоянно достичь голой полосы почвы у трубы.

Мешок на спине помешает ему перевертываться, но лямки на плечах можно отстегнуть.

Так Лейн и поступил. И сразу же почувствовал, как ноги его начали погружаться. Вес тянул их вниз, в то время как воздушные баллоны в мешке и баллоны, пристегнутые к его груди, а также шлем, наполненный воздухом, придавали плавучесть верхней части тела.

Он перевернулся на бок, ухватился за мешок и втащил себя на него. Мешок, конечно, ушел вниз. Но его ноги, покрытые тонким слоем жидкости и пятнами грязи, освободились. Он устроился на верху узкого островка, оставшегося от мешка.

Густое желе поднялось до колен, пока он рассматривал два возможных варианта действий.

Он мог скорчиться на мешке и надеяться, что тот не погрузится слишком глубоко, так как его остановит слой вечной мерзлоты, который должен здесь существовать...

Как глубоко? Он погрузился до бедер и не почувствовал под ногами ничего твердого. И... Он застал. Вездеход! Теперь он знал, что случилось с ними. Они перевалили через трубу и нырнули в сад, не подозревая, что выглядывшая твердой поверхность сада скрывает эту трясину. И тут они начали погружаться. Это осознание происшедшего привело в ужас Гринберга и заставило его закричать. Вскоре топь сомкнулась над вездеходом и его антенной, и трансмиттер, без сомнения, вырубился.

Лейн понял, что должен найти другой вариант. Необходимо попытаться выбраться на узкую полосу почвы возле трубы. Но и это может оказаться бесполезным. Почва может оказаться такой же вязкой, как и поверхность сада. Ведь вездеходы должны были опуститься именно на нее.

Лейну пришла еще одна мысль: вездеходы должны были

нарушить порядок в рядах маленькой умбреллы рядом с трубой. Но все было цело. Следовательно, кто-то должен был спасти растения или высадить их вновь.

Это означало, что кто-то мог появиться вовремя и спасти его. "Или убить", — подумал он.

В любом случае его проблема будет решена.

К этому времени он окончательно решил, что было бы бессмысленно прыгать с мешка на полосу почвы рядом с трубой. Единственно возможным оставалось держаться наверху мешка и надеяться, что он не погрузится слишком глубоко.

Как бы то ни было, но мешок погружался. Желе мягко поднялось до колен Лейна, затем темп погружения начал замедляться. Он молился, но надеялся не на чудо, а на то, что плавучесть мешка плюс плавучесть баллона на его груди смогут удержать его от полного погружения.

До окончания молитвы погружение прекратилось. Липкое вещество не поднялось выше груди и оставило его руки свободными.

Он вздохнул с облегчением, но не почувствовал безграничной радости. Менее чем через четыре часа запас воздуха в его баллоне истощится. Не имея возможности достать другой баллон из мешка, он погибнет.

Лейн с силой оттолкнулся от мешка и выбросил свои руки вверх, в надежде, что тем самым освободит ноги и сможет какое-то время продержаться, слегка нагнувшись, словно орел в полете. Если он сможет так сделать, мешок, освобожденный от его веса, всплывет. И он сумеет извлечь из него другой баллон.

Но его ноги, удерживаемые вязкой субстанцией, не поднялись достаточно высоко, а тело, сместившееся в сторону в результате толчка, несколько отодвинулось от мешка. И все же этого оказалось достаточно для того, чтобы его ноги, не найдя опоры, начали погружаться вновь. Сейчас Лейн полностью зависел только от подъемной силы своего баллона с кислородом.

Она оказалась недостаточной, чтобы удержать его на прежнем уровне: на этот раз он погрузился вместе с руками, плечи тоже готовы были скрыться, и только его шлем выступал наружу.

Лейн был беспомощен.

Спустя несколько лет вторая экспедиция или еще кто-нибудь, возможно, смогут увидеть отражающиеся от его шлема солнечные лучи и найдут его тело, увязшее, словно муха в клее.

"Если это случится, — подумал он, — я принесу хоть какую-то пользу: моя смерть предостережет их от этой ловушки. Но я сомневаюсь, что они обнаружат меня. Думаю, что Кто-то или Что-то извлечет меня и спрячет".

Затем, испытывая приступ отчаяния, он закрыл глаза и прошептал несколько стихотворных строк, которые читал в последнюю ночь на базе. Впрочем, он знал их настолько хорошо, что было неважно, читал ли он их недавно или нет.

Да, подумал я, проходя долиной
теней смерти,
Не убоюсь я дьявола — лишь бы
ты была со мной...

Повторение этих слов не сняло бремени безнадежности. Он ощущал абсолютное одиночество, его покинул даже его Создатель. Такова была безлюдность Марса.

Но когда Лейн открыл глаза, то понял, что он не одинок. Он увидел марсианина.

Отверстие открылось в отсеке трубы слева от него. Это оказалась круглая секция около четырех футов в диаметре, и она открывалась внутрь, как если бы это была затычка, вывернутая, когда в этом появлялась необходимость.

Секундой позже из дырки вылупилась голова. Размером с арбуз из Джорджии, очертаниями она напоминала футбольный мяч и была розового цвета, словно попка ребенка. Каждый из двух его глаз, величиной с кофейную чашку, имел по два вертикальных века. Он открыл два клюва, похожие на клювы попугая, облизнулся очень длинным трубчатым языком, после чего клювы с щелчком захлопнулись. Затем он высочил из отверстия, демонстрируя тело, тоже похожее на футбольный мяч, только в три раза больше головы.

Розоватое тело держалось в трех футах от поверхности, опираясь на десять веретенообразных паучьих лап, по пять с каждой стороны шара. Эти лапы оканчивались широкими округлыми подушечками, на которых тело бегало по желеобразной поверхности, только слегка погружаясь в нее. За ним высыпало, по крайней мере, пятьдесят других таких розовых шариков.

Они подняли маленькие растения, которые Лейн выворотил, борясь за жизнь, и чисто вылизали их своими узкими, сворачивающимися в трубку языками, которые высовывались по меньшей мере на два фута. Лейну показалось, что они и между собой общаются, касаясь друг друга языками, как это делают насекомые, которые общаются с помощью усиков.

Так как Лейн оказался между двумя рядами растений в этой суе, связанной с пересадкой, на него почти не обращали внимания. Несколько существ пробежали языками по его шлему, но это было единственное доказательство, что его заметили. В результате он перестал опасаться, что они атакуют его своими весьма мощно выглядящими клювами. Теперь Лейна бросало в пот при мысли, что они могут полностью игнорировать его.

Это как раз и произошло. После возвращения тонких корешков растений в вязкое вещество существа помчались наперегонки к отверстию в трубе.

Лейн, переполненный отчаянием, закричал им вслед, хотя и знал, что шлем и разреженный воздух не позволяет им слышать его, даже если у них есть слуховые органы.

— Не оставляйте меня здесь умирать!

Без сомнения, именно так они и поступали. Последний из них проскочил в отверстие, и вход закрылся, уставившись на Лейна подобно круглому черному глазу самой Смерти.

Он неистово завозился, пытаясь вырваться из трясины, не задумываясь, что тем самым он только истощает себя.

Внезапно он прекратил борьбу и устоялся на отверстии.

Оттуда выползла фигура. Фигура в защитном костюме.

Теперь он закричал от радости. Марсианин это или нет, но появившийся был скроен как представитель хомо сапиенс. Он, несомненно, был разумен, а следовательно, любопытен.

Лейну не пришлось разочаровываться. Появившийся встал на две полусферы из блестящего красного металла и скользящими движениями направился к нему. Добравшись до Лейна, он вручил ему конец пластиковой веревки, прикрепленной к его руке.

Лейн чуть не отшвырнул веревку. Скафандр его спасителя оказался прозрачным. Лейн даже немного испугался, увидев строение тела этого создания, но зрелище двух голов под шлемом заставило его побледнеть.

Марсианин, скользя, направился к трубе, через которую перепрыгнул Лейн. Он ловко подскочил и пристроился на верху трубы в три фута высотой. Потом он начал вытягивать Лейна. Тот выползал медленно, но неуклонно, изо всех сил сжимая веревку. Когда Лейн достиг трубы, его тянули вверх до тех пор, пока он не смог поставить ноги в два полушария. С них прыгнуть и устроиться рядом с марсианином оказалось легко.

Существо сняло два больших полушария со своей спины, передало их Лейну, а затем спустилось на те два, что остались в саду. Лейн последовал за ним через топь.

Проникнув в отверстие, Лейн очутился в столь узкой камере, что был вынужден согнуться. Она явно была сконструирована не для его спутника, так как и тот согнул свою спину и колени. Лейн оказался прижатым к стене этого шлюза. Они подняли тяжелую затычку, сделанную из того же серого материала, что и стены трубы, и заделали ею отверстие. Оказавшиеся здесь десятиногие существа нить за нитью вытягивали из своих ртов серое паутинообразное вещество и закрепляли им затычку.

Двуногий жестом приказал Лейну следовать за ним и скользя-

нул в туннель, который уходил в почву под углом в сорок пять градусов. Неизвестный освещал проход фонарем, который висел на его поясе. Вскоре они достигли большой камеры, куда сходились туннели не менее чем от пятидесяти шлюзов. Двухногий, как бы почувствовав любопытство Лейна, стянул перчатку и подержал руку перед несколькими маленькими отверстиями в стене. Лейн тоже снял свою перчатку и ощутил теплый воздух, дующий из дырок.

Несомненно, это была переходная камера, построенная десятиногими существами. Но это вовсе не означало, что эти существа обладали индивидуальным разумом. Это могло означать и групповой разум, каким обладают земные насекомые.

Тем временем камера наполнилась воздухом. Была вытащена еще одна затычка. Лейн и его спаситель покинули переходную камеру и попали в другой туннель, который шел вверх под углом в сорок пять градусов.

Лейн прикинул, что окажется внутри трубы, из которой первоначально пришел двухногий. И оказался прав. Через очередное отверстие он пролез в нее.

И клацнули два клюва, ударив его в шлем!

Автоматически он оттолкнул это существо, и от его толчка многоножка покатилась по полу клубком, из которого торчали молящие пространство ножки.

Лейн не беспокоился, что причинил ему вред. Многоножка весил немного, а тело его было достаточно прочным, чтобы выдержать переход от плотного воздуха внутри трубы к почти стратосферным условиям снаружи.

Тем не менее Лейн схватился за нож у пояса. Но двухногий положил свою руку на его и покачал одной из своих голов.

Позже он обнаружил, что кажущийся пустяк обернулся несчастным случаем. С тех пор, без единого исключения, многоножки игнорировали его.

Он также понял, что ему страшно повезло. Многоножки выбирались проверять свой сад, так как, используя какие-то неизвестные методы обнаружения, они знали, когда растения оказывались потревоженными. Двухногие обычно не сопровождали их. Однако сегодня двухногого привело в сад любопытство: за последние три дня многоножки выбирались наружу три раза: надо было проверить, что там происходит.

Двухногий выключил свой фонарик и жестом предложил Лейну двигаться. Тот неуклюже повиновался. Свет был тусклый, сумеречный. Его источником служили многочисленные существа, свисавшие с потолка трубы. Их длина была около двух футов, толщина — шесть дюймов. Были они цилиндрические, розовокожие, безглазые. Их червеобразные тела постоянно ко-

дыхались, и это их движение поддерживало циркуляцию воздуха в туннеле.

Их холодное, как у светлячков, мерцание исходило из двух шарообразных органов, свисающих по обе стороны их округлого, широкого, беззубого рта. Липкая слюна текла изо рта и капала на пол или в узкий канал, который проходил по самой нижней части пола. По каналу шестидюймовой глубины бежала вода — первая местная вода, которую Лейн увидел. Она подхватывала слюну и какое-то время несла ее, прежде чем слюну проглатывало с жадностью одно из животных, лежавших на дне канала.

Глаза Лейна уже приспособились к сумеркам, так что он различил живущих в воде животных. Существа были торпедообразной формы, без глаз и плавников; их тела имели два отверстия: одно, очевидно, всасывало воду, другое — выбрасывало.

Лейн быстро в этом разобрался. Лед Северного полюса Марса таял в летнее время, превращаясь в воду, втекающую в отдаленный конец системы труб. Под влиянием гравитации и перекачивающего действия цепи животных вода доставлялась с полюса на экватор.

Многоножки пробежали мимо него с таинственными поручениями. Некоторые, однако, останавливались под свисающими вниз организмами. Они поднимались на задних пяти ногах, их языки высовывались, и вонзались в открытые рты червяков между светящимися шарами. Тут же огромный червь — так определил Лейн этих существ — начинал дико бить своими ресничками и вытягивался чуть ли не на удвоенную длину своего тела. Его пасть встречалась с клювом многоножки, и между их ртами происходил обмен веществом.

Двуногий нетерпеливо дернул Лейна за руку. Тот последовал за своим проводником в глубь трубы. Вскоре они добрались до секции, где бледные корни чего-то спускались из отверстий с потолка и струились по изгибающимся стенам, охватывая их, а затем переходили в сеть корешков толщиной с нить; сеть эта стелилась по полу и опускалась в воду канала.

То тут, то там многоножки жевали корни, а затем торопились предложить часть жвачки ртам светящихся червей.

После нескольких минут ходьбы двуногий перешагнул через поток. И затем пошел, держась так близко к стене, насколько это было возможно, он опасливо поглядывал время от времени на противоположную сторону туннеля, по которому они шли только что.

Лейн также смотрел в том направлении, но не увидел ничего, что могло бы представлять опасность. Там было лишь отверстие

в стене, которое явно вело в другой туннель. Можно было предположить, что он ведет в подземную комнату или комнаты, потому что множество многоножек носилось по нему туда и обратно. И еще около дюжины многоножек, больших, чем обычные, вышагивало взад и вперед перед отверстием, словно часовые.

Когда они отошли от отверстия примерно на пятьдесят ярдов, двуногий расслабился. Еще минут десять вел он Лейна вперед, после чего остановился. Его обнаженная рука коснулась стены. "Рука маленькая и нежная, словно женская", — подумал Лейн.

Секция стены отошла. Двуногий нагнулся и прополз в отверстие, представив Лейну ягодицы и ноги приятной формы, тоже напоминавшие женские. Лейн заметил, что думает о своем проводнике, как о женщине. Однако бедра, словно обитые мягкой тканью, не казались широкими. Кости таза не были достаточно раздвинуты, чтобы можно было выносить ребенка.

Заслонка позади них закрылась. Двуногая не включила свой фонарик, так как в конце туннеля было освещение.

Пол и потолок здесь были не из знакомого Лейну прочного серого материала и не из уплотненной местной поверхности. Они выглядели остекленевшими, словно оплавленные жаром.

Двуногая ждала его, пока он соскользнул с выступа трехфутовой высоты в большую комнату. На минуту он ослеп от яркого света. После того как глаза его привыкли, он осмотрелся в поисках источника освещения, но не обнаружил его. Но заметил, что в комнате не было теней.

Двуногая сняла свой шлем и костюм и повесила их в стенной шкаф. Дверь открылась при ее приближении и закрылась, когда она отошла.

Она показала знаком, что он может снять свой костюм. Он не колебался. Хотя воздух мог оказаться ядовитым, у Лейна не было выбора. Его баллон вскоре опустеет. Тем более похоже, что атмосфера здесь содержит достаточно кислорода. Конечно же листья зонтика там, наверху, собирают солнечный свет и то небольшое количество углекислого газа, которое содержится в здешней атмосфере. Внутри туннелей корни вместе с водой вытягивали и растворенный в ней диоксид углерода, выделяемый многоножками. Энергия солнечного света преобразовывала углекислый газ и воду в глюкозу и кислород, выделяющийся в туннель.

Даже здесь, в этой глубокой камере, которая лежала ниже трубы, толстый корень пронизывал потолок и стлал свою белую паутину по стенам.

Лейн стоял как раз под мясистым отростком дерева, когда

снял свой шлем и первый раз наполнил легкие марсианским воздухом. И сразу же отпрыгнул: что-то мягкое упало на его лоб. Глянув вверх, он увидел, что корень выделяет жидкость, Лейн вытер каплю пальцем и попробовал ее: она была липкой и сладкой.

— Да, — подумал он, — корни дерева должны понижать содержание сахара в своем соке до нормального. Но процесс этот, казалось, шел ненормально быстро, потому что на отростке уже сформировалась другая капля.

Но затем Лейн понял, что это происходит из-за того, что снаружи стало темно и, следовательно, холодно. Деревья умбrellы спешили выкачать воду из своих стволов в теплые туннели. Таким образом, во время жестокой морозной ночи они избегали замерзания, опухания и разрушения при расширении.

Эта теория оказалась ему разумной.

Он осмотрелся. Место это было наполовину жилым помещением, наполовину биологической лабораторией. Здесь стояли кровати, столы, кресла и много предметов, назначение которых он не смог понять. Одним из них был большой черный металлический ящик в углу. Из него с регулярными интервалами вытекал поток крошечных голубых шариков. Увеличиваясь в размерах, они поднимались к потолку. Достигнув потолка, они не останавливались и не лопались, но просто пронизывали стеклянное покрытие, как если бы оно не существовало.

Теперь Лейн определил источник голубых шаров, которые появлялись из почвы в саду. Но назначение их оставалось ему непонятным.

Лейну не дали возможности долго наблюдать за шарами. Двуногая взяла из шкафа большую керамическую чашку и поставила на стол. Лейн с любопытством ожидал, что она будет делать. И тут он увидел, что вторая голова принадлежит другому существу. Его тело четырехфутовой длины, покрытое скользкой розовой кожей, обвивалось вокруг ее шеи и торса; крошечная головка с плоским лицом повернулась к Лейну, змеиные светло-голубые глазки блестели. Внезапно рот его открылся и явил беззубые десны; ярко-красный язык, язык млекопитающего, а не рептилии, потянулся к нему.

Двуногая, не обращая внимания на действия червя, сняла его с себя. Проворковав несколько слов на нежном, изобилующем гласными языке, она мягко положила его в чашу. Существо затаилось внутри, свернувшись кольцами, как змея.

Двуногая взяла кувшин с вершины ящика из красного пластика, который, хотя и не был связан с каким-либо силовым источником, выглядел печкой. В кувшине была теплая вода,

которую она вылила в чашу, наполнив ту до половины. Под струей воды червь прикрыл свои глаза; казалось, он беззвучно мурлыкает в экстазе.

Затем двуногая сделала то, что ужаснуло Лейна.

Она склонилась над чашей и ее вырвало.

Он шагнул к ней и, забыв, что она не сможет понять его, спросил:

— Вам плохо?

Она продемонстрировала почти человеческую улыбку, успокаивая его, и отошла от чаши. Лейн посмотрел на червя, который погрузился головой в вонючую массу, и внезапно тоже ощутил тошноту. Но ведь наверняка она кормит так червя регулярно! Но он все равно испытывал отвращение и подумал, что он не должен реагировать на происходящее, как землянин. Ведь Лейн знал, что это существо совершенно чужое, следовательно, некоторые его поступки неизбежно должны вызывать у него отвращение и даже шокировать. Разумом он это понимал. Но если разум говорил, что надо понять и простить, живот утверждал: «Не хочу и отвергаю».

Его отвращение немного уменьшилось, когда она принимала душ в кубической установке, устроенной в стене. Она, марсианка, была около пяти футов ростом, изящная, какой может быть женщина с хрупкими костями под округлой плотью. Ее ноги были человеческими; в нейлоне и на высоких каблуках они действовали бы возбуждающе. Все остальные части тела тоже походили на человеческие. Однако, если бы ее туфли были без носков, ее ноги вызвали бы немало комментариев. На них было всего четыре пальца.

На длинных руках прекрасной формы было по пять пальцев. Они, казалось, как и пальцы ног, не имели ногтей, хотя позже, при более близком знакомстве, Лейн увидел, что рудименты ногтей имелись.

Она вышла из куба и начала вытираться полотенцем, но прежде жестом предложила ему снять костюм и вымыться под душем. В ответ он лишь бесцельно таранился на нее. Она засмеялась и вроде бы смутилась. Да, она была женственна, но чего-то ей не хватало. Потом она заговорила. Лейн закрыл глаза и, слушая, думал о том, что не слышал женского голоса все эти годы. Ее голос был необычным: хриловатый и в то же время медовый.

Но когда он открыл глаза, то рассмотрел наконец, кем она была на самом деле. Не женщина. Не мужчина. Что? Э т о? Нет. Лейн предпочел считать, что это — женщина.

И это несмотря на некоторые особенности строения ее тела. У нее была грудь, но без сосков. Грудь ее была мужской, мус-

кулистой. Под тонким слоем жира, казалось, вырисовываются очертания... зарождающейся женской груди.

Нет, совсем нет. Она никогда не будет кормить грудью своего ребенка. Она даже не родит его живым, если эти рожают. Ее живот был гладким, без пупка.

Гладкой была также кожа на ее бедрах, безволосой, нетронутой, такой же невинной, как если бы она была нимфой из какой-нибудь викторианской детской книжки. Эта бесполость ужаснула Лейна. "Словно белый живот лягушки", — подумал Лейн, содрогнувшись.

В то же время его любопытство стало еще сильнее. Как же это существо может совокупляться и воспроизводиться?

Она вновь засмеялась и улыбнулась полными бледно-красными по-человечески очерченными губами, сморщила короткий, слегка вздернутый нос и провела рукой по густому, прямому, красно-золотому меху. Это был именно мех, а не волосы, и он казался слегка маслянистым, как у животных, обитающих в воде.

Само лицо, хотя и странное, походило на человеческое, но только походило. Ее скулы были очень высокими и слишком выступали вперед. Глаза казались темно-голубыми и совершенно человеческими. Но это ничего не означало. Такими были и глаза осьминога.

Она подошла к другому шкафу, и когда отошла, он увидел, что бедра ее не колышатся при ходьбе, как у земных женщин.

Дверь дрогнула и открылась, демонстрируя тела нескольких многоножек, висящие на крюках. Она сняла одну, положила на металлический стол, взяла из шкафчика пилку и несколько ножей и начала разделять тушу.

Так как его интересовала анатомия многоножки, Лейн приблизился к столу. Она махнула в сторону душа. Лейн стал снимать свой костюм. Когда он дошел до ножа и кирки, то заколебался, но, боясь, что недоверчивость может произвести на нее плохое впечатление, он повесил пояс со всем оружием рядом с костюмом.

Однако одежду свою он не снял, так как решил посмотреть на внутренние органы животного. Он собрался принять душ позже.

Многоножка не была членистоногим, несмотря на свою паучью внешность. Не была она и панцирным. Гладкая безволосая кожа походила на кожу млекопитающих и оказалась лишь слегка пигментирована, как у шведа-блондина. Существо имело эндоскелет, но срединного костяка не было. Кости тела составляли округлую клетку. Его узкие ребра отходили радиально от хрящевого ошейника, который соединялся с низом головы. Реб-

ра выгибались наружу и потом почти сходились сзади. Внутри клетки были открывающиеся наружу мешки легких, относительно большое сердце, а также органы, похожие на печень и почки. Из сердца выходили три артерии вместо двух, как у млекопитающих. Лейн не был уверен в своих выводах, но все это выглядело так, словно аорта здесь служила и для очищенной крови и для крови с примесями.

Заслуживали внимания и некоторые другие моменты. Самым необычным было то, что, насколько Лейн мог различить, многоножка не имела пищеварительной системы. Кишки и анус, казалось, отсутствовали, то, что можно было определить как кишечный мешок, начиналось прямо от глотки и оканчивалось в теле на полпути к противоположному концу тела. Кроме того, внутри не оказалось ничего, что можно было бы идентифицировать как воспроизводящие органы, хотя это и не означало, что существо не обладает ими. Длинный трубчатый язык существа, вырезанный хозяйкой, имел канал, идущий по всей длине, от его кончика до пузыря в основании. По-видимому, это составляло часть выводящей системы.

Лейн не мог понять, что дает многоножке возможность выдерживать большую разницу давлений внутри трубы и на марсианской поверхности. Этот факт удивлял его. В то же время он отметил, что эта способность не более удивительна, чем биологический механизм, дающий китам и тюленям возможность выдерживать колоссальные давления на глубине полумили от поверхности моря.

Двуногая посмотрела на него круглыми и очень милыми голубыми глазами, рассмеялась, а затем сунула пальцы во вскрытый одним ударом череп и извлекла небольшой мозг.

— Хауайми, — произнесла она медленно. Затем показала на свою голову и повторила: — Хауайми. — Указала на его голову: — Хауайми.

Он в свою очередь ткнул пальцем в свою голову:

— Хауайми. Мозг.

— Мозг, — сказала она и снова засмеялась.

Она продолжала называть органы многоножки, соответствующие ее органам. Вскоре подготовка туши к стряпанью была закончена, и они перешли к другим объектам, находящимся в комнате.

За то время, пока она жарила мясо и варила дольки мембранообразных листьев умбреллы, добавляя из банок какие-то экзотические специи, она объяснила ему по крайней мере сорок слов. Часом позже он мог вспомнить двадцать.

Необходимо было узнать еще одну вещь. Он указал на себя и сказал:

— Лейн.

Затем он указал на нее.

— Марсийя, — сказала она.

— Марсия? — переспросил он. Она поправила его, но он был настолько поражен этим словом, что впоследствии всегда звал ее именно так. После этого она еще немного поучила его правильному произношению.

Марсия вымыла руки и налила ему полную чашу воды. Он воспользовался мылом и полотенцем, которые она дала ему, а затем подошел к столу, где его ожидала Марсия. Там стояла чаша густого супа, тарелка с жареными мозгами, салат из сваренных листьев, блюдо с ребрами многоножки, сваренные вкрутую яйца и маленькие булочки хлеба.

Марсия жестом предложила ему садиться. Несомненно, ее кодекс поведения не позволял ей есть раньше гостя. Он обошел свое кресло, приблизился к ней, положил руку на ее плечо, слегка нажал, а другой рукой пододвинул к ней кресло. Она, улыбаясь, повернула голову. Ее мех отошел в сторону, открыв одно остроконечное, без мочки, ухо. Он почти не обратил внимания на это отличие, так как был слишком захвачен полуотталкивающим, полуволнующим ощущением, которое испытал, когда коснулся ее кожи. И не сама кожа вызвала это чувство, а то, что она была мягкой и теплой, как у молодой девушки. Это хорошо, что он коснулся ее.

Сев, он понял, что его взволновала и ее нагота, и именно потому, что она позволяла увидеть ее всю, как она есть. Ни груди, ни сосков, ни пупка, ни половых складок или выступов. Отсутствие их казалось нелепым, очень нелепым.

Самым постыдным было то, что она не имела ничего, чего можно было стыдиться.

Эта странная мысль овладела им. И без причины Лейн ощутил краску на своем лице.

Марсия, не предупреждая, налила из высокой бутылки полный стакан темного вина. Он попробовал его. Вино было приятным, не лучше, чем известнейшие сорта, предлагаемые Землей, но очень хорошим.

Марсия взяла одну булку, разломилась на два куса и протянула ему. Держа стакан вина в одной руке, а хлеб в другой, она склонила голову, закрыла глаза и запела.

Он устался на нее. Это была молитва — молитва, произносимая перед едой. И было это вступлением к духовному общению — обряд, так напоминающий Землю.

Да если бы так и было, он не был бы удивлен. Плоть и кровь, хлеб и вино — символизм был прост и логичен. С другой стороны, вполне могло случиться, что он проводил параллели, ко-

торых не существовало. Марсия могла выполнять ритуал, происхождение и значение которого не имели ничего общего с тем, что пришло ему на ум.

Но то, что она сделала дальше, было абсолютно ясным. Она откусила от хлеба, отхлебнула вина, а затем явно пригласила его поступить так же. Он это сделал. Марсия взяла третью, пустую чашку, сплюнула кусочек смоченного вином хлеба в чашку и показала, чтобы он повторил ее действия.

После того как он сделал это, он ощутил спазмы в желудке. Она перемешала содержимое чашек своим пальцем, после чего предложила и ему сделать так же. Конечно, он сунул туда палец и потом облизал его.

Во всем этом был большой смысл. Хлеб и вино были плотью и кровью любого божества, которому она поклонялась. Она как бы говорила: "Я ем твое, ты ешь мое. Сейчас мы входим друг в друга".

Лейн был возбужден. Он знал, что нашлось бы немало христиан, которые отвергли бы ее предложение, так как ритуал не имел христианских корней. Они могли бы даже подумать, что Лейн сейчас преклоняется перед чужим богом. Такая мысль представлялась Лейну не только ограниченной и негибкой, но и алогичной, злой, смехотворной. Может быть только один Создатель: имена, которые дают Создателю те, кто им создан, неважны.

Лейн искренне верил в собственного бога, единственного, кто отмечал его как индивидуальность. Он также верил, что человечество нуждается в искуплении и что Искупитель был послан на Землю. И если другие миры нуждаются в искуплении, тогда и они получили или получают искупителя. Он, возможно, продвинулся дальше, чем большинство его собратьев по религии, так как он действительно сделал попытку пропагандировать любовь к человечеству. Это создало ему репутацию фанатика среди его знакомых и друзей. Однако Лейн был достаточно сдержанным, чтобы не доставлять себе слишком много неприятностей, и его искренняя сердечная теплота делала его везде желанным гостем.

За шесть лет до этого Лейн был агностиком. Его первое путешествие в космос преобразило его. Сильные переживания заставили его осознать, насколько незначительным был он, какой внушающей благоговение сложной и необъятной была Вселенная и насколько сильно он нуждался в конструкции, внутри которой мог бы существовать, соотвествуя ей.

Однако один из его товарищей по первому путешествию, возвратясь на Землю, стал полным атеистом.

Лейн вспомнил об этом, когда взял ее палец в рот и обсосал с него месиво.

Затем, повинуясь ее жестам, он погрузил в чашку свой палец и вложил его между ее губами.

Она закрыла глаза и мягко обхватила палец ртом. Когда он начал вытаскивать его, то почувствовал ее руку у себя на запястье. Он задержал палец у нее во рту, потому что опасался оскорбить ее. Возможно, определенный интервал времени был частью обряда.

Но выражение ее лица казалось таким нетерпеливым и в то же время таким восторженным, словно у ребенка, которому дали соску! Через минуту он медленно, но твердо освободил палец. Она открыла глаза и вздохнула, но не сделала замечания. Вместе этого она начала подавать ужин.

Горячий густой суп был восхитительным и бодрящим. Он напоминал чем-то суп из планктона, ставший популярным на голодной Земле, но не имел привкуса рыбы. Коричневый хлеб походил на ржаной. Мясо многоножки напоминало зайца, хотя было слаще и имело довольно резкий привкус, который он не сумел определить. Лейн попробовал также салат из листьев, взяв в рот совсем небольшое количество его, и был вынужден с максимально возможной скоростью выплюнуть его, чтобы смягчить жжение. Слезы выступили из глаз, он кашлял, пока она не обратилась к нему встревоженным тоном. Он улыбнулся ей в ответ, но прикоснуться к салату еще раз отказался. Вино не только охладило рот, но и воспламенило его. Он сказал себе, что не должен больше пить. Тем не менее он прикончил вторую чашку до того, как вспомнил о своем решении пить умеренно.

Но было слишком поздно. Крепкий ликер ударил ему в голову; он ощутил головокружение, ему захотелось рассмеяться. События дня, недавнее спасение от смерти, реакция на известие о гибели его товарищей, напряжение, испытанное при встрече с многоножками, его неудовлетворенное любопытство относительно происхождения Марсии и присущих ей качеств привели его в возбужденное состояние.

Он поднялся из-за стола и предложил Марсии помочь вымыть тарелки. Она покачала головой и положила тарелки в мойку. Тем временем Лейн решил, что ему необходимо смыть пот и устранить запах тела после двух дней путешествия. Открыв дверь в кубическую камеру душа, он обнаружил, что там нет места, чтобы повесить его одежду. Вино и усталость ослабили тормозящие рефлексy, и теперь, окончательно уверившись, что Марсия не была женщиной, он снял свою одежду.

Марсия наблюдала за ним, и глаза становились шире с каждой сброшенной частью одежды. Под конец она открыла от изумления рот, отступила назад и побледила.

— Это неплохо, — проворчал он, все же удивляясь, что же

вызвало такую реакцию.

Она дрожащим голосом спросила его о чем-то.

Хотя это был только его воображение, но он мог поклясться, что она использует те же склонения, что и говорящий по английски.

— Ты болен? Ростки злокачественные?

Он не произнес ни слова, не попытался ничего объяснить. Вместо этого он закрыл за собой дверцу куба и нажал пластинку, открывающую воду. Тепло душа и ощущение мыла, смывающего грязь и пот, успокоили его настолько, что он смог подумать о вещах, так интересовавших его.

Во-первых, он должен выучить язык Марсии или обучить ее своему. Вероятно, то и другое будет происходить одновременно. Только в одной вещи он был уверен: ее намерения по отношению к нему были, по крайней мере в данный момент, мирными. Когда она разделяла с ним пищу, она была искренней. У Лейна не сложилось впечатления, что она это сделала, собираясь его убить.

Чувствуя себя лучше — правда, немного утомленным и слегка хмельным, — он вышел из куба. С неохотой направился к своим грязным шортам. И улыбнулся. За то время, что он принимал душ, они были вычищены. На его возглас удивления Марсия, однако, не отреагировала, но смрачным лицом жестами приказала ему ложиться на кровать и спать. Однако вместо того чтобы лечь самой, она взяла ведро и начала выбираться в туннель. Он решил последовать за ней. Когда она увидела его, то пожала плечами.

Нырнув в трубу, Марсия включила фонарик. Туннель был погружен в абсолютную тьму. Луч пробежал по потолку, показав, что огненные черви выключили свое освещение. В поле зрения не было многоножек.

Марсия направила луч света в канал, и он смог увидеть реактивную рыбу, которая, оставаясь неподвижной, продолжала гнать через себя воду. Прежде чем Марсия отвернула луч в сторону, Лейн положил руку на ее запястье, а другой рукой поднял рыбу из канала. Поднял он ее свободно, несмотря на сопротивление, оказываемое рыбой-торпедой. Когда Лейн перевернул торпедообразное создание и увидел столбик плоти, свисающий с живота, то понял, почему отдача гонимой воды не отталкивала рыбу назад. Выступающая “нога” служила присоской, удерживающей животное на дне канала.

Несколько нетерпеливо Марсия вырвалась и легко пошла назад по туннелю. Он следовал за ней, пока она не приблизилась к отверстию в стене, которого раньше так опасалась. Согнувшись, она проникла в отверстие, предварительно обойдя на

некотором расстоянии спутавшихся в кучу многоножек. Здесь были только большие, с огромными клювами — таких он видел, когда они охраняли вход. Сейчас они спали на полу.

Если так, предположил он, то существо, которое они охраняли, тоже должно спать.

А как же Марсия? Как вписать ее в окружающую картину? Возможно, она вообще сюда не вписывается. Она была абсолютно чужой, чем-то, к чему их инстинктивный разум не был готов и что они поэтому игнорировали. Этим можно объяснить и то, почему они не обратили на него внимания, когда он тонул в саду.

Тем не менее здесь были возможны и исключения из правила. Ведь Марсия явно не хотела привлекать внимания стражей, когда пробиралась в отверстие.

Секундой позже Лейн все понял. Они вступили в просторную камеру. Там было так же темно, как и в трубе, но в оживленное время суток здесь должно было быть очень светло, так как потолок был забит огненными червями.

Луч фонаря Марсии обжег камеру, высвечивая груды спящих многоножек. Затем внезапно замер. Лейн взглянул, и сердце его забилося, а волосы встали дыбом.

Перед ним был червь в три фута высотой и двадцати футов длиной.

Без раздумий он схватился за Марсию — удержать ее от приближения к чудовищу. Но, коснувшись ее, сразу же убрал руку: она должна знать, что делает.

Марсия направила свет на свое лицо и улыбнулась, как бы говоря, что бояться не следует. И коснулась Лейна робким, нежным жестом.

Какую-то минуту Лейн не мог понять почему. Затем он осознал, что она благодарна ему за внимание. Более того, ее реакция показала, что она оправилась от шока, испытанного, когда она увидела его без одежды.

Лейн отвернулся от нее, чтобы осмотреть монстра. Тот лежал на полу и спал, его большие глаза были закрыты вертикальными веками. У него была большая голова, формой напоминающая футбольный мяч, как и у маленьких многоножек. Его рот был тоже очень большим, а клювы очень маленькими — словно бородавчатые рожки на его губах. Тело, однако, напоминало гусеницу, за исключением волосков. Десять маленьких неиспользуемых ног болтались по сторонам; они были настолько короткими, что не касались пола камеры. Бока червя раздулись, словно их накачали газом.

Марсия зашла за монстра и позвала своего спутника. Здесь она подняла одну из складок кожи чудовища. Под ней оказалась

кучка из дюжины обтянутых кожей яиц, удерживаемых на местах густыми выделениями.

— Теперь понятно, — пробормотал Лейн. — Яйцекладущая королева. Специализирована на воспроизводстве. Вот почему другие не имеют воспроизводящих органов, или же они настолько рудиментированы, что я не смог их обнаружить. Многоножки во многих отношениях напоминают земных насекомых. Правда, это не объясняет отсутствия пищеварительной системы.

Марсия положила яйца в свое ведро и пошла к выходу из камеры. Он остановил ее и жестом показал, что хотел бы осмотреть все это. Она пожала плечами, но повела его по камере. Шли они осторожно, опасаясь наступить на многоножек, которые лежали повсюду.

Они подошли к открытому бункеру, сделанному из того же серого вещества, что и стены. Его внутреннее пространство было поделено на множество полок, на которых лежали сотни яиц. Полосы из паутиноподобного вещества удерживали яйца от выпадания.

Поблизости был и другой бункер, залитый водой. На его дне тоже лежало множество яиц. Над ними в воде парили маленьких размеров рыбки торпедообразной формы.

Глаза Лейна расширились при виде всего этого. Рыбы не были представителями другого вида, они являлись личинками многоножек. И они должны были находиться в канале не только для перекачивания воды, текущей с Северного полюса, но и ради собственной безопасности, пока не превратятся во взрослую особь.

Однако сразу же после этого Марсия показала ему еще один бункер, который частично изменил его первоначальную теорию. Этот бункер был сухой, яйца в нем лежали на полу. Марсия достала одно, разрешила жесткую кожистую оболочку ножом и вывалила содержимое в руку.

Вновь глаза Лейна широко раскрылись. Это создание имело тонкое цилиндрическое тело, присоску на одном конце и два округлых органа, свисающих по обе стороны рта. Молодой огненный червь!

Марсия взглянула на Лейна, проверяя, понимает ли он. Лейн развел руками и пожал плечами, показывая, что он не понимает. Кивнув, она подошла к еще одному бункеру и показала на находящиеся там яйца. Некоторые были расколоты, и многоножки, виновники этого, так как это их твердые клювы раскололи яйца, ходили по бункеру, слегка покачиваясь на десяти ножках.

Марсия энергично постаралась разрешить для него серию

загадок. Наблюдая за ней, он начал кое-что понимать.

Эмбрионы, находящиеся в яйцах, до своего полного развития претерпевали три основные метаморфозы: стадию реактивных рыб, стадию огненных червей и в конце — стадию детенышей многоножек. Если яйца вскрывались во время какой-либо стадии, эмбрион не развивался дальше в другую форму, хотя и делался больше.

— А как же королева? — жестами спросил он у нее, указывая на чудовищно опухшее от яиц тело.

Вместо ответа Марсия подняла одного из новорожденных. Он сучил своими лапками, но не выражал другого протеста, будучи, как и все представители его рода, немым. Марсия перевернула его и показала небольшую складку на заднем конце его тела. Затем указала на то же самое у одной из взрослых особей. Зад взрослой особи был гладкий, без складки.

Марсия сделала жевательное движение. Лейн кивнул. Существа эти рождались с рудиментарными половыми органами, и те не развивались дальше. Они атрофировались полностью и без следа в результате специальной диеты для молодняка, иначе бы они превратились в яйцекладущих.

Но картина была неполной. Если есть женщины, то должны быть и мужчины. Было сомнительно, чтобы такие высокоорганизованные животные самооплодотворялись или воспроизводились партеногенетически.

Тогда он вспомнил о Марсии и почувствовал, что начинает сомневаться. У нее не было заметных воспроизводящих органов. Мог ли ее род быть самовоспроизводящимся? Или она — марсианка, и ее нынешнее состояние вызвано диетой?

Лейну очень хотелось удовлетворить свое любопытство. Несмотря на то что Марсия собиралась покинуть камеру, он исследовал пять маленьких многоножек. Все пять особей оказались потенциальными самками.

Внезапно Марсия, которая с серьезным видом наблюдала за ним, улыbnулась, взяла его за руку и повела в дальний угол помещения. Когда они приблизились к какому-то сооружению, он ощутил сильный запах, напомнивший ему запах хлорной извести.

Приблизившись к сооружению, он увидел, что это был не бункер, а полусферическая клетка. Ее прутья были из твердого серого вещества; они начинались от пола и, изгибаясь, сходились в центральной точке.

Клетка не имела дверцы. Очевидно, она была построена вокруг существа, находившегося в ней, и ее хозяин должен был оставаться внутри до самой смерти.

Марсия незамедлительно продемонстрировала ему, почему

этому существу не предоставляется свобода. Хозяин клетки спал, но Марсия просунула руку сквозь прутья и стукнула существо по голове кулаком. Оно не отреагировало, пока Марсия не ударила его раз пять. Тогда оно открыло свои расходящиеся в стороны веки, показывая огромные, глядящие в упор глаза, яркие, словно свежая артериальная кровь.

Марсия поднесла одно из яиц к голове существа. Его клюв мгновенно открылся, яйцо исчезло, клюв закрылся, и последовал быстрый глоток.

Пища пробудила его к жизни. Существо вскочило на свои десять ног, щелкнуло клювом и бросилось на прутья клетки. Вновь и вновь бросалось оно на преграду.

Марсия, хотя и находилась в безопасности, отпрянула назад. Лейн мог понять ее. Это был гигант, его спина была на одном уровне с головой Марсии, а в клюве могла целиком поместиться голова Марсии.

Лейн обошел вокруг клетки, чтобы хорошенько рассмотреть существо сзади. Озадаченный, он сделал еще круг, не обнаружив ничего мужского. Только дикая ярость — ярость жеребца, запертого в сарай в период течки самки, делала существо похожим на мужскую особь. За исключением размеров, красных глаз и свирепости, оно выглядело как один из стражей возле бункера “Королевы”.

Он постарался передать Марсии свое разочарование. Казалось, она вполне поняла, что он хотел сказать. Она показала ему целую пантомиму, некоторые движения которой были настолько энергичны и комичны, что он не мог не улыбнуться.

Сначала она продемонстрировала ему два яйца, лежавших на ближайшем выступе. Они были больше, чем другие, и испещрены красными пятнышками. Несомненно, они содержали мужские эмбрионы.

Затем она объяснила ему, что случится, если взрослый самец освободится. Состроив гримасу, которая должна была изображать свирепость, и немало позабавив Лейна, она, клая зубы, имитировала бешенство самца. Стало ясно, что он захочет уничтожить каждого, попавшегося ему на глаза. Каждого — всю колонию, царицу, рабочих, охранников, личинок, яйца. Оторвать им головы, искалечить, съесть их всех, всех, всех. И после бойни в камере он попытается атаковать всех находившихся в трубе, уничтожать каждую многоножку, которую встретит, пожрать реактивных рыб, сорвать огненных червей с потолка, разорвать их на части, сожрать их, сожрать корни деревьев. Убивать, убивать, убивать, пожирать, пожирать, пожирать, пожирать!

— Это понятно, — показал Лейн. — Но как же?..

Марсия продемонстрировала и это. В какой-то день рабочие

подкатывают — буквально подкатывают! — царицу к клетке. Там они располагают ее так, чтобы ее зад находился в нескольких дюймах от прутьев и взбешенного самца. В такой ситуации самец, хотя он и не хочет ничего, кроме как вонзить свой клюв в ее плоть и разорвать ее на части, не управлял собой. Природа берет верх, его желание находится под контролем нервной системы.

Лейн кивнул, показывая, что он понял. В его памяти еще существовала картина разрезанной многоножки. У нее был мешочек на конце языка. Самец, видимо, имел два таких мешочка: один для вывода вредных веществ, другой — для семенной жидкости.

Внезапно Марсия замерла, держа руки перед собой. Фонарь она положила на пол, чтобы иметь возможность двигаться свободно, и сейчас луч света бил прямо на нее.

— Что случилось? — спросил Лейн, делая к ней шаг.

Марсия отодвинулась, по-прежнему держа руки перед собой. Она явно выглядела испуганной.

— Я не причиню тебе вреда, — объяснил Лейн. Тем не менее он остановился так, чтобы она могла видеть, что он не пытается приблизиться к ней.

Что обеспокоило ее? В камере ничто не шелохнулось, кроме самца, и Лейн не представлял опасности.

Тогда она показала сначала на него, потом на взбешенного многоножку. И Лейн все понял. Она догадалась, что он, как и существо в клетке, был самцом, и сейчас она поняла особенности его строения и функции определенных органов.

Однако Лейн так и не осознал, почему Марсия так испугалась его. Он выглядел отталкивающим? Да! Ее тело, лишенное видимых признаков пола, вызывало у него чувство отвращения, граничащее с тошнотой. Было бы естественно, что и она так же реагировала на его тело. Однако она, казалось, только теперь испытала шок.

Откуда это необъяснимое изменение? Откуда эта боязнь его? Позади клацнул клюв самца, когда он в очередной раз бросился в ярости на прутья.

Это клацанье многое объяснило.

Конечно, именно желание монстра убивать так напугало Марсию.

Пока она не встретила Лейна, она знала только одно существо мужского пола. Это было то самое, заключенное в клетку создание. Сейчас, возможно, она приравнивала его к монстру. Самец был убийцей.

Осторожно, так как он боялся, что она в панике убежит из помещения, он пытался знаками разубедить ее. Он вовсе не

похож на монстра! Он покачал головой: нет, нет, нет! Он не будет, не будет, не будет!

Марсия, внимательно наблюдавшая за ним, начала расслабляться. Ее кожа вновь приобрела розоватый оттенок. Глаза стали нормальной величины. Она даже с усилием улыбнулась.

Изгнав из ее разума мысль об убийстве, Лейн показал, что хочет узнать, почему царица и ее супруг имеют пищеварительную систему, которой лишены рабочие. В ответ она подошла к свешивающемуся вниз ртом червя, прикрепленному к потолку. Ее вытянутая рука покрылась выделениями. Понюхав свою ладонь, она дала понюхать и ему. Он взял ее руку, игнорируя слабое и, вероятно, непроизвольное вздрагивание, когда она ощутила его прикосновение. Вещество имело такой запах, как если бы ему предложили понюхать извергнутую обратно пищу.

Затем Марсия подошла к другому червя. Два его органа света оказались не красными, как у других, а зеленоватого оттенка. Марсия пощекотала его язык пальцем и подставила сложенные чашечкой ладони. В них закапала жидкость.

Лейн понюхал выделившуюся субстанцию. Никакого запаха. Он коснулся жидкости языком и обнаружил, что это была насыщенная сахаром вода.

Так Марсия доказала ему, что огненные черви действуют как пищеварительная система для рабочих. Они забирают у них пищу. Рабочие получают часть их энергии из глюкозы, выделяемой корнями деревьев. Протеины и растительные материалы они получают из яиц и листьев умбреллы. Жесткие полосы листовых мембран доставляются в трубы специальными группами, которые отваживаются выходить наружу в дневное время. Черви переваривают яйца, мертвых многоножек и возвращают вещества обратно в виде супа. Суп, как и глюкозу, рабочие глотали, он проходил сквозь стенки из глотки или попадал в длинный вытянутый мешок, который соединял глотку с большими кровеносными сосудами. Отработанные продукты выделялись через канал в языке.

Лейн кивнул и зашагал к выходу из помещения. Успокоившись, Марсия последовала за ним. Когда они вползли обратно в ее жилище, она положила яйца в холодильник и наполнила вином два стакана. Она окунула свой палец в оба стакана, а затем коснулась им своих и его губ. Он слегка дотронулся кончиком языка до ее пальца. Лейн пришел к выводу, что это — многозначительный ритуал, который означал, что они едины и в мире. Возможно, это имело даже более глубокое значение, но если это так, то Лейн этого не понял.

Марсия проверила безопасность и удобство червя в чаше. К тому времени тот съел всю свою пищу. Она достала червя из

чаши, вымыла его, вымыла чашу, наполнила ее наполовину сладкой водой, поставила на столик у кровати и снова положила червя в чашу. Затем легла в кровать и закрыла глаза. Она не накрылась сама и, по-видимому, не предполагала, что ему требуется одеяло.

Лейн, хотя и устал, не мог отдыхать. Как тигр в клетке, ходил он взад и вперед по комнате. Его не покидали мысли о загадке Марсии и проблеме возвращения на базу и на орбитальный корабль. Земля должна узнать о том, что произошло.

Через полчаса Марсия села. Она твердо смотрела на него, как бы стараясь определить причину его бессонницы. Затем, очевидно чувствуя, что что-то здесь не так, она поднялась и открыла шкафчик, выступающий из стены. Внутри были книги.

Лейн сказал:

— А! Вот теперь я, может быть, получу какую-то информацию! — И он начал их перебирать. С диким нетерпением он выбрал три и бросил их в грудь на кровати. Затем сел и начал внимательно их просматривать.

Конечно, он не мог прочесть текст, но в этих трех книгах было много рисунков и фотографий. Первый том выглядел похожим на мировую историю для детей.

Лейн просмотрел несколько первых страниц. Затем сказал хрипло:

— Боже! Вы такие же марсиане, как я!

Марсия, пораженная его изумлением, поднялась со своей кровати и села рядом с ним. Она наблюдала, как он листал страницы, пока Лейн не добрался до определенной фотографии. Неожиданно она спрятала лицо в ладонях, и ее тело сотрясли неутешные рыдания.

Лейн был удивлен. Что могло быть причиной такого горя? Вероятно, фотография демонстрировала панораму ее родной планеты — или какой-то планеты, где жил ее народ. Возможно, это был город, в котором она — каким-то образом — была рождена.

Как бы то ни было, прошло долгое время, прежде чем Марсия, все еще опечаленная, шевельнулась. И тогда он тоже заплакал.

Теперь он знал. Это было одиночество, пугающее одиночество, которое он до определенной меры познал, когда перестал получать сообщения от людей в вездеходах и посчитал себя единственным человеком, оставшимся на поверхности этого мира.

Постепенно слезы высохли. Он почувствовал себя лучше и заметил, что она тоже вроде бы испытывает облегчение. По-видимому, она ощутила его симпатию, так как улыбнулась ему сквозь слезы. А потом в непреодолимом порыве признатель-

ности она поцеловала его руку, после чего сунула два его пальца в свой рот. “Должно быть, это ее способ выражения дружеских отношений, — подумал он. — Или может, благодарность за участие. Или такая игра”.

— Бедная Марсия, — прошептал он. — Это, должно быть, ужасная вещь — остаться лицом к лицу с таким чужим и странным существом, каким я должен казаться. Особенно если совсем недавно ты была уверена, что оно сожрет тебя.

Он вытащил свои пальцы, но видя ее осуждающий взгляд, импульсивно взял ее пальцы в свой рот.

Странно, но это вызвало еще один приступ рыданий. Однако он быстро осознал, что это были слезы радости. Затем все прошло, она мягко засмеялась, как бы благодаря его.

Лейн взял полотенце и вытер ее глаза, а потом заставил ее высморкаться.

Теперь, успокоившись, Марсия была уже способна показывать ему иллюстрации и знаками пояснять то, что они значат.

Эта детская книжка начиналась с зарождения жизни на ее планете. Планета вращалась вокруг звезды, находившейся в соответствии с прилагаемой простейшей картой в центре Галактики.

Жизнь зарождалась так же, как и на Земле. На своих ранних стадиях она развивалась теми же путями. Но было там нечто слегка беспокоившее Лейна. Это нечто содержалось в рисунках примитивных рыб. Лейн не был уверен в своей интерпретации. Хотя она и казалась очевидной: на планете Марсии, в отличие от Земли, эволюция шла на основе биологических механизмов.

Зачарованный, он проследил переход от рыб к амфибиям, потом к рептилиям, к теплокровным созданиям, которые, однако, не были млекопитающими, и затем осуществлялся переход к прямоходящим обезьяноподобным существам, а потом к таким, как Марсия.

Далее рисунки освещали различные аспекты доисторической жизни этих существ. Открытие земледелия, обработки металлов и так далее.

Историю цивилизации отражала серия рисунков, смысл которых он редко мог уловить. Однако одно бросалось в глаза — отсутствие войн. Рамзесы, чингисханы, атиллы, цезари и гитлеры, казалось, отсутствовали. Хотя технология казалась высокоразвитой, было ясно, что не войны тому причина. Кроме того, Лейн понял, что народ Марсии стартовал раньше, чем его народ. И своего теперешнего состояния он достиг — такое у Лейна сложилось впечатление — много раньше, чем homo sapiens.

Было ли это так или нет, но сейчас они явно обошли людей.

Они могли путешествовать со скоростью света, а может быть, и быстрее. Они совершали межзвездные перелеты.

Лейн убедился в этом, когда Марсия дошла до страницы, на которой были помещены несколько фотографий Земли, очевидно сделанных с космических кораблей и с различных расстояний. Под ними художник нарисовал темную фигуру полуобезьяны-полудракона.

— Земля означает для вас это? — спросил Лейн. — Опасность? Не прикасаться?

Он искал другие фотографии Земли. В книге было много страниц, заполненных изображениями видов других планет, но только одна содержала фото его родины. Этого оказалось для них достаточно.

— Почему вы держите нас под постоянным наблюдением? — спросил Лейн. — Вы настолько обогнали нас, что с технологической точки зрения мы выглядим как австралийские аборигены. Чего вы боитесь?

Марсия подняла к нему лицо. Внезапно, без предупреждения, она зарычала, клацнула зубами и скрючила руки.

Он ощутил озноб. Это была та же самая пантомима, которую она продемонстрировала ему, объясняя назначение заключенного в клетку безмозглого, помешанного на убийстве самца.

Он склонил голову:

— Я действительно не могу обвинить вас. Вы абсолютно правы. Если вы войдете с нами в контакт, мы похитим ваши секреты. И тогда глядите! Мы заполним весь космос! Он замолчал, закусив губу. Потом заговорил снова:

— У нас есть некоторые признаки прогресса. За последние пятнадцать лет не было войн и революций; с помощью ООН аннулируются проблемы, которые могли бы привести к мировой войне. Вооружение продолжается, но уровень конфронтации сейчас не сильнее, чем был, когда родился я. Хотя...

Знаешь, я готов держать пари, что ты никогда раньше не видела землянина во плоти. Возможно, вы никогда не видели и рисунков наших людей, или видели, но на них все были одеты. В этой книге нет фотографий землян. Может, ты знала, что мы делимся на мужчин и женщин, но это не означало для вас ничего, пока ты не увидела меня принимающим душ. И внезапно возникшая параллель между самцом многоножек и мною ужаснула тебя. И ты поняла, что представляет собой существо, составляющее тебе компанию. Ах, если бы я потерпел кораблекрушение, оказался на острове и обнаружил, что другой его обитатель — тигр, я отреагировал бы так же.

Но это не объясняет мне, что ты делаешь здесь, живя в этих

трубах среди местных марсиан. О, как хотел бы я поговорить с тобой!

— “Беседуя с тобой”, — произнес он затем строку, которую прочел в последнюю ночь на базе.

Она улыбнулась ему, и он проговорил:

— Хорошо и то, что ты, по крайней мере, справилась со своим испугом. После всего я не такой уж плохой парень, а?

Она улыбнулась снова, подошла к шкафчику, достала из него бумагу и ручку. Один за другим делала она беглые наброски. Наблюдая за Марсией, Лейн постепенно постигал то, что случилось.

Ее народ давным-давно основал базу на обратной стороне Луны. Но когда ракеты с Земли впервые проникли в космос, народ Марсии уничтожил следы этой базы. Новая база была основана на Марсе.

Затем, когда стало ясно, что на Марс может быть послана земная экспедиция, от этой базы тоже пришлось отказаться. Очередную базу построили на Ганимеде.

Однако пятеро ученых остались в этих трубах, чтобы продолжить изучение многоножек.

Хотя народ Марсии и изучал этих существ некоторое время, они до сих пор не могли разобраться в одном важном вопросе: как тела многоножек могут выдерживать переход от давления в трубе к разреженной атмосфере вне ее. Пятеро полагали, что они на пороге открытия секрета, и получили разрешение остаться, хотя прибытие землян близилось.

Марсия, конечно, была местной — в том смысле, что она родилась и выросла здесь. Семь лет провела она тут. Лейн понял это из наброска Марсии.

“Примерно четырнадцать земных лет”, — прикинул Лейн. Видимо этот народ быстрее достигал зрелости, чем его. Это так, если она действительно достигла зрелости. Трудно ответить на этот вопрос.

Ужас искажил лицо Марсии и расширил ее глаза, когда она показывала Лейну, что случилось в ночь перед отправкой на Ганимед.

Спящая исследовательская группа была атакована освободившимся из клетки самцом многоножек.

Освобождение самца было редкостью. Но он случайно сумел бежать. Прodelав это, он уничтожил всю колонию в трубе, в которой жил. Он даже сожрал корни деревьев, так что те погибли, и эту часть туннеля начала заполнять углекислота.

Существовал только один способ, каким предупрежденная колония могла победить хитрого самца. И способ опасный. Нужно было вырастить собственного самца. Они выбрали не-

сколько своих соотечественников, которые должны были остаться здесь в тылу и прикрыть их своими телами, пока остальные будут спасаться бегством. Они же обязывались вырастить нового самца. Царица, которая двигаться не могла, также погибла. Однако было взято достаточно ее яиц, чтобы вырастить другую царицу и другого супруга.

Между тем теплилась надежда, что самцы или убьют друг друга, или, если победит прежний самец, он будет настолько ослаблен, что его смогут прикончить охранники с планеты Марсии.

Лейн кивнул. Единственным природным врагом многоножек был сбежавший самец. Если бы не это, они вскоре заполнили бы трубы, исчерпав запасы пищи и воздуха. Это казалось зловецим: сбежавший самец как единственное, спасающее марсиан от голода и полного вымирания.

Итак, самец напал на группу Марсии. Трое были убиты спящими, но потом проснулись остальные. Один бросился на зверя и дал Марсии возможность бежать.

Почти обезумевшая от страха, Марсия все же не поддавалась панике. Вместо этого она бросилась за оружием.

“Оружие! — подумал Лейн. — Хотелось бы найти что-нибудь из оружия”.

Марсия продолжала показывать, что происходило. Она открыла дверь в бункер и искала оружие, когда почувствовала, что клюв хитрого самца вцепился ей в ногу. Хотя клювы глубоко проникли в ткань, разрывая кровеносные сосуды и мышцы, она уже в состоянии шока направила ствол оружия на тело самца. Оружие сделало свое дело, самец повалился на пол. К несчастью, клювы не разжались, мертвой хваткой впились они в ее бедро, несколько выше колена.

Здесь Лейн попытался прервать ее: ему хотелось узнать, как выглядит оружие, каков его принцип действия. Марсия, однако, игнорировала его просьбу, показав, что не понимает вопроса. Однако он не был уверен в этом; возможно, она просто не желала отвечать. И как он мог осуждать ее? Она была бы идиоткой, если б расслабилась и сообщила все неизвестному. И вообще, хотя она не знала его лично, она знала людской род, из которого он происходил, знала, чего можно от них ожидать. Удивительно, что она не оставила умирать его в саду. И еще более удивительно, что она поделила с ним общность хлеба и вина.

Хотя, подумал он, причиной вполне могло быть одиночество, а любая компания лучше, чем ничего. Могло быть и так, что она в своем духовном различии была много выше большинства землян, а потому не могла вынести и мысли о том, чтобы ос-

тавить разумное существо умирать, даже если он представлялся ей как кровожадный дикарь.

Или у нее были другие планы относительно него. Например, она мечтала пленить его.

Марсия продолжала свой рассказ. Она потеряла сознание, но некоторое время спустя очнулась. Самец начал шевелиться. Она прикончила его окончательно.

Лейн получил чуть больше информации. Стало быть ее оружие обладает способностью регулировать силу действия.

Когда Марсия наконец высвободилась, она дотащила до медицинского бокса и вылечила себя. Уже через два дня она поднялась и даже походила немного, сильно хромая. Шрамы начали исчезать.

“Они, должно быть, опередили нас во всем, — подумал Лейн. — Если верить ей, ее мускулы были основательно порваны. И они срослись за один день”.

Марсия объяснила, что лечение требовало ненормального количества еды в продолжение всего периода выздоровления. Регенерация, проходящая в ускоренном темпе, требует много энергии.

Вскоре тела самца и ее товарищей начали разлагаться. Она собралась с силами, расчленила их и засунула в печь для уничтожения отходов.

Слезы показались из ее глаз, и она зарыдала.

Лейн хотел спросить ее, почему она не похоронила их, но передумал. Вероятно, было просто не принято среди ее народа хоронить мертвых, но более вероятным казалось то, что она хотела уничтожить следы их пребывания до того, как земляне прибудут на Марс.

Знаками он спросил ее, как самец проник в помещение, ведь дверь в туннеле обычно закрыта. Оказалось, что дверь открыл один из них, собирая яйца в камере царицы. Как раз в это время появился самец и убил ученого. Затем, после умерщвления спокойно спавшей колонии многоножек, он выбрался в трубу и здесь увидел свет, идущий из открытого туннеля. Конец истории Лейн уже знал.

Почему же, показал он жестами, сбежавший самец бодрствовал? Тот, которого они видели в клетке, спал, как и его собратья. И охранники царицы тоже спали в полной уверенности, что на них некому напасть.

— Не так, — объяснила Марсия. — Самец, освободившийся из клетки, не знает ничего, кроме усталости. Когда он устает убивать и пожирать, то ложится спать. И не имеет значения, подходящее ли для этого время или нет. Когда он отдохнет, то снова начинает бесноваться и не останавливается до тех пор,

пока вновь не устанет двигаться.

В таком случае становилось ясно, почему на трубе рядом с садом оказались мертвые деревья. Новый сад заложила и вырастила другая колония многоножек, перебравшаяся сюда из другой части Марса.

Лейн удивился, почему ни он, ни другие из его группы на протяжении шести дней их пребывания на Марсе не увидели многоножек снаружи.

Для каждой колонии должна была быть по крайней мере одна переходная камера и один выход наружу. Здесь, в трубах, вероятно, как минимум, пятнадцать колоний. Вероятнее всего, что сборщики листьев не рисковали лишний раз выбираться наружу. Ни Лейн, ни кто-нибудь другой не заметили отверстий в листьях умбреллы. Это означало, что деревья были обрезаны некоторое время назад и теперь были готовы к очередному сбору урожая. Если бы экспедиция подождала еще немного, прежде чем посылать людей на вездеходах, они могли бы увидеть многоножек и проследить за ними. И все сложилось бы иначе.

У Лейна появились и другие вопросы. Как насчет корабля, который должен был доставить их на Ганимед? Был ли он спрятан снаружи, или кто-то должен был прибыть и забрать их? Если это так, то как можно связаться с базой на Ганимеде? Радио? Или какой-нибудь — для него — непостижимый метод?

"Голубые шары! — подумал он. — Могут ли они иметь отношение к передаче сообщений?"

Разузнать или даже просто поразмыслить об этом Лейн не смог, так как усталость накатила на него, и он заснул.

Когда он нехотя проснулся, его мускулы ныли, а во рту было сухо, как в марсианской пустыне. Он поднялся вовремя, чтобы увидеть Марсию, вынырывающую из туннеля с ведром яиц в руке. Увидев это, он застонал. Следовательно, она снова ходила в питомник, а он проспал больше часа.

Спотыкаясь, Лейн поднялся и прошел в кубическую кабину душа. Выйдя немного освеженным, он обнаружил завтрак уже на столе. Марсия провела обряд общности, и они поели. Он пожалел, что нет кофе. Горячий суп был хорош, но не мог служить приемлемой заменой. На столе стояла чаша со смесью каких-то злаков и фруктов, извлеченных из консервных банок. Они, должно быть, были очень калорийны, потому что заставили его полностью проснуться.

Потом он проделал несколько приседаний, пока она собирала посуду. Хотя он и занял свое тело делом, он продолжал думать и о том, что ему предстояло.

Каким должно быть его следующее действие? Долг требовал, чтобы он вернулся на базу и доложил обо всем. Какие новости

пошлет он на орбитальный корабль! Его рассказ передадут с корабля на Землю. Будет шуметь вся планета.

Лейн собирался взять с собой Марсию, но понимал, что она не захочет.

Совершая глубокий наклон, он замер на полпути. Какой он идиот! Он слишком утомился и не понимал, что если она открыла ему, что база ее народа находится на Ганимеде, то она, конечно, не позволит ему передать никакой информации. Было бы идиотизмом с ее стороны рассказывать ему об этом, если бы она не была абсолютно уверена, что он не сможет ни с кем связаться.

Это означало, что корабль ее народа уже в пути и должен скоро прибыть. И корабль этот заберет не только Марсию, но и его, Лейна. А если ему суждено быть убитым, то это произойдет в ближайшее время.

Лейн не был бы членом первой марсианской экспедиции, если бы ему недоставало решимости. Пятью минутами позже он принял решение. Его обязанности ясны. Поэтому он должен выполнить их, даже если это потребует насилия над его лучшими чувствами к Марсии и причинит ей неприятности.

Сначала он свяжет ее. Затем упакует их костюмы-скафандры, чтобы их можно было изучить на Земле, книги и все достаточно мелкие вещи. Он заставит ее идти впереди себя по трубам, пока они не окажутся напротив ее базы. Там они наденут защитные костюмы и перейдут в помещение базы. Затем, по возможности быстрее, отправятся на ракете к орбитальному кораблю. Этот шаг был наиболее рискованным, так как одному человеку чрезвычайно сложно пилотировать ракету. Но теоретически это могло быть сделано. Значит, так оно и будет.

Лейн сжал челюсти и напряг мускулы, останавливая дрожь, пробежавшую по его телу. Мысль о нарушении законов гостеприимства мучила его. До сих пор Марсия принимала его настолько хорошо, насколько возможно, правда не из чистого альтруизма. Она что-то замышляла. Это ясно.

В одном из шкафчиков лежала веревка, та самая эластичная веревка, с помощью которой она вытащила его из трясины. Он открыл дверцу шкафчика и достал ее. Марсия стояла в центре комнаты и наблюдала за ним, одновременно почесывая голову голубоглазого червя, обвившегося вокруг ее плеч. Лейн надеялся, что червь не пошевелится, пока он не подойдет поближе. Было очевидно, что на Марсии нет оружия или еще чего-нибудь опасного, только ее любимец обнимал ее. С тех пор как она сняла костюм, она не носила ничего.

Видя, как Лейн приближается к ней, Марсия обратилась к нему встревоженным тоном. Не надо было быть слишком до-

гадливый; чтобы понять ее вопрос. Ее интересовало, что он собирается делать с веревкой. Лейн постарался улыбнуться, но не смог этого сделать.

Моментом позже он замер. Марсия произнесла одно слово, и Лейн почувствовал себя так, словно это слово ударило его в низ живота. На него накатилась непереносимая тошнота, рот наполнился слюной. Как только он, бросив веревку, добежал до душа, он изрыгнул полупереваренную массу на пол.

Десятью минутами позже он почувствовал полное очищение. Но когда он попробовал добраться до постели, ноги отказались двигаться. Марсия поддерживала его.

Он зверски ругался в душе. Такая реакция на чужую пищу в такой критический момент! Счастье было не на его стороне.

Да, если это дело случая. Но было что-то странное в том ее слове. Возможно ли, что она внедрила в него — гипнотически или еще каким-то образом — условный рефлекс на это слово? Если так, то она владела более могущественным оружием, чем пистолет.

Лейн, правда, не был в этом уверен. Однако ведь он уже ел эту пищу, и с ним ничего не случилось. Нет, это гипноз, но как можно было так легко ввести Лейна в гипнотическое состояние, если он знал более двадцати слов на ее языке?

Язык? Слова? Они не были необходимы. Если она дала ему наркотическое вещество в пище, а затем разбудила его во время сна, то она вполне могла внушить ему ключевое слово и затем вновь отправить его спать.

Он был достаточно сведущ в гипнозе, чтобы знать, что это возможно. Были его подозрения верны или нет, однако он лежал распластавшись на спине. День все же не был потерян зря. Лейн выучил более двадцати слов, и она нарисовала ему множество картинок. Он обнаружил, что когда прыгнул в трясину сада, то буквально угодил в суп. Субстанция, в которую высаживали молодую умбреллу, являлась зооглеей, клейкой массой одноклеточных растений и различных животных форм жизни, этими растениями питавшимися. Тепло, выделяемое этими удерживающими воду организмами, поддерживало постоянную температуру садовой грязи и предохраняло нежные ростки от замерзания даже при сорока градусах ниже нуля по Фаренгейту.

Потом деревья пересаживают на трубы, или заменяют погибшие зрелые особи, а зооглея будет постепенно убрана в трубу, потом она попадет в канал, где реактивные рыбы отфильтруют часть ее, а часть съедят, перекачивая воду от полярного конца трубы к экваториальному.

К концу дня Лейн попробовал съесть немного супа из зооглеи

и сумел пропихнуть его в желудок. Чуть позже он съел немного злаков.

Марсия настойчиво предлагала ему пищу с ложки. В ее заботливости было что-то настолько женственное и нежное, что он не смог протестовать.

— Марсия, — сказал он, — конечно, я могу ошибаться. Но между нашими народами могут быть хорошие отношения и взаимопонимание. Вам нужно взглянуть на нас. Если бы ты была настоящей женщиной, я бы полюбил тебя. Конечно, ты можешь в любое время заставить меня почувствовать тошноту. Но если ты так поступишь, то, значит, это так и надо в данный момент, а не потому, что ты зла. И сейчас ты заботаешься обо мне, своем враге. Любишь этого врага. Хотя ты и не можешь мне сказать об этом, но наверняка знаешь, что делаешь.

Она, конечно, не поняла его. Однако ответила ему на своем языке, и Лейну показалось, что в ее голосе звучит тоже чувство симпатии.

Когда он засыпал, то подумал о том, что он и Марсия должны быть двумя послами, несущими своим народам мир. В конце концов, оба они были высокоцивилизованными представителями Вселенной, в основе своей мирными и искренне религиозными. Существовала же такая вещь, как братство. И не только людей, но всех разумных существ в космосе.

Тяжесть в мочевом пузыре разбудила его. Он открыл глаза. Потолок и стены пульсировали, сжимаясь и расширяясь. Часы на запястье меняли форму. Только предельным напряжением воли Лейн смог сфокусировать свои глаза и вытянуть руку с часами. Часть их, призванная измерять немного длинный марсианский день, показывала полночь.

Шатаясь, он встал. Он чувствовал уверенность, что его одурманили наркотиком. Он продолжал бы спать, если бы резь в мочевом пузыре не была бы такой острой. Лейн собирался найти что-либо нейтрализующее наркотик и попытаться воплотить свои планы в жизнь. Но сначала он должен сходить в туалет.

Сделав это, он приблизился к кровати Марсии. Она не двигалась, лежа на спине, ее руки были раскинуты и свисали по сторонам кровати. Ее рот был широко раскрыт.

Глаза Лейна уловили какой-то блеск, мимолетную вспышку света, словно во рту у Марсии находился сверкающий драгоценный камень.

Лейн склонился над ней, присматриваясь, и в ужасе отпрянул: между ее зубов виднелась голова.

Он протянул руку, чтобы вытащить это существо, но замер, когда узнал крошечные вздутые губы вокруг рта и маленькие голубые глаза. Это был червь.

Сначала он подумал, что Марсия мертва. Существо не свернулось кольцами у нее во рту; его тело исчезало у нее в глотке.

Затем Лейн увидел, что ее грудь слегка приподнимается и что она вроде бы не испытывает затруднений с дыханием. Мускулы живота Лейна сжались, а мышцы шеи напряглись, но он приблизил свою руку к губам Марсии.

Теплый воздух коснулся его пальцев, и он услышал легкое посвистывание.

Марсия дышала через э т о !

Он хрипло сказал: “Боже!” — и потряс ее за плечо. Он не хотел дотрагиваться до червя, так как боялся, что повредит ей. Он даже забыл, что сейчас у него преимущество перед ней и он может использовать свой план.

Веки Марсии открылись; ее глаза были бессмысленно вытаращены.

— Вынь это, но осторожно, — сказал Лейн успокаивающе.

Она задрожала. Ее веки закрылись, шея выгнулась назад, лицо исказилось.

Он не мог сказать, выражала ли эта гримаса боль или что-либо другое.

— Этот монстр... что это? — спросил он. — Симбиот? Паразит?

Он подумал о вампирах, о червях, которые внедряются в спящее тело и сосут кровь.

Внезапно Марсия села и протянула свои руки к нему. Он сжал их.

— Что это? — спросил он.

Марсия привлекла его к себе, одновременно поднимая к нему свое лицо.

Из ее открытого рта потянулся червь, его голова направилась к лицу Лейна, маленькие губки сложились в букву “О”.

Это был рефлекс. Рефлекс страха заставил Лейна отдернуть руки и отпрыгнуть назад. Он не хотел делать этого, но не мог справиться с собой.

Внезапно Марсия полностью проснулась. Червь целиком выскользнул из ее рта и грудой упал между ее ногами. Здесь он метался какое-то время, прежде чем свернуться кольцами, как змея. Его голова покоилась на бедре Марсии, глаза повернулись к Лейну.

Сомнений не было. Марсия выглядела разочарованной и расстроенной.

Колени Лейна, и так слабые, подогнулись. Однако он собирался исполнить свое намерение, хотя его сердце бешено колотилось в грудной клетке и он с трудом дышал.

Лейн сел позади нее, потому что не хотел быть там, где червь мог коснуться его.

Марсия показала жестом, что он должен вернуться на свою кровать, и они все будут спать. “Несомненно, — подумал он, — она не нашла ничего пугающего в том, что произошло”.

Однако Лейн знал, что не сможет отдыхать, пока не получит объяснений. Он взял бумагу и ручку с прикроватного столика и сделал выразительный жест. Марсия пожала плечами и начала рисовать. Лейн наблюдал из-за ее плеча. Ей потребовалось пять листов бумаги, чтобы передать ему нужную информацию.

Глаза Лейна расширились, и он побледнел.

Итак, Марсия была женщиной. Женщиной в том смысле, что она заботилась о яйцах — и временами о младенцах — внутри себя.

И был тут так называемый червь... Так называемый? Как Лейн должен называть его? Он не подходил ни под одну категорию. Это было множество вещей в одной. Это была личинка. Это был плод-яйцо. Это был также отпрыск Марсии, ее плоть и кровь. Но родился, если так можно сказать, не от нее.

Вернее, она родила его, но не была его матерью. Она не была даже одной из его матерей.

Головокружение и неудобство, которые ощущал Лейн, не являлись результатом его плохого самочувствия. Он размышлял мучительно и долго. События развивались слишком стремительно. Он думал неистово, стараясь придать ясность полученной информации, но его мысли только метались туда-сюда: ни на чем не задерживаясь.

“Нет причин расстраиваться, — сказал он себе. — В конце концов, разделение животных на два пола — это только один из путей воспроизводства, опробованный на Земле. На планете Марсии Природа — БОГ — предпочла для высших животных другой метод. И только ОН, БОГ, знает, как много других видов воспроизводства существует в других мирах...”

Однако Лейн расстроился.

Этот червь... нет, эта личинка, этот эмбрион, вылупившийся из яйца его вторичной матери... хорошо, назовем его личинкой раз и навсегда, так как позже личинка перевоплотится.

Эта особая личинка будет пребывать в своей теперешней форме до смерти от старости.

Если Марсия не найдет другого взрослого ээлтау.

И если она и этот другой не почувствуют влечение друг к другу.

Затем, согласно рисункам, которые рисовала Марсия, она и ее друг — или любовник — должны будут лечь или сесть вместе. Они будут много ласкаться и целоваться, как и земные мужчина и женщина, хотя на Земле Лейну не польстило бы, если бы его стали называть “Большой Рот”.

Затем, в отличие от земных обычаев, к союзу должен был присоединиться третий, чтобы сформировать желанный, совершенно необходимый и вечный треугольник.

Личинка, бессмысленно повинаясь своим инстинктам, ласкаемая обоими, должна будет погрузить свой хвост сначала в глотку одного из двух ээлтау; тогда внутри тела любовника откроется мясистый клапан, принимая скользкое тело личинки. Кончик личинки коснется яичника хозяина. Личинка, как электрический угорь, выбросит слабый заряд электротока. Один из ээлтау придет в экстаз, яичник выдаст яйцо, размеры которого окажутся не больше, чем поставленная ручкой точка. Оно исчезнет в открытом кончике хвоста личинки, и она начнет свое путешествие к центру тела, подгоняемая ресничками и сокращениями мускулов.

Затем личинка выскользнет изо рта первой особи и войдет в другую, повторяя процесс. Иногда личинка захватывает яйца, иногда нет, в зависимости от того, подготовил ли яичник яйцо к выделению.

Когда процесс успешен, два яйца движутся навстречу друг другу, но еще не встречаются.

Еще нет.

Там должны быть и другие яйца, собранные в темном инкубаторе личинки в пары, причем необязательно, чтобы они были от одних и тех же доноров.

Их должно быть где-то от двадцати до сорока пар.

Затем однажды таинственная химия клеток сообщает телу личинки, что яиц набралось достаточно.

Выделяются гормоны, и начинается метаморфоза. Личинка ненормально разбухает, и мать, видя это, осторожно помещает ее в теплое место и кормит в изобилии отрыгнутой пищей и сахарной водой.

На глазах матери личинка становится короче и толще. Ее хвост сокращается. Хрящевые кольца, широко раздвинутые на стадии личинки, сближаются друг с другом и затвердевают. Формируется скелет, ребра, плечи. Появляются руки и ноги, они вытягиваются и приобретают человеческую форму. Проходит шесть месяцев, и вот в детской кроватке лежит нечто напоминающее ребенка хомо сапиенс.

К своему четырнадцатому году ээлтау вытягивается и развивается, как и его земной аналог.

Зрелость, однако, приводит к еще более странному изменению. Гормоны вырабатывают другие гормоны, пока первая пара яиц, дремавшая эти четырнадцать лет, сближается. Они проникают друг в друга, хроматин одного смешивается с хроматином другого, из них возникает простое создание, похожее

на червя четырех дюймов длиной, и выделяется в живот своей хозяйки.

Затем тошнота. Рвота. Так почти безболезненно выносятся наружу генетически новое существо.

Новый червь, который служил одновременно и фетишем и яйцом, мог приносить экстаз и втягивать в свое тело яйца любящих взрослых, мог претерпеть метаморфозу и стать новым младенцем, юношей, а затем взрослым.

И так далее, и так далее.

Лейн поднялся и, шатаясь, направился к своей кровати. Он сидел, склонив голову, и шептал самому себе:

— Так, Марсия родила и выносила эту личинку. Но в личинке нет ни одного гена Марсии. Для нее она была только хозяйкой. Однако если у Марсии будет пара, она с помощью этого червяка принесет свои наследственные признаки. Этот червь станет взрослым и выносит другого — ребенка Марсии.

Он поднял в отчаянии руки.

— Как ээлтау считают свои поколения? Как прослеживают своих предков? Или они этого не делают? Может, легче считать свою приемную мать, свою хозяйку, настоящей матерью? Кто же она у вас на самом деле? И какого рода генетический код создает этих людей? Он не может, я думаю, сильно отличаться от нашего. Нет никаких причин, обуславливающих это. Но кто отвечает за развитие личинки и ребенка? Его псевдомать? Или это меняется в обязанность партнера? И как в отношении собственности и законов наследования? И... и...

Лейн беспомощно посмотрел на Марсию. Ласково поглаживая голову личинки, она вернула ему его взгляд.

Лейн покачал головой:

— Я был не прав. Ээлтау и земляне не смогут встретиться на дружеской основе. Люди станут воспринимать вас как отвратительных паразитов. Будут разбужены их глубочайшие предрассудки, сокровеннейшие табу будут осквернены. Они не сумеют жить с вами или хотя бы отдаленно считать вас людьми. А если это произойдет, то сможете ли вы жить с нами? Разве моя нагота не вызвала у тебя шока? Не поэтому ли вы не контактируете с нами?

Марсия положила личинку, подошла к нему и поцеловала кончики его пальцев. Лейн хотя и сопротивлялся немного, но тоже взял ее пальцы и поцеловал их. И сказал мягко:

— Да... индивидуальности могут научиться уважать друг друга, даже полюбить один другого. А массы состоят из индивидуальностей.

Он откинулся на кровать. Он больше не мог бороться со сном.

— Прекрасный, благородный разговор, — прошептал он. —

Но это ничего не значит. Ээлтау не думают, что они смогут иметь с нами дело. Что случится, когда мы будем готовы совершить межзвездный прыжок? Война? Или они побоятся позволить нам продвинуться даже до этой точки и уничтожат нас до этого? В конце концов, одна кобальтовая бомба...

Он вновь посмотрел на Марсию, на ее не совсем человеческое, но прекрасное лицо, гладкую кожу груди, живота и поясницы. Вновь ощутил отсутствие сосков, пупка, лобка. Она пришла издалека, из ужасно отдаленного места, через огромные расстояния. Лейн, однако воспринимал ее как теплое, щедрое, дружеское и привлекательное существо.

Засыпая, он вновь вспомнил строки, которые читал в последнюю ночь на базе:

Это голос моего возлюбленного.

Стуча, говорит он:

“Открой мне, моя сестра, моя любовь,
моя голубка, моя невинная...

Сестра есть у нас,

которая еще мала,

И грудей нет у нее;

Что нам делать с сестрой,

Когда будут свататься за нее!

С тобой беседуя, забыл я о времени,

О временах года и смене их —

все они нравились мне

равно...

— С тобой беседуя, — повторил Лейн громко, повернулся спиной к Марсии и ударил кулаком по кровати: — Великий боже, почему не может быть так?

Долгое время он лежал, вжимаясь лицом в матрас. Что-то случилось; окутывающая его усталость исчезла; его тело словно выплыло из какого-то резервуара. Осознав это, он сел, кивнул Марсии и улыбнулся ей.

Она медленно поднялась и подошла к нему, но он показал, чтобы она захватила с собой личинку. Сначала она глядела недоуменно. Затем выражение ее лица прояснилось. Недоумение уступило место пониманию. Слабо улыбаясь, она снова направилась к нему, и, хотя он знал, что это обман его собственного воображения, ему показалось, что она покачивает бедрами, как женщина.

Она остановилась перед ним в ожидании, предоставляя ему поцеловать себя в губы. Ее глаза были закрыты.

Он колебался долю секунды. Она — нет, оно сказал он себе. — выглядела так доверчиво, так любяще, так женственно, что он не мог не сделать этого.

— За Землю! — произнес он отчаянно и свел концы пальцев на ее шее.

Она обмякла, падая на него, ее лицо скользнуло по его груди. Лейн поймал ее под мышки и положил лицом вниз на кровать. Личинка, выпавшая из ее руки на пол, корчилась от боли. Лейн поднял ее за хвост и в ярости, вызванной ужасом, что он будет не способен сделать это, взмахнул ею, как хлыстом. Раздался треск, когда голова личинки врезалась в пол и кровь брызнула из ее глаз и рта. Лейн поставил пятку на голову личинки и давил, давил, давил, пока не ощутил под ногой плоскую массу.

Затем быстро, чтобы успеть, прежде чем Марсия придет в сознание и произнесет слова, которые сделают его слабым и вызовут тошноту, он подбежал к шкафчику. Выхватив из него узкое полотенце, он вернулся назад и вставил ей кляп. После этого он веревкой связал ее руки за спиной.

— Сейчас, дрянь! — Лейн задышался. — Мы посмотрим, кто выиграет! Ты сделала со мной это, ты! Ты это заслужила, а твой монстр заслужил смерть!

Он торопливо начал укладываться. Через пятнадцать минут он упаковал в два узла костюмы, шлемы, баллоны, пищу. Он искал оружие, о котором она говорила, и нашел нечто, что могло им оказаться. Оно имело приклад, подходящий к его руке, и диск, который мог служить регулятором интенсивности того, чем оно стреляло. Эта штука, как надеялся Лейн, могла испускать из своего грушевидного конца парализующую и убивающую энергию. Конечно, он мог и ошибаться. Эта штука могла использоваться совсем для других целей.

Марсия пришла в себя. Она села на краю кровати, ее плечи поникли, голова опустилась; слезы бежали по ее щекам в полотенце, которым был заткнут рот. Ее расширившиеся глаза были сфокусированы на раздавленном черве у ее ног.

Лейн грубо сжал ее плечи и поднял с кровати. Она дико взглянула на него, и он снова слегка встряхнул ее. Он почувствовал тошноту. Он знал, что убил личинку, хотя не хотел делать этого. Он знал также, что связал ее так жестоко, потому что боялся не ее — себя. Ловушку, в которую она попала, он построил потому, что, несмотря на свое отвращение, хотел предаться этому акту любви. Предаться, подумал он, было верным словом. Оно содержало налет преступления.

Марсия повернулась кругом, почти потеряв равновесие из-за связанных рук. Ее лицо дергалось, и звуки рвались из-под кляпа.

— Заткнись! — взвыл он и вновь встряхнул ее. Она вырвалась и упала на колени. Он сразу же поставил ее на ноги, отмигив, что колени были ободраны. Вид крови, вместо того чтобы смягчить, разъярил Лейна еще больше.

— Веди себя нормально, или тебе будет хуже! — прорычал он.

Она бросила на него короткий взгляд, откинула назад голову и издала странный придушенный звук. И сразу же ее лицо приобрело синеватый оттенок. Секундой позже она тяжело рухнула на пол.

Испуганный, он перевернул ее. Она была в смертельном шоке.

Он вытащил кляп, залез ей в рот и захватил корень языка. Язык выскользнул, но Лейн схватил его вновь. Язык стремился вырваться, словно живое существо, не повиновавшееся ему.

Наконец Лейн извлек ее язык из глотки: она проглотила его в стремлении убить себя.

Лейн ждал. Когда стало ясно, что она приходит в себя, Лейн снова засунул ей кляп в рот. Когда он завязывал сзади узел, ему в голову пришла мысль, от которой руки его опустились. Что, если это будет продолжаться? Если позволить ей говорить, она произнесет слово, которое повергнет его в рвоту. Если оставить ее с кляпом, то она вновь проглотит свой язык.

Он может спасти ее много раз, но в конце концов она успеет в своих попытках задушить себя.

Единственное, что спасло бы Лейна, было для него невыполнимо. Если ее язык будет вырван с корнем, она не сможет ни говорить, ни убить себя. Некоторые люди сделали бы это. Но он не мог.

Чтобы добиться ее молчания, надо было убить ее.

— Я не могу сделать это хладнокровно, — объяснил он громко. — Итак, Марсия, если ты хочешь умереть, ты должна кончить жизнь самоубийством. Я мешать не буду. Вставай! Я беру твой багаж, и мы отправляемся.

Марсия посинела и осела на пол.

— Я не буду спасать тебя на этот раз! — заорал он, но обнаружил, что руки его неистово стараются развязать узел.

Идиот, твердил он себе, какой же он идиот! Конечно! Решение есть: нужно использовать ее собственное оружие. Повернув регулятор на парализующее действие, он выстрелил в нее, когда она начала приходить в сознание. Это, разумеется, означало, что он понесет ее и снаряжение — тридцать миль по трубе до ближайшего к базе выхода. Но он должен сделать это. Он соорудит что-то вроде упряжки. Он это сделает! Его ничто не сможет остановить. И Земля...

В этот момент он, услышав незнакомые звуки, оглянулся. В комнате стояли двое ээлтау в защитных костюмах, и еще один выползал из туннеля. У каждого в руке было оружие с грушевидным концом. С отчаянием Лейн схватился за оружие, ви-

севшее на его поясе. Левой рукой он повернул регулятор в сторону ствола, надеясь, что это обеспечит полную мощность. Затем он направил грушу на группу...

Он очнулся, лежа на спине, одетый в свой костюм. На нем не оказалось шлема. Лейн ощутил, что его связали ремнем. Его тело было беспомощно, но он мог повернуть голову. Он так и сделал и увидел множество ээлтау. Тот, который парализовал Лейна своим оружием, стоял рядом.

Зазвучал английский язык с едва заметным акцентом:

— Успокойтесь, мистер Лейн. Вам предстоит долгое путешествие. Вам будет удобнее, когда мы окажемся на нашем корабле.

Лейн открыл было рот, чтобы спросить, как они узнали его имя, но тут же закрыл его, поняв, что они, должно быть, прочитали записи в вахтенном журнале на базе. И было неудивительно, что некоторые ээлтау знали земные языки. Столетия их патрульные корабли ловили передачи по радио и телевидению.

Тут к капитану обратилась Марсия. Ее лицо было ужасным, покрасневшим от слез и исцарапанным.

Переводчик обратился к Лейну:

— Марсийяа просит сказать ей, зачем вы убили ее ребенка? Она не понимает, почему вы так поступили.

— Я не могу ответить, — объяснил Лейн. Его голова была словно в тумане. Комната медленно поплыла вокруг.

— Я скажу ей почему, — проговорила переводчица. — Скажу, что такова природа зверя.

— Это не так! — закричал Лейн. — Я не злобный зверь. Я сделал это, хотя я и собирался... Я не мог принять ее любовь и остаться человеком! Не разнообразию человека...

— Марсийяа, — объяснила переводчица, — просит, чтобы вы были прощены за убийство ее ребенка. И чтобы вы впредь после нашего обучения стали не способны на такие вещи. Сама она, хотя и поражена горем в связи со смертью ребенка, прощает вас. И надеется, что придет время, когда вы будете воспринимать ее как... сестру. Она думает, что в вас есть что-то хорошее.

Лейн сжал зубы и прикусил кончик языка, когда они начали надевать на него шлем. Он не смел заговорить, потому что это означало бы, что он станет кричать и кричать. Он чувствовал, как нечто словно внедрялось в него, разрушало его оболочку и вырастало во что-то, напоминающее червя. Оно поедало его. А что должно было случиться, прежде чем э т о пожрет его, он не знал.

НОЧЬ СВЕТА

роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

На земле было бы жутко видеть человека, который гонится за кожей лица, тонкой пленочкой, которую, как бумажку, гонит ветер.

На планете Радость Данте это привлекло внимание лишь нескольких прохожих. И это любопытство было вызвано только тем, что занимался этим землянин, который сам по себе представлял очень любопытное зрелище.

Джон Кармода бежал по длинной прямой улице мимо высоких башен, сделанных из огромных гигантских плит. Из темных ниш на него смотрели каменные изваяния каких-то чудовищ, с балконов и галерей его благославляли каменные боги и богини.

Маленький человечек, казавшийся еще меньше рядом с громадой каменных стен, как безумный, преследовал прозрачную порхающую пленку, которая трепыхалась в воздухе, гонимая сильным ветром. Она вертелась, показывая то отверстия для глаз, то для ушей, то ухмыляющийся рот. На лбу развевалась прядь длинных светлых волос.

Ветер завывал возле него, как бы пылая яростью вместе с ним. И вдруг кожу, которая была совсем рядом, подхватил порыв ветра.

Кармода выругался и прыгнул за ней. Его пальцы коснулись кожи. Но она вырвалась, взлетела и приземлилась на балконе на высоте около десяти футов от земли. Прямо у ног каменного изображения бога Йесса.

Задышавшись, держась за большую грудь, Джон Кармода прислонился к основанию колонны. Когда-то он был в хорошей форме и даже завоевал звание чемпиона Федерации по боксу в своем весе, но с тех пор живот его увеличился, чтобы соответствовать возросшему аппетиту, а под подбородком появился жировой мешок, подобный зубу.

Однако это его не волновало. У него была грива черно-голубых волос, жестких и прямых, напоминающих птичьи перья.

Голова его имела форму редьки, лоб чересчур высок, левый глаз чуть прищурен, что придавало ему слегка глуповатый вид. Нос его был слишком длинный и острый, рот слишком тонкий, зубы слишком редкие.

Он посмотрел наверх, свесив голову набок, как птица, и понял, что по стене ему не взобраться. Окна дома были закрыты тяжелыми железными ставнями, а железная дверь была заперта. С дверной ручки свисала табличка с надписью на языке планеты Радость Данте "Мы спим".

Кармоды пожал плечами и улыбнулся. Его мягкая улыбка была в разительном контрасте с тем безумием, что только что владело им, когда он пытался завладеть кожей. Он пошел прочь. И тут ветер подул с новой силой, обрушив на человека всю свою ярость.

Кармоды шел против ветра, наклонившись и опустив голову, но его светлые голубые глаза смотрели вперед. Еще никто и никогда не заставлял его врасплох с закрытыми глазами.

За углом стояла телефонная будка, такая большая, что могла вместить человек двадцать. Кармоды постоял возле нее, но при следующем порыве ветра вошел внутрь. Он подошел к одному из шести телефонов и взял трубку. Однако не стал садиться на широкую каменную скамью, а предпочел нервно подскакивать на месте, переминаясь с ноги на ногу и по птичьему склонив голову, скользя взглядом по входящим.

Он набрал номер бордингхауза миссис Кри. Когда она взяла трубку, Кармоды сказал:

— Прелесть моя, это Джон Кармоды. Я бы хотел поговорить с отцом Галлунксом.

Как он и ожидал, миссис Кри хихикнула и сказала:

— Отец Скалдер как раз здесь. Подожди секунду...

Наступила пауза, затем раздался мужской голос:

— Кармоды? В чем дело?

— Ничего тревожного, — сказал Кармоды. — Я думаю...

Он замолчал, ожидая комментариев Скалдера, и улыбнулся, подумав, что Скалдер сейчас стоит, нетерпеливо ожидая продолжения и будучи не в силах сказать что-либо из-за присутствия миссис Кри. Он представил себе длинное изборожденное морщинами лицо монаха с высокими скулами, огромной лысиной, впалыми щеками, тонкими губами, подобными клешням краба. Эти губы сжимаются, пока не исчезают совсем, оставляя на месте рта узкую щель.

— Слушай, Скалдер, у меня есть кое-что сообщить тебе. Может, это важно, а может, и нет, но, во всяком случае, это очень странно. — Он замолчал, зная, что монах прямо-таки исходит пеной нетерпения под внешней невозмутимостью. Он не мог

позволить себе проявить нетерпение и ненавидел себя за то, что не может рывкнуть Кармоду, чтобы тот выкладывал все и поскорее. Но все же спросить ему пришлось — ставка была чересчур высока:

— Ну так в чем дело? — наконец разродился он. — Ты не можешь говорить по телефону?

— Могу. Но я не хочу беспокоить тебя. Может, тебе это неинтересно. Скажи, пять минут назад произошло что-нибудь странное с тобой или с теми, кто поблизости?

Наступила долгая пауза, а затем послышался сдавленный голос Скалдера:

— Да. Солнце как-то мигнуло и изменило цвет. У меня закружилась голова, появился жар. То же самое произошло и с миссис Кри и с отцом Галлунксом.

Кармода помолчал, чтобы убедиться, что монах не собирается ничего прибавить.

— И это все? Больше ничего не произошло с вами?

— Нет. А что?

Кармода рассказал ему о коже лица, внезапно появившейся в воздухе перед ним.

— Я подумал, что у тебя могут быть какие-нибудь соображения.

— Нет, кроме плохого самочувствия ничего не произошло.

Кармода почувствовал спазм в голосе монаха. Ну, ладно, потом он выяснит, не скрывает ли монах что-нибудь. А пока...

Внезапно Скалдер его перебил:

— Миссис Кри вышла из комнаты. Говори, что ты хочешь сказать, Кармода!

— Я хотел лишь сравнить ваши впечатления о мигании солнца, — повторил он. — А кроме того, я хотел рассказать тебе, что я видел в замке Боситы.

— Ты должен был там узнать все, — прервал его Скалдер. — Ты был там достаточно долго. Когда ты не пришел вечером, я решил, что с тобой что-то произошло.

— Ты не звонил в полицию?

— Нет, конечно! — проскрипел монах. — Ты думаешь, что раз я священник, то непременно и дурак? А кроме того, ты не такая важная птица, чтобы беспокоиться о тебе.

Кармода хмыкнул:

— Люби ближнего, как брата своего. Правда, лично я никогда не заботился о своем брате — да и ни о ком другом тоже. Во всяком случае, я опоздал — всего на двадцать четыре часа — из-за того, что мне пришлось принять участие в большом параде и торжественной церемонии. — Он рассмеялся. — Эти Карренцы прямо-таки упиваются своей религией.

Тон Скалдера изменился и стал холодным:

— Ты принимал участие в их оргии?

Кармодда ухмыльнулся:

— Конечно. Это совсем как в Риме, но не голая сексуальность. Много времени занимают ритуалы и довольно скучные. Только к ночи жрицы дали сигнал к началу оргии.

— И ты принимал участие?

— Разумеется. С самой главной жрицей. Эти люди не разделяют твоего отношения к сексу, Скалдер. Они не считают его грязным и постыдным грехом. Напротив, они считают его благословением, даром богинь. То, что для тебя оскорбительно и развратно, для них чисто и благородно. Правда, лично я считаю, что ошибаетесь и вы, и они — секс это просто некая сила, которая дает преимущество одному над другим, но их отношение к сексу гораздо более приятно, чем ваше.

Тон Скалдера был чуточку нетерпелив и напоминал голос учителя, отчитывающего нерадивого ученика. Если он и злился, то умело скрывал это.

— Ты не понимаешь нашу доктрину. Секс сам по себе не грешен и не грязен. А кроме того, он создан богом для того, чтобы высшие живые существа могли воспроизводить свой род. Секс у животных также невинен и безгрешен, как питье воды, утоление жажды. Мужчины и женщины с помощью этой богом данной силы могут слиться в одном сладостном и священном объятии, могут достичь божественного состояния, экстаза, какое, вероятно, испытывает человек, находясь в...

— О, боже! — воскликнул Кармодда. — Не надо, не надо! Интересно, что шепчут про себя твои прихожане, когда ты взбираешься на кафедру для проповеди и несешь эту несусветную чушь! Боже, или кто там есть, помоги им!

— Во всяком случае, я согласен с доктриной церкви. Мне ясно, что ты и сам считаешь секс грехом, хоть он и занимает дозволенное место в узах брака. Он отвратителен, и чем раньше ты примешь душ после того, как совершишь грех, тем лучше.

— Однако в этой религиозной сексуальной лихорадке карренцы выражают любовь и признательность Создателю, вернее — Создательнице, которая дала им радость жизни. Но в обычной жизни они ведут себя вполне прилично...

— Кармодда, я не нуждаюсь в твоих лекциях! Я антрополог и великолепно знаю развратные обычаи этого народа и...

— Тогда почему же ты не изучаешь их на практике? — спросил Кармодда, хихикая. — Это же твой долг, как антрополога. Почему ты посылаешь меня? Ты боишься осквернить себя простым наблюдением? Или ты боишься, что они тебя обратят в свою веру?

— Оставим это, — бесстрастно сказал Скалдер. — Я не хочу слышать отвратительные подробности. Я только хочу узнать, что помогло бы нам в нашей миссии?

Кармода не улыбнулся при слове "миссия".

— Конечно, старина... Жрица утверждает, что богиня является только в виде силы в телах своих поклонников. Но все, с кем я говорил, утверждают, что сын богини Иесс существует во плоти. Его многие видели и даже говорили с ним. Он был в этом городе во времена Сна. Говорят, что он пришел сюда, потому что он некогда родился здесь, вырос, умер и снова возродился.

— Я это знаю, — в отчаянии произнес монах. — Посмотрим, что скажет этот самозванец, когда предстанет перед нами. Отец Галлункс налаживает аппаратуру для записи, чтобы в нужный момент все было готово.

— О'кей, — безучастно сказала Кармода. — Я буду дома через полчаса, если, конечно, по пути не попадется красивая девочка. Но сейчас это маловероятно. Город вымер. В буквальном смысле.

Он положил трубку и улыбнулся, представив гримасу отращения на лице Скалдера. Теперь он, вероятно, будет стоять несколько минут, закрыв глаза и шевеля губами. Он будет читать молитву о спасении души, заблудшей, погрязшей в грехе души Джона Кармоды. Потом он повернется и пойдет наверх к Галлунксу, чтобы рассказать обо всем. Галлункс, одетый в рясу ордена Святого Джамруса, попыхивая трубкой и возясь с аппаратурой, спокойно выслушает все без всяких комментариев, не выразит никакого отношения к поведению Кармоды, не скажет, что это очень плохо, что им придется работать с Кармодой. Но увы, они ничего не могут сделать на планете Радость Данте — ни заменить Кармоду, ни изменить его характер. Так что придется работать с тем, кто есть.

Кармода был уверен, что Скалдер не любит своего собрата по профессии и по религии почти так же, как и Кармоду. Галлункс принадлежал к ордену, который был весьма подозрителен в глазах более строгого и консервативного ордена Скалдера. Более того, Галлункс заявлял, что он сторонник теории эволюции, которая родилась внутри церкви. Последователи этой теории боролись за то, чтобы она стала всеобщей догмой. Это течение стало настолько сильным, что уже реально существовала опасность новой Большой Ереси. Многие полагали, что лет через двадцать пять, если стороны не придут к соглашению, в церкви произойдут большие перемены, а может, и раскол.

Хотя оба монаха старались сохранить между собой равные и нейтральные отношения, Скалдер однажды сорвался. Это прои-

зошло во время обсуждения проблемы: можно ли монахам жениться. Хотя это был скорее вопрос дисциплины, чем теории. Вспоминая красное лицо Скалдера и его брызжущие слюной тирады, Кармода рассмеялся. Он и сам внес вклад во вспыхнувшую ярость монаха, вставляя шпильки. Он удивлялся, как можно всерьез говорить о таких пустяках. Только круглый идиот не может видеть, что вся жизнь человека — это шутка и единственный способ не остаться в дураках — это посмеяться вместе с шутником.

Странно, что эти двое так ненавидят друг друга. И тем не менее они оба, а также он, который не любил и презирал их обоих, оказались вместе для выполнения одной задачи.

— Преступление соединяет самых неподходящих друг другу людей, — сказал он однажды Скалдеру, пытаясь притупить ту ненависть, которая постоянно тлела в монахе.

Скалдер ответил ледяным тоном, что церковь работает с тем материалом, что находится под рукой. А в данном случае под рукой оказался Кармода. И не думает же он, что отвратить людей от фальшивой религии — преступление?

— Скалдер, — сказал тогда Кармода, — ты и Галлункс посланы Федерацией антропологов и вашей церковью, чтобы изучить так называемую Ночь Света на планете Радость Данте, а также, если получится, поговорить с Иессой, доказать, что он существует. Но вы хотите идти дальше. Вы хотите схватить Бога, сделать ему инъекцию наркотика и заставить его выступить публично, признать, что вся их религия — обман. И вы думаете, что на Земле вам это не вменяет в вину?

На это Скалдер ответил, что готов нести любое наказание, но он не упустит возможности убить фальшивую религию в корне. Культ Иесса уже распространился на многих планетах. Он стал пародией на церковные обряды, да и еще к этому прибавляются жуткие кошмарные оргии. Многие планеты уже отказываются от церкви. Пример тому — планета Комеонас. Сам епископ и сорок тысяч из его паствы стали ее апостолами и...

Вспомнив это, Кармода рассмеялся опять. Он подумал, что сказал бы Скалдер, если бы слова его "убить религию в корне" следует понимать в буквальном смысле. У Джона Кармоды были свои соображения на этот счет. В кармане у него был настоящий минипистолет калибра 03, выпускающий одну за другой сто разрывных пуль без перезарядки. Если Иесс действительно существует, то кожа его будет превращена в решето. Кровь будет хлестать, как из дырявой бочки. После этого ему уже не воскреснуть. Кармоды очень хотелось увидеть это. Если бы он увидел это, он мог бы больше не верить ни во что.

Мог ли? А если ему придется верить? Что тогда? Что от этого

изменится? Бывают ли на свете чудеса? Какое это имеет отношение к нему, Джону Кармоду? Джон существует вне всяких чудес, и если он погибнет, то уже, конечно, не воскреснет. А поэтому он всегда старается взять максимум из того, что может предложить ему эта маленькая Вселенная.

Немного хорошей пищи, немного хорошего виски, чтобы быть навеселе и испытывать удовольствие, наблюдать боль и страдания других людей, их бессмысленные заботы, которых они могли бы легко избежать, если бы немного подумали. Насмехаться над ними — а это самое большое удовольствие, ибо только смехом можно сказать миру, что ты ничего не боишься, ни о чем не беспокоишься. И это не поза, не наигранный смех, так как он, Джон Кармода, действительно ничего не боялся и никогда не думал о том, чему остальные люди придают огромное значение... И после этого смеха — спать. Последним, конечно, смеялся мир, Вселенная, однако Джон Кармода уже этого не слышал, он спал. Поэтому были основания считать, что последним смеялся он...

В этот момент Джон услышал чей-то оклик.

— Привет, Танд! — крикнул Кармода по-карренски. — А я думал, что ты пошел спать.

Танд предложил ему сигарету, затем прикурил сам, выпустил дым из узких ноздрей и сказал:

— Мне нужно закончить одно очень важное дело. На это у меня уйдет некоторое время, а потом я сразу пойду спать.

— Странно, — сказал Кармода, мысленно отметив, что Танд говорит уклончиво и из его слов ничего нельзя понять. — Я всегда считал, что ты думаешь только о высоких материях, о природе Вселенной, о том, как совершенствовать ваши души, но никак не о делах.

Танд рассмеялся:

— Мы не отличаемся от других народов, у нас есть свои святые, свои грешники и обычные люди. И тем не менее в Галактике о нас сложилось определенное мнение, которое прямо противоречит фактам. Одни считают нас расой аскетов, святых людей, другие, напротив, — расой развратных религиозных фанатиков, внушающих отвращение так называемым цивилизованным народам. О нас рассказывают всякие небылицы — особенно о Ночи Света. Когда мы прилетаем на другие планеты, к нам относятся как к ущербным. А я думаю, что каждая раса уникальна по-своему.

Кармода не стал спрашивать, какое же важное дело помешало Танду сразу лечь спать. По карренским обычаям это было невежливо. Он смотрел на Танда поверх тлеющего кончика сигареты. Танд имел рост шесть футов и был красив по кар-

ренским критериям. Как и большинство разумных существ в Галактике, его издали можно было принять за человека. И только если подойти близко, можно было увидеть, что это не человек. Лицо его было мало похоже на лицо человека. По его волосам, похожим на перья, по голубым ногтям, зубам сразу становилось ясно, что это житель планеты Радость Данте.

На Танде был остроконечный серый колпак, кокетливо сдвинутый на бок. Волосы его были коротко острижены. Только над волчьими ушами остались длинные пряди волос, которые, спускаясь, закрывали уши. Шею его покрывал высокий легкомысленный круглый воротник, зато ярко-фиолетовый пиджак был очень строгого покроя. Широкий серый бархатный пояс стягивал пиджак на талии. На его четырехпалых ногах были открытые сандалии.

Кармода долго подозревал, что этот парень служит в полиции города Рак. Он все время крутился возле Кармоды с того самого дня, как тот появился здесь. Нет, дело не в слежке, решил Кармода. Даже полиция должна спать.

— А как ты? — спросил Танд. — Ты хочешь попытаться поймать свой шанс?

Кармода кивнул и улыбнулся Танду.

— Что ты ищешь? — спросил Танд.

Внезапно руки у Кармоды задрожали, и он был вынужден спрятать их в карманы. Значит, Танд видел, как он гонялся за кожей! Губы Кармоды беззвучно зашевелились. Он сказал сам себе:

— Ну-ну, Кармода, ничего ведь не случилось. Тебя ведь ничего и никогда не выбивало из колеи. Откуда же сейчас эта дрожь, эта холодная пустота внизу живота?

Теперь пришла очередь Танда улыбнуться, обнажив свои голубые зубы.

— Я видел, как ты отчаянно пытался что-то догнать. Это была кожа лица, но я не понял — кожа землянина или карренца. Но ты считал ее человеческой. Такой ты ее себе, наверное, представлял.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Именно представлял. Ты же видел, как она возникла перед тобой в воздухе прямо из ничего.

— Но это невозможно!

— И тем не менее это так. Такое случается, хотя и не часто. Обычно это появляется в самом представлении, а не вне его. У тебя слишком сильное воображение, похоже, оно очень беспокоит тебя, раз может вырваться наружу.

— У меня нет проблем, которые я не мог бы разрешить, — усмехнулся уголком рта Кармода. Сигарета его, как боевая

шпага, перекачивалась из одного угла рта в другой. Танд пожал плечами.

— Дело твое, но мой тебе совет — садись побыстрее на космический корабль, пока еще не поздно. Последний улетает через четыре часа. После него ни один корабль не взлетит с планеты и не сядет на нее, пока не кончится время Сна. А за это время... кто знает?

Кармода подумал, не смеется ли Танд над ним, знает ли Танд, что Кармода не может покинуть планету Радость Данте, что его арестуют сразу же, как только он появится в любом порту Федерации?

Он даже подумал, что Танд догадывается, как планирует Кармода свой отлет с планеты, чтобы при этом не попасть в руки правосудия. Теперь он овладел своими руками. Он вытащил их из карманов и вынул сигарету изо рта.

"Черт побери! — сказал он себе, — что с тобой, Кармода? Старый осел! Растерялся? Нет, только не ты. Ты всегда был против всей Вселенной и никого не боялся. Ты всегда первым атаковал проблему, которая вставала перед тобой. Ты либо уничтожал ее, либо пренебрегал ею. Но в данном случае все как-то странно. Ты не можешь с этим справиться. Ну так что? Ждать, пока странность исчезнет, а затем... Ты схватишь проблему, разорвешь ее на части, вышибешь из нее дух — так, как ты сделал это с..."

Руки его сжались в кулаки при воспоминании о том, что они сделали, а губы готовились раскрыться в хищном оскале. Это лицо, плывущее по воздуху... Но было ли оно похоже на... Может ли это быть?.. Нет!..

— Ты хочешь, чтобы я поверил в невозможное, — сказал он. — Я знаю, что на вашей планете совершается много странного, но то, что я видел... Я не думаю, что...

— Я знаю вас, землян, — прервал его Танд. — Как все это кажется одной из ваших волшебных сказок, мифов. Или же вы называете это явление кошмаром. Но мы, карренцы, не знаем, что такое кошмар...

— Разумеется, — сказал Кармода. — Кошмары начинаются на вашей планете каждые семь лет. И большинство из вас спасается от них, погружаясь в Сон. А мы, земляне, встречаемся с кошмарами только во сне. — Он поморгал глазами, улыбнулся своей холодной улыбкой и добавил: — Но я не такой, как остальные земляне. Я не вижу снов и у меня не бывает кошмаров.

— Я понимаю, — ответил Танд бесстрастным тоном и без всякой злобы. — Я понимаю, что ты отличаешься от остальных землян тем, что не имеешь совести. Земляне, если, конечно, у

меня правильная информация о вас, страдают душевно, если им приходится хладнокровно убивать своих жен.

Стены будки заходили ходуном от громовых раскатов хохота Кармоды. Танд бесстрастно смотрел на него, затем хихикнул и сказал:

— Ты смеешься громко, но не громче, чем это.

Он повел рукой по воздуху, изображая сильный ветер на улице. Кармода не понял его жеста, он был разочарован. Он ожидал, что Танд разгневется на насмешку. Может, Танд все же полисмен? Иначе как объяснить его жесткий самоконтроль при насмешках Кармоды? А может, это его не трогает? Ведь преступление совершил землянин и на Земле. Конечно, представитель одной расы не примет близко к сердцу убийство представителя другой расы, которое к тому же совершилось на расстоянии десяти тысяч световых лет от его планеты.

Однако всеми давно признано, что жители планеты Радость Данте самые этические существа во всей Вселенной и самые чувствительные.

Сразу поскучив, Кармода сказал:

— Я возвращаюсь к мамаше Кри. Идешь со мной?

— А почему бы нет? Сегодня она устраивает Последний Ужин, а затем будет спать.

Они шли по улице молча, хотя ветер стих и допускал возможность беседы. Вокруг них возвышались громадные, украшенные чудическими и богами здания, построенные навечно, способные выдержать любые катаклизмы, огонь, ветер, пока спят их обитатели. Кое-где появлялись редкие прохожие, спешившие окончить неотложные дела, прежде чем погрузиться в Сон. Толпы, которые еще вчера кишели здесь, исчезли, и с ними исчезли шум, суета, ощущение жизни.

Кармода смотрел на молодую женщину, пересекающую улицу, и подумал, что если ей накинуть мешок на голову, то ее ничем не отличить от женщины Земли. Те же длинные стройные ноги, широкий таз, соблазнительные округлости бедер, узкая талия, упругая грудь... Да и все остальное... Внезапно свет мигнул, изменяя цвет. Он посмотрел на солнце. До этого ослепительно белое, оно превратилось теперь в громадный бледно-фиолетовый диск с темно-красной окантовкой. Кармода ощутил головокружение, жар, солнце расплылось в его сознании, превратилось в растаявшую ириску, медленно плывущую по небу.

А потом так же внезапно головокружение и слабость исчезли, солнце опять превратилось в ослепительно белый, раскаленный шар, и Джон отвел от него глаза.

— Что же, черт побери, это было? — спросил он хриплым

голосом, не обращаясь ни к кому и забыв, что Танд идет рядом с ним. Он вдруг почувствовал, что весь дрожит от холода, что силы вдруг оставили его, как будто из него выкачали половину крови. — Что же это? — снова спросил он хриплым голосом.

Теперь он вспомнил, что подобное уже произошло час назад. Солнце тогда тоже изменило цвет. Какое было оно? Фиолетовое? Голубое? Тогда ему тоже стало невыносимо жарко, как будто жар проник до самых его костей. И тогда тоже все поплыло у него перед глазами. Но тогда все произошло быстро, в одно мгновение. Воздух в трех футах от него вдруг сгустился, стал ярким, как будто молекулы воздуха сфокусировались в зеркало. И в зеркале появилось это лицо, нет, не лицо, только кожа, тонкая пленка, которую подхватил ветер и понес.

Он задрожал. Снова поднялся ветер, и это отнюдь не помогло ему согреться. Вдруг он вскрикнул: в десяти футах от него катился по земле гонимый ветром кусок кожи, свернутый в шар. Кармода сделал шаг вперед, готовясь броситься за ним, затем остановился, покачал головой, потер в замешательстве длинный нос и неожиданно ухмыльнулся.

— Она не зацепит своими крючками Джона Кармоду, — громко сказал он. — Пусть эта кожа, или что там такое, катится к тому, кому она принадлежит.

Он взял сигарету, прикурил, потом посмотрел на Танда. Тот, стоя посреди улицы, склонился над девушкой. Она лежала на спине. Ноги и руки ее были сведены судорогой, остекленевшие глаза были широко раскрыты, изо рта вытекала окрашенная кровью пена.

Кармода взглянул на нее и сказал:

— Конвульсии. Ты сделал все правильно, Танд. Старайся, чтобы она не откусила себе язык. Ты тоже получил медицинскую подготовку?

Сейчас, однако, он готов был откусить язык самому себе. Теперь Танд узнает еще что-то о его прошлом. Конечно, это мало поможет Танду в сборе свидетельств против него. Но Джон не любил открывать свои карты. Во всяком случае, даром ничего не отдавал. Чтобы быть живым, необходимо забирать себе как можно больше, а отдавать как можно меньше. Закон природы.

— Нет, — сказал Танд, следя, чтобы платок, всунутый в рот девушки, не задушил ее, — но моя профессия требует знания правил оказания первой помощи. Бедная девушка, ей нужно было уснуть еще вчера. Но я полагаю, она не знала, что это так действует на нее. А может, знала и искала шанс излечить себя.

— Что ты имеешь в виду?

Танд показал на солнце.

— Когда оно меняет цвет, в мозгу человека начинается буря.

И тогда может проявиться скрытая предрасположенность к эпилепсии. Так происходит, если человек не спит. Те, кто ищет шанс, обычно погибают, хотя и не всегда. Если человек пройдет через это, он излечится навсегда.

Кармода недоверчиво посмотрел на солнце.

— Вспышка на нем в восьми миллионах миль отсюда может вызвать такое?

Танд пожал плечами и встал. Девушка уже не корчилась в судорогах и, судя по всему, мирно спала.

— А почему нет? Мне говорили, что и на вашей планете тоже ощущается влияние солнечных бурь и других флуктуаций солнечного излучения. У вас, как и у нас, уже созданы карты климатических, психологических, деловых, политических, социологических и других циклов, которые непосредственно определяются изменением на поверхности Солнца. Эти изменения можно предсказать на столетия вперед. Почему же ты удивляешься, что наше солнце делает то же самое, только гораздо сильнее?

Кармода в замешательстве махнул рукой, но затем опомнился. Он не хотел, чтобы кто-нибудь видел его растерянность.

— А как объяснить эти... эти странные физиологические трансформации... эти физические проекции мысленных образов?

— Мне бы тоже хотелось это знать, — сказал Танд. — Наши астрологи изучают эти явления уже тысячу лет. И ваши ученые основали базу на астероиде для изучения этого феномена. Однако после первых же опытов земляне покинули базу, когда пришло время Сна. Это явление не поддается анализу, подробному изучению. Ученые слишком заняты борьбой со своим физическим состоянием в этот период. Им не до изучения самого явления.

— А приборы? Уж они то не подвергаются действию излучения?

Танд обнажил в улыбке голубые зубы:

— Разве? Они регистрируют какие-то дикие всплески волн, как будто сами страдают эпилепсией. Может, эти записи имеют огромную ценность, но кто может их интерпретировать? Никто. — Он помолчал, затем сказал: — Но это неверно. Есть трое, кто мог бы все разъяснить. Но они не хотят.

Кармода проследил взглядом направление, куда указывала рука Танда, и увидел бронзовую группу статуй в конце улицы: богиня Босита, защищающая своего сына Йесса от нападения Алгула, бога зла, брата-близнеца Месса. Алгул был изображен в виде дракона.

— Они?

— Да, они.

Кармода насмешливо улынулся и сказал:

— Я удивлен, что такой интеллигентный человек, как ты, исповедует такую примитивную философию.

— Интеллигентность не имеет отношения к религиозным верованиям, — заметил Танд.

Он склонился над девушкой, поднял ее веко, пощупал пульс и выпрямился. Одной рукой он снял колпак, а другой описал круг.

— Она мертва.

Им пришлось задержаться минут на пятнадцать. Танд позвонил в больницу, и вскоре прибыл длинный красный паровой автомобиль. Водитель спрыгнул с переднего сидения и сказал:

— Вам повезло. Это наш последний вызов. Через час мы ложимся спать.

Танд вывернул карманы девушки и нашел идентификационную карту. Кармода заметил, что это получилось у него весьма профессионально. Танд передал бумаги водителю и сказал, что лучше сообщить родителям девушки после Сна.

Потом, когда они уже шли по улице, Кармода спросил:

— Кто же выполняет работу пожарных, полицейских, врачей во время Сна?

— Нашим зданиям пожары не страшны. А что касается полиции, то во время Сна у нас нет закона. Во всяком случае, закона в вашем смысле.

— А как насчет полицейского, который захотел поймать шанс?

— Я уже сказал, что законы на это время отменены.

Они перешли из делового района города в жилой. Здесь дома не стояли в ряд друг с другом, а были отделены зелеными насаждениями. Очень много простора... но ощущение огромности, пассивности перед вечностью, застывшей в камне, все еще оставалось. Здания были сооружены из огромных каменных блоков, двери и окна защищены от грабителей железными решетками. Даже собачьи будки были сделаны так, что могли выдержать атомный взрыв.

Вид будок напомнил Кармоду, что животная жизнь тоже прекратилась. Птицы, которых еще вчера было очень много, теперь исчезли. Собаки и кошки, в изобилии прогуливавшиеся по улицам, тоже исчезли. Не слышно было даже стрекота кузнечиков.

Танд в ответ на вопрос Кармоды ответил:

— Да, животные инстинктивно засыпают ночью. Это в них заложено от рождения. Но человек потерял такую способность, зато у него есть наркотики, позволяющие искусственно вызвать

сон в любое время. Даже доисторические люди знали растения, дающие сон. Есть несколько изображений древних людей, погруженных в наркотический сон.

Они остановились перед домом, принадлежавшим женщине, которую Кармода называл "мамаша Кри". Именно сюда карренское правительство помещало посетителей планеты на жительство. Это был четырехэтажный кольцевой дом из мрамора и гранита, стоящий в саду площадью двести квадратных футов.

Длинная извилистая аллея вела к крыльцу, который обвивался вокруг всего дома. На полпути к дому Танд остановился возле какого-то дерева.

— Ты видишь в нем что-нибудь необычное? — спросил землянин.

Это была его привычка. Когда Кармода думал, он говорил вслух не обращая внимания на окружающих и смотря куда-то в сторону, как бы на невидимого собеседника.

— Это похоже на старое дерево, только гораздо ниже, около семи футов высотой. Может быть, караиновое? У него двойной ствол, который соединяется на высоте примерно трети длины ствола. И всего два толстых сука. Почти как руки и ноги. Если бы я шел здесь ночью, я бы решил, что дерево решило прогуляться.

— Ты почти угадал, — сказал Танд. — Пощупай кору. Вроде обычная, правда? Но это только для невооруженного глаза. Под микроскопом ее клетчатая структура весьма необычна. Не похожа ни на структуру дерева, ни на структуру человека. В ней и то, и другое. Почему? — Он промолчал, загадочно улыбаясь. А затем сказал: — Это муж миссис Кри.

Кармода со смехом спросил:

— Муж миссис Кри? Он что же, вел неподвижный образ жизни?

Танд поднял брови.

— Верно. В период своей человеческой жизни он предпочитал сидеть, смотреть на птиц, читать книги по философии... Он был очень молчалив, избегал общества. И никогда не достиг высот мастерства, так как ненавидел всяческий труд.

— Миссис Кри зарабатывала на жизнь, сдавая дом, — продолжал Танд после небольшого молчания. — Она сделала жизнь мужа несчастной, непрерывно тормоша и попрекая его. Однако она так и не смогла наполнить его своим энтузиазмом и амбицией. Наконец, желая избежать от нее, он стал ловить свой шанс. И это случилось. Многие говорят, что ему не повезло, но я в этом не уверен. Он получил то, чего хотел всей душой. — Танд негромко рассмеялся. — На планете Радость Данте каждый может получить то, чего хочет. Вот почему сюда ограничен въезд

людям Федерации. Это очень опасно, если подсознательные желания каждого исполняются полностью и буквально.

Кармода почти ничего не понял, но лукаво спросил:

— Танд, ты ведь не собираешься напугать меня так, чтобы я улетел с планеты или погрузился в Сон? Ничего не выйдет, я не из пугливых.

Внезапно смех его оборвался. Он застыл, глядя перед собой. Силы покинули его, тело охватил жар. В трех футах перед ним воздух заколыхался, как будто через него прошла тепловая волна. И затем воздух превратился в зеркало, вибрация сконцентрировалась и превратилась в нечто материальное. Медленно, как опадавший воздушный шар, из которого выходит воздух, появилась кожа.

Кармода еще не успел узнать лица.

— Мэри!

Он мог дотронуться до кожи, лежащей на обочине дороги, но на это у него не было сил. Что-то высосало их у него. И только нежелание показать свой страх заставило его нагнуться и поднять кожу.

— Настоящая? — спросил Танд.

Откуда-то из глубины своего естества Кармода почерпнул силы, чтобы изобразить смех.

— Наощупь совсем как у нее. Гладкая, почти атласная. У нее была самая стройная фигура в мире. — Он нахмурился. — Когда начался разлад... — Кисть его разжалась, и кожа упала на землю. — Пустая, совсем как она. Ничего в голове. Никаких мозгов.

— Ты очень холоден, — сказал Танд. — Или тупой. Мы посмотрим.

Он взял кожу обеими руками и поднял так, чтобы она развевалась на ветру будто флаг. Кармода увидел, что здесь не только лицо, но и скальп, и передняя часть шеи и часть плечей. Длинные светлые волосы струились по ветру. А под ресницами был виден белок глаз.

— Ты начинаешь беспокоиться, — сказал Танд.

— Я?! Вовсе нет. Я даже не знаю, как это делается.

Танд притронулся к его голове и сердцу:

— Они знают. — Он сложил кожу и убрал ее в свой мешочек на поясе.

— Пепел к пеплу, — заметил Кармода.

— Посмотрим, — снова сказал Танд.

К этому времени появились облака. Одно из них закрыло солнце. Свет, отфильтрованный облаками, делал все серым и призрачным. Внутри дома этот эффект был еще более злоеющим. Когда они вошли в столовую, их приветствовала группа привидений: мамаша Кри, легчик с Веги по имени Арс и два

землянина — все сидели за круглым столом в большой темной комнате, освещенной семью свечами в канделябрах. Позади хозяйки стоял каменный алтарь с изваянием Боситы, держащей в руках близнецов Месса и Алгула. Месс спокойно сосал правую грудь, а Алгула впился зубами и ногтями в левую. Мать Босита смотрела на них с прекрасной счастливой улыбкой. На самом столе, доминируя над канделябрами, кубками и блюдами, стояли символы Боситы — рог изобилия, горящий меч, руль.

Мамаша Кри, низенькая, круглая, с огромной грудью, улыбнулась им. Ее голубые глаза в полумраке казались черными.

— Привет, джентльмены. Вы как раз успели к Последнему ужину.

— Последний ужин? — спросил Кармода, направляясь в ванную. — Ха! Я буду играть роль своего тезки — доброго старого Джона — Иоанна. Но кто будет Иудой?

Он услышал негодующее фырканье Скалдера. Тихий голос Галлункса произнес:

— В каждом из нас сидит маленький Иуда.

Кармода не мог удержаться, чтобы не спросить:

— Неужели ты тоже беременный? — И вышел, весело хохоча.

Когда он вернулся и сел за стол, то с улыбкой взглянул на вытянутое лицо Скалдера.

— Как в Риме, — сказал он и рассмеялся, увидев смущение монаха. — Передай соль, пожалуйста, — попросил он. — Да смотри не рассыпь. — И тут же разразился хохотом, когда Скалдер все же рассыпал ее. — А вот и Иуда!

Лицо монаха вспыхнуло, и он рывкнул:

— С таким поведением, мистер Кармода, я очень сомневаюсь, что ты переживешь эту ночь!

— Беспокойся о себе! — сказал Кармода. — А я намереваюсь подыскать себе хорошенькую девочку и полностью сосредоточиться на ней. Я даже не замечу, как пролетят эти семь суток. Советую попробовать и тебе, приор!

Скалдер поднял руки. Его умное лицо было прямо-таки создано, чтобы выражать негодование — многочисленные глубокие морщины на лбу и щеках, костлявые щеки и челюсти, длинный мясистый нос — все было лицом сурового судьи. На нем как бы отпечатались пальцы Создателя, слепившего это лицо и не разгладив, бросившего его в печь для просушки.

И это каменное лицо проявляло теперь признаки жизни. Оно покраснело, когда кровь прилила к коже. Светлые серо-голубые глаза горели огнем из-под светло-золотых бровей.

Ласковый голос Галлункса прозвучал в комнате, как благословение:

— Гнев не относится к числу наших добродетелей!

Странно выглядел этот священник, со своими большими ушами, рыжими волосами, носом пуговкой и пухлыми улыбочивыми губами добродушного ирландца. И в довершении всего — большие темные глаза с длинными женскими ресницами. Из широких плеч вырастала толстая, перевитая мышцами шея, а могучие руки заканчивались маленькими женскими кистями. Мягкие влажные глаза смотрели на собеседника честно и открыто, но при этом у собеседника почему-то создавалось впечатление опасности.

Кармода удивлялся, как этот монах стал партнером Скалдера. Ведь он не пользовался такой известностью, как старый монах. Но было известно, что Галлункс пользуется авторитетом в антропологических кругах. Ему была поручена даже более ответственная часть работы, чем Скалдеру, но начальником экспедиции был все же назначен Скалдер, как более сведущий в других областях. Тощий монах был главой консервативной фракции в церкви, которая пыталась реформировать мораль во всей Вселенной. Его аскетическая фигура появлялась на всех планетах, где существовали касты. И он сыпал громовые обличения нудизма в частных домах и на планетах, краткосрочных брачных отношений, разнообразных форм сексуальных отношений и всего того, что было запрещено Западным земным обществом и к чему теперь церковь относилась вполне терпимо, даже разрешала, если это не противоречило социальным отношениям на данной планете. Скалдер хотел использовать самое сильное оружие церкви, чтобы вернуть мир к прежним стандартам, а когда либералы и умеренные обвинили его в викторианстве, он с радостью принял этот титул и заявил, что хотел бы вернуть тот век.

Все это объясняло тот яростный взгляд, который он метнул в сторону Галлункса.

— Господь разражался гневом, когда к тому вынуждали обстоятельства. Вспомни менял в храме и фиговое дерево! — Он ткнул длинным пальцем в сторону оппонента. — Заблуждается тот, кто считает его кротким и мягким Иисусом! Достаточно прочесть Евангелие, чтобы убедиться, что он был жесток во многих случаях, что...

— О, боже, я голоден, — сказал Кармода. Он действительно был голоден так, как будто не ел целую неделю.

Танд заметил:

— В течение следующих семи дней вы будете есть страшно много. Энергия будет расходоваться быстрее, чем поступать.

Мамаша Кри вышла и вернулась с блюдом кексов.

— Здесь семь штук, джентльмены. Каждый из них олицет-

воряет одного из семи отцов Месса. Такие кексы всегда выпекаются к праздникам, а Последний ужин перед Сном тоже праздник. Я думаю, джентльмены, что вы не будете противиться. Кусочек от каждого кекса и глоток вина символизирует не только то, что вы вкушаете кровь и плоть Месса, но и то, что вы получаете возможность и способность создать собственного бога, как сделали эти семеро.

— Галлункс и я не можем совершить святотатство, — ответил Скалдер.

Миссис Кри была разочарована, но лицо ее тут же просветлело, когда Арс, Кармода и Танд сказали, что они конечно же не возражают. Кармода решил, что отказываться не следует. Нужно заручиться поддержкой миссис Кри. Он намеревался прибегнуть к ее помощи в будущем.

— Я думаю, — сказала женщина, — что вы, святые отцы, передумали бы, если бы знали историю этих семерых.

— Я знаю ее, — сказал Скалдер. — Прежде чем направиться сюда, я изучил вашу религию. Я не могу позволить себе ничего не знать о предмете, если у меня есть возможность изучить его. Насколько я понимаю вашу религию, дело происходило так: в начале богиня Босита путем непорочного зачатия родила сыновей-близнецов. Когда они выросли, один из сыновей, злой сын, убил другого, разрезал на семь частей и закопал в разных местах, чтобы мать не смогла собрать части вместе и дать новую жизнь сыну. Злой сын, Алгул, как вы называете его, правил миром, и только его мать не позволила ему уничтожить человечество. Везде было зло, люди погрязли в грехе. Но были и праведники, которые молили богиню вернуть к жизни Месса. И им было сказано, что если найдется на земле одновременно семь праведников, то Месс может быть возрожден. Многие добровольцы бросились на поиски семи праведников, но условие оказалось невыполнимым в течение семи веков. На планете ни разу не нашлось семи праведников одновременно. За эти семь веков в мире становилось все больше и больше зла. И вот однажды собрались вместе семь человек, семь праведников. Бог зла Алгул для того, чтобы уничтожить их, погрузил в Сон всех, кроме семи закоренелых грешников. Но семеро праведников успешно боролись со сном, войдя в духовную и физическую близость с богиней. — Лицо Скалдера при этих словах исказила гримаса страдания. — Каждый из них стал ее любовником, и все семь частей Месса воссоединились — он вновь ожил, хотя на этот раз непорочное зачатие тут было ни при чем, — ядовито заметил он. — Семеро грешников стали носителями зла на планете, а семеро праведников превратились в малых богов и стали сортами матери-богини. Месс вернул мир в прежнее состояние.

Его брат-близнец был разорван на семь частей, и все части закопаны в разных местах. С тех пор добро преобладает над злом, но зла еще осталось очень много, и легенды утверждают, что, если соберутся одновременно семь великих грешников, они могут во время Сна вернуть к жизни Алгула.

Скалдер помолчал, улыбнулся явной глупости мифа, затем сказал:

— Конечно, существуют разные версии мифа, но я рассказал самое существенное и общее для всех вариантов. Это обычная история борьбы добра и зла, которая встречается во всех религиях Галактики.

— Может, это и общая тема всех религий, — сказала мамаша Кри, — но остается фактом то, что семеро создали своего бога. Я знаю это потому, что видела его на улицах, касалась его одежды, была свидетелем того, как он творил чудеса, хотя ему не очень нравится это занятие. И я знаю, что во время Сна собираются все грешные люди. Они могут вернуть к жизни Алгула. Ведь тогда они будут править миром и все их желания будут исполнены.

— Я вовсе не собираюсь ругать твою религию, миссис Кри! Но откуда тебе известно, что тот, кого ты видела, действительно Месс? — спросил Скалдер. — И как могут обычные люди сотворить бога из ничего?

— Я знаю, потому что я знаю, — произнесла женщина сокраментальную фразу религиозных фанатиков всех времен и народов. Она коснулась своей огромной груди. — Что-то там говорит мне об этом.

Кармодда издевательски рассмеялся:

— Она побила тебя, Скалдер. Твоим же оружием. Разве твоя церковь не пользуется таким же аргументом в спорах, когда ее загоняют в угол?

— Нет! — холодно ответил Скалдер. — Это не так. Нам нет нужды заниматься этим. Здание церкви стоит твердо, несмотря на все наскоки атеистов и правительств. Церковь несокрушима, как и ее учение. Она проповедует Истину.

Кармодда фыркнул, но отказался от дальнейшего обсуждения этого вопроса. Какая разница, что думает Скалдер и те, кто с ним? Кармодда хотел действовать, ему надоела бесцельная болтовня.

Миссис Кри встала из-за стола и отправилась мыть посуду. Кармодда хотел получить от нее побольше информации, но так, чтобы этого не слышали остальные. Он поднялся и сказал, что хочет помочь ей. Мамаша Кри была очарована. Она любила Кармодду за то, что тот постоянно оказывает ей услуги, отпускает комплименты. Хотя она и понимала, что он это делает не просто так, все же это льстило ей.

Уже на кухне Кармода сказал:

— Ну, мамаша Кри, расскажи мне правду. Ты действительно видела Месса? Также, как видишь меня?

Женщина подавала ему тарелки, чтобы он протирал их.

— Я видела его гораздо чаще, чем тебя. Он даже один раз обедал здесь.

Кармода с трудом проглотил сообщение о таком прозаическом контакте с божеством.

— Неужели? И после этого он ходил в туалет? — спросил он, считая это самым надежным способом отличить бога от простого смертного. Это настолько не божественное деяние, что...

— Конечно, — сказала мамаша Кри. — Ты думаешь, что у бога Месса не такие же желудок и кишки, как у тебя?

В это время вошел Скалдер, как бы для того, чтобы выпить воды. Кармода, однако, знал, что тот хочет подслушать разговор.

— Конечно, — сказал монах, — как и у всех людей. Скажи нам, мамаша Кри, давно ли ты видела Месса?

— Когда я была ребенком, а теперь мне пятьдесят лет.

— И с тех пор он несколько не постарел и выглядит таким же молодым? — спросил Скалдер не без сарказма.

— О нет! Теперь он старик, вот-вот умрет.

Землянин поднял бровь.

— Здесь какая-то неясность, — быстро заговорил он. — Может, неточность в терминологии. По нашим понятиям бог умереть не может.

Танд, который тоже зашел на кухню, услышал последние слова и сказал:

— А разве ваш бог не умер на кресте?

Скалдер прикусил язык.

— Я прошу простить меня, — улыбнулся он. — Должен признаться, что я поддался приступу гнева, и это затуманило мою память. Я забыл о различии между человеческой природой и божественной природой Христа. Я рассуждал как язычник, но упустил из виду, что и языческие боги умирают. Может, вы тоже признаете отличие божественной природы Месса от человеческой природы. Этого я не знаю. Я пробыл у вас не так долго, чтобы вникнуть в тонкости. Мне нужно еще в очень многое вжиться, чтобы понять вашу религию полностью.

Он замолчал, сделал глубокий вдох, как перед прыжком в воду, и продолжал:

— Но все же я не думаю, что между вашей концепцией Месса и нашей концепцией Христа существует большая разница. Христос был воскрешен и поднялся на небо, чтобы соединиться со своим Отцом. Более того, его смерть была необходима — он принял на себя грехи человечества, пострадал за них и этим спас людей.

— Если Месс умрет, то он когда-нибудь возвратиться вновь.

— Ты не понимаешь. Коренная разница в...

— Значит, ваша религия истинная, а наша — языческая? — смеясь, перебил его Танд. — Кто может сказать, где правда, а где нет? Где факт, где миф? Все, что влечет за собой действие, — факт, и если миф вызывает действие — значит, он факт. Слова, которые произносятся здесь, умрут, вибрация воздуха, вызванная ими, затухнет. Но кто знает, умрет ли этот эффект, который возбудили они?

Внезапно в комнате потемнело, и каждый инстинктивно схватился за что-нибудь для опоры — за спинку стула, за край стола... Кармода ощутил волну тепла, прошедшую сквозь него, увидел, что воздух стал сгущаться, превращаться во что-то стекловидное...

Из этого зеркала фонтаном ударила кровь прямо ему в лицо. Она ослепила его, наполнила рот соленым, потекла в горло...

Послышался крик. Но это крикнул не он, а кто-то рядом. Кармода отпрянул назад, вытащил платок, вытер глаза и увидел, что стекловидная туманность исчезла. Исчез и фонтан крови. Но стол и пол вокруг него были окрашены густой красной жидкостью. Тут, вероятно, кварт десять, прикинул он. Как раз столько должно было вылиться из женщины, которая весит сотню фунтов.

Затем он увидел, как на полу борются мамаша Кри и Скалдер. Миссис Кри одолевала монаха — она была тяжелей и, возможно, сильнее его. Она была более агрессивной и чуть не задушила Скалдера. Он обхватил руки, которые вцепились ему в горло, и крикнул:

— Убери свои грешные руки, ты... самка!

Кармода захохотал, и звуки его хохота разрушили маниакальный психоз, овладевший женщиной. Она замерла, как бы очнувшись, опустила руки и сказала:

— Что я делаю?

— Ты хотела лишить меня жизни! — крикнул Скалдер. — Ты сошла с ума!

— О! — сказала она, не обращая ни к кому в отдельности. — Это пришло раньше, чем я предполагала. Мне, пожалуй, сейчас лучше идти спать. Мне вдруг показалось, что я ненавижу вас всех, потому что вы непочтительно говорили о Мессе. И мне захотелось убить вас. Конечно, я была немного раздражена вашими речами, но не до такой же степени!

Танд заметил:

— Очевидно, причины твоего гнева гораздо глубже, чем ты думаешь, мамаша Кри. Он сидит в твоём подсознании, и теперь ты не смогла удержать его.

Он не закончил. Женщина повернулась и увидела, что Кармода и все в кухне залито кровью. Она вскрикнула.

— Заткнись, — сказал Кармода без всяких эмоций и ударил ее по губам.

Она замолчала, заморгала глазами, затем сказала дрожащим голосом:

— Сейчас я уберу все это. Я не хочу, проснувшись, отскребать засохшую кровь. Ты точно знаешь, что ты не ранен?

Он не ответил ей и пошел из кухни. Поднявшись по лестнице в свою комнату, он стал снимать намокшую в крови одежду.

Галлункс, который шел за ним, заговорил:

— Я начинаю бояться. Если такое будет случаться часто, а, по всей видимости, это не галлюцинации, то что будет с нами?

— Я думаю, у вас есть устройство, которое защитит нас, — сказал Кармода, снимая остатки одежды и направляясь под душ.

— Или вы сами не верите в него? — Он рассмеялся, увидев отчаяние на лице Галлункса, и заговорил из-за завеса воды, которая лилась ему на голову: — Ты действительно испугался?

— Да. А ты?

— Я? Испугался? Нет, я никогда и ничего не боялся. Я говорю это не ради красного словца. Я просто не знаю, что это такое — чувствовать страх.

— Я сильно подозреваю, что ты не знаешь, что такое чувствовать вообще, — сказал Галлункс. — Я даже сомневаюсь, есть ли у тебя душа. То есть она конечно есть, но запрятана так глубоко, что никто, даже ты сам, не можешь обнаружить ее. В противном случае...

Кармода рассмеялся и начал намыливать голову.

— Один врач, Джон Гопкинс, говорил, что я — конгениальный психопат, что я рожден совершенно неспособным воспринять мораль — без понимания греха, без понимания добродетели. Эти понятия для меня не существуют. Я рожден с какой-то болезнью мозга — у меня чего-то не хватает. Не хватает того, что делает человека человеком. Гопкинс говорил, что я из тех редких особей, перед которыми наука в 2856 году от Рождества Христова совершенно беспомощна. Он говорил, что такие, как я, должны всю жизнь проводить под действием обезвреживающего наркотика. На мне нужно было бы поставить тысячи экспериментов, чтобы выяснить, почему я такой психопат.

Кармода замолчал, вышел из-под душа и стал вытираться. Вдруг он улыбнулся:

— Ты, конечно, понимаешь, что если кто и мог с этим согласиться, то только не Джон Кармода. Я сбежал от Гопкинса, сбежал с Земли, улетел на край Галактики, на самую далекую планету Федерации — Спрингвод. Там я оставался почти год,

счастливого прожизивая среди содомитов, но там меня отыскал Располд — космический Шерлок Холмс. Но я ускользнул от него и очутился здесь, на планете Радость Данте, где не действуют законы Федерации. Но я не собираюсь торчать здесь вечно. Не потому, что это плохой мир, вовсе нет. Здесь хорошая еда, вкусные ликеры и женщины вполне могут заменить земных женщин во всех отношениях. Но я хочу доказать Земле, что она всего лишь конюшня для глупых меринов. Я хочу вернуться назад, на Землю, и жить там в свое удовольствие, не опасаясь ареста.

— Ты сошел с ума! Тебя арестуют сразу же, как только ты вступишь на корабль.

Кармода рассмеялся:

— Ты так думаешь? А ты знаешь, что Федеральное Бюро Антисоциальных расследований получает информацию от Кужума?

Галлункс кивнул.

— Кужум — это всего лишь чудовищная белковая память и, возможно, компьютер. В ячейках своей памяти он хранит информацию о некоем Джоне Кармоде. Он приказывает обыскивать все корабли, взлетающие с Радости Данте, на предмет обнаружения Джона Кармода. Но если придет информация, что Джон Кармода умер, отдал богу душу? Тогда Кужум отменит все приказы и перешлет информацию о Кармоде в механическую картотеку. И тогда колонист с... ну, скажем, с Уайльценаулла проведет здесь отпуск, а затем решит лететь на Землю, свою родную планету. Кому до него дело, даже если он как две капли воды похож на Джона Кармоду?

— Но это же абсурд! Во-первых, откуда Кужум получит неопровержимые доказательства твоей смерти? А во-вторых, когда ты приземлишься в земном порту, твои отпечатки пальцев, данные об излучении мозга, — все будут занесены в картотеку.

Кармода ухмыльнулся:

— Я не хочу тебе говорить, как я собираюсь устроить первое, а насчет второго... ну и что? Данные о каком-то колонисте, родившемся черт знает где, заносятся в картотеку впервые... Кто будет проверять их? Я могу даже не менять имя.

— А если тебя узнают?

— В мире, где живет десять миллиардов людей? С такими шансами я не боюсь рискнуть.

— А если я расскажу о твоём плане властям?

— Разве мертвые говорят?

Галлункс побледнел, но взял себя в руки. Его лицо оставалось лицом благочестивого монаха. Большие темные глаза прямо смотрели на Кармоду. Он робко спросил:

— Ты хочешь убить меня?

Кармода расхохотался.

— Нет, это не потребуется. Не думаешь ли ты, что вы со Скалдером пройдете через Ночь и останетесь живыми и в здравом рассудке? Ты видишь, что происходит даже при слабых одиночных вспышках. А это только начало. Что же будет, когда начнется Ночь?

— А что же происходит с тобой? — спросил Галлункс, все еще бледный от пережитого страха.

Кармода пожал плечами и пригладил руками волосы, отмытые от крови.

— Очевидно, мое подсознание, или как вы его там называете, проецирует части тела Мэри. Можно сказать — реконструирует преступление. Но как можно чисто субъективное представление преобразовать в объективную реальность, я не знаю. Танд говорит, что на этот счет существует несколько теорий, которые пытаются объяснить это явление чисто научно, без привлечения божественных сил. Но бог с ними. Я не переживал, когда резал тело Мэри на куски: и не буду переживать, когда они будут появляться передо мною из воздуха. Я переплыву через океаны ее крови, но своей цели я достигну. — Он помолчал, глядя сунувшимися глазами и все еще улыбаясь. Затем он спросил: — А что видишь ты во время вспышек?

— Я не знаю, почему я говорю тебе это, но все же я скажу: я был в аду.

— В аду?!

— Да, я горел в аду. Вместе с остальными грешниками. С девяносто девятью процентами тех, кто жил, живет и будет жить. — Пот струился каплями по его лицу. — И это не было что-то воображаемое. Я ощущал боль, свою и чужую.

Он замолчал, а Кармода склонил голову набок, как любопытная птица, разглядывая его. Галлункс прошептал:

— Девяносто девять процентов!

— Так. Значит, — сказал Кармода, — это беспокоит тебя больше всего. Это у тебя на уме постоянно?

— Может быть, и так, этого я не знаю, — прошептал Галлункс.

— Но как ты можешь думать об этом? Ведь даже твоя церковь давно отказалась от средневековой концепции ада огня. Что до меня, то многих людей следовало бы покарать в огне. Я бы хотел быть кочегаром в аду. Я бы с удовольствием вытапливал из людей жир эгоизма...

— Ты ненавидишь эгоистов? — саркастически спросил Галлункс.

Кармода, уже чистый и одетый, ухмыльнулся и начал опускаться по лестнице.

Миссис Кри уже закончила уборку и собиралась отправиться спать. Она объяснила, что для их удобства оставит двери открытыми, и надеется, что когда проснется, то не найдет помещение грязным. Нужно вытирать ноги перед входом, выбрасывать пепел из пепельницы, мыть посуду... Она настояла на том, чтобы поцеловать каждого из них, затем расплакалась и сказала сквозь слезы, что, наверное, видит их всех в последний раз и что она просит прощения у мистера Скалдера за свой ужасный поступок. Скалдер был так расстроган, что даже благословил ее.

Через пять минут миссис Кри ввела себе снотворное и ушла.

Танд тоже попрощался.

— Если меня застигнет Ночь до того, как я доберусь до своих покоев, то мне волей-неволей придется бодрствовать. Ведь тогда уже не будет пути назад. Все будет темно, и все будет светло. Через семь дней ты будешь богом, или трупом, или монстром.

— А что вы делаете с монстрами? — спросил Кармода.

— Ничего, если они безвредны, как муж миссис Кри. В противном случае мы их убиваем.

Он пожал всем руки по земному обычаю и пожелал — не счастья, нет, а удачной ночи. С Кармодой он простился последним, долго держа его руку в своей и глядя в глаза:

— Это твой последний шанс стать чем-нибудь. Если Ночь не разморозит самые глубины твоей души, если ты останешься таким же айсбергом с головы до ног, каким был, значит, ты создан таким. Если в тебе осталась хоть искра человеческого тепла, дай ей разгореться, даже если тебе будет очень больно. Бог Месс однажды сказал: если ты приобрел жизнь, ты должен потерять ее. В этом нет ничего особенного. Другие боги, другие пророки в разных местах и в разное время говорили это. И это правда, тысячу раз правда.

Когда Танд покинул их, три землянина молча поднялись по лестнице и взяли с полки три шлема, каждый с маленькой коробочкой наверху. Из коробочек торчали длинные антенны. Они надели шлемы, повернули ручки, расположенные над правым ухом.

Скалдер прикусил тонкую губу и сказал:

— Я уверен, что ученые из Джунда не ошибаются в своих расчетах. Они говорят, что электромагнитные волны детектируются этим прибором и он вырабатывает противофазные волны, которые гасят внешние волны магнитного поля. Поэтому мы можем пройти через самую сильную магнитную бурю и она не подействует на нас.

— Надеюсь, что это так, — сказал Галлункс, глядя в пол. — Я благодарю бога за этот шлем.

— Я тоже, — сказал Скалдер. — Но я считаю, что мы двое полностью можем довериться богу и обнажить головы и души всем злым силам этой забытой богом планеты.

Кармода цинично усмехнулся:

— Тебя ничто не удерживает. Давай. Ты можешь заслужить ореол мученика.

— У меня есть приказ, — сухо сказал Скалдер.

Галлункс встал и начал расхаживать взад и вперед.

— Я не понимаю, как могут магнитные волны солнца возбудить атомные ядра живых существ на таком расстоянии. И в то же время зондировать, прощупывать подсознание, стягивать железными тисками сознание, создавать немыслимые психосоматические изменения. Солнце становится фиолетовым, распространяет невидимые лучи, вызывает образы чудовищ, живущих в самых глубинах нашего подсознания, или рождает золотых богов. Кое-что я могу понять. Изменения частоты электромагнитного излучения нашего солнца не только влияет на климат и погоду, но и на поведение людей. Но как может солнце воздействовать на плоть и кровь так, что давление крови уменьшается, кости становятся мягкими, изменяют форму, застывают в новых формах, которые не были заложены в генах...

— Мы еще не настолько знаем гены, чтобы понять, что в них заложено, а что нет, — прервал его Кармода. — Когда я был студентом у Гопкинса, я насмотрелся много странного. — Он замолчал, вспоминая те дни.

Скалдер, прямой и тонкогубый, сел в кресло. Шлем делал его похожим скорее на солдата, чем на монаха.

— Это не будет длиться долго, — сказал Галлункс, расхаживая по комнате. — Ночь скоро начнется. Если Танд говорит правду, то в первые двадцать часов все, кроме нас, защищенных шлемами, погрузятся в глубокое коматозное состояние. Очевидно, их организмы устроены таким образом, что могут оказывать сопротивление. А потом они просыпаются. После пробуждения они настолько заряжены энергией, что могут не спать, пока не кончится фиолетовая фаза солнца. А пока они спят, мы...

— ...будем делать свою грязную работу, — сказал в тон ему Кармода.

Скалдер поднялся:

— Я протестую! Мы здесь проводим научные исследования и сотрудничаем с тобой только потому, что здесь есть работа, которой мы...

— ...не хотим пачкать свои лилейно-белые ручки, — закончил за него Кармода.

В этот момент стало темно, в комнате разлился темно-фиолетовый полумрак. У них закружились головы, все чувства как бы покинули их. Это продолжалось только одну секунду. Но этого вполне хватило, чтобы у них подогнулись ноги и они рухнули на пол.

Кармода с трудом поднялся на четвереньки. Он покачал головой, точно бык, которого хватили дубиной по голове.

— Вот это да! Хорошо, что у нас шлемы, — проговорил он.

Он поднялся на ноги. Все его мышцы сводила ужасная боль. Комната, казалось, была завешана фиолетовой вуалью. Было сумрачно и тихо.

— Галлункс, что с тобой? — спросил Скалдер.

Бледный, как привидение, с лицом, перекошенным гримасой боли, Галлункс вскрикнул, сорвал с головы шлем, вскочил на ноги и бросился из комнаты. Звук его шагов послышался внизу, в холле. Затем хлопнула входная дверь.

Кармода повернулся ко второму монаху.

— Он... Что с тобой?

Скалдер с открытым ртом смотрел на стенные часы. Внезапно он повернулся к Кармоду:

— Пошел прочь от меня! — прорычал он.

Кармода удивленно моргнул, затем улыбнулся и сказал:

— Пожалуйста! Я никогда не испытывал удовольствия от общения с тобой. — Он с интересом смотрел на Скалдера, который как-то странно двигался к двери. — Что с тобой? Почему ты хромаешь?

Монах не ответил и, двигаясь как-то боком, вышел из комнаты. Снова послышался звук хлопнувшей двери. Кармода долго стоял в одиночестве, размышляя. Затем он взглянул на часы, которые так внимательно изучал Скалдер. Как и все карренские часы, они показывали время суток, день недели, месяц и год. Фиолетовая вспышка началась в 17.25. Сейчас было 17.35.

Прошло пять минут. И еще двадцать четыре часа.

— Неудивительно, что я так проголодался, — громко сказал Кармода, снимая шлем и швыряя его на пол.

Затем он спустился на кухню, открыл дверь, ожидая получить в лицо струю крови, но ничего такого не произошло. Посвистывая, он достал из холодильника еду, сделал себе бутерброды и с удовольствием поел.

Затем проверил пистолет и направился к двери.

Раздался телефонный звонок.

Кармода заколебался, но все же решил ответить. Черт бы их всех побрал, подумал он и поднял трубку.

— Алло!

— Джон! — послышался приятный женский голос.

Кармода отдернул трубку от уха, как будто в ней спряталась змея.

— Джон! — снова послышалось из трубки, но теперь голос был далеким, призрачным.

Кармода глубоко вздохнул, расправил плечи и решительно поднес трубку к уху.

— Джон Кармода слушает! С кем я говорю?

Ответа не было.

Он медленно положил трубку на рычаг.

Когда он вышел из дома, то обнаружил, что на улице темно. Лишь уличные фонари, расположенные на расстоянии сотни футов друг от друга, да огромная зловещая фиолетовая луна, висящая над горизонтом, освещали улицу. Небо было чистым, но звезды казались очень далекими. Их свет едва добирался сквозь туман до поверхности планеты. Огромные серые здания казались айсбергами, плывущими сквозь призрачный мрак. Только подойдя к ним совсем близко, Кармода начинал различать их в деталях.

Город лежал в тишине. Ни лай собак, ни пение ночных птиц, ни звуки шагов не нарушали ее. Все звуки умерли.

Кармода долго колебался, раздумывая, сможет ли он управлять автомобилем, стоящим возле тротуара. Четыре мили до замка это довольно долгая прогулка пешком, особенно в этом загадочном фиолетовом тумане. Не то чтобы он боялся, но лишние сложности ему совершенно ни к чему. С одной стороны, на автомобиле проще избежать опасности, с другой — его будет легче заметить.

Наконец он решил, что первые две мили он проедет, а затем дойдет до замка пешком. Приняв это мудрое решение, он открыл дверцу и схватился за пистолет: однако он быстро опомнился. Человек в автомобиле, лежащий лицом вниз, был мертв. Кармода направил на его лицо луч фонарика и увидел, что оно представляет собой кровавую маску. Очевидно, водитель был из тех, кто ищут свой шанс. Но ему не повезло. Вспышка имитировала болезнь, похожую на рак, которая быстро разъела ему лицо, уничтожив полностью.

Кармода вытащил тело и оставил его на земле. Ему понадобилось несколько минут, чтобы залить воду в радиатор и прогреть двигатель. После чего он медленно поехал вперед, пронзая туман светом фар. Он жался к тротуару, чтобы чувствовать что-нибудь твердое. Он думал о голосе в трубке, пытаясь осмыслить, что это могло означать.

Следует признать, думал он, что он, Джон Кармода, силой своего воображения может создавать из воздуха материальный объект. Значит, он является передатчиком энергии. Он хорошо

понимал, что в нем самом не может быть столько энергии, которую он мог бы преобразовать в материю. Если бы он попытался бы сделать это, то сторел бы еще до окончания этого процесса. Значит, он не генератор, а передатчик, преобразователь. Солнце излучает энергию, а он преобразует ее в материальные объекты.

Великолепно! Значит, он каким-то образом, не понимая сам, как все происходит, создает свою покойную жену. Он инженер. Скульптор. Вот чем она обязана ему!

Единственное, что он мог предположить, что весь процесс регулируется его подсознанием. Каким-то образом его клетки репродуцируются во вновь созданное тело жены. Может, клетки его тела отражаются в том зеркале, что возникает в сгустившемся воздухе, и таким образом появляется как бы отражение его самого?

Все это можно себе представить, но как быть с чисто женскими органами? Правда, в его памяти еще сохранились сведения о женской анатомии: в свое время, когда он был студентом, он разрезал достаточное количество трупов. Кроме того, он освежил свою память, когда резал тело Мэри на куски. Он делал это вполне научно, по всем правилам вскрытия трупов. Он даже нашел и рассмотрел четырехмесячного эмбриона — главную причину своего гнева и отвращения к ней. Этот уродец превратил самое прекрасное в мире тело в чудовище с раздутым животом. Джон знал, что ребенок отнимет часть любви, которая должна принадлежать только ему, Джону Кармоде. Он не желал отдавать даже крохи этой любви кому бы то ни было. Он один хотел обладать самым прекрасным, исключительным, драгоценным существом в мире.

Тогда он предложил ей избавиться от ребенка. Она сказала "нет". Он стал настаивать, а она сопротивлялась и кричала, что не любит его, что этот ребенок вовсе не от него, а от человека, настоящего человека, а не от такого чудовища и эгоиста. Тогда он рассердился, впервые в жизни впал в гнев. Нет, это не то слово. Глаза его засверкали, все вокруг стало кроваво-алым...

Да, это случилось в первый и последний раз в жизни. И потому он здесь. Если бы он не убил ее в тот раз, он бы убил ее потом, будучи в здравом рассудке. Просто потому, что не мог бы равнодушно смотреть, как самое прекрасное существо во вселенной превращается в пузатого уroda.

Может быть, так, а может быть, нет. Что толку думать о том, что случилось бы? Нужно думать о том, что уже произошло.

Каждый реалист должен рассматривать только факты. Клетки Мэри должны быть женскими, но они явно не женские, если являются зеркальным отражением его клеток. А ее мозг? Даже

если он может воссоздать ее тело как женское, так как он более или менее знаком с его строением, то с мозгом все обстоит сложнее. Его сложнейшая первоначальная структура плюс мириады микроскопических извилин... Нет, никто не в состоянии воссоздать его.

Если у нее есть мозг, а он должен быть, то это мозг Джона Кармоды... А если так, то ее мозг содержит его память, его характер, его привычки. Это очень неожиданно — найти себя в теле Мэри. Тут неизвестно, как надо поступить. Но не будь он Джоном Кармодой, если не выпутается из любой ситуации.

Он рассмеялся при этой мысли. А почему бы ему не отыскать Мэри? Он будет обладать самой прекрасной женщиной, которая имеет его мозг и всегда и во всем будет согласна с ним. Сублимированное самообогащение.

Он снова рассмеялся. Мэри использовала этот термин в последний момент перед тем, как он вышел из себя. Она сказала ему, что для него она не женщина, не жена, а просто инструмент, с помощью которого он доставляет себе наслаждение. Она никогда не испытывала с ним всепоглощающего ощущения слияния в одно целое, которое чувствует всякая любимая женщина, жена в объятиях мужа. Нет, она всегда чувствовала, что она одна. И тогда она пошла к другому мужчине, но и с ним она не испытала момента, когда все сливается в одно потому, что она все время помнила, что совершает грех и ей придется очищать себя исповедью и покаянием. Даже это чувство высшего наслаждения оказалось закрытым для нее. И тем не менее с тем человеком она чувствовала себя более женщиной, чем с ним, Джоном Кармодой, своим мужем.

Ну что же, сказал он себе, все в прошлом. Забудем его и будем думать о той, что похожа на Мэри.

Он был рад, что создание его воображения находится вне его, а не внутри, как это происходит с другими. Может, это потому, что у него замороженная душа? Ну что же, тем лучше. Эта замороженность исключает субъективность, выталкивает воображение наружу, позволяет бороться с воображением, а не быть беспомощной жертвой, вроде той девушки с эпилепсией, или мужа мамы Кри, или человека с лицом, изъеденным раком.

Если та, что выглядит как Мэри — создание твоего разума, как Афина — создание Зевса, то в момент ее рождения у нее должен быть разум его, Джона Кармоды. Но затем она становится независимым существом со своими мыслями и поступками.

Итак, Джон Кармода, если ты вдруг обнаружил, что потерял свое тело и находишься в теле женщины, которую ты когда-то убил, и будешь знать, что в ее теле находишься именно ты, что ты будешь делать?

— Я, — пробормотал он про себя, — тотчас же приму этот факт, как очевидность. Я определю для себя пределы, в которых мне предстоит жить. Но что же я буду делать? Чего я хочу? Я хочу улететь с Радости Данте, вернуться на Землю или на любую планету Федерации, где я легко смогу найти себе богатого мужа и стать его первой женой. Я ведь буду самой прекрасной женщиной в мире!

Он хохотнул при мысли об этом. Он представил себя женщиной, думая, как же это будет в действительности. Прекрасная женщина с его умом сможет завоевать всю Вселенную, схватить ее за хвост и крепко держать.

Он...

Руки его крепко стиснули руль, и он резко затормозил. Новая идея обожгла его.

— Но почему я сразу не подумал об этом? — Он сказал это вслух. — Мой бог, если мы сможем прийти к соглашению — и даже если не сможем, я заставлю ее — черт побери, это же прекрасное алиби! Я никогда не признавался, что убил ее. И они не смогли найти ее труп. Я возвращаюсь с ней на Землю и говорю: "Джентльмены, вот моя жена! Она, как я вам и говорил, просто исчезла. Попала в катастрофу, потеряла память и каким-то образом очутилась на Радости Данте"... Это звучит не очень правдоподобно, но ведь такие вещи случаются сплошь и рядом. Вы не верите этому? Возьмите отпечатки пальцев, сделайте анализ крови, ЭКГ...

Но не случится ли в результате эксперимента, что это он, Джон Кармода, если новая Мэри состоит из его зеркально отраженных клеток? Возможно. Но вполне может быть, что она имеет свои собственные отпечатки. Он не раз видел их, и они вполне могли отпечататься в его сознании. Так что он мог репродуцировать их в тебе, новой Мэри.

Но ЭКГ! Если эти импульсы мозга совпадают с его собственными импульсами?

Правда, иногда форма импульсов меняется при травмах головы, а именно это может служить доказательством всей истории. А дзета-волна? Она может показать, что субъект — мужчина. Это наверняка заинтересует экспертов, и они займутся более подробным исследованием. Единственное условие для того, чтобы дзета-волна изменила свой ритм, — это изменение пола субъекта. Исследование покажет, что ее гормоны в основном женские. Или не покажет? Если ее клетки зеркальное отражение его клеток, то и гены тоже? А может быть, и гормоны? А внутренние исследования? Не покажут ли они, что внутренние органы Мэри мужские, а не женские?

Во второй раз Кармода был грубо сброшен с облаков на зем-

лю, но мозг его уже зацепился за другую возможность доказательства алиби: она ведь во время пребывания на Радости Данте наверняка попала в семидневный период фиолетовой волны. А это могло привести к странным изменениям в ее организме — тут и формы мозговых волн, и гормоны, и перемены во внутреннем строении. Разве не так? Это действие электромагнитного излучения солнца. Конечно, все это привлечет особое внимание, и ей придется пройти через тысячи неприятных опросов. Но если у нее будет твердая воля и железные нервы (а они такими будут), то она пройдет через все это и потребует права быть гражданином Федерации. И законники, хотя и неохотно, но признают за ней это право и позволят жить там, где она захочет. А после этого какую великолепную пару составит она с Джоном Кармодой!

Если бы она не стремилась к контакту с ним, зачем бы тогда она являлась к нему, звонила по телефону... Если у нее тот же мозг, что и у него, почему бы ей не подумать о том же, что и он?

Он нахмурился и стал задумчиво посвистывать. Было еще одно, чего он не мог игнорировать, хотя это ему не нравилось. Может быть, она вовсе не Джон Кармода в образе женщины?

Может быть, она Мэри?

Это он поймет сразу, как только встретится с ней. Но планы его изменятся — с учетом возникшей ситуации. Пистолет в его кармане даст ему то уникальное переживание, возбуждение, которое он обещал себе.

И тут он увидел в пурпурном тумане мужчину и женщину. Женщина была одета, а мужчина совершенно голый. Они обвили друг друга руками, и мужчина прижимал женщину к железному столбу уличного фонаря. Женщина не сопротивлялась этому страстному порыву, она даже помогала ему, подлаживаясь под неуклюжие движения мужчины.

Кармода рассмеялся.

При этом хриплым звуке, разорвавшем густую тьму туманной ночи, мужчина поднял голову и посмотрел безумными глазами на землянина.

Это был Скалдер, но такой Скалдер, которого нельзя было узнать. Его длинное лицо, казалось, удлинилось еще больше, выбритый череп был покрыт пушком, который даже в темноте ночи казался золотым. Ноги его совершенно деформировались и стали чем-то средним между ногами человека и ногами быка. Создавалось впечатление, что ноги его как будто выгнулись назад наподобие ног быка. Ступни изогнулись так, что он мог ходить только на носочках, как балерина. Вместо пальцев на ступнях желтели роговые наросты — копыта.

— Бычьи ноги! — громко сказал Кармода, не в силах сдержать свою радость.

Скалдер отпустил женщину и повернулся к Кармоду. Тот увидел козлиные черты в лице монаха. Вид его был отвратителен. Старый монах превратился в гнусного сатира.

Кармода откинул голову и расхохотался, но тут же резко осекся и замолчал, забыв закрыть рот.

Женщина была Мэри.

Он, точно парализованный, смотрел на нее, а Мэри улыбнулась и весело помахала ему рукой. Затем она подхватила под руку Скалдера и повела его с собой во тьму, как это делали до нее миллионы женщин, старающихся соблазнить мужчин. При других обстоятельствах эффект был бы комическим, так как у нее была фигура женщины на шестом месяце беременности.

Кармода вдруг ощутил то, чего еще никогда в жизни не ощущал, — дикую тягу к Скалдеру, смешанную с холодным язвительным смехом над самим собой. Он чувствовал, что невидимые нити влекут его к монаху, но сам он стоял поодаль и зло смеялся над собой. А над всем этим медленно поднималось другое чувство, грозящее захлестнуть его целиком, — животная плотская страсть к Мэри. Его охватил ужас от такой раздвоенности.

Против этого у него была только одна защита, и он тут же применил ее: он выскочил из автомобиля, бежал его и бросился за ними с пистолетом в руке, стреляя в красный туман.

Скалдер как-то странно хихикнул, упал на землю и покатился, белый, как белье из прачечной, которое гнал ветер отчаяния в неверном свете ламп, еле пробивающихся сквозь туман.

Мэри резко обернулась. Рот ее был открыт в безмолвном крике. Она подняла руки, будто моля о пощаде, и вслед затем тяжело рухнула на землю.

Джон Кармода споткнулся, получив тяжелый удар сначала в грудь, затем в живот. Он чувствовал, что сердце его разбито, что он падает, что кровь хлещет на него фонтаном, что он проваливается в бездонный мрак...

Кто-то выстрелил в него, подумал он, и это был конец, прощание со Вселенной, которая громко рассмеялась над ним...

Кармода очнулся. Он лежал на спине, и мысли медленно ворочались у него в голове. В небе над ним была растопырена багровая ладонь луны, будто какой-то великан швырнул в небо перчатку, бросая вызов самому небу. Ну, Джон Кармода, маленький, толстый ничтожный человек, сдавай карты — твоя очередь!

— Снова игра, — пробормотал Кармода и с трудом поднялся на ноги.

Руки его ощупывали тело, ожидая наткнуться на дыры в нем. Но все было цело и следов крови не было, хотя одежда была влажная. Но это не от крови, а от пота.

Так вот, значит, как умирают, подумал он. Это ужасно, потому что чувствуешь себя абсолютно беспомощным, как ребенок, которого сжимает в объятиях взрослый. И не потому, что хочет убить тебя, а потому, что очень любит. Постепенно к нему вернулась способность думать, и, очевидно, это странное ощущение испытали Скалдер и Мэри, когда в них вонзились пули. И это ощущение каким-то образом передалось ему, Кармоду, и он получил такой шок, что надолго потерял сознание и подумал, что умер.

А что если бы он продолжал думать так? Он действительно умер бы?

Так что же это?

— Не будь дураком, Кармода, — сказал он себе. — Что бы ты ни делал, не будь дураком. Ты просто испугался... до смерти.

Он подошел к Мэри и перевернул ее тело.

Крик из темноты заставил его подпрыгнуть. Он повернулся и, держа пистолет в руке, стал вглядываться в темноту, но не увидел ничего.

— Скалдер! — позвал он.

В ответ раздался дикий крик, скорее звериный, чем человеческий.

Улица тянулась по прямой ярдов на сто, а потом поворачивала. На углу стоял высокий дом, каждый из шести этажей которого нависал над предыдущим. Дом был похож на громадный телескоп, воткнутый острым концом в землю. Из-за угла дома вышел Галлункс, лицо которого было искажено гримасой боли. Увидев Кармоду, он замедлил шаг.

— Отойди в сторону, Джон! — крикнул он. — Ты не можешь заходить сюда, если я здесь. Иди прочь! Я занял это место и хочу быть здесь. Здесь место только для одного, и оно предназначено мне!

— О чем ты говоришь, черт возьми! — выкрикнул Кармода.

Он все время держал монаха на мушке пистолета. Было неизвестно, к чему может привести эта сумасшедшая разговорня.

— Ад! Я говорю об аде! Неужели ты не видишь это пламя, не чувствуешь его? Оно обжигает меня, когда я в нем, и сжигает других, когда меня в нем нет. Отойди в сторону, Джон, позволь мне спасти тебя, избавить от мучений. Я уже научился немного управлять им и могу выйти из него, когда поблизости никого нет. Тогда оно начинает искать другую грешную душу. Найдя

ее, пламя накидывается на нее, но когда я снова вхожу, оно отпускает свою жертву, перебравшись на меня. Я делаю это, невзирая на жуткие мучения.

— Ты действительно сумасшедший, — сказал Кармода. — Ты...

Но тут он дико вскрикнул, выронил пистолет и стал кататься по земле, хлопая руками по одежде.

Это окончилось также внезапно, как и началось. Он сел, дрожа и всхлипывая от боли и страха.

— О, боже! Что это было? Пламя, огонь!

Галлункс шагнул вперед и встал рядом с Кармодой, стиснув кулаки и бешено вращая глазами, как бы отыскивая путь для бегства из своей невидимой тюрьмы. Но увидев, что Кармода идет к нему, он остановил свой взгляд и сказал:

— Кармода, никто не заслуживает таких мук, даже самый отъявленный грешник, даже ты, Кармода!

— Это очень приятно, — сказал Кармода, но голос его был не столь насмешлив, как обычно.

Теперь он испытал на себе те мучения, которые испытывает монах. Его очень интересовало, как это получается. Как мог Галлункс проецировать свои галлюцинации на другого человека, чтобы тот почувствовал то же самое? Единственное, что он мог предположить, что излучение солнца воздействует на мозговое излучение отдельных людей, намного увеличивая его интенсивность. И это излучение воздействует на других людей без прямого контакта. Значит, в этом нет никакой тайны. Такая передача энергии давно известна. Радиоволны переносят звук и изображение, а при помощи слуха человек может слышать другого человека, даже не видя его. Но в этом случае эффект был поразителен. Он вспомнил свое ощущение, как пуля, попавшая в тело Мэри, входила в его тело, вспомнил ужас смерти, охвативший его...

Это был настоящий ужас независимо от того, его это было ощущение или Мэри. Если в течение семи ночей каждый встречный будет передавать ему свои ощущения, а он не сможет сопротивляться им...

Нет, он не беспомощен! Он может убить всякого, кто генерирует и передает ему свои ощущения.

— Кармода! — крикнул Галлункс, очевидно, стараясь громкостью голоса заглушить непереносимую боль. — Кармода, ты должен понять, что не пламя преследует меня, это я преследую пламя, я хочу быть в аду! Но ты не должен из этого заключить, что я отрекся от своей веры, от своей религии и, следовательно, должен вечно находиться там, где горит адский огонь. Нет, я верю в учение нашей церкви еще тверже, чем раньше! Я не могу

не верить! Но... я охотно отдаю себя пламени, так как не верю, что обречь на страдание и на страшные муки девяносто девять процентов богом созданных душ справедливо. А если это справедливо, тогда я должен быть среди них!

И хотя я верю в каждое слово священного писания, я отказываюсь занять свое место на небесах среди благословенных. Нет, Кармода, я остаюсь среди проклятых навеки в знак протеста против божьей несправедливости. И если случится так, что спасутся от ада девяносто девять и девять десятых процента и лишь одна душа попадет в ад, я шагну в огонь и встану рядом с ней. И скажу: "Брат, ты не один! Я с тобой навечно или до тех пор, пока над нами не сжалятся господа!" Но ты, Кармода, не услышишь от меня ни одного проклятия, ни одной мольбы. Я буду стоять и гореть, пока эта несчастная душа не освободится и не присоединится к остальным счастливым...

— Ты сошел с ума! — сказал Кармода, хотя он не был уверен в этом.

Лицо Галлункса все еще было искажено болью, но он уже не выглядел так, как будто его раздирали две противоборствующие силы. Теперь он, несмотря на мучения, стал самим собой.

Кармода не мог придумать ни одной причины, которая могла бы благотворно подействовать на Галлункса. По его понятиям, все должно было быть наоборот. Пожав плечами, он направился обратно к автомобилю. Галлункс что-то кричал ему вслед, что-то предупреждающее и ободряющее. В следующую секунду Кармода ощутил огромное жжение в спине. Ему показалось, что на нем вспыхнула одежда.

Он повернулся, выхватил пистолет и выстрелил в направлении монаха, хотя он не мог его видеть из-за вспышки пламени.

Внезапно ослепительный свет и нестерпимый жар исчезли. Кармода заморгал, стараясь привыкнуть к резкому переходу в полутьму и ожидая увидеть тело Галлункса. Он полагал, что галлюцинации исчезли вместе с тем, кто их порождает, но он увидел только один труп — труп Мэри.

В глубине улицы мелькнул силуэт и скрылся за углом. До Кармоды донесся крик. Галлункс преследовал свои галлюцинации, борясь за высшую справедливость.

— Пусть идет, — сказал Кармода. — Пусть, раз уж он таскает свое пламя с собой.

Теперь, когда Мэри была мертва, настало время ответить себе на некоторые вопросы, которые уже давно мучили его.

Он принес из автомобиля молоток и длинную тупую отвертку. С помощью этих инструментов он проделал в ее черепе дыру. Отложив молоток, он взял фонарик и встал на колени, склонившись над черепом. Затем он выключил фонарик и направил

луч света в проделанное отверстие. Он знал, что не сможет отличить мозг женщины от мозга мужчины, но он хотел знать, есть ли там мозг вообще. Может, там просто клубок нервов для приема телепатических приказов, которые излучает он. Если ее жизнь и ее поведение как-то зависят от его подсознания, то...

Мозга там не было. Было то, чего он не успел рассмотреть. Он увидел только свернутые кольца в чешуе, сверкающие красные глаза, открытую пасть с ярко-белыми клыками. А затем перед глазами у него поплыл туман — после того, как что-то молниеносно ударило его из дыры в черепе.

Он упал на спину, фонарик выпал из его руки и покатился по земле, светя в ночь. Джон уже не думал об этом, так как чувствовал, что лицо его начало распухать. Оно раздувалось, как мяч, в который накачали воздух. Дикая боль распространилась по его венам. Огонь жег тело, тек по жилам, как будто в них вместо крови текло расплавленное серебро.

И от этого пламени нельзя было спастись, как он спасся от пламени Галлункса.

Кармода дико закричал от ярости, вскочил на ноги и, обжегшись, стал топтать ногами змею в черепе, чьи клыки впились ему в щеку и чей хвост терялся в сгустке нервов. Змея долго лежала, свернувшись клубком в черепе Мэри, и дожидалась момента, когда Джон Кармода из любопытства откроет ее обиталище. И она выпустила свой яд в того человека, который ее создал.

Он остановился только когда это чудовище было растоптано. Затем он упал на колени рядом с Мэри. Все его тело было, как сухое дерево, охваченное пламенем, и ужас от того, что он скоро сгорит до смерти, исторг из его груди дикий крик...

В хаосе его бешено мелькавших мыслей была только одна, которую он признавал, один холодный островок в море огня. Он убил себя.

Где-то там, в освещенном луной пурпурном тумане, ударил гонг.

Медленно, нараспев считал рефери: ...пять, шесть, семь...

Кто-то в толпе — Мэри? — кричал:

— Вставай, Кармода, вставай! Ты выиграешь, Джонни, мальчик, вставай, нокаутируй этого скота! Не дай ему досчитать до десяти! Джо-о-о-ни-и!

— Восемь!

Джон Кармода застонал, сел и попытался встать на ноги. Но тщетно...

— Девять!

Гонг еще звенел. Зачем ему нужно подниматься, если его спас гонг?

Но рефери почему-то еще считает...

Что это за раунд, который не кончается после гонга? А может, это начало нового раунда, а не конец старого?

— Вставай, дерись! Отправь в ад этого громилу! — пробормотал он сам себе.

— Девять! — все еще висело в воздухе, как подвешенное в тумане. И светилось слабым фиолетовым светом...

— С кем он дерется? — спросил он и поднялся.

Ноги у него дрожали, глаза его чуть приоткрылись. Все тело ломило. Левая рука пошла вперед, резкими толчками зондируя воздух, подбородок спрятался под левое плечо, правая рука наготове. Правая однажды подарила ему звание чемпиона.

Но с кем здесь драться? Нет ни рефери, ни зрителей. Нет кричащей Мэри. Только он один.

Но где-то ударил гонг.

— Телефон, — пробормотал он и огляделся.

Звук доносился из огромной гранитной будки невдалеке. Он пошел к будке, ощущая, как дико болит у него голова, как одеревенели ноги, как крутит его живот, как будто там проснулась змея.

Он поднял трубку.

— Хэлло! — сказал он, удивляясь, зачем он это делает, ведь это звонят не ему.

— Джон? — спросил голос Мэри.

Трубка упала, ударилась о стену, и тут же трубка и аппарат разлетелись на кусочки, когда Кармодса всадил в них всю обойму из пистолета. Кусочки красного пластика ударили ему в лицо. Кровь, настоящая кровь, его кровь, потекла по щекам, по подбородку, теплыми струйками побежала по шее.

Спотыкаясь, чуть не падая, он побежал прочь, перезаряжая пистолет и повторяя на бегу:

— Идиот, ты мог сделать себя слепым, убить себя. Идиот, безмозглый идиот! Это надо так потерять голову!

Внезапно он остановился, сунул пистолет в карман, достал платок и вытер кровь с лица. Раны оказались царапинами, хотя и болезненными. И лицо его уже не было распухшим.

Только теперь он осознал, что значит этот голос.

— О, проклятая богородица! — простонал он.

Даже в таком состоянии одна часть его сознания была в стороне, оставаясь холодным наблюдателем. Она и отметила, что такие слова он произносил только в детстве, а здесь, на Радости Данте, они то и дело срывались с его губ.

Наблюдатель сказал:

— Ну что же ты, Джонни, возьми себя в руки. Зачем нас пугать?

Он попробовал рассмеяться, но у него получился только хрип, такой жуткий, что он сам испугался.

— Но я убил ее, — прошептал Кармода.

— Дважды, — сказал наблюдатель.

Он выпрямился и, сунув руку в карман, крепко сжал рукоять пистолета.

— О'кей, о'кей! Значит, она может возвращаться к жизни. Значит, и это зависит от меня. Ну так что? Ее можно убивать снова и снова, а когда кончатся семь ночей, она погибнет навсегда и я избавлюсь от нее. Даже если мне придется весь город устлать ее трупами, я сделаю это. Конечно, она будет потом ужасно вонять. — Он попытался улыбнуться. — Но я не собираюсь убирать трупы. На это есть специальная служба.

Он пошел к автомобилю, но решил еще раз взглянуть на труп Мэри.

На асфальте была лужа черной крови, и кровавые отпечатки следов вели в ночь. Но труп исчез.

— Отлично, а почему бы и нет? — прошептал Кармода. — Если воображение может создать из ничего плоть, и кровь, и кости, то еще проще воображением уничтожить все это. Ведь есть же принцип наименьшего сопротивления, экономика природы, закон минимальных усилий. Джон, старина, никаких чудес в этом нет! Все происходит вне тебя, Джон. У тебя внутри все в порядке, все неизменно.

Он вскочил в автомобиль и поехал. Стало немного светлее, и он ехал быстрее. Разум его тоже начал отходить от первых потрясений.

— Господь сказал: "Восстань из мертвых!", и они восстали, — говорил Кармода. — Чем я не бог? Если бы я мог доказать это на другой планете, там бы я был богом. Но здесь, — он ухмыльнулся совсем как раньше, — здесь я один из многих, шляюсь в ночи вместе с другими монстрами.

Дорога перед ним вытянулась прямая, как луч лазера. Уже можно было различить замок Боситы в конце улицы. Но огромная луна заливала все своим светом, и он едва видел темно-пурпурную громаду замка в светло-пурпурном тумане. Можно было лишь догадываться, что замок сделан из камня, а не из бесплотных теней, что это замок, а не его призрак.

В небе сияла луна. Золотисто-пурпурная в центре и серебристо-пурпурная по краям. Она была такой огромной, что казалось, будто она падает на землю. Ощущение падения усиливалось легким смещением, игрой оттенков в пурпурном тумане.

Когда Кармода смотрел прямо на нее, луна словно вспучивалась, а когда отводил взгляд, она съеживалась.

Он решил ехать и смотреть на этот шар только сквозь ветровое стекло. Больше нельзя было терять времени, нужно было сосредоточить все внимание на тумане, полном опасностей. Казалось, все вокруг было готово поглотить его. Он чувствовал себя маленьким мышонком среди огромных пурпурных котов, и ему совсем не нравилось это ощущение.

Он помотал головой, как бы желая разбудить себя, и это помогло ему. Те несколько секунд, когда он смотрел на луну, чуть не усыпили его. Или, вернее, усыпили его бдительность. Теперь он был в полумиле от замка Боситы, а он даже не помнил как проехал последние мили. Луна, эта пурпурная губка, вобрала в себя все его ощущения.

— Эй, Джон! — крикнул он сам себе. — Ты едешь слишком быстро.

Он подогнал автомобиль к основанию статуи в центре улицы. Тень от статуи спрячет автомобиль от глаз тех, кто мог стоять перед замком, и тех, кто мог смотреть в окно.

Он вышел из машины, обошел статую кругом, насколько позволял видеть туман, вблизи не было живых существ. Кое-где на мостовой валялись трупы. Еще больше их было на лестнице, ведущей к большому портику замка. Но опасного ничего не было. Конечно, может кто-нибудь из лежащих здесь и притворяется, чтобы наброситься на незащитного прохожего, когда тот будет проходить мимо якобы бездушного трупа.

Он осторожно приблизился. Прежде, чем подойти совсем близко к телам, он остановился и осмотрел их. Ни один труп не проявлял признаков жизни. Они были искалечены, изувечены или так обезображены, что вряд ли кто-нибудь из них притворялся мертвым. Скорее всего, это действительно трупы.

Он прошел мимо них и начал подниматься по лестнице. Темные каменные колонны портика тянулись вверх. Их верхушки терялись в клубящемся тумане. Колонны были сделаны в форме ног — мужских и женских.

А за ними была тьма, тьма и тишина. Где жрецы и жрицы? Где хор, где чудотворцы, где кричащие женщины, перепачканные собственной кровью и потрясающие ножами, которыми они в иступлении наносили себе раны?... Раньше... когда это было?... когда он был впервые допущен на ритуал, он был один среди тысяч, не охваченный всеобщим безумием, ревом, оглушительным шумом. А теперь здесь был мрак, поющая тишина.

Действительно ли в замке живет Месс, как утверждал каждый карренец, с кем он говорил? Может, он и сейчас здесь и ждет, когда пройдет Ночь Света? Ведь, как утверждали все, Месс не

мог быть уверен в том, что мать будет всегда благосклонна к нему. Если победит Алгул, тогда он или кто-нибудь из его приверженцев убьет Месса. Мог наступить такой момент, когда последователи бога зла будут настолько могущественны, что убьют бога добра.

И когда кончится Ночь Света и проснутся спящие, миром уже будет править другой бог. Все поклонники Алгула будут праздновать победу — вплоть до наступления следующей ночи, которая может принести им поражение.

Сердце Джона бешено забилося, какой величавый поступок — убить бога! Только один человек из миллиардов может похвастаться этим. Убийство бога! Если его, Джона Кармоды, репутация была достаточно высока и до этого его знали во всей Галактике, то какая же она станет после убийства бога? Ни одно его прежнее деяние не может сравниться с этим! Ни одно!

Пока, сказал он себе, он не сделал ничего. Он стиснул рукоятку пистолета и прошел между ног женщины. Пурпур сгустился до темноты. Он шаг за шагом продвигался вперед. Изредка он оглядывался назад, где был свет, правда, слабый. Он виднелся в просветах между каменных ног. Свет колебался, как простыня, которую колыхал ветер.

Он снова повернулся лицом к мраку и Замку. Он не знал, что означают эти колебания света, вероятно, они таят в себе угрозу. Может быть, самую страшную из всех, с которыми он встречался в течение ночи.

А может, кто-то заставляет его идти в Замок? Проецирует на него свои желания?

Он остановился. Ему не понравилась мысль о том, что кто-то знает о его присутствии, ждет его, готовясь схватить.

Он пробормотал:

— Не суетись, Джон. Почему ты так нервничаешь? Пусть там хоть сам бог, не дай ему одолеть себя. Ты просто не можешь себе это позволить. А впрочем, черт побери, какая разница? Или ты — или он! Мне очень хочется убить его. Показать этим ублюдкам, кто я такой.

Он и сам не знал, что и кому он хочет показать. А может, в том, что он хочет выделиться из всех, есть что-то плохое? Может быть. Плевать.

Он отбросил все мысли. Дело, вот о чем надо думать.

И вдруг, без каких-либо сигналов со стороны органов чувств, он понял, что вошел в Замок. Ни свет, ни звук не уменьшились и не усилились. Хотя он ничего не видел, но отчетливо представлял себе пол из отполированных красных плит, простиравшийся на целую милю от входа до дальней стены. Стены зала тоже были зеркально гладкими. Они плавно переходили в ку-

полообразный потолок. В отличие от украшенных статуями наружных стен замка внутри стены были голы, как внутренность раковины.

Он медленно пошел вперед, колени его были чуть согнуты. Он был готов прыгнуть назад при малейшем звуке или прикосновении. Тьма сгущалась вокруг него. Она как будто вливалась в глаза, уши, ноздри, наполняя его собой. Он оглянулся и уже не увидел очертаний огромной арки, через которую он вошел.

Но Кармода не сомневался. Он действовал по собственной воле, у него была своя определенная цель.

Он шел очень медленно. Шаг за шагом он прошел полмили, часто останавливаясь и прислушиваясь. Наконец, когда он уже решил, что ходит кругами, нога его коснулась чего-то твердого. Он опустился на колени и пощупал рукой. Это была первая ступень. Он поднял ногу, поставил ее на ступень и прислушался. Все было спокойно. Тогда Джон Кармода стал потихоньку подниматься по лестнице, пока не добрался до трона.

— Посмотрим, — пробормотал он. — Кресла смотрят в сторону входа. Значит, если я пойду прямо от них, то доберусь до маленькой дверцы в стене. А там...

А там, как ему говорили, находится Арча Босита — Святая Святых. Чтобы попасть туда, нужно было войти в эту дверь. Туда допускались только избранные из избранных. Высшие жрецы и жрицы, государственные деятели и, конечно, выжившие после Ночи Света.

Это была комната, где совершались главные таинства. И именно здесь, если верить рассказам, родились Месс и Алгул. Здесь иногда появлялась сама богиня Босита. И здесь она становилась женой семи праведников или семи грешников, чтобы вновь родить своего сына Месса или своего сына Алгула.

Дверь никогда не запиралась. Ни один карренец, который не чувствовал себя достойным, не осмеливался войти туда. Даже избранные при входе подвергались страшной опасности.

Босита не очень привередлива в еде, и она часто голодна — такова была пословица на планете. Тот, кто произносил ее, никогда не объяснял смысла пословицы, хотя было ясно, что он знает гораздо больше, чем говорит. Возможно, он боялся, так как после высказывания всегда следовал жест, который должен был защитить от гнева богини.

Раньше Джон Кармода был убежден, что религия на этой планете, как и все остальные религии, была основана на мошенничестве, а уж потом — на суеверии. Теперь он уже не был так уверен в этом. На этой планете происходило слишком много такого, чего не могло произойти нигде.

Его вытянутая рука коснулась стены. Камень был теплый, чересчур теплый, как будто по другую сторону стены был разложен костер.

Он толкнул, и стена поддалась. Открылась дверь. Ни один луч света не пробивался из-за двери — там было темно, как и здесь.

Он долго стоял, придерживая дверь, не решаясь войти, но и не желая оставаться на месте здесь. Если он войдет и дверь закроется, он может оказаться в западне.

— Черт побери! — воскликнул он. — Все или ничего.

Джон открыл дверь шире и вошел. Дверь двигалась абсолютно бесшумно. Он не слышал, как она закрылась за ним. Как ее открыть снова, он не имел понятия. Он попытался, но безуспешно.

Сначала он хотел включить фонарик, чтобы увидеть, кто приближается к нему, и иметь возможность парировать первый удар. Но затем решил, что это глупо. Если он проник сюда незаметно, то не следует обнаруживать себя. Нет, нужно двигаться в темноте, темнота его союзник. Он — кот, остальные — мыши.

Он медленно двинулся вперед, останавливаясь через каждые три шага. Чтобы прислушаться. Он слышал пульсацию крови в своем теле и даже биение сердца.

А может, это его сердце?

Эти звуки были похожи на бой далекого, обтянутого мягкой шерстью барабана. И эти звуки постепенно приближались к нему. Кармод повернулся, стараясь определить источник звука. Или это фантом звука? А может, это звук какой-нибудь машины, в которой мерно движется поршень?

А может быть, подумал он, эта комната просто резонансная камера, где воспринимаются и усиливаются звуки его собственного сердца.

Нет, это абсурд.

Тогда что это?

Движение воздуха охлаждало его потное лицо. В комнате было ни жарко, ни холодно, но дышал он так, как будто ему было очень жарко, и в то же время его охватывал озноб, как будто ему было холодно. Более того, он ощущал странный запах, который ему встретился впервые в жизни. Этот запах смешивался с запахом древности, запахом старых каменных стен.

Он беззвучно выругался и остановился, стараясь подавить дрожь. Ему это удалось, но теперь сам воздух вокруг него стал дрожать.

Может, это тот самый эффект, с которым он уже не раз сталкивался? Эффект, когда воздух начинал сгущаться, поблес-

кивать и как будто превращаться в зеркало. Неужели Мэри снова возникнет перед ним? И в этом мраке!

Но он тут же усмехнулся.

Я убью ее, подумал он. Убью. От нее не останется ничего, кроме лужи крови. Я уничтожу ее насовсем. Ей уже не из чего будет образовываться снова.

Не заботясь больше ни о чем, он достал из кармана фонарик. Тонкий луч прорезал пространство комнаты и уперся в стену из телесно-белых камней с красными прожилками.

Он провел лучом по комнате. Остановил луч на каменной статуе метров пятьдесят высотой. Огромная голая женщина с большим количеством разбухших грудей. Одной рукой она вытаскивала из себя плачущего младенца, другой прижимала к себе второго. Первый младенец плакал от ужаса, так как рот женщины был открыт и из него торчали острые клыки, которыми она хотела откусить младенцу голову.

Другие младенцы облепили ее тело. Некоторые припали к ее грудям, другие тщетно пытались взобраться на эти груди, огромные, как горы.

Лицо богини Боситы могло бы служить экспонатом для изучения раздвоенности личности. Один ее глаз, которым она смотрела на плачущего младенца, был страшен. Другой глаз, полуприкрытый ресницами, спокойно, по-матерински, смотрел на младенца, припавшего к груди. Одна сторона лица была приятная, другая — свирепая.

— О'кей! — пробормотал Кармод. — Так вот она какая, великая богиня Босита. Зловонный идол вонючих язычников!

Луч фонарика опустился. Каждую ногу богини охватывали два ребенка лет по пяти, если судить по их размерам, Месс и Алгул. Оба смотрели на богиню со страхом и надеждой.

— О, вы получите от своей матери много материнской любви, — сказал он им. — Почти столько же, сколько я получил от своей.

Жаль, подумал он, что его мать не материализуется здесь. Он бы выпустил из нее кишки с таким же удовольствием, как и из Мэри.

Он повел лучом дальше. Луч осветил каменный алтарь, наполовину прикрытый бархатной темно-красной тканью. В центре алтаря стоит громадный золотой канделябр. Круглое основание его сделано в виде обвившейся змеи. Свечи в канделябре нет.

— Я ее ем, — сказал мужской голос.

Кармод резко повернулся и чуть не нажал на спуск пистолета. Луч света нашел человека, который сидел в кресле. Он был огромный, массивный. Лицо его было красиво даже по человеческим меркам.

Он был стар. Его прежде голубые волосы на голове и половых органах стали совсем белыми. Лицо и шея в морщинах.

Он откусил еще кусок наполовину съеденной свечи. Челюсти его энергично двигались, а глаза были устремлены на Джона Кармоду. Землянин остановился в нескольких футах от него. Он сказал:

— Полагаю, что ты и есть великий бог Месс?

— Ты нахален, — ответил человек. — Но я отвечу на твой вопрос. Да, я Месс, но ненадолго.

Кармода решил, что этот человек не представляет для него немедленной угрозы. Он снова повел лучом фонарика по комнате. В конце ее он увидел арку и под ней ступени, ведущие вверх. Там, на высоте сорока метров, вдоль стены тянулась галерея, в которой могло бы поместиться пятьдесят зрителей. В другом конце комнаты была такая же лестница и такая же галерея. И все, в комнате была только гигантская статуя богини Боситы. Алтарь, канделябр, кресло и в нем человек. Бог Месс или обманщик?

— Я действительно Месс, — сказал человек.

— Ты можешь читать мысли? — удивился Кармода.

— Не впадай в панику. Нет, не могу. Я просто могу предугадать твои намерения.

Месс проглотил кусок и сказал со вздохом:

— Сон моего народа тревожен. Их мучают кошмары. Чудо-вища рождаются в глубинах их сознания. В противном случае, тебя бы не было здесь. Кто знает, что увидит эта Ночь? Может, торжество Алгула? Он уже сгорает от нетерпения в долгом изгнании. — Бог махнул рукой. — Если этого захочет мать.

— Мое любопытство будет стоить мне жизни, — сказал Кармода.

Он рассмеялся, но тут же осекся, так как смех, отражаясь от стен, вновь возвращался к нему, как будто комната смеялась над ним.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Месс.

— Ничего особенного, — ответил Кармода.

Он подумал, что должен убить этого человека или Бога пока у него есть возможность. Если здесь появятся его приверженцы, за жизнь Кармоды, который решил убить Месса, поручиться никто не захочет. Но, с другой стороны, это, может быть, вовсе не Месс, а темная лошадка, приманка. Нужно выяснить все до конца. А кроме того, кто еще может похвастать, что говорил с Богом?

— Что тебе нужно? — спросил Месс, откусывая свечу и начиная жевать.

— Ты можешь дать мне все? — поинтересовался Кармода. —

Но я привык брать все сам. Давать и просить — это не относится к числу моих добродетелей.

— Это всего лишь две из огромного числа добродетелей, которых у тебя нет, — сказал Бог и рассмеялся: — Так что тебе нужно?

— Это напоминает мне сказку о волшебном принце, — заметил Кармода. — Мне нужен ты.

Месс поднял брови:

— Ты, очевидно, служишь Алгулу. Это выпирает из каждой поры твоего тощего тела, слышится в каждом ударе твоего сердца. Зло заключается в самом твоём дыхании. — Месс наклонил голову, закрыл глаза. — Но... в тебе есть что-то. — Он открыл глаза. — Ты несчастный, страдающий маленький дьявол. Ты погиб в тот самый момент, когда похвастался, что живешь так, как не смеет жить никто. Ты...

— Заткнись! — крикнул Кармода, но тут же взял себя в руки, улыбнулся и сказал: — Ты очень хорошо подшучиваешь, не так ли? Но я прошел через многие ужасы этой Ночи, которые многих делают сумасшедшими. — Он направил пистолет на Месса. — Ты от меня не скроешься. Но зато ты можешь поздравить себя с тем, что получишь то, что имеют немногие. Правда, те немногие уже никому не расскажут об этом — их нет среди живых. — Он ткнул пистолетом в свечу в руке Месса. — Ты сумасшедший? Почему ты ешь это? Церковные мыши жрут свечи от бедности. Неужели те, что живут в таких залах, бедны как мыши?

— Ты никогда в жизни не ел таких дорогих вещей, — сказал Месс. — Это самая дорогая свеча в мире. Она сделана из костей моего предшественника, смешанных с воском божественных птиц. Эти птицы освящены моей матерью, их всего двадцать одна штука. И они самые прекрасные птицы на планете, а может, и во всей Вселенной. За ними ухаживают жрицы замка на острове Бантебро.

Каждые семь лет перед началом Ночи изготавливается свеча из праха Месса, погибшего 763 года назад, и из воска священных птиц. Она вставляется в этот канделябр и зажигается. Я сижу и жду, пока биллионы спящих ворочаются, храпят, стонут в своем наркотическом сне, а рожденные ими кошмары бродят по улицам и убивают.

Когда свеча немного обгорает, я нюхаю дым, а затем, в соответствии с древним ритуалом, я съедаю ее. Таким образом я вкушаю божественное, соединяюсь с Богом, возрождаю в себе божественное начало.

Когда-нибудь, возможно этой Ночью, я умру. Мою плоть отделят от костей, а кости положат в раствор. Затем их смешают

с воском и сделают свечу. И я буду сожжен, как жертва моего народа, моей матери. Дым свечи будет выходить из замка и распространяться в Ночи. Я буду не только сожжен, но и съеден Богом, который придет после меня. Но только если это будет Месс. Алгул не ест Месса, и Месс не ест Алгула. Зло жаждет зла, а добро жаждет добра.

Кармода ухмыльнулся:

— Неужели ты веришь во всю эту галиматью?

— Я это знаю.

— Примитивная религия. И ты, цивилизованное существо, крутишь мозги своим поклонникам, тупым, ограниченным идиотам?

— Ты не прав! Если бы я был на Земле, то твои обвинения были бы справедливы. Но ты далеко прошел через эту Ночь — дурной знак для меня — и должен знать, что здесь возможно все.

— Я уверен, что все, происходящее здесь, может быть объяснено физическими законами, пока еще неизвестными людям. Но это меня не касается. Я скажу тебе одно, готовься к смерти...

Месс улыбнулся:

— Каждого ждет смерть.

— Я имею в виду — сейчас! — крикнул Кармода.

— Я живу уже 763 года. Я устал, а усталый Месс не нужен людям. Да и матери не нужен усталый сын. И поэтому я умру. Умру этой Ночью, вне зависимости от того, кто победит — добро или зло. Я готов. Если оружие моей смерти не ты, то будет другое.

Кармода крикнул:

— Я ничье оружие! Я делаю то, что хочу, привожу в действие только свои планы! Только свои ~~ж~~слышишь?

Месс снова рассмеялся:

— Слышу, слышу! Ты пытаешься привести себя в бешенство, чтобы легче было убить меня?

Кармода нажал спусковой крючок. Месс и кресло, в котором он сидел, поползли назад от столкновения с потоком пуль. Кровь брызгала фонтанами, плоть разлеталась во все стороны, голова развалилась на части. Руки в бессильном жесте взметнулись вверх, а затем упали, ноги дергались в конвульсиях... Затем Месс вместе с креслом рухнул на пол.

Кармода прекратил стрельбу только тогда, когда опустела обойма. Он посветил себе фонариком и сменил обойму.

Сердце его бешено стучало, руки дрожали. Это была кульминация его карьеры. Его шедевр. Ему нравилось думать о себе, как о художнике, великом мастере преступлений. Может, даже величайшем. Иногда он насмехался над самим собой. Но он слишком часто думал об этом и, вероятно, верил в это. Если в этом деле существуют художники, значит, он один из них. Те-

перь уже никто не будет отрицать его славу, никто не обойдет его. Кому еще так повезет, кому посчастливится убить Бога?

Однако ему стало грустно. Что делать теперь, когда он достиг вершины?

Он начал размышлять. В громадной Вселенной наверняка есть что-нибудь более трудное, и оно ждет его. Нужно выбираться из этой ситуации и начинать новое дело — более сложное, опасное и... почетное.

Пока что он не мог считать это своим успехом. Ведь он еще не выбрался отсюда. Истинный шедевр только тогда шедевр, когда он проработан и закончен до мелочей. Нельзя допустить, чтобы его схватили. Он не мотылек, чтобы сгореть в пламени великолепного действия, которое сам зажег.

Кармода достал маленькую плоскую коробочку. Открыв ее, он полил тело Бога жидкостью. Увидев, что жидкость смочила всего Месса, он отошел, достал вторую коробочку, скинул плащ, закутал лицо и нажал на кнопку. Из сопла вырвалась струя жидкости. Тело Месса вспыхнуло. Дым и запах горелого мяса распространились по комнате.

Кармода засмеялся. Карренцы теперь никогда не смогут сделать свечу из своего бога. Смесь жидкостей будет окисляться до тех пор, пока тело бога не превратиться в пепел.

Но еще оставалась наполовину съеденная свеча из тела Бога, которую Месс выронил, когда пуля ударила в него. Кармода поднял ее. Сначала он хотел ее выбросить, потом ухмыльнулся и начал ее есть. Свеча имела горьковатый привкус, но есть ее было можно. Он улыбнулся при мысли, что съедение свечи — уникальное событие. Убийство Бога имеет всего лишь историческую важность. Предыдущих Мессов тоже убивали, хотя и не земляне. Но насколько он знал, еще никто, кроме сыновей Боситы, не ел божественных свечей.

Пока он ел, он осматривал комнату, ища выход. За ногами Боситы Кармода заметил дыру в стене. Почему-то раньше он не видел ее. Дыра была высотой в его рост и очень узкая. Если он пролезет в нее, то наверняка выйдет в какой-нибудь коридор, ведущий из замка.

Подойдя к щели, он понял, что теперь ему придется платить за невоздержание в пище. Его живот был слишком велик для этой дыры. Джон попытался протиснуться, он почувствовал себя толстой пробкой в узком горлышке бутылки. Он дергался и ругался, не понимая, как же сюда пролезают остальные. Затем ему пришлось в голову, что сюда мало кто пролезает. А значит, это вовсе не дверь. Зачем же устроена эта щель?

Ловушка!

Он с великим трудом освободился и отскочил от щели. Обер-

нувшись, он увидел, что арка, которая, казалось, была сделана из камня, как и стены, начала медленно закрываться.

Значит, по крайней мере часть стены была сделана из псевдоселикона, но от этого ему стало не легче. Он не знал, как выбраться из Замка.

Где-то позади раздались голоса. Кричали и женщины и мужчины. Он резко повернулся и увидел, что дверь, через которую он вошел и которая закрылась за ним, теперь была распахнута. Через нее входили карренцы. Те, что вошли первыми, в ужасе смотрели на охваченное пламенем тело Бога.

Джон Кармода вскрикнул и бросился к ним сквозь дым. Его пытались остановить, но он начал стрелять. Карренцы расступались перед ним или бежали обратно в пурпурный туман.

Кармода бежал за ними. Он кашлял, глаза его щипало, из них текли слезы. Но он бежал, пока не оказался на улице и его легкие наконец очистились от едкого дыма. Теперь он перешел на легкий шаг. Через четверть мили он остановился. Что-то лежало перед ним. Это было что-то твердое, застывшее, по форме напоминавшее человека. Кармода решил осмотреть его.

Это оказалась статуя Бана Дремона, скинутая с пьедестала. Кармода взглянул на пьедестал. Там, где не должно было быть ничего, стоял другой Бан Дремон.

Джон схватился за край пьедестала, который был на фут выше его головы, и одним легким движением взобрался на него. И тут с пистолетом в руке он оказался с глазу на глаз со статуей.

Не со статуей — с человеком. Карренцем.

Он стоял в том же положении, что и скинутая статуя Бана Дремона: правая рука приветственно поднята, в левой жезл, рот открыт, как если бы он отдавал приказ.

Кармода коснулся кожи лица, более темной, чем у карренцев, но не такой темной, как бронза статуи.

Она была твердая, гладкая и холодная. Если это и не металл, то что-то весьма близкое ему по свойствам. Насколько он мог видеть в темноте, глаза уже потеряли свою окраску. Джон нажал на них пальцами: они были твердыми, как бронза. Когда же он сунул палец левой руки в открытый рот, то почувствовал, что язык еще мягкий. Видимо, под затвердевшей оболочкой сохранилась живая плоть. Во рту, правда, было сухо, как у настоящих статуй.

Но как мог человек превратить свою протоплазму, в которой было мизерное количество меди и совсем не было свинца, в твердый сплав? Даже если бы имелись все необходимые компоненты в нужных количествах, то все равно, какая же тут нужна температура?

Вероятно, когда солнце излучает бешеную энергию, человек

создает мысленные образы и приводит в действие какой-то механизм преобразования, подсознательно используя те силы, которые постоянно присутствуют в нем, но о существовании которых он не подозревает.

Если это так, то человек, в принципе, может быть Богом, впрочем, Бог это слишком громко, скорее титаном. Но очень глупым титаном, слепым циклопом с катарактой.

Но почему человек наделен этим могуществом только в Ночь Света? Ведь его хватило бы, чтобы объять всю Вселенную! И тогда не было бы ничего невозможного: человек мог бы передвигаться с планеты на планету, с авеню замка Боситы на Радости Данте до Бродвея на планете Земля, отстоящей на 1.500.000 световых лет. Человек мог бы стать кем угодно, сделать что угодно, играть солнцем в пространстве, как ребенок играет мячем. Время, пространство и материя уже не были бы стенами, они стали бы дверьми, через которые можно проходить.

Человек мог бы стать кем угодно: деревом, как муж мамыши Кри, бронзовой статуей, каким-то образом сплавив необходимые материалы без тиглей и печей, без знания химического состава, только в этот сплав вложив свои клетки.

Однако во всем этом был один недостаток. После этого нужно было умереть. Обладая чудом метаморфоз, человек не мог совершить другого чуда — оживить себя.

Эта статуя должна была умереть, как должен умереть Скалдер, когда его безумная похоть превратит его в половой орган, а сам монах останется только придатком к нему. Он будет неподвижен и нужен только для того, чтобы кормить себя и вливать силы в свой орган. Сердце будет служить только насосом для накачки крови в чудовищное орудие похоти.

Он умрет, как умрет и Галлункс, горящий в воображаемом пламени ада. Они все умрут, все, если не смогут воспрепятствовать резкому изменению разума и скачкообразному изменению плоти.

А как насчет тебя самого, Джон Кармода, подумал он. Ты хочешь оживить Мэри? Какой вред тебе может нанести ее восстановление? Все остальные обрекают себя на страдание и гибель. А какие страдания в том, что ты дашь жизнь Мэри? Неужели ты исключение?

— Я Джон Кармода, — прошептал он. — Я всегда был, есть и буду исключением...

Откуда-то сзади и снизу до него донеслось рычание и крики людей. Снова рычание, чьи-то предсмертные вопли. Снова рев, а затем такой звук, как будто лопнул мешок. Кармода почувствовал, что ноги его стали мокрыми до колен.

Он посмотрел вокруг и увидел, что луна зашла за горизонт

и поднимается солнце. Неужели уже прошла ночь, а он так и стоял здесь в пурпурном тумане? Стоял и грезил?

Он покачал головой. Да, он снова поддался чужому влиянию, его захватили бронзовые мысли статуи. Для него, живого человека, время потекло также медленно и сонно, как для статуи. Он стал жертвой этой каменной философии, и мог бы сам обронить, если бы что-то не вырвало его из шокового состояния. Даже теперь, когда он вышел из этой — комы? — ему очень хотелось тихого покоя, хотелось пропустить сквозь себя медленный и плавный поток времени.

Но в следующее мгновение он уже полностью пришел в себя. Он попытался двинуться, но понял, что прикован к этому монументу. И не только мысленно. Палец, который он сунул в рот статуи, теперь был крепко зажат бронзовыми губами. Кармода дергал изо всех сил, но тщетно. Пальцу было не больно. Он просто онемел. Вероятно, прекратилось поступление крови в него. Но даже в этом случае боль должна была бы быть. Может, дело дошло до того, что его плоть трансформировалась?

Вероятно, человек-статуя еще не полностью перешел в бронзу: ощутив палец во рту, он стал закрывать рот автоматически, а может, и по злому умыслу. Он закрывал его медленно, всю ночь, а когда взошло солнце, процесс трансформирования полностью завершился, и теперь рот уже никогда не откроется, так как душа покинула бронзовое тело. Во всяком случае, Кармода больше не воспринимал излучаемых им мыслей.

Он огляделся вокруг. Его тревожило не только то, что он не может освободиться из этой западни, но и то, что сейчас он у всех на виду. И что еще хуже — он выронил пистолет. Оружие лежало у самых его ног, но как он не извивался, он не мог дотянуться до пистолета. Выпрямившись, он облегчил душу целым градом злословных ругательств. Этот словесный взрыв был смешон. Он не принес никакой практической пользы. Но, во всяком случае, напряжение спало.

Он посмотрел на улицу: никого не видно.

Затем он взглянул вниз, вспомнив, что ночью ноги его почему-то стали мокрыми. Засохшая кровь струпами покрывала его икры и сандалии.

— О, нет, только не это! — пробормотал он, вспомнив о фонтане крови в кухне.

Но после более внимательного осмотра он понял, что Мэри здесь ни при чем. Кровь лилась из ран на теле чудовища, лежащего возле пьедестала статуи. Мертвые глаза смотрели в пурпурное небо. Чудовище было вдвое длиннее среднего каренца. Все тело его было покрыто голубоватой шерстью. Видимо, волосной покров на теле человека трансформировался в

густую жесткую шерсть. Ноги его стали огромными — ведь им приходилось выдерживать тяжесть большого тела. Толстый извивающийся хвост был похож на хвост тиранозавра, которого Кармода видел на картинке. Ногти на руках и ногах превратились в когти, а лицо приобрело вид звериной морды. Оно заострилось, челюсти стали более мощными, острые клыки зловеще поблескивали в пасти. Челюсти сжимали руку несчастного, видимо, павшего во время битвы, звуки которого Кармода слышал ночью. От остальных участников не осталось ничего, кроме пятен крови на мостовой.

Шесть человек вышли из-за угла и остановились, глядя на Кармоду. Они были не вооружены, но в выражении их лиц было нечто, что встревожило Джона. Он начал яростно выдергивать палец, обливаясь потом и задыхаясь от боли. Но он не мог ничего сделать.

Он смотрел в невыразительные глаза статуи, видел утрюмую ухмылку и старался уговорить ее, забыв, что это был не человек, который мог поддаться на уговоры, — это был металл, статуя, на которую не действовали никакие слова.

Он стиснул зубы. Если они не помогут мне, подумал он, а я не вижу причин, почему бы им мне не помочь, мне придется пожертвовать пальцем. Это единственное, что осталось, если я хочу освободиться. Достаточно достать нож из кармана...

Один из людей, как будто прочтя мысли Кармоды, сказал:

— Давай, землянин, тронь его, если ты, конечно, не боишься изувечить свою драгоценную ручку.

И тут Кармода узнал Танда.

Ответить он не мог, так как все шестеро дружно расхохотались над его смехотворным положением. Они издевались над ним, спрашивая, намерен ли он стоять здесь всегда, чтобы потешать публику. Они прямо-таки катались по земле от хохота, хлопая себя по ляжкам.

— И этот шут хотел убить Бога? — задыхался от хохота Танд. — Хотел убить Бога, а сам сунул палец в медную кастрюлю и не может вытащить!

Спокойнее, Кармода, им не удастся завести тебя!

Думать так было легче, чем выполнять.

Он устал, очень устал. Вся его гордая самоуверенность покинула его, как и физические силы. Ноги едва держали его. Казалось, он стоит тут целую вечность.

Внезапно паника охватила его. Сколько же времени он торчит здесь? Сколько прошло времени, как кончилась Ночь?

— Танд, — сказал один из людей, — неужели ты серьезно думаешь, что этот тип наделен могуществом?

— Вспомни, что он сделал, — ответил Танд. Он обратился к

Кармоде. — Ты убил старого Месса, приятель. Он знал, что это случится, и сам сказал мне об этом еще до того, как началась Ночь. И теперь мы ищем седьмого, чтобы стать любовниками матери и отцами маленького Месса.

— Значит, ты солгал мне! — рявкнул Кармода. — Ты не пошел спать!

— Если ты вспомнишь, что именно я сказал, ты поймешь, что я не солгал. Я сказал тебе правду. А ты понял мои слова так, как этого захотелось тебе.

— Друзья, — сказал один из людей. — Мы понапрасну теряем время и даем врагу преимущество, которым он может воспользоваться. Этот человек, несмотря на свое могущество, которое я ощущаю даже без зондирования, очень грязен. И я сомневаюсь, есть ли у него душа. А если и есть, то это что-то очень маленькое и ничтожное, скорчившееся во мраке, боящееся высунуть нос, позволяющее ему делать все, что он хочет, отказывающееся взять на себя ответственность за его поступки, отказывающееся даже признать свое существование.

Остальным это показалось очень смешным, и они разразились хохотом.

Кармода задрожал. Их презрение и насмешки били его как шесть молотов — один за другим. И это он, который считал себя выше презрения и насмешек. Он внезапно обнаружил, что он несколько не выше, а барьер, который он сам воздвиг для самозащиты, рухнул. Рухнул под градом издевательств.

Он снова стал выдергивать палец изо рта в тщетной надежде освободиться. И тут он увидел еще шестерых людей, которые шли в направлении к нему. Эти люди тоже были невооружены и были похожи на первых шестерых горделивой осанкой и самоуверенностью. Они тоже остановились перед Кармодой, не обращая внимания на первых шестерых.

— Это он? — спросил один.

— Думаю, да, — ответил другой.

— Его нужно освободить?

— Нет, если он захочет примкнуть к нам, он освободится сам.

— Но если он захочет примкнуть к ним, то он также может освободиться сам.

— Землянин, — произнес третий, — тебе оказана великая честь! Ты первый из нерожденных на этой планете, кому оказана такая честь.

— Идем, — сказал четвертый. — Идем с нами в Замок, и ты познаешь счастье в объятиях Боситы. Ты станешь одним из отцов Алгула, истинного Бога этого народа.

Кармода перестал чувствовать себя несчастным. Очевидно,

он представляет собой большую ценность не только для этой шестерки, но и для другой. Правда, если первые и старались заполучить его, то делали это весьма странно.

Самое загадочное во всем этом было то, что ни один человек ни с той, ни с другой стороны не был отмечен какими-либо знаками добра или зла. Все они были красивы, хорошо сложены, уверены в себе. Единственное, что их отличало, это то, что люди, говорившие о Мессе, были в хорошем настроении, они охотно и весело смеялись. Люди из группы Алгула, напротив, были напряжены и угрюмы.

— Я им всем, видно, очень нужен, — пробормотал про себя Кармода. — Что вы дадите мне за это? — спросил он вслух, окинув всех одним взглядом.

Первые шестеро переглянулись, пожали плечами, и Танд сказал:

— Мы не дадим тебе ничего, что ты не сможешь дать себе сам.

Человек из второй шестерки, высокий и красивый, сказал:

— Когда ты придешь с нами в Замок и ляжешь в постель с Боситой, чтобы стать отцом Алгула, ее темного сына, ты познаешь неописуемое блаженство, какого ты не испытывал никогда в жизни. И в течение всего времени, пока Бог будет расти и взрослеть, ты будешь одним из его регентов и тебе будет позволено все в этом мире...

— А кроме того, — перебил его Танд, — ты получишь страх, что тебя могут убить те, кто не захочет делить с тобой богатство и роскошь. Ни для кого не секрет, что семеро грешных отцов Алгула всегда плетут заговоры друг против друга. Им приходится делать это, так как они не могут доверять друг другу. И каждый раз происходит так, что выживает лишь один из них, а когда Алгул становится мужчиной, он убивает этого последнего, так как не хочет, чтобы его отцом был простой смертный.

— А почему же тогда один из отцов не убьет Алгула? — спросил Кармода.

Даже в этом бледном фиолетовом свете он увидел, как люди из второй шестерки побледнели и переглянулись.

— Он — ребенок, которого нужно кормить, нянчить, менять пеленки. Но ведь он Бог, — сказал Танд. — Он Бог и вобрал в себя сущность тех, кто создал его. А так как большинство людей мечтает о бессмертии, он, их сын, стал бессмертен. Поэтому он жил бы вечно, пока живут его создатели. Но он Бог зла, он не доверяет своим отцам и поэтому убивает их. После этого он начинает стареть и со временем умирает. Хотя потенциально он бессмертен, он становится смертным в момент своего рождения. Семена зла, заложенные в нем, распускаются в цветы недоверия, страха и ненависти.

— Все это прекрасно, — сказал Кармода. — Но тогда почему же Месс, Бог добра, правды и любви, старится и умирает?

Люди Алгула рассмеялись, и один из них крикнул:

— Хорошо сказано, землянин!

Терпеливо, как будто он говорил с ребенком, Танд ответил:

— Хотя Месс и Бог, но он человек с плотью и кровью. Поэтому он живет, как человек, и должен умереть, как человек. Он вобрал в себя сущность тех людей, что создали его. А создали его не мы, бодрствующие. Мы всего лишь агенты. Создали Бога спящие. Они грезят во сне, и сущность Бога в основном определяется ими. Если в данный момент в мире много зла — скорее всего родится Алгул. Если же много добра — родится Месс. Мы, отцы, вовсе не определяющая сила. Все определяет воля шести миллиардов Спящих жителей планеты.

Танд помолчал, глядя на Кармоду, как бы желая вдохнуть в него искренность. А затем продолжал:

— Не буду скрывать, ты представляешь для нас ценность, потому что ты землянин, житель другой планеты. Только недавно мы, карренцы, начали задумываться о других религиях, о том, что они означают. Мы начали понимать, что Великая Мать, Бог, Первопричина, Создатель Вселенной, которую везде называют по своему, думает не только о нашей планете, песчинке в составе мироздания. Его создания разбросаны везде. Поэтому Спящие, зная, что они не одни во Вселенной, что у них есть тьма братьев везде, желают быть отцами Бога, единого для всех живых существ Вселенной. Возрожденный Месс уже не будет прежним Мессом. Он будет отличаться от своего умершего предшественника, как дети отличаются от отца. Он будет иметь в себе кровь людей других планет, мы надеемся на это. И мы, вместе с ним, тоже будем лучше. Вот почему ты нужен нам, Кармода. — Он показал на врагов. — И эти шестеро тоже хотят, чтобы ты стал седьмым, но по другой причине. Если ты станешь одним из отцов Алгула, то он, возможно, распространит свое влияние и на другие планеты. И отцы его тоже смогут грабить не только свою планету, но и всю Вселенную.

Кармода почувствовал, как в нем вспыхнула алчность и надежда.

И откуда-то в его измученном теле появились новые силы. Взять себе богатейшие планеты, нацепить их на шнурок и носить на шее, как ожерелье из драгоценных жемчужин! С тем могуществом, которым обладают регенты Алгула, он может делать все, что угодно. Ничего недозволенного!

В этот момент вторая группа решила, что настало время действовать. На Кармоду обрушилась волна из объединенной

воли. И он, не защищенный, рухнул под напором этой воли.

Тьма, тьма, тьма...

Экстаз...

Он, Джон Кармода, всегда будет тем Джоном Кармодой, каким он хотел быть — сильным, надменным, сметающим все на своем пути. Его тело, разум, душа закалятся в черном пламени экстаза, и ничего не будет страшно Джону Кармоду. Целые народы будут умирать, звезды застывать и гаснуть, планеты падать на свои солнца, и только он, Джон Кармода, будет властвовать во всей расширяющейся Вселенной. И всегда он будет одним и тем же, сегодня и завтра, всегда тем же — твердым и сверкающим, как черный алмаз, Джоном Кармодой.

И тут вступила первая группа. Они не обрушились на него объединенной волей, они просто открылись ему, сняли защитные барьеры, встали перед ним совершенно беззащитные, позволяя ему напасть, если он пожелает. В них не было никакой угрозы, и он не чувствовал, что они, подобно слугам Алгула, припрятали какие-то темные замыслы. Они стояли, полностью открытые до самых глубин своего естества.

Джон Кармода не мог сопротивляться желанию наброситься на них, на такую легкую добычу, как голодный тигр не может не броситься на привязанную к дереву корову...

Свет, свет, свет...

Экстаз...

Но совсем не тот экстаз, что предложили ему отцы Алгула. Он вдруг почувствовал, что его разрывает на тысячи кусков, ощутил, что он стремительно летит одновременно во всех направлениях.

Это было что-то пугающее. Он вскрикнул, пытаясь собрать сотни кусков в одно целое, снова стать прежним Джоном Кармодой. Он испытал ужасную боль. Но как можно испытывать боль и экстаз в одно и то же время?

Он этого не понимал. Но он знал, что потерпел поражение от первой шестерки Месса. Отсутствие защиты и было их защитой. Ни за что на свете он не стал бы нападать на них снова. Это означало бы уничтожить Джона Кармоду.

— Да, — сказал ему Танд, хотя Кармода ни о чем не спрашивал. — Ты должен умереть первым, уничтожить старого Джона Кармоду, но сотворить нового, гораздо лучшего. Новый Бог всегда лучше старого.

Кармода резко отвернулся и от тех, и от других. Он достал из кармана нож, нажал на кнопку, и лезвие выскочило из рукоятки, как серо-голубая змея, которая должна была укусить его.

У него был только один путь освободиться от бронзовой челюсти. И он пошел по этому пути.

Было больно, но не слишком. И крови было гораздо меньше, чем он ожидал. Он мысленно приказал кровеносным сосудам закрыться, они повиновались и закрылись, как закрываются цветы при приближении ночи.

Однако эта процедура очень утомила его. Он дышал так, будто пробежал сотни километров. Ноги его дрожали, лица внизу расплылись в два широких бесформенных лица. Он едва стоял на ногах.

Из группы Алгула вышел человек и протянул руку.

— Прыгай, Кармода, — сказал он. — Прыгай, я удержу тебя. Руки у меня сильные. Мы разгоним этих хлюпиков, пойдем в замок и...

— Подожди!

Женский голос донесся откуда-то издали. Громкий, повелительный, и в то же время музыкальный. Все замерли.

Кармода взглянул поверх голов.

Мэри.

Мэри, живая и невредимая, как будто он никогда не всаживал в нее целую обойму. Она ничуть не изменилась. Кроме одного.

Живот ее был чудовищно огромен. Он заметно вырос с тех пор, как он видел ее в последний раз. Пожалуй, она уже была готова родить.

Предводитель второй шестерки спросил Кармоду:

— Кто эта темная женщина?

Кармода, стоящий у края пьедестала и готовый прыгнуть вниз, заколебался, открыл рот для ответа, но Танд опередил его:

— Она была его женой. Он убил ее на Земле и сбежал сюда. Но в первую же Ночь Света он создал ее.

Люди в группе Алгула ахнули и отшатнулись назад.

Кармода с удивлением посмотрел на них. Очевидно, информация Танда внесла какие-то осложнения, которых он не мог понять.

— Джон, — сказала Мэри, — совершенно бессмысленно убивать меня снова и снова. Я буду возрождаться каждый раз. Я уже готова родить дитя, которого ты не хотел. Он появится через час. На рассвете.

Спокойно, но каким-то звенящим голосом, который выдавал внутреннее напряжение, Танд сказал:

— Ну, Кармода, кем же он будет?

— Кем? — тупо переспросил Кармода.

— Да, — сказал предводитель людей Алгула, снова приблизившись к пьедесталу. — Кем он будет? Мессом или Алгулом?

— Так вот оно что? — сказал Кармода.

Экономия Природы, Богини или чего там еще. Зачем трудиться над созданием ребенка, когда он вот, под рукой.

— Да! — громко сказала Мэри. Голос ее был музыкален, хотя в нем звучала медь колокола. — Джон, ты не хочешь, чтобы дитя было таким, как ты? Темной замороженной душой? Ты хочешь, чтобы он был светлым и теплым, правда?

— Человек! — сказал Танд. — Неужели ты не видишь, что ты уже сделал выбор. Ты не знаешь, что у нее нет собственных мозгов, что она говорит только то, что думаешь ты? Она повторяет истинные твои мысли и желания, спрятанные в самых глубинах твоей души. Неужели ты не знаешь, что это ты вкладываешь слова в ее уста, что это ты управляешь движениями ее губ?

Кармода чуть не упал в обморок, но не от слабости.

Свет, свет, свет... Огонь, огонь, огонь... Дай себе раствориться. И как феникс ты возродишься вновь.

— Держи меня, Танд, — прошептал он.

— Прыгай, — сказал Танд, громко рассмеявшись.

Громовые раскаты хохота и радостные крики раздались со стороны первой шестерки, шестерки Месса.

Люди Алгула завопили от ужаса и бросились бежать враспынную.

Нежно-пурпурный туман начал светлеть, превращаться в светло-фиолетовый. Внезапно над горизонтом появился огненный шар, и фиолетовый свет стал белым, как будто кто-то сдернул вуаль с планеты.

Те из людей Алгула, что не успели скрыться, зашатались и упали на землю. Конвульсии швыряли их из стороны в сторону, ломая кости. Некоторое время они еще шевелились, затем стихли.

— Если бы ты сделал другой выбор, — сказал Танд, все еще поддерживая Кармоду после прыжка, — теперь бы мы лежали в пыли мертвыми.

Они пошли к замку, окружив Мэри, которая шла медленно, то и дело сгибаясь при приступах боли. Кармода, который шел за ней, стискивал зубы и стонал, так как тоже испытывал предродовые схватки. И не только он — все остальные тоже закусывали губы, прижимая руки к животам.

— А что произойдет с ней потом? — спросил шепотом Кармода у Танда.

Он шептал потому, что каким-то образом понимал, что Мэри создана не только его подсознанием. Он знал, что в ее создании принимали участие и шестеро других. Теперь он почему-то стал думать о чувствах других людей.

— Она исполнит свою миссию, когда родится Месс, — сказал Карренец. — Она умрет. Она умрет, когда закончится Сон. Сейчас она жива только благодаря тому, что мы вливаем в нее

энергию. Нужно торопиться. Скоро все проснутся и не будут знать, кто правит в мире — Месс или Алгул. Они не будут знать, радоваться им или печалиться. Мы не должны долго оставлять их в сомнении. Но мы должны идти в замок. Там мы должны войти в Святые покои Великой Матери и сочетаться с ней мистическим актом совокупления. Этот акт невозможно описать, его можно только пережить. И тогда огромный живот создания твоей ненависти и твоей любви разрешится от бремени, и она умрет. Затем мы должны обмыть ребенка, одеть его и показать народу.

Он дружески потрепал руку Кармоде и вдруг крепко сжал ее. Острая боль вновь пронзила тело Кармоды. Это не была боль от руки Танда — он боролся с собственной болью, которая волнами накатывала на него, нестерпимой болью и экстазом от предчувствия того, что он дает жизнь божеству.

Это была также боль от того, что он растворился, расплылся на тысячи кусков. Но теперь он не чувствовал паники, только радость и уверенность, что в конце этого самоуничтожения он вновь будет целым, будет таким же, как люди, окружавшие его.

А на фоне этой боли, радости, уверенности в нем зрела решимость заплатить за все зло, что он сделал в своей жизни. Заплатить, но не ценой ночного самоистязания, самоуничтожения, ненависти к самому себе. Он должен постараться изменить мир, изменить Вселенную, которая редко показывала свою улыбку человечеству.

Что он должен сделать для этого, какие средства выбрать, к какой цели стремиться, он еще не знал. Это придет позже. А сейчас он был полностью поглощен последним актом драмы Сна и Пробуждения.

Внезапно он увидел лица двух людей, которые уже не чаял увидеть, Галлункса и Скалдера. Те же самые, но изменившиеся. Исчезло выражение страдания на лице Галлункса, его заменило спокойствие и умиротворенность. Исчезла жестокость и ревность с лица Скалдера. Их заменила мягкая улыбка.

— Значит, вы оба благополучно прошли через все? — хрипло произнес Кармода.

Он с удивлением заметил, что один из них одет в монашеское одеяние, а другой сбросил ее и оделся как обычный человек. Ему очень хотелось бы знать, почему один из них отказался от религии, а другой еще более укрепился в ней. Но он понимал, что и тот и другой имели веские причины для этого, в противном случае, им было бы не выжить. Однако по их лицам Кармода видел, что это уже неважно, важно то, что каждый из них выбрал свой путь в будущее.

— Значит, вы оба прошли через все... — повторил он, будто не веря в это.

— Да, — ответил один из них. Кармода не понял, кто именно. Все происходящее казалось ему сном. Все, кроме нескончаемой боли внизу живота. — Да, мы оба прошли сквозь огонь. Он чуть не уничтожил нас. Но ты же знаешь, что на Радости Данте каждый получит то, чего он по-настоящему хочет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

— Значит, я должен вновь вернуться на Каррен? — спросил отец Джон Кармода. — Через двадцать семь лет?

Он сидел довольно спокойно, пока говорил кардинал Фаскинс, разъясняя, что от него хочет церковь. Но больше он не мог выдерживать неподвижность. Правда, он не соскочил с кресла, но поднял руки и начал быстро размахивать ими, как бы собираясь полететь. Именно этого ему сейчас хотелось больше всего: улететь подальше от кардинала и от всего, что он представляет.

Он начал расхаживать взад-вперед по полированным плиткам пола, сжимая руки то за спиной, то на животе. Внешне он мало изменился за эти годы, но теперь на нем была сутана священника ордена Святого Джамруса.

Кардинал Фаскинс сгорбился в кресле. Его зеленые глаза поблескивали над крючковатым носом. Он поворачивал голову вправо и влево, чтобы не выпустить Кармоду из виду. Он был похож на состарившегося ястреба, уже неуверенного в себе, но готового броситься навстречу жертве при первой необходимости. Лицо в морщинах, волосы седые. Ему уже было 175 лет, и это сказывалось на его характере.

Внезапно Кармода остановился и, нахмурившись, сказал:

— Ты действительно думаешь, что я один пригоден для такой миссии?

— Да, пригоден более всех других, — сказал Фаскинс. Он выпрямился, положив руки на ручки кресла, как бы собираясь прыгнуть вперед. — Я уже говорил тебе, насколько это важно. Полагаю, одного раза достаточно — ты ведь интеллигентный человек. Ты посвятил свою жизнь церкви и даже чуть не получил епископское кресло.

Намек был ясен, и Кармода понял его. Он хорошо знал, что его решение снова жениться сразу после того, как смягчились требования к служителям церкви, разочаровало кардинала. Фаскинс приложил много сил, чтобы гарантировать Кармоду место епископа на планете Уайлденауля. Ему пришлось выдержать трудную политическую битву с теми, кто считал, что Кармода весьма неортодоксально проводит христианскую по-

литуку. Никто не требовал от Кармоды ортодоксальности в вере — это было его личное дело, но его образ действий вызывал сомнения. Разве можно допустить, чтобы такой эксцентричный человек — а это было одно из самых мягких определений — надел на себя митру епископа? А тут еще эта его женитьба, еще более усложнившая задачу кардинала. Однако он прямо никогда не корял Кармоду.

Теперь Кармода, очевидно, думает, не использует ли кардинал эти качества Кармоды против него самого? Или же он чувствует себя виноватым в том, что доставляет столько хлопот кардиналу?

Фаскинс взглянул на бледно-желтые цифры, вспыхнувшие на экране в дальнем конце зала.

— У тебя два часа на сборы, — сказал он. — Если ты выйдешь сразу, то в порту будешь как раз вовремя.

Он замолчал, глядя на часы.

Кармода рассмеялся и сказал:

— Ну что я могу возразить? Мне не приказывают, а говорят, чтобы я ехал добровольно. Отлично, я поеду, ты это знаешь. Но я должен предупредить Анну — для нее это будет ударом.

Фаскинс беспокоило заерзал.

— Жизнь священника не всегда легка и приятна. Она знает об этом.

— Я знаю, что она знает! — резко сказал Кармода. — Она рассказала мне, о чем говорил с ней ты, когда я попросил разрешения на женитьбу. Ты нарисовал очень неприглядную картину нашей семейной жизни.

— Мне жаль, Джонни, — ответил Фаскинс с легкой улыбкой. — Реальность не всегда безоблачна.

— Да. И ты даже забыл о своем немногословии, за которое тебя называют "Три фразы". Ты как торпеда обрушился на нее.

— Еще раз — извини!

— Ладно, забудем это, — сказал Кармода. — Что было, то было. Мне нисколько не жаль Анну. Жаль только, что я не мог жениться на ней много лет назад. Я крестил ее, и она всю жизнь прожила в моем приходе.

Он промолчал, колеблясь, затем продолжил:

— Прости меня. Мне нужно на сборы минут десять. Я позвоню Анне и заеду за ней. Она проводит меня в порт.

Кардинал стоял, явно пытаясь скрыть тревогу.

— Я думаю, мне не стоит ехать с вами. Вам ведь хочется побыть одним, а дорога в порт — это единственная возможность.

— Ничего, — ответил Кармода. — Тебе придется пострадать вместе со мной. Я не собираюсь быть один. Анна полетит со мной

до Спрингборда. И там долгая стоянка, там мы и побудем вместе. А сейчас ты поедешь с нами.

Кардинал пожал плечами. Кармода плеснул в стакан виски, выпил и пошел в спальню. Там он достал небольшой чемодан, бросил его на постель. Мне хватит и одного, подумал он. Анна же, хотя путешествие будет коротким, наверняка будет настаивать на том, чтобы взять два больших чемодана с ее вещами. Она всегда старается быть готовой к самым невероятным положениям. Она достал два чемодана для нее, а затем нажал на кнопку на плоском диске, прикрепленном к запястью. Диск засветился, и раздался тоненький звон.

Он продолжал собирать вещи, не желая терять времени и зная, что она скоро ответит на вызов. Когда он собрал все, что нужно, и взглянул на часы, то увидел, что десять минут прошли. Кармода начал беспокоиться. Он подошел к видеотелефону на столе возле постели, набрал номер миссис Ругон. Она ответила сразу же. При виде Кармоды ее полное лицо осветилось радостью.

— Отец Джон! Я только что собиралась звонить тебе! Я говорю об Анне. Она хотела пойти по магазинам и должна была вернуться полчасика назад. Я думала, что она забылась и пошла прямо домой.

— Ее здесь нет.

— Может, она забыла надеть переговорное устройство? Ты же знаешь, как она рассеянна. Особенно теперь, когда все ее мысли о ребенке. О, небеса! Алиса заплакала, я должна бежать. Но ты позвони, как только она отыщется. А если она придет сюда, я скажу, чтобы она сразу позвонила тебе.

Кармода связался с магазином Райнкорда. Клерк сообщил, что миссис Кармода ушла минут пятнадцать назад.

— Она не сказала, куда собирается пойти?

— Сказала, отец Джон. Она хотела, чтобы успокоить мистера Аугусту, зайти на минутку в клинику. Мистер Аугуста не очень хорошо себя чувствует после операции.

Кармода облегченно вздохнул:

— Благодарю.

Он позвонил в клинику Святого Джамруса. Дежурный был потрясен, увидев на экране лицо самого основателя клиники.

— Миссис Кармода ушла минут пять назад, отец Джон. Нет, она не сказала, куда пойдет.

Кармода снова связался с мисси Ругон:

— Не забудьте сказать моей жене, чтобы она сразу же позвонила мне. Это очень важно.

Он отключился, но, положив трубку, задумался. Что-то тревожило его. Почему он не может вызвать ее по портативному

телефону? Он сломался? Возможно, но мало вероятно. Его конструкция такова, что поломки исключены. Его можно вывести из строя разве что молотком. Может, она сняла его и забыла надеть? Миссис Рутон права, вероятно, Анна мыла руки и сняла его, хотя телефону ни вода, ни мыло не могут причинить вреда. А потом забыла надеть его.

Могло быть и так, что телефон украли. Хотя в стране было полное изобилие, воры еще не перевелись. Человеческая натура не легко поддается перевоспитанию.

Он снова вернулся к чемодану. Анне, конечно, не понравится, что он все уложит, да и выбор одежды не устроит ее. Но времени у него не было.

Вскоре первый чемодан был туго набит и заперт. Кармода, услышав звонок, бросил блузку, которую пытался сложить, и подошел к экрану. Не было необходимости подходить так близко, но Кармода любил быть поближе к собеседнику. Особенно, если это была Анна.

На экране возникло лицо полисмена. Кармода ахнул, и внутри его что-то оборвалось.

— Говорит Льюис, отец Джон, — отрапортовал он. — Я очень сожалею... Но у меня плохие новости... о вашей жене.

Кармода не отвечал. Он смотрел на крупное лицо Льюиса и со своей обычной зоркостью заметил муху, летающую над головой сержанта. Он подумал: мы так и не могли справиться с ними. Вся наша двадцатидвухвековая наука оказалась бессильной против них. Они, как и много сотен лет назад, летают, жужжат, кусают, размножаются, несмотря на все усилия человечества.

— ...ее татуировка уничтожена. Поэтому мы не могли официально опознать ее. Но лицо ее цело, и друзья, что были поблизости, опознали ее... — говорил сержант. — Я очень сожалею, но для официального опознания требуется ваше присутствие.

"Что?" — произнес Кармода, и только теперь слова полисмена дошли до его сознания. Анна уезжала из клиники в автомобиле. Под сиденьем взорвалась бомба. От Анны осталась только часть тела, да и то без одной руки. Идентификационная татуировка исчезла.

— Благодарю, сержант, я сейчас буду.

Он отошел от аппарата и прошел в соседнюю комнату. Кардинал, увидев бледное лицо Кармоды и его согорбенную фигуру, вскочил с кресла, столкнув со стола стакан, который разлетелся вдребезги.

Когда Кармода рассказал ему обо всем, Фаскинс зарыдал. Позже, когда Кармода отошел от шока, он понял, что кардинал в глубине души нежно любит его, хотя о нем говорили, что он

настоящий сухарь. У самого Кармоды глаза были сухие, но в нем, казалось, умерло все, кроме рук, ног и рта.

— Я поеду с тобой, — сказал кардинал. — Но сначала позвоню в порт и отменю твой вылет.

— Не надо, — сказал Кармода.

Он вернулся в спальню, взял свой чемодан, посмотрел на два других — один открытый, а другой закрытый. И вышел. Кардинал смотрел на него.

— Я должен лететь, — сказал Кармода.

— Сейчас ты не в себе.

— Я это знаю, но я приду в себя.

Зазвонил дверной звонок. Вошел доктор Аполлониус с портфелем в руках.

— Прошу прощения, отец Джон. Я принес то, что поможет тебе.

Он вынул из портфеля таблетки. Кармода покачал головой:

— Не надо. Кто тебя вызвал?

— Я, — сказал Фаскинс. — Я думаю, тебе нужно это принять.

— Твоя власть не распространяется на медицинские дела, — ответил Кармода.

Мягкий звук разнесся по комнате. Джон поставил чемодан, подошел к стене, открыл дверцу шкафа и достал оттуда маленький тонкий цилиндр.

— Почта, — сказал он, не обращаясь ни к кому в частности.

Он взглянул в шкаф, чтобы убедиться, что там больше ничего нет. Красная лампа сигнализации погасла. Он закрыл шкаф и вернулся к своему чемодану, сунув письмо в карман.

По пути в полицейский морг кардинал сказал:

— У меня не хватило бы сейчас жестокости приказать тебе отправляться на Каррен, но если ты хочешь сам, я не возражаю. Анна...

— ...всего лишь один человек, а от меня зависит судьба миллионов, — закончил за него Кармода. — Я знаю.

Кардинал сказал, что он не улетит в полдень, как предполагалось. Несмотря на важные дела в Рине — на Земле, он останется на похороны Анны. Он сам займется всем, включая и полицейские процедуры. Когда Кармода будет на Каррене, кардинал передаст ему все результаты следствия.

— Полиция, — безучастно сказал Кармода. — Интересно, кто так возненавидел меня, что убил Анну? У нее не было врагов. Но если полиция задержит меня для допроса, я опоздаю на рейс.

— Предоставь это мне, — сказал Фаскинс.

Дальше Кармода делал все как во сне. Он поднял простыню без каких-либо ощущений и долго смотрел на почерневшее лицо с открытым ртом. Затем повернулся к капитану и повторил все,

что перед этим говорил кардиналу. Нет, у него нет подозрений, кто мог подложить бомбу. Кто-то вернулся из прошлого Кармоды и в знак мести убил Анну.

Оба священника поехали в порт на такси. Они проезжали мимо здания ордена Святого Джамруса. Двадцать три года назад это здание стояло на самой окраине маленького городка. Теперь оно стало центром огромной столицы планеты. Там, где раньше двухэтажные дома были редкостью, теперь громоздились двадцатизэтажные здания. Если раньше весь город можно было пройти за двадцать минут, теперь на это потребовались бы полные сутки. Все улицы были вымощены каменными плитами, шоссе бетонированы. Когда Кармода прибыл сюда впервые, он утонул по колено в жидкой грязи, как только сошел с корабля в порту. Дома в городе были полуразвалившимися, грязными.

Анна... Если бы он не женился на ней, сейчас бы он сидел за огромным сияющим столом епископа и вершил всеми церковными делами на планете, большой, как Земля. Правда, на Уайлленауле проживало всего пятьдесят миллионов людей. Но когда Кармода прибыл сюда, здесь было в пятьдесят раз меньше.

Анна... Если бы он не женился на ней, она была бы жива. Но когда он сказал, что не уверен в правильности своего решения жениться на ней, она заявила, что если не станет его женой, то уйдет в монастырь. Он рассмеялся и сказал, что она читалась романов и оторвалась от жизни. Ей просто нужен мужчина. Если это будет не он, то найдется кто-нибудь другой.

Тогда у них началась дикая ссора, которая закончилась объятиями. На следующий день он улетел на Землю с ежегодным отчетом. На это у него ушло две недели, и он был безумно рад вернуться на свою планету и увидеться с Анной. Ватикан теперь представлял собой гигантский куб со стороной в полмили. Там помещалось теперь объединенное светско-церковное правительство, управляющее жизнью более сорока планет. Кроме того, здесь же жил обслуживающий персонал с семьями. А кроме того, здесь размещался гигантский белковый компьютер, второй по величине после компьютера Федерации.

Остальная часть Рима представляла собой квадратную стену в две мили длиной. Семь холмов были давно срыты бульдозерами. Тигр загнан в пластиковую трубу.

— Да, изменения — это единственное, что не меняется в человеческих делах и во Вселенной. Мужчины и женщины рождаются и умирают... Анна...

Он вскрикнул и зарыдал. Некая огромная рука стиснула его душу и выжала из него слезы. Кардинал смутился. Прижав

голову Кармоды к своей груди и поглаживая его волосы, он начал произносить слова утешения. Слезы его капали на голову Кармоды.

Когда они прибыли в порт, Кармода сел прямо и вытер платком глаза.

— Я уже в порядке, — сказал он. — Я рад, что у меня есть повод улететь отсюда. Если бы я остался здесь, то совсем бы раскислся. Какой пример бы я показал тем, кого сам пытаюсь утешить в горе? Или тем, кого я убеждаю, что смерть это скорее повод для радости, чем для горя, так как те, кто умирает, освобождаются от искушения нашего грешного мира. Я всегда знал, что эти слова ничего не значат.

Кардинал молчал. Пятиэтажное здание порта занимало площадь в тридцать акров. Оно было сделано из мрамора, добываемого в горах Ризарру в девяноста километрах от столицы. Главный зал порта был набит людьми со всех планет Федерации, а также другими разумными существами. Большинство из них летели по заданиям правительства или своих фирм, и лишь некоторые, у которых было достаточно денег, путешествовали для своего удовольствия. Отдел иммиграции был в другой части здания. Люди были здесь не так хорошо одеты, да и вид их был отнюдь не беззаботный.

Священник медленно прошел сквозь толпу людей, одетых в самые разнообразные одежды, изменяющие цвет и другие физические свойства в зависимости от освещения, температуры, давления, влажности. Это помогало людям приспосабливаться к жизни на других планетах.

Кармода попрощался с кардиналом, который возвращался в город, чтобы распорядиться насчет похорон. Кроме того, ему нужно было сообщить в Ватикан о причине своей задержки.

Подготовка и проверка межзвездного путешественника занимает всего полчаса. Кармода разделся, и его одежду отправили на санобработку. Сам он прошел в блок медицинского контроля, где провел две минуты, пока невидимые лучи зондировали его тело. После этого ему выдали сертификат, удостоверяющий, что космическое путешествие не повредит его здоровью. Выйдя из медицинского блока, Кармода получил свою тщательно обработанную одежду — шляпу с круглыми полями, высокий черный воротник, сутану и прочее. С этого момента он уже не имел права заходить в другие части здания космопорта.

Ему передали второе письмо, уже прошедшее обработку. Женский голос из громкоговорителя проинформировал его, что письмо отправлено с Земли. Кармода взглянул на печать. Там стояло его имя и адрес, а также имя отправителя — Р. Располд. Кармода сунул письмо в карман.

Тем временем для него уже были готовы все необходимые бумаги. Он подписал документ, в котором говорилось, что ни правительство Федерации, ни правительство Уайдценаулла не несет ответственности за его жизнь на планете Каррен — Радость Данте. Кармода застраховал свою жизнь на время полета. Половину состояния он завещал ордену, остальное — правительственным учреждениям, которые занимаются благотворительной деятельностью среди аборигенов Уайдценаулла.

Он завершил все формальности всего за несколько минут до посадки. Ему предстояло лететь на небольшом лайнере под названием "Белый Мул", принадлежащем компании Санвелл Стеллер Лайн.

Таким образом у Кармоды совершенно не было времени познакомиться со своими спутниками. Их было всего четверо, причем трое из них летели на другие планеты, и лишь один — Рафаэль Абду тоже направлялся на Каррен. Он был среднего роста — 190 сантиметров, среднего телосложения, но у него были огромные руки и ноги. На широком темнокожем лице выделялись слегка раскосые глаза — вероятно, в нем текла монгольская кровь. На голове у него была шапка волнистых коричневых волос.

Согласно документам, он жил на Земле, а на Уайдценаулле провел несколько недель. В графе "Род занятий" у него значилось "Экспорт-импорт", что могло означать все, что угодно.

Голос из громкоговорителя пригласил всех садиться. Через минуту салон, где находились путешественники, отделился от здания и поехал в направлении "Белого Мула". Лайнер представлял собой полусферу, плоской частью лежащую на площадке для взлета. Его белая пластиковая облицовка сверкала в лучах полуденного солнца. Когда подвижной салон приблизился, облицовка лайнера раздвинулась и оттуда выехала кабина с дистанционным управлением. Кабина приблизилась к салону, и из нее вышел чиновник в зеленой форме компании Саквелл. Он приветствовал всех и пригласил следовать за ним.

Пассажиры вошли в небольшую камеру, единственной мебелью которой был зеленый ковер. Затем они прошли в другое помещение, где им выдали небольшой проспект. Кармода с любопытством взглянул на него — вдруг там обнаружится что-нибудь новенькое, но затем он разочарованно сунул его в карман. Там содержалась краткая история рейса, с которым Кармода был давно знаком.

Для пассажиров на корабле было три этажа — первый, второй и третий классы. У Кармоды был билет третьего класса — этого требовал режим экономии, которого придерживался его орден. Помещение третьего класса представляло собой огром-

ный зал, больше похожий на театр. На большом экране виднелось изображение взлетного поля и здания космопорта. Почти все восемьсот кресел были заняты, и в зале стоял непрерывный гул голосов, как на многолюдной площади. Кармода пожалел, что у него не первый класс: там у него была бы отдельная каюта. Но думать об этом было поздно, и он занял свободное кресло.

Стюардесса проверила его ремни и спросила, знаком ли он с правилами и не нужны ли ему таблетки. Он ответил, что ему ничего не нужно.

Стюардесса заученно улыбнулась и пошла к следующему пассажиру. Кармода слышал, как тот попросил таблетку.

На экране появилось улыбающееся лицо пилота. Он приветствовал пассажиров на борту "Белого Мула", прекрасного лайнера компании Саквелл. Корабль ни разу не был в аварии и ни разу не нарушал расписание полетов за все время своей работы. Пилот предупредил, что взлет будет через несколько минут, напомнил о необходимости пристегнуться и сообщил, когда и где будет следующая остановка. После этого он отключился.

Экран был некоторое время пуст, а затем на нем появилось трехмерное стереоскопическое изображение знаменитого комика Джека Бонека. Кармода не испытывал желания слушать его, поэтому он не стал включать громкоговорители, которые обслуживали его место. Но он чувствовал, что должен как-то отвлечься, придумать что-то такое, что встряхнуло бы его, отодвинуло горе на второй план, не позволило бы ему завладеть им.

Он достал из-под кресла шлемовидное устройство с опускающимся экраном в виде забрала, одел на голову и опустил экран. Он тут же услышал голос командира корабля:

— ...предназначен для того, чтобы каждый пассажир, если хочет, мог смотреть, а если не хочет, то мог бы отключиться. Некоторые из людей, видевшие это впервые, получали сильное нервное потрясение.

На индивидуальном экране появилось изображение. Кармода мог видеть здание космопорта, белое, сверкающее в полуденных лучах солнца, и людей, которые смотрели из окон здания на корабль.

— Десятки кораблей ежедневно взлетают из этого порта. Но это зрелище привлекает к себе сотни зрителей на каждой планете Федерации. И на планетах, не входящих в Федерацию, тоже: ведь их жители так же любопытны, как и земляне. Даже бывалые путешественники, служащие портов, команды кораблей не могут привыкнуть к этому зрелищу, почти фокусу.

Кармода рассеянно барабанил пальцами по ручке кресла: он слышал это много раз. Рядом раздался голос:

— Сэр, у вас все в порядке?

Кармода встрепенулся, оторванный от своих мыслей.

— У меня все о'кей, — ответил он с усмешкой. — Мне просто поднадоела лекция. У меня уже было более сотни прыжков.

— Хорошо, сэр. Сожалею, что побеспокоил вас.

Кармода взял себя в руки и стал смотреть на экран.

Послышался голос капитана:

— ...три, два, один, ноль!

Кармода, зная, что произойдет, прикрыл глаза от вспышки. Порт исчез. Планета Уайдценаулл и ее яркое солнце исчезли. Кубки пенящегося вина стояли на столе — красный, зеленый, голубой, фиолетовый... Одноглазые чудовища космоса смотрели на экран...

— ...сейчас вы находитесь на расстоянии 50000 световых лет. Планету Уайдценаулл уже не разглядеть отсюда, а ее солнце кажется всего лишь одной из миллионов звезд, рассеянных по Вселенной и вечно сверкающих, как мысли господ Бога, как выразился наш знаменитый поэт Джванелли.

Сейчас наш корабль разворачивается в направлении следующего прыжка. Протеиновый компьютер, о котором я вам уже говорил, сейчас определит направления, с которых излучается свет различных звезд, спектр излучения каждой из которых заложен в его память. После того как он определит расположение корабля, он развернет его в нужном направлении, и корабль будет готов к прыжку.

Перед Кармодой на экране появились горизонтальные и вертикальные линии, образовавшие сетку.

— Каждый квадрат сетки для вашего удобства пронумерован. В квадрате 15 через несколько секунд появится солнце Уайдценаулла. Сейчас оно в 16 квадрате и движется под углом в 45 градусов. Следите за ним, леди и джентльмены! Сейчас оно стало ярче, но не потому, что приблизилось к нам, а потому, что мы, для удобства наблюдения, немного увеличили силу света.

Желтая искорка ползла позади большого бледно-голубого пятна, затем перешла в 15-й квадрат. Она проскользнула вдоль линии и остановилась в центре.

Кармода вспомнил, что все это видел уже много лет назад. И вдруг у него защемило сердце, он почувствовал себя одиноким, бесконечно одиноким, выброшенным в космическое пространство... Еще никогда в жизни он не чувствовал себя таким несчастным.

— Компьютер вычислил и запомнил расположение солнца Уайдценаулла относительно других звезд. Корабль уже миллион микросекунд назад был готов к следующему прыжку через так называемое подпространство. Но капитан задержал корабль,

так как компания Саквелл заботится о развлечении своих авиапассажиров. Компания хочет, чтобы пассажиры видели все своими глазами. Следующий прыжок снова перенесет нас на 50 000 световых лет. Мы вынырнем из подпространства в сотне километров от границы атмосферы планеты Магомет. Такая точность возможна в результате большого опыта перелетов корабля. Конечно, взаимное положение планет непрерывно меняется, но для введения поправок используются цезиевые часы, синхронизированные с компьютером. Все изменения в положении планет непрерывно рассчитываются, уточняются и вводятся в память. Когда капитан включит блок управления, он приведет в действие огромный навигационный комплекс "Белого Мула", который в доли микросекунд будет рассчитывать курс и корректировать его. После этого автоматически произойдет прыжок...

Офицер сделал паузу, а затем сказал:

— Вы готовы, леди и джентльмены? Я начинаю считать...

Какова минимальная дальность прыжка, Кармода не знал. А максимальная дальность зависела от количества используемых генераторов и их мощности. "Белый Мул" мог прыгнуть из этой Галактики куда-нибудь в Туманность Андромеды. Он мог преодолеть полтора миллиона световых лет в мгновение ока, со скоростью электрона, двигающегося по проводу. Расстояние от Уайдценаулла до атмосфер планеты Каррен могло быть преодолено за реальное время в шесть-десять микросекунд. Однако владельцы "Белого Мула" были более заинтересованы в том, чтобы делать деньги, а не демонстрировать технические возможности корабля. Поэтому во время перелета до Каррена были запланированы остановки.

Вспыхнула чернота, и замигали горящие искры. И вот перед Кармодой возникло блюдо планеты с отражающимся в океане солнцем, с континентом в форме черепахи и с белым пятном облаков над континентом, похожим на шрам на панцире черепахи.

Несмотря на то что Кармода много раз видел это, он отшатнулся. Ему показалось, что вся эта масса летит на него. Когда он пришел в себя, он как всегда восхитился точностью и уверенностью маневра. Комплекс искусственно выращенных клеток, всего лишь в три раза больше человеческого мозга, легко и надежно управлял "Белым Мулом". Он направил прыжок корабля так, что тот выскочил из надпространства в опасной близости от верхних слоев атмосферы Магомета, проскользнул вдоль нее и сравнялся с планетой по скорости. Более того, "Белый Мул" был сейчас как раз над тем местом, где ему нужно было садиться.

Кармода заморгал глазами. Планета прыгнула на него. И вот

на экране уже большое озеро, горный хребет, облака. Корабль замедлил скорость.

Вот Кармода уже различает отдельные горные хребты, озеро заняло уже полэкрана. На западном берегу озера виднеется паутинка улиц большого города, и в этой паутине круглые пятна, как паучьи яйца. Это посадочные площадки.

Жители планеты, если бы они взглянули вверх, могли бы увидеть корабль только как вспышку света. Но через несколько секунд они бы услышали грохот — это корабль вошел в верхние слои атмосферы. Затем корабль был бы уже виден в виде плоского диска. Еще грохот — это корабль гасит скорость, еще один взрыв — и корабль медленно, как воздушный шар, спускается своей плоской поверхностью на посадочную площадку номер шесть.

Несмотря на двухчасовую стоянку, Кармода не вышел из корабля. Ему не хотелось вновь проходить процедуру обработки, кроме того, ему нужно было прочесть письма и побыть одному.

Он зашел в коктейль-холл, заказал бурбон и занял отдельную кабинку. Сделав несколько глотков, он достал письма. Он долго вертел трубки в руках. Его обычная решительность изменила ему. Однако любопытство взяло верх, и он сунул неподписанное письмо в отверстие небольшого ящика, встроенного в стену.

Здесь же на крючке висел небольшой легкий шлем с экраном. Кармода надел его на голову, опустил экран и нажал кнопку считывания.

Экран засветился, и на нем показалось то, что заставило Кармоду отшатнуться. Он почти инстинктивно хотел сбросить с себя шлем. На экране была маска — изображение человеческого лица, изуродованного катастрофой.

Заговорил мужской голос:

— Кармода, это письмо от Фратта. Сейчас твоя жена мертва. Ты не знаешь, кто ее убил и зачем. Но я тебе объясню. Много лет назад ты убил сына Фратта и ослепил самого Фратта, ты сделал это спокойно и хладнокровно, хотя в этом злодеянии не было никакой необходимости. Ты мог добиться успеха в своих грязных делах, не причиняя вреда ни Фратту, ни его сыну.

Если в тебе есть чувство человечности или любви — в чем я сомневаюсь, ты можешь понять горе Фратта, его страдания.

Теперь страдать приходится тебе. Но не только из-за смерти жены, но и из-за того, что ты не будешь знать, когда и где умрешь ты. Потому что ты умрешь от руки Фратта, это не будет быстрой и легкой смертью, какой посчастливилось умереть твоей жене. Нет, ты умрешь медленно, мучительно, чтобы заплатить за все, что ты сделал. Ты испытаешь все, что испытал Фратт, твоя ни в чем не повинная жертва.

Теперь ты знаешь, что тот, кто убил твою жену, не думает ни о чем, кроме как о мести.

Ты еще увидишь того, кто никогда не простит тебе, гнусная и грязная тварь!

Экран мигнул и голос смолк.

Кармода дрожащей рукой поднял экран и посмотрел на стену. Он тяжело дышал. Значит, его предположения оправдались. Какой-то старый враг, которому он причинил зло в те далекие годы, полные греха... И за то, что он совершил когда-то, он потерял жену и свое счастье. Анна, бедная Анна...

Он еще раз опустил экран и снова прослушал письмо. Теперь он понял, что диктор не Фратт. Письмо было составлено так, чтобы скрыть это, скрыть все обстоятельства преступления, скрыть время, место...

— Фратт? Фратт? — пробормотал он. — Фратт? Это имя мне ничего не говорит. Я не помню никакого Фратта, но я должен вспомнить. У меня ведь превосходная память... Но те годы были так наполнены событиями. Я совершенно не думал о своих жертвах. О, боже, прости меня, я даже не знаю имена людей, которых убил или которым причинил зло. Может быть, я не помню Фратта потому, что не знаю его... Сын Фратта? Может быть, он? Но я не знаю и сына Фратта. О, боже!

Он выпил еще, страстно желая, чтобы спиртное смыло его прошлое. Теперь он был не тот Джон Кармода, которого знал Фратт. Имя и тело были те же, но внутри него был совсем другой человек. Тот, прежний Джон Кармода, умер на Каррене.

Но другие живы, и они помнят того Кармоду. Они не забыли и не простили его.

Он выпил еще коктейль. Сейчас он ничего не мог предпринять. Но, во всяком случае, ему нужно быть настороже. Фратту будет не просто захватить его врасплох. Он, Джон Кармода, не будет пассивной жертвой, готовой заплатить своей жизнью за свои прошлые грехи, положить свою жизнь на алтарь своей совести.

Он ударил кулаком по столу и чуть не разбил стакан. К дьяволу Фратта! Если Кармода когда-то олицетворял зло, то теперь он отрекся от этого. Фратт не может сказать этого про себя. Если он когда-то был невинной жертвой, то теперь на нем кровь Анны. Он больше не безгрешен.

Он задумался. Но ведь это я повинен в том, что Фратт обратился к греху. Если бы я не сделал то, что сделал, я не пробудил бы такую ненависть во Фратте. Может, я так на него подействовал, что он полностью отрекся от добра, как я отрекся от своего зла. И он теперь стал таким же чудовищем, каким был я. Действие и противодействие. И во всем, что он делает и что сделал, виновен буду только я.

И тем не менее знакомый огонь пробежал по его жилам. Я буду мстить, сказал Господь. И он мстил всеми доступными средствами.

— Нет, — сказал он себе и покачал головой. — Я рационалист. Я должен простить и любить своего врага, как брата. Именно это я проповедовал столько лет и сам верю в это. Или мне только казалось, что верил?

Он снова ударил по столу.

— Но я ненавижу! Я ненавижу! О, боже, как я ненавижу! Ненавижу — себя! О, Господи! — воскликнул он. — Помоги мне увидеть, в чем я не прав!

Он допил стакан и звонком вызвал официантку.

Когда она принесла новый стакан, Кармод вынул письмо от Располда и вставил его на место письма Фратта. На экране он увидел комнату Располда в его квартире на шестнадцатом этаже огромного дома в Денвере. Сам Располд не сидел перед экраном. Такой же нервный и энергичный, как Кармод, он не мог долго сидеть на одном месте.

Располд был похож на одетую в костюм шпану — длинный, очень худой, с блестящими черными волосами, темно-карими глазами, такими же острыми и сверкающими, как два томогавка. На нем была алая мантия с черным воротником — одежда служащего Прометеус Интерстеллер Лайн. Кармод не удивился его костюму, так как знаменитый детектив часто переодевался. Такая у него была работа.

Располд остановился и помахал Кармоду:

— Привет, старый греховодник. Прости меня за такое короткое письмо.

Он снова побегал по комнате, продолжая говорить звучным баритоном:

— Через несколько минут мне надо уходить, и я не знаю, сколько времени мне придется идти по этому следу. А кроме того, корабль, с которым я хочу отправить это письмо, скоро улетит.

Джон, пока я занимался этим делом, — ты видишь мою одежду? — я случайно узнал кое-что, не относящееся к нему, но чрезвычайно важное. Группа богатых и фанатичных представителей твоей религии — мне очень жаль говорить об этом — решили убить Месса, бога Каррена. Они решили убить его не сами, а наняли убийцу, может, нескольких, для этой цели. Это закоренелые преступники. Я не знаю имен, но я уверен, что убийца с Земли. Удается покушение или нет, но последствия, во всяком случае, будут ужасны.

Сам я не могу заняться этим делом, так как у меня на руках важное и срочное расследование. Я уведомил З-Е, и они, не-

сомненно, послали на Каррен своих агентов. Может, они предупредят Месса, а может, и нет. Им не захочется признаваться, что на Земле могут замыслить такое.

Мне кажется, что тебе самому будет интересно заняться этим и взять дело в свои руки. Я говорю это потому, что убийца может пройти через Ночь, стать алгуллистом и, следовательно, будет очень опасен, чтобы противостоять ему, нужен человек, также прошедший через Ночь, и лучше, если это будет землянин. Конечно, это всего лишь предположение, может быть, он примет попытку убийства еще до наступления Ночи. Значит, времени остается еще меньше.

Возможно, ты решишь, что все это тебя не касается. Может быть, Месс способен сам позаботиться о себе. Однако здесь замешаны крупные преступники высшей квалификации. Ты, правда, не знаешь их. Ведь все боссы твоей юности или мертвы, или же, как ты, отрешились от прежней жизни.

Располд перечислил десять имен людей, предположительно замешанных в этом деле, описав каждого из них. Он закончил словами:

— Счастья тебе, Джон! Когда ты будешь на Земле, я надеюсь, что встречу с тобой. Мне будет приятно увидеть тебя, да и ты сможешь насладиться моим прекрасным римским профилем и беседой с блестяще эрудированным собеседником. А сейчас я исчезаю!

Кармода снял шлем и потянулся было к стакану, но резко отдернул руку. Не время напиваться. Дело не только во Фратте — а он вполне мог быть на этом корабле, но сейчас возникли новые важные проблемы. Необходимо проинформировать кардинала о таком повороте событий. Если то, что сказал ему Располд, правда — а сомневаться в этом не было оснований, — значит церковь в еще большей опасности, чем предсказывал кардинал. Убийство Месса религиозными фанатиками может вызвать взрыв, катаклизм внутри церкви.

— Идиоты! — выругался Кармода. — Слепые, набитые ненавистью идиоты!

Он вставил в щель две пластины, включил экран в стене и нажал кнопку "Диктовка". Продиктовав письмо кардиналу, он вызвал официантку и сказал, что письмо должно быть отправлено на первой же остановке. Она взяла письмо и принесла устройство для снятия отпечатков пальцев. Кармода оставил отпечатки и подпись. Письмо было слишком дорогим, у Кармоды не было в наличии достаточной суммы для его оплаты. Поэтому он воспользовался кредитом. С помощью этого устройства компания и получит деньги с его счета в банке.

После этого Кармода пошел в мужскую комнату, где выпил

кислородный коктейль, чтобы сжечь алкоголь в крови. Там он увидел Абду, бизнесмена по экспорт-импорту, который сел вместе с ним на Уайдценаулле.

Абду не отреагировал на попытки Кармоды втянуть его в разговор. Кроме "да", "неужели?" и хмыканий из него ничего не удалось вытянуть. Наконец, Кармоде это надоело, он вернулся в пассажирский зал и сел в свое кресло.

Он сидел не больше десяти минут, полуприкрыв глаза и не обращая внимания на экран. Затем его кто-то окликнул:

— Отец, это кресло свободно?

Молодой священник-иезуит стоял возле него, показывая в улыбке длинные зубы. Он был высокий и тощий, с длинным аскетическим лицом, светло-голубыми глазами, темными волосами и бледной кожей. Он говорил с ирландским акцентом и представился, как отец Пол О'Брейди из Дублина. Он служил в приходе Мехико Сити всего год после окончания семинарии. Теперь его послали на Спрингбод, чтобы помочь тамошним священникам.

О'Брейди не скрывал того, что очень нервничает:

— Я чувствую себя очень одиноким, мне кажется, что ярываюсь на части. Я кажусь себе очень маленьким, а все вокруг меня такое огромное.

— Успокойся, — сказал Кармода. Ему не хотелось вступать в разговор, но надо же было подбодрить собрата по религии. — Многие люди чувствуют себя так же, как и ты. Хочешь выпить? Еще есть время до старта.

О'Брейди покачал головой:

— Нет. Мне не нужна подпорка.

— Подпорка! — усмехнулся Кармода. — Небудь смешным, сын мой. Скорое все пройдет. Ты снова будешь стоять на твердой почве, и голубые небеса будут сиять у тебя над головой. Стюардесса!

— Вы, наверное, считаете меня наивным ребенком, — сказал О'Брейди.

— Да, пожалуй, — усмехнулся Кармода. — Но я не считаю тебя трусом. Если ты не высадился здесь, а летишь дальше, то ты не трус. Значит, ты скоро будешь взрослым.

О'Брейди помолчал, обдумывая слова Кармоды. Затем сказал:

— Я так нервничаю, что забыл спросить ваше имя, отец. Кармода представился. Глаза О'Брейди расширились:

— Вы тот Джон Кармода... который...

— Продолжай.

— Отец фальшивого Бога на Каррене?

Кармода кивнул.

— Говорят, что вы летите с миссией на Каррен? — вырвалось

у О'Брейди. — Говорят, что вы хотите свергнуть Месса и объявить боситизм ложной религией...

— Кто это говорит? — спокойно спросил Кармода. — И, пожалуйста, говори потише.

— Все говорят, — сказал О'Брейди и взмахнул рукой, как бы показывая на всю Вселенную.

— Ватикану будет интересно узнать, как хранятся его тайны, — сказал Кармода. — Должен тебе сказать, что я лечу на Каррен вовсе не для того, чтобы свергнуть Месса.

О'Брейди схватил Кармоду за руку:

— И вы не собираетесь подменить нашу веру боситизмом?

Кармода стряхнул его руку.

— Это тоже говорят? — холодно спросил он. — Нет. Я считаю, что есть некоторое недопонимание боситизма среди людей, но моя вера непоколебима. Сомневающаяся, вопрошающая, но непоколебимая. Ты можешь сказать это всем.

— У нас очень тревожно на Спрингбоде, — заговорил О'Брейди. — Среди нашей паствы очень многие стали проповедовать боситизм. Я не могу сказать, сколько их, но очень много. И это очень тревожно.

— Ты это сказал уже дважды, — заметил Кармода.

— Отец, может, вы задержитесь на Спрингбоде, чтобы прочесть несколько проповедей. Нам нужен такой человек, как вы, который был на Каррене и который может разоблачить так называемые "чудеса" и так называемого "Бога".

— У меня нет времени, — ответил Кармода. — Более того, я бы разочаровал тебя. Так называемые чудеса реальны, а насчет Месса, даже сам Господь не может ответить на вопрос, действительно ли он Спаситель планеты. Пока не может, — Кармода наклонился вперед, всмотрелся в цифры на экране и сказал: — Предупреждаю тебя, что и наша встреча, и наш разговор не должны быть известны никому. Моя миссия секретная. Только я да несколько могущественных церковных деятелей знают о ней. Хотя я теперь вижу, что все-таки слухи уже распространяются об этом. Если ты скажешь хотя бы слово обо мне, ты будешь строго наказан и твоя карьера отброшена лет на двадцать назад. Так что держи рот закрытым!

О'Брейди заморгал, и на его покрасневшем лице отразилось страдание. К счастью прозвучал сигнал к отправлению, и капитан начал свою речь. Остальной путь до Спрингбода О'Брейди молчал, в одиночку борясь со своим страхом.

Когда "Белый Мул" приземлился, Кармода решил выйти. Ему хотелось немного размять ноги и взглянуть на знакомые ему места. А кроме того, это была последняя из нормальных планет.

И порт, и город сильно изменились за годы со времени по-

следнего посещения Кармоды. Белых конусов осталось еще много. Эти конусы служили жилищами бимитов — теплокровных жителей планеты, похожих на земных термитов. Они поедали дерево, и из экскрементов строили конусы. Первые поселенцы-колонисты истребляли бимитов и строили свои дома между конусами. Теперь уже эти старые дома были снесены и вместо них высились современные здания-небоскребы из металла и пластика.

Теперь на планете был огромный порт, принимавший и отправлявший множество кораблей. Кармода благодарил Бога за то, что тот позволил ему видеть много планет, которых еще не коснулась своей могущественной рукой цивилизация. Теперь уже их осталось немного, но он в дни своей молодости ходил по непроторенным путям.

С полчаса Кармода прогуливался возле здания порта, затем пошел обратно, чтобы успеть пройти санобработку. Огромная толпа загородила ему путь. Он долго не мог понять, что было причиной гневных воплей и ругательств людей, угрожающе потрясая кулаками. Затем он увидел, что эти люди носят значки Христианского Общества Спасения. Они окружили толпу мужчин и женщин, которые ничем не отличались от своих преследователей, если не считать испуганного вида.

Но когда Кармода пробрался через толпу поближе, он увидел на пальцах мужчин и женщин золотые перстни. На перстнях был нарисован круг, под которым скрещивались два фаллосоподобных копья. Кармода уже видел такие перстни на Уайдце-наулле и знал, что их владельцы поклонники Боситы.

Мужчины и женщины стояли, стараясь не обращать внимания на насмешки и оскорбления, которыми их осыпали. Предводителем людей из Общества спасения был толстый и высокий большеносыый священник. Кармода узнал его сразу, хотя не видел лед двенадцать. Это был отец Кристофер Бакелинг, из ордена Святого Джамруса, к которому принадлежал и Кармода. Последний направился к Бакелингу через толпу, которая расступилась перед ним. Вернее, перед его монашеской сутаной. Кармода встал между Бакелингом и боситистами.

— Отец Бакелинг, в чем дело?

Глаза Бакелинга расширились:

— Джон Кармода! Что ты здесь делаешь?

— Во всяком случае, не нарушаю спокойствия. За что ты мучаешь этих людей?

— Мучаю? — закричал священник. — Мучаю? Кармода, я тебя хорошо знаю. Ты здесь для того, чтобы сеять смуту!

Он в бешенстве замахал руками, но затем с трудом овладел

собой. Он показал на высокого красивого человека из группы боситистов.

— Посмотри на него! Это отец Гидеон! Он стал поклонником грязного идола — Боситы и перетянул в свою веру троих из своего прихода! И еще двоих из моей паствы!

Женщина в толпе заверещала:

— Гидеон антихрист! Настоящий антихрист! И он еще был моим духовником! Его нужно бросить в тюрьму, чтобы он не мог разглашать моих тайн!

— Его нужно закидать камнями! — крикнул Бакелинг. — Камнями! Или повесить в поле, как Иуду! Он предал своего Господа, предал душу дьяволу...

— Заткнись, Бакелинг! — хрипло сказал Кармода. — Чем больше ты орешь на людей, тем хуже. Я думаю, что все нужно делать тихо и спокойно.

Бакелинг, сжав кулаки, как гора, навис над маленьким священником, и тот был вынужден попятиться.

— Значит, ты на их стороне?! Я знаю тебя, Кармода! Ты тоже не свободен от грязи боситизма! Я слышал, что ты забавлялся с жрицей Боситы! Говорят, что сын Боситы — твой сын! Я, конечно, не верил слухам — ни один человек не может впасть в такой грех, даже такой великий грешник, как ты! Но теперь я могу поверить этому!

— Прочь от меня, Бакелинг! — рявкнул Кармода. Он почувствовал, как горячие волны ярости захлестывают его. — Прочь от меня! И постарайся вести себя, как подобает слуге Господа!

— Так ты угрожаешь мне? Ты хочешь воспользоваться своей репутацией опасного человека? А мне плевать на нее, ты для меня не более, чем комар!

Женщина, которая поносила Гидеона, заголосила снова:

— Что ты за священник! Ты против своей религии, против своего Бога?

Кармода старался взять себя в руки, он тихо, но внушительно сказал:

— Я пытаюсь уладить вас, чтобы вы не поддавались ненависти. Помните слова Господа: возлюби врага своего!

Женщина закричала:

— А теперь ты скажешь: подставь врагу своему щеку и пригласи его отобедать с тобой... Это же зло! Отец Гидеон — это сам Сатана! Как он мог... Как он мог... — и она разразилась градом затейливых ругательств, которыми восхитился сам Кармода, хотя он в прежние годы был весьма искусен по этой части. Кто бы ни была эта женщина, подумал он, но в этом деле она знала толк, и воображение у нее было что надо.

— Прочь с дороги, Кармода! — вскрикнул огромный священник. — Я хочу свернуть шею этому Гидеону!

— Но это же не способ убеждения, — увещевал его Кармода.

— А мне плевать! — взревел Бакелинг и бросился на Кармоду.

Когда Джон получил удар кулаком, гнев и возмущение переполнили его. Он вонзил сжатые пальцы левой руки в большой мягкий живот прямо перед собой. Бакелинг хрюкнул, схватился за живот, согнулся вдвое и тут же получил удар кулаком в нос. Кровь хлынула на ноги Кармоде.

Толпа взревела. Люди бросились вперед и прижали Кармоду к стене вместе с боситистами. Послышались полицейские свистки. Кармода получил несколько ударов и потерял сознание.

Когда он открыл глаза, то ощутил, что все тело его ломит. Его приводил в чувство полисмен в черно-белой шляпе конической формы. Прежде чем Кармода смог что-либо сказать, его подхватили два человека и повели к выходу. У дверей уже стояли две крытые машины — для него и тех смутьянов, что не успели скрыться с места происшествия.

Но с ним обращались несколько иначе, чем с остальными. Если их бесцеремонно втокнули в кузов, то его вежливо посадили в кабину, на заднее сиденье. Рядом с ним сел полисмен, а с другой стороны Бакелинг, прижимавший к носу платок.

— Видишь, что ты наделал? — бубнил Бакелинг. — Ты затеял свару и обесчестил нашу церковь.

— Я?!

Кармода расхохотался, но тут же со стоном умолк — помятые ребра отзывались резкой болью на любое резкое движение.

— Мы арестованы? — спросил он лейтенанта.

— Отец Бакелинг выдвинул обвинение против тебя. — Лейтенант протянул Кармоде телефон. — Ты можешь вызвать адвоката.

Кармода, не обращая на него внимания, заговорил с Бакелингом.

— Если меня задержат и я не успею на корабль, ты будешь иметь крупные неприятности. Очень крупные.

Бакелинг потер нос платком и хмыкнул.

— Не угрожай мне, Кармода. Помни, я знаю, кто ты, — хитрый изменник.

— Тогда я позволю, — сказал Кармода.

Он взял трубку. Лейтенант помог включить устройство. Верхняя половина диска засветилась.

— Номер телефона епископа Эмзабы?

Бакелинг открыл рот, лейтенант удивленно моргнул. Бакелинг встrepенулся и сказал:

— Не скажу!

— Отлично. Тогда, лейтенант, помогите мне.

Полисмен вздохнул, достал книжечку, полистал:

— 606.

Кармода набрал номер, и через секунду на экране появилось лицо молодого священника. Кармода подкрутил ручку, и изображение увеличилось, заняв весь экран.

— Говорит отец Кармода с Уайдценауллы. Я должен поговорить с епископом немедленно.

Лицо исчезло. Потом на экране появилось лицо мулата. Оно нахмурилось, и низкий голос произнес:

— Кармода? В какую историю ты тут попал?

— Это не моя вина, — ответил Кармода. — Я просто хотел поступить, как христианин. Но увы, я потерпел поражение, и теперь меня везут в полицию.

— Я слышал о происшествии в порту и о том, что ты там замешан, — сказал Эмзаба. — Я уже предпринял кое-какие шаги. Может, их нельзя назвать христианскими, но в данном случае они необходимы.

Кармода повернул прибор так, чтобы епископ увидел Бакелинга. Епископ нахмурился еще сильнее:

— Бакелинг? Так, значит, это правда, что ты дрался со священником? Это ты вел толпу своих прихожан против поклонников Боситы?

Бакелинг замер, а потом сказал:

— Я просто хотел разъяснить отцу Гидеону его заблуждения. Но этот... этот священник вступился за них. Он набросился на меня, своего собрата по ордену, защищая еритиков!

— Это правда? — спросил Эмзаба. — Кармода, поверни экран, чтобы я мог видеть твоё лицо!

Кармода повернул прибор и заговорил:

— Это длинная история. Потребуется много времени, чтобы отделить нити правды от нитей лжи. Но у меня нет времени. Я должен лететь на Каррен! И немедленно! Я послан с очень важной миссией Святым Отцом!

— Да, я знаю, — ответил епископ. — Ко мне вчера прибыл курьер с предписанием помогать тебе, какими бы странными ни были твои просьбы. Я знаю о важности твоей миссии и готов помочь тебе. Но, Кармода, ты лучше, чем кто-либо другой, должен понимать, что тебе нельзя ввязываться ни во что, что может задержать тебя.

— Я понимаю. Но уж таков я есть. А теперь, как мне добраться до порта, чтобы успеть на корабль?

Епископ обратился к лейтенанту, и Кармода повернул экран так, чтобы они могли видеть друг друга. Лейтенант перечислил

все обвинения против Кармоды. При этом епископ нахмурился так, что стал похож на тех идолов, которым поклонялись его далекие предки.

— Мы еще поговорим с тобой, лейтенант! — сказал он.

Лицо его исчезло с экрана, но гневный голос еще долго звучал в воздухе. Бакелинг заерзал на сидении, глядя в сторону, затем повернулся к Кармоды:

— Если ты выскользнешь, маленькая хитрая крыса, а меня несправедливо накажут... если я пострадаю из-за тебя... я...

— Что ты? — сказал Кармода. — Ты отказываешься принимать добрые советы, бросаешься вперед, как бык, и бьешься своей тупой головой об стену. Неужели ты не знаешь, что епископ будет недоволен тем, что ты делаешь из боситистов мучеников? Церковь не хочет этого, а ты идешь против церкви.

— Я действую так, как этого требует моя совесть.

— Ты лучше вытащи свою совесть и хорошенько ее почисти. Когда она засверкает, как зеркало, посмотришь в нее. Тебя отшнит от того, что ты увидишь там, но это иногда приносит облегчение.

— Мерзкая тварь!

Кармода пожал плечами. Он уже снова впал в депрессию, понимая, что епископ прав.

Вскоре автомобиль прибыл на место назначения. Участок был сделан в одном из конусов бимитов. Это было серо-белое строение с диаметром основания в сто метров и высотой четырех метров. Когда-то здесь помещалась вся полицейская служба планеты, но за пятьдесят лет колонизации население планеты намного увеличилось, и теперь здесь располагался лишь один из участков. Основная база переместилась в небоскреб, построенный в двадцати километрах отсюда.

Бимиты устраивали узкие входы, через которые могли одновременно пройти не более двух человек. Теперь же здесь были сделаны громадные ворота в виде арки. Кармода, Бакелинг и лейтенант вошли в конус и очутились в огромном зале с высокими потолками. Пустые стены холла были отделаны зеленым пластиком. Они прошли в следующую комнату. Здесь стоял странный запах — смесь древнего запаха бимитов и обычного для полицейского участка и тюрем запаха табачного дыма и мочи. Кармода знал, что зеленый пластик на стенах скрывает следы крови: бимиты не желали добровольно отдавать людям свои жилища и свою планету.

Кармода и Бакелинг сели на скамью, а лейтенант пошел складывать начальству. Через пять минут он вернулся бледный с поджатыми губами.

— В полицейские дела вмешался епископ, — сказал он. — Он

применил свою власть, и мне приказано освободить вас обоих, а чтобы не случилось еще чего-нибудь, я должен отвезти Кармоду в порт.

Оба священника молча поднялись и пошли к выходу. Теперь Кармоду усадили в аэромобиль. Машина взмыла вверх и устремилась к порту, завывая сиреной и светя желтыми фарами.

Лейтенант, сидящий впереди, неожиданно обернулся и протянул Кармоде переговорное устройство.

— Епископ, — сказал он и отвернулся.

Лицо Эмзабы появилось на экране в нескольких сантиметрах от лица Кармоды. Колебания изображения придавали еще больше гнева речи епископа.

После того как он обрушил на голову Кармоды все свои громы и молнии, он смилостивился над ним и простил ему все случившееся. Он ничего не сказал о смерти жены Кармоды, но, видимо, знал об этом, так как сразу после обвинительной речи заговорил совсем другим, более мягким тоном:

— Я слышал, что на тебя обрушилось горе, Кармода. При обычных обстоятельствах тебе следовало бы дать опомниться, но твоя миссия слишком важна, и ничто не должно помешать тебе.

— Дело очень сложное, — сказал Кармода, — но я скоро буду на Каррене и полностью включусь в него.

Епископ помолчал.

— Не мог бы ты рассказать поподробнее о своей миссии? Я знаком с общей идеей, но в детали не посвящен. Ты не думай, что я прошу тебя об этом из чистого любопытства. Считаю тебя человеком, глубоко заинтересованным в исходе дела и умеющим держать язык за зубами.

Кармода закурил и только потом сказал:

— Я могу сообщить, что моя миссия имеет две стороны. Во-первых, я должен уговорить Месса не посылать своих миссионеров на другие планеты и, во-вторых, уговорить его не заставлять всех жителей планеты проходить через Ночь.

Эмзаба был потрясен:

— Я не знал, что Месс хочет сделать всех своих сторонников Бодрствующими.

— Это еще не окончательно. Он думает над этим и объявит о своем решении перед наступлением Ночи.

— Но зачем ему это?

— Мне сказано, что он хочет избавиться от своих противников — сторонников Алгула. Он хочет, чтобы на планете жили только те, кто поклоняются ему.

Епископ понимающе кивнул:

— И Месс будет посылать этих фанатиков как своих мис-

сионеров?

— Да.

Епископ нахмурился, помолчал и сказал:

— Наши Святые Отцы, видимо, полагают, что ты имеешь шанс уговорить Месса. В противном случае, они не послали бы тебя.

— Может, это просто акт отчаяния с их стороны, — сказал Кармода. — Последователи культа Боситы очень активно внедряются на планеты, где ранее царила только вера в Христа. И чем дальше — тем больше...

— Я знаю... Но ты прошел через Ночь... говорят даже, что ты один из отцов Месса... Но ты не принял веру Боситы. Значит, у нас есть надежда. Однако я не понимаю, почему твой опыт не был широко разрекламирован церковью. Ведь ты — живое свидетельство истинности веры!

Кармода мрачно усмехнулся:

— В моих свидетельских показаниях таится большая опасность. Как будет чувствовать себя средний человек, если я поклонюсь — а я так бы и сделал, — что все Чудеса Ночи реальны? Что Бог Месс возникает из ничего в результате мистического совокупления богини и семи отцов? Что богиня Босита может представить реальные доказательства своего могущества? А что, если все узнают, что я был опасный преступник, убийца, вор, развратник и, после того как прошел через Ночь, стал праведником? Тогда все будут считать, что это сделала Босита, и миссионеры Месса будут пользоваться еще большим доверием.

— Но ведь ты не стал поклонником Боситы?

— Я стал бы им, если бы остался на Каррене. Но я почти сразу вернулся на Землю и принял сан.

— Я все-таки не понимаю, — сказал епископ. — Ты не утверждаешь, что Босита и Месс — фальшивые Боги, и тем не менее считаешь нашу религию истинной. Как ты можешь сочетать такие противоположности?

Кармода пожал плечами:

— Я не сочетаю их. У меня есть вопросы и сомнения. И очень много. А ответов пока нет. Может, в этот раз мне удастся их получить.

Аэромобиль приземлился на посадочной площадке в порту. Кармода попрощался с Эмзабой, получил его благословение и попросил его помягче обойтись с Бакелингом. Эмзаба пообещал быть справедливым, насколько это возможно. Но все же он должен заставить Бакелинга почувствовать свой проступок и взять с него обещание не допускать такого в дальнейшем.

Кармода вошел на борт "Белого Мула" всего лишь за минуту

до того, как были закрыты все входы. Он обнаружил, что почти все боситисты, из-за которых он чуть не остался на планете, тоже здесь.

Вслед за Кармодой вошел человек, который не был боситистом. Это был невысокий мускулистый мужчина примерно одного возраста с Кармодой — что-то между тридцатью и ста годами. У него были густые вьющиеся волосы и широкое лицо американского индейца с горбатым носом и сильным подбородком. Одет он был во все белое — шляпа с широкими полями, широкий кожаный пояс с шестиугольной металлической пряжкой, брюки обтягивали бедра и расширялись книзу. Сапоги его были простые и грубые, без всяких украшений.

Он держал в руке толстую книгу в белом переплете, на котором выделялись черные буквы древнего алфавита: "Святое писание — Истинная версия".

По этой книге и одежде Кармода сразу узнал представителя одной из самых могущественных религиозных групп. Члены группы "Каменный фундамент Церкви", которых недруги называли "Твердолобые Ослы", были фундаменталистами, которые верили, что им удалось вернуться к Первой Вере Христиан. Кармода встречался с такими на Уайлценнаулле.

Однако причиной его изумления были вовсе не религиозные воззрения этого человека. Он узнал его!

Значит, остался еще кое-кто из старой гвардии преступного мира!

Это был Аль Лефтин. Он даже участвовал с Кармодой в некоторых делах.

Лефтин тоже был безмерно удивлен, увидев Кармоду. И он еще больше удивился, заметив на нем сутану священника ордена Святого Джамруса.

Лефтин поднял руку, как бы защищаясь, шагнул назад и пошел в сторону. Но Кармода окликнул его:

— Аль Лефтин! Садись со мной! Можешь не избегать меня. Мне нечего скрывать. Мы, кажется, оба изменились.

Лефтин колебался. Лицо его порозовело. Он ухмыльнулся и уселся рядом с Кармодой.

— Ты меня удивил, — сказал он. — Прошло столько лет. Ты... ты теперь отец Кармода?

— Да. А ты?

— Я декан Истинной Церкви. Хвала Господу, дни грешной жизни миновали. Я вовремя увидел свет. Я раскаялся, искупил свою вину и теперь проповедую Слово божье.

— Я счастлив, что ты обрел мир, — сказал Кармода. — Во всяком случае, я надеюсь на это. Мы пошли разными путями, но это праведные пути, пути к одному Богу. Скажи мне, —

продолжал Кармода, — зачем ты летишь на Радость Данте? Приближается Ночь Света. Неужели ты хочешь пройти через нее?

— Никогда! Нет! Моя церковь послала меня, чтобы я мог наблюдать ритуалы перед наступлением Ночи. После этого я должен улететь с последним кораблем и сделать доклад о них. Я предпочел бы не смотреть эти сатанинские шабашы, но сам Старейший послал меня.

— А зачем это вашей церкви? В земных библиотеках можно найти много информации о Каррене.

— Дело в том, что слишком много наших людей перешло в лоно веры богини Боситы. Они стали поклоняться Мессу. Когда мужчины и женщины, о которых я даже не мог подумать, что они способны отвернуться от Истинного Слова, перешли в сатанинскую веру, поддавшись лживым словам фальшивого Бога Месса. Я должен все тщательно изучить и обнаружить то, о чем не говорят наши книги, увидеть все своими глазами. Я должен снять фильмы, чтобы сопровождать ими лекции на Земле. Я покажу землянам, какие грешники эти карренцы. Когда все поймут, какое зло совершается на этой планете, под прикрытием богини Боситы, тогда земляне сами отвергнут боситизм и прогонят миссионеров Месса.

Кармода не стал говорить Лефтину, что такие попытки уже предпринимались, и не однажды. Иногда это срабатывало. Но чаще всего эффект был противоположный ожидаемому. Все это возбуждало любопытство, даже желание испытать все на себе.

Кармода закурил. Лефтин скорчил гримасу.

— Раньше ты тоже курил, — заметил Кармода. — Тебе, вероятно, трудно бороться с искушением?

— Нет, хвала господу. С тех пор, как я увидел свет, я не испытываю искушений. Никогда! Табак, алкоголь и женщины — это зло. И я думаю, что сам Господь защищает меня от соблазнов.

— Табак и алкоголь — зло, если их употреблять в неумеренных количествах. А умеренность — тоже добродетель, верно?

— Не верь этому, Кармода! В борьбе со злом либо все, либо ничего!

Он сделал паузу, как бы колеблясь, потом сказал:

— А что случилось с сокровищем Старениф? Я слышал, что всем удалось скрыться той Ночью. Я с трудом убежал от охранников и слышал, что Располд чуть не схватил тебя, но ты обманул его. Больше я никогда и ничего не слышал о Старенифе. Он был с тобой?

— Я убежал от Располда потому, что на него напал лугар, — сказал Кармода, вспомнив огромного хищника с планеты

Тудльгей. — Старениф был со мной. Я хотел доставить его на корабль, но затем на меня тоже напал люгар. Он гнался за мной. Не верь рассказам, что он так огромен, что валит деревья на ходу. Я расстрелял все патроны, когда мы отбивались от охранника, и у меня оставалось одно оружие — Старениф. Я швырнул его прямо в открытую пасть хищника, и тот проглотил его. После этого он с диким ревом бросился бежать через лес, изредка останавливаясь и катаясь по земле.

— Боже! — сказал Лефтин. — Прости, что я упомянул имя Господа всуе. Но Старениф! Десять миллионов гиффордов пропало в желудке зверя. Какое богатство! А сколько затрачено на подготовку операции!

Кармода хмыкнул:

— Тогда я был безутешен. Теперь же я смеюсь над этим. Действительно, это очень забавно. Где-то в джунглях, в скелете хищника, находится самая большая драгоценность Галактики.

Лефтин вытер лоб платком, который достал из рукава. Кармода с любопытством взглянул на платок, вспомнив, что у Лефтина в углу платка всегда был зашит стальной шарик. Славился он тем, что весьма искусно пользовался таким оружием и нередко выбивал этим шариком глаз противнику. Однако сейчас шарика в платке не было.

Стюардесса объявила взлет. Через десять минут бортового времени корабль был в атмосфере Каррена. Еще через десять минут он приземлился в лучах полуденного солнца.

Снова Кармода прошел через процедуру осмотра. Он потерял из виду Лефтина, когда шел к выходу из порта. По пути он зашел в туалет и увидел монаха, бросающего окурки в пепельницу.

Лефтин поднял глаза. Он замер, затем бросился к Кармоде и схватил его за руку.

— Прости меня, Кармода, я солгал тебе. Искушения мучают меня постоянно. Обычно с божьей помощью я одолеваю их. Но сейчас я не смог удержаться. Может, путешествие так подействовало на меня. Ты же знаешь — прибыть на планету, где зло цветет пышным цветом...

— Здесь зла не больше, чем на любой другой планете. Не беспокойся, я не судья тебе. Я не буду смеяться над тобой и никому ничего не скажу. Забудь все. Извини, пожалуйста, кажется, меня встречает делегация.

Он увидел своего старого друга Танда. С тех пор как они виделись, Танд почти не постарел, только появились седые пряди в его волосах, да и сам он несколько погрузнел. Но вид у него был такой же счастливый, улыбка обнажала его голубые зубы. Его теперешнее, довольно высокое положение не изме-

нило его манеру одеваться. Как и раньше, он носил удобное и недорогое платье.

Танд бросился к Кармоду с раскрытыми объятиями.

— Джон Кармода! Как я рад!

Они обнялись, и Танд сказал по-английски:

— Как поживаете, отец Джон?

Он улыбнулся, и Кармода понял, что Танд вложил двойной смысл в слово "отец".

— Прекрасно! — ответил Кармода по-карренски. — А ты, отец Танд?

— Прекрасно! — он отступил назад и повернулся к другим карренцам. — Позволь тебе представить...

Кармода приветствовал каждого из представленных ему людей: члены правительства, глава полицейского ведомства, жрец, секретарь главы государства...

Все, казалось, были заинтересованы тем, что привело Кармоду сюда. Абог, секретарь Рилга, главы государства, был довольно молодой человек, но в нем было что-то такое, что вызвало неприязнь у Кармоды.

Абог сказал:

— Мы все надеемся, что ты приехал сюда, чтобы объявить, что переходишь в нашу веру, в боситизм.

— Я приехал поговорить с Мессом.

Танд вмешался в разговор:

— Может быть, тебе сейчас лучше отправиться в отель? Ты один из Семи, и правительство выделило для тебя лучшие комнаты. Конечно, за государственный счет.

Кармода сказал, что у встречающих, наверное, много дел. Они поняли намек и попрощались. Но Абог, прежде чем расстаться, настаивал на том, чтобы Кармода назначил ему встречу, если возможно, то сегодня вечером. Священник сказал, что будет рад поговорить с ним.

Когда все разошлись, Танд усадил Кармоду в свой автомобиль и сел за руль. Как и большинство других здешних автомобилей, он работал на принципе антигравитации.

— Все меняется, — сказал Танд. — Меняется во всей Вселенной, даже на этой планете, которая развивается совсем иначе, чем остальные. Население увеличилось в четыре раза. Новые заводы, работающие на технологии и сырье Федерации, построены везде. Их буквально тысячи.

Кармода смотрел в окно. Массивные каменные строения с улыбающимися или оскаленными лицами проносились мимо. На улицах было очень много народа. В одежде чувствовалось влияние Федерации.

— Тот город, который ты знаешь, почти не изменился. Но

вокруг, там, где раньше были леса и фермы, раскинулся большой город. Он сделан не из камня, построен не на века. Слишком много народа появилось за короткое время. Теперь мы не можем тратить все свое время на строительство.

— Сейчас везде так, — заметил Кармода. — Скажи, ты еще связан с полицией?

— Нет. Но у меня есть влияние на шефа. Как и у любого отца. А что?

— Со мной на "Белом Муле" прибыл один человек по имени Аль Лефтин. Много лет назад он был наемным убийцей. Сейчас он путешествует под своим именем, и я предполагаю, что он подвергся обработке у Гопкинса или в другом подобном институте. Он говорит, что он теперь декан Каменного Фундамента Церкви. Может, он и не врет. Если бы было время, мы бы проверили его. Но времени не было. Существует возможность, что он послан с Земли, чтобы убить Месса. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— Слышал. Я пошлю полицию по его следу. Но им будет трудно уследить за ним, если он не будет под домашним арестом. В толпе, во время празднества, он может легко скрыться.

— А есть возможность посадить его под домашний арест?

— Ни малейшей. Он может поднять большой шум. Правительство не захочет оскорблять людей Федерации без веских на то оснований.

Кармода помолчал.

— Здесь есть еще один человек, за которым следовало бы присмотреть. Но это личное, так что я даже не знаю, уместно ли обращаться к тебе с этим. Для меня это имеет большое значение, но это мелочь по сравнению с заговором против Месса.

И он рассказал своему другу об угрозах человека, который назвался Фраттом. Танд задумался. Наконец, он заговорил:

— Ты думаешь, что землянин Абду и есть Фратт?

— Возможно, хотя и необязательно. Сейчас время работает против него. Ведь я вылетел сюда внезапно. Вряд ли он успел узнать об этом и сесть на этот же корабль.

— Он это или нет, мы узнаем по его действиям. Я пошлю за ним частного детектива. Полиции сейчас не хватает — слишком большой наплыв народа.

Танд остановил машину перед отелем. Они погрузили багаж на гравитационный лифт, а сами направились прямо в апартаменты Кармоды. Танд обо всем уже договорился, поэтому не потребовалось никаких формальностей на регистрации. Однако группа репортеров попыталась взять интервью у Кармоды. Танд отослал всех прочь. Хотя они были так же агрессивны и бесцеремонны, как их земные коллеги, они все же беспрекословно повиновались Танду, Отцу Месса.

— Это здание всегда было отелем, — не без гордости рассказывал Танд. — Это самый старый отель во Вселенной. Он построен более пяти тысяч лет назад. Люди живут в нем так долго, что даже от камней в отеле пахнет человеческим потом. Камни буквально пропитались им за тысячелетия.

Апартаменты Кармоды были на седьмом этаже. Этот номер был счастливым для одного из семи Отцов Месса. До номера нужно было пройти двести метров по широкому коридору.

Все двери в комнате были сделаны из толстого железа и были подвешены не на петлях с одной стороны, как это было принято на Земле, а вращались на центральном стержне. За такими дверями можно было спокойно спать, не боясь ничего.

Кармода обследовал свои трехкомнатные апартаменты. Кровать была сделана из камня, стол представлял собой гранитный монолит, вырастающий прямо из каменных плит пола.

— Теперь так уже не строят, — с тенью грусти сказал Танд.

Он налил густого темно-красного вина в два многогранных кубка, сделанных из дерева с белыми и красными прожилками. Вино медленно лилось густой тягучей струей, как будто это было не вино, а расплавленный гранит.

— За твоё здоровье, Джон!

— За твоё, Танд, и за всех хороших людей, где бы они ни были и кем бы они ни были. Пусть Бог благословит своих детей.

Он выпил и обнаружил, что ликер вовсе не сладкий, как он предполагал. Скорее, он был даже горьким. Но ощущение было очень приятное, как будто в его жилы влили золотой свет, который распространился по всему телу и даже вышел наружу, так как полумрак в комнате стал золотым.

Танд предложил выпить еще. Кармода отказался:

— Я хочу увидеть Месса. Когда это можно будет сделать?

Танд улыбнулся:

— Ты совсем не изменился. Мессу также не терпится увидеть тебя, как и тебе хочется увидаться с ним. Но у него много дел. То, что он Бог, не освобождает его от повседневных обязанностей. Я увижусь с ним, вернее, с его секретарем, и назначу встречу.

— В любое время! — сказал Кармода и хохотнул. — Я думаю, что сыну не терпится увидеть отца после долгой разлуки.

— Мы все с радостью приветствуем тебя, Джон. Однако твоё появление может внести некоторое смятение. Наш народ знает тебя, но мало знает о тебе. Совсем немногие знают, что ты не поклонник Боситы. Когда об этом узнают все, это породит смятение и сомнения в умах простых людей. И даже в умах некоторой части интеллигенции. Как может отец Месса не быть поклонником Боситы?

— Вся церковь задает тот же вопрос. Я сам этого не знаю. Здесь я видел столько так называемых чудес, что их хватило бы, чтобы перетянуть в вашу веру миллионы человек. Их хватило бы, чтобы поколебать убеждения даже самых твердолобых материалистов. Но у меня нет желания переходить в вашу веру. Должен сказать, что, когда я улетал отсюда на Землю, я не был атеистом, но и не чувствовал склонности ни к одной из существующих религий. Но затем во мне возникло что-то такое... необъяснимое. И оно привело меня в лоно церкви. Да, я совсем забыл, я же писал тебе об этом.

Танд поднялся и сказал:

— Я ухажу, чтобы повидаться с Мессом. Я позвоню тебе после.

Он поцеловал священника и вышел.

Кармода распаковал чемодан и пошел в ванну, где пять струй воды, ударяющие в его тело, быстро сняли усталость. Он еще не успел полностью одеться, когда послышался стук в огромную железную дверь. Кармода откинул крюк и начал открывать дверь, толкая одну ее половину в коридор. Дверь была очень тяжелая, но двигалась легко, как балерина.

Кармода чуть отступил назад, чтобы придержать половину двери, которая открывалась в комнату. Он увидел, что мужчина-карренец, стоящий на пороге, сунул руку в карман. Кармода не стал дожидаться. Старый рефлекс не подвел его. Он тут же бросился вперед на ту половину двери, которая двигалась в коридор. Карренец, держа пистолет в руке, входил в комнату. Очевидно, он надеялся застать Кармоду врасплох и пристрелить.

Но Кармода навалился плечом на свою половину двери, и она повернулась быстрее, чем ожидал убийца. Тяжелая дверь сильно ударила его сзади и швырнула в комнату. Кармода успел заметить удивление на лице карренца, прежде чем дверь завершила полный оборот и закрыла вход в комнату.

Затем дверь снова стала поворачиваться, так как карренец, вероятно, испугался, что его жертва сейчас побежит по коридору и поднимет тревогу. Но Кармода понял, что он не успеет скрыться за углом длинного коридора раньше, чем убийца выскочит из его комнаты. В коридоре не было ни души, и все двери были заперты.

Тогда он бросился к той части двери, которая двигалась внутрь. Он услышал яростный вопль из-за двери, но было уже поздно: Кармода накинул крюк на закрытую дверь. Пока он был в безопасности. Он тут же бросился к телефону и позвонил в холл. Через минуту возле его двери уже был полицейский, но убийца, разумеется, исчез.

Кармода ответил на вопросы полицейского, а немного погодя — прибывшего лейтенанта полиции. Нет, он не знает этого карренца. Да, ему угрожал человек, назвавшийся Фраттом. Кармода пересказал письмо и заметил, что Танд обещал позаботиться о его безопасности. Полиция ушла, но у двери осталось два охранника. Нельзя было допустить, чтобы один из Отцов подвергнулся опасности, особенно когда ему угрожали.

Кармода успокоил нервы стаканом вина и начал размышлять. Может, карренец был нанят Фраттом? Нет, вряд ли. Фратт хотел мстить лично, он хотел причинить мучительную смерть Кармоду своей собственной рукой.

Кармода подумал о Лефтине. Если он не тот, за кого себя выдает, если его одежда и речи лишь прикрытие, если он убийца, нанятый религиозными фанатиками, то он скорее сделал бы попытку похищения Кармоды. Он захотел бы получить от Кармоды информацию о Мессе, о его привычках.

Кармода допил вино и стал расхаживать по комнате. Он не мог выйти отсюда, так как ждал звонка от Танда. Но ожидание нервировало его.

Зазвонил телефон. Кармода протянул руку к экрану, и тот засветился. Абог, секретарь главы правительства, смотрел на него.

— Я немного рано, отец. Но мне очень нужно поговорить с вами. Могу я войти?

Кармода кивнул. Через несколько минут раздался стук. Кармода приоткрыл дверь и выглянул. Охранники, видимо, были потрясены роскошной одеждой Абога: они стояли перед ним навытяжку.

Тотчас же снова зазвонил телефон. На этот раз на экране появилось лицо землянина.

— Джон Гилсон, — сказал он по-английски. — Мне сказали, что вы хотите видеть меня.

Это был человек средних лет. У него была светлая кожа и темные волосы. Черты лица были настолько обыкновенны, что это лицо было невозможно запомнить — ценное качество для агента службы Внеземной Безопасности.

— Вы можете подождать? У меня посетитель.

— Ждать — это моя работа, — улыбнулся Гилсон.

Кармода провел рукой над экраном, выключая его. После этого он предложил Абогу выпить. Тот не отказался.

— При обычных обстоятельствах я не побеспокоил бы вас, — сказал Абог. — К несчастью, время не терпит. Я не оскорблю Отца, если приступлю прямо к делу, без дипломатических тонкостей?

— Напротив. Вы оскорбите меня, если начнете вилать, как

змея в масле или хитрый политик. Я люблю прямоту.

— Хорошо. Однако сначала я должен вам рассказать о нас, о структуре нашего правительства, о том, кто стоит во главе его. Я думаю...

— Мне кажется, что вы забыли свое намерение перейти сразу к сути дела. Давайте не будем отвлекаться.

Абог смутился, но быстро оправился. Его голубые зубы сверкнули в улыбке.

— Ол райт. Я хочу, чтобы вы поняли — наше правительство никогда не вмешивалось в вашу частную жизнь и вашу веру. Пока. Но теперь мы должны спросить...

— Спрашивайте.

Абог перевел дух и решительно произнес:

— Вы приехали сюда, чтобы объявить о своем переходе в боситизм? Да или нет?

— Это все? Нет, я не перехожу в веру Боситы. Я тверд в своей вере.

Абог был явно разочарован. После долгой паузы он сказал:

— Можете вы употребить свое влияние, чтобы отговорить Месса? Ведь вы его Отец!

— Я не знал, что у меня есть влияние. От чего его надо отговорить?

— Мой шеф, Рилг, очень обеспокоен. Если Месс решит, что все должны стать Бодрствующими, это будет катастрофа. Те, кто выживет, может быть, действительно очистятся от зла, но много ли их выживет? Многие ли смогут пройти через Ночь? Статистики предрекают, что погибнет три четверти населения. Подумайте об этом, Отец! Три четверти! Карренская цивилизация погибнет!

— Месс знает об этом?

— Ему говорили. Он допускает, что статистика права. Но допускает и возможность ошибки. Он утверждает, что те, кто пройдет через Ночь, полностью очистятся от зла.

— Может, он и прав, — заметил Кармода.

— Но он может и ошибаться. Мы думаем, что он ошибается. Но даже если он прав, подумайте, что произойдет! Даже если статистика ошибается, погибнет не менее четверти населения! Это же настоящее массовое убийство!

— Это страшно...

— Страшно? Это дико, ужасно! Даже Алгул не мог бы придумать такого! Если бы я не был уверен, я бы подумал...

Он замолчал, встал с кресла, подошел к землянину и прошептал:

— Ходят слухи, что той Ночью родился не Месс. Родился Алгул. Но очень умный Алгул, который объявил себя Мессом.

— Ты не можешь говорить это серьезно, — сказал Кармода с улыбкой.

— Конечно, нет. Я не принадлежу к этим идиотам. Но слухи говорят о настроении народа, о его смятении. Они не могут понять, как великий и добрый Бог может требовать от них такого.

— Ваше священное писание предсказывало такое событие.

Абог, казалось, испугался. Страх отразился в его голосе, когда он заговорил вновь:

— Да. Но никто серьезно не верил в это. Только горстка суперортодоксов. Они даже молились, чтобы это произошло.

— А что будет с теми, кто откажется проходить через Ночь? — спросил Кармода.

— Каждый, кто откажется выполнять приказ Месса, автоматически считается последователем Алгула. Его арестуют и бросят в тюрьму.

— И тогда он не проходит через Ночь?

— О, нет, все равно проходит. Ему не дают снотворного, чтобы он не мог уснуть, и ему приходится проходить через все в стенах камеры.

— Но если начнется массовое сопротивление? У правительства не будет ни времени, ни возможностей справиться с народом.

— Ты не знаешь карренцев. Как бы они ни были испуганы, они не осмелятся ослушаться Месса.

Чем дольше раздумывал Кармода, тем меньше ему нравилось все это. Он еще мог как-то понять, что мужчин и женщин можно заставить пройти через Ночь, но дети! Пострадают невинные, многие из них погибнут. Если отец ненавидит ребенка, сознательно или подсознательно, он убьет его. В борьбе с кошмарами, рожденными подсознанием людей, погибнут и взрослые и дети, которых не смогут защитить родители.

— Я не могу этого понять, — сказал он. — Но и, как вы сами сказали, я не карренец.

— Но вы попытаетесь уговорить его не делать этого?

— Вы говорили с другими Отцами?

— С некоторыми. Но я ничего не добился: Они будут выполнять волю Месса в любом случае.

Кармода помолчал. Для себя он уже принял решение поговорить с Мессом, но не был уверен, стоит ли говорить об этом Абогу. Кто знает, как использует Абог и его партия обещание Кармоды. Да и неизвестно, как отнесется сам Месс к Кармоде, когда его заявление будет опубликовано.

— Я все обдумал, — сказал Кармода. — Так и быть, я попытаюсь отговорить Месса от того, что он задумал и чего вы так

боитесь. Но я не хочу никаких интервью и заявлений ни по телевидению, ни в печати. В противном случае, я от этого отрежусь.

Абог обрадованно улыбнулся и сказал:

— Очень хорошо. Может, вам удастся сделать то, чего не удалось другим. Ведь он еще не объявил о своем решении публично, так что время еще есть.

Он поблагодарил Кармоду и ушел.

Священник вызвал к экрану Гилсона и попросил его подняться в номер. Затем он предупредил охранников, чтобы те пропустили землянина.

Снова зазвонил телефон. На экране возникло лицо Танда.

— Мне очень жаль, Джон. Месс не может увидеться с тобой сегодня вечером. Он назначил встречу завтра вечером в замке. Какие у тебя планы?

— Я, наверное, надену маску и выйду на улицу.

— Ты можешь, потому что ты Отец, — сказал Танд. — Но твои земляки — Лефтин и Абду — не смогут. Полиция приказала им находиться в отеле, если они не согласятся пройти через Ночь. По новым нашим правилам все некарренцы будут сидеть в отелях. Боюсь, что будет много недовольных туристов и ученых сегодня вечером, но таков закон.

— Ты много на себя взял, Танд.

Он выключил экран и отвернулся от него, но тот зазвонил снова. На этот раз на экране появилось не лицо, а ужасная маска, которая закрывала все пространство экрана, но по звукам Кармоды понял, что звонят из будки, расположенной на одной из главных улиц города.

Искривленные губы маски шевельнулись, и Кармоды услышал голос, который был явно искажен.

— Кармоды, это Фратт. Я хотел взглянуть на тебя, прежде чем ты умрешь. Я хотел увидеть, страдаешь ли ты, хотя, конечно, ты не способен страдать так, как страдал я и мой сын.

Стараясь сохранять присутствие духа, священник произнес ровным голосом:

— Фратт, я не знаю тебя. Я не могу даже припомнить случай, о котором ты говоришь. Почему бы тебе не прийти ко мне и не поговорить? Может быть, беседа кое-что прояснит и твои намерения изменятся?

Наступила пауза, такая долгая, что Кармоды подумал: наверное, Фратт очень удивлен.

— Неужели ты думаешь, что я такой идиот, что полезу прямо к тебе в лапы? Ты сумасшедший, — услышал наконец Кармоды.

— Хорошо. Тогда назови сам время и место. Я приду на встречу один, и мы там все обсудим.

— О, мы и так с тобой встретимся! Но встреча произойдет там и тогда, когда ты менее всего будешь ожидать этого. Я заставлю тебя попотеть от страха. И мучиться...

Перчатка, как когтистая лапа, проплыла перед маской, и экран погас. Кармода пошел к двери, так как слышался стук. Вошел Гилсон.

Он сердито сказал:

— Боюсь, что ничем не смогу помочь тебе, отец. Мне только что объяснили, что я не должен покидать отель.

— Это моя ошибка, — сказал священник.

Он рассказал Гилсону о том, что произошло, но Гилсон не стал счастливее от этого, особенно когда выслушал рассказ о беседе с Фраттом.

— Пойдем в ресторан, пообедаем, — предложил Кармода. — В отеле есть повар землянин — для тех, кому не подходит карренская кухня. Но он мексиканец, так что его блюда тоже весьма своеобразные...

В ресторане уже сидели Лефтин и Абду. Оба были заняты едой, и вид у них был не совсем довольный. Кармода сел за их стол, Гилсон последовал его примеру. Агент представился, как бизнесмен с Земли.

— Твою просьбу о встрече с Мессом отклонили? — спросил Кармода Лефтина.

Лефтин хмыкнул и сказал:

— Они были очень вежливы, но весьма недвусмысленно дали понять, что я смогу встретиться с Богом только после Ночи, — усмехнулся Лефтин.

— Ты можешь лечь спать, — сказал Кармода и помолчал. — Гм. Если Месс запретил Сон, он может распространить эдикт и на некарренцев.

— Ты имеешь в виду, что я смогу взять интервью у Месса после Сна? — спросил Лефтин. — Ни за что!

Кармода удивился этой запальчивости Лефтина. "Если он убийца, то он должен выполнить свою работу до наступления Ночи", — подумал Кармода.

— А ты возвращаешься? — спросил он Абду. — Тебе не удастся сделать сейчас свои дела.

— Запрещение покидать отель застало меня врасплох, — сказал Абду. — Но я могу вести свои дела и по телефону.

— Я не думаю, чтобы тебе сопутствовал успех. Ведь большинство деловых людей Каррены закрыли на это время свои конторы.

— Карренцы похожи на землян. Всегда найдется несколько таких, которые будут заниматься делом, даже если все вокруг рушится.

Лефтин показал на вход в отель.

— Видите этих двух парней в голубом? Это — полицейские. Они позаботятся, чтобы мы не вышли из этой проклятой гробницы.

— Зато здесь спокойно, — сказал Кармод.

Он осмотрелся. Если не считать официанта, они были единственными посетителями ресторана. Более того, даже в главном холле не было никого, кроме служащих отеля, клерков и слуг. Все они были угрюмы и хранили молчание.

— Я не могу сидеть в своем номере, — сказал Лефтин. — Там как в мавзолее: холодный камень и мертвая тишина. Как могут эти карренцы жить в таких домах?

— Они в чем-то похожи на наших египтян, — ответил священник. — Они много думают о смерти и о бренности этого мира. Им нравится думать, что их жизнь здесь всего лишь остановка в вечном движении.

— А что они думают о небесах? И об аде? — спросил Абду.

Кармод подождал, не захочет ли ответить Лефтин. Если он действительно тот, за кого себя выдает, он должен иметь представление о религии на Каррене. Ведь наверняка церковь не послала бы человека, не имеющего понятия о проблеме, которую он должен решить. Космические путешествия слишком дороги.

Но Лефтин продолжал есть, не поднимая глаз от блюда. Когда Кармод убедился, что Лефтин говорить не собирается, он ответил Абду сам:

— В этой религии рай имеет два уровня. Низший уровень предназначен для тех сторонников Месса, которые исповедуют добро, но не осмеливаются пройти через Ночь. Их жизнь в раю во многом похожа на жизнь здесь — они работают, спят, болеют, страдают, мучаются, радуются, скучают, веселятся и так далее. Но живут вечно. Верхний уровень предназначен для прошедших через Ночь. Там они испытывают мистический экстаз, вечный экстаз. Это примерно то же, что испытывают праведники в нашем раю. Они могут видеть своего бога Месса, но богини не видит никто, даже ее сын.

— А как насчет ада? — спросил Абду.

— Ада у них тоже два. Нижний уровень предназначен для тех, кто безразличен к религии, и для тех, кто пытался пройти через Ночь, но погиб. Именно поэтому так мало боситистов остаются бодрствовать. Конечно, в случае успеха их ждет вечное блаженство, но в случае неудачи можно попасть прямо в ад. А вероятность неудачи очень велика. Гораздо проще не полагаться на случай и попасть в рай на нижнем уровне. Верхний уровень ада предназначен для истинных алпулистов. Они испытывают там высший экстаз, аналогичный тому, что испы-

тывают боситисты в верхнем раю. Только это черная радость, оргазм зла. Зло жаждет зла, не хочет ничего, кроме зла.

— Сумасбродная религия, — заметил Лефтин.

— Карренцы говорят тоже самое о нашей.

Кармода извинился и пошел к себе в номер, оставив Гилсона в ресторане. Оттуда он вызвал его к телефону.

— Я собираюсь уйти ненадолго. Мне нужно встретиться со старым другом, карренцем. А кроме того, я хочу дать возможность Фратту нанести удар. Может, при этом мне удастся нейтрализовать его или поговорить с ним. Может, мне удастся выяснить, кто он такой и что заставляет его мстить мне.

— Но он может нанести удар первым.

— Я буду предельно осторожен. И еще одно... Я должен позвонить Танду и выяснить, сможет ли он мне помочь. Я хочу, чтобы тебя освободили от домашнего ареста. Ты должен следить за нашим главным объектом — Лефтином. Если он убежит из отеля, а я почти уверен в этом, я не хочу, чтобы ты упустил его.

— Благодарю, — ответил Гилсон. — Я не спущу с него глаз.

Кармода отключился и вызвал Танда. Лицо карренца сразу появилось на экране.

— Тебе повезло, — сказал он. — Я только что собирался уходить. Как у тебя дела?

Кармода сказал, чего он хочет. Танд ответил, что это легко устроить, и тут же отдал необходимые распоряжения.

— Но сможет ли Лефтин ускользнуть из отеля?

— Старый Лефтин смог бы без труда.

— Скажу тебе правду. Нужно бояться не только наемных убийц с Земли. До наступления Ночи могут выступить и алгулисты. Когда я говорю — алгулист, я имею в виду не только тех, кто прошел через Ночь. Я говорю о целом тайном обществе, большинство из членов которого не пыталось пройти через Ночь. Нить этого заговора протянулась даже в правительство. Вполне возможно, что наш разговор сейчас подслушивается.

— Я чего-то не понимаю, — сказал Кармода. — Почему алгулисты, прошедшие через Ночь во время правления Месса, еще живы? Ты помнишь ту Ночь, когда я был захвачен статуей и мне пришлось выбирать между шестеркой Месса и шестеркой Алгула? А когда я сделал выбор и стало ясно, что ребенок Мэри будет Мессом, алгулисты пытались бежать, но все они умерли. Я всегда считал, что алгулисты остаются живыми после Ночи только в том случае, если побеждает Алгул. Но из всего того, что я узнал сейчас, следует, что алгулисты не только выживают, но и вполне благополучно живут среди месситистов. Почему?

— Те шестеро, которых ты видел и которые погибли, умерли потому, что мы семеро хотели этого. Их погубила наша объе-

диненная воля. Но через Ночь проходят и другие алгулисты — не Отцы Алгула. Но мы про них ничего не знаем, и поэтому они остаются живыми. Ты знаешь, что быть алгулистом запрещено. Это карается смертью. Конечно, если когда-нибудь победит Алгул, то все месситисты понесут наказание — и гораздо более жестокое, чем несут сейчас алгулисты.

— Благодарю, Танд. Я хотел бы сейчас нанести визит мамаше Кри. Полагаю, она живет все там же?

— Не могу сказать. Я не видел ее уже много лет.

Кармода надел костюм, специально заказанный для него. В костюм входила и большая маска птицы. Надев маску, он вышел из отеля, но предварительно заглянул в ресторан. Гилсона, Лефтина и Абду там уже не было. Но там обедало несколько некааренцев. Вид у них был подавленный.

После гробовой тишины отеля Кармоду встретила буря криков, музыки, свиста, барабанного боя, треска хлопушек... Улицы буквально бурлили веселящейся толпой в масках.

Кармода медленно шел через толпу. Минут через пятнадцать он решил свернуть на боковую улицу, где было поменьше народу. По ней он шел еще минут пятнадцать, пока не увидел такси. Таксист был не очень расположен брать клиента, но Кармода настоял. Машина медленно продвигалась вперед, пока не выбралась в район города, где было мало людей и можно было ехать быстрее. Но даже здесь им приходилось то и дело останавливаться и пропускать толпы людей в масках.

Прошло полчаса, прежде чем такси остановилось перед домом мамашы Кри. Уже показалась огромная луна, рассыпая блестящее серебряное конфетти на темно-серые камни громадных домов. Кармода вышел, расплатился с таксистом и попросил его подождать. Водитель, уже примирившийся с тем, что его оторвали от праздника, согласился.

Кармода пошел по тропинке и остановился перед деревом, которое когда-то было мужем мамашы Кри. Оно уже выросло и достигло теперь высоты тридцати пяти метров. Его могучие ветви образовали целый шатер.

— Хэлло, мистер! — сказал священник.

Он прошел мимо человека-дерева и постучал в дверь. В окнах света не было, и Кармода решил, что он поторопился — сначала надо было позвонить.

Но ведь мамаша Кри была уже совсем старая, и он был уверен, что она наверняка сидит дома.

Он снова постучал. Тишина. Тогда он пошел обратно по дорожке, но тут скрипнула дверь и чей-то голос спросил:

— Кто здесь?

Кармода вернулся, снял маску.

— Джон Кармода, землянин, — ответил он.

Из двери в полосу света выглядывала старуха. Но это была не миссис Кри.

— Я здесь жил, — сказал Кармода. — Очень давно. Мне хотелось повидаться с миссис Кри.

Старуха, похоже, испугалась, оказавшись лицом к лицу с жителем другой планеты. Она прикрыла дверь, оставив только щель, и сказала каркающим голосом:

— Миссис Кри здесь больше не живет.

— Может, ты скажешь мне, где ее можно найти?

— Я не знаю. Она решилась пройти через последнюю Ночь, и больше о ней никто ничего не слышал.

— Это очень печально, — сказал Кармода и не покрывил душой. Несмотря на ее недостатки, он все же любил эту женщину.

Он вернулся в такси. Когда он подошел к машине, из-за угла вынырнула машина с горящими фарами и понеслась к нему. Кармода прыгнул за такси, сознавая, как выглядит со стороны. Но это произошло совершенно автоматически.

И не зря. Раздались выстрелы, зазвенели разбитые стекла, вскрикнул водитель такси. Затем автомобиль исчез в конце улицы, завернув за угол.

Кармода поднялся с земли. Вдруг раздался взрыв, ослепивший и оглушивший его. Он снова оказался на земле.

Когда он снова поднялся на ноги, из автомобиля валил едкий дым. В автомобиле бушевало пламя, и Кармода едва смог рассмотреть тело водителя, лежащее на руле.

Он бросился к дому и изо всех сил начал колотить в дверь. За дверью не было слышно ни звука. Что было взять с этой старухи. Может быть, даже она звонила в полицию.

Кармода повернулся и пошел от дома. Звон в ушах его прекратился, искры в глазах исчезли, через две минуты он был уже в телефонной будке. Джон позвонил в отель Гилсону, но никто не ответил. Он позвонил Лефтину. На экране появилось лицо полисмента-карренца.

По просьбе полисмента Кармода снял маску. Глаза полисмента расширились — он знал в лицо землянина — Отца Месса. Его манеры сразу стали подобострастными.

— Землянин Лефтин исчез час назад, — доложил он. — Каким-то образом он расплавил решетки на окнах и спустился по веревке, которая, вероятно, была в его багаже. Вся полиция предупреждена, все ищут его.

— Проверь землянина Рафаэля Абду, — попросил Кармода. — Ты не знаешь, где Гилсон?

— Гилсон ушел сразу после побега Лефтина. Подожди. Сей-

час я проверю, здесь ли Рафаэль Абду.

По часа Кармоды прошло пять минут, прежде чем на экране вновь появился полицейский.

— Землянин Абду в своей комнате, отец. — Затем он исчез с экрана, но голос его произнес: — Минутку! — Очевидно, он говорил с кем-то. — Ол райт! — снова послышался голос полицейского и его лицо возникло на экране. — Гилсон просил передать для вас номер телефона, по которому вы можете связаться с ним.

Кармода набрал названный ему номер. На экране появилось лицо Гилсона. Громкие голоса и смех слышались из громкоговорителя.

— Я в таверне, на углу Зисаграр и Тувдон стрит, — сказал Гилсон. — Подождите, я надену маску. Я снял ее, чтобы вы узнали меня.

— Как дела? — спросил Кармода. — Кстати, о бегстве Лефтина я уже знаю.

— Я выследил его. Он здесь. В таверне, говорит с каким-то парнем. Я хорошо разглядел его ногти и затылок. Лефтин одет в коричневый костюм, видимо, изображает какое-то животное. Карренного оленя, я полагаю. Его маска — морда зверя с рогами. А его собеседник одет в костюм зверя типа кошки.

Может быть, Ардур или Эскур, подумал Кармода. Он хорошо знал карренскую мифологию, так что мог предположить, какие маски носят его враги. Но сейчас не было времени поражать Гилсона своими познаниями в этой области.

— Ты можешь подождать, пока я вызову такси? Я расскажу тебе обо всем, что произошло, позже.

Отключившись от Гилсона, он позвонил, чтобы заказать такси. Прошло десять минут, пока прибыла машина. Кармода предложил водителю большую сумму, и тот помчался по улицам, нарушая все правила движения.

Таверна находилась в стороне от главных улиц города, но сегодня и здесь было шумно и многолюдно. Праздничные толпы текли рекой. Гилсон, одетый, как и священник, в костюм птицы, ждал его на улице. Кармода переговорил с ним и последовал за ним в таверну.

Лефтин и карренец сидели за столиком в самом конце зала. Манеры карренца напомнили Кармоду кого-то, кого он видел совсем недавно. И когда карренец встал и направился в туалет, священник узнал его по походке.

— Это секретарь Рилга Абог, — сказал он. — Какого черта он здесь делает? О чем он говорит с Лефтином?

Абог наверняка был здесь не для своего удовольствия. Может, его шеф Рилг был членом тайного общества алгулистов? Он,

возможно, слышал об убийце, посланном с Земли, и решил использовать его, как свое оружие.

— Слушай, Гилсон, — сказал он. — С этого момента нам не следует доверять полиции. Кто-нибудь из полицейских наверняка работает на Рилга. Ты иди отсюда и шагай в отель. Я сам буду следить за ними.

— Мне не хочется оставлять вас одного, — сказал Гилсон.

— Этот мир я знаю лучше, чем ты. А кроме того, если ты не хочешь проводить Ночь, то тебе лучше здесь не задерживаться.

Гилсон ушел, пожелав Кармоду удачи. Священник стоял возле бара, прихлебывая пиво. Когда освободились места за столиком рядом с тем, где сидели Абог и Лефтин, Кармода сел на свободное место. В таверне было так шумно, что он не мог уловить ни слова из того, о чем говорили Лефтин с карренцем. К несчастью, он не догадался захватить прибор для подслушивания — таппер. Если бы у него был таппер, тогда никаких проблем бы не было.

Внезапно эти двое поднялись и пошли к двери. Кармода немного подождал и пошел за ними. Очевидно, они что-то почувляли, так как Абог повернулся и посмотрел назад. Они уже вышли за дверь, а Кармода был на полпути к двери.

И тут в дверь вошли три полисмена, блокируя дверь. Кармода остановился и оглянулся. В заднюю дверь тоже входили полисмены.

Может быть, Абог и Лефтин заметили его или Гилсона? Вряд ли. Скорее всего это лишь предосторожность: если кто-либо следит за ними, то он будет задержан полицией.

Кармода повернулся и, пошатываясь, пошел в туалет. Он вошел туда в тот самый момент, когда слышались свистки и крики людей. Никем не замеченный, он вылез в окно в туалете, которое, к счастью, оказалось открытым.

Когда он выпрыгнул из окна на аллею, он услышал голос:

— Спокойно! Руки за голову!

Подняв руки, Кармода повернулся. Он увидел полисмена, который держал его на мушке пистолета.

— Повернись! Руки за голову! Быстро!

— Я ничего не сделал, господин офицер, — забормотал Кармода на языке простолюдина Каррена.

Он начал поворачиваться, затем сорвал с себя маску и швырнул ее в лицо офицера. Раздался выстрел. Пуля ударила в каменную стену. Осколки камня больно хлестнули по ногам. Кармода упал на землю, под ноги офицера. Тот упал через него и не успел опомниться, как Кармода уже был на его спине и сильно нажал пальцами за ушами. Офицер дернулся и обмяк.

Священник поднял маску и пистолет. Добежав до конца

аллеи, он надел маску, а пистолет сунул в карман. Сзади слышались свистки, затем выстрелы. Кармоды упал на землю. Пули ударили в каменную стену перед ним. Кармоды перекатился за угол, вскочил на ноги и побежал. Через минуту он уже был на улице и смешался с толпой. Полицейский автомобиль с завывавшей сиреной медленно прополз через толпу. Кармоды остановился и пропустил его.

Делать было больше нечего: Абога и Лефтина он упустил. Лучше всего вернуться в отель.

Из нижнего холла отеля он позвонил в номер Гилсона. Ответа не было. Тогда он позвонил Танду, и слуга сказал, что господина не будет до утра. Кармоды поднялся на свой этаж с двумя полисменами. Он открыл дверь и попросил их обследовать свой номер. После обыска они доложили, что в номере никого и ничего подозрительного нет. Он поблагодарил полицейских и запер за ними дверь.

Выпив кубок вина, Кармоды свернул одеяло на постели так, чтобы можно было подумать, что там кто-то спит, а сам устроился на разостланном за столом плаще. Вскоре он уснул.

Его разбудил телефонный звонок. Вместо того чтобы поспешно броситься к телефону, он осторожно выглянул из-за стола. Утренний свет проходил через железные решетки и двойные стекла окон. Все выглядело вполне безопасно, и он вылез из-за стола. Все его тело затекло от того, что пришлось спать в неудобном и непривычном положении.

Звонил Танд. Он выглядел так, как будто спал еще меньше, чем Кармоды. Лицо его осунулось, глубокие морщины пролегли от носа к кончикам губ. Но он улыбался.

— Ну как тебе первая ночь в нашем отеле?

— Скучно мне не было, — ответил Кармоды, взглянув на часы. — Ох, уже время ленча. Я проспал завтрак.

— У меня хорошие вести, — сказал Танд. — Месс встретится с тобой сегодня вечером. В час тругу.

— Хорошо. Теперь скажи, может быть так, что эта линия прослушивается?

— Кто знает? Может быть. А что?

— Мне нужно поговорить с тобой. Прямо сейчас. Это очень важно.

— Я не спал всю ночь, — сказал Танд. — Впрочем, кто сейчас спит? Почему бы тебе не приехать ко мне? Или ты предпочитаешь встретиться где-нибудь в другом месте?

— За твоим домом могут следить.

Танд перестал улыбаться.

— Даже так? Хорошо, я приеду сам. Жди меня перед отелем. Я буду через полчаса.

Кармода ходил взад-вперед по комнате. Руки его судорожно сжимались и разжимались в кулаки. Имя Фратт било его как камни, вылетающие из-под колес автомобиля. Фратт! Фратт! Кто такой Фратт? Где? Когда? Почему?

У него была блестящая память. Он помнил все преступления, которые совершил. Иногда он думал, что единственный способ заставить его память отключиться — это убить себя. Но это было давно. Теперь он смотрел в свое жуткое прошлое, как будто смотрел в жизнь другого человека.

Но почему он не может вызвать из прошлого имя Фратта?

Он вспомнил имена всех своих других жертв. Их было много. Затем он попытался представить лица незнакомых ему людей, которым он причинил страдания. Их тоже было много.

К тому времени, когда он вышел из комнаты, он был как выжатый лимон. У него ужасно болела голова, чего не случилось с ним уже много лет. Может, это угрызения совести? Может, многое осталось в его подсознании, хотя он сам считал, что давно искупил все свои грехи и полностью очистился.

Он вышел из отеля, и в этот момент подкатил Танд в своем длинном черном автомобиле. Правая дверца открылась, и Кармода уселся рядом с Тандом на переднем сидении.

— Это Груза, — с гордостью сказал Танд. — Земная фирма Джи и Стого.

Танд поехал в жилой район и остановился у детской площадки.

— Не думай о тапперах, направленных на нас, — сказал он. — У меня включен скрамбер.

Кармода рассказал другу о событиях прошлой ночи.

— Я предполагал нечто подобное, — сказал Танд. — Но мы ничего не можем сделать. У нас нет никаких оснований для действий. Мы можем схватить Абога по твоему обвинению, но что с ним делать? Во-первых, ты даже не можешь сказать с уверенностью, что это был Абог. Мы можем быть уверены в этом, но для закона мало уверенности, нужны доказательства. А если и есть доказательства, то что из того? Он говорил с землянином в таверне. Это не запрещено. А перед Ночью Света в этом нет ничего необычного. Он может сказать, что не знал, что это землянин.

— Этого он не может сказать, — заметил Кармода. — Лефтин вряд ли хорошо говорит по-карренски.

— Ты ничего не можешь доказать, — сказал Танд по-английски. — Однако, как говорите вы, земляне: вовремя предупрежденный имеет четыре руки.

Кармода рассмеялся, оценив шутку. По преданию карренцев, злой дух Дуублов, подстерегающий зазевавшихся прохожих и

нападающий на них, имеет четыре руки.

Танд продолжал:

— Рилг может быть вовсе и не алгулист. Напротив, верный почитатель Месса. Но он глава правительства и его главная забота — благосостояние государства и его жителей. Я не завижусь его положению. Ему приходится разрываться между желанием выполнить все, чего требует Бог, и желанием сохранить статус кво. Да еще к этому нужно добавить сомнения в его собственной способности пережить Ночь. И это последнее, я полагаю, более всего влияет на его действия. Однако он не понимает того, что когда-нибудь должно произойти очищение. Так почему же не сейчас, хотя, конечно, это очень мучительно и опасно. Поверь мне, само сопротивление этому требованию Месса говорит о том, что вера мессиитов слаба. Легко исповедовать самую популярную религию, поклоняться Богу-повелителю. Но пройти высшее испытание... На это далеко не каждый решится.

— Но дети...

Танд поморщился:

— Идея не будет иметь смысла, если все население не пройдет через Ночь.

— Это нелогично, — сказал Кармода. — Предположим, что после Ночи останутся только хорошие. Но их дети? Будут ли они хорошими? Не станешь же ты утверждать, что доброта заложена в генетическом коде?

— Конечно, нет. Но в основном дети повторяют своих родителей. Дело однако не в том, когда Месс объявит о всеобщем обязательном бодрствовании. Спящих не будет. Каждый должен будет проходить через каждую Ночь.

— Ну, хорошо. Я вижу, что на эту тему спорить бесполезно. Что мы будем делать с Рилгом и Абогом?

— Усилим охрану Месса. И твою охрану. Я уже отдал приказ переселить тебя на четырнадцатый этаж. Люди, которые охраняют тебя, будут заменены людьми, которых я знаю и в которых я уверен. Ты не сможешь выйти из отеля без усиленного эскорта.

— Что же, все это разумно. Кстати, можешь ли ты дать приказ, чтобы позаботились о вдове и детях бедного таксиста? Конечно, он погиб не по моей вине, но из-за меня.

— Я уже сделал это, — ответил Танд. Он хмуро улыбнулся. — Однако деньги, может, им и не понадобятся. Все зависит от того, как они переживут Ночь. А после Ночи деньги могут потерять всякую ценность.

Танд завел мотор и поехал к отелю. Кармода молчал. Кардинал дал ему указание уговорить Месса отказаться от всеобщего Бодрствования. Но с точки зрения церкви оно было бы даже желательно. Если карренская цивилизация пошатнется от

такого удара, Каррен еще долго не сможет посылать своих миссионеров в другие миры.

Но с человеческой точки зрения кардинал был прав. Однако Кармода сомневался, что кардинал рассматривал этот вопрос под таким углом. Для него, удаленного на полтора миллиона световых лет от чужой культуры, результат решения Месса не был очевиден. Они думали только о том, что после Ночи на планете останутся только одни месситы и целая армия фанатиков-миссионеров полетит на Землю и на другие планеты, чтобы обратить всех в свою веру.

Что же сказать Мессу? Забыть об инструкции кардинала и укрепить Месса в его решении, или же следовать указаниям кардинала и действовать против интересов церкви, которых она сама не понимает?

У Кармоды сомнений не было. Предотвратить массовое убийство, мучения и несчастья. Он не был бы христианином, если бы действовал иначе. Его начальники должны понять, что только на месте человек способен правильно оценить ситуацию. Если же они не поймут, то пусть его накажут — он готов к этому.

Правда, одно сомнение у него все же было. Может, все обстоит не так плохо, как думают Танд и многие другие? Месс — Бог, и он наверняка знает больше, чем простые смертные.

Танд высадил его у входа в отель. Три карренца в национальных одеждах поспешно бросились к нему. Танд сказал:

— Я пришлю за тобой автомобиль. Мы встретимся возле замка, и я проведу тебя к Мессу.

Кармода поблагодарил и вернулся в свой номер, — теперь уже на четырнадцатом этаже. Люди Танда устроились в коридоре. Кармода позвонил в номер Гилсона, но никто не ответил. Тогда он позвонил клерку и спросил, нет ли для него сообщения от Гилсона. Клерк ответил, что Гилсон не возвращался с тех пор, как вышел отсюда вечером.

Кармода начал беспокоиться. Он позвонил Танду, но тоже не дождался ответа. Тогда он решил поговорить с Ларгом — лейтенантом полиции, который охранял его раньше. Остальные полицейские получили другое задание, но Ларг еще занимался его делом.

Ларг был в коридоре. Он немедленно явился в комнату Кармоды, когда тот пригласил его для разговора. Ларг был молодой карренец, очень высокий, тощий и угрюмый.

— Вы что-то подозреваете? — спросил он.

— Вполне вероятно, что что-нибудь произошло, — сказал Кармода.

Он не рассказал Ларгу о всех событиях прошлой ночи, но сказал, что Гилсон обнаружил Лефтина в таверне Тивит. Кар-

мода прибыл туда после звонка Гилсона и некоторое время наблюдал за ним. О своих подозрениях относительно Абога он ничего не сказал. Гилсон пошел за Лефтином, когда тот покинул таверну, но Кармода не смог пойти с ним. Он должен был вернуться в отель, чтобы ждать звонка Танда. Кармода не упомянул об инциденте с полицейским возле таверны в аллее.

— Я могу послать своих людей на это дело, — сказал Ларг. — Но вы должны знать, что праздник ограничивает наши возможности. Улицы круглые сутки забиты людьми в масках. Они танцуют и пьют, пока не свалятся, а проспав несколько часов, начинают все сначала. Очень трудно распознать кого-либо, даже землянина.

— Я понимаю, — ответил Кармода. — Думаю, заниматься поисками лучше мне самому. Я могу опознать Гилсона по походке и жестам, даже если он будет в маске.

— Мне приказано охранять вас, — сказал Ларг. — Я не могу выполнить своих обязанностей, когда вы будете в толпе. Я сожалею, отец, но так мне приказано.

— Отец Танд дал мне троих людей для охраны, — сказал Кармода.

— Я понимаю, отец, но выходить сейчас нельзя. Отец Танд оставил своих людей для вашей охраны, но командую ими я.

Зазвонил телефон. Ответил Ларг, так как он был ближе к аппарату. Появилось лицо полисмена.

— Докладывает Виадру, сэр. Насчет землянина Гилсона. Он найден мертвым в аллее близ блока Труд. Примерно десять минут назад. Две ножевые раны в спину и перерезано горло.

Кармода застонал.

— Виадру, это точно Гилсон?

Виадру взглянул на Ларга. Тот кивнул:

— Говори!

— Да, отец. В кармане его документы. Отпечатки и фото проверены.

Ларг извинился, сказав, что должен сделать распоряжения относительно тела убитого. Очевидно, Служба безопасности имела соглашение с Карреном, чтобы погибших агентов возвращали на Землю для погребения. Кармода подумал, что Ларг судовольствием займется этим, лишь бы не иметь объяснения с ним.

В ярости он позвонил Танду, но ему было сказано, что в данное время с Тандом нет связи. Он начал рассказывать взад и вперед по комнате. Его бесило то, что он должен сидеть взаперти, когда нужно было действовать.

Он был уверен, что Лефтин имеет отношение к смерти Гилсона. Возможно, замешен и Абог. Но он ничего не мог сделать, ничего!

Где сейчас Лефтин? Где бы он ни был, он сейчас делает все, чтобы усложнить его задачу — он готовит убийство Месса.

Кармодя рассвирепел так, что готов был обругать группу религиозных фанатиков с Зёмли, которые наняли Лефтина. Как странно, что последователи Алгула и последователи Христа оказались заодно!

В дверь постучали. Кармодя откинул засов и открыл дверь, ожидая увидеть полисмена. Дверь открылась шире, и в комнату вошли двое мужчин карренцев. В руках у них были пистолеты. За ними в коридоре были видны двое мужчин, делавших уколы полицейским, лежащим на полу.

Кармодя с поднятыми руками попятился назад. Пока один из вошедших держал его на мушке, второй вышел в коридор и помог остальным затащить полисменов в номер. Они не были мертвы, как сначала подумал Кармодя, они были просто без сознания от действия наркотика.

Карренец подал священнику маску и костюм.

— Надень это! — приказал он.

— Вы работаете на Фратта? — спросил Кармодя, но никто ему не ответил.

Когда он надел костюм и маску — голову Ардура с рогами — ему было приказано выйти из номера. Они шли за ним. Если он попытается бежать или позвать на помощь, ему выстрелят в ногу — так ему было сказано.

Карренцы, уже одетые в маски, ничем не отличались от остальных ряженых. Они довели Кармодю до конца коридора. Здесь они приказали ему подниматься по лестнице. На пятнадцатом этаже ему пришлось повернуть в коридор, пройти по нему до номера, расположенного прямо под его номером. Один из его похитителей ударил в дверь два раза и после пятисекундной паузы — еще три раза.

Дверь открылась. В спину Кармодю уперся пистолет. Ему ничего не оставалось, как войти внутрь. В коридоре он не увидел ни гостей, ни служащих отеля.

У каменного стола в центре комнаты стоял Рафаэль Абду. Дверь закрылась за Кармодой, засов лег на место. С лица Кармоды сорвали маску, и он осмотрел комнату. Она была точной копией комнаты в его номере.

Рядом с Рафаэлем Абду за столом сидела пожилая женщина-землянка. На ней была одежда, бывшая в моде лет тридцать назад. В одежде было что-то провинциальное, вероятно, женщина была из колонии. Кармодя не мог определить, откуда она. Ее длинные белые волосы были уложены в высокую прическу. Сморщенное лицо некогда было красивым. Глаза ее были закрыты большими шестиугольными солнцезащитными очками.

— Ты уверен, что это и есть Джон Кармода? — спросила она Абду на неземном английском языке.

Абду нетерпеливо ответил:

— Не будь смешной! Заговори с ним и сразу узнаешь его голос.

— Хорошо.

— Говори, Кармода! — прошипел Абду. — Скажи нам несколько фраз из своих проповедей. Леди хочет услышать твой голос.

— Ах, Фратт! Я сделал вполне понятную ошибку, — сказал Кармода. — Я думал, что ты мужчина.

— Это он! — вскрикнула она. — Я не забыла этот голос! Даже спустя столько лет!

Она ухватила за Абду рукой, на которой были видны набухшие вены.

— Прогони остальных! Скажи им, пусть уходят!

— Хорошо, — ответил Абду.

Он прошел мимо Кармоды и вернулся с пачкой карренских денег. Он отсчитал каждому из них определенную сумму и подождал, пока они проверят деньги. Четверо вышли, а один остался. Он связал руки Кармоды, затем усадил его в кресло и связал ноги. Но он не удовлетворился и этим: вытащил веревку и привязал его туловище к спинке кресла. Затем он стянул веревкой его плечи и тоже притянул их к спинке кресла.

— Рот? — спросил он. Абду перевел вопрос женщине.

— Нет, — ответила она. — Я сама смогу заткнуть его, если захочу. Оставь ленту на столе.

— Я все еще не знаю, кто ты, — сказал Кармода.

— Твоя память все еще затуманена твоими дьявольскими делами, — сказала она. — Но я-то не забыла — это сейчас важнее.

Карренец вышел, и Абду запер за ним дверь. Наступила тишина. Кармода внимательно рассматривал женщину. Внезапно откуда-то изнутри всплыли воспоминания.

Это была женщина, у которой он выведал план крепости, где хранилось сокровище Старениф, Зутфале.

Он бежал на планету Белах, чтобы укрыться там, Располд и другие напали на его след на Спрингбод, но он бежал. На Белахе, планете, населенной англичанами и скандинавами, он играл роль преуспевающего бизнесмена и долго старался не думать о сокровище Старениф — ему не хотелось снова влезать в неприятности. Но когда он решил, что Располд потерял его след, он не смог сопротивляться искушению. Он затратил четыре месяца на подготовку операции — совсем немного, если учесть сложность дела. Он собрал группу преступников, среди

которых был и Лефтин. Он подкупил одного из охранников сокровища — а это был сам по себе подвиг: ведь эти охранники славились на всю Вселенную своей неподкупностью и честностью. Охранник должен был отключить сигнализацию, открыть двери и дать план всех комнат и сигнальных устройств в том хранилище, где Старениф укрывался на ночь.

Но правитель этого маленького государства почуял неладное. Он уволил всех охранников, нанял новых, начал менять расположение сигнализации и даже конструкцию самого здания. Кармода боялся, что охранник, которого он подкупил, заговорит. Он может подумать, что плата ему уменьшится, так как он теперь потерял всякую ценность, раз его уволили. Охранника нужно было убрать, и Кармода убил его.

Остальные члены группы Кармоды хотели устроить налет, но Кармода предпочел выжидать. Он долго наводил справки, пока не узнал, что секретарша правителя осталась на прежней работе. Более того, говорили, что она любовница правителя и он вряд ли захотел бы ее прогнать. Кармода пришел в дом женщины в ночь за сутки до намеченного времени налета.

Миссис Джеральдина Фратт, так называла она себя, была с мужчиной, своим сыном. Он жил в другом городе и приехал сюда навестить мать. Женщина отказалась выдавать Кармоду план здания даже под угрозой пыток. А когда стало ясно, что она скорее умрет, чем выдаст, он решил переключиться на ее сына, хотя мужественный юноша молил мать не выдавать тайну. Однако мать не выдержала пыток сына.

Миссис Фратт сама повела их к крепости. Сын тоже шел с ними для подстраховки. Когда сокровище уже было в руках грабителей, Кармода столкнул мать и сына в подвал, где оно хранилось, бросил туда гранату и закрыл дверь.

Этот взрыв не дал им возможности спокойно улететь на корабле, как они планировали. Им пришлось бежать. Располд, только что прибывший на Белах, присоединился к погоне за ним.

Кармоду удалось похитить гравиплан. Он потерпел аварию над лесом, и ему пришлось дальше идти пешком. И там, в лесу, случилось так, что ему пришлось бросить Старениф в пасть люгара. Позже он сбежал с Белаха и после долгих скитаний очутился на Радости Данте.

— Я понимаю, почему я вас не вспомнил, миссис Фратт, — сказал он. — Во-первых, я был уверен, что письмо мне прислал мужчина, а во-вторых, я считал, что ты и твой сын погибли.

— Мой сын закрыл меня своим телом, — сказала она. — Мое лицо было изувечено осколками, я лишилась зрения. Сын умер. Я восстановила лицо, но глаза...

Она сняла очки, и Кармода увидел пустые глазницы.

— Но ты могла бы вставить себе новые глаза! — воскликнул он.

— Я поклялась, что не увижу белого света, пока ты не заплатишь мне за то, что сделал мне и Барту. Я истратила уйму денег и времени, чтобы отыскать тебя. Правитель после своей смерти оставил мне большое наследство. Но когда я наконец узнала, что ты священник на Уайлценанулле, деньги мои почти все кончились. Все время поисков я жила очень экономно и не скупилась только на оплату сыщиков. Поэтому я сейчас выгляжу такой старой. Я очень боялась умереть, не отомстив тебе. Благодарение Богу, я нашла тебя.

— Ты искала меня все эти годы? — удивился Кармода. — Миссис Фратт, кого же ты нанимала, чтобы найти меня?

— Этим занимался Рафаэль Абду. И не вздумай сказать что-нибудь плохое про него, ты, чудовище! Он верный и преданный человек. Он упорно и без усталости работал на меня все это время. Я хорошо знаю его и доверяю ему.

— Значит, как только у тебя кончились деньги и он понял, что из тебя больше ничего не высосешь, он сразу же нашел меня? — саркастически спросил священник. — О, заплати ему за это! Поблагодари его! Хорошо, что он все-таки не зря получал деньги. Могло случиться, что он бросил бы тебя через двадцать девять лет хорошо оплачиваемой и легкой работы. О, преданный и верный слуга!

— Заткнуть ему рот, миссис Фратт? — спросил Абду. — Я могу выбить ему зубы. Это будет неплохое начало.

— Нет, пусть говорит. Мне все равно, что он болтает. Он не сможет изменить мои намерения.

— Миссис Фратт, после того как я покинул эту планету, найти меня было совсем просто. Я провел год у Джона Гопкинса. Полиция знала место моего пребывания, моей церкви тоже не было смысла скрывать меня. Абду просто надувал тебя.

— Ты очень скользкий тип, — сказала она. — Тебе удавалось скрыться от всех, кого Абду посылал за тобой. Но теперь ты здесь. Ничто и никто не поможет тебе выйти отсюда.

Кармода, несмотря на могильный холод комнаты, вспотел.

— Миссис Фратт, — сказал он, стараясь не показывать отчаяния, которое овладело им, — я могу понять, что ты хочешь отомстить мне, хотя за эти годы я стал совсем другим человеком. Я уже не тот, кого ты знала. Но я не могу понять, почему ты убила незнакомого человека — мою жену.

Она стиснула ручки кресла.

— Что? О чем ты говоришь?

— Ты, черт возьми, знаешь, о чем я говорю! — хрипло сказал

он. — Ты убила мою Анну! И теперь ты так же виновата, как и я. Ты заплатишь той же грязью, что и Джон Кармода, которого ты так ненавидишь! Ты в таком же грехе, как и он, и поэтому не имеешь права говорить о справедливости и возмездии.

— О чем ты говоришь? — просипела она, поворачивая свою голову от Кармоды к Абду. — Причем здесь твоя жена? Я даже не знала, что ты женат! Ты сказал, она убита? Убита?!

Заговорил Абду. Чувствовалось, что он старается скрыть усмешку. Он говорил и смотрел на Кармоду:

— Я тебе говорил, что с ним нужно быть очень осторожным, миссис Фратт. Он хитер, как сам Сатана. Он сказал о своей жене, чтобы привести тебя в смятение, лишить решимости. И вселить в твой разум гнусные подозрения относительно меня. С его женой все в порядке. Я видел, как она целовала его во время прощания на Уайлленаулле.

Лицо миссис Фратт вспыхнуло яростью.

— Ты лжец, Кармода! Что ты еще скажешь, надеясь спасти свою шкуру?

— Я сказал правду. Моя жена убита бомбой. И сразу после ее смерти мне позвонил человек в маске. Он сказал, что ты ответственна за смерть Анны!

— Ты лжешь!

— Тогда, может, ты объяснишь мне другое? Если ты хотела захватить меня живым, тогда почему же твои люди старались убить меня и моего друга здесь, в Раке?

Она стала еще бледнее, губы ее беззвучно шевелились.

— В своей ненависти ты убила не только мою жену, — продолжал Кармода. — Ты виновна в смерти совершенно невинного человека, который был лишь водителем такси, на котором я приехал к дому мамыши Кри. Его убило бомбой, которая предназначалась мне.

— Он опять лжет! — прорычал Абду. — Он скажет все, что угодно, лишь бы отсрочить свое наказание.

Миссис Фратт протянула руку и коснулась Абду.

— Ты ведь не делал этого? Ты не убивал его жену и невинного таксиста и не пытался убить Кармоду, отобрать его у меня?

— Я говорю чистую правду, миссис Фратт, — твердо сказал Абду. — Его слушать нельзя. Он может даже уговорить голодную змею отказаться от птички. — Он взглянул на часы. — Миссис Фратт, до последнего корабля остается всего несколько часов. Нам пора начинать. Ведь ты не хочешь, чтобы все кончилось очень быстро?

— О, я сделала ошибку, когда отказалась от зрения. Я хочу видеть его мучения! Но уже поздно, времени нет!

— Ничего, ты услышишь его!

— Миссис Фратт, — сказал Кармода, тщетно пытаясь скрыть дрожь в голосе. — Я в последний раз обращаюсь к тебе. Ты только что говорила о Боге, благодарила его. Ты действительно думаешь, что он одобряет это? Если ты христианка, то не делай этого! Даже если я причинил тебе зло, Бог не захочет, чтобы ты мучила меня! "Мстить буду я", — сказал Господь... Но я не...

— "Мстить буду я", — сказал Господь, — произнесла миссис Фратт. — Давай, давай, проси пощады! Я просила пощады для своего сына, а ты смеялся надо мной. Смейся теперь!

Кармода молчал. Он примирился с неизбежностью и решил умереть достойно. Она не услышит от него криков и жалоб. Однако он не смог совладать с дрожью, которая сотрясала его тело.

Он сказал:

— Миссис Фратт, пока я могу говорить и думать разумно, я хочу сказать, что прощаю тебя. Я буду кричать потом, когда мой разум помутится и воля ослабнет, но это мое настоящее чувство. Бог благословит тебя своей милостью.

Миссис Фратт поднялась на ноги. Она медленно подошла к нему, поддерживаемая Абду. Она остановилась, приложила руку к сердцу и молчала, пока Абду не сказал:

— Это всего лишь еще одна уловка, миссис Фратт.

— Помогите мне, Рафаэль, — тихо сказала она. — Помогите мне.

— Я буду твоей силой, — сказал Абду.

Он подошел к столу и поднял ткань. Сталь сверкнула в лучах света. Длинные острые ножи, хирургические скальпели, пилы, крючья. Деревянные и резиновые дубинки, провода, пара бритв, щипцы с длинными лезвиями, молоток...

Абду взял скальпель, подошел к миссис Фратт и вложил его ей в руку.

— Не будь мягкосердечной, миссис Фратт. Из-за чего ты потеряла свое зрение!

— Дай мне почувствовать его лицо. Я не могу видеть, но, может быть, мои пальцы увидят его, и я смогу почувствовать ту ненависть, которая владела мной, когда я впервые увидела его. О, боже! Я никогда не думала, что это будет так трудно!

Она подошла к Кармоду. Правая рука ее коснулась лба священника, отдернулась, затем вернулась снова, пробежала по лицу.

Кармода схватил зубами ее руку. Она вскрикнула, попыталась вырваться, но это ей не удалось. Он поднял ноги, связанные в коленях, но не притянутые к ножкам кресла, и сильно ударил ее по ногам. Женщина вскрикнула. Абду бросился ей на помощь.

Кармода притянул к груди согнутые в коленях ноги и открыл рот, высвободив руку миссис Фратт. Она пыталась отскочить,

но Кармода нанес ей сильнейший удар ногами в живот. Согнувшись вдвое, женщина упала на Абду. Затем она выпрямилась и упала на пол.

Абду посмотрел на скальпель в своей руке. Он был в крови, кровь лилась из раны на спине миссис Фратт. Абду выронил скальпель и склонился над женщиной.

Он тшкетно звал ее, слушал сердце, щупал пульс... Наконец он поднялся.

— Скальпель не мог войти так глубоко, чтобы убить ее. Это ты убил ее своим ударом, ублюдок.

— Я не хотел этого, — ахнул Кармода. — Но, черт побери, не мог же я сидеть в кресле и ждать, пока она прирежет меня, как барана.

— Черт возьми тебя, — медленно сказал Абду. — Этот трюк у тебя второй раз не пройдет.

Со скальпелем в руках он подошел к Кармоду сбоку.

— Зачем тебе это, Абду? Ты хорошо пожил за ее счет. Разве этого мало? Зачем тебе мучить меня?

— Верно, я обманывал ее и жил, как король. Но я любил эту старую женщину, хотя и обманывал ее. А кроме того, мне всегда было любопытно узнать, из чего ты сделан.

Стоя за креслом, он обхватил рукой шею Кармоды и зажал ее. Скальпель вонзился в щеку и сделал глубокий порез.

— Тебе больно, Кармода? — прошептал Абду в ухо священника.

— Достаточно! — прохрипел Кармода.

— Давай посмотрим, мягкая ли кожа на твоих губах.

Скальпель разрезал уголок рта. Кармода напрягся, изо всех сил сдерживая крик.

Абду приложил лезвие к яремной вене.

— Один нажим, и все будет кончено. Как тебе это нравится?

— Боюсь, что этого мне сейчас хочется больше всего, — простонал Кармода. — Да простит меня Господь.

— Это не похоже на самоубийство, не так ли? Если есть ад, я надеюсь, что ты попадешь туда. Но не будем торопиться.

Абду вернулся к столу и взял несколько иголок.

— Попробую загнать их тебе под ногти. Ты знаешь, как чувствуют себя люди при этом?

Кармода проглотил комок в горле.

— Господи, да простит меня...

— Да? Ты, вероятно, думал, что все уже позади? Но нам никогда не уйти от наших грехов, они всю жизнь будут преследовать нас, как кошка мышь.

Абду подошел сбоку, встал на колени и навалился на ноги Кармоды. Он стянул ботинок, затем носок. Кармода попытался

вырвать ногу, но не смог. Дикий крик вырвался у него, когда иголка вошла под ноготь.

— Давай, давай, кричи! Никто не услышит тебя сквозь эти стены. — Абду вытащил коробок спичек и зажег одну о каменный пол. — Эти деревянные иголки смочены в масле, они будут гореть, как адское пламя.

В дверь постучали. Абду резко повернулся и выхватил пистолет из кобуры.

Стук больше не повторился. Абду вздохнул с облегчением, но тут же подскочил от внезапного звонка телефона.

Священник смотрел, как поднимается дым от пламени. Он не кричал, но чувствовал, что сейчас потеряет сознание. Он не мог себе представить боли более ужасной, чем та, которую он испытывал сейчас, но он знал, что эта боль будет несравнима с той, которая наступит, когда огонь доберется до нервов.

— Прекрати звонить, черт побери! — выругался Абду.

— Я думаю, что они ищут меня! — сказал Кармода. — Нашли полицейских, которых вы уложили. Они знают, что из отеля я не уходил.

— Пусть ищут. Пока дверь заперта, сюда им не войти.

Кармода голосом, сильным от боли, сказал:

— А что ты собираешься делать потом? Они ищут тебя. Сейчас они узнают, что в комнате миссис Фратт никто не отвечает, знают, что тебя нет в номере, и знают, что ты не покидал отель. Ведь при выходе всех проверяют.

Абду нахмурился и взглянул на телефон. Он подошел к столу и оторвал кусок липкой ленты. Заклеив Кармоду рот, он включил телефон.

Кармоду хотелось услышать разговор, но он не мог. Огонь уже начал припекать кончики пальцев. Он не мог слышать ничего, кроме своего крика, который не мог вырваться изо рта и поэтому звучал в его голове все сильнее и сильнее. Но боль не затуманила ему зрения, и он увидел, как стальной засов у двери начал двигаться. Абду стоял спиной к двери и не видел этого. Он все еще говорил по телефону.

На засове появилась темная черточка, потом потек расплавленный металл. Засов развалился на две части. И в это время Абду повернулся, увидел дым и разрезанную полосу металла. Губы его скривились. Он выругался.

Дверь начала поворачиваться вокруг оси. Абду поднял пистолет и выстрелил. Что-то круглое вкатилось в комнату и взорвалось густым облаком желтого дыма, окутавшего Абду. Он был едва виден в дыму, но Кармода различил, как руки его подкинулись к горлу, Абду упал лицом вперед. Через секунду в комнату вошли карренцы в противогазах. Один из них бросился к

Кармоде и попытался выдернуть деревянную иголку из-под ногтя, но лишь обломал обгоревший кончик. Он поднялся, махнул рукой второму, который тут же всадил иглу шприца в руку Кармоде. Спасительное забвение опустилось на священника.

Он проснулся в странной постели. Боль в пальце и на лице исчезла. На него смотрел Танд. Облегчение и неожиданное появление друга исторгли потоки слез у Кармоды. Танд не был этим смущен, ведь карренские мужчины плачут также часто и много, как земные женщины. Он улыбнулся и похлопал руку Кармоды.

— Все хорошо. Ты в моем доме, в полной безопасности, во всяком случае, пока. Мы вовремя проникли в комнату. Нам повезло: вероятно, Абду не понял, что мы делаем, и не успел прикончить тебя.

— С Абду покончено?

— Нет, он жив. В тюрьме.

— Он сказал что-нибудь о своих связях с Лефтином и Абогом?

— Он рассказал все. Абду хотел в помощь Лефтина убить тебя. Это люди Лефтина организовали покушение у дома миссис Кри. Но мы уверены, что Лефтин все это делал абсолютно независимо от Абога. Абог хотел, чтобы ты был жив. Ведь ты единственная надежда Рилга. Ты один можешь отговорить Месса от обязательного и всеобщего очищения. И ты, дружище, попал в самую паутину заговора.

— Миссис Фратт мертва?

— Боюсь, что да. Абду рассказал нам, как это случилось.

Видя вытянувшееся лицо Кармоды, Танд поспешил его успокоить:

— А что тебе еще оставалось делать?

— Я хорошо знаю тебя и знаю, о чем ты думаешь, — сказал Кармода. — Ты удивляешься, почему я, человек, прошедший через Ночь, так яростно боролся. Почему я не пытался уговорить миссис Фратт не пытаться меня, когда было видно, что решимость ее ослабла.

— Я думал об этом. И я понимаю, что твое стремление выжить взяло верх над тобой. Человек, прошедший через одну Ночь, весьма далек от совершенства. Я прошел через много Ночей, и, хотя становлюсь с каждым разом лучше, мне еще предстоит долгий путь до полного очищения. А кроме того, как я могу судить? Может, я сделал бы то же самое. — Он помолчал, затем сказал: — Но есть одно, чего я не понимаю. Ты ведь обладаешь способностью отвлечь свой разум от боли. Почему ты не воспользовался этим?

— Я пытался, — ответил Кармода. — Но мне это почему-то не удалось.

— Ясно.

— Во мне будто оборвалось что-то. И вот почему: мое под-
сознание решило, что я должен страдать за то, что я сделал с
миссис Фратт и ее сыном. Конечно, в этом нет логики: ведь мои
страдания ничем уже не помогут ни миссис Фратт, ни ее сыну.
Но у подсознания своя логика. — Он повертел пальцами но-
ги. — Не больно...

— Заболит, когда кончится действие обезболивающего. Но
ты умеешь терпеть боль.

Кармода сел в постели. Он чувствовал слабость, головокру-
жение и, как это ни странно, голод.

— Мне хочется есть. Сколько сейчас времени?

— Через час встреча с Мессом. Ты полагаешь, что сможешь
пойти?

— Я буду в полном порядке. Что ты собираешься предпри-
нять относительно Рилга и Абога?

— Решать будет Месс. Ситуация очень сложная. Потребуется
много времени на составление плана и его осуществление, а
времени нет. Кроме того, мы еще не нашли Лефтина.

Кармода встал с постели. Когда он поел, напился и оделся,
он уже стал прежним Кармодой.

Танд был восхищен.

— Я хотел, чтобы ты выглядел хорошо при встрече с сыном.
Нашим сыном, хотя, по правде говоря, ты в большей степени
Отец, чем мы.

— А другие Отцы тоже будут?

— Не сейчас. Идем. Через эти толпы нам придется проби-
раться очень долго.

Танд ошибался. На улице было совсем немного людей, да и
те были не столь шумны и активны, как обычно.

— Странно, — сказал он. — Я такого никогда не видел. Ве-
роятно, они обеспокоены решением Месса. Люди сидят по домам
и смотрят ТВ, чтобы не пропустить объявления воли Месса.

Автомобиль объехал Замок с той стороны, с которой Кармода
еще не видел его. Здесь не было портиков с кариатидами и в
низах не было такого громадного количества скульптур. Танд
припарковал автомобиль у входа и провел Кармоду в маленькую
дверь на юго-западной стене здания. Часовые приветствовали
их, а офицер открыл для них дверь огромным ключом, висевшим
на серебряной цепи.

За дверью оказалась небольшая комната с несколькими сто-
лами и стульями. На столах были разложены карренские жур-
налы и книги. Единственная дверь вела в другую комнату, где
мраморные ступени вели в кабину гравитационного лифта.
Вероятно, это было дно шахты лифта.

Танд и Кармода вошли в кабину. Танд нажал на кнопку

"ПУСК" и на кнопку с надписью "СЕМЬ".

— Я не пойду с тобой, — сказал он. — Представлять тебя не нужно, хотя это и предполагается. Он видел твое фото. А кроме того, кто еще может быть, кроме тебя?

Кармода занервничал. Кабина остановилась. Танд открыл дверь, и они вошли в небольшой холл. Танд вставил ключ в замок стальной двери и повернул его. Затем он достал такой же ключ и подал его священнику.

— Такой ключ есть у каждого Отца.

Кармода колебался.

— Иди, — сказал Танд. — Месс должен быть в следующей комнате. Я буду ждать тебя внизу.

Кармода кивнул и вошел в дверь. Это была большая комната, освещенная одной лампой. Стены были обтянуты красным холстом, а пол покрывал толстый, мягкий светло-зеленый ковер. Окон не было, но холодный воздух приятно освежал кожу лица. На противоположной стороне Кармода увидел полуоткрытую овальную дверь.

— Войди! — услышал он мягкий глубокий баритон.

Кармода вошел в комнату, которая оказалась еще больше. Здесь стены были задрапированы зеленым. На стенах висели картины, воскрешающие отдельные эпизоды из истории планеты. Мебель была проста: блестящий черный деревянный стол, несколько легких, но удобных кресел и кровать в алькове. Кроме того, здесь был телефон, большой телевизор и узкий книжный шкаф из черного дерева. На столе были разбросаны книги, пластинки и лежала старомодная авторучка из камня с белыми и зелеными прожилками.

Месс стоял у стола. Он был высок ростом — Кармода едва доставал ему до плеча. Мускулистый торс Бога был обнажен, черного цвета волосы почти не отличались от волос землян, и только внимательный взгляд замечал оттенки, присущий каренцам. У Кармоды перехватило горло, когда он узнал в красивом лице Бога черты Мэри. Уши у Месса были волчьи, но зубы лишь слегка голубыми; руки заканчивались шестью пальцами.

Что-то сжало грудь Кармоды, выдавило у него рыдание и слезы. Он бросился к Мессу, обнял его. Месс тоже заплакал.

Затем он высвободился из объятий Кармоды и усадил его в кресло. После этого он достал из ящика стола платок и вытер глаза.

— Я долго ждал этого часа, — сказал он. — Но я знал, что это будет непросто. Мы чужие друг другу. Боюсь, что между нами всегда будет существовать барьер.

Впервые в жизни Кармода не нашелся, что сказать. Да и что тут скажешь?

— Как видишь, Отец, — продолжал Месс, — я действительно твой сын, наполовину землянин. И это один из главных аргументов в пользу универсального боситизма. Когда-то существовавший на одной планете, теперь он должен распространиться на всю Вселенную. Это стало очевидно с того момента, когда я был рожден матерью некарренкой от отца некарренца. Босита действовала с определенной целью, когда допустила такое.

Кармода, придя в себя, улыбнулся:

— У тебя есть моя черта — прямота. И по-моему, у тебя есть и другая — агрессивность. Хотя я не уверен, что это положительное качество.

Месс улыбнулся и сел в кресло с другой стороны стола.

— Но у меня есть вопрос. Почему ты, участвующий в мистическом совокуплении с Боситой, исповедуешь другую религию? Мне казалось, что ты должен был понять истинность боситизма и быть самым верным его приверженцем.

— Мне часто задают этот вопрос, — ответил Кармода. — Возможно, если бы я остался на Каррене, я стал бы боситистом. Но я убежден, что моя истинная вера другая. Я убежден, и еще ничто не переубедило меня в этом. Я знаю, что вера, которую избрал я, единственная для меня.

Голос Месса был ласков, но он пристально смотрел в лицо Кармоду.

— Значит, ты считаешь, что Босита — фальшивое божество?

— Совсем нет! Скорее всего, она воплощение создателя здесь, на Каррене. Она просто другая сторона той же медали. Во всяком случае, так думаю я. Но, конечно, я не могу с уверенностью утверждать это. Моя церковь еще не сделала таких официальных заявлений, и я полагаю, еще долго не сделает.

Месс достал из ящика бутылку и пачку сигарет.

— Вино карренское, сигареты земные. Мне нравится и то, и другое. И когда я пью вино и курю сигареты, я думаю о себе, как о Боге Каррена и Боге всех планет.

Он говорил так, как будто считал для себя этот вопрос решенным.

— Ты действительно веришь в это?

— Я это знаю.

— Тогда спорить не о чем, — сказал Кармода. — Я и не собирался спорить. Но я буду честен. Я пришел сюда, чтобы отговорить тебя от одного действия. И...

— Я знаю, зачем ты здесь. Твоя церковь прислала тебя, чтобы ты привел те же аргументы, что приводил мне Рилг, хотя он сам, может, и не знает об этом, алгулист. Я уже давно это чувствую, но не предпринимаю ничего и очень редко вмешиваюсь в дела правительства. А кроме того, все политики на этой планете, а

может, и на других, алгулисты. Хотят они этого или не хотят, они просто не могут быть другими.

— Значит, ты уже все решил...

— Еще в прошлом году. Но я не объявлю об этом до последнего момента. Если людям дать возможность подумать над этим, они могут восстать. И я, конечно, не могу порицать их за это. Слишком многие из них знают, что им не пройти через Ночь. Но пришло время избавиться от самообмана. Если они действительно алгулисты под флагом показного мессизма, они должны знать это.

— Но что будет с детьми? — спросил Кармода.

— Жизнь — борьба. Одни ее выдерживают, другие — нет. Босита дает, но никогда не берет обратно. Она считает — пусть происходит то, что происходит.

Кармода сидел молча. Он понял — Месса ему не переубедить. Ему было не по себе.

— После окончания Ночи, когда мы все очистимся, — продолжал Месс, — мы начнем интенсивное проникновение на другие планеты. Я намереваюсь сам посетить их.

— А это не опасно? — спросил Кармода. — Ведь если тебя убьет какой-нибудь религиозный фанатик, твоя религия будет дискредитирована.

— Нет. Появится новый Месс. И убийство Месса дискредитирует мессизм ничуть не больше, чем убийство Христа дискредитировало христианство.

— А теперь ты скажешь мне, что на каждой планете есть свой Спаситель, достаточно хороший по местным стандартам. Но он всего лишь временно замещает Сверхспасителя — до его прихода. И этот Сверхспаситель — ты.

— Точно, — ответил Месс. — Такова эволюция божества. К Ветхому завету в свое время добавились Новый завет, и Книга Мормонов, и Коран, и Книга науки и здоровья. Теперь сюда добавится новая книга, которая впитает в себя все прежние и будет превыше их всех. Сейчас я пишу Книгу Света. Она будет скоро закончена. Это будет сжатая история Боситы и ее народа. Кроме того, в ней заложены основы нашей религии. Когда Книга появится на свет, никто не осмелится написать другую. Я дам подробное описание того, что произойдет в будущем. И это будут не двусмысленные пророчества, какие видели мы в старых Книгах, это будет четкое и ясное описание будущего, которое сможет понять каждый. И когда эту книгу переведут на все языки Галактики, распространят по всем планетам — это будет величайшая победа религии, которая будет универсальной религией, ибо никто не сможет противиться ей.

Месс посмотрел в лицо Кармодэ, а тот почувствовал, как

волосы зашевелились у него на голове. Сейчас у него было то же ощущение, какое было у него в тот момент, когда вместе с остальными Отцами он пришел в Замок для рождения нового Месса. Именно таким образом Босита дала им знать о своем присутствии. Правда, сейчас это ощущение было гораздо более слабым.

И вдруг это ощущение исчезло. Месс поднялся и сказал:

— Мы еще увидимся с тобой, Отец.

Кармода тоже встал.

— Я могу сказать всем о твоём решении?

— Нет. Не говори об этом никому.

Месс стремительно обошел стол, обнял Кармоду и поцеловал его.

— Не печалься, Отец. Есть много такого, чего тебе не понять. Ты должен просто принять это, как принял чудеса Ночи и мое появление, как создание твоего разума.

— Я приму это с радостью, — ответил Кармода. — Но я не могу принять ненужные страдания и смерть.

— Они необходимы. Иди, и Босита будет с тобой.

— Бог с тобой, сын мой.

Танд приветствовал Кармоду в комнате ожидания на нижнем этаже.

— Ну как, Джон? Что ты почувствовал?

— Я потрясен. Я встревожен. Я почувствовал себя актером, который перепутал театр, где он должен был играть.

— Ты закончил свою миссию. Почему бы тебе не отправиться домой?

— Не знаю, почему, но я не могу. Что-то говорит мне, что мои дела здесь еще не закончены. Возможно, я хочу найти правду, если она существует. Могу тебе сказать, что теория Месса об универсальном Спасителе мне очень не нравится. Божественная правда открывается людям понемногу, по мере того, как они становятся готовы принять ее. Является ли Месс истинной божественной правдой? Единственной правдой?

Кармода приехал домой и лег в постель. Он спал очень долго и встал уже в начале дня, что было ему не свойственно. Когда он опустился в ресторан, то обнаружил, что там нет некаренцев, кроме тех землян, которые перешли в боситизм. Он поел один. К нему подошел жрец Боситы.

Кармода поднял глаза на человека в зеленой одежде и не сразу узнал Скалдера. Он вскочил и с радостью обнял его. Он был искренне рад видеть своего старого знакомого.

— Я хотел видеть тебя до того, как начнется Ночь, — сказал

Скалдер. — Кто знает, чем она закончится.

— Мне кажется, что не стоит спрашивать тебя, правильный ли ты сделал выбор, — сказал Кармода.

— Нет. Я счастлив в своей новой жизни. И никогда не имел повода пожалеть об этом. А ты?

— Я тоже. Может, сядем и поговорим?

— Мне этого и хотелось, но я должен быть в Замке. Ты знаешь, что Месс в полдень сделает заявление?

— Нет, не знаю. И что тогда?

— Все дальнейшее в руках Боситы. Танд сказал, что ты много знаешь о здешней закулисной борьбе. Значит, ты не будешь удивлен, если Рилг попытается помешать Мессу выступить публично. Конечно, он не осмелится открыто поднять на него руку. Но может быть, он отключит электроэнергию, прервет радиопередачу.

— Значит, он уже в отчаянии?

— Да. Мне пора идти. Кстати, Танд сказал, что Лефтин все еще на свободе. Он тоже, вероятно, в отчаянии. Последний корабль улетел, а он остался. Теперь ему осталось только погрузиться в Сон, чтобы избежать действия Ночи. Мы полагаем, что он попытается выполнить задуманное до начала передачи. Может быть, на это и надеется Рилг.

Скалдер попрощался и ушел, шурша длинными зелеными одеждами. Кармода выписал чек за завтрак и вышел на улицу. Он был один. Теперь уже не было причин охранять его. На улицах было много народу. Они стояли на площадях возле общественных телевизионных экранов, ожидая выступления Месса. Многие уже сняли маски.

Кармода хотел завязать разговор с некоторыми из них. После нескольких попыток он оставил это бесполезное занятие. Они не только не желали говорить, но с негодованием отворачивались, а некоторые бормотали сквозь зубы ругательства.

Послonyaвшиcь немного, Кармода вернулся в свой номер. Он попытался погрузиться в книгу по истории Каррена, но мысли его были где-то далеко. Когда наступил полдень, он с чувством облегчения повернулся к телевизору. Диктор начал короткую, хорошо известную речь. Это делалось для того, чтобы зрители приспособились к дефектам изображения. Хотя телевидение и сделало большие успехи, но качество изображения на Каррене оставляло желать лучшего.

Но время шло, а диктор все говорил об историческом развитии планеты, о первых контактах с землянами... Прошло полчаса, и Кармода понял, что произошло что-то неладное. Он позвонил Танду, но номер был занят. Прошло еще полчаса. Диктор все говорил, и никаких признаков того, что Месс вы-

ступит, не было. Кармода еще трижды звонил Танду, но каждый раз звучал сигнал "занято". Вероятно, не один он хотел узнать, что произошло.

И вдруг диктор объявил:

— Люди Каррена, ваш Бог!

Появился Месс. Он улыбнулся.

— Люди Каррена, я...

Экран погас. Кармода выругался, откинул засов, выскочил в коридор, пробежал к лестнице и, как ветер, слетел с четырнадцатого этажа. Здесь было полно народа. Шум стоял невероятный. Кармода нашел служащего отеля:

— Станция! Где у вас телевизионная станция?

— Три квартала к востоку, Отец! — ответил служащий. Он был потрясен.

Протолкавшись сквозь толпу, Кармода выскочил на улицу. Там были толпы людей с озадаченными лицами. Они поняли, что с Богом что-то произошло. И если они раньше боялись того, что он скажет им, то теперь чувство страха уступило место более сильному чувству. Одни из них были в панике, другие — в ярости. Они не мешали пройти маленькому землянину, но подозрительно смотрели ему вслед.

Подбежав к ТВ-студии, Кармода увидел клубы черного дыма, вырывающегося из окон здания. Огромная толпа препятствовала проходу полицейских и врачей в здание. Кармода изо всех сил старался протиснуться вперед, но тщетно.

Кто-то ударил его по плечу. Он повернулся и увидел перед собой Танду.

— Что случилось? — спросил он.

— Должно быть, Лефтин подложил бомбу. И так искусно, что полиция не обнаружила ее. А может, полицейские просто не захотели ее найти. Затем пришел Месс и... Ты видел, что экран погас. Я был бы с ним, если бы мой автомобиль не попал в аварию. Со мной ничего не случилось, но шофер ранен. — Он посмотрел на студию. — Ты думаешь, что он погиб?

— Не знаю, — ответил Кармода. — Что это?

Раздались крики. Внезапно, как будто что-то невидимое раздвинуло людей, толпа расступилась. Месс, закопченный, окровавленный, но живой и невредимый, шел через толпу.

Он махнул подбежавшему Танду.

— Бери автомобиль и едем на студию Фуурдал, — сказал Месс.

— У меня автомобиль рядом. Правда, не мой. Идем.

Он повел Месса и Кармоду. Народ плакал от радости, видя своего Бога живым. Некоторые падали на колени, пытаясь поцеловать ему руку. Тот с улыбкой отстранял их и шел дальше.

Через минуту все трое уже сидели в автомобиле и ехали в студию.

— Я не понимаю, как Лефтин или кто-нибудь другой умудрились спрятать бомбу. Ведь полиция и жрецы обыскиали все весьма тщательно. Странно и то, что Рилк приказал задерживать передачу.

— Может, он не хотел, чтобы кто-нибудь обвинил правительство в непринятии необходимых мер? — сказал Кармода.

— Возможно. Его не было в здании во время взрыва. Почти все, кто был со мной, или убиты, или тяжело ранены. Отцы погибли. Теперь остались только ты и Кармода.

Месс заплакал. Затем сказал почти без всякого выражения:

— Вызови самых надежных людей, Танд. Нам понадобятся телохранители, когда мы будем возвращаться в Замок.

Танд взял трубку и стал вызывать. Он был уверен, что к тому времени, когда они подъедут к зданию студии, здесь уже будут пятьдесят охранников и отряд вооруженных жрецов.

Кармода вошел вместе с Мессом и Тандом в здание, но в комнату, откуда должна была идти передача, он входить не стал. Он чувствовал, что опасность еще не миновала. Если кто-либо захочет войти с улицы, чтобы причинить вред Мессу, ему придется иметь дело с Кармодой.

Прошли считанные секунды с тех пор, как Месс вошел в студию, когда в холл ворвался карренец с пистолетом в руке. Он тут же получил удар бронзовой статуэткой по голове. Кармода наклонился, поднял выпавшее оружие и сунул его себе за пояс.

Он вышел в коридор и увидел трех мертвых карренцев, видимо пытавшихся проникнуть в студию, и двух полицейских, лежащих на полу. Кармода тряхнул забившегося в угол служащего студии и послал его за медицинской помощью. Затем он снова вернулся в холл, готовый отразить дальнейшие попытки пробиться к Мессу.

Через десять минут Месс и Танд вышли из комнаты. Оба выглядели очень усталыми.

— Дело сделано, — сказал Месс. — Теперь пусть будет все так, как того пожелает Босита.

Они ехали в Замок, и люди на улицах расступались при виде вооруженного эскорта. Кармода, вглядывавшийся в лица и маски, вдруг крикнул:

— Стой! Останови машину!

Месс приказал водителю остановиться и спросил у Кармоды, в чем дело. Но маленький землянин уже выскочил из машины.

Кармода увидел человека в маске, который был похож на Лефтина. Боясь, что тот скроется, он бросился за ним, не успев никому сказать, за кем бросился в погоню.

— Лефтин! Ты арестован! — кричал он, понимая, однако, что никто не бежит вместе с ним, что он один.

Человек повернулся и побежал. Кармода на секунду потерял его в толпе, затем увидел, как тот вбежал в магазин одежды. Кармода бросился за ним. Это был огромный магазин, видимо предназначенный для богатых покупателей. Здесь была только одна женщина, прижавшаяся к стеклу окна в надежде увидеть проезжавшего мимо Месса. Когда Кармода крикнул, она от неожиданности подпрыгнула. По ее удивленному виду он понял, что женщина не видела вбежавшего перед ним человека.

Не обращая внимания на ее вопросы, Кармода выбежал из комнаты. Перед ним были три двери. Он бросился в левую, пробежал по коридору и очутился в аллее. Он повернулся, чтобы вернуться в магазин, но тут сзади послышались шаги, и боль обожгла ему голову.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит на каменной дорожке аллеи. Возле уха у него выросла огромная шишка. Вокруг все было тихо. Началась Ночь.

Он был потрясен тем, что увидел на улицах. Везде, куда он бросал взгляд, лежали трупы. Мужчины, женщины, дети, застреленные, проткнутые ножами, разрезанные лучами лазеров. В одном месте лежал на боку огромный танк. Его лазер был разворочен взрывом бомбы, очевидно брошенной из окна дома. Солдаты все были мертвы.

Кровь ручьями текла по улице.

Кармода поднял пистолет, проверил обойму и быстро пошел по улице. Внезапно ему стало невыносимо жарко, закружилась голова, в глазах помутилось. Затем он ощутил вспышку солнца, хотя солнце было на другой стороне планеты.

Пройдя несколько кварталов, он увидел карренский мотоцикл, лежащий на боку. Мотоцикл еще работал, хотя у него была сорвана часть сидения вместе с седоком. Кармода поднял мотоцикл и поехал, старательно объезжая многочисленные трупы. Когда он завернул за угол, мотоцикл заскользил, описал дугу и сбросил Кармоду на пешеходную дорожку. Священник больно ударился о стену здания, но все же смог подняться. Переднее колесо мотоцикла развалилось, так что ехать на машине было невозможно. Пришлось идти пешком.

Подойдя к замку Боситы, он услышал звуки выстрелов и увидел бегущих людей. Он бросился в какую-то дверь и подскочил к разбитому окну. Впереди толпы бежал один человек. Лохмотья одежды обвивались вокруг его тощего тела. Он бежал так быстро, как только могли нести его длинные ноги. Однако он уже выдохся. Кармода слышал его хриплое дыхание.

Он встал и позвал человека. Но голос его утонул в грохоте

выстрелов. Дергаясь от пуль, человек упал лицом вперед. При свете уличных фонарей Кармода увидел, что это был Скалдер.

Так вот где для Скалдера кончилась Ночь, которая началась много лет назад...

В окно ударились пули. Кармода повернулся и выбежал на улицу.

Позади него слышались шаги. Кармода упал на четвереньки, так что преследователь наткнулся на него. Священник выхватил пистолет, чтобы выстрелить в нападавшего, и услышал крик:

— Не стреляй! Это я, Танд!

Кармода вздохнул с облегчением и выпустил пистолет. Танд поднялся и бросил что-то в направлении двери, через которую они выходили. Затем он прижал Кармоду к земле, и они распластались за каменным ограждением пешеходной дорожки. Послышался взрыв, и их обдало взрывной волной.

Они вскочили и бросились бежать по аллее к следующей открытой двери. Укрывшись за ней, они заговорили, едва переводя дух.

— Я притаился в той комнате, куда ты вошел, — сказал Танд. — Я не знал, что это ты, видел только силуэт. Но когда ты повернулся, то я сразу узнал тебя. И побежал за тобой.

— Странно, что мы трое снова сошлись в одном месте, — заметил Кармода. — Тот, которого убили, был Скалдер.

Танд описал рукой круг в воздухе.

— Его последние годы были счастливые для него... Я искал тебя, когда началась смута. Замок был окружен алгулистами. Но они представляют собой неорганизованную массу. Любая искра может вызвать резню среди них.

— Как нам попасть в замок? — спросил Кармода.

— Я знаю тайный вход, но нужно, чтобы нас не выследили. Мы можем привести за собой врагов и погубить защитников замка.

Они прошли один квартал. Танд привел священника на рынок, где все было разграблено. Тут и там валялись трупы, среди них был и ребенок. Танд со страдальческой гримасой вошел в одну из дверей. На столе лежал обезглавленный труп. Танд обогнул стол и вошел в низкую дверь. Вероятно, здесь была канцелярия: повсюду валялись бумаги, разбитые пишущие машинки и все было залито чернилами.

Кармода шел всед за карренцем мимо груды ящиков, многие из которых были вскрыты. Танд остановился, оцупал каменную стену и нажал на одну из плит. Каменный блок медленно пополз вперед. Танд встал на четвереньки и пролез в образовавшийся

темный проход. Землянин без колебаний последовал за ним. В проходе было очень темно. Единственным источником света было отверстие в стене, через которое они пролезли. Танд встал на ноги, что-то нажал, и плита встала на место.

Свет залил помещение. В конце его виднелась арка.

— Туннель очень узкий, с низким потолком. Он идет резко вниз, — сказал Танд. — Света в нем вполне достаточно, чтобы видеть дорогу. Иди на некотором расстоянии от меня: я могу резко остановиться и не хочу, чтобы ты наткнулся на меня. Это может оказаться роковым для нас обоих.

Кармода шел за Тандом, внимательно смотря под ноги. В пыли он увидел отпечатки чьих-то следов и спросил об этом Танда.

— Я сам никогда еще не был здесь. Но я хорошо изучил карту подземных ходов. Только Месс, Отцы, высшие жрецы и жрицы знают о подземных туннелях. Но даже и они...

Танд резко остановился и предостерегающе поднял руку. Кармода осмотрел стены и пол, но не обнаружил ничего подозрительного.

— Вот это! — Танд указал на небольшое грязное пятно на потолке. — Видишь? Это знак. Теперь смотри на меня и делай как я.

Танд начертил на полу поперечную линию, затем отошел назад и ринулся вперед. Добежав до черты, он побежал по стене туннеля. Благодаря тому, что скорость его была большой, он смог пробежать по стене несколько метров, после чего снова сбежал на пол.

— Давай теперь ты, — сказал он Кармоде. — Только смотри, не поскользнись.

Кармода повторил его маневр. Присоединившись к Танду, он спросил:

— А что было бы, если бы мы пошли по полу?

— Потолок в этом месте только выглядит сплошным камнем, на самом же деле это замаскированный люк. Он открывается и на идущего по туннелю вываливается густая клейкая масса, из которой идущий не может выбраться. При этом в замке звучит сигнал тревоги, включается лампочка на пульте, обозначающая место, где находится нарушитель. Потом приходит охранник и забирает его. Но он может и погибнуть, если клейкая масса зальет ему рот и нос.

Они прошли еще метров пятьдесят. Затем туннель пошел резко вверх. В конце туннеля оказалась железная дверь. Танд достал ключ и вставил его в замочную скважину. Дверь открылась.

Они вошли в маленькую комнату, где не было ничего, кроме толстого слоя пыли.

Следующая дверь, открытая тем же ключом, впустила их в следующую маленькую комнату. Третья дверь вела в коридор, пройдя через который они попали в комнату, где Кармода уже был. Это была та самая комната, откуда священник поднимался на лифте для встречи с Мессом.

Когда дверь закрылась за ними, ее совершенно нельзя было отличить от стены.

— Входи, — сказал Танд.

Лифт поднял их. Выйдя из кабины, они оказались в широком коридоре, по которому еще прошли с полкилометра. По обе стороны было много дверей, но все они были заперты. Затем они пришли к другому лифту, который вернул их снова на первый этаж. Там они прошли через две комнаты и оказались в той самой, где много лет назад Кармода убил старого Месса.

Новый Месс был здесь, окруженный жрецами и жрицами, которые с радостью приветствовали вновь пришедших.

— Я не терял надежды, что вы живы и сможете пробраться сюда, но уже начал сомневаться в этом, — сказал Месс.

— Как обстоят дела? — спросил Танд.

— Рилг и его алгулисты осадили замок. У них есть артиллерия и лазеры, но они пока не осмеливаются стрелять по замку. Я думаю, что они не пойдут на это. Они объявили войну мне и побоятся причинить вред дому Великой матери. Но они не впускают сюда народ и никого не выпускают. Мне кажется, что они собираются начать атаку ночью.

Месс положил руку на плечо Танда и сказал:

— Идемте в мои покои, Отцы! Я хочу кое-что показать вам.

— Смотри! — крикнул Танд и указал наверх.

На галерее стоял Лефтин. Он облокотился на перила и целился из базуки в Месса.

Кармода мгновенно выхватил пистолет и выстрелил.

Только потом он смог восстановить в памяти, что произошло. Столб огня и дыма поглотил Лефтина. Взрывная волна сбила Кармоду и всех остальных с ног. Только Месс смог удержаться. Оглушенный Кармода вскочил, будучи не в силах понять, что же с Лефтином. Когда он заглянул на галерею, он увидел большое красное пятно, похожее на большого спрута, раздавленного на камне.

Кармода поднялся на галерею и осмотрел ее. Искореженная базука с разорванным дулом лежала на полу. Кровь, сломанные кости, куски плоти — вот все, что осталось от Лефтина.

Танд, который поднялся за ним, сказал:

— Я думаю, твоя пуля попала прямо в ствол и снаряд разорвался, не вылетев.

— Я целился в него, а не в трубу, — сказал Кармода. — Это

было просто слепое везение, что я попал так удачно.

— Ты уверен в этом? — спросил Танд. — Я — нет!

— Ты имеешь в виду, что Месс или Босита... нацелили мой пистолет?

Танд пожал плечами.

— Не Босита. — Он сделал жест рукой, описав в воздухе круг. — Она не принимает ничьей стороны. Но Месс... Кто знает? Он нам не скажет.

— Это был просто случай.

— Считай, как хочешь. Я не могу тебе ничего доказывать..

Танд прошел в конец галереи — под арку. Кармода двинулся за ним. Танд смотрел на проход в каменной стене.

— Лефтин или те, кто нанял его, нашли один из наших подземных ходов, — сказал Танд. — Этого нужно было ожидать. Интересно, давно ли они знают о нем?

— Не попытаются ли они снова проникнуть сюда, когда поймут, что покушение на Месса не удалось?

— Я сомневаюсь в этом. Если бы они пустили сюда одного человека, самого умного из всех. Если бы они пошли в большем количестве, то неминуемо подняли бы тревогу. А теперь они знают: мы поняли, что туннель им известен, и мы не дадим им возможности пройти по нему снова.

Танд решил проверить все остальные туннели. Кармода подошел к Мессу, который снова пригласил его в свои покои. Месс достал из ящика стола катушку с лентой.

— Я продикировал это час назад. Последняя глава Книги Света. Я сам не знаю, о чем там говорится, так как мне диктовала Мать, а я был только ее голосом. — Он подал катушку Кармоду. — Возьми ее и сохрани. Когда Ночь кончится, ты увидишь, что там предсказаны все грядущие события во всех деталях.

— Как ты можешь говорить это, если ты ничего не помнишь?

— Я знаю! — засмеялся Месс.

Кармода сунул катушку в карман.

— Почему ты даешь это мне? Ты думаешь, что с тобой что-то случится?

— Я знаю только то, что ты должен взять последнюю главу. Ты обещаешь опубликовать ее?

— Ты понимаешь, о чем просишь? Я священник церкви, которой угрожает твоя религия! Почему я должен публиковать эту главу?

— Потому, что только тебе можно доверить это. Это все, что я могу сказать.

— Я ничего не могу обещать без предварительных консультаций с главой своей церкви. Он несомненно захочет прослу-

шать все сам и только после этого вынесет свое суждение. Я не знаю, каким оно будет.

— Я согласен, только обещай, что сначала ты прослушаешь пленку сам. Потом ты можешь действовать так, как сочтешь нужным.

— Хорошо. Теперь я хочу побыть один. Единственное место, где это можно сделать, крыша замка. Как мне туда пройти?

Месс указал ему путь, потом обнял Кармоду и поцеловал его.

— Ты — Отец, — прошептал он.

— В известном смысле, да, — ответил Кармода. — Но интересно, что показали бы научные исследования, сравнение клеток, состава крови? Скажи, ты не чувствуешь себя ужасно одиноким? Тебе не кажется, что ты сделал ужасную ошибку, заставив всех пройти через Ночь?

— Я один, но не одинок. Не принимай выражение любви к тебе как крик о помощи или слабость. Меня может понять только другой Месс или — тебе это может показаться странным — Алгул.

Кармода смотрел на него и восхищался величием этого обнаженного бога. Он думал о том, что само существование Месса — загадка. Только чудо или какие-то сверхъестественные силы могли создать его.

Именно это и было основным фактором, способствующим распространению боситизма. Именно это и делало его опасным для всех остальных религий. И не только на Земле.

Когда лифт доставил Кармоду на крышу, тот застыл в изумлении. Подсознательно он полагал, что это будет крыша, как на всех домах Федерации — плоская и приспособленная для посадки воздушных автомобилей. Но он забыл, что находится на Радости Данте, на крыше замка Боситы... Перед ним, под ним, за ним — везде громоздились каменные изваяния.

Это был лабиринт из жутких искривленных мраморных фигур, изваянных каким-то сумасшедшим титаном. Они были похожи на застывшие волны мраморного моря.

Несмотря на то что с первого взгляда этот жуткий каменный лес казался непроходимым, между фигурами оставались промежутки, тропинки, улицы, по которым Кармода осторожно двинулся вперед.

Длинноносые, горбатые существа, с плоскими хвостами, щупальцами, когтями, клыками застыли в невероятных позах, хватая друг друга, вонзая в тела соседей и в свои тела собственные клыки и когти. Многие сплетались в свирепой битве и в не менее свирепом совокуплении — хотя они были совсем непохожими друг на друга.

Кармода наклонился, чтобы пройти под жуткой вытянутой

головой очередного страшилища. Клыки задели его за плащ. Теперь перед ним открывались сцены охоты чудовищ друг на друга. Неведомый скульптор вложил столько жизни в этих страшилищ, что Кармода совсем забыл, что это всего лишь неодушевленный камень. Однако, несмотря на свирепость, эти чудовища казались более разумными, чем те, с которыми Кармода столкнулся, выйдя на крышу.

Осторожно пробравшись между ними, Кармода наткнулся на группу одиночных статуй — прежних Мессов и Алгулов. Вместо глаз у них были драгоценные камни, причем, казалось, что они следят за Кармодой, куда бы он ни двинулся. Один из Алгулов бросил на священника такой злобный взгляд, что он содрогнулся.

Он поспешил пройти мимо, чтобы подойти к статуе Месса. Но и здесь он ужаснулся, так как узнал того самого Месса, которого убил много лет назад. Но теперь ему уже не казалось, что это было давно. Теперь казалось, что это произошло только что. Месс держал в руке наполовину съеденную свечу. Кровавая рана сияла на лбу Бога, одно ухо было отстрелено пулей. Кармода изо всех сил старался не смотреть на того, кого он убил когда-то, чтобы возвеличиться над всеми.

Он взглянул на раскинувшийся внизу город Рак. Везде горели огромные костры. И туман над городом был таким же, как когда-то — пурпурным и клубящимся. Клубки змей, щупальца гигантских осьминогов, страшные, искаженные лица возникали в этом тумане, расплывались, чтобы возродиться в новых, не менее страшных обличьях. Кармода знал, что огни горят в новых пригородах, окружающих старое каменное сердце города. Деревянные дома пылали, вонзая пурпурные языки пламени в пурпурный туман. Погорельцы умерли, спасая свои жизни и души.

Откуда-то снизу донеслись крики, перемежающиеся звуками выстрелов. Это началась схватка между алгулистами, осаждающими замок. Солнце послало свою бешеную вспышку на планету, и Кармода ощутил ее. Как будто солнце набросило на него петлю и затянуло ее двумя могучими руками. Кармода весь напрягся, чтобы устоять, выдержать это бешеное давление.

— Джон Кармода! — прозвучал голос, далекий, но отчетливый. — Воплощение зла Джон Кармода!

Это был голос миссис Фратт.

Кармода посмотрел направо, как будто ожидая увидеть ее там. Но на крыше никого не было.

— Кармода! Верни мне сына! Верни глаза!

Он задрожал, ожидая, что сейчас старуха материализуется перед ним из воздуха, как это было с Мэри. Но воздух не сгустился, только зловеще подрагивал.

— Ты убийца, Джон Кармода! Ты начал, как убийца, и умрешь, как убийца! — снова простонал голос.

— Миссис Фратт! — громко сказал он и умолк, не зная, что ей сказать.

Он покинул крышу и спустился на лифте туда, где погиб Лефтин.

Все сидели вокруг большого круглого стола, которого раньше там не было.

Кармода попросил у Месса разрешения говорить и рассказал всем о голосе.

— Ты, вероятно, чувствуешь свою вину перед ней, — сказал Месс. — Ты знаешь, что должен был попытаться отговорить ее от мести, но твои старые инстинкты тебя подвели.

— Я не мог убедить ее, — сказал священник. — Она была не одна. Абду настаивал на пытках, и если бы она отказалась, он сделал бы это сам.

— Если бы ты в это верил, то бы не слышал ее сейчас.

— Я не святой! — крикнул Кармода.

Мужчины и женщины сидели, не сводя глаз с кубков вина и кусков кекса, символизирующих семь Отцов. Жрецы и жрицы, сидящие на одной стороне стола, тоже молчали или приглушенно переговаривались между собой.

Наконец Танд поднял голову и заговорил:

— Не отчаивайся, Джон. Каждый из нас, прошедший через много Ночей, испытывал то же самое. Мы называем это "остаточный грех". Можно пройти через много Ночей и полностью не очиститься. Я говорю это не для того, чтобы напугать тебя. Я просто хочу, чтобы ты знал, что тебя ждет.

Он замолчал и улыбнулся:

— Но есть случаи, правда чрезвычайно редкие, которые мы называем "обратным преобразованием". Наиболее известен случай с Руурго. Он был одним из Отцов предыдущего Месса. Во время седьмой Ночи правления Месса Руурго переключился. Никто не знает, как и почему, но он стал алгулистом. И он почти добился, чтобы родился новый Алгул, но его вовремя убили. Буквально в последний момент.

— Значит, мы никогда не будем в безопасности? — спросил Кармода.

— Каждый вздох жизни рождает и добро и зло, — сказал Месс. — Они сопровождают человека всегда. Избавиться от зла невозможно.

— А может Месс стать Алгулом? — поинтересовался Кармода.

— Никогда, — ответил Месс. — Но сыновья Боситы, хотя они и смертны, не умирают никогда.

Ночь шла. Кармода пытался рассортировать свои впечатления о Мессе, но безуспешно. Как мог Месс, Бог добра, настаивать на уничтожении большей части народа? Его оторвали от размышлений слова Жрицы, которая обратилась к Мессу:

— Сын Боситы, алгулисты концентрируют силы перед замком. Они готовятся к нападению.

Месс кивнул и пошел к столу, на котором стоял канделябр в форме свернувшейся в кольца змеи. Свеча, которая должна была быть в нем, исчезла. Много лет назад Кармода полностью уничтожил тело Месса с помощью панпирина. От тела не осталось ничего, кроме горсточка пепла. Этот пепел был смешан с воском божественных птиц, и нынешний Месс съел эти маюсенские свечи в прошлые Ночи.

Глядя на пустой канделябр, Кармода почувствовал себя виновным. Он знал, что карренцы верят в то, что их Бог получает божественные силы, съедая пепел старого Месса, а Кармода лишил нового Месса этой возможности. Однако он не услышал ни слова осуждения.

Месс стоял у стола, касаясь рукой канделябра, как бы пытаясь с помощью ассоциаций возобновить в себе божественное начало. Он поднял голову, закрыл глаза и начал петь.

Он пел на старинном языке, который знали только Боги Каррена.

Танд взял одну руку Кармоды, жрец взял другую. Все держались за руки, за исключением Месса. Они стояли плечо к плечу, образуя полумесяц, между рогами которого стоял Месс. Месс пел, и Кармода чувствовал, что через его тело как бы пробегает слабый электрический ток. Голос Месса становился все громче и громче; фразы все длиннее и длиннее. Холодное покалывание становилось все сильнее, заставляя Кармоду вздрагивать: казалось, факелы на стенах начали мигать в такт песни. Однако Кармода сосредоточил свое внимание на одном из факелов, горевшем ровно, без вспышек. Воздух под потолком комнаты начал сгущаться. Появились светло-пурпурные и темно-пурпурные пятна, которые смешивались между собой, формируя загадочные образы. В комнате вдруг стало холодно, как будто тепло было вытеснено чем-то угрожающим, пронзительно холодным.

Пот бежал по телу Кармоды. Ледяной холод, статический заряд и ощущение страха становились все сильнее. Сердце его опустилось вниз, ноги тряслись. Он чувствовал, что стены дрожат от напряжения. Их как будто выталкивает наружу поток холодного света, того света, который не только слепил глаза, но и проникал в самые глубины его души. И то, что он назвал душой, уже не могло выносить той ледяной люминисценции, которая переполняла его существо.

— Держись! — прошептал ему Танд. — Я тоже чувствую все это. Ты должен устоять. Если ты не выдержишь, то мы погибли! И ты, и мы! Босита не прощает слабости!

Двери распахнулись, и в комнату ворвалась толпа карренцев. Большинство из них было в обычном виде, но некоторые уже претерпели метаморфозу. Их предводитель, человек, которого Кармода не смог узнать, держал в руке огромный меч, окрашенный кровью. Над верхней губой у него виднелись два клыка, а нос вытянулся, кожа на нем затвердела, и он стал похож на хищный клюв. Он вскинул меч над головой и открыл рот, чтобы крикнуть. Но внезапно он и все остальные, что были с ним, замерли. Рука его остановилась, меч выпал из нее и зазвенел на каменном полу.

Месс продолжал петь. Те, что составляли полумесяц, взявшись за руки, пошли вперед к неподвижным людям, взяли их оружие и бесстрастно убили их всех. Один Кармода не принял участия в этой резне, преодолев желание убивать.

Месс прекратил пение. Медленно, нестерпимо медленно исчезало ощущение присутствия Богини.

Месс осмотрел тела и покачал головой.

— Здесь нет Рилга и Абога. Они должны ждать возле замка, когда соберутся семь Отцов. Отцов Алгула. Они послали этих несчастных, чтобы проверить настроение Матери. Сейчас она отдала предпочтение нам. Но они надеются, что в следующий раз она позволит им убить меня. Тогда, и только тогда может быть зачат и рожден новый Алгул.

Кармода вышел из комнаты и снова поднялся на крышу. Здесь он стал молиться, так как звезды, которые смотрели на него с неба сквозь клубящийся туман, были совсем не похожи на те звезды, которые создал его Бог. Он не мог преодолеть отчаяния, охватившего его. Разве это возможно, чтобы был не один Бог? Разве возможно, чтобы существовало множество Создателей?

Может, прав Месс? Существуют местные Спасители и существует один Сверхспаситель. Как только придет Сверхспаситель, остальные Спасители должны уйти. Но это не означает, что религия Кармоды фальшива. Она также истинна, как истинно то, что она должна уйти. Сейчас наступил момент, когда еще один кусочек правды добавился к бесконечной головоломке Вселенной.

— Помоги мне в моих сомнениях! — крикнул он.

Пурпурный туман прорезала падающая звезда. Где-то в неизмеримой дали расхохоталось что-то невообразимо громадное.

Он не обратил внимания ни на хохот, ни на звезду. Он видел много метеоритов в карренском небе и считал простым совпа-

дением то, что в момент падения звезды где-то расхохоталось чудовище, монстр, создание Ночи.

Нет, это не тот сигнал, которого он ждал. Ответа не было.

Внезапно внизу раздался крики и послышались выстрелы. Кармода повернулся и бросился к лифту. Он начал спускаться, но снизу, в пол кабины, тоже начали стрелять. Кармода сжался и выпрыгнул из кабины на проплывающий мимо этаж. Снизу слышались выстрелы, крики и странный грохот.

Кармода осторожно заглянул в шахту лифта и увидел на дне разбитую кабину. Несколько человек были раздавлены ею. Руки и ноги торчали из искореженных останков кабины.

Где-то в другом месте началась стрельба. Значит, Месс и его сторонники были еще живы, хотя и не все. Может, алгулистов еще можно выбить из замка? Он бросился туда, откуда слышались выстрелы, но толстые стены замка мешали ориентироваться. Он решил идти более осторожно. Вскоре до него донеслись звуки битвы. В конце коридора он нашел Танда и нескольких жрецов, которые вели перестрелку с алгулистами. Враг вел огонь вслепую, высовывая дула пистолетов и автоматов из-за угла.

Подбежав к Танду, Кармода спросил:

— Как ты думаешь, у них есть лазеры?

— Если бы были, они пустили бы их в ход.

— Где Месс?

— В своих покоях, — Танд взглянул на часы. — Ночь скоро кончится. — Он колебался. — Я не понимаю...

— Что именно?

— Как они могут быть столь сильны в Доме Боситы? Ведь это святотатство. Когда кончится Ночь, они окажутся здесь, как крысы в ловушке.

Внизу раздался взрыв. Защитники оказались отброшены назад взрывной волной и дымом. Раздались крики, и сквозь дым вперед бросились алгулисты. Схватка была короткой и жестокой. Все защитники Месса были убиты. В живых остались только Танд, Кармода и три жреца. Они бросились по лестнице на следующий этаж и заняли новые позиции. Две самонаводящиеся гранаты упали рядом, испуская едкий зеленоватый дым.

Танд швырнул в них гранаты и взрывной волной сбросил вниз. Сразу же после этого он приказал Кармоде и жрецам отступать дальше.

Появился Месс с двадцатью восьмью жрецами и жрицами.

— Врагов слишком много, — сказал он. — Они наступают со всех сторон. Нам нужно укрепиться на крыше.

— А флайеры? — сказал Кармода. — Разве мы сможем отбить их атаки?

— Я думаю, что все флайеры, как и лазеры, сломаны.

Месс вел своих приверженцев не торопясь и с достоинством. Кармода, вспотевший и ожидавший каждую секунду нападения сзади, очень хотел, чтобы Бог поторопился.

Добравшись до крыши, они стали со всех сторон лестницы строить баррикады. Месс расхаживал среди жутких изваяний, а остальные работали. Месс то и дело поглядывал на клубы тумана. Они уже начали светлеть, и сквозь них был виден молочно-белый шар солнца.

— Скоро появится Босита, — сказал Танд Кармод. — Тогда мы спустимся вниз и посмотрим, что осталось от нашего мира.

Месс остановился. Глаза его были направлены в небо, но голова была слегка наклонена, как будто он слушал кого-то.

— Мать здесь!

Черты его лица исказились гримасой:

— Я еще не звал ее! Но она пришла!

Остальные молчали. Один из жрецов, бледный, как смерть, поманил всех к себе. Где-то далеко внизу раздалось пение, слабое, еле слышное. Слов было не разобрать, но было ясно, что это песнь торжества.

— Они славят рождение Алгула, — сказал Танд. Он посмотрел на Месса. — Но ведь это невозможно. Ты жив еще!

— Успокойся и слушай, — сказал Месс.

Пение прекратилось. Снизу не доносилось ни звука. В городе тоже было тихо. Танд открыл рот, чтобы спросить что-то, но тут же закрыл его, повинувшись жесту Месса. Прошло несколько минут, в течение которых Кармода пытался понять, к чему прислушивается Месс.

Вскоре он получил ответ. Сначала еле слышно, затем все громче и громче закричал ребенок.

Месс медленно выдохнул:

— Аааах!

Послышался мужской голос, голос карренца:

— Слушай, павший Бог, и вы, кто служит ему! Слушайте! Новорожденный сын Боситы, Алгул, возвещает ваш конец! Слушайте!

Месс крикнул:

— Встань так, чтобы мы могли видеть тебя! Дай мне увидеть своего брата!

Послышался хохот. Алгулист крикнул:

— Ты думаешь, я дурак? Ты убьешь меня и, что еще хуже, убьешь ребенка!

— Голос Абога! — крикнул Танд. Он закричал: — Абог! Ты воплощение зла! Где ваш предводитель Рилг?

— Я убил его во время штурма. Этот идиот мертв, и теперь

я предводитель Отцов, которые остались живы!

Послышался смех и плач ребенка, который вскоре стих.

Все бывшие на крыше повернулись к Мессу. Лицо его было бледно, как восходящее солнце. Он сказал:

— Впервые получилось так, что я и мой брат Алгул живем одновременно. — Он обратился к Кармоду: — Это был роковой день, когда ты, Отец, пришел в наш мир. Ты был первым землянином, прошедшим через Ночь. Ты был первым землянином, ставшим Отцом. И с тех пор течение жизни на Каррене изменилось. Ночь кончилась, но борьба будет продолжаться. Она должна была бы кончиться с окончанием Ночи, и на следующие семь лет все было бы ясно. Но теперь родился он, мой брат, Бог Зла. И я жив!

— Сын Боситы, — сказал Танд, — что нам делать теперь?

Месс повернулся и медленно пошел прочь. Кармода последовал за ним.

— Сын, что мы можем сделать? Что должен сделать я?

Месс остановился и взглянул на него.

— Может, ты и твоя церковь выиграли свою битву, как выиграл ее Алгул. Нас мало, и мы не можем оставаться на крыше.

— Почему ты думаешь, что их больше, чем нас?

— Посмотри вниз, — сказал Месс.

Кармода перегнулся через парапет. Он ахнул, увидев тысячи мужчин и женщин и даже детей. Он слышал их крики, переходящие в пение.

— Где мои сторонники? — спросил Месс.

— Не теряй надежды, — ответил Кармода.

Он достал из кармана маленькую коробочку, нажал кнопку и начал говорить. Сначала ответа не было. Затем из приемника раздался голос. Кармода взглянул на небо. Солнце отражалось в огромной металлической полусфере, опускающейся в порт, расположенный в двадцати километрах от столицы.

— Это "Аргус", — сказал Кармода. — Исследовательский корабль Федерации. Он был на орбите и все сотрудники спали, пока была Ночь. Теперь они будут исследовать последствия Ночи. Они помогут нам бежать отсюда.

Корабль завис над замком. Через минуту его огромное тело появилось над крышей. Открылся люк, и оттуда выскользнула гравитационная кабина. Вскоре Кармода, Месс, Танд и жрецы оказались на борту "Аргуса".

А еще через час корабль опустился на далеком западном побережье континента.

Джон Кармода попрощался с Мессом, когда он и его сторонники покидали корабль.

— Я продолжу борьбу здесь, — сказал Месс. — Это место далеко от Алгула, и у меня будет время собрать силы до того, как он обнаружит, куда я скрылся, и пошлет своих убийц.

— Я бы остался с тобой, — сказал священник. — Но я должен доложить обо всем в Риме, а затем должен ехать туда, куда меня пошлют.

— И что ты доложишь? — улыбнулся Месс.

— Только правду. Вернее то, что я видел и слышал, а это только одна сторона правды. Но я должен тебе сказать, что собираюсь изложить честно и беспристрастно свое мнение, которое состоит в том, что боситизм вовсе не то, чем он себя считает. Это — не высшая религия, призванная заменить все остальное. Она не вытеснит мою церковь. Конечно, боситизм может привлечь много сторонников, но он не является истинной, универсальной верой.

— Почему ты так решил? — спросил Месс с прежней улыбкой.

— Разве может истинный Бог потерпеть поражение от сил зла? И разве может добрый Бог совершить такое злодеяние, заставив всех пережить ужасы Ночи?

— Я — сын Создательницы, — ответил Месс. — Как ваш Христос — сын Создателя. И я не более всемогущ и безгрешен, чем был ваш Христос в своей земной ипостаси. Помнишь, как ваш Христос отругал человека, назвавшего его добрым. Он сказал, что добрый не он, только Бог добрый. Я не Мать Босита, я только ее правая рука, любимая рука. Я верю, что победа придет ко мне. Может, не скоро, но придет. И не только здесь, но и на всех других планетах Вселенной. Мать позволила в этот раз победить Алгулу по своим собственным соображениям, которых мне не понять. Но я разгадаю ее намерения. Она, разумеется, не может быть безразлична к будущему. Ты не думай, что, раз карренская цивилизация рухнула и зло завоевало планету, боситизм надолго исчезнет из Галактики. Могут произойти удивительные превращения и довольно быстро, гораздо быстрее, чем ты можешь вообразить. Ведь в вашей собственной истории не раз были случаи, что порабощенные народы довольно быстро, в течение нескольких лет, оправлялись от поражения и уничтожали своих завоевателей. — Он показал на карман Кармоды. — Ты слушал последнюю главу Книги Света?

— Нет. Я ее прослушаю по пути на Землю.

— Сам не знаю, почему, но я не прослушал ее. Впрочем, у меня еще будет время. Босита посмеялась над тобой, Отец. Может, мы еще встретимся при более благоприятных условиях. Я люблю тебя.

Месс обнял Кармоду и разрыдался. Кармода почувствовал,

как слезы жгут ему глаза. Он тоже поцеловал Месса.

— Бог с тобой, сын мой.

Месс пошел прочь. Маленькая желтая птица с черными кругами вокруг глаз описала вокруг него дугу и пропела семь протяжных нот. Месс шел, не оглядываясь на Кармоду. Люк корабля закрылся. Священник поспешил на свое место, так как прозвучал сигнал взлета.

Он вставил катушку в аппарат, надел наушники и начал слушать.

Через час запись кончилась. Дрожащими руками Кармоды зажег сигарету.

С мельчайшими подробностями, с именами, с указанием точного времени Месс описал все, что произошло. Все было здесь: и первый штурм, и первое поражение алгулистов. И второй штурм, и беспрецедентное рождение Алгула. И убийство Абогом Рилга, появление "Аргуса". (Месс предугадал точное время прибытия и точное название корабля, полет на западное побережье.)

Затем во впечатляющих апокалиптических красках Месс описал возрождение боситизма из пепла Ночи и его триумфальное шествие по всем планетам. Везде воздвигались замки Боситы и рушились замки старых богов.

Глава заканчивалась так:

"Слушай, Босита! Твоя левая рука больше никогда не возьмет верх над правой рукой!"

Значило ли это, что Алгул потерпит поражение от Месса? Или Месс от Алгула? Или — эта ужасная мысль заставила содрогнуться Кармоду — они объединят свои силы, чтобы завоевать Вселенную?

Кармоды положил катушку в карман. Сначала он хотел уничтожить ее, но затем передумал: нужно показать ее Святым Отцам. Пусть решают — публиковать ее или уничтожить.

Но если они решат сохранить ее в тайне, значит, у них есть основания бояться ее? А если бояться, значит — сознательно или бессознательно — они верят, что в ней заключается истина?

Он страстно желал, чтобы они не боялись этой Книги Света.

После долгих размышлений он забылся в беспокойном сне. Голос разбудил его. Он встрепнулся, решив, что это голос миссис Фратт. Тот самый, что угас в глубинах Ночи. Неужели она вернулась, чтобы мучить его? А может, это сама Богиня говорит с ним голосом миссис Фратт.

Нет. Это был его собственный голос. Это говорил он сам, возвращаясь из глубин сна.

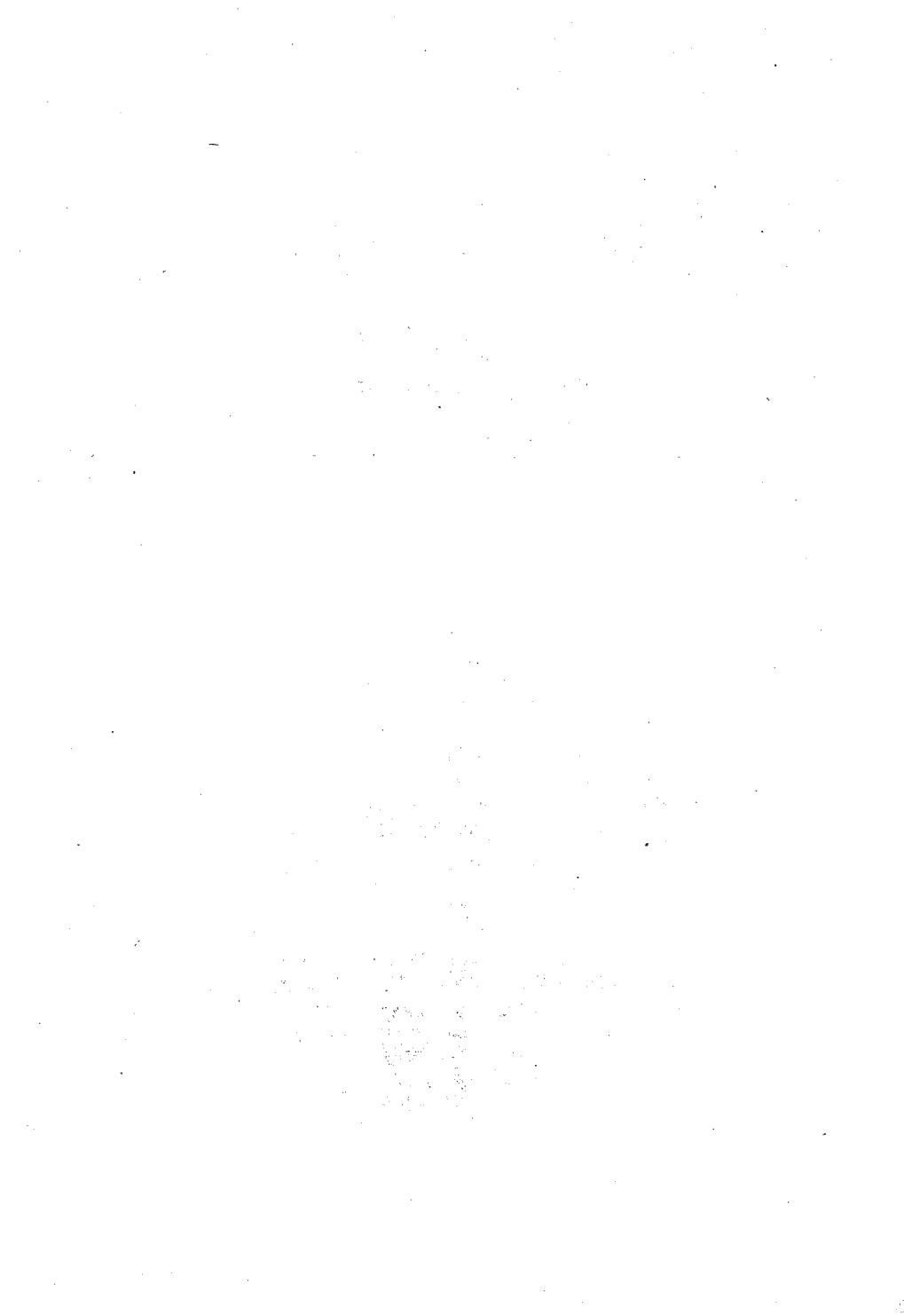
— Что же создадут эти Бодрствующие мечтатели? Что-нибудь невообразимо доброе или что-то ужасающе злое?

Как мог он, видевший все, не поверить во всемогущество Боситы? Как мог он считать, что только благодаря случайному совпадению он стал первым инопланетным отцом карренского бога Месса, того самого Месса, который сказал, что он, Кармода, открыл новый путь поклонения Великой Матери, и этот путь ведет во Вселенную.

Как он мог поверить, что только по чистой случайности пророческая Книга, написанная ее сыном, попала именно в его руки, и он стал тем инструментом, которому суждено ознакомить с ней мир? Почему именно ему суждено было стать свидетелем этих событий?

Может, то, что он принял сан Церкви, тоже было устроено Боситой? Может, это она укрепила его в христианской вере, за которую он боролся столько лет — только для того, чтобы теперь сыграть роль Иуды?

— Всемогущий Отче! — взмолился он. — Ты знаешь, почему все происходит! Помоги мне, потому что я ничего не понимаю! Я видел столько великого, что я не могу сопротивляться ему. Ответь мне! Именно теперь я больше всего нуждаюсь в твоей помощи!

ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИСМАЗЛЯ

роман

Выжил только один человек.

Огромный раненый белый кит уходил под воду, и китобойное судно, охотившееся за этим китом, не сумев освободиться от запутавшегося каната, погружалось в воду. Китобой начал свое последнее путешествие. Последний раз мелькнули верхушки мачт, и вот уже океан сомкнулся над кораблем, как делал это уже миллионы лет. И только один человек сумел спрыгнуть с корабля, но и тот знал, что скоро он присоединится к своим погибшим товарищам.

На поверхности воды забулькали пузыри – последний вздох с тонущего корабля выбрался на поверхность. И вместе с воздухом к нему взлетел древний саркофаг. Он шлепнулся на воду, подпрыгнул еще раз и плавно закачался. Этот саркофаг принес спасшемуся маленькую надежду.

Вместе с саркофагом его весь день и всю ночь носило по мягкому ласковому морю. На второй день его подобрал китобой "Рашель", который разыскивал пропавшую лодку с людьми.

Капитан нашел историю, которую рассказал Исмаэль, очень странной, хотя и он слышал много разных историй. Но ему некогда было удивляться. Время поджимало, нужно было искать людей с лодки, и снова "Рашель" пустилась в плавание, ища китобойный вельбот, на котором ушел сын капитана. Прошел день, на море опустилась ночь, и на мачтах зажгли фонари. Взошла полная луна, и сверкающие ее отблески заплесали на поверхности воды.

Саркофаг подняли на борт, и капитан обошел его вокруг, с любопытством разглядывая странные надписи на его боках и слушая рассказ Исмаэля.

– Интересно, что здесь написано? – пробормотал капитан. – И вообще, откуда письменность у дикарей? Может, это молитва одному из их богов? Или письмо кому-то, кто, по мнению дикарей, живет в потустороннем мире? А может, здесь заклинание, и если его произнести, то откроются двери в другое время, в другую эпоху, где мы, христиане, будем чувствовать себя очень неуютно?

Исмаэль потом вспомнил эти слова. Может, капитан сумел бессознательно проникнуть в самые заветные глубины истины? Может, эти загадочные письма действовали действительно содержали ключ к тумблерам времени?

Но сейчас у Исмаэля не было времени размышлять. Капитан Гарднер, учитывая то, что Исмаэль много пережил, позволил ему поспать остаток дня и полночи. Затем его разбудили и послали на мачту следить за морем. Он обязан был отработать свой проезд и еду. Исмаэль лучом фонаря обшаривал море вокруг корабля. На море был полный штиль, поэтому спустили шлюпки, которые на канатах поволокли корабль.

Слышались только шум от весел, отдельные ругательства матросов и команды офицера. Воздух казался таким же темным, как море. Он плотным серебряным покрывалом лежал на корабле. По безоблачному небу с трудом пробиравась полная луна.

Внезапно волосы на голове у Исмаэля поднялись. Но он уже привык к страху и быстро справился с ним и на этот раз. Над верхушками мачт заплесали призрачные огни.

— Огни Святого Эльма! — крикнул кто-то.

Исмаэль вспомнил свой корабль и подумал: "Неужели "Рашель" тоже обречена, неужели он был спасен только для того, чтобы погибнуть?"

Гребцы, завидев огненные свечи, бросили гребти, но офицеры грубыми окриками заставили их вернуться к работе. Через некоторое время до Исмаэля донесся голос капитана.

— Исмаэль! — крикнул капитан. — Ну, ты не увидел пропавшую лодку?

— Нет, капитан Гарднер, — ответил Исмаэль. И от звуков этого голоса заколебались призрачные огни на мачтах. — Я не вижу ничего!

И вдруг он крепко схватился за мачту. Что-то в воде двигалось. Длинное, черное. Он даже подумал, что это лодка, уплывшая на целую милю от корабля. Но он не сообщил об этом, так как не хотел вселять в капитана напрасную надежду, и решил прежде убедиться в том, что это именно лодка. Через тридцать секунд черный предмет удлинился. Он разрезал воду серебряной спиной. Теперь он стал похож на морскую змею, такую длинную и большую, что Исмаэль подумал, что видит одно из тех морских чудовищ, о которых он столько слышал, но никогда не видел. Может, это щупальца громадного осьминога, который по неизвестным причинам решил всплыть наверх?

Но черное змееподобное существо неожиданно исчезло. Исмаэль протер глаза. Возможно, его утомила трехдневная охота за белым китом, а может, он потерял рассудок после гибели корабля и полуторасуточного плавания в саркофаге.

Но вот раздался крик:

— Морская змея!

Закричали и другие матросы, даже те, кто был на лодках и не мог видеть так далеко, как матросы на мачтах.

Со всех четырех сторон к кораблю скользили, извиваясь, длинные тонкие черные существа, изредка скрываясь в черно-серебряной воде. Казалось, их единственной целью было ткнуться острым носом о борт корабля и исчезнуть, испариться. Сначала их было немного, затем все больше и больше. И вот уже сотни существ окружили корабль.

— Что это? — крикнул капитан Гарднер.

— Я не знаю, капитан, но они, по-видимому, не интересуются нами, — ответил офицер с лодки.

— Они мешают вам грести?

— Только в том смысле, что матросы не могут сосредоточиться на своей работе.

— Пусть думают о чем угодно! — крикнул капитан, — но помнят, что их спины принадлежат мне! За весла, ребята! Кто бы они ни были, они ничем не могут повредить нам!

— Да, да, сэр, — ответил офицер, хотя и не очень уверенно. — Матросы, вы слышали капитана? Работайте! Не обращайтесь внимания на мираж! Отображение того, что не существует или настолько далеко от нас, что ничем повредить нам не может!

Снова в спокойном воздухе послышались удары весел о воду и хриплые крики матросов. Но теперь змеевидные существа начали кружиться, будто старались ухватить себя за хвост. Они кружились все быстрее и быстрее.

И огни Святого Эльма на мачтах стали разгораться ярче. Это уже были не фантомы, а настоящее пламя с жарким дыханием.

Исмаэль попятился подальше от огня, прижался к поручням и стал смотреть вперед, побаиваясь взглянуть на пламя.

Вдруг внизу на палубе раздался крик, и один из матросов прыгнул в люк, когда столб пламени высотой в два человеческих роста вспыхнул возле него.

В то же время над головами змеевидных существ тоже вспыхнули огни Святого Эльма. Теперь они стали похожи на змеевидных доисторических китов, дальних предков тех китов, что сейчас населяют океаны Земли. Казалось, что они изрыгают из пасти пламя.

Исмаэль посмотрел по сторонам и увидел, что огненные языки на мачтах шевелятся и, танцуя, начали приближаться к нему.

Исмаэль схватился за поручни и крепко зажмурил глаза.

— Боже, спаси нас! — раздался крик капитана. — Море ожило и корабль в огне!

Исмаэль боялся открыть глаза, но не хотел остаться в неве-

дении. Он открыл глаза и увидел, что море буквально бурлит от кружащихся черных змей, над головой каждой из которых пылает факел. Сам корабль тоже был окружен огненными кругами. Огненные круги танцевали менуэт над самой головой Исмаэля.

Черные змеи, продолжая свой бешеный танец, образовали подвижную черную паутину. Освещенное тысячами маленьких факелов от крутящихся повсюду змей, море казалось похожим на огромное растрескавшееся зеркало.

У Исмаэля возникло ощущение, что треснул мир и его обломки сейчас посыплются ему на голову.

Это было жуткое ощущение. Оно даже заставило Исмаэля читать молитву, хотя даже события трех ужасных последних дней не вызывали у него потребности молиться.

Огни исчезли.

Черная паутина исчезла.

Наступила абсолютная тишина.

Никто не осмеливался нарушить ее даже вздохом. Все боялись привлечь к себе внимание этих непонятных сил, которые только что были тут. Они могли принести нечто большее, чем просто смерть.

С запада подул ветер, наполняя паруса. Но они тут же опали, когда порыв ветра угас.

Снова тишина.

Тишина и агония ожидания, которая постепенно перешла в тонкую нить предчувствия.

Что сейчас будет?

Исмаэль подумал, неужели он променял ужасный, но быстрый конец матросов "Поко" на нечто невообразимо жуткое? Нечто такое, что Бог, конечно, мог вообразить, но обязан был бы в ужасе выкинуть из головы?

То, что случилось затем, Исмаэль впоследствии не мог ясно припомнить. В тот ужасный момент он даже не понял, что что-то произошло.

С шорохом, не более громким, чем поступь привидения, море исчезло. Ночь сменилась днем.

"Рашель" начала крениться.

Исмаэль слишком испугался, чтобы крикнуть. Может, он и кричал, но он был так парализован, что не мог услышать собственного крика.

Падая, "Рашель" быстро перевернулась: мачты и паруса перевесили массу корабля. Как выпущенный из пращи, Исмаэль свалился с мачты и полетел в стороне от корабля сквозь свистящий воздух. Он болтал руками и ногами, как бы стараясь плыть.

Луна была в небе, хотя ее спутница ночь исчезла. Зато луна казалась огромной, раза в три-четыре больше, чем обычно.

Солнце находилось в зените. Это был распухший багровый шар.

Небо было темно-голубым.

Воздух свистел в ушах Исмаэля.

И вдруг Исмаэль увидел странную конструкцию, плывущую по воздуху.

У него не было времени рассмотреть ее, но он успел понять, что она создана разумом.

Исмаэль даже успел рассмотреть какие-то существа, бегающие по палубе. Но затем "Рашель" грот-мачтой вонзилась в воздушный корабль, и тот развалился пополам.

Исмаэль посмотрел вниз и увидел нечто, что показалось ему вершиной горы, изрезанной трещинами и расщелинами. Судя по всему, высота этой горы достигала нескольких миль. Он упал на Это и не разбился, а проскочил через что-то похожее на тонкую пленку.

Он летел вниз, прорываясь сквозь новые и новые слои пленки, и скорость его падения постепенно замедлялась.

Вдоль него скользнуло нечто вроде веревки. Он схватился за нее, но руки его обожгло трением, и он отпустил веревку, вскрикнув от боли. Внезапно он ударился о что-то твердое, что взорвалось от его удара, как воздушный шар, и едкий газ заставил его закашляться. Из глаз полились слезы.

Ничего не видя, Исмаэль снова схватился за что-то. Резкий рывок чуть не заставил его выпустить это, но он удержался. Наконец он смог открыть глаза, которые все еще нестерпимо жгло, и увидел, что все еще падает, правда медленно, держась за конец какой-то веревки, которая была прикреплена к шару. Шар этот мог быть и растением, и животным, или смесью того и другого.

Он все еще прорывался через пленки. Исмаэль понял, что попал внутрь чего-то, что было наполнено шарами разного диаметра. И эти шары поддерживали в воздухе это существо или черт знает что это такое.

Последняя пленка прорвалась под ногами Исмаэля так неохотно, что он даже подумал, что ее придется прорывать силой. Он боялся падать дальше вниз, но еще больше боялся оставаться внутри этого непонятного существа.

Он проскочил через образовавшуюся дыру и следом за ним с трудом пролез и пузырь, за который он держался.

Сейчас Исмаэль оказался под этим облакоподобным существом. А под ним самим расстилалось темно-голубое море и джунгли на берегу. "Рашель" упала в это море и разбилась на

сотни кусков, которые лежали на поверхности моря так, как будто оно имело желеобразную консистенцию. Один обломок воздушного корабля упал в море и лежал на расстоянии полумили от места падения "Рашели", а второй обломок ветром отнесло куда-то в джунгли. Исмаэль даже видел, как растительность как бы поглотила этот обломок.

Исмаэль подумал, не разобьется ли он при падении о поверхность моря.

И вдруг он увидел, что он не один в небе. Вдалеке он увидел человеческую фигуру, правда он не мог определить на таком расстоянии ни пола, ни возраста незнакомца. Человек опускался таким же способом, как и он сам: держась за веревку, прикрепленную к пузырю.

Исмаэль почему-то решил, что этот человек не из команды "Рашели".

Он находился ниже, чем Исмаэль. Может быть, он стал падать раньше, а может быть, его пузырь был больше.

Исмаэль взглянул вверх и увидел то облако, через которое он недавно пролетел. В гуще этого облака виднелись дыры, оставленные обломками "Рашели" и неизвестного воздушного корабля.

Через мгновение он ударился ногами о поверхность моря. Сначала он ушел с головой под воду, но моментально выскочил оттуда. Мучительный кашель сотрясал его тело, глаза невыносимо жгло, а та вода, которая попала ему в рот, показалась концентрированной соляной кислотой.

Он обнаружил, что, для того чтобы держаться на воде, ему не нужно делать никаких усилий. Это море оказалось более соленым, чем Мертвое море Палестины или Большое Солнечное озеро в штате Юга. Он мог лежать на спине и смотреть на огромную луну цвета лимбургского сыра и на громадное багровое солнце.

И несмотря на то что вода моря была густо насыщена солями, в море существовало течение. Хотя Исмаэль был потрясен всем происшедшим и не приобрел еще способности анализировать и предполагать, все же он обратил внимание, что волны этого моря больше похожи на волны, которые возникают в земной коре во время землетрясений, чем на морские волны.

Затем эта странная мысль покинула его, и он уснул. Мягко покачивая, медленно, но неотвратно его несло к западу. Он лежал на спине, скрестив руки на груди.

Когда сознание вернулось к нему, солнце сместилось совсем немного, хотя Исмаэль был уверен, что проспал не меньше восьми часов.

Вдруг что-то легонько коснулось его головы и вывело из

состояния сонного забытья. В голове его заметались жуткие мысли об акулах, кружащих вокруг барахтающегося в воде человека.

Он изо всех сил забил руками и ногами по воде, но смог отплыть лишь на пару дюймов. Тогда он повернулся на бок и обнаружил, что столкнулся с саркофагом, который слегка покачивался на воде и, казалось, говорил: "А вот и я опять, твой плавучий гроб. Я тоже остался цел после катастрофы".

С усилием Исмаэль вскарабкался на крышку саркофага, используя выпуклые письмена как опоры. Он лег на живот и начал грести к берегу. Немного погодя он выбился из сил и снова уснул. Когда проснулся, то обнаружил солнце почти на том же самом месте, но луна заметно сдвинулась.

Огромное облако, подобное тому, сквозь которое он пролетел, вырвав один из пузырей, исчезло, но на горизонте появилось еще одно. Оно плыло ниже, чем первое, и когда оно приблизилось, Исмаэль увидел, как стая странных существ с крыльями в виде парусов нападает на это облако.

Хищники были самого разного типа, но он выделил из них одного, наиболее агрессивного, и стал называть этих хищников воздушными акулами. Все это происходило на высоте пять тысяч футов, и он не мог рассмотреть их подробно. Однако в дальнейшем ему представилась возможность познакомиться с ними более близко, чем ему хотелось бы.

Самые маленькие из хищников были около двух футов длины, самые крупные – от восьми до десяти футов. Все они были алого цвета, а головы у них были несоразмерно большими по сравнению с туловищем, имеющим торпедообразную форму. Из щелеобразных пастей торчало несколько рядов острых белых треугольных зубов. Верхняя часть головы вспучивалась, как будто внутричерепное давление стремилось разорвать голову и разбрызгать мозги, если они существуют, на многие метры вокруг. Однако, как Исмаэль узнал позже, в этом бугре на голове находился пузырь, наполненный легким газом. Кроме того, на спине располагались еще два бугра, делавшие хищника похожим на дромадера. Однако вряд ли кто-нибудь рискнул бы сесть между этими двумя буграми и прокатиться.

Когда кто-нибудь из хищников пролетал между Исмаэлем и солнцем, сквозь их прозрачную кожу ему были видны их внутренние органы и тонкие кости скелета.

На конце хвоста у них находились два вертикальных плавника, которые больше напоминали паруса.

Направление движения этих существ зависело от направления ветра, так как двигались они с помощью парусов, но все же могли двигаться и в боковых направлениях, размещая паруса

соответствующим образом. Двойная пара очень длинных крыльев могла медленно поворачиваться почти на триста шестьдесят градусов. Они тоже были скорее парусами, чем крыльями. Эти существа инстинктивно знали, как управлять парусами для совершения тех или иных маневров, чему человеку приходится долго учиться.

Огромное облакоподобное существо, разрываемое на части и съедаемое заживо, если, конечно, оно было живое, медленно проплыло над головой Исмаэля и исчезло на востоке, направляясь к далеким пурпурным горным хребтам.

Исмаэль не знал, почему на первое существо-облако, сквозь которое он пролетел, не напали алые хищники, а второе привлекло только акул. Но он был рад, что хищников не оказалось, когда он появился в этом мире.

Он лежал на спине, и его гроб-лодка медленно покачивалась на волнах тяжелого мертвого моря. Немного погодя он заметил другое облако, только теперь оно было светло-красное, а формы и размеры облака менялись очень быстро. Исмаэль решил, что это настоящее облако. Странное облако. Но почему именно оно странное? Разве весь этот мир не странен? Разумеется, кроме него самого. А с точки зрения этого мира он, Исмаэль, весьма странное существо.

Когда облако пролетало над ним, оттуда показалось нечто похожее на щупальце, псевдоконечность, очень размытая по форме. Щупальце вытянулось по направлению к Исмаэлю, и тот увидел, что оно состоит из отдельных частиц, беспорядочно перемещающихся.

Исмаэль не мог рассмотреть эти частицы в деталях, но заметил, что снизу они имеют форму многогранника, а сверху чем-то похожи на зонтик. "Видимо, он играет роль парашюта", — подумал он.

За этим облаком следовали существа, подобно тому как летучие мыши преследуют облака насекомых или киты гоняются за скоплением планктона — этой основы всей жизни в море.

Аналогия оказалась вполне оправданной, так как огромные существа расправили свои плавники-паруса и врезались в розовое облако, раскрыв широкие пасти. Вероятно, это были громадные воздушные киты.

Они были слишком высоко, чтобы Исмаэль мог рассмотреть их. Но они казались огромными, гораздо больше, чем земные киты. Тела их имели сигарообразную форму, а головы были такими большими, что казались вторым телом. На концах хвостов виднелись громадные вертикальные и горизонтальные плавники.

Ветер унес и розовое облако, и пасущихся в нем гигантов прочь.

Солнце опускалось, но так медленно, что Исмаэль подумал, что раньше наступит конец света, чем солнце уйдет за горизонт.

Становилось жарко. Когда Исмаэль взобрался на саркофаг, он решил, что в этом мире чересчур холодно, когда же он проснулся, то решил, что здесь все-таки немного жарковато.

А сейчас он весь вспотел, во рту пересохло. Воздух был сухой, хотя Исмаэль находился прямо в море. Берег был так далек, что он едва видел его. Исмаэль мог только помогать медленному дрейфу руками. Он начал грести, но тут же выбился из сил. Пот градом стекал по его телу. Исмаэль лег лицом вниз, затем перевернулся на спину. Появилось другое красное облако, сопровождаемое небесными левиафанами.

Он снова попытался грести. Через пятнадцать минут он уже мог различить берег, но хотя это удвоило его силы, скорость движения нисколько не увеличивалась. Шли часы, а солнце, казалось, навеки заснуло в одном положении на небосводе. Исмаэль снова уснул, а когда проснулся, то увидел берег, покрытый растительностью. Но легкие его, казалось, превратились в пыль, а язык стал каменным...

Несмотря на свою слабость, он стал грести к берегу. Он понимал, что если не доберется до берега поскорее, то кончит свою жизнь на крышке саркофага, хотя ему следовало бы забраться внутрь.

Берег оставался таким же далеким, как и раньше. Впрочем, может, это просто казалось ему. Все в этом мире, за исключением воздушных существ, было каким-то болезненно застывшим, неподвижным. Даже само время, казалось, затаило дыхание в ожидании чего-то.

Но и в этом мире гигантского распухшего солнца время могло только задержаться, а не перестать существовать вовсе. Пришел момент, когда морские ленивые волны уложили саркофаг на берег.

Исмаэль соскользнул в воду, она доходила ему до бедер, и с трудом вытащил саркофаг на берег. И тут он почувствовал, что земля содрогается под ним.

Его даже стало мутить от качки.

Он закрыл глаза и, ухватившись за саркофаг, потащил его в джунгли.

Немного погодя, поняв, что земля успокаиваться не собирается, он открыл глаза.

Да, потребовалось много времени, чтобы Земля и растительный мир ее пришли в такое состояние.

Везде были только ползучие растения: на земле и в воздухе.

Они были самых разных размеров: и небольшие, диаметром с его руку, и громадные, в стволе которых мог бы поместиться он сам, если бы там было дупло. Стволы были твердые, пористые, волокнистые, темно-коричневого, бледно-красного или светло-желтого цвета. Некоторые растения достигали двадцати футов высоты. У одних растений стволы были совершенно голыми, у других – росли горизонтальные ветви с громадными листьями. Все они удерживались от падения тем, что цеплялись за соседние стволы, обвиваясь вокруг них. Казалось, что все эти растения требуют поддержки своих соседей.

Исмаэль не смог найти воды, хотя сделал большой круг по джунглям, и вернулся на берег. Земля под ползучими растениями была твердой и сухой, как в пустыне Сахаре.

Он стал рассматривать растения, чтобы понять, как же они добывают влагу, ведь корней у них не было. Он сообразил, что голые стволы и есть корни. Они собирают влагу из атмосферы. Но чем же питаются растения?

Пока он размышлял над этим, послышался шипящий звук. Затем из-за листа выскользнула пара длинных дрожащих антенн и круглая голова с огромными глазами. Судя по форме головы и длинным усам, Исмаэль предполагал увидеть нечто насекомообразное, но существо оказалось двуногим существом. Шея, грудь и две руки походили на обезьяньи. Они были покрыты розовой шерстью, сквозь которую просвечивала бледно-розовая кожа. Ноги существа напоминали медвежьи.

Животное было ростом в два фута. У него был длинный двойной нос, а под ним совершенно человеческие губы.

Исмаэль ощутил некую угрозу. Ведь укусы животного может оказаться ядовитым.

Однако существо не собиралось нападать на него. Оно наклонило голову с вибрирующими антеннами и с тем же шипящим звуком прошло дальше в джунгли.

А затем Исмаэль увидел, как животное присело на ветку и сорвало один бледно-зеленый стручок. Оно вертело стручок в руках, пока не нашло темно-зеленое пятно, более темное, чем остальное тело стручка. Тогда животное надало пальцем на это пятно, и палец провалился внутрь стручка. Затем существо вытащило палец из отверстия и сунуло туда один из своих двух носов. Очевидно, животное пило. После того как стручок опустел, животное оставалось в неподвижности еще так долго, что Исмаэль решил, что оно уснуло. Глаза животного помутнели, и их затянуло пленкой. Исмаэль подумал, что сейчас к нему приблизится без опаски, но тут увидел, как тонкое бледно-зеленое растение подняло свой стебель, который опутал плечо животного и вошел в яремную вену. Растение из бледно-зеленого стало красным.

Немного погодя растение аккуратно извлекло стебель из вены. И тот осторожно соскользнул с плеча животного и исчез в отверстии ствола.

Пленка с глаз животного сошла, оно тихонько шевельнулось. Затем, увидев, что Исмаэль совсем рядом, существо испуганно скрылось в джунглях. Но двигалось оно не так проворно, как раньше.

Исмаэль был готов последовать примеру животного и напиться из стручка. Но он боялся. Может, жидкость временно парализует того, кто ее пьет? И каждый раз растение пьет кровь из вены парализованного? А может, такой странный, даже злой симбиоз вполне естествен в этом мире?

Конечно, никто не мог помешать ему схватить стручок, забраться в море и попить. Там-то растение не смогло бы достать его.

А вдруг в жидкости находится наркотик, который поражает не только тело? Может, он подействует так, что он, Исмаэль, напившись, сам предложит кровососущему растению свою вену?

Пока он стоял в неподвижности и страдал от жажды, хотя вода была рядом, но недоступна для него, растение выпустило свои стебли и опутало опустошенный стручок. Ясно, почему земля такая голая. Растения питаются сами собой, отмершими частями. И кровью тех, кто пьет жидкость, запасенную ими.

Наконец он решился. Действуя быстро, чтобы не думать о возможных последствиях, он сорвал стручок, повернулся и вбежал в море, пока вода не дошла ему до бедер. Затем он вылил жидкость из стручка себе в рот. Вода была холодная и сладкая, но ее было мало. Ему ничего не осталось, как пойти к берегу и сорвать второй стручок.

Он пошел к берегу, и тут мелькнула какая-то тень. Он повернулся и поднял голову. Высоко в небе плыло розовое облако, сопровождаемое пасающимися **китами**.

Но тень, потревожившая его, была от чего-то более близкого. Воздушная **акула** неслась над ним на высоте тридцати футов. За ней летели еще три.

Первые две пролетели мимо, но вторые две решили напасть на Исмаэля.

Их крылья-паруса изменили угол наклона, и они понеслись на него, разинув пасти.

Акуле оставалось до него всего шесть футов, один фут. Она шипела на лету.

Широкая пасть выглядела жутко. Она могла в момент схватить ему голову.

Исмаэль скрылся под водой. Акулы проскочили мимо, только хвосты чиркнули по воде.

Превозмогая усталость, Исмаэль побрел по вязкой воде к берегу, добрался до узкой песчаной полоски и скрылся в зарослях.

Акулы некоторое время барражировали над ним, меняя направление полета, а затем развернули крылья так, чтобы полностью захватить ветер, и исчезли.

Исмаэль сорвал стручок, проделал в нем пальцем дыру и выпил жидкость. Пережитая опасность заставила его забыть об осторожности.

Когда он пил в первый раз, он не ощутил ничего. Паралича, которого он ждал, не было. Но, может, это потому, что он больше того двухногого существа и доза наркотика для него мала. Сейчас он тоже ничего не ощущал. Хотя, возможно, возбуждение обезвредило наркотик.

И все же выпитая жидкость сделала свое дело. Он вдруг ощутил, что не может двинуть ни рукой, ни ногой. Видеть он мог, правда в глазах стоял туман, он почувствовал стебель растения, который обвился вокруг его плеч, и ощутил боль, когда конец стебля вошел в вену.

Воздушные **акулы** вернулись и кружили над ним, заметив его голову, высывающуюся из зарослей. Да, он сделал ошибку, когда начал пить. Следовало выбрать более густые заросли.

Однако акулы были слишком осторожны. Они не пытались напасть, боясь запутаться в зарослях.

Исмаэль еще не понял механизма полета этих существ. Совершенно очевидно, что газ делает их легче воздуха. А при снижении они должны выпускать газ. При этом и происходит то шипение, которое он слышал во время нападения на него. При подъеме они должны воспроизводить газ. Вероятно, в их теле есть какое-то устройство. Но для работы этого устройства необходимо горючее — пища. В этом Исмаэль был уверен, если, конечно, можно быть уверенным в чем-нибудь в этом проклятом мире.

Теоретические рассуждения хороши в свое время. А сейчас нужно действовать, а Исмаэль не мог двинуться с места.

Казалось, прошла вечность, с тех пор как он сидит тут. Стало жарко. Растения задерживали движение воздуха, и он вспотел. И тут он увидел насекомое, первое насекомое, сидевшее на ветке в футе от него.

Это был представитель древнего рода, научившийся жить как возле человека, так и без него. В своем паразитизме это насекомое оказалось более удачливо, чем крысы.

Это был комар длиной дюймов в девять.

Он спокойно перелетел на плечо Исмаэля. Было ясно, что он знаком с парализующим действием жидкости.

Исмаэль не почувствовал комара на коже, но ощутил тупую боль в моче правого уха.

Лучше бы он утонул вместе с командой...

Послышался шорох, слух его не был нарушен. Исмаэль посмотрел в лицо того, кто появился из зарослей.

Лицо ее было нежно-коричневого цвета, как у девушек Тайпи. Глаза необычно большие, почти нечеловеческие, ярко-зеленого цвета. Черты лица очень красивы.

Однако язык, на котором она заговорила, был незнакомым Исмаэлю, хотя он слышал много различных языков жителей Земли.

Исмаэль ждал, что она освободит его от стебля, но она улыбнулась и пошла куда-то в сторону. Вскоре она вернулась с каким-то животным, таща его за ноги. Хотя у животного был вспорот живот, оно бешено дергалось.

Она улыбнулась, проговорила что-то мелодичным голосом. Он попытался ответить, но не мог. Девушка присела возле растения и стала что-то делать каменным ножом.

Исмаэль совсем забыл на некоторое время о воздушных акулах. Сейчас он вспомнил и открыл рот, чтобы предупредить девушку.

Девушка, видимо, почувствовала опасность, так как подняла голову как раз в тот момент, когда первая тень устремилась на них. Она толкнула Исмаэля и закрыла его. Голова Исмаэля ударилась о что-то, и он потерял сознание.

Он пришел в себя и почувствовал, что почва, как всегда, дрожит под ним. Теперь он понял, что это — приливы и отливы. На той, старой Земле эти явления не ощущались, хотя и существовали. Здесь же огромное солнце и огромная луна вызывают такое сотрясение почвы, не заметить которое невозможно.

Его снова стало мутить от качки. А может, к этому добавилось и действие яда. Во всяком случае, ему теперь придется привыкать к этой "земной" болезни.

Он попытался сесть и обнаружил, что у него связаны руки и ноги.

Девушка исчезла.

Очевидно, она вовсе не так дружелюбна, как ему показалось. Просто она подошла к нему без боязни потому, что была уверена, что он не причинит ей вреда.

Исмаэль не был на нее в обиде: все-таки он был для нее чужой, и она была бы душой, если бы приблизилась к нему без необходимых предосторожностей. Впрочем, может, она живет в мире, где все человеческие существа друзья друг другу, а убийства и войны неизвестны.

Однако то, что она связала его, доказывало, что этот мир вовсе не утопия.

Он вздохнул. Было бы неверным предполагать, что есть мир, где царят всеобщая любовь и доверие. Такого не было на Земле, такого нет и здесь. И нигде такого нет. Однако Исмаэль вовсе не собирался оказываться в таком утопическом мире.

Пусть сейчас он связан. Но он был рад, что в этом мире он не единственное человеческое существо. Когда-нибудь он овладеет языком, на котором говорит девушка, и она ответит на многие его вопросы.

Появилась девушка, и Исмаэль улыбнулся ей. Он внимательно изучал ее, когда она искусно разделявала двухногое животное. Волосы у нее были распущены. Длинные, черные, они были заколоты гребенкой из какого-то материала, похожего на слоновую кость. В ушах висели кольца из черного камня, в которые были вставлены большие темно-зеленые камни. Внутри каждого из камней можно было рассмотреть ярко-красный предмет, похожий на паука.

Шею ее украшало ожерелье из коротких разноцветных перьев, а талию обхватывал полупрозрачный кожаный пояс. На поясе на костяных крючочках висела короткая юбочка из такой же кожи, что и пояс. На ногах были надеты сандалии из толстой коричневой кожи. Исмаэль обратил внимание, что на ногах у нее всего по четыре пальца. Видимо, мизинец атрофировался за ненужностью в результате эволюции.

Фигура у нее была стройная и гибкая, лицо имело четко выраженную треугольную форму. Высокий и широкий лоб, огромные блестящие глаза под густыми черными бровями, ресницы, похожие на длинные острые копыта... Скулы у нее были высокие и широкие, но уже, чем лоб. Нижняя челюсть сужалась, заканчиваясь подбородком, который, однако, не был острым и закруглялся. Этот подбородок делал ее очень красивой, хотя, если бы он был острым, лицо девушки было бы безобразным. Как неразличима граница между безобразием и красотой! Губы у нее были полными и очень красивыми, даже когда она начала откусывать куски жира от разделанной туши животного.

Исмаэль не раз видел дикарей, питающихся сырым мясом, и это не вызывало у него отвращения. Когда она предложила ему кусок сырого мяса, Исмаэль принял его с улыбкой и благодарностью.

Оба ели до тех пор, пока полностью не насытились. Девушка нашла камень и расколола череп животного, чтобы достать мозг. Она стала с удовольствием есть его и предложила Исмаэлю. Тот уже был сыт. Поэтому он покачал головой: "Нет, благодарю".

Очевидно, такое покачивание означало для нее согласие, так как она начала кормить его. Исмаэль сразу понял свою ошибку и стал энергично кивать. Девушка была озадачена, но убрала пищу.

Исмаэль увидел, что в этом мире нет проблем с уничтожением отбросов. Девушка поднесла то, что осталось от их трапезы, к ближайшему растению, положила все на землю и хлопала растение по стволу. Сразу же стебли потянулись к остаткам пищи. Другие растения тоже протянули свои стебли, как будто получили сообщение от своего собрата.

Девушка сорвала горсть стручков, напилась и напоила Исмаэля. Во время этой процедуры растения игнорировали их. Исмаэль предположил, что растения получили пищу и так благодарят тех, кто угостил их. Тем не менее жидкость парализовала их, и девушка минут пятнадцать пребывала в неподвижности. Если бы в это время появился хищник, то он мог бы спокойно сожрать их.

Придя в себя, Исмаэль жестами показал девушке, чтобы она развязала его. Она нахмурилась, что придало ей еще больше прелести, и задумалась. Наконец она поднялась, улыбнулась и перерезала ножом перевитые стебли, которыми он был связан. Исмаэль медленно поднялся, растирая руки, затем стал растирать ноги. Она стояла, держа нож в руке. Но затем, видимо, решила, что он не будет угрожать ей. Она вложила нож в ножны и отвернулась от Исмаэля.

Исмаэль взобрался по толстому стволу, наклоненному под углом сорок пять градусов, и посмотрел вокруг. Джунгли занимали все пространство, насколько он мог видеть. Весь лес, казалось, трясся от страха. Он сам уже устал от постоянной тряски, подкачивающейся к горлу тошноты. Но девушку это, кажется, совсем не беспокоило. Для нее это было нормальное состояние.

Воздушных акул не было видно, далеко на западе виднелось красное облако, и Исмаэль предположил, что это опять одно из чудовищных воздушных существ, возле которого наверняка крутятся акулы.

Большое красное солнце уже пересекло большую часть небосвода, но до заката было еще далеко. Жара усилилась, и Исмаэль снова ощутил жажду. Но он боялся пить, так как это означало бы полную беспомощность в течение четверти часа. Более того, возможно, этот наркотик обладает способностью накапливаться. Правда, пока Исмаэль ничего не заметил: ни головной боли, ни общей слабости.

Он посмотрел на девушку. Она влезла на один из огромных листьев, который как гамак висел между стволами. Видимо, она собиралась лечь спать. Интересно, что делать ему? Тоже ложиться спать в какой-нибудь из листьев или стоять на страже? Однако девушка не подала ему никакого знака, значит, она совершенно не думает о возможных опасностях. Такая беспечность была непонятна Исмаэлю. В этом мире он уже встретился

со многими опасностями, а сколько их еще есть, о которых он и не знает!

Прежде чем решить для себя вопрос, лечь ли ему спать или нет, он еще раз осмотрелся. Пугающее, по-настоящему чужое темно-голубое небо, громадное кроваво-красное солнце, чересчур соленое, безжизненное море, трясущаяся земля, растения-кровососы, воздушные хищники...

Где же он оказался? "Рашель" плавала в южных морях в тысяча восемьсот сорок втором году. Затем произошло нечто сверхъестественное. Море внезапно исчезло, и корабль упал.

Море исчезло! Оно исчезло не благодаря магии, колдовству, а испарилось. Мгновенно испарилось. Само Время Испарилось!

Исмаэль был матросом на китобойном судне. Но это не означало, что он был просто матрос. В промежутках между плаваньями он работал учителем в школе, а кроме того, он много и постоянно читал. И он знал, что через миллионы лет Солнце охладится, превратится из яркой горячей звезды в слабого красного гиганта, а затем и вовсе потухнет. Потеря энергии приведет к тому, что Солнце и Луна приблизятся к Земле – и впоследствии сильное взаимное притяжение разорвет на куски эти небесные тела.

Другая теория, в корне противоположная первой, утверждала, что Земля и Луна в конце концов разойдутся на очень далекое расстояние. Основатель этой теории даже доказывал математически справедливость своих утверждений. Очевидно, он не был силен в математике, или же произошло нечто, что нарушило естественный ход событий. Вполне возможно, что люди смогли найти способы воздействовать на орбиты планет.

Неужели он, Исмаэль, оказался в далеком будущем? Может быть, "Рашель" провалилась в какую-нибудь дыру в прохудившейся ткани Времени?

Исмаэль был убежден, что сейчас находится на дне давно пересохшего Тихого океана, в его южной части. Мертвое соленое море – вот все, что осталось от некогда безбрежного океана. А трясущаяся земля плохо подходила для животного мира. Большая часть животных покинула Землю и заполнила воздушное пространство летающими существами самого разного вида.

Хотя выводы, к которым он пришел, несколько не облегчали его положение, все-таки ему стало легче. Человек без теории или догмы, как корабль без парусов и без руля. Но тот, у кого есть теория, верит, что может сам управлять своей жизнью, даже направляя ее против ветра. Он надеется, что может выжить в самые жестокие бури.

То, что он на Земле, а не какой-нибудь отдаленной планете, откуда Землю даже нельзя увидеть, вселило в него мужество.

Правда, это была совсем не та Земля, и будь у него возможность, он с удовольствием вернулся бы назад, в свое время. Но он — здесь. У него никогда не было своего дома, но он находил себе дом в каюте китобоя и в хижине среди каннибалов Тайпи. Значит, он сможет найти дом и здесь.

Он легко спрыгнул вниз и растянулся на листе невдалеке от девушки. Она приподнялась, взглянула на него, затем отвернулась, видимо собираясь уснуть. От воздушных акул их защищали листья, но эти гигантские комары? Он потрогал вспухшее ухо. А может, здесь есть и еще кто-нибудь?

Несмотря на эти мысли, он быстро уснул.

Проснувшись, он выпил один из стручков, которые девушка сорвала раньше. Солнце было довольно высоко. Жара усилилась. Луна катилась над восточной частью горизонта, как гигантский шар. Судя по ее скорости, она может снова нагнать солнце, и они опустятся за горизонт вместе.

Девушка махнула ему рукой, и он последовал за ней. Им пришлось долго бродить среди растений, пока она не нашла завтрак. Это было парализованное животное, очень похожее на слегка переродившихся домашних кошек, подумал Исмаэль. Голова его осталась кошачьей, а тело было змеиное, ноги — длинные и тонкие. Длинная черно-белая шерсть покрывала все тело.

Девушка подождала, пока растение вытащит стебель из вены животного, а затем перерезала горло коту. Исмаэль не понимал, почему она ждала. Может, между людьми и растениями здесь заключен союз? Или же она боялась вызвать гнев растений?

Исмаэль многое здесь не мог понять. Но он был рад, что с ним девушка, человек, живая душа. Она приспособлена к жизни в этом мире. И к тому же она, кажется, знает, куда идет. Он двигался вместе с нею, так как она не возражала, и по пути учился ее языку.

Солнце повисло низко над горизонтом, и на небе вспыхнули странные созвездия. Луна, как голова мертвого бога, катилась по небосклону. Она была такая большая, что Исмаэль не мог отделаться от ощущения, что луна вот-вот упадет ему на голову. Он уже научился определять по движению луны, когда начнется сильный земной прилив. Однако привыкнуть к постоянным сотрясениям почвы он так пока и не смог. Легкая тошнота стала его постоянным спутником.

Ночь была долгой, очень долгой, сначала жаркой, затем температура стала вполне нормальной, а под утро Исмаэль сильно замерз. Он весь дрожал, так как на нем была лишь матросская куртка-безрукавка и полотняные брюки. Ботинки ночью, пока он спал, куда-то исчезли.

На Намали, так звали девушку, одежды было еще меньше, но она, казалось, не страдала от холода. Впрочем, жители Патагонии тоже ходят голыми круглый год, и это их ничуть не беспокоит. Исмаэль предложил девушке спать вместе, чтобы согреть друг друга, но она отказалась, как отказалась и позже, когда он попытался поцеловать ее.

Понемногу он стал понимать ее язык до такой степени, что мог выяснить, откуда она и почему находится здесь. Кроме того, он понял, почему Намали не разрешает притронуться к ней.

Намали была дочерью Сеннервы, правителя Заларампатры. Сеннерва был джарамуа, что значит король, или, точнее, Большой Адмирал. Кроме того, он был главным жрецом великого бога Зоомашматры.

Город Заларампатра основал полубог Заларампатра. Город был расположен далеко на севере. Там Намали жила в большом хрустальном дворце, изготовленном с помощью каменных орудий и обработанном кислотой, которую выделяли какие-то животные. Намали была одной из двадцати четырех дочерей Сеннервы, у которого было девять жен. Исмаэль узнал, что Намали – весталка-девственница, основной обязанностью которой было сопровождать корабли в путешествиях, чтобы принести им счастье.

Исмаэль не стал объяснять, что ее миссия провалилась.

Однако она, казалось, совершенно не была этим опечалена. Но это только потому, что мысли ее сейчас были заняты гораздо большей трагедией, по сравнению с которой гибель корабля – пустяк.

За несколько дней до того, как "Рашель" упала с небес в этот мир, корабль Намали, который она сопровождала, встретился с другим кораблем-китобоем из их города.

Встретившийся корабль сблизился с кораблем Намали, и капитан того перебрался на борт корабля Намали. Стало ясно, что у него какие-то жуткие новости, так как лицо у него было бледным, глаза красные от рыданий. Он посыпал волосы пеплом в знак величайшего горя и исполосовал грудь ножом.

Намали сначала думала, что умерли ее родители или ее брат, единственный наследник семьи. Однако все оказалось страшнее. Город Заларампатра был уничтожен, а все его жители убиты в течение нескольких часов прошлой ночью. И это сделало Пурпурное Чудовище. Только нескольким людям удалось избежать смерти, улетев на кораблях. И один из них принес эти новости капитану китобоя.

Слезы текли по лицу девушки, и она спрятала голову, пока не успокоилась и смогла продолжать рассказ:

– Что это за Пурпурное Чудовище? – спросил Исмаэль.

– К счастью, их у нас очень немного – ответила девушка. – Полубог, основатель нашего города, Заларампатра убил огромное чудовище, владеющее горами, где стоит наш город... стоял. Оно огромно, гораздо больше тех безвредных существ, сквозь которые пролетел ваш корабль. Пурпурное Чудовище выпускает тысячи длинных щупалец, которые убивают людей. И кроме того, оно сбрасывает яйца, которые взрываются со страшным грохотом и уничтожают все вокруг.

Исмаэль при этих словах удивленно поднял брови:

– Мне очень жаль, что ты потеряла весь свой народ и всю свою семью за такое короткое время и таким ужасным способом. Скажи, мы идем на север, потому что ты надеешься найти кого-нибудь живым и приступить к восстановлению города?

– Для начала я хочу увидеть своими глазами, что случилось. Может, все не так плохо, как описал капитан. Кто-то ведь спасся, раз весть о трагедии дошла до нас. Значит, можно предполагать, что не все убиты и город не уничтожен полностью.

Во всяком случае, в город вернутся и другие китобои. На каждом из кораблей будут мужчины и по одной моей сестре. Мы станем молиться нашему богу, пообещаем ему, что будем во всем повиноваться, чтобы он не допустил подобных ужасов впредь. А затем мы выберем нового Большого Адмирала, а мы, девственницы Зоомашматры, возьмем себе мужей и родим детей для будущего.

– Значит, твой корабль возвращался в Заларампатру, когда мой рухнул с небес и уничтожил его, – задумчиво проговорил Исмаэль. – Это просто чудо, что ты перенесла удар и сохранила рассудок.

Он долго думал о ее горе, испытывая к ней глубочайшее сочувствие. Он знал, что она осталась последней из рода, а может, последней из всего народа.

– Этот Кахамауду, – сказал он, – называя Пурпурное Чудовище на местном языке, – наверное действительно огромное, раз достаёт своими щупальцами людей в каждом доме, каждой комнате. Ведь ты сказала, что ваш город вырублен прямо в горе. Однако наверняка кто-нибудь спасся, избежал смерти.

– Может быть, – ответила она. – Но есть еще кое-что, что я не могу тебе сообщить о Кахамауду, так как ты не из этого мира, если ты сказал мне правду.

– Все это правда, – подтвердил Исмаэль, улыбнувшись. Он понимал ее сомнения. Если бы к нему в том мире явилась девушка и сказала, что она из прошлого, он бы ни за что ей не поверил.

– Кахамауду, как говорят жрецы, всегда появляется в сопровождении мелких хищников. Их очень много, и они путе-

шествуют на спине Кахамауду. Когда Кахамауду убивает кого-то, мелкие хищники пользуются его добычей, хотя и не рискуют брать слишком много. Само чудовище не утруждает себя охотой за отдельными людьми, если, конечно, оно не слишком голодно или они не беспокоят его. Так что ты понимаешь, что мелкие хищники могут обшарить весь город и убить того, кто остался жив после нападения Кахамауду.

Она лежала на соседних листьях, и над ними был густой полог из переплетенных ветвей. С тех пор как солнце опустилось за горизонт, Намали постоянно следила, чтобы над ними не было чистого неба. Она тщательно выбирала место для ночлега. Исмаэль поинтересовался, почему она это делает, но Намали не объяснила, сказав лишь, что причины есть. Это не успокоило его, даже напротив, ему было не по себе, когда он ложился спать.

Это была их вторая ночь. Исмаэль проснулся, ощутив тупую боль в шее. Он сразу понял, что растение вонзило свой стебель в его вену. Намали говорила ему, что растения ночью спят, но иногда некоторые просыпаются и ищут жертву, точно так же, как человек, проснувшийся от жажды, в полусне идет на кухню выпить чашку воды. Намали посоветовала ему, если такое случится, подчиниться растению. Это будет лучше, чем вырвать стебель из раны и полностью разбудить растение.

Он очень хотел знать, что случится, если растению отказать в пище, но Намали ответила, что лучше не нарушать союза с земными растениями. И она весьма смутно представляла, что случится, если не позволить растению пить кровь. Разумеется, каждый может отказать растению, но лучше подчиниться — так ее учили с детства.

Исмаэль вспомнил бесконечные мили, которые им придется пройти по джунглям, пока они доберутся до города, и решил подчиниться. Он лежал с закрытыми глазами и представлял себе, как его кровь по капиллярам растения проникает в его ствол, и затем...

Он насторожился, услышав свистящий звук где-то наверху. Что-то спустилось на растения, и те зашатались. Эти звуки не были результатом сотрясения почвы, несомненно, что-то большое село на растения.

Он медленно повернулся на бок и качнул лист Намали. Растение выпрямилось и удалило стебель из шеи Исмаэля.

Намали проснулась и села, но ничего не сказала. Лунный свет, пробивавшийся сквозь просветы ветвей, выхватывал из тьмы ее силуэт. Она перегнулась через край листа и прошептала:

— Что это?

— Не знаю, — сказал он. — Что-то большое.

Он показал наверх.

Шуршание усилилось, и Исмаэль, напрягая глаза, увидел нечто змееподобное, появившееся в лунном свете в сорока футах от них.

Намали тоже увидела это. Она ахнула и прошептала:

– Шивараду!

Щупальце, темно-серое, около дюйма толщиной, слепо ощупывало все вокруг. Оно подбиралось все ближе. Видимо, его влекло тепло тел. Шивараду был слеп, как многие хищники, охотившиеся ночью. Но у него имелся детектор тепла и прекрасный слух, позволяющий ему находить свои жертвы и заменяющий ему глаза.

Исмаэль подкатился к краю листа и прыгнул вниз. То же самое сделала и Намали. К сожалению, они не смогли сделать этого без шума. Через секунду Исмаэль услышал шипение воздуха, выходящего под давлением, и нечто пронзило лист возле его плеча.

Намали издала сдавленный звук. Они оба опустились на землю и заползли под поваленный ствол растения. Они укрылись вовремя, так как еще три снаряда вонзились в землю.

Исмаэль перегнулся через ствол и нашел стрелоподобное орудие. Это была острая, как игла, кость в два дюйма длиной и толщиной в одну шестнадцатую дюйма. На противоположном конце иглы были четыре канавки, видимо играющие роль оперения. Исмаэль не притрагивался к острому концу, так как Намали предупредила его, что он покрыт ядом.

Намали рассказывала ему, что у Шивараду тридцать щупальцев, и все они полые. Костяные иглы вырастают прямо в теле чудовища. Когда они полностью созревают, то попадают в подобие сумки на боку животного. Шивараду достает иглы из сумки одним щупальцем. Когда Шивараду находится вблизи жертвы, то сжатым воздухом выстреливает в нее эти иглы. Сжатый воздух находится в пузыре в верхней части тела. Стреляет своими стрелами Шивараду на расстояние около шестидесяти футов.

Шивараду, как и другие летающие существа, владел пузырями с легким газом.

Исмаэль отыскал еще несколько снарядов и снова услышал шипение, а затем шелест листьев, пробиваемых отравленными иглами. Одна из игл воткнулась в ствол почти рядом с его рукой.

Он поспешно растянулся рядом с Намали, осторожно держа в руке собранные иглы.

– Он будет преследовать нас, пока не убьет, – прошептала Намали. – И мы ничего не можем сделать.

– Ты убеждала, что его можно убить его же ядом.

– Так говорят Жрецы.

Позади них раздался треск, и они быстро поползли вперед.

– О, Зоомашматра! – молилась Намали. – Кахамаду сокрушит растения, чтобы добраться до нас...

– Это произойдет не скоро, – объяснил Исмаэль. – К тому же он может наколоться на шипы, которых много наверху.

Перед ними выскочило животное. Оба остановились, вскрикнув от ужаса. Но это был всего лишь квинчагас, двуногий обезьяномедведь, как называл его Исмаэль. Животное побежало в гущу растений и вдруг упало.

Исмаэль не видел, что произошло, но предположил, что смертоносная игла поразила его.

В джунглях стоял треск и гул. Это чудовище прокладывало себе путь в погоне за ними.

– Зоомашматра, помоги нам! – в ужасе шептала Намали. – Зоомашматра, помоги нам!

В джунглях кипела жизнь. Откуда-то выскочило целое стадо обезьяномедведей и бросилось врассыпную. Какие-то неизвестные зверьки разбегались в панике.

Исмаэль и Намали молча бросились бежать. Они спотыкались и падали, помогая друг другу. Исмаэль потерял иглы, но не стал терять времени на поиски. Зато он взял костяной нож у Намали.

Внезапно девушка остановилась. Мелкие животные носились, охваченные страхом, но шум, производимый чудовищем, затих.

– В чем дело? – спросил Исмаэль.

– Оно взлетело, – ответила она. – Слушай.

Исмаэль затаил дыхание и широко раскрыл рот, прислушиваясь. Но он ничего не смог услышать.

– У Шивараду нет крыльев-парусов, – объяснила Намали. – Летать ему тяжело. Он передвигается над джунглями, цепляясь щупальцами за стволы. Ему надоело проламываться сквозь джунгли, – продолжала она. – Теперь он быстро догонит нас. Нам не уйти от него. Ведь оно взлетело.

Исмаэль не спрашивал девушку, как Шивараду съедает свои жертвы, но теперь задал этот вопрос.

– Зачем тебе это? – спросила она. – Какая разница, если ты будешь мертв?

– Скажи мне.

Она повертела головой из стороны в сторону, как бы пытаясь определить, где находится чудовище. Должно быть, оно оставалось и прислушивалось, так как они не слышали ни звука.

– Шивараду впрыскивает кислоту в тело жертвы, а когда тело растворяется, Шивараду всасывает эту массу через щупальце.

У Исмаэля в голове шевелилась безумная затея убить чудовище, бросив ему в рот его же отравленные иглы. Но теперь эта идея отпадала сама собой. Но даже если бы чудовище имело огромную пасть, способную проглотить человека, эту идею было бы трудно осуществить.

— Оно будет перемещаться над джунглями, тихо и легко, как облако, — сказала Намали. — Его щупальца будут отыскивать нас по теплу наших тел, его органы слуха будут прислушиваться к каждому шороху. Если мы будем оставаться на месте, он обнаружит и убьет нас. А если мы побежим, он будет преследовать нас, пока мы полностью не выбьемся из сил и не упадем. Тогда он тоже убьет нас.

— Интересно, сильные ли у него щупальца? — спросил Исмаэль так тихо, что она не разобрала его слов и ему пришлось повторить.

— А зачем тебе это?

— Не знаю, — ответил он и положил руку на ее холодную потную кожу. — Дай мне подумать.

Теперь он понимал, что должен чувствовать кит, за которым идет охота. Сейчас сам Исмаэль был на дне, притаившись, а убийца наверху — выжидал и наблюдал. Раньше или позже жертва выдаст себя, и тогда охотник сделает свое дело.

Снова возобновился шум в джунглях. Растения затрещали, зашумели.

Намали стиснула руку Исмаэля:

— Нам нужно бежать, а если мы побежим...

— Он не может гнаться за нами в двух разных направлениях, — сказал Исмаэль. — Я побегу на север, склоняясь к западу. Ты сосчитай до пятнадцати после того, как он погонится за мной, а затем беги на юг.

— Ты жертвуешь собой ради меня?! — воскликнула она. — Но почему?

— В мире, откуда я пришел, в подобных ситуациях мужчина обязан защищать женщину. Во всяком случае, так должно быть. Хотя часто бывает и наоборот. Однако сейчас у нас нет времени обсуждать моральные проблемы. Делай, как я сказал.

Он поцеловал ее в губы, затем повернулся и побежал из всех сил через заросли.

Шум, производимый Шивараду, усилился.

Исмаэль бежал до тех пор, пока ноги его не заплелись в густых и крепких зарослях. Он упал вниз лицом, поднял голову и обнаружил, что перед ним особо густое и плотное сплетение растений. Исмаэль, извиваясь всем телом, прополз внутрь и скорчился между двумя стволами. Он надеялся, что сейчас у этих растений нет желания пообедать.

Шум от Шивараду уменьшился. Очевидно, чудовище поняло, что жертва притаилась, и стало двигаться медленнее, уверенное, что добыча от него не уйдет.

Исмаэль протянул руку, сорвал стручок, но пить не стал, а положил рядом. Он вглядывался в заросли и вот наконец различил темную громаду Шивараду над джунглями.

Огромная луна сверкала в каждой из чешуек, покрывающих кожу чудовища. Оно было точно такое, как описывала его Намали. Одни щупальца раздвигали растения, другие отыскивали источник тепла.

Исмаэль вжался в землю, но голову не опустил. Он хотел видеть, что делает чудовище. Сердце его отчаянно забилося, и Исмаэль был уверен, что Шивараду слышит его. Горло и рот Исмаэля были такими же сухими, как страницы древнего манускрипта в пустынном монастыре.

"И скоро будут такими же мертвыми", — подумал он.

Чудовище, обнаружив его, вытянуло шесть щупальцев и выстрелило. Все шесть игл воткнулись в ствол, за которым лежал Исмаэль. Он быстро вытащил две иглы, и тут чудовище выстрелило еще раз.

Шивараду ждал несколько минут, и это время показалось Исмаэлю вечностью. За это время можно было из золотой монеты выковать пленку, покрывающую глаз змеи.

Вероятно, Шивараду хотел определить, убил он жертву или нет.

Очевидно, он решил, что промахнулся, так как начал спускаться вниз, огибая стволы растений. Когда до Исмаэля осталось футов двадцать, противодействие растений настолько возросло, что чудовище не могло преодолеть его, однако оно могло достать Исмаэля щупальцами.

Однако чудовище действовало теперь осторожно. Очевидно, оно поняло, что жертва скрывается за стволом. Несколько щупальцев поднялось в воздух на высоту примерно в десять футов. Другие поползли по земле. Исмаэль смотрел, не зная, что он может сделать. Через минуту оба мира — и старый, родной, и новый, будущий, — исчезнут для него.

Намали говорила ему, что чудовище не может стрелять, если щупальце не вытянуто по прямой. Да, разумеется, любые изгибы уменьшают силу давления воздуха. Может, именно поэтому чудовище и не стреляло. Оно хотело бить наверняка — прямыми щупальцами.

Исмаэль слышал ритмичные вздохи. "Это Шивараду накачивает воздух", — подумал Исмаэль.

Одно щупальце, выглядевшее в лунном свете как хобот изголодавшегося слона или безголовая кобра, двигалось по земле

быстрее остальных. Исмаэль с ножом в одной руке и иглой в другой высунулся из-за ствола и быстро спрятался обратно. Он проверил, сколько времени это занимает.

Над ним нависли три щупальца. Они были слепы, но чувствовали его тепло. Затем одно щупальце нырнуло вниз, как будто стремясь приблизиться к Исмаэлю, чтобы выстрелить. С небольшого расстояния этот выстрел станет смертельным. Достаточно царапины, чтобы яд проник в тело.

Щупальце перегнулось через ствол и остановилось, отыскивая тепло человеческого тела. Оно покачивалось из стороны в сторону. Затем оно начало распрямляться.

Исмаэль вонзил конец иглы в раскрытый зев щупальца. И тут же он мгновенно спрятался за ствол, вжавшись в землю.

Щупальце задержалось, стало раздуваться. Исмаэль понял, что оно хочет выстрелить, но всаженная им игла мешает этому. Тогда щупальце стало сворачиваться, а затем резко распрямилось и выстрелило обеими иглами. Но выстрел оказался бесполезным. Иглы улетели в гущу ветвей, не причинив вреда Исмаэлю. Он вскочил, держа иглу в руке, и прыгнул на разряженное щупальце.

Оно задержалось, стало сворачиваться, но очень медленно. Исмаэль всадил иглу на этот раз прямо внутрь отверстия на конце щупальца. Реакция чудовища оказалась очень сильной. Щупальце потянулось к Исмаэлю, остальные щупальца начали разворачиваться к нему.

Игла вонзилась в щупальце в дюйме от его начала. Чудовище стреляло по Исмаэлю, но расстреливало самое себя. Исмаэль отпустил щупальце, скатился вниз и упал на землю, ломая тонкие ветви.

Чудовище извивалось в судорогах, тщетно хватаясь за растения. Наконец оно подтянуло щупальца и медленно потащило их прочь, цепляясь за стволы.

Исмаэль вскочил на ноги и бросился бежать. Он наткнулся на густые заросли, упал, снова поднялся, отогнул листья и остановился, прислушиваясь.

Огромная темная масса висела как облако над джунглями. Исмаэль не мог рассмотреть, шевелятся ли щупальца Шивараду. Внезапно торпедообразное тело с огромной головой и сверкающими в лунном свете зубами выскочило из темноты. Оно ударило в один из горбов на теле Шивараду. И горб взорвался.

Это воздушная акула, летающая смерть, нанесла свой удар.

Тут же появилась еще одна акула и вонзилась зубами в тело Шивараду.

Исмаэль подумал, достаточно ли силен яд Шивараду, чтобы заодно поразить и небесных акул.

Однако у него не было времени смотреть кровавый спектакль. Внезапный шум позади него заставил его обернуться и застыть, сжимая нож в руке. Но вот он услышал знакомое мягкое дыхание.

— Намали, — тихо позвал он.

— Я не могла принять жертву от тебя, — объяснила она. — Я хотела помочь... О!

Она увидела тело Шивараду, висящее на ветвях, как разорванная тряпка.

Он рассказал, как все было, и девушка порывисто схватила его за руку и поцеловала.

— Заларампатра и Зоомашматра отблагодарят тебя.

— Лучше, если бы это сделала ты.

Они подошли к мертвому чудовищу поближе. Его рвало на части уже полдюжины акул.

Затем они пошли дальше, нашли удобное место и снова легли спать. Исмаэль, несмотря на усталость, не мог заснуть от холода. Температура воздуха, как ему показалось, была всего лишь сорок градусов выше нуля по Фаренгейту (восемь градусов по Цельсию).

Исмаэль соскочил со своего листа и забрался к Намали. Обнял ее руками и прижался к ней, накрывшись другим листом. Намали не возражала, правда повернулась к нему спиной. Исмаэль уснул мгновенно, несмотря на близость девушки. Ему снилась первая ночь в Спутер-Инн, в Нью-Бедфорде, когда дикарка-великанша Квоквег разделила с ним постель. Квоквег, чьи кости обратились в прах много тысяч лет назад...

Громадное солнце снова выползло из-за горизонта, и сразу же стало тепло. Они проснулись и обнаружили, что в их вены погружены стебли растений. Им пришлось ждать, пока растения закончат свой завтрак. Затем они встали, умылись жидкостью из стручков и напились. Тут же на них напал паралич, но другие растения, видимо, уже знали каким-то образом, что эти двое уже выплатили свой долг, и не приблизились к ним.

Они снова пошли на север. За весь путь они спали четыре раза, питались мелкими животными, которые попадались им по пути, и даже однажды съели летающую змею. Это было, как рассказала Намали, единственное животное, у которого отсутствовал пузырь с легким газом. У змеи отдельные ребра развились в крылья, которые действовали так же, как и крылья птиц.

Прошла еще одна ночь, с ее опасностями, и снова взошло солнце.

— Сколько нам еще идти до твоего города?

— Не знаю. На корабле мы добрались бы за двадцать дней.

Нам же, вероятно, придется идти в пять раз дольше.

— Значит, четыреста дней по времени моего мира, — прикинул Исмаэль. Его не беспокоило время, но все же он предпочел бы ехать, а не идти. Ведь продираться через густые заросли — это трудная и изнурительная работа. Он завидовал обитателям неба, которые без всяких усилий парили в вышине.

В полдень они увидели облако, состоящее из миллиардов красных существ. И тут же рядом с ними плавали громадные киты, которые паслись на этом воздушном пастбище.

И тут же в небе они увидели большой воздушный корабль.

Намали вскочила, уронив кусок мяса. Долго она стояла молча, а затем улыбнулась.

— Он из Заларампатры!

Вскоре они увидели, как из чрева корабля выскочили несколько небольших воздушных лодок.

Одна из них направилась в их сторону, погнавшись за китом.

Лодка неслась по следам кита, который, казалось, не замечал опасности. Он спокойно плавал в красном облаке. Вскоре он скрылся за красной пеленой, и Исмаэль больше его не видел.

Внезапно Исмаэль увидел, что кит резко взмыл вверх. Серебристая струя брызнула из него: это он освобождался от балласта, который хранил в пузыре.

Теперь Исмаэль увидел, что кит и лодка связаны между собой канатом. Кит делал совершенно противоположное тому, что делали в подобных случаях морские киты на Земле.

Он уходил вверх.

— Кит может плавать в верхних слоях атмосферы, где люди не могут дышать из-за недостатка воздуха, — объяснила Намали, — Гарпунер должен в таком случае обрубить линь.

Кит уже забрался так высоко, что лодка совершенно потерялась в темно-голубом небе.

Красное облако быстро дрейфовало к северо-востоку. И через полчаса должно было скрыться за горизонтом.

Корабль уже не гнался за облаком. Он стал маневрировать, чтобы остаться на прежнем месте. Люди на корабле, вероятно, видели кита и лодку.

Вскоре и Исмаэль увидел черную точку — кита, — которая быстро увеличивалась. Кит несся вниз вместе с лодкой. Он распустил все свои плавники-паруса и вытянулся в прямую линию. Линия, связывающая кита с лодкой, была не видна, но лодка неслась за китом на расстоянии в три сотни футов.

— Кит выпустил газ и падает, — прокомментировала Намали. — Перед землей он с помощью своих парусов выйдет из пике. Лодка может врезаться в землю. Все будет зависеть от искусства кита. Иногда они делают ошибки в скорости и определении

расстояния из-за нарушения кровоснабжения мозга. Тогда киты разбиваются, но при этом гибнет и лодка вместе с экипажем. Разумеется, всегда можно перерубить лить, что это дело чести гарпунера. Он не будет рубить его до самого последнего момента...

Она замолчала. Кит, если он сохранит прежнюю скорость и направление полета, врежется в землю в полумиле от них.

Сейчас кит был близко, и Исмаэль понял, что он гораздо больше голубых китов, за которыми охотился он сам. А голубые киты были самыми большими существами на Земле. Правда, у этого кита не было нижней челюсти. Пасть представляла собой круглую дыру, расположенную в центре головы.

Намали объяснила ему, что у кита нет зубов, а неподвижная нижняя челюсть срослась с черепом. Когда кит ест, проглатывая миллионы мелких животных, а это бывает чрезвычайно редко, пасть у него закрывается тонкой пленкой.

— Но существуют киты с зубами, которые нападают на беззубых китов и едят все, включая и людей, — сказала она.

— Я встречался с такими китами, — ответил Исмаэль, вспоминая гигантского белого кита с наморщенным лбом и изувеченной челюстью. — Если этот кит сейчас не повернет, он обязательно врежется в землю.

Гигантское тело мчалось вниз и не собиралось расправлять крылья. Все люди в лодке лежали, кроме одного человека. Исмаэль ждал, что рука гарпунера поднимется и ударит ножом по линю. Но тот стоял неподвижно.

— Эти люди либо слишком храбры, либо слишком глупы, — пробормотал на английском языке Исмаэль.

И потом он не выдержал и закричал тоже по-английски:

— Руби, черт побери! Руби!

Но вот крылья кита раскрылись с ужасающим треском. Это было похоже на залп мушкетов.

Движения животного были тщательно выверены. Хвост его резко пошел вниз, увлекая за собой лодку и в то же время подталкивая кита вверх. Но начальная скорость кита была все же очень большой, и хотя он попытался подняться, он все же продолжал падать.

Лодка была уже под китом и продолжала стремительное движение вниз, хотя кит уже вышел из виража.

Исмаэль увидел четырех человек в лодке, привязанных охранными ремнями, и гарпунера, ухватившегося за борта руками.

— Теперь уже поздно рубить лить, — сказала Намали. — Если лодка освободится от кита, она будет продолжать падение. Теперь осталось только надеяться, что сам кит спасет их от столкновения с землей.

— Нет. Им уже не спастись.

Если бы земля была на фут ниже или кит начал свой вираж на секунду раньше, лодка могла бы уцелеть. Но катастрофа произошла.

Лодка зацепила кормой за землю, линь лопнул, лодка перевернулась, людей выбросило за борт, так как охранные ремни полопались. И вот лодка разлетелась на куски, которые были поглощены джунглями.

Кит, выпустивший большую часть своего газа, смог подняться на высоту всего в пятьдесят футов. Чтобы подняться выше, ему требовалось произвести новый газ, а это зависело от того, сможет ли он найти себе пищу. На такой маленькой высоте это казалось маловероятным.

Поэтому, скорее всего, кит был обречен. Он будет дрейфовать на малой высоте, постепенно теряя газ и спускаясь все ниже, пока не рухнет в джунгли, если до этого он не станет добычей воздушных акул.

Исмаэль и Намали продирались через заросли к месту катастрофы. После долгих поисков им удалось найти одного человека. Все кости его были переломаны, к тому же он напоролся на толстый ствол растения.

Вдруг они услышали крики о помощи. Человек лежал в густых зарослях, куда он упал. Однако при падении он только сломал ногу и получил множество царапин.

Они положили раненого поудобнее и стали искать остальных.

Третий человек лежал на открытом месте. Воздушные акулы, появившиеся неизвестно откуда, готовились напасть на него.

Исмаэль и Намали потащили раненого под защиту зарослей. Раненый стонал. Он был в полусознательном состоянии. На голове его была большая рана. Видимо, при падении он ударился головой обо что-то твердое. На нем была голубая юбочка с вышитым на ней черным воздушным китом, в которого вонзился гарпун. Кит алого цвета был вытатуирован на груди, а множество китов поменьше украшали руки и ноги. Каждое изображение означало в действительности убитого кита. Да, этот человек за свою жизнь внес большое опустошение в ряды воздушных гигантов этого мира.

— Это Чамкри, великий гарпунер, — объяснила Намали. — Скорее всего, их корабль еще не знает этой ужасной новости, иначе они бы спешили в город, а не охотились.

— Акулы рядом, — сказал Исмаэль и побежал с удвоенной скоростью. Однако он скоро понял, что им не успеть дотащить раненого до зарослей. Исмаэль опустил Чамкри. Воздушная акула сделала круг и с шипением устремилась вниз. Это она

сравливала воздух из пузыря. Исмаэль схватил ствол растения, лежащий рядом, очистил его от листьев и, когда увидел, что челюсти акулы готовы сомкнуться у него на голове, воткнул ей палку прямо в пасть. Палка проткнула розовый язык и вошла глубоко в горло, а затем акула сшибла Исмаэля на землю. Акула проскользнула над ним. Этого оказалось достаточно, чтобы лицо и руки его были окровавлены. Шкура у этой нечисти была похожа на крупную терку.

Намали вскрикнула, но она тоже успела броситься плашмя вниз, и акула пролетела над ней. Она врезалась в густые заросли и забилась в переплетении ветвей. Акула в панике билась все сильнее и добилась только того, что упала на землю, сломав один плавник-парус.

Оттащив гарпунера в безопасное место, Исмаэль приблизился к акуле. Другие акулы кружили в воздухе, не осмеливаясь подлететь ближе. Они боялись сами запутаться в ветвях.

Акулы вообще редко приземлялись. Только когда они были уверены, что это безопасно, они могли опуститься на землю!

Исмаэль осторожно обошел акулу. Он вовсе не хотел получить удар хвостом, который хотя и был легким, но мог нанести рану. Он взял еще одну палку и сунул ее в пасть рванувшейся к нему акуле. Та мгновенно проглотила ее. Исмаэль отскочил обратно в джунгли. Немного погодя он увидел, что акула стала извиваться и корчиться. Очевидно, палка проткнула ей внутренности. Другие акулы набросились на обреченную подружку. Они рвали на куски ее тело, откусывали плавники. И скоро все было кончено.

С неба спустились две лодки. Одна из них приземлилась на поляну, а другая осталась на высоте пятидесяти футов, сбросив якорь, зацепившийся за растительность, и опустив паруса.

Намали узнала первого из спустившихся с лодки. Это был Пуняки. Пуняки тут же опустился на колени перед Намали, поклонился, коснувшись лбом земли. Он был рад, что дочь Сеннервы в безопасности, но очень удручен, что нашел ее в таком положении. Он с любопытством посмотрел на Исмаэля, но то, что девушка смотрела на него как на друга, успокоило Пуняки. Однако радость моряка тут же угасла и перешла в глубокое горе, когда Намали кратко рассказала обо всем, что произошло в их родном городе. Коричневая кожа всех матросов посерела, они выли и катались по земле, нанося себе удары кулаками. Некоторые выхватили ножи и порезали себе грудь и руки.

Хотя их горе было очень сильным и глубоким, все же время требовало действий. Постепенно они прекратили вой и катание по земле и приложили паутину к ранам. Это была паутина, как

объяснили Исмаэлю, которую производит какая-то птица без крыльев и без перьев.

Пока двое моряков вырезали сердце, легкие и желудок акулы, остальные искали четвертого моряка из погибшей лодки. Через четверть часа его нашли под пологом листьев. Он уже к этому времени умер, а растения вонзили свои стебли в его раны и пили кровь.

Спустилась и вторая лодка. На нее погрузили Чамкри и раненого матроса. Намали и Исмаэль сели в первую лодку, которая, как выяснил Исмаэль, была сделана из тончайшей прозрачной пленки. Они застегнули привязные ремни, тоже сделанные из тонкой кожи и снабженные костяными пряжками. Командир приказал, чтобы мясо акулы скормили животным, вырабатывающим газ. Этот газ поступал в баллоны, развешенные по бортам лодки. Подъем лодки требовал два часа и две кормежки животных. Исмаэль терпеливо сидел в лодке. Искусству ожидания он научился давно, еще в своем мире. Однако воздушное море требовало еще больше терпения.

Наконец лодка приблизилась к кораблю и пошла параллельным курсом. С лодки на корабль были брошены канаты, которые были подтянуты и закреплены. После этого паруса опустили, сложили мачты, и лодка вошла в углубление в корпусе корабля.

Исмаэль очутился в длинном открытом туннеле, от которого отходили под разными углами боковые ходы и лестницы вверх и вниз. Все было сделано из тонкостенных, но прочных костей, видимо костей морских китов. Большие пузыри были подвешены над палубами в два ряда — по девять в каждом ряду. Под каждым находилось животное с круглым огромным ртом.

Исмаэль думал, что весь корабль обтянут кожей. Но это оказалось не так. И это естественно, ведь корабль, полностью зависящий от ветра, должен иметь как можно меньшую площадь сопротивления ветру, чтобы его паруса действовали как можно эффективнее. Лишь каюты да склады, да кое-какие другие помещения на корабле были закрыты кожей. Все остальное пространство день и ночь продувалось ветром насквозь, независимо от того, теплый дул ветер или холодный, ласковый или резкий. Рулевой находился на самой верхней части корабля, причем руль приводился в движение безголовым, безногим существом с щупальцами. Щупальца были закреплены с разных сторон на руле, и, раздражая животное, рулевой вызывал сокращение тех или иных мышц, которые и поворачивали руль в нужном направлении.

Капитан Барашха оказался высоким человеком; на его лбу был вытатуирован символ, означающий его статус: черное ру-

левое колесо на фоне алой короны. Его приказы передавались по кораблю криками тех, кто был рядом: днем — сигналами с помощью рук, а ночью — светом фонаря. В качестве фонаря использовалась клетка со светящимися в темноте насекомыми.

Барашха, услышав рассказ Намали, заплакал, завыл и положил свою грудь каменным ножом. После этого он отдал себя в распоряжение Намали. Она спросила его о запасах пищи, воды и нахамчиза — крепкого ликера. Капитан заверил, что всего вполне достаточно, чтобы лететь в Заларампатру, хотя последние несколько дней придется немного поголодать. Они уже успели убить десять китов, так что мяса и воды вполне достаточно. А в одном из китов они даже нашли врканау. По тону капитана Исмаэль решил, что здесь охота на китов ведется в основном из-за этого самого врканау. Он не знал, что это может быть, но дал себе слово выяснить при первом удобном случае.

Корабль поднял паруса и полетел на север, направляясь к городу.

Намали и Исмаэля проводили в каюту капитана. Она была расположена прямо под мостиком. Пол каюты был прозрачным, и Исмаэль мог наблюдать с высоты в тысячу футов проплывающие под ним пейзажи его нового мира. Правда, он несколько опасался: ведь этот пол казался таким непрочным. Кожа прогибалась при ходьбе, и Исмаэль с чувством облегчения опустился в кресло, прикрепленное к костяному шпангоуту. Кюота была небольшая и без двери. Очевидно, в Заларампатре уединение не было принято. Здесь же стоял стол, сделанный из костей, с небольшой ровной столешницей. На нем капитан производил навигационные расчеты или делал записи в журнал. Журнал оказался толстенной книгой с тончайшими листами. Большие буквы были написаны черными чернилами. Исмаэль никогда не видел таких букв, хотя побывал во многих странах.

Пока Намали устраивалась в каюте, слуга принес им обед, первый обед, который они ели за долгое время. Они отведали мясо кита, странное на вкус, но удивительно приятное, ели мясо других животных, какие-то зерна. Все было необычно, но вкусно. Из кожаных сосудов в кожаные кубки наливалась темно-зеленая жидкость...

И через некоторое время Исмаэль почувствовал себя прекрасно. Правда, он осознал, что язык у него заплетается и он слишком много говорит. После этого Исмаэль решил, что в будущем станет меньше пить этого ликера.

Но ликер, казалось, не подействовал ни на капитана, ни на Намали. Они продолжали пить его, и только в больших зеленых глазах их разгорался яркий огонь. Слуга убрал пустые блюда и принес еще нахамчиза. Исмаэль заговорил с Намали, но она

резко взглянула на него. Капитан, казалось, рассердился, и тогда Намали объяснила, улыбнувшись, что Исмаэль не знает правил, не ведает, что корабль следует считать территорией Заларампатры.

Тем не менее слуга увел Исмаэля из каюты капитана. Он провел его по коридорам и лестницам, поместил в маленькую каюту с одной стеной, где ему предстояло спать. Исмаэль повесил гамак, улегся, но не смог сразу уснуть. Корабль непрерывно трясло. Он то подскакивал, то проваливался в воздушные ямы. Исмаэль одно время был рад, что избавился от непрерывной тряски почвы, но здесь было ничуть не лучше. Корабль добросовестно испытывал все изменения плотности атмосферы. А Исмаэль считал, что такое огромное сооружение должно перемещаться по воздуху плавно.

Тем не менее он уснул. Исмаэль постепенно привык к особенностям движения корабля. Но к хрупкости корабля, к тонким прогибающимся прозрачным полам ему предстояло еще долго принаравливаться.

На третий день полета он впервые, с того момента как оказался здесь, увидел на западе дождевые облака. А через час налетел шквал. Это был очень сильный ветер, но не тайфун, и капитан приказал пока не спускать паруса. Огромный корабль при первом порыве ветра наклонился на двадцать пять градусов и, кренясь, понесся, как хорошая скаковая лошадь. Исмаэль привязался к основанию мачты в самом низу корабля. Так ему приказал капитан, хотя Исмаэль не мог понять, почему именно здесь. Но затем он догадался, что во время шторма он бесполезен и будет только мешать на палубе. А здесь он своим весом сможет улучшить устойчивость судна. Капитан решил использовать его как балласт.

Ветер становился все сильнее. Теперь он достиг силы тайфуна. Корабль продолжал нестись вперед, но его начало сносить к востоку. Ветер дул не постоянно, а порывами, резкими и мощными. А затем пошел дождь, ливень. Сверкали молнии, слышались раскаты грома.

На корабле не было никаких навигационных приборов, даже компаса. Компас ведь делают из металла, а металл либо полностью отсутствует в этом мире, либо чрезвычайно редок.

”Вполне возможно, — подумал Исмаэль, — что человечество уже израсходовало все запасы металла. Сколько уже тысячелетий прошло с тысяча восемьсот сорокового года, когда Исмаэль был еще на Земле?”

Но вопрос этот не имел смысла. Никто не мог на него ответить. Существовала только реальность.

Капитан вел свой корабль по солнцу и луне, а ночью — по

звездам. Теперь же, когда небо закрылось тучами, капитан — слеп. В этой, почти крошечной тьме он мог только отдаться на волю ветра. А если изменится направление ветра, капитан даже не заметит этого, и, даже заметив, он ничего не сможет сделать.

Исмаэль сиротливо сидел на своем посту. На корабле не было ни часов, и ничто другое не определяло время. Видимо, люди, живущие в конце Времени, совсем не заботились о нем.

Исмаэль сидел, изредка спал, если ему это удавалось, и видел только несколько матросов да кока, приносившего ему пищу. Однажды он посетил камбуз. Там был очаг, сложенный из брусков какого-то дерева, видимо не подверженного действию огня. Топливом служило масло, но не китовый жир, как полагал Исмаэль, а нечто добываемое из летучих масленичных растений.

Исмаэль попытался поговорить с коком. Он всегда любил изучать характеры новых знакомых. Однако на этот раз ничего не получилось. Кок говорил мало, он очень боялся бури и трясся при каждом порыве ветра.

Исмаэль вернулся на свой "пост" и долгое время пребывал в полусонном состоянии, просыпаясь только при очень сильных порывах ветра. Он уже был уверен, что "Руланга", так назывался корабль, уже по меньшей мере трижды меняла курс, и вполне вероятно, что корабль летит в противоположном направлении.

Он очень удивился, когда внезапно буря прекратилась и облака рассеялись. Солнце находилось в зените. Матрос сказал ему, что за время бури оно дважды пересекало небосвод. Исмаэлю ничего не оставалось, как поверить на слово. Сейчас "Руланга" летела на северо-запад. Однако никто не знал, сколько раз за время бури она меняла курс. Капитан Барашха объявил, что они сбились с курса, то есть заблудились. И только в конце дня им удалось выяснить, где же они находятся.

Прямо по курсу перед ними поднялись горы, такие высокие, что их вершины скрывались в темных небесах. Они были красноватыми, черными, серыми. Ветер и время основательно здесь потрудились.

Исмаэль во время обеда с капитаном и Намали спросил, высокие ли это горы.

Барашха посмотрел на примитивный водяной альтиметр и объяснил, что "Руланга" находится на высоте в десять тысяч футов. Вершины этих гор выше нас на двадцать одну тысячу футов. "Руланга" могла бы перелететь через эти горы, но наверху нам не хватит воздуха, чтобы дышать.

"Значит, — подумал Исмаэль, — за миллиарды лет Земля потеряла часть атмосферы. Плато на вершинах этих гор когда-то было континентом, возможно Южной Америкой. А в Южной

Америке были горы Анды. Насколько же высоки они? Там-то совсем нет воздуха. А может, Анд больше не существует? Или это вовсе не Южная Америка? Ведь говорили же в его время, что континенты плавают, как фасоль в жидком супе”.

Он смотрел на эти громадные утесы, и вдруг одна из скал беззвучно рассыпалась на мелкие глыбы, и до Исмаэля через несколько секунд донесся грохот. Земной прилив. Медленно, а может и не так уж медленно, все высокое на Земле разрушается.

Земля превращается в плоскую, как блин, планету.

Капитан Бараша вытащил карту и определил местонахождение корабля. Теперь стало ясно, в каком направлении нужно лететь.

Исмаэль прихлебывал нахамчиз и смотрел вниз сквозь прозрачный пол. Сильный дождь залил планету. Мертвые моря вышли из берегов и во многих местах соединились друг с другом. Если бы он очутился в этом мире сейчас, ему бы пришлось нырять на глубину в пятнадцать футов, чтобы достичь джунглей.

Одно из морей, над которым они пролетали, оказалось красным, и Исмаэль спросил капитана об этом. Выяснилось, что дождем сбило облако мелких красных животных, которыми питаются киты.

— Может, поэтому сейчас в небе не видно красных облаков? — спросил Исмаэль.

— Да, дожди жизненно необходимы. Они должны выпадать, иначе вся жизнь погибнет. Но кроме добра они приносят и зло. Теперь пройдет много времени, пока восстановятся облака — пища для китов. Китами придется много голодать. Они похудеют. Другим животным тоже придется плохо из-за недостатка пищи. Зато акулы и другие хищники будут много есть в это время, так как большинство животных ослабеет. Сейчас акулы несут яйца. Однако их яйца носят в воздухе, и их съедают киты. Сохраняются очень немногие яйца. Вот вам взаимосвязь плохого и хорошего. Пройдет время, созреют семена гигантских растений, которые растут далеко на западе. Они взорвутся и выбросят семена высоко в воздух. Это и будет пища для китов. И тогда все вернется к тому положению, которое было до дождя.

Вскоре беседа перешла на другие предметы. Исмаэль рассказал о мире, в котором жил, и о том, что произошло после того, как он встретился с Намали. Исмаэль понял, что Намали не хочет говорить о том, что он касался ее, и тем более о том, как они согревали друг друга ночью. Вероятно, она не преувеличила, когда говорила, что Исмаэля убьют, если узнают, что он осквернил весталку. Под осквернением она, несомненно, имела в виду простое прикосновение.

После обеда капитан объявил, что они должны поблагодарить бога – покровителя "Руланги" – Мшнуварикарди и великого бога Зоомашматру. Все поднялись и торжественно прошли в комнату, прозрачные стены которой были расписаны религиозными сюжетами и символами.

На костяном алтаре стоял костяной же ящичек. Намали заняла место перед алтарем, надела на голову костяную корону, украшенную сотнями мелких красных животных, и запела. Исмаэль не понимал языка, на котором она поет. Она учила его совсем другому языку.

Здесь собралась вся команда, за исключением тех, кто стоял на вахте. Все опустились на колени. Исмаэль тоже. Он не видел причин уклоняться от этого. Не впервые он поклонялся чужим богам. В его время на Земле было множество религий, множество божеств. Он даже принимал участие в молитве Исхо, идолу дикарки Квоквег, и никаких неприятных последствий не последовало.

Он опустился на колени перед алтарем и посмотрел вниз, через прозрачный пол, прогнувшийся под его весом. Под ним было тысяча футов высоты. Никогда он не был так близок к вечности...

Намали повернулась, не прекращая пения. Она подняла вверх ящичек. В нем находилась небольшая скульптурка, высотой фута в два, сделанная из чего-то вроде слоновой кости, но с красными, зелеными и черными прожилками. Фигурка изображала полукита, получеловека: звериная морда, человеческое тело, но вместо ног – хвост кита. Он него исходил сладкий, приятный и, уж конечно, одурманивающий запах.

Исмаэль выпил довольно много нахамчиза, и его слегка потягивало при ходьбе. А вдохнув этот запах, он почувствовал сильное головокружение. Сознание покинуло его, и он упал лицом вперед.

Он проснулся на полу, и под ним были полумертвые моря планеты. Когда он со стоном сел, то увидел, что остался один. Голова у него болела так, будто он получил сильный удар молотком.

Идол был прикрыт ящичком, но его запах все еще царил в комнате.

Он, шатаясь, вернулся в свою каюту и лег спать.

Проснувшись, он захотел выяснить, что это за запах и почему он так подействовал на него, но поговорить было не с кем. Все оказались заняты. Все бегали и суетились. А причина была в том, что рулевой заметил стадо китов. Капитан решил, что с возвращением домой можно подождать и необходимо добыть еще пищи. Иначе им не хватит еды на весь оставшийся путь.

Исмаэль чувствовал себя хорошо и решил просить разрешения у капитана принять участие в охоте, хотя он понимал, что совершает глупость. Он сообщил капитану, что охотился на морских китов, и не видит никаких препятствий к тому, чтобы быстро приспособиться к охоте на воздушных.

— Нам нужны рабочие руки, — сказал капитан. — Но ты не должен вмешиваться в охоту в критический момент. Ты умеешь обращаться с парусами, а единственная разница между твоим умением и нашим заключается в том, что ты плавал в двух измерениях, а здесь нужно — в трех. Хорошо, ты пойдешь в лодке Каркри. Ступай и получи распоряжения гарпунера.

В команде корабля никогда не было лишних людей, так как его нагрузка ограничена. "Руланга" уже потеряла одного матроса, который выпал за борт. Затем, во время охоты за китом, погиб Рамварпа, а его товарищ сломал кости. Так что капитан хотя и не очень охотно, но согласился на предложение Исмаэля.

Гарпунер Каркри вовсе не имел такого мощного телосложения и развитой мускулатуры, как те гарпунеры, которых знал Исмаэль в своем мире. То были люди, похожие на львов. Но здесь, чтобы вонзить гарпун в тело воздушного кита, не требовалась мощная мускулатура. Просто нужно было знать, куда нанести удар. Череп воздушного кита был обтянут кожей, но в черепе существовало много мест, не защищенных костями, — эволюция делала все, чтобы сэкономить вес. И она убирала все ненужное.

Во время охоты лодка неслась параллельно киту, и гарпунер метал свое орудие в незащищенный участок животного, причем было известно, что все жизненно важные органы кита находятся в голове. Если бы содрать кожу с кита, то перед глазами исследователей обнаружили бы воздушные пузыри, прикрепленные к костям скелета.

Исмаэль, размышляя об этом, взобрался на лодку. Он считал, что в воздушном ките так мало мяса, что опасная игра не стоила свеч. Гарпунер подозрительно посмотрел на Исмаэля, но не сказал ничего. Матрос по имени Куай объяснил Исмаэлю его обязанности во время охоты и на случай нового шторма.

И вот лодка выскользнула из чрева "Руланги" и устремилась в полет. Каркри приказал поднять паруса, а сам встал впереди. Паруса подхватили ветер, и лодка моментально обогнала "Рулангу". Исмаэль и Куай следили за парусами, причем Куай не спускал глаз с неопытного новичка.

Каркри, отдав необходимые приказания, встал на свое место и объявил команде, что если появятся акулы, то их нужно тоже убивать.

— Нам нужно мясо. Мясо для нас и для животных, произво-

дящих газ. Даже если мы убьем одного кита, нам этого окажется мало. Поэтому мы должны стараться добыть побольше, пусть даже акулу.

Лодка прошла мимо корабля. Исмаэль увидел на палубе Намали. Он помахал ей рукой, и она ответила ему. Затем девушка исчезла.

Исмаэль заметил, что люки корабля открыты, и спросил об этом Каркри.

— Сейчас корабль войдет в красное облако. Он будет захватывать мелких животных, так же как кит. Из них получается прекрасный суп, а кроме того, мы используем их для украшений.

В воздухе было еще три лодки. Лодка Каркри устремилась за огромным китом. Куай объяснил, что это вожак стада. Он охраняет стадо сзади. Вожак летел, постоянно меняя курс, словно пытаясь не выпустить из виду все четыре лодки. Затем он нырнул в красное облако, и лодка Каркри устремилась за ним. Все матросы моментально накинули прозрачную ткань на головы.

И это было не напрасно, так как тысячи маленьких существ облепили их. Исмаэль запоздал, и ему пришлось отплевываться, протирать глаза. Каркри приказал, чтобы эти микроскопические существа сбрасывались на дно лодки. Исмаэль, управляя одной рукой парусами, другой рукой выгребал из маски красных существ. Вокруг него бушевал красный шторм, и гряда красных животных скапливалась на дне лодки.

Внутри красного облака попадались области, совершенно свободные от красных существ. И тут тело кита казалось совершенно черным. Здесь почти не дул ветер и паруса обвисали, как голодные животы. Однако эта потеря скорости компенсировалась тем, что кит, набивая живот, тоже потерял скорость.

Лодка снова нырнула в красное облако, а когда вынырнула оттуда, то оказалась рядом с китом. Животное маневрировало, пытаясь избавиться от преследователей точно так же, как это делали их предшественники, морские киты, тысячи лет назад.

Кит мог легко уйти от преследования, освободившись от балласта и выпустив газ. Но он не делал этого, так как не мог предполагать, что скоро гарпун поразит его в открытое место на голове, в девяти футах от глаза.

Каркри встал, широко расставив ноги, проверяя, правильно ли уложены кольца линя, затем поднял руку, призывая всех приготовиться.

Куай тоже встал. Он раскрутил и швырнул прямо вверх короткую палку коричневого дерева. Она взлетела высоко над головой кита. В это же время с другой стороны головы животного взлетела другая палка. Обе палки вспыхнули одновремен-

но и начали падать, оставляя после себя кольца дыма.

Это были сигналы, что лодки готовы. Кто бы ни бросил палку первым, обязан был ждать, пока вторая лодка тоже подаст сигнал.

Каркри встал поустойчивее, поправил линь, такой тонкий, что его почти не было видно, и швырнул гарпун. Острое орудие пронзило кожу кита и исчезло.

Каркри упал на колено после броска и поспешно закрепил себя привязным ремнем. Линь быстро сматывался с барабана — это кит стремительно поднимался вверх, выпустив воду, которая служила ему балластом. Он сложил крылья так, чтобы они не мешали ему при подъеме.

Исмаэлю удалось только мельком взглянуть на гиганта. Ему сразу пришлось заниматься парусами. Куяй маневрировал парусами на другой мачте. Рулевой напряженно ждал рывка, когда весь линь сматается с барабана. Если линь не порвется сразу, то лодку потащит вверх.

Каркри сидел с ножом в руке, теперь ему было нечего делать до тех пор, пока кит не выдохнется, но следовало все время быть готовым обрезать линь в случае опасности.

Исмаэль покончил с парусами и посмотрел вверх. Кит был далеко, но даже отсюда казался огромным. Вторая лодка неслась неподалеку. Они тоже напряженно ждали рывка. Гарпунер повернулся к ним, и на темном его лице ослепительно сверкнули белые зубы.

Барабан крутился со страшной скоростью. И вот наступил момент, когда нос лодки вздернулся вверх, и она стремительно понеслась за китом. Линь выдержал, хотя, на взгляд Исмаэля, он был очень тонким. Вторая лодка тоже летела вверх, влекомая китом.

Кит был выше их на две сотни футов. Внизу дрейфовало красное облако. "Руланга" на момент скрылась в нем, а затем появилась снова, борясь с ветром. Другие лодки находились в миле от них и чуть ниже. Их тоже тащил кит.

Каркри, несмотря на свою слабость, крутил барабан, вставив в отверстие палку. Необходимо как можно ближе подойти к киту, прежде чем он решит броситься вниз. Тогда при вираже кита опасность врезаться в землю уменьшится.

Поэтому Каркри и гарпунер второй лодки быстро накручивали линь на барабан. И только когда воздуха совсем стало не хватать, а дыхание превратилось в хрипение, они бросили эту тяжелую работу и закрепили барабан. Все матросы подходили по очереди и крутили барабан, пока не выдыхались полностью. Попробовал крутить и Исмаэль, но он не был привычен к такой разреженной атмосфере и быстро выбился из сил. С трудом он

добрался до своего места и посмотрел вниз. Лучше бы он не смотрел! Где же "Руланга"?

Лодки постепенно приблизились к киту и сейчас находились в тридцати футах от его хвоста. Каркри окончательно закрепил барабан.

Исмаэль задыхался. В глазах у него потемнело, разум помутился. Ему стало совсем плохо. Он надеялся, что остальные, привыкшие к разреженному воздуху, присмотрят за ним. Возможно...

Он пришел в себя внезапно. Воздух свистел в ушах, и небо несколько посветлело. Лодка неслась почти вертикально вниз. Мертвое море сверкало отблесками красного солнца. "Руланга" очутилась прямо под ними. Казалось, что кит несется прямо на нее. Говорят, что случалось и такое, когда кит не рассчитывал скорости и направления полета и врезался в корабль. Но сейчас они пронеслись в пятидесяти футах от "Руланги". Исмаэль видел лица матросов, смотрящих на них. Матросы кричали, поднимали руки, некоторые молились богам о ниспослании удачи своим товарищам.

Прошло несколько минут, хотя они показались Исмаэлю мгновениями. Суша стремительно приближалась, но вот берега моря стали уходить в стороны, и под ними оказалась только вода. Исмаэль вспомнил, как искусно кит разбил лодку на глазах у него. Такое случалось, хотя и крайне редко.

Обычно кит выходил из пике, оставляя достаточно пространства и времени, чтобы лодка могла удачно совершить маневр. На это требовалось примерно двадцать футов. Нельзя сказать, чтобы этого было много — просто достаточно.

С оглушительным грохотом раскрылись крылья кита, едва не задев линь. Кит сбросил скорость. Лодка следовала за ним. Теперь Исмаэль понял, почему разбилась та лодка. Гарпунер не сумел приблизиться к киту на нужное расстояние.

Куай что-то крикнул. Может, это была молитва, хотя молиться в такой момент, когда требовались решительные действия, казалось неразумным. Кит начал выходить из виража. Лодка за ним. Исмаэля со страшной силой прижало к палубе. Боль пронзила всю спину.

Море только что летело к ним — и вдруг отпрыгнуло в сторону. Они устремились в небо и затем снова к морю.

И тут Исмаэль понял, почему вкрикнул Куай.

Второй кит, выходя из пике, направлялся к ним.

Столкновение, казалось, было неизбежным. И оно произошло. Голова второго кита ударила в затылок первого кита. Хрупкие кости кита не выдержали удара...

Кроме того, досталось и линю. Исмаэля выкинуло из лодки,

как катапульты. Он летел, кувыркаясь в воздухе, и перед его глазами мелькали киты, лодки, суша, небо, вода...

Он не помнил, как ударился о воду, однако осознал, что вошел в воду ногами. Рот и нос невыносимо защипало. Иσμαэль забил руками и ногами, чтобы выскочить на поверхность.

Он вынырнул из воды. В голове его немного прояснилось, и он увидел то, чего никак не ожидал увидеть. Он увидел черный саркофаг, покачивающийся на воде, как будто плывущий по волнам Стикса и несущий тело Квоквег. Для этого саркофага время не существовало.

Мелькнули тени. За саркофагом, в нескольких сотнях метров, рухнули два кита — один из них запутался во внутренностях другого.

Саркофаг тряхнуло первой волной, а следующей погнало к нему, Иσμαэлю.

Иσμαэль посмотрел, где же лодки. Одна лежала на поверхности воды в нескольких сотнях ярдов от него. Было ясно, что у нее лопнули воздушные пузыри.

Иσμαэль увидел в воде трех матросов, плывущих к берегу.

Две лодки в воздухе постепенно снижались. Саркофаг медленно подплыл к Иσμαэлю. Тот, цепляясь за выпуклости иероглифов, точно так же, как он делал раньше, взобрался на него.

Один из матросов, плывущих к нему, внезапно вскрикнул, вскинул руки вверх и исчез под водой.

Иσμαэлю было ясно, что он не нырнул. И утонуть он тоже не мог — вода была слишком соленая. Человек должен был оставаться на поверхности в любом случае.

Что-то потащило его вниз. И через несколько минут Иσμαэль понял, что его что-то удерживает под водой.

До этого Иσμαэль благодарил бога, что в этом море нет жизни. Он и сейчас был убежден, что никто не сможет жить в этом концентрированном растворе соли. Нет, хищник, конечно, был не из тех, кто дышит воздухом.

Иσμαэль закричал и сообщил остальным о том, что случилось. Они быстро выбрались на берег, а Иσμαэль стал грести, лежа на саркофаге. При каждом погружении руки в воду сердце его замирало. Вдруг острые зубы отхватят руку, но ничего не произошло. Он и все остальные выбрались на берег невредимыми. Они помогли вытащить саркофаг, и затем все взоры обратились на море. Тела погибших матросов исчезли. Значит, тот, кто утащил под воду живого человека, не погнушался и трупами. Иσμαэль спросил, кто бы это мог быть. Но никто из спасшихся не слышал о хищниках, живущих в мертвом море. Да и вообще о какой-либо жизни в мертвом море они ничего не знали. Впрочем, матросы могли и не знать. Ведь они лишь из-

редка оказывались в море, так как основная жизнь их протекала в воздухе.

Спустились две лодки. Оттуда сбросили канаты, лодки подтянули, и Иσμαэль с остальными взобрался на борт корабля.

Он оглянулся на саркофаг, сожалея о нем: ведь это была его единственная связь с домом. А кроме того, может быть, это ключ к возвращению.

Если человек может оказаться в будущем, почему бы ему не совершить обратное путешествие? А может, эти загадочные письма и есть тот самый ключ, непонятный способ переключения тумблеров времени?

На борту корабля Иσμαэль попросил разрешения встретиться с капитаном. Ему позволили это сделать, и Иσμαэль спросил у капитана, нельзя ли послать лодку за саркофагом, чтобы поднять его на борт. Сначала капитан Барашха категорически возражал против потери времени и энергии, но Намали поддержала Иσμαэля, и капитан был вынужден согласиться с нею. Саркофаг – предмет религии одного культа, объяснила Намали, а в вопросах религии она имеет решающее слово. Иσμαэль понял, что Намали считает саркофаг его богом, но не стал сейчас выяснять этот вопрос. Объяснения могут подождать.

Две лодки подняли саркофаг, и вскоре он был установлен в центре судна. Его пришлось поднимать на двух лодках, связанных вместе. Подъем происходил очень медленно, и животные, генерирующие газ, поглотили невероятное количество пищи. Но все закончилось благополучно.

После того как были разделаны убитые киты, лодки снова вылетели из корабля. На этот раз началась охота за акулами. Те акулы, что не были убиты сразу гарпунерами, применяли ту же тактику подъема и спуска, что и киты, но с гораздо меньшим успехом. Все-таки они были менее массивными, и способность генерации газа у них оказалась меньше, чем у китов.

После того как было добыто десять акул, корабль возобновил полет. Однако в дальнейшем при встрече с китами охота продолжалась, пока на корабле не были созданы запасы пищи, достаточные для того, чтобы добраться до Заларампатры.

Последний убитый кит принес долгожданную радость охотникам, и в другое время по этому поводу был бы устроен праздник.

Это был круглый шар черного, красного и голубого цветов, диаметром два фута. Он источал сильный аромат, вызывающий одурманивающее действие. Это был тот самый запах, который привел Иσμαэля в бессознательное состояние в часовне бога Ишкавакарки.

Этот шар нашли в одном из маленьких желудков кита, ко-

торые располагаются вдоль хребта. Намали объяснила, что изредка кит глотает маленькое воздушное животное – **вришванку**. Еще более редко случается, что животное не выбрасывается китом вместе с экскрементами, а попадает в ответвление в кишках. Но если такое происходит, то пищеварительная система кита обволакивает постороннее включение некой субстанцией, подобно тому как раковина-жемчужница создает жемчужину вокруг попавшей в нее песчинки.

И в результате возникает **вришкаю** – огромное сокровище. Из него вырезают богов, которые устанавливаются в храмах или продаются в другие города, которые потеряли своего бога в результате гибели корабля.

Намали во время своего путешествия с Исмаэлем много рассказывала ему о том, как рождаются боги. Она также сообщила ему о том, что, когда старые киты погибают, их плоть пожирается пузырями, и тело кита возносится высоко в небо, так высоко, что небо там совсем черное, даже днем, а воздуха нет совсем. Эти тела дрейфуют там до тех пор, пока не взрываются пузыри, и тогда трупы китов падают в определенное место. Теперь там столько китовых скелетов, что их груды выше самых высоких гор. И конечно же там можно найти очень много вришкаю.

Город, который найдет это кладбище китов, станет самым богатым и самым могущественным на планете.

“И жители его всегда будут в состоянии дурмана”, – подумал Исмаэль. Он представил себе город, где будет множество богов из вришкаю, – жители его станут бродить по улицам, как лунатики.

Корабли многих городов, повествовала Намали, пропадали во время поиска кладбища китов. Считается, что кладбище расположено где-то возле восточных утесов, где водится много Пурпурных Чудовищ.

– Почему так полагают? – спросил Исмаэль.

– Потому что еще ни один корабль, улетевший туда, не вернулся обратно, – ответила Намали.

Он поднял брови и улыбнулся.

– Чему ты улыбаешься?

– Странно, что ты и твой народ ничем не отличаетесь от меня и моего народа. Самое существенное в человеке не изменилось за миллионы лет. Но я не могу сказать, хорошо это или плохо. Человек и раньше и сейчас поступает только так, чтобы его действия приносили ему пользу.

Наконец красное солнце скрылось за горизонтом, и наступила холодная черная ночь. Все шло как обычно.

Дни сменялись ночами, хотя и не так быстро, как привык

Исмаэль в том, своем мире. Исмаэль учился управлять воздушным кораблем, постигая особенности его конструкции. В основном он находился среди матросов, но иногда обедал вместе с капитаном и Намали. То, что он принадлежал к совсем другому миру, неизвестному здесь, родился под иным солнцем, подняло его над низшим классом, к которому он должен был бы принадлежать.

Кроме того, вполне возможно, что они считали его не совсем в своем уме, хотя во многих отношениях, даже по их понятиям, он был вполне нормален. Им нравилось слушать его рассказы, впрочем, им многое было непонятно. Когда он говорил, что раньше воздух, по которому они летят на высоте тысячи футов, был водой, и эта вода была населена разнообразными живыми существами, они не могли поверить. Они не могли поверить и в то, что во времена Исмаэля земля тряслась чрезвычайно редко и очень короткое время.

Исмаэль не спорил с ними, так же как не спорил с капитаном. Разум каждого человека представляет собой маленькое обособленное королевство, в которое никто не имеет права насильственно вторгаться.

По мере того как "Руланга" приближалась к Заларампатре, командой овладевали мрачные мысли. Люди говорили очень мало, в основном они молчали. Они как будто искали внутри себя то, что может им возместить потерю, опустошение родной земли. Они проводили много времени в часовне, где непрерывно молилась Намали и божество часто извлекалось из ящика. Исмаэль не мог спокойно пройти мимо часовни, он сразу испытывал головокружение, ощутив сильный аромат.

Намали обычно сидела на полу часовни, глядя на бога. Тело ее склонялось параллельно полу, голова едва не касалась прозрачной кожи, на которой она сидела. Грива черных волос закрывала колени.

Но вот наступил момент, когда капитан вызвал всех на палубу. Они летели весь день и всю ночь, а когда солнце неохотно показалось из-за горизонта, корабль оказался уже вблизи громадных гор, и в этих горах находился город Заларампатра.

Всеобщий вопль потряс корабль.

На месте, где раньше красовался город, теперь виднелись лишь груды развалин.

Исмаэль спросил, как могут люди жить в каменных пещерах, когда земля постоянно трясется и своды их могут каждую минуту обрушиться им на головы.

Намали ответила, что люди не все время живут в каменных пещерах, которые используются в основном как склады, убежища, места поклонения богам. Пещеры — только нижняя часть

города. Верхняя часть – это плавающий в воздухе город: дома, соединенные друг с другом, поддерживаемые в воздухе тысячами больших пузырей с газом. Плавающий город закреплен на месте с помощью канатов и связан с подземным городом с помощью лестниц.

Теперь здесь все уничтожено. Что-то сломало лестницы, взорвало и сожгло все остальное. Обугленные остатки валялись по склону горы. Пещеры тоже были частично разрушены. Тут и там лежали осколки каменных глыб.

"Руланга" проплыла несколько раз над разрушенным городом, и наконец капитан решил бросать якорь. Матросы спрыгнули с корабля и закрепили канаты за кольца, вделанные в каменные плиты. Затем корабль подтянули к земле и выпустили газ из пузырей. Корабль лег на киль.

Половина команды, тридцать человек, осталась на корабле, остальные пошли исследовать развалины. Исмаэль удивлялся, что люди могли создать столь грандиозное сооружение прямо в теле горы и что оно не разрушилось от постоянных сотрясений почвы.

Намали объяснила, что воду жители города собирали в период дождей в большие каменные бассейны. А когда она кончалась, то для питья использовали воду растений.

Исмаэль поблагодарил ее за информацию, а затем спросил, почему она командует отрядом, высадившимся с корабля, в то время как лучше было бы оставить единственную оставшуюся в живых женщину на борту. Намали ответила, что члены семьи Большого Адмирала имеют больше прав, чем любой человек. Но у них и много обязательств перед остальными смертными. Пока она единственный из оставшихся в живых член семьи Большого Адмирала, она должна нести бремя власти и возглавлять самые опасные мероприятия.

Исмаэлю эти доводы показались непонятными. Если Зала-рампатра собирается отстроиться снова, то нужно беречь женщин, чтобы они могли рожать детей.

Они перелезали через груды камней, обгоревших кусков дерева, обходили завалы и глубокие трещины в земле. Картина разрушения была ужасна.

Однако нигде они не увидели останков людей.

– Чудовище съедает все, – сказала Намали. – Кости, мясо, внутренности. Оно разрушает город, а потом своими ужасными щупальцами обшаривает все и уничтожает то, что осталось в живых. Когда оно съедает все, оно засыпает. И затем улетает на поиски других жертв.

– За мою жизнь чудовище уничтожило три города: Авастию, Пракхамаршири и Манарикаспа. Оно прилетает, убивает, пожи-

рает, не оставляя никого в живых.

— Но кто-то все-таки выживает? — поинтересовался Исмаэль.

Он заметил грязно-белые полосы и решил, что их оставило чудовище.

— В Авастии и Манерикаспе не осталось никого. В Пракхамаршри остались в живых женщина и двое детей. Они спаслись, потому что вход в их убежище был завален обломками.

— Возродились ли эти города к жизни, когда вернулись китобойные суда?

— Только Пракхамаршри. На кораблях оказались дочери Великого Адмирала. Но их было мало. На город обрушивались одно несчастье за другим, и в городе не осталось женщин. Тогда мужчины погрузились в корабли и улетели. Над соленым озером они сбросили в воду изображения богов и прыгнули сами. Они погибли, а корабли без людей медленно плыли за горизонт. В конце концов они также разбились.

"Массовое самоубийство", — подумал Исмаэль. Странно, что человечество, где сохранились такие обычаи, еще существует. Да, под этим красным солнцем живет немного людей.

Отряд медленно шел среди развалин. Вокруг — только печальная картина опустошения. Вдруг до них донесся крик, и из полузасыпанного отверстия показалась голова. Затем еще одна. И еще. Женщина, мужчина и две девочки спаслись от чудовища.

Они спаслись и от людей Бурангаха, которые пришли в город, когда чудовище оставило его.

Эти счастливыцы укрылись в глубокой пещере, где находились запасы еды и воды. Им повезло, так как нападение чудовища было внезапным, и, казалось, оно набросилось на город сразу со всех направлений.

— И потом, — рассказывал мужчина, — прилетели корабли Бурангаха. Была ночь, и я тихонько вылез из пещеры. Люди Заларампатры! Намали, дочь Большого Адмирала! Эти люди хвастались, что сумели заманить чудовище в наш город. Их корабли заметили его, когда оно направлялось к Бурангах. Может, оно напало бы на город, а может, пролетело бы мимо. Кто знает? Чудовище дрейфует, как облако. Иногда оно меняет направление и плывет к городу. Тогда город обречен.

Но китобой Бурангаха подогнали китов к чудовищу, правда потеряв при этом два корабля, которые подлетели слишком близко. Наконец Кахамауду полетел за ними и...

— Как? — спросил Исмаэль. — А я думал, что у Кахамауду нет крыльев.

— Оно меняет направление полета с помощью направленных взрывов, — ответила Намали, — и извергает огонь из отверстий

в своем теле. Вот так же оно нападает на город: со взрывами, огнем, дымом, грохотом.

– Животное, которое стреляет порохом и швыряет бомбы? – уточнил Исмаэль, он использовал английские слова, так как таких слов не было в языке народа Намали.

– Чудовище стреляет огнем и дымом и бросает камни, которые взрываются, – заметила Намали. – Люди Бурангаха говорили, что это идея их Великого Адмирала. Его имя Шамавашра. Запомните это, гражданство Заларампатры! Шамавашра! Это он уничтожил наш город.

Исмаэль подумал, что этот Шамавашра сделал то, что сделали бы и люди Заларампатры, если бы додумались до такого.

– Люди Бурангаха говорили, что это была трудная работа – заманить сюда чудовище. Они даже потеряли корабли. Но теперь они попытаются натравить Кахамауду на всех своих врагов. Тогда им будет нечего бояться, так как на Земле останутся только они одни.

Они собрали всех наших богов и великого бога Зоомашматру, погрузили на свои корабли и улетели.

При этих словах крик вырвался у всех. Намали рыдала, остальные рвали на себе одежды и наносили себе раны.

– У нас нет богов! – кричала Намали. – Заларампатра лишилась бога. Все наши боги в плену Бурангаха.

– Мы погибли! – вопили матросы.

Тот человек, который спасся, объяснил: "Они говорили, что еще вернутся сюда, чтобы убедиться, что мы не построили нового города. Они хотят напасть на тех, кто вернется сюда, и увезти в рабство. Здесь не должно быть ничего. Только воздушные акулы будут рыскать над печальными развалинами, тщетно ища себе поживу."

– Мы беспомощны без наших богов! – вскричал кто-то.

Больше выживших не нашлось. Вернувшись на корабль, Намали сообщила печальные вести команде. Капитан посерел и в глубочайшем горе нанес себе такую рану, что чуть не умер от потери крови.

Пока они не прилетели в город, они все же надеялись, что, как бы ни была ужасна ситуация, город возродится вновь. В конце концов, боги ведь остались с ними. Пусть они позволили страшному бедствию обрушиться на город, но они не допустят, чтобы погибли все, кто поклонялся им.

Однако они не вспомнили, что и Авастия и Манарикаспа погибли. Их боги допустили смерть тех, кто поклонялся им.

Теперь же положение жителей Заларампатры стало безнадежным. Даже прибытие остальных китобойных кораблей не улучшит положения. Новые люди придут только в глубокое отчаяние.

Прошло шесть дней. Все стали постепенно приходить в себя. Они охотились, чтобы добыть себе пищу. Капитан Барашха умер от занесенной в рану инфекции и от нежелания жить. Корабль поднял тело капитана высоко в небо и после короткой церемонии его труп по доске соскользнул за борт.

— На кораблях есть боги, — сказал Исмаэль. — Почему же...

— Они имеют силу только на корабле. Они слабые. Нет, нам нужны боги города, нам нужен главный бог, Зоомапматра.

— Иначе вы все умрете? — спросил Исмаэль.

Она не ответила, но по выражению ее лица Исмаэль все понял. Все они сейчас сидели вокруг костра в одной из восставленных пещер. Костер был маленький и совершенно бездымный. Свежий воздух сквозь отверстия в потолке проникал в пещеру, освещенную факелами. Стены пещеры тряслись.

Исмаэль сидел вместе с Намали, ее пятью сестрами, прилежавшими на других кораблях, и капитанами этих кораблей. Вокруг другого костра грелись старшие помощники капитанов. Вторые помощники устроились возле третьего костра, а остальные расположились в соседней комнате.

Исмаэль задумался: сколько же людей осталось жить на этой Земле? Если у всех них такой склад ума, то они будут часто оказываться в ситуации, когда легче умереть, чем выжить. Неужели человечество так долго путешествовало сквозь время, что смертельно устало от этого путешествия, потеряло волю к жизни? Вероятно, красное Солнце и приближающаяся к Земле Луна постоянно напоминают людям о том, что конец близок и неотвратим.

А может, эти люди, живущие на бывшем иле Тихого океана, просто фаталисты? Может, где-нибудь в другом месте обитают люди, существовавшие во времена Исмаэля?

Исмаэль посмотрел на Намали и разозлился. Нет, это неправильно, что такая красивая девушка добровольно отдает себя смерти, и все из-за каких-то кусков вонючего вещества.

Он встал и начал громко говорить. Остальные, сидя на корточках, смотрели на него выжидающе. Он почему-то понял, что все они молятся за то, чтобы он, чужестранец, человек, не связанный их обычаями, традициями, законами, дал им мужество, дал им то, чего у них нет.

— Когда вы охотитесь за огромным китом, — убеждал он их, — вы не трусы. Я знаю это. Трус не сядет в хрупкую лодчонку, не приблизится к чудовищу и не полетит за ним на привязи вверх и вниз с такой скоростью, что смерть будет как ветер свистеть у него в ушах каждое мгновение. И я уверен, что, если придется сражаться с другими людьми, также станете храбро сражаться.

Он помолчал, осмотрелся и увидел, что женщины смотрят на него, а мужчины опустили глаза.

– Но, – продолжал он еще громче, – вы нуждаетесь в чем-то вне себя, чтобы оттуда черпать свое мужество. Вам нужны ваши боги, чтобы вы могли поступать, как мужчины. Мужество вселяется в вас извне. Его нет в вас, им не дышит ваше сердце, не оно делает его горячим, как угли этих костров!

– Этим миром управляют боги, – упрямо повторила Намали. – Что мы можем сделать без них?

Исмаэль помолчал. Действительно, что они могут сделать? Ничего, если он первым не сделает что-нибудь для этих людей. Но он так привык к роли зрителя или актера, играющего второстепенные роли! Исмаэль даже испугался при мысли, что теперь ему придется играть главную роль.

– Что вы можете сделать без богов? – переспросил он. – Вы можете сделать все то же самое, что делали, когда боги были с вами. – А затем он несколько перефразировал слова древнего философа, которому даже и не снилось, что его будут цитировать в конце времени под угасающим Солнцем.

– Когда-то ваши боги не существовали! Вы сами создали их! Ваша собственная религия говорит об этом. Я спросил Намали, почему вы не можете снова создать богов, если вы это уже делали раньше? Но она ответила, что то, что можно было сделать раньше, теперь сделать невозможно. Отлично! Но ваши боги не уничтожены! Их просто здесь нет! Их украли! Почему бы вам не вернуть их себе? Пусть даже украсть снова? В конце концов, бог есть бог, даже если он не находится в доме того, кто поклоняется ему. И кто знает, может Зоомашматра специально допустил все это, чтобы проверить вашу веру. Если вы найдете в себе мужество и вернете его себе, значит, вы выдержали испытание. Но если вы будете сидеть возле костров и ждать, пока ваше горе убьет вас, вы проиграли.

Намали поднялась:

– Что ты предлагаешь?

– Вам нужен предводитель, который станет думать не так, как вы. Я поведу вас. Я сделаю новое оружие, которое люди не знали долгие века. Если же я не найду нужных материалов, нам придется быть хитрыми, коварными и мужественными. Но я требую плату за то, что поведу вас.

– Какова твоя цена? – спросила Намали.

– Вы сделаете меня Большим Адмиралом, – заявил Исмаэль. Он не хотел уточнять, что ему нужен дом. Он за свою жизнь так много путешествовал, что его устроила бы и пещера. Пока.

– А ты, Намали, станешь моей женой.

Капитаны не знали, что сказать. Впервые чужак требовал,

чтобы его сделали Большим Адмиралом. Разве он не знал, что этот титул наследственный? А если у Адмирала нет наследника, то его выбирают из лучших капитанов?

И как он осмелился потребовать Намали, дочь Большого Адмирала, себе в жены?

Намали, однако, не выражала негодования.

Он нравился ей. Может быть, она даже любит его. Хотя она ничем не выдала себя, но Исмаэль знал, что девушки этого народа очень хорошо владеют своими чувствами. Однако она никому не сообщила о его попытке поцеловать ее и о том, что они рядом спали ночью. И хотя вполне возможно, что она просто не хотела губить его, все же он надеялся, что это была не просто жалость.

Долгая тишина. Люди смотрели на Намали и понимали, что она не оскорбилась. Тогда они поглядели на Исмаэля и увидели перед собой сильного мужчину, который ничего не боялся.

Наконец Даулхашра, который стал первым капитаном после смерти Барашхи, поднялся. Он осмотрелся и сказал:

— Заларампатра умрет, если в него не вольется новая кровь. Ему нужен этот чужак, который объявил, что пришел из далекой древности. Может, он послан богами. Если отвергнем его, нас всех ждет смерть. Я считаю, что он должен стать Большим Адмиралом.

Так Исмаэль, который не претендовал никогда ни на что особенное, стал Большим Адмиралом.

И с этого времени его мужество как бы вселилось в людей этого времени. Они больше не сидели с опущенными головами, тихо скорбя. Теперь они ходили с гордо поднятыми головами, говорили громко, много смеялись. Но это долго не продлится, понимал Исмаэль, если он не поддержит их словом и делом. Он отправился в джунгли, чтобы найти гхайашри — растение, которое при горении выделяет много тепла и дым которого напоминает дым от каменного угля. Исмаэль собрал много этих растений. В огромной пещере он запихнул все в большую печь, которую матросы сложили под его руководством, после этого он развел огонь и стал улавливать дым, который при охлаждении превращался в жидкость. Работы было много. Все матросы таскали из джунглей топливо.

Тем временем прилетели еще два корабля, и потребовалось немало времени, чтобы убедить вновь прибывших, что бледнокожий сероглазый чужак стал Большим Адмиралом.

Исмаэль надеялся, что его и Намали скоро объявят мужем и женой. Но потом он понял, что это произойдет только после освобождения Зоомашматры.

Большой Адмирал никогда не женится, пока не совершит

Беликого Деяния. Обычно для этого требовалось убить десять китов или двадцать акул в день, напасть и захватить вражеский город или корабль.

Чтобы доказать свое право быть Большим Адмиралом, Исмаэлю нужно было совершить нечто, чего еще никто не совершал.

Он приказал построить корабль, вдвое больше любого из имеющихся. Как обычно, жители Заларампатры не спешили выполнять указ, не узнав, для чего это нужно.

— Ясно, что большой корабль не требуется для охоты на китов, — объяснил Исмаэль. — Но это будет военный корабль. С его помощью я хочу уничтожить целый город. Его нужно построить как можно быстрее, так как я собираюсь вылететь раньше других кораблей. Он будет очень нагружен и полетит медленно.

Затем наступило время подготовки остальных кораблей к полету. Люди тоже готовились к походу на Бурангах. В городе делались запасы продовольствия.

Сестры Намали настаивали на том, чтобы и они отправились в поход. В противном случае, предупреждали они, счастье отвернется от воинов.

Исмаэль спорил с ними. Если корабль погибнет, потерпит крушение, с ним погибнут и будущие матери. И тогда потребуются много времени, чтобы город возродился вновь. А если погибнут все женщины, то возрождение вообще станет невозможным.

Исмаэль, разумеется, был прав. Но традиции были против него. И традиции, как всегда, победили. Не только все сестры, но и сама Намали заняли место на флагманском корабле.

Исмаэль понял, что спорить бесполезно. Он и так сделал больше, чем мог. Если продолжать спор, то он просто устанет чисто физически и потеряет свой авторитет.

Исмаэль работал, как все, и даже больше. Спать ему приходилось совсем мало. Особенно трудно ему было уснуть днем, так как свет мешал ему. Странно, что люди за столько тысячелетий сохранили обычный восьмичасовой цикл отдыха и работы. Удлинение дня и ночи не повлияло на этот цикл. Поэтому сейчас приходилось спать часть дня и трудиться часть ночи. Однако вскоре Исмаэль приспособился и к этому.

И наконец настал день, когда громадный корабль был построен, нагружен запасами пищи и бомбами. Десять человек составили его команду, и "Бубарангу" медленно поднялся в воздух и полетел на северо-запад. Его целью был город Бурангах, который находился в тысячах миль отсюда.

Четыре корабля последовали за ним через пять дней, что составляло двадцать дней по времени, когда солнце оставалось ярко-красным.

Исмаэль же командовал "Рулангой" — флагманским кораблем. Они летели по направлению к горам, которые Исмаэль считал Гавайскими островами, хотя вполне возможно, что он ошибался — за столько лет земной ландшафт мог измениться. Одни острова возникали, другие — исчезали. Передвигаясь со средней скоростью в десять узлов, флот мог достигнуть цели за двести часов, но Исмаэль приказал, чтобы запасы пищи на кораблях были минимальными. Он хотел доставить к Бурангаху максимум бомб и другого оружия. Поэтому для пополнения запасов по пути пришлось охотиться на китов. А затем они догнали "Бубарангу" и спустили часть парусов, чтобы лететь параллельным курсом. И когда оставалось до Бурангаха всего сотни миль, они начали описывать круги в воздухе, чтобы дожидаться ночи.

В это время все внимательно следили за горизонтом, так как в любой момент могли быть застигнуты китобойными судами противника. Наконец красное солнце спустилось последний раз, осветив вершины гор, которые и являлись целью для Исмаэля и его войска.

Капитаны собрались на флагманский корабль для последнего совета. Исмаэль хотел, чтобы каждый хорошо понял свою роль.

После совета все выпили нахамчиза и разошлись. Капитаны были бледными, но решительными. Дальнейшее существование их народа зависело от них. Он них, а не от богов, которых народ потерял.

Более того, если они попадут в плен, их ждут ужасные муки. Враги знали, как причинять боль своим пленникам и как сделать их смерть мучительной.

Как будто схваченное за горло ночью, солнце повисло над горизонтом. И затем скрылось за ним. В безлунной ночи корабли поплыли к своей цели. Через час взошла луна и залила мир болезненным сиянием. Корпуса кораблей и их паруса были выкрашены в черный цвет, чтобы их нельзя было заметить в ночи.

Вблизи Бурангаха все корабли, кроме флагманского, принялись маневрировать, чтобы окружить город. Корабли поднялись вверх, насколько оказалось возможно. Матросы дышали сквозь маски, куда подавался жидкий воздух. Это приспособление изобрел Исмаэль. Через час, который отмерили песочные часы, тоже сделанные Исмаэлем, кораблям предстояло опускаться. Они должны были сделать это медленно, пока не увидят сигнал, после этого следовало выпустить воздух из пугрей.

"Руланга" летела прямо вперед, постепенно снижаясь. Примерно в двадцати футах над землей она перестала снижаться,

медленно и спокойно скользя по ветру. Затем "Руланга" бросила якоря, которые зацепились за растения, и остановилась у подножия горы, под выступом, на котором расположился вражеский город.

Над ними взад-вперед летали корабли-патрули, охранявшие город. Но они были слишком высоко, чтобы обнаружить "Рулангу".

Исмаэль переоделся в черную одежду, выкрасил лицо черной краской. Через некоторое время к нему присоединилась и Намали, точно так же переодевшаяся и перекрашенная. Исмаэль отдал последние приказы Наваштри, своему первому помощнику, который оставался командовать кораблем в отсутствие Исмаэля. Затем Исмаэль и Намали сели в лодку, с ними погрузилось еще шесть человек. Каждый имел при себе длинный нож, сделанный из стебля растения, напоминавшего бамбук. Пузыри были предварительно наполнены, чтобы обеспечить быстрый подъем лодки. На дне лодки лежало и другое оружие: короткие копья и луки со стрелами. Исмаэлю долго пришлось убеждать своих подданных, чтобы они сделали луки. Люди знали, как их делать, но очень давно отказались от них и не пользовались ими. Однако Исмаэль уговорил их, сославшись на то, что так хотят боги.

К этому времени Исмаэль уже пришел к выводу, что убедить этих людей можно, только ссылаясь на богов. Он теперь всегда поступал так, словно получал от богов приказы и просто передавал их людям. И люди подчинялись этим приказам. Возможно, это случалось потому, что люди сами хотели верить в то, что боги еще не окончательно покинули их.

Наконец настало время, когда лодка Исмаэля и пять других лодок начали подниматься вверх. Они поднимались со спущенными парусами, и вскоре над ними возникла каменная преграда — горный уступ. Каркри, который командовал маневрированием лодки Исмаэля, начал выпускать газ, чтобы замедлить подъем. На других лодках стали делать то же самое.

Эти люди родились в воздухе. Почти автоматически они отмеривали порции выпущенного газа, и лодки постепенно замедляли скорость подъема. И вот лодки поднялись до уступа. Люди легли на спину и, упираясь руками, стали медленно передвигать лодки к краю уступа.

Это была трудная работа, так как ширина уступа достигала полумили. Все боялись порвать кожу, очень прочную, но тонкую.

Исмаэль слышал тяжелое дыхание людей на своей лодке. Справа и слева от него происходило то же самое. Правая лодка находилась всего в шести футах от Исмаэля, но в темноте Исмаэль видел лишь ее смутный силуэт.

Баргайма, третий помощник, тихо воскликнул:

— Здесь какая-то дыра!

— Большая? — спросил Исмаэль. Он надеялся, что это вход в одну из вентиляционных шахт.

— Довольно большая, но на ней деревянная решетка.

Исмаэль отдал приказ, и его лодка стала приближаться к этому отверстию. У него было два плана проникновения в город: один — это высадиться в город сверху, и второй — проникнуть в город через вентиляционную шахту, если ее удастся найти в темноте и она будет достаточно большой, чтобы мог пролезть человек.

Намали говорила ему, что еще никто и никогда не нападал на город таким образом. Однако это не казалось абсолютно невозможным. Тем более что и жители города думали так же, ведь все шахты были забраны решетками и иногда возле них выставлялась охрана.

Когда его лодка подошла к отверстию шахты, Исмаэль схватился за нее и потянул. Она не поддавалась. Просунув руку между прутьями, Исмаэль обнаружил, что они закреплены веревками. Концы же веревок могли быть соединены с другими решетками. Возможно, что, если попытаться сорвать эту решетку, веревки приведут в действие механизм, и включится сирена.

Чтобы избежать этого, Исмаэль привязал к палке нож и перерезал веревки. Затем он осторожно тронул решетку, зацепился за веревку, спускающуюся из люка, и полез вверх. Через некоторое время он решил, что удобнее лезть, упираясь руками и ногами в стенки хода. Подъем оказался довольно трудным, и он содрал бы кожу со спины, рук и ног, если бы не был одет в одежду из тонкой, но прочной кожи. Тем не менее, когда он добрался до верха, вся его одежда превратилась в лохмотья. Он задыхался и дрожал от напряжения. Возле верхней решетки Исмаэль подождал, пока у него не восстановится дыхание. Он прислушался: ничего опасного, только кровь стучала в его висках.

Решетка над ним подавалась со страшным скрипом, который болезненно отзывался на его напряженных нервах. Он выждал немного, а затем высунул голову наружу, ожидая удара каменного топора. Но никто не подстерегал его здесь. Он осмотрелся. Пещера была вырублена в камне. И в ней не было ничего, кроме нескольких ящиков в углу.

Исмаэль выбрался из люка и лег на пол, который содрогался под ним. Выждав некоторое время, он поднялся, подошел к двери и выглянул. Никого. Тогда он вернулся к люку и сбросил веревку. Снизу дернули. Исмаэль сел возле люка, крепко держа веревку и упираясь ногами в камни. Вскоре из люка показалась

Намали: Она тоже схватилась за веревку и тянула ее, пока не выбрался Каркри.

Затем Каркри стал удерживать веревку, по которой взбирались другие воины.

Исмаэль взял небольшой факел, который находился в сумке Намали, зажег его и начал обследовать пещеру, в которую они попали. Он обнаружил несколько коридоров и лестниц, но решил не идти дальше, а подождать, пока соберется весь отряд.

Это был довольно медленный процесс. И когда наверх забрались все, внизу осталась лодка с тремя матросами. Они должны были ждать три часа. Если к этому времени никто не вернется, лодка должна была вернуться на "Рулангу", и тогда вступал в силу второй вариант плана.

Исмаэль повел отряд из пещеры наверх. Они двигались по длинным коридорам.

Барангах был выстроен так же, как Заларампатра. Вскоре они поднялись в помещение, где на стенах были закреплены горящие факелы. Там спали люди.

— Это рабы, — прошептала Намали.

Пещеры, где не было людей, были заполнены ящиками. Такие же ящики находились и в коридорах. Очевидно, их должны были занести в пещеры. Отряд подымался дальше. Конечно, можно было бы перебить рабов, но существовала опасность, что кто-нибудь проснется и вскрикнет. К тому же рабы редко вступались за своих хозяев во время нападения на город, поэтому убивать их не было особого смысла.

Отряд быстро двигался вперед. Люди поняли, что этот город построен так же, как и их город, поэтому они надеялись быстро найти проход в замок. Они миновали поворот, а дальше Исмаэль пошел только с двумя воинами. Они пробирались без факелов, держа наготове ножи. Остальные их ждали. Коридор, по которому шел Исмаэль, был темным. Он добрался до конца и увидел лестницу, ведущую наверх. К Исмаэлю подтянулись остальные. Намали сказала, что ожидала увидеть это, так как в их городе все устроено так же.

— По этой лестнице можно войти в замок богов, но...

— Что "но"? — спросил Исмаэль.

— Много-много лет назад, когда не родились еще мои прапрадеды, один заларампатрец бежал из Бурангаха. Он рассказывал очень странные истории. Он говорил, что замок богов в Бурангахе охраняют не люди, а чудовища, которых не смог убить основатель Бурангаха. Поэтому он оставил чудовищ для охраны замка...

— Сейчас не время слушать сказки, — перебил ее Исмаэль. Но когда он поднялся по лестнице, то понял, что его ждет нечто необычное.

Коридор, куда он попал, был ярко освещен, через каждые шесть футов в его стенах были установлены факелы. Конец коридора можно было увидеть, и там что-то сверкало в свете факелов.

Исмаэль остановился у поворота. Холодный воздух коснулся его лица, как рука трупа. В нижней части стены коридора виднелось много отверстий диаметром в шесть дюймов. Видимо, это были вентиляционные отверстия.

Исмаэль собрался с духом и пошел вперед. Остальные последовали за ним, готовые к бою. Они приближались к тому месту, где их мог встретить вооруженный враг.

В конце коридора оказалось прямоугольное отверстие в семь футов высотой и в шесть шириной. Отверстие было затянуто паутиной, сверкающей в свете факелов, как будто в паутине запутались пластинки слюды.

— Что это? — шепотом спросил Исмаэль.

— Не знаю, — ответила Намали.

Исмаэль взял факел из рук воина и подошел вплотную к паутине, стараясь заглянуть сквозь нее. Факел только отбросил тени от нитей паутины на пол. А дальше была крошечная тьма.

Исмаэль колебался. Паутина казалась такой непрочной, что было непонятно, зачем она здесь. Какую защитную роль она играет? Но, может, колебание паутины включит сигнал тревоги или вызовет поджидающего хищника?

Но стоять здесь долго было бессмысленно. Если заметят его нерешительность, люди потеряют веру в него, а ведь только она и привела их сюда.

Исмаэль поднес факел к паутине, и она моментально сгорела. Пластинки слюды упали на пол, как металлические хлопья.

Из тьмы донесся какой-то глухой звук.

Держа факел перед собой, Исмаэль двинулся вперед.

Свет факела вырвал из темноты очень большое помещение. Потолок был так высок, что терялся во тьме. Под ногами у Исмаэля оказался гладкий каменный пол.

Воздух был неподвижным, влажным и теплым. Однако в стенах не было видно вентиляционных отверстий.

Отставшие люди подошли и сгруппировались за ним. Еще четыре факела осветили внутренность помещений, загнав тьму в дальние углы. Но потолка не было видно и сейчас...

Он услышал голос Намали за собой:

— Говорят, что, когда основатель Бурангаха привел сюда свой народ, он обнаружил, что здесь уже живут люди, вернее, жили. В стенах были вырублены пещеры, в которых обитали странные животные. Прежние обитатели пещер либо вымерли, либо были убиты зверями. Герой Бурангах убил некоторых зверей, но

других он не сумел убить. Поэтому он завалил пещеры, а его народ вырубил в скале новые.

— В легенде есть доля истины, — согласился Исмаэль. — Но если звери живут в этих пещерах, то они, можно сказать, на свободе. Не может же паутина удерживать их.

— Не знаю, — ответила Намали. — Может, паутина имеет какой-то запах, которого мы, люди, не ощущаем. Может быть и другое объяснение.

Их шепот, казалось, метался в вечной ночи, как летучие мыши. Тишина и темнота пещеры как будто поглотили все: и свет, и звук. Чудилось, дай им волю, пещеры поглотят и людей. Исмаэль поднял факел и шагнул вперед. Он знал, что слишком плохо знаком с этим миром. Хотя он многое видел и ко многому привык, но наверняка существовало еще много такого, чего он не знал и к чему не был готов, так как не понимал природы явлений.

Он продвигался вперед. Факелы были как горящие корабли, плывущие в ночи. Тьма отступала перед ними, но сразу же смыкалась за их спинами. И тишина, глухая тишина.

Через некоторое время Исмаэлю померещилось, что темнота дышит. Казалось, что темнота — сама живое существо, громадное животное, не имеющее определенной формы и существующее повсюду вокруг них.

Исмаэль оглянулся. Входное отверстие снова светилось. Паутина!

Она снова затянула отверстие!

Намали, тоже оглянувшись, ахнула.

Остальные тоже повернулись.

— Может, этот паук плетет паутину с огромной скоростью, — предположил Исмаэль. Он постарался сказать это спокойно и уверенно, хотя не ощущал ни того, ни другого.

Он повернулся и снова пошел вперед. Главное, не удариться в панику и не броситься обратно. Может, тот, кто снова сплел паутину, только этого и ждет. В любом случае нужно идти только вперед.

Что-то просвистело возле его головы. Он отмахнулся от этого факелом. Что-то круглое, серое, с шестью короткими тонкими ногами и круглой головой, с большим глазом и щелеобразной пастью, в которой сверкали длинные острые клыки, метнулось от него в темноту. Тело животного было величиной с человеческую голову. Что-то тонкое тянулось из его спины. Затем Исмаэль понял, что это нить, шнур, другой конец которого тянется к потолку, невидимому в темноте. Это существо прыгнуло на него сверху из темноты.

Он сказал:

— Пригнитесь и смотрите вверх! — Исмаэль опустился на колени и приказал:

— Не кричать, чтобы ни произошло!

Может быть, эти существа были безвредными.

Может, они просто играют роль сторожевых собак. Они пугают пришельцев, чтобы те подняли крик и этим самым привлекли внимание сторожей.

Еще одно существо так внезапно выскочило из темноты, что защититься было невозможно. Оно схватило всеми шестью ногами голову матроса, стоящего рядом с Исмаэлем. Человек упал от толчка, и его копье загремело на каменном полу. Другой матрос всадил свое копье в зверя, и тот, раскинув ноги, упал с головы жертвы. Существо лежало на полу, дрыгая ногами.

Подвергшийся нападению матрос уже не поднялся.

Исмаэль потряс его, затем приложил ухо к груди.

— Он умер, — объявил он.

На шее матроса виднелись три красные метки в тех местах, куда вцепились когти зверя.

Снова что-то серое вынырнуло из темноты. Кто-то из воинов успел всадить в него копье. Существо вырвало копье из рук человека, но само упало на пол мертвым.

Еще через тридцать секунд — новое нападение. На этот раз существо пронеслось у них над головами и исчезло в темноте.

По тому, что оно не повторило нападение, было ясно, что эти существа как будто спускаются с потолка на нитях и снова взмывают вверх.

Исмаэль медленно сосчитал до двадцати, а затем приказал всем отскочить в сторону. И через тридцать секунд после этого маневра снова пролетело это злое существо. Оно пролетело ниже, чем в первый раз, но никого схватить ему не удалось из-за того, что все отступили.

Вероятно, их тут были тысячи, но все они нападали с интервалом в тридцать секунд.

Исмаэль швырнул факел высоко в воздух. Он летел, рассылая искры и освещая только тьму, пока не достиг максимальной точки подъема. И тут Исмаэль увидел какую-то серую массу, из которой тянулись нити. Потолка не было видно и сейчас.

Исмаэль не смог ничего разглядеть, но предположил, что нити крепятся к спинам круглых существ с шестью конечностями. Серая масса, которая вбирала в себя все эти нити, видно, управляла их длиной и, следовательно, расстоянием до жертвы.

Те существа, которые осветил факел, видимо, были парализованы его светом. А остальные, находящиеся в темноте, продолжали нападения. И каждый раз интервал составлял тридцать секунд.

Исмаэль тихо приказал команде бежать за ним и в точности повторять его движения: прыгать в сторону, останавливаться, падать на пол.

И он повел счет с пятнадцати. Исмаэль решил, что пятнадцать секунд у него ушло, чтобы дать указания. При счете тридцать он прыгнул к упавшему в тридцати футах от него факелу и распластался на полу.

Серое шестиногое существо пролетело над ними и исчезло в темноте.

Исмаэль вскочил и, считая про себя, бросился бежать. При счете тридцать он сделал два больших прыжка влево и упал.

В следующий раз он пырнул копьём вверх и промахнулся, лишь слегка задев существо. Исмаэль снова побежал вперед и увидел его. Существо ковыляло по полу на трех ногах. Остальные были переломаны. Один из матросов швырнул в него факел. Запахло горелым мясом, и это страшилище поджало под себя ноги и умерло. Или сделало вид, что умерло. Исмаэль решил, что лучше добить его копьём.

Все это время он не прекращал счета. Так он вел своих людей к выходу из огромной пещеры, который тоже был затянут светящейся паутиной. Исмаэль сжег паутину и выбрался из пещеры. Одно из существ сделало отчаянную попытку настичь их и, не рассчитав, само ударилось о стену. Оно превратилось в лепешку, и зеленоватая слизь потекла по стене на пол. Исмаэль тихо, но повелительно приказал всем не терять даром времени.

В следующей пещере, казалось, царила только темнота. Во всяком случае, брошенный вверх факел не высветил ничего угрожающего. Но бдительность нельзя было терять: потолок все-таки скрывался в темноте.

Исмаэль обернулся назад, где в темноте мерцала слабым светом паутина, затянувшая отверстие, через которое они только что вошли сюда. Она была похожа на светящееся окно в темной ночи. Исмаэль вдруг обнаружил, что не хватает одного из его людей.

— Где Памкамюм? — спросил он.

Остальные оглянулись, затем посмотрели друг на друга.

— Он только что был здесь, — произнес недоуменно Гунрайум.

— Он ведь нес факел, — сказал Исмаэль. — А теперь он у тебя. Как это случилось?

— Памкамюм попросил подержать его, — объяснил Гунрайум. А теперь Памкамюм исчез.

Исмаэль и остальные, держась поближе друг к другу, вернулись к двери. Она снова была затянута паутиной.

Исмаэль повел отряд обратно, внимательно осматриваясь. Памкамюма нигде не оказалось. Снова он бросил факел в воздух.

И не увидел ничего, кроме... Но Исмаэль не был уверен.

Он снова бросил факел вверх изо всех сил, и на этот раз тот выхватил из тьмы, бледно осветил нечто похожее на две голые ноги.

– Слушай, – сказала Намали.

Все притихли. Исмаэль услышал ток крови в своих жилах. И еще один звук. Слабый, еле слышный.

– Как будто кто-то чавкает, – пояснила Намали.

– Чавкает, – подтвердил Каркри.

По просьбе Исмаэля Каркри взял факел и бросил его вверх. Каркри всю свою жизнь бросал гарпун. Факел взлетел высоко вверх и осветил две голые ноги. Они висели в воздухе и медленно поднимались вверх.

Намали ахнула, а остальные стали громко молиться.

– Что-то подхватило Памкамюма и подняло в воздух, когда никто не смотрел на него, – объяснил Исмаэль.

Он похолодел, мышцы его свела судорога.

– Выстрели туда из лука, – приказал Исмаэль Аварьяму. – Не бойся попасть в Памкамюма. Я думаю, что он мертв. Кто-то тащит его вверх.

Аварьям пустил стрелу в темноту. Зазвенела тетива, и послышался глухой звук. Стрела не упала обратно.

– Ты во что-то попал, – констатировал Исмаэль, – будем надеяться, что это был не Памкамюм. Может, бедняга не был еще мертв, а лишь без сознания. – Но Исмаэль не мог ничего поделать. Сейчас главное – обезопасить остальных.

Они пошли дальше, пока Исмаэль не приказал остановиться. Каркри снова бросил факел вверх, и теперь они уже увидели ноги до колен. Верхняя часть тела Памкамюма скрывалась словно в тумане.

– Сейчас он ниже, чем раньше, – пояснил Исмаэль, и тут впереди раздался глухой звук. Они поспешили туда и свете факелов увидели тело Памкамюма. Кости его были переломаны, на теле зияли раны. Но его убило не падение с высоты. На шее у него алело багровое пятно, глаза выкатились из орбит, язык торчал изо рта. Что-то съело его скальп, уши и часть носа.

– Все закройте руками шеи, – приказал Исмаэль.

– Во что же попала стрела? – спросила Намали. Она посмотрела вверх и вскрикнула, забыв обо всех указаниях Исмаэля. И отскочила назад. Все остальные тоже подняли головы и тоже отпрыгнули в стороны, освобождая место.

Какое-то существо упало на каменный пол рядом с телом Памкамюма. Оно имело форму шара, а большая присоска виднелась у него на спине. С другой стороны шара в клубке щупальцев находился большой рот с огромным количеством мел-

ких, но острых зубов. Видимо, стрела пронзила его насквозь, и существо погибло. Присоска отвалилась от потолка, и животное упало на пол.

Очевидно, это животное присосалось щупальцем к шее Памкамюма и подняло его вверх. Исмаэль не знал, почему жертвой пал именно Памкамюм. Может, это чистая случайность, а может, чудовище выбрало его именно потому, что на несчастного в данный момент никто не смотрел.

Во всяком случае, для Исмаэля стало ясно, что он и его люди находятся в опасности. Однако стало ясно и то, что эти чудовища по какой-то причине не совершают массированного нападения. Может, у них общий мозг или общая нервная система, как у существ в соседней пещере? И поэтому каждому из них по очереди предоставляется право выбирать себе жертву? А может, они могут нападать только тогда, когда за жертвой не наблюдают товарищи?

Но если это так, тогда нападение можно предотвратить, если не выпускать из поля зрения никого из отряда.

Исмаэль склонился над чудовищем, чтобы рассмотреть его. Бледно-зеленая жидкость вытекала из раны. Стрела попала в область, по форме напоминающую куриное яйцо. Вероятно, это был какой-то важный жизненный орган. На теле чудовища Исмаэль насчитал более пятидесяти таких областей. Остальная часть тела представляла собой плотную массу.

Исмаэль понял и дал знак двигаться дальше. Они пошли, закрывая руками шеи и внимательно следя, не появится ли из тьмы щупальце.

Через некоторое время Исмаэль остановил группу и приказал Каркри бросить факел вверх. И они увидели с десятков щупальцев, извивавшихся вверх. Они медленно спускались вниз.

Исмаэль понял, что чудовища начали совместные действия. Очевидно, они сообразили, что нападение поодиночке обречено на провал. А может, смерть одного из них вызвала необходимость координированных действий.

Исмаэль отдал приказ, и все бросились бежать. Они бежали плотной кучкой, прикрывая шеи. Но вот из темноты высунулось несколько щупальцев и обхватили шеи нескольких людей вместе с прикрывающими их руками.

В их числе была и Намали.

Исмаэль оглянулся на крики. Он велел лучникам опуститься на пол и открыть беглый огонь вверх.

Сам он схватил факел, который был брошен матросом, сейчас старающимся освободиться от поднимающего его вверх щупальца. Руки предохраняли его от удушения, но лицо постепенно багровело.

Исмаэль ударил факелом по щупальцу, оно выпустило человека и скрылось в темноте. Запах горелого мяса остро ударил в ноздри.

Исмаэль прыгнул вперед, схватил руками щупальце, обвинявшее шею Намали, и провел факелом по его поверхности. Щупальце судорожно дернулось, изогнулось и вырвалось.

После этого с помощью факелов всех освободили от смертельных объятий. Вновь что-то тяжелое упало впереди отряда. Все осторожно подошли и рассмотрели еще одно мертвое чудовище, убитое случайной стрелой.

Теперь все встали так, чтобы люди с факелами находились вокруг отряда, а один человек с факелом расположился в центре. Исмаэль надеялся, что это отпугнет чудовищ. Пройдя еще сорок метров, отряд приблизился к стене с небольшим квадратным отверстием. Все захотели побыстрее выбраться отсюда. Исмаэль понимал неразумность спешки, ведь вполне возможно, что сейчас они, вырвавшись из одной ловушки, попадут в другую, еще более опасную.

Но он ничего не мог поделать со своими людьми... и с собой.

Факелы осветили коридор, плавно поворачивающий направо. Ширина коридора была такой, что по нему могли идти рядом два человека, а высота его не превышала два человеческих роста. Отряд сделал по коридору восемьдесят шагов, а затем коридор начал закругляться налево. Через сотню шагов они оказались у каменной лестницы, очень узкой, по которой можно было пробираться лишь поодиночке. Лестница была крутой и все время вела направо.

Впереди шел Исмаэль, с факелом в одной руке и копьём в другой. Он поднимался и думал, сколько ужасов их еще ждет впереди, сколько пещер и коридоров им еще предстоит пересечь. Не исключено, что в конце концов они окажутся в тупике или в ловушке, которой никому из них не удастся избежать. Исмаэль не мог понять, как жители Бурангаха кормят этих чудовищ-хранителей пещер. По всему было видно, что сюда никто не заходил с того времени, как эти пещеры были сделаны.

Лестница все вела вверх. И вот наступил момент, когда они добрались до ее конца. Исмаэль остановился. Перед ними возвышалась громадная каменная фигура.

Она была серого цвета и напоминала черепаху с головой лягушки и ногами таксы. Высота ее достигала четырех футов. Постоянные сотрясения почвы придавали чудовищу видимость жизни.

Глаза ее оказались такими же серыми, как и все тело.

Но когда Исмаэль приблизился к ней, он заметил, как в глубине глаз что-то шевельнулось. "Нервы совсем расходились",

— подумал Исмаэль и вошел в помещение, которое охраняла эта фигура.

Каменная голова со скрежетом повернулась. Если бы не этот скрежет, Исмаэль ничего бы не заметил и каменные челюсти сомкнулись бы на его плече.

Но он успел отпрыгнуть, и челюсти лязгнули, как будто они были из железа.

Когда пасть снова распахнулась, Исмаэль воткнул туда копые.

Желтоватая жидкость хлынула изо рта чудовища прямо в лицо Намали, и девушка упала! Исмаэль прыгнул на спину чудовища. Он выхватил свой каменный нож и стал бить в правый глаз каменного зверя. Но нож его моментально раскрошился, а чудовище начало вытягивать шею из панциря. Голова чудовища начала приближаться к лежащей Намали.

Каркри выпустил стрелу прямо в открытую лягушечью пасть.

Голова продолжала тянуться к Намали. Шея все вытягивалась и вытягивалась, как будто ей не было конца. Исмаэль видел, что шея сделана из камня или покрыта чем-то твердым, напоминающим камень. При движениях чудовища каменные чешуйки перемещались относительно друг друга.

Но вот голова чудовища опустилась на пол, и из пасти потекла мутноватая жидкость.

Существо больше не двигалось.

Исмаэль заглянул в каменные глаза. Они были серы и неподвижны. Пасть все еще оставалась разинутой, и факел осветил копые Исмаэля и стрелу Каркри, которые пробили большую круглую выпуклость в горле чудовища. Чудовище, видимо, действительно погибло.

Исмаэль спросил Намали, не ранена ли она. Но Намали ответила, что она просто очень испугалась. Затем Исмаэль постучал по спине чудовища. Что же произошло, как шкура зверя превратилась в каменную броню?

Намали сказала, что никогда, даже в самых страшных легендах, не слышала о таких зверях.

— Но теперь чудовище мертво, — успокоил ее Исмаэль. — Я не знаю, где жители Бурангаха нашли его. Наверное, в недрах горы, когда рыли свои пещеры. Надеюсь, что они нашли только одно. Во всяком случае, оно уже не помешает нам, когда мы будем возвращаться.

— Не уверен, — заметил Каркри.

Он осветил факелом пасть чудовища, и Исмаэль разглядел, что и стрела и копые всасываются внутрь алой выпуклости, которая снова начала пульсировать. Или это была просто ил-

люзия, вызванная постоянным сотрясением почвы?

Затем челюсти медленно сомкнулись, и шея чудовища начала вытягиваться назад. Серые глаза были так же серы и безжизненны. Но люди попятились от чудовища, не сводя с него глаз. Они смотрели, не повернется ли эта страшная голова к ним. Когда они оказались в помещении, которое охраняло чудовище, то остановились. Все посмотрели на Исмаэля, как будто спрашивали, что же делать дальше.

— Все, что нам осталось, это идти вперед, — сказал Исмаэль. — Но я уверен в одном: жрецы замка Бурангаха думают, что никто не сможет живым выбраться из этих пещер. Так что мы застанем их врасплох.

— Если эти пещеры ведут в замок, — уточнил Вангуянами.

— Кто-то же должен кормить этих страшилищ. Я сомневаюсь, что они приходят оттуда, откуда идем мы. Во всяком случае, мы должны идти вперед, пока не выиграем или не проиграем.

”И в этом, — подумал он, — вся мудрость жизни. Живое существо всегда должно идти вперед, пока не наступит конец. Тот или иной. Даже здесь, в мире трясущейся земли и красного Солнца, этот закон остался справедливым”.

Пока им везло. Если бы эти стражи были более решительными, более свирепыми, от отряда бы уже не осталось никого. Может, раньше так и случилось бы. Но прошли века, и чудовища утратили свою свирепость, свои боевые навыки, ослабели. Их хранители-жрецы, возможно, перестали обращать на них внимание, кормить, и звери, потерявшие свою силу, живущие в вечной тьме, не смогли сбросить с себя апатию, когда пришло время действовать.

Однако теперь они уже пришли в себя и будут гораздо более опасны, если людям придется возвращаться обратно.

Может быть...

Снова перед ними появилась крутая лестница, выбитая в каменной стене. Исмаэль полез по лестнице, держа в руке факел.

Все время, пока они находились в пещерах, Исмаэль искал следы людей в них: отпечатки ног, стертую пыль. Но пока он не обнаружил никаких следов. И вдруг он услышал что-то.

— Кажется, ты принесла нам счастье, Намали, — прошептал он.

— О чем ты?

— Подожди, — прошептал Исмаэль и поднял руку, требуя тишины.

Все остановились и прислушались.

Снова до них донесся слабый звук, что-то наподобие пения.

— Кажется, мы рядом с замком, — прошептала Намали.

— Надеюсь, что и выход отсюда рядом, — сказал Каркри, —

кто-то преследует нас.

Исмаэль оглянулся и попытался рассмотреть, что находится у подножия лестницы. Свет факелов едва освещал помещение. Но все же Исмаэль рассмотрел какую-то темную, медленно движущуюся массу. Он сразу решил, что это каменное чудовище.

— Оно не умерло! — воскликнула Намали.

— И оно ждет нас. Но вряд ли оно сможет взобраться по лестнице.

— Оно закрыло нам выход, — объявил Каркри. — Чудовище не забудет, что мы причинили ему боль.

Исмаэль полез дальше, и вскоре они все уже были в каменном коридоре. Еще футов шестьдесят — и перед ними возникла глухая каменная стена.

Голоса звучали совсем громко. Можно было даже разобрать слова, хотя Исмаэль ничего не сумел понять. Этот язык не подходил на язык жителей Заларампатры, к которому он уже привык.

Исмаэль осторожно начал простукивать стенку и очень удивился, когда понял, что стена не тонкая, как он считал, а толстая и прочная. Он определил, что звуки проходят сквозь небольшие отверстия в стене. Эти отверстия оказались диаметром всего в четверть дюйма.

— Они как-то сдвигают стену, — пояснил Исмаэль и начал обшаривать стену и прилегающие стены коридора, стараясь найти механизм, приводящий стену в движение. Однако ему ничего не удалось обнаружить.

— Может, механизм на другой стороне стены? — предположила Намали.

— Надеюсь, что нет. Хотя такая возможность не исключена. Ведь это бы предохранило замок от вторжения врагов, которым удалось пройти через пещеры со зверями.

— Каменное чудовище лезет за нами, — предупредил Каркри.

Исмаэль вернулся к лестнице и посмотрел вниз. Действительно, огромная каменная черепаха медленно, но неуклонно поднималась по ступеням, переставляя свои косолапые ноги. Каменные когти царапали камень ступеней. Лягушечья голова вытянулась из панциря, пасть грозно раскрылась. Исмаэль осторожно спустился, чтобы подойти ближе к чудовищу. Он осветил его факелом, выпуклость в пасти бешено пульсировала. Ни стрелы, ни копыта там уже не было. Их поглотила выпуклость. Возможно, они даже послужили энергетическим топливом для каменного чудовища. Жизнь этого зверя, вероятно, можно было сравнить с медленно горящим под котелком огнем. Ведь даже небольшой костер может вскипятить воду в котелке.

Исмаэль опустился еще ниже. Каменная голова медленно повернулась из стороны в сторону, словно стараясь увидеть Исмаэля обоими глазами. Исмаэль повернулся, чтобы подняться наверх. И тут вскрикнула Намали. Исмаэль взлетел по ступеням и только потом оглянулся.

Чудовище взбиралось теперь гораздо быстрее, чем раньше. Каменные когти цеплялись за ступени и подтягивали вверх тяжелое тело. Шея втянулась в панцирь, но пасть была грозно разинута.

Исмаэль посмотрел на чудовище. Если оно взберется по лестнице и окажется на ровном полу, то в узком коридоре людям не будет спасения. Кроме того, ширина коридора не позволяла одновременно двум людям сражаться с чудовищем.

Он обратился к своему отряду:

– Надо быстрее найти выход, иначе...

Ему не требовалось заканчивать фразу. Всем и так было все ясно. Каркри подошел к Исмаэлю.

– Есть только один способ не позволить ему взобраться сюда... – объявил Исмаэль.

Они спустились на четыре ступени и остановились там. Затем они пошептались и, когда чудовище вытянуло лапу, чтобы ухватиться за следующую ступень, одновременно прыгнули вниз на панцирь.

С неожиданной быстротой шея вытянулась из туловища. К счастью, чудовище выбрало Каркри, а не Исмаэля. Если бы жертвой был Исмаэль, то он был бы схвачен прямо за шею и этим бы окончился его жизненный путь.

Но каменные зубы чудовища вонзились в ногу Каркри.

Исмаэль приземлился прямо на панцирь.

Каркри вскрикнул, когда его ногу стиснули тяжелые челюсти, и упал спиной на ступени.

Чудовище поднялось на задние лапы, но они соскользнули с лестницы, и огромная черепаха покатилась по ступеням вниз, держа кричащего Каркри в зубах. Наконец она рухнула вниз, на спину и осталась лежать, дрыгая ногами. Каркри оказался на ее животе. Он лежал, и кровь из его раны сразу образовала лужу на животе черепахи.

Исмаэлю понадобилось несколько секунд, чтобы убедиться, что Каркри погиб. Исмаэль взобрался по лестнице, подошел к стене. Хотя чудовище при падении наделало много шума, за стеной ничего не слышали. Пение продолжалось.

– Жаль, что они ничего не слышали, – пробормотал Исмаэль. – Тогда они бы вышли посмотреть, в чем дело, и мы могли бы проникнуть внутрь.

Им оставалось одно: попытаться открыть проход. Но они не

смогли найти никакого механизма для этого. Ждать они тоже не могли. Ведь в действие вскоре должна была вступить вторая часть плана, а если группа Исмаэля будет в это время заточена здесь, план провалится. Еще было не поздно вернуться обратно, сесть на лодки и напасть на город сверху. Но Исмаэлю очень не хотелось этого, да и всем в его отряде тоже. Ключ к проникновению в замок есть. Но они его не могут найти.

Исмаэль заглянул в одно из отверстий. Он увидел слабый свет. В двадцати футах от стены, возле которой он стоял, виднелась другая стена. Голоса слышались справа. Исмаэль стал сомневаться, что поют в этой комнате.

Он стиснул зубы от бессильной злобы. Что же делать?

— Может, нам погасить факелы? — предложила Намали. — Иначе они увидят свет и...

Исмаэль выругался про себя, что сам не додумался до этого. Он приказал погасить факелы, и они сидели в темноте и ждали. Голоса затихли.

Исмаэль приложил ухо к отверстию. Немного погодя он услышал кашель. Несмотря на серьезность ситуации, он невольно улыбнулся. В этом кашле было что-то успокаивающее. Хор замолчал, и сейчас шла какая-то церемония. И как часто случается в церкви, кто-то кашлянул в тишине.

Земля непрестанно тряслась, Солнце умирало. Луна падала на Землю, вся жизнь переместилась в воздух, который постепенно улетучивался. Но природа человеческая не изменилась.

Затем улыбка сошла с лица Исмаэля. Он услышал голоса и шарканье ног. Церемония закончилась.

Через пару минут факел осветил комнату за стеной, и в нее вошли, тихо разговаривая, два человека. Они были в мантиях с капюшонами из алого материала и очень походили на монахов времени Исмаэля, если бы их лица не были покрыты татуировкой.

За ними парами последовали и другие монахи. Исмаэль успел насчитать девять пар. Однако он был уверен, что в комнате, где шла служба, остались еще люди. Вероятно, они убрали помещение, но делали это бесшумно.

Исмаэль ждал. Тишина звенела у него в ушах. Темнота давила на мозг и тело. В ней была какая-то неумолимая угроза. Позади Исмаэля послышался скрежет, и он резко обернулся. Но это все еще копошилось каменное чудовище, пытающееся перевернуться и встать на ноги.

Намали потянула носом воздух и приникла к отверстию.

— Запах богов. Я ощущаю его. Святилище совсем рядом, но нас от него отделяет каменная стена.

Исмаэль понюхал, но ничего не почувствовал. Может, это и

к лучшему. Запах богов весьма неприятно действовал на него. Нет, если он в ближайшее время не найдет способ открыть дверь, ему не придется привыкать к этому запаху.

Исмаэль прислушался еще раз. Тишина. Он приказал зажечь один факел. Когда пламя разгорелось, Исмаэль поднес факел к отверстию. Одно за другим он осматривал все отверстия, стараясь найти что-нибудь необычное. Но ничего не нашел.

Затем он стал осматривать стену, пол, потолок.

И тут он услышал скрежещущий звук и резко повернулся.

– Стена двигается, – прошептала Намали.

Так оно и было. Но стена поворачивалась не вокруг вертикальной оси, как предполагал Исмаэль, а вокруг горизонтальной. Нижняя часть стены поднималась вверх.

Исмаэль молился всем богам, включая и Ийю, идола Квоквег, чтобы ни один из бурангаханцев не появился в этот момент.

Стена поднялась всего на фут с небольшим, когда он ползком проскользнул под нее. Остальные последовали за ним. И еще до того как стена закончила свое движение, все уже очутились в маленькой комнате.

– Почему она открылась? – спросила Намали.

– Не знаю, – ответил Исмаэль. – Но думаю, что механизм приводится в действие при определенном порядке освещения отверстий. Я уверен, что загадка именно в этом. Свет факела воздействует на что-то, что может вызывать химическую реакцию... – Он замолчал. В языке Заларампатры не было слов для объяснения химических терминов. А кроме того, какая разница, что подействовало на механизм? Главное, что он сработал.

– Зоомашматра с нами, – воодушевилась Намали. – Он знает, что мы идем спасать его, и он провел нас сквозь все преграды, он показал нам путь в награду за нашу верность ему.

– О, это объяснение опровергнуть невозможно, – согласился Исмаэль.

Он послал двоих своих людей в левый коридор на разведку, а сам с остальными пошел в противоположную сторону. Вскоре они попали в большой зал, стены которого были выложены зеленым камнем с красными прожилками. На стенах были укреплены факелы. В зале висел тяжелый дурманящий запах – запах богов.

Исмаэль осторожно выглянул из-за угла.

Здесь были сотни алтарей, высеченных из камня, и на них стояли боги, большие и маленькие.

А в дальнем конце зала, в ста пятидесяти футах от них, находился большой алтарь, на котором высился самый большой идол, какого он только видел до этого. Правда, он видел только маленьких богов китобойных кораблей.

Идол был в два с половиной фута высотой и сделан из темно-желтого камня или другого материала с красными, черными и зелеными прожилками. Это был сам Камангай, великий бог Бурангаха.

В зале находились десятки жрецов. Одни стояли на коленях перед Камангаем, другие обмахивали пыль с идолов и подметали пол метелками из перьев.

Исмаэль быстро убрал голову, но все же почувствовал себя неважно. Запах действовал на него даже на таком расстоянии.

– Посмотри, здесь ли Зоомашматра и остальные ваши боги, – сказал он Намали.

Намали наблюдала с минуту, а затем объяснила:

– Все наши боги находятся возле алтаря Камангая.

Вернулись разведчики. Они прошли по коридору до его пересечения с другим коридором, но не рискнули идти дальше.

– Значит, здесь часто бывают люди, – подвел итог разведки Исмаэль. – Надо действовать быстро.

Он всем дал указания. Лучники с подготовленными стрелами вышли вперед. Нужно было подойти к жрецам как можно ближе, пока те не обнаружили их присутствие. Лучники должны были стрелять в жрецов, находящихся в самом конце зала.

Жрецы занимались своим делом и до них оставалось двадцать футов, когда один из них заметил врагов. Глаза его широко раскрылись, кожа посерела от ужаса.

Исмаэль немедленно швырнул копье, которое попало прямо в горло жреца. Бедняга упал на алтарь, сбив с него небольшого идола.

В воздух взвились стрелы, и еще трое жрецов, стоящих возле Зоомашматры, рухнули на пол.

Затем копья довершили дело. Никто из жрецов не успел даже вскрикнуть.

Большинство умерло сразу, тех же, кто еще дышал, но был без сознания, прикончили, перерезав им горло. Тела оттащили за алтарь.

Исмаэль подошел вместе с Намали к алтарю, на который бурангаханцы поставили богов-пленников: Зоомашматру и остальных. Великий бог оказался высотой в полтора фута. Он был толст, имел два лица, сидел скрестив ноги и держа в руках изображение молнии. Остальные боги были высотой не более фута. Все они источали сильный дурманящий аромат.

Исмаэлю показалось, что он выпил не менее четырех стаканов неразбавленного рома.

– Нам нужно скорее убираться отсюда, – проговорил он. – Иначе вам придется меня выносить. Неужели на тебя не действует этот запах? – обратился он к Намали.

– Нет, мне хорошо, и немного кружится голова.

Исмаэль удивился, что жрецы спокойно переносят этот запах, но потом решил, что они, как портовые пьяницы, которые могут пить сколько угодно и никогда не свалятся под стол, как их менее опытные собутыльники.

Всех богов, вместе с Зоомашматрой, сложили в кожаные мешки. Исмаэль решил, что одна из целей достигнута, отдал приказ к возвращению.

Однако Намали возразила:

– Нет, мы должны забрать Камангая с собой.

– Ты хочешь, чтобы бурангаханцы мстили нам? Чтобы началась всеобщая резня?

– Богов всегда крадут, – ответила удивленная Намали.

– Почему бы просто не бросить Камангая в море и не забыть о нем навсегда?

– Ему это не понравится, и он не успокоится, пока не увидит нашу гибель. А пока он у нас в плену, часть его могущества принадлежит нам...

Исмаэль был готов взорваться от негодования, когда в часовню вбежали двое часовых, стоящих на страже в коридоре.

– Мы застрелили двух жрецов. Но один успел крикнуть и поднять тревогу. Сюда уже идут люди.

Камангая сунули в мешок, и весь отряд поспешил к выходу. В коридоре они увидели толпу жрецов и вооруженных воинов. У некоторых были луки.

Исмаэль схватил факел и быстро побежал в комнату с вражающей стеной. Он начал лихорадочно освещать отверстия, стараясь вспомнить ту последовательность, которая помогла ему открыть стену. Камень заскрежетал, и нижняя часть стены стала подниматься.

Бурангаханцы завопили, увидев это, и двое лучников натянули тетиву. Но оба упали мертвыми. Лучники Исмаэля выстрелили первыми.

Весь отряд бурангаханцев бросился вперед с боевым кличем. Но стрелы воинов Исмаэля остановили первый порыв. Одни упали мертвыми, другие – споткнувшись о трупы товарищей. Исмаэль нырнул под стену вместе с Намали, тащившей мешок с Зоомашматрой. За ними проскочил человек с другими богами Заларампатры, а затем тот, кто нес Камангая. После него за стеной оказались и все остальные из отряда Исмаэля.

Стена уже опускалась, когда последний из людей Исмаэля, Адагринья, лез под стену. Его придавило стеной. Он крикнул, и люди Исмаэля, схватив его за руки, попытались вытащить несчастного из-под стены. Но было поздно. Огромная тяжесть легла на позвоночник Адагриньи, не дойдя до пола нескольких дюймов.

Враги стали рубить тело, чтобы позволить стене полностью опуститься. Иначе им было не открыть стену.

Лучники Исмаэля выстрелили под стену, и стрелы поразили двоих человек. Бурангаханцы тоже выстрелили из луков со своей стороны, и одна из стрел попала в того, кто нес богов. Человек упал, и боги со звоном покатались по камням. Прежде чем раненый успел подняться, его достало копье из-под стены, которое поразило его насмерть.

Исмаэль приказал уходить. Оставаться возле стены стало бессмысленно, шум за стеной все усиливался. Очевидно, весь замок собрался здесь по тревоге. Если бы его отряд не успел пробраться за стену, сейчас бы никого из них уже не было в живых.

Впрочем, и сейчас положение оказалось не лучше. Бурангаханцам не трудно было догадаться, каким путем проникли сюда враги. Сейчас они наверняка пошлют флот к тому месту, откуда Исмаэль с отрядом проник сюда. И все будет кончено.

Единственное, на что надеялся Исмаэль, – на скорость. Он предполагал добраться до лодок раньше врагов.

Он спускался по лестнице с факелом в руке. Намали поскользнулась, упала и покатилась с криком вниз.

Каменное чудовище каким-то образом умудрилось подняться на ноги и сейчас уже стояло на пятой ступени лестницы. Увидев падающую Намали, оно втянуло голову и открыло пасть.

Намали выронила каменного Зоомашматру, и тот, ударившись о ступени, взлетел в воздух и угодил прямо в пасть чудовищу.

Исмаэль догнал Намали и подхватил ее совсем рядом с головой чудовища. Девушка оказалась вся в крови и синяках, но серьезных повреждений у нее не было. Чудовище снова открыло пасть. Каменный идол виднелся в глубине горла.

– Мы должны освободить великого бога! – выкрикнула Намали.

Исмаэль даже не выругался. Ситуация была слишком опасной, чтобы терять время на ругань.

– Мне кажется, твой бог не хочет вылезать оттуда. Если бы он хотел, он вел бы себя иначе.

Наверху жрецы подняли торжествующий гвалт.

Видимо, они уже вытащили тело Адагриньи и теперь наделись быстро повернуть стену. Исмаэль посмотрел на оставшихся в живых своих людей.

Впереди их ждало каменное чудовище, только что проглотившее божество, но не пожелавшее удовлетвориться этим и жаждавшее живой человеческой плоти.

От мешков с богами исходил одуряющий запах. Еще немного,

и он, Исмаэль, увидит двоих каменных чудовищ вместо одного.

Исмаэль внезапно заметил, что тело Каркри исчезло. От него не осталось ничего, кроме нескольких пятен крови. Чудовище проглотило его без остатка.

Исмаэль стал спускаться вниз по ступеням. Он поскользнулся и чуть не упал. Огромная голова с немигающими глазами потянулась к нему, шея напряглась, как бы готовясь нанести удар.

Тем не менее Исмаэль прошел мимо чудовища, и оно не напало на него.

Намали последовала за ним, хотя все еще протестовала против того, чтобы оставить Зоомаматру в пасти чудовища.

— Я не собираюсь совать голову в пасть чудовища, — рявкнул Исмаэль. — Если мы уйдем, мы потеряем твоего бога, это правда. Но если мы будем пытаться освободить его, то нас настигнут бурангаханцы. И мы все умрем, выбирай: умереть с богом или жить без него?

— Почему это был не Камангай? — всхлипывая, сказала Намали.

Один из его людей, шедших сзади, крикнул:

— Чудовище проглотило бога! Теперь бог у него в брюхе!

Исмаэль повернулся. Мимо чудовища прошли все, кроме троих. Эти трое сейчас стояли на лестнице, не решаясь двигаться вперед, так как чудовище угрожающе открыло пасть и вытянуло голову.

Теперь никому бы не удалось пройти мимо него и остаться в живых. Первый же, кто отважится, пожертвует собой ради остальных.

Исмаэль крикнул:

— Подождите! — Он выхватил Камангаю у того, кто нес его, и бросил бога воину, стоящему на лестнице.

— Швыряй Камангаю в пасть чудовищу и бегите мимо него.

— Нет, нет! — крикнула Намали. — У нас не останется и Камангай!

— Бросай! — приказал Исмаэль. — Нам нельзя терять время.

Человек по имени Пункрай кинул фигурку бога, и тот был охвачен ужасными челюстями. Три человека пробежали мимо чудовища. Чудовище сделало пару шагов и придавило последнего к стене. Хрустнули кости, и для бедняги все было кончено.

— Мы когда-нибудь вернемся, убьем чудовище и вызволим обоих богов, — предложил Исмаэль. — Бурангаханцы и знать не будут, что они здесь. Это чудовище — настоящий сейф.

— Но мы потерпим поражение, — сказала Намали. — Все наши жертвы оказались напрасными.

— Вовсе нет, — возразил Исмаэль. — Мы знаем то, чего не знают

враги. — Мы еще вернемся сюда.

Он и сам не верил в это, так как все вентиляционные шахты будут теперь тщательно охраняться. Правда, в город ведет много и других путей.

Они вошли в пещеру, где к потолку присосались чудовища со щупальцами. Темнота расступалась перед отрядом и сразу же смыкалась позади. Они быстро двигались вперед, закрывая руками шею. Тела Памкамюма и двух чудовищ уже исчезли. Никаких следов не было.

На полпути их снова атаковали. Щупальца свешивались из темноты, угрожающе извиваясь.

Исмаэль ударил факелом по одному из щупалец, и оно моментально исчезло. Намали всадила нож в щупальце, обхватившее ее шею. Из щупальца полилась зеленоватая жидкость. Щупальце отпустило Намали и исчезло в темноте.

Теперь борьба со щупальцами показалась им легкой игрой. Удар ножом или факелом — и путь свободен. Схватка длилась не более минуты. Все прошли через пещеру, они не потеряли ни одного человека.

Внезапно они услышали сзади крики. Исмаэль обернулся и увидел факелы у входа в пещеру. Бурантаханцы преследовали их.

— Быстрее! — крикнул Исмаэль и бросился вперед.

Когда они добежали до затянутого паутиной отверстия, то остановились. По мельканию факелов стало ясно, что преследователи вступили в бой со щупальцами. Исмаэль приказал лучникам стрелять, и четверо рухнули на пол. Остальные бросились обратно к выходу. Но затем они повернули и снова устремились за отрядом Исмаэля. В свете факела Исмаэль разглядел каменное чудовище, протискивающееся сквозь отверстие, его бока со скрежетом продирались сквозь каменные же стены.

Очевидно, он уже проглотил и Камангая и был полон желания заесть его чем-нибудь более вкусным.

Исмаэль, продираясь сквозь паутину, думал, что было бы интересно посмотреть на борьбу каменного зверя с чудовищами, висящими на потолке. Что же побудило чудовище втискиваться в эту пещеру, если он столько времени провел в своем тесном помешении? Может, это запах богов одурманил его каменные мысли в каменной голове?

Отряд быстрым шагом прошел через пещеру с круглыми шестиногими существами. Они пытались напасть на них, раскачиваясь, как всегда, с тридцатисекундным интервалом. Но люди шутя отбили их нападение, разя ножами и факелами, отрубая ноги и нити. И вскоре все уже оказались в вентиляционной шахте, через которую и попали сюда.

Трое лучников остались прикрывать отряд, хотя у них осталось всего три стрелы, а остальные поспешили к лодкам.

Прошло совсем немного времени, а лодки уже отчаливали одна за другой. Исмаэль, как капитан, дождался, пока загрузилась последняя лодка. Он все время опасался, что появятся преследователи, но они, очевидно, ввязались в борьбу с обитателями пещер и не показывались.

Когда его лодка отчалила, он поджег факел и бросил его. Это был сигнал. Через минуту в темноте Исмаэль увидел огонь. Это был сигнал с "Руланги".

Лодка Исмаэля направилась в сторону этого огонька.

Наверху, в двухстах футах над лодкой, медленно проскользнула большая тень. Это был один из патрульных кораблей Бурангаха, который охранял город. Однако на корабле не заметили лодку, на всех парусах несущуюся к "Руланге". Вскоре все уже были на борту флагмана.

Исмаэль приказал приступить ко второй части задуманного плана. На мачте "Руланги" вновь вспыхнул сигнальный огонь.

Исмаэль, Намали и Пуняки стали напряженно вглядываться в темно-синее небо над спящим Бурангахом. И наконец минут через десять Намали показала рукой вверх:

— Вот он!

Вскоре и Исмаэль увидел, как на Бурангах медленно опускается громада "Бубарангу".

Вот он уже всего в пятистах футах над городом.

— Пора зажигать фитили, — тихо сказал Исмаэль Намали.

Это был второй этап плана, который придумал Исмаэль.

"Бубарангу", который представлял собой гигантскую бочку, начиненную огромным количеством бомб и горючих материалов, неотвратно летел на Бурангах.

Его команда, после того как подожгла фитили на бомбах, покинула корабль на лодках, и вскоре ее подобрал один из кораблей Заларампатры.

И вот наконец раздался оглушающий взрыв, поразивший даже Исмаэля. Все вокруг озарилось ярким светом.

"Бубарангу", выбрасывая во все стороны языки пламени, рухнул на Бурангах.

Пламя быстро охватило всю ту часть Бурангаха, которая висела в воздухе, поддерживаемая пузырями с легким газом. Из недр города время от времени выскакивали объятые пламенем пузыри и лопались со страшным грохотом.

В это время над городом появились корабли Заларампатры. Затем нападавшие корабли развернулись и еще раз обрушили свой смертельный груз на Бурангах.

Рев пламени разносился на многие мили, небо было озарено

светом пожара, какого оно не видело тысячи лет.

И не было никому спасения.

Намали стояла, торжествующе вскинув вверх руки.

И в этот миг Исмаэль подумал, что сейчас в пылающем аду оказались сотни людей, которых и так уже почти не осталось в этом угасающем мире. Но Исмаэль помнил, что именно эти люди натравили Кахамауду на Заларампатру, эти люди собирались вернуться назад, чтобы уничтожить всех оставшихся в живых жителей Заларампатры.

Исмаэль увидел, как бурангаханцы старались спасти свои корабли. Вероятно, люди бежали от огня и на маленьких лодках, хотя Исмаэль и не был в этом уверен.

В этот момент к городу приблизились и другие корабли заларампатрийцев. Они полетели низко над городом, швыряя вниз зажигательные бомбы. Пожар быстро распространялся по всему городу. Одна из бомб попала в корабль Бурангаха, только что отчаливший от пирса, и тот вспыхнул как свеча.

Внезапно Намали стиснула локоть Исмаэля и показала куда-то в небо. Исмаэль взглянул и увидел в лунном свете десять темных точек.

– Должно быть, это возвращаются китобойные или военные корабли Бурангаха, – предположила Намали.

– Настало время уходить. Мы сделали, что могли.

Исмаэль отдал команду помощнику, и тот просигналил остальным кораблям. Маленький пузырь с прикрепленным к нему факелом взвился высоко в воздух. Яркий свет был виден издалека. Сама "Руланга", не меняя курса, летела к вражеским кораблям. Исмаэль увидел, как от кораблей отчалило десятка два лодок. Это были очень быстрые лодки, в каждой из которых находилось восемь человек. Лодки намеревались взять "Рулангу" на бордаж, а большие корабли должны были пойти на таран. Таран в воздухе – весьма тонкое дело, так как при этом мог пострадать не только корабль, подвергающийся нападению, но и корабль осуществляющий таран.

Исмаэлю не нравился такой самоубийственный способ боя. Но он ничего не мог изменить. Он ждал, пока лодки, более быстроходные, чем большие корабли, сблизятся с "Рулангой". Когда это произошло, с лодок полетели гарпуны, цепляющиеся за такелаж. По канатам на палубу полезли воины Бурангаха, но лучники Исмаэля, выстроившиеся вдоль бортов, быстро охладили их наступательный пыл. А затем канаты были обрублены, и лодки отстали от "Руланги". Бурангаханцам не имело смысла брать на бордаж "Рулангу", так как рядом не оказалось больших боевых кораблей с подкреплением.

В этот момент "Руланга" изменила курс и направилась,

чтобы соединиться с остальным флотом Заларампатры. Вскоре корабли выстроились ей в кильватер, и вся колонна взяла курс на Заларампатру.

Скорость движения была невелика, так как на кораблях сохранились несброшенные бомбы. Но Исмаэль приказал не выбрасывать их за борт, чтобы увеличить скорость. Он хотел сохранить бомбы и исследовать их возможности.

Ночь продолжалась. Луна ушла за западный горизонт, и на планету опустилась тьма. В этой тьме виднелись только огни на кораблях Заларампатры и преследующих их кораблях Бурангаха. Исмаэль спал три раза. Луна восходила и заходила шесть раз, а преследование продолжалось. Взошло утрюмое красное солнце, и хотя расстояние между флотами сокращалось, оно все еще оставалось достаточно большим, чтобы Исмаэль мог не беспокоиться.

Трижды корабли прошли сквозь красные облака и набрали большое количество корма для животных, вырабатывающих газ. Это позволило флоту Исмаэля подняться на высоту в двенадцать миль. Бурангаханцы не прекращали преследования. На второй день корабли Заларампатры были выше преследователей на шесть тысяч футов. Но в разреженном воздухе их скорость уменьшилась — бурангаханцы нагоняли.

Первый помощник заявил, что бурангаханцы догонят флот еще до того, как второй раз взойдет солнце.

— Я на это и рассчитывал, — объяснил Исмаэль. — Но я не мог специально спустить паруса, так как тогда бы они что-то заподозрили и стали бы осторожнее. Я не хочу, чтобы они считали, что без труда справятся с нами. Ведь их гораздо больше, чем нас.

Пуняки знал план Исмаэля, но не очень верил в него. Еще никто и никогда так не сражался в воздухе. Весь вековой опыт был против плана Исмаэля. Но Пуняки не сказал ничего. Нельзя спорить с человеком, который проник во вражеский город, украл его богов, хотя потом их и потерял, и все же он уничтожил город изобретенным им оружием и по своему плану.

Предсказание Пуняки оправдалось с достаточно высокой точностью. Бурангаханцы не смогли догнать заларампатрийцев ночью, но через час после восхода солнца их передний корабль был под замыкающим кораблем Исмаэля. И тогда Исмаэль отдал приказ, чтобы все его корабли сбросили паруса и выстроились в одну линию. Приказ был выполнен быстрее, хотя строй оказался не таким ровным, как хотел Исмаэль.

Исмаэль начал давать новые указания сигнальщику, но тот был перепуган до смерти. Но не предстоящей битвой, а чем-то, что он увидел впереди — огромную пурпурную массу.

— Это и есть Пурпурное Чудовище? — спросил Исмаэль. — Ты уверен?

— Да, — ответила за матроса Намали. Она побледнела, глаза ее расширились от ужаса.

Враги тоже увидели надвигающуюся угрозу. Их флагманский корабль спустил паруса, чтобы отстать от "Руланги".

— Это, наверное, то самое, которое уничтожило мой народ, — предположила Намали.

Это было вполне вероятно. Ведь таких чудовищ, к счастью для людей, осталось мало, и передвигались они медленно, если верить рассказам жрецов. Чудовища часто спускались на землю, чтобы пожрать все живое вокруг. Это Чудовище, видимо, только что поднялось в воздух, так как летело на высоте около шести тысяч футов, но оно медленно набирало высоту.

Исмаэль долго стоял, размышляя. Пуняки нервно ходил взад-вперед, бросая недоуменные взгляды на Исмаэля. Он не мог понять, почему Адмирал не отдает приказа об изменении курса.

— Бурангаханцы заманили Чудовище в Заларампатру, — размышлял вслух Исмаэль. — Они вели опасную игру, так как Чудовище, несмотря на свои размеры, может быть очень быстрым. Оно передвигается с помощью направленных взрывов, так?

— Да, — ответил Пуняки. — Более того, Чудовище может менять форму своего тела и использовать его как парус. Оно может создать тысячи парусов. И когда Чудовище подплывает к кораблю, оно обхватывает его щупальцами, тогда...

— Ты лучше не думай, что Чудовище может сделать с нами, — предложил Исмаэль, — а думай, что мы можем сделать с ним.

Исмаэль все не отдавал приказа изменить курс. Ни Пуняки, ни Намали не спрашивали его о причине этого, хотя им очень хотелось узнать мысли Исмаэля. Исмаэль же смотрел на вражеский флот. Корабли уже развернулись и полным ходом летели прочь. Они, конечно, испугались. Ведь они с детства слышали рассказы о жутком Чудовище, своими глазами видели, что сделало оно с Заларампатрой. Более того, изредка китобойные суда встречались с Чудовищем, спасшиеся очень живописно рассказывали о происшедшем.

Шли часы. Теперь Чудовище казалось большим летающим островом, диаметром в полторы мили и толщиной в триста футов. Исмаэль не видел ни его глаз, ни ушей, ни рта, хотя Намали заверила его, что рот он увидит, и очень скоро.

Тело Чудовища имело пурпурный цвет, а извивающиеся щупальца оказались кроваво-красного цвета.

Щупальца были везде — и сверху и снизу.

— Оно поднимается, хотя и не очень быстро, — пробормотал

Исмаэль. — Очевидно, ему все равно, где мы — над ним или под ним.

Он оглянулся. Заларампатрийцы были в панике от того, что слишком близко подошли к Чудовищу. Они считали, что уже давно пора менять курс, и ждали такого приказа.

Но Исмаэль медлил. Стало очевидно, что если он не изменит курса, то корабли проплывут над Чудовищем на высоте двух сотен футов. И судя по скорости подъема Чудовища, было очевидно, что оно схватит корабли, так как они не успеют долететь до другого края Чудовища. Даже если корабли начнут подниматься, это их не спасет, так как скорость подъема Чудовища значительно больше. Но Адмирал все равно не отдавал приказа кормить газовыделяющих животных.

Намали и Пуняки взмокли от страха. И все остальные тоже. Они были мужественными людьми, но этого вынести не могли. Ужас перед Чудовищем, впитанный с молоком матери, давал себя знать.

Исмаэль и сам немного побаивался. Это Чудовище действительно внушало страх. Исмаэлю казалось, что что-то жуткое, смертоносное вынырнуло из самых зловещих глубин ада и несет гибель всему человеческому роду...

Но несмотря ни на что, Исмаэль понимал, что это кошмарное Чудовище — действительность, порожденная этим миром — миром, где Время подходит к своему концу.

Но все же... Разве он, Исмаэль, не верит в оружие, которое находится на его кораблях и которое должно уничтожить Чудовище? Если Исмаэль ошибается в своих расчетах, значит, он ведет всех, доверившихся ему, на гибель.

Он оглянулся, корабли бурангаханцев маячили вдалеке.

И вдруг Исмаэль взрогнул от неожиданности, как, наверное, вздрогнули все на его кораблях.

Раздалась серия громких взрывов. На туловище Чудовища открылись круглые отверстия, словно жерла пушек. Они с грохотом извергали огонь и дым. Чудовище быстро взлетало. Выстрелы звучали то с одной стороны, то с другой, благодаря чему движения Чудовища были четко направленными. Это были настоящие ракетные двигатели. Исмаэль не ожидал такой скорости. Чудовище оказалось таким огромным, что казалось невероятным, что оно могло двигаться с такой скоростью. Теперь Исмаэль понимал, что бурангаханцы, заманившие Чудовище в Заларампатру, заплатили высокую цену.

Он решил, что пора действовать, отдал приказ, и заплесали сигнальные огоньки на его кораблях. Матросы сбросили опенение и кинулись исполнять приказ. На кораблях открыли люки и принялись сбрасывать зажигательные бомбы.

Однако кроваво-красные щупальца, извиваясь, продолжали тянуться к кораблям.

Черные бомбы с зажженными фитилями, источая серый дым, падали на пурпурную массу. Дым заволок все, и когда он рассеялся, Исмаэль увидел дыру в теле Чудовища, а в ней тонкие линии связок, артерий, кровеносных сосудов. Бомбы сожгли кожу во многих местах Чудовища, и через образовавшиеся дыры изредка выскакивали и летели вверх пузыри с газом.

Исмаэль приказал спуститься еще ниже. Пуняки решил, что Адмирал совсем сошел с ума, но подчинился приказу.

Горящее масло из разорвавшихся бомб растекалось по коже Чудовища, прожигало ее и капало внутрь. Горели все его внутренности, взрывались пузыри с газом. Все окутал черный дым.

Исмаэль благодарил бога, что газ в пузырях Чудовища не обладал способностью воспламеняться.

Однако произошло то, что и должно было произойти: одно из щупальцев схватило корабль. Оно обхватило корпус корабля, сломав мачту. А за ним последовали и другие щупальца. Корабль потянуло вниз. Дым от горящего Чудовища разъедал глаза и легкие. Люди мучительно кашляли. Они старались забраться на мачты, на более высокие части корабля, туда, где еще не было дыма.

Бомбардиры не прекращали бросать бомбы с зажженными фитилями. Бомбы взрывались, и вверх взметались новые языки пламени. Они даже достигали "Руланги".

Внезапно "Руланга" подскочила вверх. Этот прыжок был таким неожиданным, что многие попадали на палубу, а некоторые сорвались с корабля и рухнули вниз, в горящую бездну.

Этот огонь сжег основания щупальцев, которые захватили "Рулангу". Сброшенные бомбы существенно уменьшили вес корабля, и он взлетел вверх. Исмаэль увидел, что и другие его корабли тоже сбросили бомбы. Чудовище горело в сотне мест. Газовые пузыри взрывались со страшным грохотом, черный удушливый дым застилал все до самого горизонта.

Внезапно Намали вскрикнула, и Исмаэль обернулся. Один из его кораблей проплыл прямо над взрывающимися пузырями. Горящий пузырь взлетел вверх и ударил в днище корабля. Того моментально охватило пламя, и он начал падать вниз. С корабля успела отчалить только одна лодка, но и она была схвачена щупальцами. Еще несколько секунд, и лодка с людьми исчезла в черном дыму и пламени.

Хотя ветер дул достаточно сильно, он не успевал относить дым с места сражения. Чудовище исчезло в черном дыму, в черном удушливом облаке. Исмаэль приказал подняться выше, чтобы оказаться над облаком дыма. Затем он велел взять курс

на северо-запад. Исмаэль хотел посмотреть, что творится с подветренной стороны. Там "Руланга" встретила с двумя кораблями Заларампатры. Остальные, по всей вероятности, погибли.

— Чудовище умирает! — воскликнула Намали. Она посмотрела на Исмаэля. — Ты совершил Это! Только ты мог сделать Это! Ты Бог!

— Чудовище пока еще живое! — хрипло заметил Пуняки.

Он показал вниз, и они увидели, как сквозь дым летят вверх куски плоти Чудовища. На каждом из кусков извивались щупальца. Чудовище, умирая, разделилось на множество частей, каждая из которых была способна к независимым действиям. Эти части сформировали из своей плоти паруса и теперь летели к "Руланге". Впрочем, может, это были просто другие, мелкие чудовища, сопровождающие большое.

Исмаэль приказал лучникам стрелять по воздушным пузырям этих существ, а остальным встать с копиями возле борта. Три существа прицепились к килю и, не найдя неохраемого входа, стали сами проделывать себе проход. Разошлись складки кожи на туловище чудовищ, и под ними обнаружили безгубые пасти, усеянные острыми треугольными зубами. Прочный, но тонкий материал не мог устоять перед этими зубами. Затем пурпурные пульсирующие тела вытянулись, приобрели форму змей и втянулись внутрь корабля через проделанные отверстия.

Матросы встретили их, и завязалась битва. Могучие щупальца хватали людей, тянули в пасти. Матросы обрубали щупальца, но все же некоторые не могли спастись и погибали. Но битва продолжалась. Копья пронзали газовые пузыри. Матросы зажгли факелы и использовали их как оружие.

Вскоре все было кончено. Щупальца, извиваясь, исчезли в дыму, который исходил от огромной мертвой массы Чудовища.

Исмаэль повернулся к Пуняки:

— Я думаю, что нам следует заключить мир с Бурангахом.

— Ты сошел с ума! — крикнула Намали. — Ты хочешь заключить мир с этими убийцами, которые когда-нибудь снова придут в Заларампатру, чтобы убить нас всех!

— Я долго думал над этим, — объяснил Исмаэль. — У меня было достаточно времени для размышлений. В Заларампатре осталось мало людей. И хотя в Бурангахе людей больше, их все же тоже мало. Потребуется несколько поколений, чтобы население городов полностью восстановилось. А за это время и мы и они станем жертвами других городов. Ведь мы практически беззащитны. Но если два народа соединятся, решат жить вместе? Вместе — как один народ, в одном городе? Ведь тогда шансы на выживание удвоятся и у тех и у других...

— Это неслыханно... — в один голос закричали Намали и Пу-
няки.

— Да, конечно! — ответил Исмаэль. — Но я уже сделал много
такого, что было неслыхано для вас.

— Но боги! — продолжала Намали. — Что скажет Зоомашматра?
Как он уживется вместе с Камангаем?

Исмаэль рассмеялся.

— Сейчас они спокойно уживаются в брюхе каменного чудовища. Да, это чудовище может считаться величайшим из богов, так как носит в своей утробе двух великих Богов. Именно то, что он проглотил богов двух народов, и дало мне идею объединить эти народы. Пусть заларампатрийцы и бурангаханцы живут вместе и выступают единым фронтом против всех своих врагов. Пусть они поклоняются и Зоомашматре и Камангаю. А может, и каменному чудовищу, которое станет богом двух народов. Я не знаю, как оно называется, но у бурангаханцев есть для него имя. А если и нет, то можем придумать вместе. Боги всегда называются так, как называют их люди.

"Все боги, — подумал Исмаэль, — все, за исключением Времени. Боги Времени были всегда, но у людей нет имени для самого Времени". И Исмаэль вспомнил о своем капитане, о его обреченной на провал охоте за белым китом со сморщенным лбом и искалеченной челюстью. Это его, Исмаэля, месть бессловесному зверю.

И снова Исмаэль подумал, что Время для него то же самое, что Белый Кит для капитана, его китобойного судна.

И шестидюймовый нож, которым капитан надеялся добыть сердце кита, был для Исмаэля орудием, с помощью которого пытался постичь природу Времени. Но не все позволено человеку. И тот, кто пытается понять природу Времени, обречен на поражение, как была обречена на поражение охота на голубого кита. Человек может просто жить, жить во Времени, а когда придет срок, то человек уходит в безвременье, так и не постигнув, не поняв природы Времени.

Исмаэль посмотрел на агонизирующее красное Солнце, умирающее, как и все живое. Он поглядел на большую Луну, плывущую по темно-голубому небу. Она падала на Землю. И она встретится с Землей, пусть даже это случится через миллионы лет.

А что потом? Конец человечества? Конец всего, что знал человек? Конец Времени? Тогда зачем бороться, если ответ известен заранее?

Намали, которая все еще не могла прийти в себя после предложения Исмаэля объединиться с врагами, подошла к нему. Он обнял ее за плечи и притянул к себе, хотя такой жест был не-

привычен для ее народа. Пуняки в замешательстве отвернулся.

Намали была теплая, нежная, она тайла обещание любви, детей...

"Вот что сохраняет человечество, – сказал себе Исмаэль. – Пусть сейчас это кажется невозможным, но когда-нибудь наши дети смогут найти путь к другим, иным звездам. А когда эти звезды состарятся, они полетят к новым. Человечество найдет время, чтобы победить Время".

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛОТЬ. Роман	3
АЛЛЕЯ БОГА. Сборник рассказов	157
НОЧЬ СВЕТА. Роман	359
ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИСМАЭЛЯ. Роман	501

Литературно-художественное издание

Филип Жозе Фармер
ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИСМАЭЛЯ
Фантастические романы, рассказы

Ответственный редактор *И. А. Лазарев*

Редактор *О. И. Лемехов*

Художник *А. Б. Державин*

Технический редактор *Л. В. Гришина*

Корректор *К. И. Каревская*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 26.06.92. Формат 60×84^{1/16}. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,41. Уч.-изд. л. 39,8. Тираж 60 000 экз. Заказ № 2757.

МП «Центрполиграф» 127018, Москва, Октябрьская ул. 18.

Издание выпущено совместно с полиграфической фирмой «Красный пролетарий».

Отпечатано с готовых диапозитивов в полиграфической фирме «Красный пролетарий». РГИИЦ «Республика», 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**ТОРГОВО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»**

Выпустит в 1991—1993 гг.

**Собрание
избранных сочинений
Густава Эмара
в 12-ти томах**

Том 1
Сурикэ

Том 2
**Сакраменга
Искатель следов**

Том 3
**Степные разбойники
Закон Линча**

Том 4
**Золотая лихорадка
Флибустьеры**

Том 5
**Курумилла
Валентин Галуа**

Том 6
**Король золотых приисков
Мексиканские ночи**

Том 7
**Охотники за пчелами
Каменное сердце**

Том 8
**Арканзасские трапперы
Пограничные бродяги**

Том 9
**Вольные стрелки
Чистое сердце**

Том 10
**Следопыт
Перст Божий**

Том 11
**Форт Дюкен
Атласная змея**

Том 12
**Черная птица
Карденио**

**Собрание
избранных сочинений
Джеймса Оливера Кервуда
в 4-х томах**

Том 1

**Долина безмолвия
Золотая петля
Скованные льдом сердца**

Том 2

**Старая дорога
Северный цветок
Мужество капитана Плома**

Том 3

**Пылающий лес
Молниеносный
У истоков реки**

Том 4

**Охотники на волков
Золотоискатели
Черный охотник**

**Собрание
избранных сочинений
Эмилио Сальгари
в 8-ми томах**

Том 1

**Черный корсар 17 л
Ловцы трепангов 9 л**

Том 2

**Священный меч Будды 13 л
Охотница за скальпами 11,5 л**

Том 3

**Капитан Темнеста 16 л
В дебрях Борнео 9 л**

Том 4

**Сокровище Голубых гор 14,6 л
Страна чудес 11,3 л**

Том 5

**На Дальнем Западе 15,4 л
Город прокаженного короля 4 л
Талисман 5 л**

Том 6

**Гибель Карфагена 7 л
В дебрях Атласа 15,7 л**

Том 7

**Трон Фараона 6,5 л
Человек огня 16 л
Сокровище президента 3,3 л**

Том 8

**Смертельные враги 6 л
Владыка морей 16 л**

84 × 108¹/₃₂, переплет-бумвинил с тиснением;
форзац запечатанный, четырехцветный;
авантитул, титул и шмуцтитулы рисованные,
черно-белые.

ОЧЕРЕДНЫЕ ВЫПУСКИ СЕРИИ

Мастера остросюжетного детектива

60 × 84¹/₁₆; переплет целлофанированный 4Б;
титул и шмуцтитуды (количество — по названиям романов)
рисованные, черно-белые.
Тираж 100 000 экз.

Микки Спиллейн

«Кровавый рассвет»

Я сам — суд
Долгое ожидание
Поцелуй меня страстно
Кровавый рассвет

Картер Браун

«Пропавшая нимфа»

Пропавшая нимфа
Необычный труп
Блондинка
Бэби ценою в миллион

Микки Спиллейн

«Большое убийство»

Большое убийство
Охотники за девушкой
Сладкий запах смерти
Коп выбыл из игры

Дэй Кин

«Моя плоть сладка»

Исчезла любимая
Моя плоть сладка
Любовь и преступная ненависть
Поцелуй или смерть

ОСИРИС

серия научной фантастики,
мистики и литературы ужаса

60 × 84¹/₁₆, обл. целоф., форзац четырехцветный,
рис. черно-белые

Роджер Желязны

«Этот бессмертный»

Этот бессмертный. *Роман.*

Остров мертвых. *Роман.*

Создания смерти, создания тьмы. *Роман.*

Этот момент бури. *Рассказ.*

Когда расцветают бомбы.

Тираж 100 000 экз.

Роджер Желязны

«Девять принцев Амбера»

Мастер снов. *Новелла.*

Девять принцев Амбера. *Роман.*

Ружья Авалона. *Роман.*

Роза Экклезиаста. *Новелла.*

Андрэ Нортон

«Королева Солнца»

Саргассы в космосе

Зачумленный корабль

Планета колдовства

Проштемпелевано звездами

Клиффорд Саймак

«Из их разума»

Туда и обратно

Пересадочная станция

Принцип оборотня

Из их разума

Генри Каттнер

«Ярость»

Ярость. *Роман.*

Источник миров. *Роман.*

Темный мир. *Роман.*

Жил-был гном. *Сб. рассказов.*

Клиффорд Саймак
«Космические инженеры»
Космические инженеры
Кольцо вокруг Солнца
Что может быть проще времени
Все живое

Кейт Лаумер
«Миры Империи»
Миры Империи
Обратная сторона времени
Космический жулик
Берег динозавров

Урсула Ле Гуин
«Левая рука тьмы»
Левая рука тьмы
Город иллюзий
Гонимый круг неба

ФИЛИП ЖОЗЕ ФАРМЕР ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ ИСМАЗЛЯ

ПЛОТЬ

АЛЛЕЯ БОГА

НОЧЬ СВЕТА

ЛЕТАЮЩИЕ КИТЫ
ИСМАЗЛЯ

19